

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

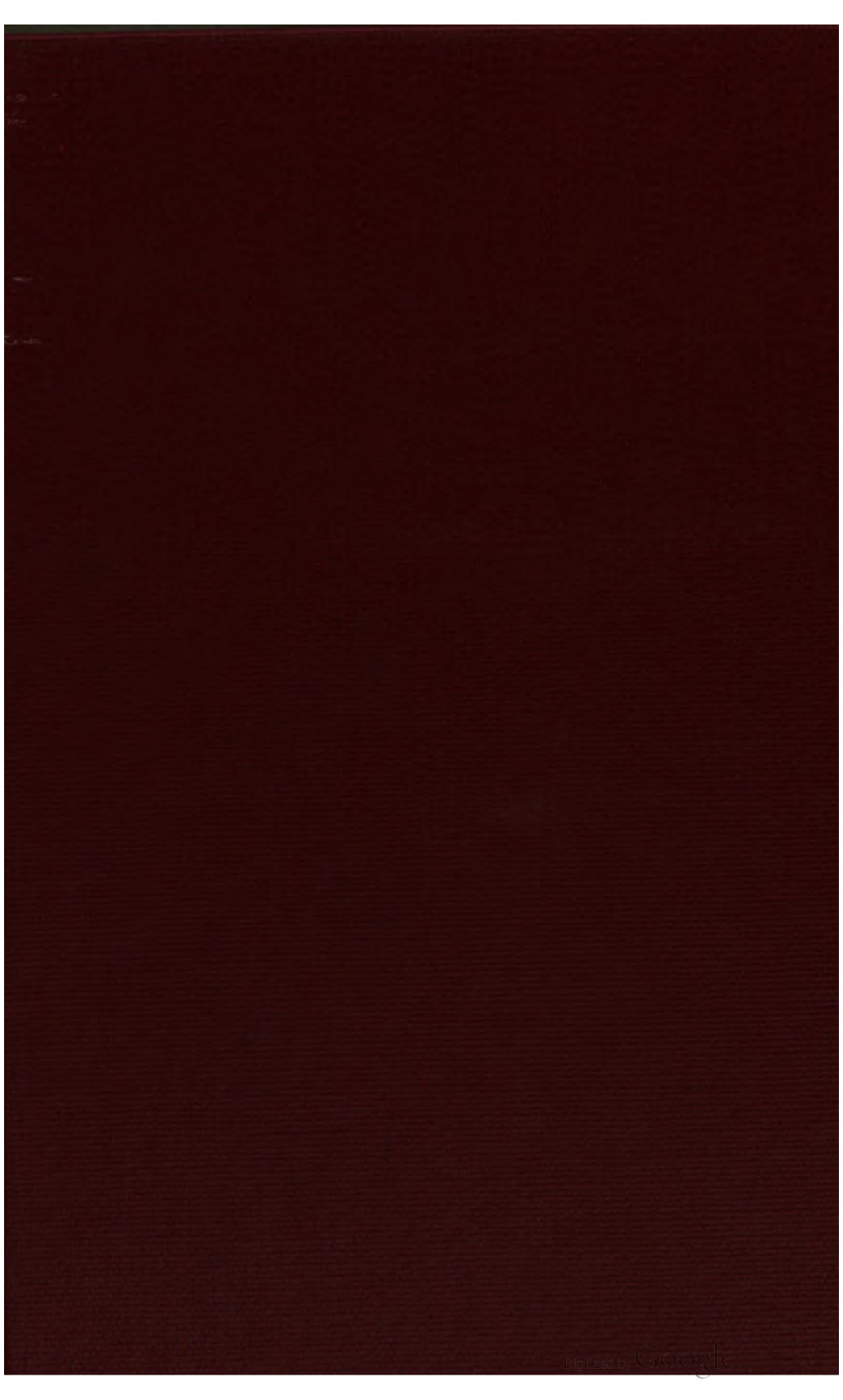
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

ФЕВРАЛЬ

1882

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 2

СОДЕРЖАНИЕ:

1. НА ВСЕМИРНОМЪ ПОПРИЩѢ.
Очеркъ Л. МУЧНИКОВА.
2. ЗАПРАВДУ. Романъ (Главы V—VII). КАРЛА ФРАНЦОЗА.
3. ОЧЕРКЪ ВОЗВРѢНІЙ НА СЫЩЕ-
СТВЕННУЮ НАУКУ Л. Ч—ВІИ.
4. ДЕПУТАТЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАР-
ТИИ. Романъ. (Главы VI—IX). РОБЕРТА БИРА.
5. АВСТРІЯ ПОСЛѢ ВѢНСКАГО КОН-
ГРЕССА С. ШАНКОВА.
6. НА МАЯКѢ. Разсказъ ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА.
7. ИНОСТРАНЕЦЪ ЛИПАТКА И ПО-
МѢЩИКЪ ГУДѢЛКИНЪ. (Изъ за-
писокъ степняка) А. Л. ЭРТВІЯ.

(См. на оборотѣ).

4901

6-7

8. ВЪ ПОЛЯХЪ. (Эскизы. Памяти Н. А. Некрасова). Стихотвореніе **МАРТОВА.**
9. КОНЕЦЪ НЕВѢДОМОЙ УЛИЦЫ. (Окончаніе). **М. АЛЬБОВА.**

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. НАРОДЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЭСКИЗАХЪ **М. ЦЕРНИКОВОЙ.**
Повѣсти и разсказы Успенскаго, Златовратскаго, Наумова и Эргеля. (Окончаніе).
11. РЕФОРМА КРЕСТЬЯНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ. **В. Л.**
12. НАРОДЪ И ОБЩЕСТВО **З.**
13. ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ **Ф. РАШИКОВА.**
„Смута умовъ“, Е. Маркова („Русская Рѣчь“, январь). „Пафнутьевы“ въ сатиры Щедрина.—Очерки англійскаго общества, Гр. Муррея („Отеч. Зап.“, январь).—„Отчаянный“, разсказъ г. Тургенева („Вѣстникъ Европы“, январь).—Новые журналы: „Наблюдатель“ и „Вѣкъ“.
14. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ **И. Ш.**
Нѣсколько словъ по поводу „идеала“.—Какъ съ точки зрѣнія этого идеала разрѣшаются всѣ русскіе вопросы.—Народная школа.
15. КВИРИНАЛЪ И ВАТИКАНЪ. (Политическая и общественная хроника) **ЖИКА.**
16. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. **ОТКРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.**
17. ВАРФОЛОМЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗАЙЦЕВЪ. (Некрологъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“ ВЪ 1882 ГОДУ.—О выходѣ въ свѣтъ Сочиненій Г. Е. Благосвѣтлова.—Объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“.—Объ изданіи въ 1882 году газеты „Синь Отечества“ и журналовъ „Гусли“, „Библиотека историческихъ и уголовныхъ романовъ“ и „Родникъ“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выходъ февральской книжки запоздалъ по причинамъ отъ редакціи независящимъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1882 г.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

„ДЪЛО“ будетъ издаваться по той-же программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ оно издавалось въ прежнія 15 лѣтъ, при томъ-же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ, подѣ общей редакціей Н. В. Шелгунова и при непосредственномъ участіи въ редакціонныхъ трудахъ Н. Ф. Важина и К. М. Станюковича (Откровеннаго Писателя).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ останутся прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Альбовъ (М. Н.), Ардовъ, Варякова (А. П.), Боборыгинъ (П. Д.), Гальфранкъ, Жика, Кольцовъ (И. Г.), Ленскій, Мечниковъ (Л. И.), Москвинъ (А. В.), Михаловскій (Д. Л.), Минаевъ (Д. Д.), Наумовъ (Н. И.), Омурлевскій, Откровенный Писатель, Потапенко (И. Н.), Плавскій, Плещеевъ (А. Н.), Половскій (Я. П.), Русановъ (Н. С.), Станюковичъ (К. М.), Харламовъ (И. Н.), Шашковъ (С. С.),

Щелгуновъ (Н. В.), Шефтель (М. И.), Шпажинскій (И. В.),
Якубовичъ (П. Ф.) и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ ЖУРНАЛА «ДѢЛО»:

Безъ пересылки и доставки	15	р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургъ	16	» — »
Съ пересылкою иногороднымъ	17	» — »
Съ пер. за-границу во всё государство и страны.	19	» — »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ
редакціи журнала «ДѢЛО», по Надеждинской ул., домъ № 39.

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную высылку
журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Глав-
ной конторѣ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

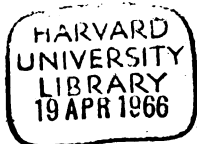
№ 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ В. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 30

1882

1868-1870 (1882)

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно приобрести въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1868	годъ съ пересылкою	10 р.
” 1869	” ”	10 ”
” 1871	” ”	10 ”
” 1872	” ”	10 ”
” 1874	” ”	10 ”
” 1876	” ”	8 ”
” 1877	” ”	10 ”
” 1879	” ”	10 ”
” 1880	” ”	9 ”

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересылкою по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 февраля 1882 года.

НА ВСЕМІРНОМЪ ПОПРИЩѢ.

(ОЧЕРКЪ).

I.

На сѣверномъ концѣ Парижа недавно успѣлъ развиться новый художническій кварталъ, примыкающій однимъ концомъ къ игривой репутаціи улицамъ Notre Dame de Lorette и Breda, опоясанный загородными бульварами Клиши, Ватиньоль, Рошшуръ—главною артерією работничьей жизни и веселья, съ банями, кафе-шантанами и асомуарами, гдѣ кипитъ, забавляется и отравляется въ досужее время трудящійся людъ. Эготъ новый художническій кварталъ ничего не имѣетъ общаго со старымъ своимъ соперникомъ, мирно отцвѣтающимъ теперь на лѣвомъ берегу Сены, по близости Ecole des Beaux Arts. Здѣсь нѣтъ и помину объ академической рутинѣ съ ея классическими преданіями; здѣсь не встрѣчаются типы художнической богемы, описанные въ романахъ Henri Murger и Гонкура; здѣсь и типы и зданія—все ново. То старое вино слишкомъ застоялось; его букетъ времени июльской монархіи отзывается затхlostью; оно не переливается въ эти щегольскіе и модные новые мѣха. Мастерскія новаго квартала доступны только тѣмъ счастливымъ, которые, хоть на мигъ, сумѣли остановить на себѣ всеобщее вниманіе, удостоились хоть-бы насмѣшливой улыбки толпы: тысячеглаваго царя, деспотически властвующаго въ кичливомъ Парижѣ... Въ числѣ высшей аристократіи этого квартала встрѣчаются такіа любопытныа достопримѣчательности, какъ, напри-

мъръ, Руссо, — вовсе не Жанъ-Жакъ, — Руссо, который ни о *Contrat Social*, ни о *Новой Элоизъ* никогда не слыхалъ, а нажилъ громкую славу и громадное состояніе, изображая во всю свою жизнь, правда, съ неподражаемымъ совершенствомъ, однѣ только тѣвн.

Въ одной изъ мастерскихъ этого квартала, которую занимаетъ нашъ соотечественникъ Степанъ Васильевичъ Калачевъ, устроилось нѣчто въ родѣ званнаго вечера.

Къ такому имени, какъ Калачевъ, казалось-бы, излишне было и прибавлять, что онъ доводится намъ соотечественникомъ. Къ тому-же и наружностью обладалъ Степанъ Васильевичъ такую, что отъ нея на версту несло черноземными вѣянiami курской или тамбовской губерніи: дюжій, приземистый, съ широкою ржаватою бородою во всю грудь, съ добрыми сѣрыми глазками въ маленькой ложбинѣ у холмогъ выдающихся скулъ, съ носомъ, болѣе смахивающимъ на сливу чѣмъ на то, что принято считать за правильный носъ по понятіямъ гнилого германо-романскаго Запада, — Степанъ Васильевичъ годился-бы для любой этнографической выставки въ представителя чистокровнаго россиянина.

Но извѣстно давно, что имя не больше какъ звуекъ пустой и что по наружности не слѣдуетъ судить, такъ-какъ она имѣетъ дурную привычку бывать обманчивою...

Многіе новыя знакомыя Степана Васильевича становились вступикъ, узнавъ, что онъ — гражданинъ штата Техасъ, township of San Lucas, U. S. A. (United States, America). Такъ гласилъ раззолоченный и расписной дипломъ, снабженный всѣми должными печатами и гербами, ради приложенія которыхъ Степанъ Васильевичъ и по два пальца въ небо поднималъ, и по два доллара платилъ, какъ водится въ присутственныхъ мѣстахъ по ту сторону Атлантики.

Дипломъ этотъ красуется на самогъ видномъ мѣстѣ, въ черной рамкѣ за стекло, на одной изъ стѣнъ мастерской Степана Васильевича. Высокая и обширная эта комната, съ окномъ во всю стѣну на сѣверный бульваръ, съ балкончикомъ на маленькій дворикъ, гдѣ два-три искалѣченныхъ деревца чахнутъ отъ париж-

свой пыли и слякоти, переполнена чуть не вся разными достопримѣчательными и неожиданными сочетаніями.

Здѣсь классическій арапникъ степного помѣщика былыхъ временъ, любителя крѣпостныхъ дѣвокъ и собачьихъ своръ, повисъ надъ красною фланелевою рубашкою гарибальдійскаго волонтера, любовно переплетаясь съ португесомъ кавалерійской сабли съ заржавленной мѣдною бляхою, на которой съ трудомъ можно было разобратъ кабалистическія буквы U. L. G. G., должествующія обозначать: Unità — Libertà — Giuseppe Garibaldi. И арапникъ, и рубашка потерты, поношены: видно отслужили долгую и дѣйствительную службу на своемъ вѣку, прежде чѣмъ вступили въ противоестественный союзъ на вѣшалкѣ художнической мастерской, вблизи сѣверныхъ загородныхъ бульваровъ Парижа... Тутъ, на одно и то-же деревянное туловище лошади надѣто узорчатое, щегольское мексиканское сѣдло и накинута старая хомута съ веревочною шлеею, очевидно вышедшій изъ рукъ не разъ поротаго за недоимку тамбовскаго или курскаго пахаря. А подъ рогаткою, замѣняющею ноги этому деревянному полу-коню, помѣстился въ палисандровой шкатулкѣ теодолитъ самаго усовершенствованнаго американскаго издѣлія... Дальше, потускнѣлымъ шитьемъ и позолотою пестрѣтъ полный боевой нарядъ черногорскаго повстанца, съ длиннымъ турецкимъ ружьемъ и съ цѣлымъ арсеналомъ пистолетовъ и ножей у порнѣлаго и почернѣлаго краснаго пояса...

II.

Званный вечеръ Степана Васильевича, — мало, впрочемъ, похожій на званые вечера вообще, — дышетъ стѣсненіемъ, неудачею, скукою.

Лампа съ очень сильнымъ рефлекторомъ, на длинной подставкѣ, похожей на стрекозу, выставлена ради торжества на самую середину комнаты. Предназначенная для вечернихъ работъ, она не умѣетъ приспособиться къ новымъ для нея требованіямъ салоннаго освѣщенія и вырѣзываетъ ослѣпительной яркости кругъ, какъ электрической маякъ среди мрачнаго, непроницаемаго тумана. Нѣсколько стеариновыхъ свѣчъ въ антикварскихъ подсвѣчникахъ

отчаянно машутъ свѣтленькими язычками, стараясь освѣтить этотъ нравъ, въ которомъ каждый изъ присутствующихъ смутно угадываетъ столики, станки, ящики съ красками, пузырьки.. И никто не смѣетъ шагу ступить, чтобы не произвести крушенія.

Миловидная хозяйка-американка съ нѣскольکو птичьей наружностью, съ птичьимъ-же выговоромъ на французскомъ языкѣ, старается занимать двухъ единственныхъ посѣтительницъ своего вечера, обнаруживая немалую долю той упрямой настойчивости, которую неуспѣхъ только раздражаетъ и вдохновляетъ и которая составляетъ отличительную черту ея націи. „Какой странный народъ эти русскіе!“ шевелится постоянно въ ея умѣ; ея бѣлый прямой лобъ морщится отъ усилія изобрѣсти что-нибудь, что расшевелило-бы и Марью Андреевну Волкову, даму лѣтъ подъ тридцать съ добрымъ, провинціальнымъ, скуластымъ лицомъ, которая, казалось, или не успѣла совсѣмъ проснуться, или чѣмъ-то была сильно поглощена,— и другую гостью. Это была величественная красавица съ замѣчательною роскошью пепельно-бѣлокурыхъ волосъ; волновавшихся надъ мраморнымъ лбомъ. Строгий и чистый овалъ матово-блѣднаго лица напоминалъ итальянскихъ Мадоннъ XV-го столѣтія. Чудные темно-синіе, почти черные глаза подъ густыми рѣсницами дышали за душу хватающею таинственностью темной лѣтней ночи; то вдругъ искры сверкали въ нихъ, какъ брильянты въ полуоткрытомъ футлярѣ изъ чернаго бархата. Задумчивый ротъ съ нѣскольکو тонкими губами, казалось, только и могъ произносить полныя чувства и мысли слова... Подъ такою вандиковскою наружностью скрывалась очень непривлекательная сущность Фанни Львовны Бѣлостоцкой, жены одного изъ знаменитѣйшихъ художниковъ нашего времени. Еврейка родомъ, воспитанная въ одномъ изъ самыхъ неприглядныхъ захолустій Бѣлоруссїи, близко познавшая униженіе и нищету, сперва въ семействѣ отца, проспекулировавшагося маркитанта, потомъ и съ мужемъ, начавшимъ художественную карьеру съ расписыванья гербовъ на дверцахъ помѣщичьихъ рыдвановъ и достигшимъ европейской извѣстности внезапно, въ нѣскольکو лѣтъ, благодаря замѣчательной яркости и силѣ дарованія,—Фанни Львовна была озадачена и даже раздражена прежде никогда ей не снившимся блескомъ и богатствомъ новаго своего положенія. Поэтическая задумчивость, никогда не сходящая съ обворожительнаго лица, была

наскою неотступной, мелкой заботы о томъ, чтобы не упонить себя въ этомъ чуждомъ ей мірѣ. Искры зажигались въ таинственныхъ глазахъ при мысли о тѣхъ крупныхъ кушахъ, какіе получалъ ея мужъ за картины, которыми онъ украшалъ новый Palazzo, строимый на Елисейскихъ поляхъ Исаакомъ Самойловичемъ Лиліенкеймъ, изъ товарищества Lilienkeim, Rosengürtel, Magenod, блиставшаго на финансовомъ горизонтѣ уже давно, но покрывшагося новою славой во время послѣдней войны, за неподражаемую отвагу и удалство своихъ операцій по провіантскому вѣдомству.

Съ Волковою Бѣлостоцкая видалась чуть-ли не каждый день и ненавидѣла ее всѣми фибрами своей сосредоточенно-страстной души; во-первыхъ, за то, что Марья Андреевна, родившаяся въ пошлѣищѣй семьѣ, съ дѣтства освоилась съ французскимъ языкомъ и тѣми привычками, которыя упорно не поддавались напряженнымъ усиліямъ Фанни Львовны; во-вторыхъ, за то, что Волковой доводился мужемъ Илья Кузьмичъ, никому не сдѣлавшій ни зла, ни добра на своемъ вѣку, но, по странному нѣмому соглашенію, пользовавшійся всеобщою антипатіею.

III.

Самъ Илья Кузьмичъ Волковъ присутствуетъ тоже въ числѣ немногихъ гостей, собравшихся по особому приглашенію въ мастерской Степана Васильевича.

Сухощавый, приличный мужчина лѣтъ 37-ми, онъ обладалъ-бы совсѣмъ заурядною наружностью, не говорящую ни за, ни противъ него, если-бъ не голосъ его, созданный, какъ-будто, самою природою для того, чтобы придавать видъ шпильки, колкости, непріятности каждому слову своего хозяина. При всемъ томъ сомнительно, чтобы Илья Кузьмичъ былъ въ душѣ злой или дурной человѣкъ; но существуютъ положенія, въ которыхъ ехидство и злоба являются даже въ голубиной душѣ, какъ-бы ex officio. Изъ числа такихъ положеній, горькая доля старыхъ дѣвъ пользуется всемірною извѣстностью. Волковъ былъ въ столь сродномъ съ этою участью положеніи официального художника, пробивающагося одними казенными заказами.

Правда, положеніе это приносило ему довольно крупныя куши ежегодно, доставляло знакомство съ разными... — ствами и украшенія въ петличку въ торжественныхъ случаяхъ. Оно казалось даже очень завиднымъ и заманчивымъ, пока онъ мечталъ о немъ, будучи вовсе безвѣстнымъ художникомъ, не обеспеченнымъ даже въ кускѣ хлѣба на завтрашній день. Но надо-бы было обладать ангельскимъ беззлобіемъ для того, чтобы появляться годами на выставкахъ съ трехсаженными полотнами, на которыя и публика, и критика обращали такъ-же мало вниманія какъ на дежурнаго сторожа съ его казенною ливреею и регалиями; чтобы сознавать, что заказы и поощренія давались ему, какъ награды за прилежаніе и благоправіе послушному школьнику, независимо отъ какихъ-бы то ни было художественныхъ заслугъ, — и не озлобиться на всѣхъ, особенно же на тѣхъ удалцовъ, которые и извѣстности, и заказовъ добиваются безъ прилежанія и благоправія.

Только одинъ разъ некумовская критика обратила на Илью Кузьмича свое вниманіе. „Г. Волковъ, писали въ одной газетѣ по поводу новой художественной выставки, — выступилъ въ этомъ году съ капитальнымъ своимъ произведеніемъ. Каталогъ увѣряетъ, будто-бы оно должно изображать *взятіе Плевны*. Картина эта безъ малаго три сажени въ длину. Интересно-бы рассчитать, сколько дней товарищество Лиліенкеймъ, Розенгюртель и Магенёдъ кормило всѣхъ сражавшихся при Плевнѣ героевъ на то количество рублей, которое счастливый живописецъ получилъ за свое, если и не великое, то во всякомъ случаѣ длинное произведеніе“.

Послѣ этого Илья Кузьмичъ окончательно порѣшилъ, что ему нѣтъ житья въ Россіи, такъ-какъ эта злополучная страна въ конецъ заѣдена всякими „убѣжденіями и направленіями“. Порѣшилъ, и тотчасъ-же перебрался со всѣмъ своимъ скарбомъ и съ новыми заказами въ Парижъ, гдѣ ему еще удобнѣе оказалось переодѣвать въ русскіе и турецкіе мундиры фигурки бойцевъ, замштруемныя на прокатъ съ батальныхъ картинъ версальской галлерей. Только въ Парижѣ Илья Кузьмичъ почему-то вообразилъ себя призваннымъ играть роль не то покровителя собравшихся тамъ русскихъ художниковъ, не то блюстителя ихъ нравственной чистоты съ точки зрѣнія убѣжденій и направленій. Но такъ-какъ каждый здѣсь, занятый своимъ дѣломъ или тревожнымъ парижскимъ бездѣльемъ, вовсе даже не замѣчалъ появленія въ этой все-

мірной столицѣ творца трехсаженнаго *взятія Плевны*, то Илья Кузьмичъ прибѣгъ къ тому классическому и чисто-національному средству, которымъ каждый дожившій до благополучія россіанинъ направляется на вниманіе современниковъ. Квартира его обратилась въ даровой трактиръ, гдѣ каждый могъ найдаться до отвала копченнѣмъ сигомъ, осетриною или паусною икрой.

Жизнь Ильи Кузьмича, какъ тропическій годъ, дѣлилась всего только на два времени года. Одно, длившееся пока длились полученные впередъ подѣ неначатую еще картину рубли, имѣло чисто-наслияничный характеръ. Мастерская въ это время бывала завалена кузовками, жестянками и коробками, имѣвшими засаленный видъ, издававшими острый бакалейный запахъ. Самъ художникъ, если не бѣгалъ по знакомымъ и полу-знакомымъ, созывая всѣхъ на готовившійся лукулловскій пиръ, то съ озабоченнымъ видомъ разсматривалъ на свѣтъ, нюхалъ и смаковалъ подливки, соуса и разныя спиртуозныя жидкости. На бѣду, онъ обладалъ плохимъ пищевареніемъ: нектати проглоченный кусочекъ балыка или не во время выпитая рюмка очищенной бутаражили его легко возбуждиму желчь и разстраивали на цѣлую недѣлю.—Скуластая Марья Андреевна обращалась на это время въ кухарку: собственноручно мѣсила, парила и пекла какіе-то необычайныя пироги съ неподражаемою начинкою, или, съ *Подаркомъ молодымъ хозяикамъ* въ рукахъ, поучала краснощекую оверньятку Eulalie тайнамъ русской кухни.

За наслияницею слѣдовалъ великій постъ. Илья Кузьмичъ принимался за воплощеніе на новомъ трехсаженномъ полотнѣ еще не начатаго, но уже пробѣденнаго *pendant* къ своему *взятію Плевны*, или-же снова бѣгалъ по посѣтителямъ своихъ лукулловскихъ пировъ, но на этотъ разъ съ корыстною цѣлью—признанъ у того или другого изъ нихъ стофранковый билетъ, до новой періодической поѣздки въ отечество, обозначающей переломъ, за которымъ слѣдовало вновь возвращеніе наслияничнаго муссона. Всего-же болѣе въ это великопостное время года онъ лежалъ на диванѣ, съ припаркою на правомъ боку, хныча, какъ больное дитя, бривжа, какъ щедринскій генералъ, оттертый отъ доходнаго мѣста „убѣжденіями и направленіями“.—Добрая и скуластая супруга обращалась на это время въ кроткую и терпѣливую сидѣлку при больномъ, исполняя и эту новую обязанность все съ тѣмъ-же видомъ,

который не покидалъ ее никогда и заставлялъ каждого ее новаго знакомаго предполагать, что она или не совѣтъ успѣла проснуться отъ долгаго сна, или-же поглощена глубокою, неотвязною, неразгаданною ею самою душою.

IV.

Разговоръ не клеится. Дамы разсматриваютъ альбомъ. Илья Кузьмичъ хвалить Верещагина, но хвалить такъ, что каждое его слово какъ-бы полито уксусомъ и желчью неизлечимо больного, неустанно ноющаго, какъ испорченный зубъ, самолюбія.

Величественная блондинка тайкомъ мечеть на него молніи своихъ обворожительныхъ глазъ, готовая отдать голову на отрѣзъ, что часъ или два тому назадъ, онъ поворилъ такую-же ядовитую похвалю за глаза и ближайшаго пріятеля своего, ее мужа.

Лѣзливо подаетъ реплику одинъ только высокій, видный мужчина среднихъ лѣтъ, съ зачесанными назадъ, безъ пробора, волосы, которымъ онъ хотѣлъ-бы придать видъ львиной гривы. Его свѣтлая борода клинышкомъ носитъ слѣды той-же тщательной, любовной отдѣлки, которую знатоки цѣнили въ его мастерскихъ изображеніяхъ купающихся нимфъ и неизвѣстнаго званія голыхъ дѣвицъ, предающихся мечтательности у ручья, кокетливо подкорчивши подъ себя лѣвую ножку. Художникъ растянулъ во всю длину свои мускулистыя ноги, одѣтыя въ очень изящные сѣрые штаны, удобно откинулся на спинку кресель и щуритъ свои шустрые глаза, стараясь придать себѣ тотъ видъ себѣ на умѣ, который очень идетъ къ нему и которымъ онъ очень ловко умѣетъ маскировать сладострастную дремоту, неизмѣнно одолевашую его, если только онъ не сидитъ у своего мольберта противъ раздѣтой натурщицы или у обѣденнаго стола. Отъ семинарскаго своего происхожденія этотъ модный теперь художникъ-самоучка сохранилъ только пристрастіе къ жирной, мучнистой пищѣ и имя Евлампія Максимовича Приснопѣвскаго.

Самъ хозяинъ, одѣвшійся для парада въ мѣшкообразный пиджакъ, сидитъ, словно удивляясь самъ, какъ онъ очутился въ подобномъ обществѣ? По неловкимъ фразамъ, которыя онъ считаетъ нужнымъ велесть порою въ ежечасно замирающей и неинтересной для

него разговоръ, по нервному движенію, съ которыми онъ крутитъ папиросы изъ дешеваго французскаго табаку и бросаетъ ихъ недокуренными,—видно, что онъ находится въ непривычномъ для него нервномъ возбужденіи. И оно такъ плохо идетъ къ его обрубковатой, простой, но смѣлой и крѣпкой фигурѣ. Онъ нетерпѣливо прислушивается къ шѣрному тикъ-таканію невидимыхъ во мракѣ часовъ, которые вдругъ, какъ-будто натужились, зашипѣли, и медленно, словно съ злорадствомъ, ударили девять...

Сѣрый сеттеръ съ черными пятнами, скрывавшійся въ тѣни поды стуломъ хозяина, поднялъ голову, прислушался, вытянулъ переднія лапы и громко и протяжно зѣвнулъ.

Раздался звонокъ. Хозяинъ поспѣшилъ отворить и въ сѣняхъ еще привѣтствовалъ входящаго, но такъ, что въ тонѣ, не безъ оттѣнка злобнаго раздраженія, слышалось: „ждалъ я, братъ, все не тебя!“

Въ комнату влетѣлъ порхающій молодой человекъ и, ослѣпленный чудовищнымъ рефлекторомъ, тутъ-же споткнулся о низенькій пуфъ, покрытый чернымъ сукномъ съ пестрыми накладными турецкими узорами, занятый Вѣлостоцкою.

— Что вы, Германъ! Не успѣли еще войти, и уже у ногъ Фанни Львовны! съострилъ изобразитель женскихъ тѣлесъ и самъ-же залился жирнымъ, негромкимъ смѣхомъ, на букву э...

Кстати, замѣчали-ли вы, читатель, что природы открытыя и хищники смѣются на букву а, принужденныя и хитрыя—на ъ, а смѣхъ на э свойственъ натурамъ созерцательнымъ и эпикурейскимъ?..

— Stéran заговорила хозяйка съ жаромъ, показывающимъ, что она рада была всякому поводу для разговора или замѣчанія, — погасилъ-бы ты лучше свой маякъ; а то наши гости непременно поломаютъ себѣ шею или носы. Да и посмотри за шочаг: будемъ чай пить. Monsieur Mikhnéeff можетъ и не придти; мало-ли у него всякихъ дѣлъ.

— Я вамъ навѣрное говорю, что придетъ, возразилъ Волковъ на плохомъ французскомъ языкѣ, злоупотребляя, по русскому обыкновенію, словомъ *absolument* и обижаясь, что его обѣщаніе доставить великаго человека на званный вечеръ не считается достаточною гарантіею.

— Онъ и мужа долженъ привезти на своемъ чысакѣ, за-

картавила божественная блондинка съ такимъ выговоромъ, отъ котораго поэтическая атмосфера, окружавшая ее, внезапно переполнилась какъ-бы затхлыми испареніями ростовщическаго чулана.

Калачевъ, сопутствующій сеттеромъ, отправился на лѣстницу раздувать самоваръ, который началъ было уже загасать, какъ-будто онъ тоже, на зло Волкову, предполагалъ, что Михиѣевъ не придетъ, и зналъ, какъ и всѣ, что неудавшаяся эта вечеринка собралась только для Михиѣева.

— На кой-чортъ Калачеву могъ понадобиться Викторъ Семеновичъ? мысленно спрашивалъ себя каждый изъ гостей, инстинктивно поворачивая глаза въ темный уголокъ, гдѣ на низкомъ и широкомъ турецкомъ диванѣ, покрытомъ пестрымъ веревочнымъ ковромъ, въ усталой, развинченной позѣ сидѣлъ никому неизвѣстный молодой человѣкъ, не сказавшій ни одного слова съ самаго начала этого званнаго вечера.

V.

Не проходило дня безъ того, чтобы въ томъ или другомъ углу Парижа кто-нибудь не ждалъ Михиѣева съ тѣмъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, котораго не умѣлъ скрывать Калачевъ, не привыкшій къ свѣтскому обществу съ его ежечасными мелочными стѣсненіями. Никто не зналъ за Викторомъ Семеновичемъ иной профессіи; какъ всюду быть ожидаемымъ по очень важнымъ и спѣшнымъ дѣламъ и всюду опаздывать, ссылаясь на другія, тоже очень важныя и спѣшныя дѣла. Въ эти дѣла всѣ вѣрили, хотя никто не могъ похвастать, чтобы хоть разъ, на минуту, ненарокомъ, засталъ Виктора Семеновича за чѣмъ-нибудь, хоть издали смахивающимъ на дѣло, на трудъ, на работу.

Всякій разсуждалъ: у Михиѣева не можетъ не быть очень важныхъ или, по-крайней-мѣрѣ, очень крупныхъ дѣлъ, если принять во вниманіе ту размахистость, праздность и роскошь, съ которою живетъ этотъ человѣкъ то въ Парижѣ, то въ Петербургѣ, то въ Италіи, то на водахъ, не обладая нигдѣ даже и привракомъ движимаго или недвижимаго имущества. Последнее выкупное свидѣтельство — остатокъ небольшого имѣнія въ саратовскихъ или пензенскихъ черноземныхъ степяхъ — спущено имъ, по собствен-

ному признанію, уже давно... Но, съ другой стороны, всякій-же невольно задавалъ себѣ мудреный вопросъ:—если у Виктора Семеновича могутъ быть дѣла, то для какихъ надобностей и для кого припасено въ русскомъ языкѣ названіе бездѣльника?

Существуютъ сферы, въ которыхъ грань между дѣломъ и бездѣліемъ ступевалась, спуталась до того, что ее не легко различить ни простымъ, ни вооруженнымъ глазомъ. Видишь Виктора Семеновича, позѣвывающаго полъ-часа на представленіи *Nipiche* или *la fesh me à rара*, или застанешь его порою благодушествующимъ съ гаванскою сигарою въ зубахъ, за рюмкою душистаго и забористаго *rousse-café*, за столикомъ *Café-Anglais*... Базалось-бы, ужь какія тутъ дѣла! А затѣмъ совершенно неожиданно узнаешь, что и *Nipiche*, и *fesh me à rара*, и забористый *rousse-café* отозвались въ карманѣ Виктора Семеновича очень уважительнымъ кушемъ. А такъ-какъ всякій, скоропостижно являющійся въ карманѣ современнаго чародѣя кушъ непремѣнно изыять-же изъ чьихъ-нибудь чужихъ кармановъ, то ясно становится, что ни въ театрѣ, ни за столикомъ *Café-Anglais* Викторъ Семеновичъ вовсе не благодушествовалъ и не звѣвалъ, а обдѣлывалъ дѣла, оказывалъ нѣкоторое воздѣйствіе на судьбы современниковъ и потомства.

Какимъ магическимъ жезломъ или философскимъ камнемъ обладалъ этотъ человѣкъ? Какими таинственными процессами онъ умѣлъ обратить—если не въ золото, то въ банковый билетъ, въ акцію или въ чекъ, всякую дрянъ, всякое обыденное, даже отвлеченное, явленіе своей и чужой празднои жизни? Надъ этими вопросами бесполезно и голову ломать, ибо простому смертному не дано постичь этого единственнаго, ежечасно совершающагося на нашихъ глазахъ современнаго чуда. А тотъ, кто однажды постигъ эту тайну мірозданія, тотчасъ-же выдѣлился изъ сонмища простыхъ смертныхъ и сталъ самъ точно такимъ-же чародѣемъ, распроставшимся навсегда съ сомнѣніями и вопросами...

Самъ Михиѣевъ не любилъ окружать себя никакою таинственностью. По происхожденію—провинціальный баринъ меньше чѣмъ средней руки, онъ такимъ и остался на самой вершинѣ своего парижскаго величія. Онъ даже не далъ себѣ труда отдѣлиться отъ тѣхъ *écoutez* и *je vous en prie* съ растяжкой на *en*, которые служатъ какъ-бы тавромъ чистокровнаго русоцета,

изъясняющагося по-французски. Его развязность, доходившая до холодности, придавала ему своеобразный колоритъ и внушала безграничное довѣріе къ нему въ сердцахъ тѣхъ немногихъ высокопоставленныхъ новичковъ, которыхъ Викторъ Семеновичъ удостоивалъ порою самолично посвящать въ тонкости и тайны свѣтской парижской жизни. „Вотъ человѣкъ! думалось имъ невольно: — и съ Гамбеттою знакомъ запросто, и можетъ до подробности объяснить, за что братья Перейры состоятъ другъ съ другомъ во враждѣ, и съ какими только актрисами не ночевалъ!.. Способенъ, катая васъ по Булонскому лѣсу, концомъ сигары указать всѣхъ, находящихся тамъ въ наличности львицъ и тигрицъ и по пальцамъ перечестъ многоязычную рать ихъ дѣловыхъ и средневѣковыхъ любовниковъ — и все это съ той-же развязностью, съ которою, лѣтъ двадцать тому назадъ, удалимъ ремонтеромъ, онъ хозяйничалъ на Ильинской или Коренной ярмаркѣ, или побѣждалъ дамскія и дѣвичьи сердца на балахъ саратовскаго и пензенскаго дворянскаго собранія“.

Вѣстникъ всесвѣтной проституціи, литературной и политической, духовной и тѣлесной, *Фигаро*, нерѣдко поминая Виктора Семеновича на своихъ страницахъ, иначе не называлъ его какъ *le représentant le plus pittoresque et le plus parfait de la petite colonie des vrais boyars russes à Paris.*

Особенно съ соотечественниками, Михнѣевъ былъ щедръ на признанія и откровенности, способный много поставить втупикъ своею непрощенностью. Любилъ онъ приободрить какого-нибудь новичка, у котораго трескучая мишура показной парижской жизни отшибала, что называется, разумъ... Легко было, однако-же, замѣтить, что признанія Виктора Семеновича вращались исключительно въ области прошлаго и на текущую дѣятельность этого чародѣя проливали только очень косвенный и слабый свѣтъ. Правда, сѣверная звѣзда эта блистала на парижскомъ или, точнѣе говоря, на всемірномъ горизонтѣ всего только какихъ-нибудь два, много три года. Но по тому тону, которымъ онъ повѣствовалъ о своихъ минувшихъ подвигахъ, ясно чувствовалось, что отъ настоящаго онъ уже отдѣленъ цѣлою пропастью.

„Былъ я, какъ и вы здѣсь, новичкомъ, утѣшалъ онъ одного опѣшившаго соотечественника, — не похвастанъ: въ головѣ тоже

вошелъ содомъ, а выкупныя плывутъ себѣ, да плывутъ. Изъ послѣднихъ, понимаете, такъ-что скоро уже и уѣхать будетъ не на что. Тоска начинается меня сосать... робость передъ будущимъ. До того дошелъ, что ужь руки помышлялъ на себя заложить... Финаль этакій á la Rolla: афинскій вечеръ устроить тамъ какой-нибудь, съ кровавою, понимаете, развязкою“...

Разсказчикъ затягивался сигарою, съ нѣскольکو картиннымъ движеніемъ откидываясь назадъ, и пускалъ струю благовоннаго синеватаго дыма.

„Теперь даже смѣшно вспомнить, а тогда жутко было. Чтобы разсѣять эту тоску, суешься еще хуже и туда, и сюда. Театры, рестораны, балы, *дерби* эти, скачки ихъ, знаете, въ Отейлѣ. Въ то время на рысистые бѣга еще тутъ мода пошла. Съ выставки остался намъ орловскій рысачекъ, по нашему-бы совсѣмъ изъ завалящихся. А тутъ у меня Фенуйль пріятель былъ... Ничего себѣ, сметливый французъ. Землячка-то нашего онъ какъ-то окрутилъ и догадался лошадь залучить себѣ совсѣмъ за безцѣнокъ. Что-же вы думаете? Всѣ пари и всѣ призы забралъ, да инѣ-же и хвастается... Меня тутъ вдохновеніе и осяни!.. Пишу домой, зятю Алексію Ивановичу: что хочешь бери, а высылай скорѣе *Громобоя*, — былъ у него такой рысакъ. Лошадь не ахти, не то вотъ, что теперь у меня *Контессъ д'Абрантессъ*, ну да все-же въ Москвѣ призы бралъ... Лѣтомъ, пишу, пріѣду въ родные края, тогда и сосчитаемся. Спасибо зятю, повѣрилъ: рысака прислалъ. А ужь какъ я только до новыхъ бѣговъ время протянулъ, — лучше и не спрашивайте!.. „Штука“ у меня тутъ была: Бланшъ изъ *Varietés*. Дѣвочка славенькая, немножко *boulotte*, съ наклееными рѣсницами, но съ огонькомъ... Немало облегчила она меня отъ послѣднаго балласта. Теперь соображаю, оно и къ лучшему. Денегъ нѣтъ, поневолѣ попридержаться пришлось и вести въ тишинѣ свою линію. А то, съ моимъ открытымъ характеромъ, непремѣнно-бы проболтался кому-нибудь, хоть тому-же Фенуйлю. Онъ прошлогоднаго рысака своего превыгодно спустилъ: продаль чуть не на вѣсъ золота. Есть тутъ графъ Териньи де-Бижаль, бонапартистскій депутатъ. Можетъ въ камерѣ видали?—Высокій, съ сѣдою эспаньолокою, худой, въ родѣ донъ-Кихота изъ бурбонскаго званія... Ну такъ вотъ онъ Христомъ-Богомъ заклиналъ: рысака ему въ долгъ продать до слѣдующихъ бѣговъ. И Фенуйль,

и онъ—оба напередъ были увѣрены въ побѣдѣ... Ну-съ, а какъ пошелъ дѣйствовать мой Громобой!.. Одно могу вамъ сказать: я даже и волненія сладостнаго не ощутилъ. Съ абпуга не могло ужь быть никакого сомнѣнія... Ну и деньжищевъ-же я тутъ загребъ!.. Да доньги вздоръ, а вотъ тутъ-то и раскрылись предо мною новые горизонты!“

VI.

Парижъ далеко не самый художественный, но, конечно, самый художническій изъ всѣхъ европейскихъ городовъ, если принять во вниманіе число проживающихъ здѣсь живописцевъ и невѣроятное количество квадратныхъ километровъ грунтованнаго полотна, покрываемаго здѣсь свѣжими маслянными красками ежегодно. Всякій парижскій хлыщъ непремѣнно состоитъ, по призванію или по профессіи, въ тѣсномъ соприкосновеніи съ живописью.

Михѣевъ былъ всегдашаемъ многихъ знаменитыхъ мастерскихъ и къ тому-же онъ былъ на *ты* съ главными изъ тѣхъ перепродавцевъ картинъ, которые наживаютъ здѣсь чудовищныя состоянія, тогда - какъ неопытному глазу непремѣнно должно казаться, будто они раззоряютъ себя въ конецъ изъ радушнаго желанія ублажить чудовищно-расточительные вкусы того или другого прославленнаго художника.

Не было ничего удивительнаго въ томъ, что въ любой парижской мастерской, русской или иностранной, Виктора Степановича ждали какъ небесной росы. Одному онъ доставилъ выгодный заказъ, у другого самъ купилъ завалавшееся полотно, перепроданное имъ съ большимъ барышемъ какому-нибудь румынскому, херсонскому или аргентинскому любителю. Но удивительно было, что Виктора Семеновича ждалъ Калачевъ, и надъ этииъ русская колонія уже нѣсколько дней ломала себѣ головы.

Самъ Степанъ Васильевичъ этому не удивлялся, но зато прихѣтно досадовалъ на другихъ и на себя: точно въ неприличный дождь зашелъ или совершилъ что-нибудь непривычное для чистоплотнаго и уважающаго себя человѣка.

Калачевъ появился въ Парижѣ очень еще недавно; мало съ

кѣмъ видался и проводилъ всѣ дни въ мастерской, очень усидчиво и усердно работая. Но появился онъ въ завидной роли удачника, и вниманіе соотечественниковъ естественно обратилось на него. Волковъ сгоралъ отъ нетерпѣнія угостить его только-что полученнымъ изъ Петербурга копченымъ сигомъ; но колебался нѣсколько, небудучи увѣренъ въполнѣ, что новое знакомство это сообразно съ его офиціознымъ положеніемъ по части „убѣжденій и направленій“. Однако, когда Степанъ Васильевичъ, вскорѣ по прїѣздѣ, записался членомъ въ русскій художественскій клубъ и когда Илья Бузничъ увидалъ ласковый прїемъ, оказанный ему столпами и патронами этого патріотическаго учрежденія (въ которое Калачевъ послѣ перваго посѣщенія не ступалъ уже ни ногой), то сомнѣнія его разсѣялись, и нашъ техасскій гражданинъ долженъ былъ отвѣдать и сига, и паусной игры, и многогаго еще, чего онъ не ѣдалъ уже лѣтъ десять...

На тускломъ фонѣ Волковыхъ, Приснопѣвскихъ, Михнѣвнхъ и комп. Калачевъ выдавался довольно яркимъ пятномъ, и на его счетъ скоро начали слагаться цѣлыя легенды. Тѣ немногіе факты изъ его жизни, которые скоро стали всѣмъ извѣстными, заставляли предполагать въ немъ не по-русски рѣшительнаго и энергическаго человѣка. Самъ-же Степанъ Васильевичъ говорилъ о себѣ: „развѣ такой бываетъ энергическій человѣкъ? Тотъ на мѣстѣ старается создать себѣ подходящую обстановку и среду, а я всю жизнь бѣгалъ, то въ Бѣлую Арапію, то на Дарью-рѣку, туда, гдѣ предполагалъ эту обстановку уже готовою“...

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ онъ студентомъ одного изъ южно-русскихъ университетовъ. Даровитый, общительный юноша, онъ скоро нашелъ себѣ мѣсто въ лучшемъ изъ тѣхъ кружковъ, на которые дѣлилось тогда N—ское студенчество. Двадцать пять рублей, высылаемые ежемѣсячно отцомъ, небогатымъ помѣщикомъ, занимавшимъ средней руки постъ въ маленькой администраціи, — ставили его въ положеніе чуть не Бреза среди товарищей, изъ которыхъ многіе пришли пѣшкомъ за двѣсти и за триста верстъ, а почти всѣ пробивались кое-какъ, кондіціями, переводами, перепискою, уроками. Здѣсь „кающійся дворянинъ“ въ первый разъ увидалъ горькую судьбу нашего, такъ-называемаго, „умственного пролетаріата“, который, вслѣдствіе ничтожнаго спроса на умственный трудъ, терпитъ часто крайнюю

нужду, и при ней осужденъ еще на худшую изъ нравственныхъ мукъ: на ежечасныя сомнѣнія въ полезности, въ самой даже законности своего существованія.

Калачевъ обладалъ комнатою, гдѣ пять-шесть человѣкъ близкихъ знакомыхъ могли собираться для вечернихъ занятій, или поговорить о сильно всѣхъ волновавшихъ тогда ожиданіяхъ, надеждахъ и событіяхъ, онъ могъ доставать журналы и книги. Его знаніе иностранныхъ языковъ навело его на мысль устроить литературные вечера, на которыхъ читались и обсуждались переводы и извлеченія за-границею появлявшихся брошюръ и книгъ по разнымъ жгучимъ вопросамъ. Такимъ образомъ Калачевъ слылъ за коновода, хотя въ дѣйствительности, обладая большою отзывчивостью, онъ значительно меньше многихъ своихъ друзей былъ одаренъ предприимчивостью и самодѣятельностью мысли.

То было время, когда діапазонъ во всей Россіи настроился выше средняго уровня, когда всякій порядочный человѣкъ на Руси, засыпая вечеромъ, какъ-будто на завтра чего-то ждалъ, а утромъ просыпался какъ къ свѣтлому празднику... Рутинныя шероховатости и суровости жизни, въ которыхъ въ обычное время всякій привыкъ, отъ которыхъ онъ только морщится, — тутъ съ особенною назойливостью стали каждому лѣзть въ глаза, коробить всѣхъ своею вопіюще несообразностью съ поголовнымъ одушевленіемъ и ожиданіемъ... Въ студенческомъ быту готовился довольно знаменательный переломъ. Въ ожиданіи его, завѣтная грань между licet и non licet ступевалась, колебалась каждый день, передвигаясь то вправо, то влѣво, такъ-что и сами блюстители ее не всегда съ достовѣрностью знали, гдѣ именно она находится въ данный моментъ... Отсюда безконечныя *исторіи*. За одну изъ нихъ Калачевъ былъ исключенъ въ самомъ началѣ второго курса, безъ возможности продолжать занятія въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Обстоятельство это какъ громомъ поразило семью, возлагавшую блестящія упованія на умъ, прилежаніе и доброе сердце Степочки. Сердцелись, охали; но какъ нужно-же было что-нибудь принять, то и порѣшили, что, видно, сама судьба велитъ ему сдѣлаться вольнымъ художникомъ: благо онъ съ дѣтства ощущалъ къ рисованію природенную страсть и дивилъ учителей быстрыми своими успѣхами.

И вотъ, Степочка въ Римѣ; но и здѣсь онъ нашелъ нѣчто очень сродное тому, что помѣшало ему мирно кончить курсъ въ аудиторіяхъ N—скаго университета. Только здѣсь оно являлось болѣе опредѣленнымъ, пріуроченнымъ къ живымъ именамъ и къ очень немногимъ одушевляющимъ, общепонятнымъ формуламъ. Въ академіи, въ тракторіи, въ домахъ, только объ одномъ и говорили. Одно слово и одно имя были на всѣхъ устахъ:— „возрожденіе“ и „Гарибальди“.

Не только новые товарищи Степана Васильевича, но и сторожа, натурщики, и отчасти даже профессора, наперерывъ стремились въ Сицилію. Многихъ хватали, и они надолго исчезали потомъ въ ужасныхъ казематахъ замка Сантъ-Анджело. Даже отставной папскій драгунъ, Беппо Чиччо, котораго выразительное лицо рисовали, живописали и ваяли цѣлыя поколѣнія художниковъ,—ощутилъ въ одинъ прекрасный день непреодолимое желаніе убѣдиться во-очію, что за чудеса творятся въ неаполитанскихъ краяхъ и что за богатырь проявился тамъ Донъ-Лубардо?

Въ сообществѣ этого-то Беппо Чиччо и очутился Степанъ Васильевичъ въ Палермо... Ихъ направили въ большой и свѣтлый манежъ, гдѣ молодой черноусый полковникъ, въ красной рубахѣ и въ маленькой черной войлочной шляпѣ на бекрень, муштровалъ взводъ любителей-кавалеристовъ, вызывавшихъ его досаду своимъ слишкомъ поверхностнымъ знакомствомъ съ труднымъ искусствомъ верховой ѣзды.

— Вотъ еще какого вамъ молодца привелъ, рекомендовалъ Беппо Чиччо нашего соотечественника,—è Russo... di Moscovia, добавилъ онъ, замѣтивъ, что первое его выраженіе можетъ быть принято за намекъ на рыжеватые волосы и усыки Казачева.

— Въ свободѣ всѣ націи—сестры между собою, учтиво замѣтилъ полковникъ.

Вечеромъ этого дня, прибравъ и выхоливъ своего коня, Степанъ Васильевичъ сладко заснулъ на своей койкѣ, въ казармѣ, гдѣ помѣщался только что сформированный эскадронъ конныхъ егерей *Diavoli Rossi*; заснулъ сильно утомленный, но съ сознаніемъ, что онъ пристроился къ великому историческому дѣлу, что и онъ сталъ, наконецъ, чуть замѣтнымъ, но не лишнимъ винтомъ въ томъ таинственномъ и чудовищно-сложномъ механизмѣ,

который перемалываетъ судьбы человѣчества въ какую-то провиденціальную муку будущаго.

Воспоминаніе о короткой, блестящей кампаніи Обѣихъ Сицилій навсегда запечатлѣлось въ воспринчивомъ мозгу Калачева, какъ память о радостномъ, изящномъ и торжественномъ праздникѣ. Задѣтый шальной пулею въ стычкѣ при Реджіо, онъ долженъ былъ провести недѣли двѣ въ семьѣ пожилого крестьянина горной калабрійской деревушки, который неожиданно оказался православнымъ, такъ-какъ происходилъ отъ греческихъ поселенцевъ, давно уже забывшихъ свою родину и промѣнявшихъ свой языкъ на гортанную калабрійскую рѣчь. Калачевъ былъ принятъ здѣсь какъ герой въ рыцарскихъ романахъ; его чуть-что не носили на рукахъ. Когда, совершенно оправившись, онъ сѣдился въ дилижансъ, направляясь къ Неаполю, начальникъ мѣстной національной гвардіи напутствовалъ его краткою, но витіеватою рѣчью, въ которой слова *Liberta, Patria, Fratelanza dei popoli*, сыпались какъ изъ шѣшка и въ которой самъ ораторъ начиналъ уже безнадежно путаться, когда трубачи заиграли гарибальдійскій маршъ:

Разверзлись могилы, воскресли герои,
Въ борьбѣ за свободу сложившіе жизнь...

Старикъ-хозяинъ картинно-драматически благословилъ юношу на новые подвиги. Пятнадцатилѣтняя дочь его, Чезира, стройная и дикая какъ горная роза, тутъ-же обняла его всенародно на площади, трижды поцѣловала и, съ улыбкою сквозь слезы, дрожащимъ, ласкающимъ голосомъ, шепнула только ему одному слышное:

— *Beh! perche non rimani con noi* (Ахъ! зачѣмъ ты не остаешься съ нами!)

...А зачѣмъ знойное *allegro furioso* стоянки подъ Неаполемъ. Каждодневныя оваціи и демонстраціи, съ знаменами, съ цвѣтами и народными гимнами, которые пѣлись съ инстинктивною гармоніею сотнями стройныхъ, страстныхъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Это казалось голосомъ цѣлаго народа, восторженно пробуждающагося къ новой жизни, къ свободѣ.

Калачева тѣшили даже будничныя подробности его службы: ночные разѣзды подъ безоблачнымъ сентябрьскимъ небомъ, искрившимся цѣлыми мириадами звѣздъ; захватывающія духъ заса-

ды, когда онъ лежитъ на брюхѣхъ подъ деревохъ близъ дороги, а по ней, какъ привидѣнія, тянутся попарно длинною вереницею непріятельскіе уланы въ бѣлыхъ какъ саванъ плащахъ. А въ заключеніе, удачная, смѣлая до смѣшного кавалерійская атака, которою польскій генералъ Мильбицъ вѣсти прекратилъ самую кровопролитную и суровую изъ всѣхъ гарибальдійскихъ битвъ, 1-го октября, при Вольтурно...

Вечеръ... Въ небѣ обычная фантазмагорія: солнце не успѣло еще спрятаться за синюю линію холмовъ, а серебряный полурогъ мѣсяца уже засверкалъ мягкимъ, ласкающимъ свѣтомъ... А на землѣ что-то совсѣмъ необычное: всюду густые клубы бѣлосватаго дыма, окутывающіе живописныя группы апельсиновыхъ и миндальныхъ деревьевъ. На поляхъ кукурузныхъ поляхъ валяются трупы; живописныя фермы горятъ, и никто не думаетъ ихъ тушить. Массы людей копошатся въ быстро-густѣющей мглѣ... Ухо напряженно слышитъ тишину, наступившую внезапно послѣ двѣнадцатичасовой пушечной пальбы...

Степанъ Васильевичъ или, какъ его называютъ теперь: Stefano il Russo, несется въ ухарской скачкѣ, самъ не узнавая себя. Въ горлѣ пересохло отъ жажды и копоты... Онъ видитъ подлѣ себя запыленную фигуру Веппо Чичьо на взмыленной чалой лошади, покрытой клочками бѣлой пѣны. Но это не тотъ Веппо Чичьо, съ которымъ они такъ часто болтали и котораго онъ столько разъ рисовалъ. Это угловатое, загорѣлое лицо съ сѣдою испаньолою, съ чернымъ глазомъ, дико сверкающимъ изъподъ нависшей брови,—все это хорошо знакомо Степану Васильевичу, но знакомо какъ-будто не изъ жизни, а изъ прочитаннаго давно и очаровавшаго его въ отрочествѣ романа Вальтеръ Скотта... Но сообразить что-бы то ни было некогда. Духъ замираетъ отъ скачки. Впереди волнуется нестройная масса; алѣютъ красные штаны, щетинятся штаны, трещать безпорядочные выстрѣлы... И надъ всѣмъ разносится дружный, страстный кличъ:

— Viva Garibaldi e la liberta!

И самъ онъ безсознательно повторяетъ эти слова и восторженно машетъ саблею...

VII.

Когда этотъ шумный и торжественный праздникъ прошелъ, Степанъ Васильевичъ былъ какъ-будто удивленъ, почувствовавъ себя снова охваченнымъ прѣсною канителью ни къ чему непріуроченной жизни. Онъ сталъ-было усердно работать, чтобы наверстать потерянное время, но скоро убѣдился, что или судьба не создала его художникомъ, или-же время наше не таково, чтобы живой человѣкъ могъ пробиваться всю свою жизнь однѣми только картинами.

Вскорѣ вспыхнувшее возстаніе въ Черногоріи, казалось, указывало ему исходъ. Со своими скудными денежными средствами, онъ не безъ труда добрался до Цетинье, гдѣ встрѣтилъ самый радушный приѣмъ. Старый Марко, дядя князя, хорошо говорившій по-русски, принялъ его подъ нарочитое свое покровительство. Драться его черногорцы, однако-же, не пустили, говоря, что ихъ война не чета итальянской.

— Не турчинъ, не пули страшны, утѣшалъ его Марко: — съ голоду, съ жажды помрешь. Сколько дней не ѣдалъ?

И когда Балачевъ, конфузясь, признался, что ему и двухъ дней порядкомъ поголодать не случилось, старикъ снисходительно потрепалъ его по плечу; но на всѣ его просьбы пустить его въ горы отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Степанъ Васильевичъ написалъ плащаницу для церкви и портретъ княгини Дарьи; объѣздивъ для князя арабскаго жеребчика и, оплативъ такимъ образомъ за гостепрѣимство, возвратился домой, куда его вызывало письмо матери, извѣщавшее о тяжелой болѣзни отца.

Былъ онъ учителемъ, работалъ на заводѣ, — сначала просто слесаремъ, а потомъ, присмотрѣвшись къ дѣлу, сдѣлался управляющимъ; затѣмъ направился онъ въ Петербургъ, гдѣ промыштарствовалъ мѣсяца два или три. А затѣмъ, пока еще позволяли накопленные на заводѣ средства, переплылъ океанъ и очутился въ Америкѣ.

Въ Нью-Йоркѣ онъ, почти не искавши, пристроился на заводѣ, который, однако, скоро обанкрутился, благодаря наступившему кризису. Нашъ туристъ двинулся далѣе къ западу. Трудовая жизнь съ заботою о насущномъ хлѣбѣ мало оставляла времени для со-

мнѣній и размышленій. Къ тому-же, его сильно интересовала эта страна, полная черноземныхъ силъ, но совсѣмъ не такихъ, какъ знакомыя ему курскія и тамбовскія. Почти отвѣкая слышать русскую рѣчь, нашъ туристъ больше чѣмъ когда-нибудь душою жилъ въ Россіи. Въ самыя трудныя минуты его ободряла мысль, что это только временный искусъ, что здѣсь онъ научится практическому дѣлу, разгадаетъ роковую загадку... Съ этою надеждою онъ легко выносилъ и нужду, съ которою близко спознался здѣсь не разъ: приходилось съ биркою работать въ снѣгу, или ворочать вагоны цѣлый день за кусокъ насущнаго хлѣба... Случайная встрѣча съ бывшимъ управляющимъ обанкротившагося завода доставила ему мѣсто развѣдчика при желѣзной дорогѣ, проводившейся черезъ Техасъ.

Трудовая жизнь въ степи, съ короткими передышками въ живописныхъ городахъ съ англо-мексиканскою фizioномією, припласъ ему по душѣ и прельщала его новизною. Въ то время какъ товарищи его вели отчаянныя спекуляціи, скупая на остатки своего небольшого жалованья участки придорожныхъ земель, Степанъ Васильевичъ, довольный судьбою, работалъ съ увлеченіемъ, а въ свободное время рисовалъ окружавшія его дико-поэтическія сцены, и, наконецъ, женился на миловидной безприданницѣ, съ которою познакомился во время зимовки въ San Lucas.—Женатому жизнь въ степи была уже не подстать, и Калачевъ охотно прѣбнялъ свое инженерное званіе на представившееся мѣсто машиннаго рисовальщика въ Нью-Йоркѣ. Только здѣсь, очутившись въ многолюдномъ городѣ, Степанъ Васильевичъ снова вспомнилъ, что на свои скитанія въ Америкѣ онъ смотрѣлъ не какъ на пристань, а только какъ на вначу.. Его стало тянуть назадъ, по ту сторону Атлантики: если не непременно въ Россію, то, по крайней-мѣрѣ, поближе, куда долетаютъ хоть отдаленныя вѣянья родныхъ краевъ...

Случайно выставленныя имъ нѣсколько акварелей изъ жизни въ Техасѣ имѣли среди нью-йорекскихъ любителей неожиданный успѣхъ. Они принесли нашему странствующему рыцарю личной независимости такой кушъ, о которомъ онъ даже не мечталъ. Это дало возможность привести въ исполненіе завѣтную мечту о возвращеніи въ Европу, тѣмъ болѣе, что фирма, для которой онъ

работалъ, предложила ему мѣсто ея корреспондента на время выставки.

Въ Парижѣ, какъ и въ Нью-Йоркѣ, тегасскія акварели обратили на себя вниманіе, не столько искусствомъ исполненія, сколько вѣрностію чувства, и поэтическимъ пониманіемъ красотъ этой своеобразной жизни...

VIII.

Было уже около десяти часовъ, когда Михиѣвъ явился, со-
путствуемый Бѣлостоцкимъ.

Этотъ знаменитый артистъ, котораго самые маленькіе эскизы очаровывали даже не знатоковъ задушевнымъ изяществомъ концепціи, поэтическою красотою формъ, — обладалъ самою плюгавою наружностію, которую еще болѣе отгвнило нахальное неумѣніе держать себя съ людьми. Теперь-же, въ добавокъ, онъ былъ покрытъ, какъ лакомъ, сознаніемъ чрезвычайно выгоднаго помѣщенія, которое, при посредствѣ Михиѣва, онъ только-что нашелъ для кушей, получаемыхъ имъ за украшеніе *palazzo* Лиліенкеймъ. Бѣлостоцкій очень хорошо понималъ, что дѣло это дурное и не стоитъ выѣденнаго яйца; но онъ родился шукою, а не дремлющимъ карасемъ, и былъ твердо убѣжденъ, что съумѣетъ отретироваться во время и что сливки достанутся все-таки ему.

Онъ тотчасъ-же подошелъ къ женѣ, гадко ослабился и, гнуса и смслюкая, сказалъ:

— А, жиночка! соскучилась? А мы съ Виктогомъ Семеновичемъ ничего себѣ... обдѣляли дѣльце.

— Дорогой, Степанъ.. говорилъ тѣмъ временемъ Михиѣвъ, съ чувствомъ пожимая руку хозяина, —...извините, не знаю какъ по батюшкѣ, а по-русски безъ этого нельзя.

— Васильевичъ.

— Ну, вотъ видите: Степанъ Васильевичъ! и имя-то самое русское, а туда-же—американскій гражданинъ. Эхъ, вы... Онъ хотѣлъ сказать: „молодое поколѣніе“, но остановился, сообразивъ, что хозяину лѣтъ подъ сорокъ и что самъ онъ немногимъ старше его.

— Ну, да у всякаго свои убѣжденія. Я вотъ не держусь ва

шихъ убѣжденій, откровенно говорю. Я по всей Европѣ рыскаю, а въ Швейцаріи нога моя не была; потому—не люблю республиканской формы правленія. Да не я одинъ, а вотъ и Золя—этотъ ужъ далеко не ретроградъ,—а вѣдьтоже говорить: „для артистовъ нѣтъ правительства хуже республики“... Ну, а у васъ тамъ свои убѣжденія... Что-жъ? не грызться-же намъ изъ-за этого.

— У васъ, кажется, убѣжденіе, что всюду надо опаздывать. Я уже думалъ, что Степанъ Васильевичъ всѣ усы себѣ выкрутитъ отъ нетерпѣнія, вставилъ Волковъ.

Онъ просто хотѣлъ щегольнуть своею интимностью съ великимъ человѣкомъ и думалъ, что говорить пріятную остроту.

— Я, точно, ждалъ васъ съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ-какъ имѣю къ вамъ очень интересное для меня дѣло. Вотъ, кстати, позвольте познакомиться...

Молчаливый господинъ, сидѣвшій въ темномъ углу, при этомъ всталъ и подошелъ къ разговаривающимъ.

Лампа освѣтила его своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, и только тогда оказалось, что это еще очень молодой человѣкъ, съ кроткими, вдумчивыми сѣрыми глазами. Въ его лицѣ не было ни кровинки, и онъ казался истощеннымъ изнурительною болѣзнію.

— Мой двоюродный братъ, Александръ Михайловичъ Чебоксарскій, представилъ его хозяинъ.

— Очень, о-очень пріятно. Давно пожаловали въ наши края?

— Да, я здѣсь уже около двухъ недѣль.

— Изъ Петербурга?

— Да, я тамъ и родился.

— Петербургскій климатъ слабому человѣку въ осеннее время ядъ. Вы, кажется, нездоровы. Не грудь-ли? Такъ для этого и здѣсь не хорошо. Вамъ-бы въ Ниццу или куда-нибудь дальше на югъ.

— Куда намъ! да я и не грудью... Катарръ внутренностей, говорятъ. Ничего почти ѣсть не могу, кромѣ молока.

— Тсс... скажите! проговорилъ Викторъ Семеновичъ съ соболѣзнованіемъ.

Юноша сѣлъ на рабочій табуретъ хозяина въ своей старческой позѣ. Руки отвисли, какъ въ изнеможеніи; сухія ноги вырисовывали какіе-то острые, некрасивые углы.

Хозяинъ сказалъ полушопотомъ нѣсколько словъ Михиѣву. Другіе угадали или разслушали.

Взоры всѣхъ устремились вдругъ на Чебоксарскаго съ пристальнымъ, недоброжелательнымъ любопытствомъ, словно на мѣстѣ его вдругъ оказался какой-нибудь рѣдкостный и не совѣтъ безопасный звѣрь.

— Любопытно, любопытно, говорилъ Михиѣвъ такимъ тономъ, что всякому было ясно, что для него въ этомъ новомъ знакомствѣ ни любопытнаго, ни пріятнаго не предвидится ничего.

— Видите, успѣшилъ вѣшаться хозяинъ, — мой двоюродный братъ разработалъ проектъ новаго электрическаго освѣщенія. Я вѣдь самъ немножко механикъ. Онъ мнѣ все подробно показывалъ. На мои глаза, кажется, хорошо. У него, само собою разумѣется, ни средствъ, ни знакомствъ никакихъ.

— Что-жъ, время самое подходящее для крупнаго акціонернаго предпріятія. На биржѣ застои полныи. Капиталисты волками воютъ, не знаютъ куда пристроить свои капиталы. — Проектъ, вы говорите, окончательно разработанъ съ технической стороны?

— Даже до излишнихъ тонкостей. Сидѣлъ я долго, и счастливо такъ случилось, что всѣ нужныя книги были со мною, а чертить и читать, спасибо, не мѣшали. Новаго въ моемъ проектѣ, во-первыхъ, самое устройство фонаря, при которомъ совершенно устраняется перерывчатость свѣта, какъ у Яблочкова. Но главное не то. Я думаю вздешевить свѣтовую единицу...

— Пожалуйста, не входите въ техническія подробности. Я долженъ васъ предупредить, что не смыслу въ нихъ ни уха, ни рыла. Мое дѣло капиталистовъ найти.

— Да какія-же это подробности? удивленно спросилъ Чебоксарскій, — вѣдь это коммерческая сущность дѣла. Весь вопросъ электрическаго освѣщенія сводится теперь къ дешевизнѣ, такъ чтобъ конкуренція газомъ становилась невозможною. Яблочковская компанія потому и лопнула, что газовое общество подрадилось поставлять городу равное количество свѣтовыхъ единицъ...

— Можете не трудиться и объяснять, почему лопнула Яблочковская компанія. Je suis payé pour le savoir! Ха! Вы инженеръ?

— Я учился полтора года въ техническомъ училищѣ, когда случилась эта исторія... Потомъ сидѣлъ... Въ это время я и раз-

работалъ свой проектъ. Съ теоретической стороны все безукоризненно. Это сдѣло могу сказать, но только опытовъ не было возможности дѣлать. Вопросъ-же о вздешевленіи только и можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ послѣ опытной провѣрки... Вы сами увидите...

— Что-жъ, и опытную провѣрку произведемъ. Суть всякаго коммерческаго дѣла—капиталистовъ найти. Прочее все, техническія подробности тамъ, опыты провѣрки—при деньгахъ это все дѣлается само собою. Можно видѣть ваши чертежи?

Чебоксарскій направился со свѣчю въ темный уголь мастерской и скоро вернулся съ небольшимъ картономъ, перевязаннымъ на крестъ веревкою... Чертежи имѣли видъ щегольской и мастерской. Тетради и листы съ формулами и длинными рядами цифръ выглядѣли внушительно. Михнѣевъ разсматривалъ все съ большимъ вниманіемъ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла, сказалъ онъ, — до того, что адвокаты называютъ „дѣло по естеству“. Въ этомъ я ровно ничего не смыслю. А форма ничего, хороша, показывать можно. Вы позволите мнѣ взять съ собою вашъ проектъ?

— Конечно, съ большимъ удовольствіемъ.

— Позвольте встать и адресъ вашъ записать.

Михнѣевъ взялъ висѣвшій на часовой цѣпочкѣ золотой карандашъ и сталъ въ карманѣ искать записную книжечку.

— Да у меня и адреса никакого нѣтъ.

— Какъ это?

— Да очень просто: я ночью пока здѣсь, на диванѣ, въ мастерской Степана Васильевича.

— Хорошо. Такъ позвольте, какой нынче у насъ день?

— Кажется, четвергъ; да четвергъ.

— Ну-съ, такъ въ будущій четвергъ, ровно черезъ недѣлю навѣдайтесь ко мнѣ, утромъ рано, такъ къ одиннадцати часамъ. Кстати, позавтракаете со мною, за-просто, безъ приглашенія. Только когда звонить будите, дерните колокольчикъ такъ: разъ, потомъ два раза скоро одинъ за другимъ. Такъ: динь и динь-динь...

Викторъ Семеновичъ сдѣлалъ пояснительный жестъ рукою.

— Безъ этого вамъ не отопрутъ. Когда войдете, не спрашивайте, дома-ли? Я навѣрное буду дома. Спросите прямо: топ-

siеur Victor, а то Жоржетта васъ выпроводить: это тоже *mot de passe*. Въ нашемъ положеніи безъ этого нельзя: ни минуты не было-бы покоя. Надѣюсь, черезъ недѣлю ужъ буду въ состояніи дать вамъ какой-нибудь отвѣтъ, а теперь могу только обѣщать, что не оставлю ваше дѣло безъ вниманія.

IX.

Гости не засидѣлись долго. Присутствіе Чебоксарскаго сквало какими-то льдомъ даже добродушную словоохотливость Виктора Семеновича. Хозяинъ пошелъ ихъ провожать, чтобы посмотреть новаго рысака Михнѣва. Къ тому-же онъ чувствовалъ потребность освѣжиться, пройтись.

Вскорѣ въ мастерской не осталось никого, кромѣ молодой американки и Чебоксарскаго. Она наскоро прибрала беспорядокъ, оставленный гостями. Онъ молча сѣлъ на свой диванъ въ обычной своей старческой, утомленной позѣ.

— Какое-же на васъ впечатлѣніе произвелъ этотъ господинъ? съ участіемъ спросила она его.

— А на васъ?

— Не знаю, право, что и сказать. Вы, русскіе, таковой мудреный народъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что онъ не дурной человѣкъ, и Stéran преувеличиваетъ къ нему свою антипатію. А для дѣлъ—это всё говорить—лучше и нельзя найти *monsieur* Михнѣва.

— Мнѣ-то вѣдь и искать негдѣ, да не все-ли равно, тотъ или другой?

— Конечно. Здѣсь у всѣхъ людей, которые дѣлаютъ дѣла, непремѣнно есть что-то непріятное.— Скажите, вы будете ей писать?

— Непремѣнно, сегодня-же.

— Бѣдная женщина! Какою длинною покажется ей эта недѣля!

— Едва-ли длиннѣе предъидущихъ ста двухъ...

Американка съ участіемъ глядѣла на него нѣсколько секундъ, потомъ вздохнула и съ чувствомъ пожавъ ему руку крошечною своею рукою, ушла въ свою комнату и стала ложиться спать.

Оставшись одинъ, Чебоксарскій сѣлъ къ столу и принялся писать длинное письмо, то безостановочно исписывая цѣлую страницу, то, останавливаясь и долго просиживая въ раздумьи.

Онъ не замѣтилъ, когда Калачевъ вернулся и остановился у портъеры изъ веревочнаго ковра, замѣнявшей входную дверь въ мастерскую. Калачевъ долго и пристально вглядывался въ лицо своего двоюроднаго брата, съ которымъ онъ познакомился въ первый разъ въ Парижѣ, всего двѣ недѣли тому назадъ. Разсматривалъ онъ его не столько съ родственнымъ интересомъ, сколько съ вниманіемъ наблюдателя, видѣвшаго не мало на своемъ вѣку. Вспомнилъ онъ и свою собственную молодость... И странно: глядя на это блѣдное лицо съ темно-русными волосами, нависшими надъ прямымъ лбомъ и окаймленное темноватою бородкою, — лицо, похожее на сотни хорошо знакомыхъ ему лицъ, онъ въ первый разъ понялъ жизненный смыслъ выраженія, которое самъ повторялъ двадцать разъ и отъ другихъ слыхалъ еще чаще: „поколѣніе шестидесятыхъ годовъ“ и „нынѣшнее молодое поколѣніе“. Онъ доискивался, въ чемъ-же тутъ разница?..

Ему показалось, что онъ легко могъ-бы нарисовать одно и то-же лицо съ выраженіемъ шестидесятыхъ годовъ и съ тѣмъ, которое видѣлъ теперь на лицѣ Чебоксарскаго; но словами выразить эту разницу, хоть-бы только для самого себя понятнымъ образомъ, онъ не сумѣлъ. И порѣшивъ, что надъ этимъ надо подумать, пошелъ въ комнату жены, откуда раздавались ибѣрные и частые удары хвостомъ о ночной столъ ласкавшася у кровати, довольнаго своею прогулкою, сеттера.

Уже раздѣваясь, Степанъ Васильевичъ подумалъ про себя:

„Мнѣ постоянно казалось, что выраженіе, которое встрѣчаешь на лицахъ аскетовъ и монаховъ у старыхъ итальянскихъ и испанскихъ мастеровъ, неестественно. Я прежде никогда на живомъ лицѣ его не видалъ. А вотъ, если-бы нарисовать лице Чебоксарскаго совсѣмъ такимъ, какъ онъ теперь сидитъ тамъ, то, пожалуй, вышло-бы что-нибудь очень похожее“...“

Х.

Отправившись по адресу письма Чебоксарскаго, мы очутились-бы въ одномъ изъ маленькихъ городовъ на французской границѣ.

Онѣ раскинулся подлѣ большого озера, на обоихъ берегахъ узкой, но быстрой рѣки, которая, въ самомъ центрѣ его, съ оглушительнымъ шумомъ катитъ свои изумрудныя волны. Его небольшія и, въ архитектурномъ отношеніи, вовсе непримѣчательныя зданія тонуть въ зелени каштановъ и плаучихъ ивъ, образующихъ на каждомъ шагу чрезвычайно красивыя сочетанія съ подстриженными чинарами, елями и соснами самыхъ разнообразныхъ породъ и видовъ. Съ двухъ сторонъ его опоясываютъ горы: на сѣверѣ—ровная, сплошная цѣпь Юры, то дымчатая, исчезающая въ сизомъ утреннемъ туманѣ, то темно-синяя, съ яркою сѣжною каймою. На югѣ—причудливая стѣна альпійскихъ острововъ. Когда освѣтится она лучами заходящаго солнца, то раскинувшіяся по крутымъ ея склонамъ рощи кажутся бархатомъ, а голыя известковистыя прогалины горятъ червоннымъ золотомъ.

Почтальонъ съ письмомъ, за которыми мы слѣдуемъ, направляется въ южный конецъ города, къ большому зданію, стоящему въ нѣкоторомъ отдаленіи, среди обширнаго пустыря. Трехъэтажный домъ за каменною оградою съ чугуною рѣшеткою, расположенный въ видѣ буквы и, выстроенъ изъ сѣраго камня, въ простомъ флорентійскомъ стилѣ, безъ колоннъ, портиковъ и другихъ украшеній и прикрасъ. Надпись надъ главнымъ входомъ гласитъ, что это государственная лечебница.

Почтальонъ входитъ въ большую, свѣтлую комнату нижняго этажа, все убранство которой состоитъ изъ огромнаго письменнаго стола со множествомъ ящичковъ, изъ кожанаго дивана и нѣсколькихъ стульевъ и креселъ. Это—контора, служащая преддверіемъ въ директорскій кабинетъ. Лысый пожилой экономъ, заложивъ за ухо перо и грызя во рту окурокъ дешевой сигары, въ торопяхъ принимаетъ цѣлую пачку писемъ, сортируетъ ихъ на-скоро и возвращается къ прерванному занятію, вода пальцемъ по страницамъ и графамъ толстой счетной книги. Сѣдой конторщикъ въ ермолкѣ, на противоположномъ концѣ стола, провозглашаетъ одни за другимъ длинныя ряды цифръ по цѣлой грудѣ счетовъ, маленькихъ записныхъ книгъ и замѣтокъ... Сегодня суббота, самый тяжелый для него день, когда производятся расчеты за цѣлую недѣлю. Надо пользоваться утреннимъ временемъ, когда доктора обходятъ

камеры, когда все больничное население занято, и ничто не отрываетъ конторщика отъ наскучившихъ ему цифръ...

Но вотъ на лѣстницѣ и въ сѣняхъ усиленное движеніе. Доктора расходятся одинъ за другимъ. *Integres*, т. е. только-что получившіе докторскій дипломъ студенты, остающіеся для практическихъ занятій на два года на службѣ при госпиталѣ, бѣгутъ въ догонку за ними, испрашивая дополнительныхъ поясненій и инструкцій. Фельдшера и сидѣлки разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ... Конторщикъ закрываетъ толстую книгу, такъ-какъ теперь ему не до цифръ.

XI.

Въ числѣ множества другихъ посѣтителей, въ контору торопливо входитъ молодой человекъ съ коротко остриженными щеткою волосами и бородою. Поверхъ поношеннаго коричневаго пальто, на немъ надѣтъ бѣлый передникъ съ помочами, измятый и испачканный. На немъ легко замѣчаются коричневатые пятна крови. Присѣвъ на стулъ, съ взволнованнымъ и утомленнымъ видомъ, онъ торопливо начинаетъ крутить папироску...

— *Bon jour, Frochart*, — говоритъ ему конторщикъ, рассчитывающій въ это время одного изъ больничныхъ сторожей и подавая молодому *integres* свой зажженный сигарный окурокъ.

— Что же, сдѣлали операцію? спрашиваетъ онъ его въ промежуткѣ, когда рассчитанный сторожъ ушелъ, и мѣсто его еще не занялъ новый посѣтитель.

Фрошаръ отвѣчалъ утвердительно кивкомъ.

— Благополучно?

— *Oui mon ami!* заговорилъ Фрошаръ съ сильнымъ важнымъ выговоромъ и съ энергическою жестикуляціею. — Нашъ Куртальо истинный чародѣй. Это не хирургъ, а артистъ, ваятель, У меня духъ замиралъ. Дѣло не шуточное: боялись, что тутъ-же подъ ножомъ и умереть. Женщина анемичная, измученная. А онъ такъ ловко... Фрошаръ сдѣлалъ рукою пояснительный жестъ... Я немогъ не любоваться на него. Какая рука!

Разговоръ прервали пришедшія для расчета нѣсколько ся-

дѣлокъ. Это были по большей части дюжія крестьянки, принимавшія мѣста въ больницѣ только въ такихъ случаяхъ, если имъ не удавалось помѣститься въ одномъ изъ многочисленныхъ отелей, гдѣ заработокъ значительно больше, благодаря наводкамъ отъ проѣзжающихъ; а самая служба легче и болѣе сообразна съ ихъ вкусами и привычками. Экономъ замѣтилъ одной изъ нихъ, бѣлобрысой и деболой Бертѣ Дикъ, что больныя жалуются на ея грубое обхожденіе. Другая, Фрида Циммерли, наказаннѣй вернулась на-веселѣ и неприлично вела себя въ столовой. Экономъ дѣлалъ имъ обѣимъ внушеніе въ отборныхъ выраженіяхъ, называя почтительно каждую: „мадамъ“, и говоря, что, если-бы это повторилось, то онъ, въ прискорбію, долженъ-бы былъ отгезать имъ отъ мѣста.

Отпустивъ ихъ, онъ снова сталъ разспрашивать Фрошара о подробностяхъ тяжелой операціи, которая только-что была сдѣлана искуснымъ хирургомъ Курталью въ женскомъ отдѣленіи больницы.

— Теперь уже острой опасности нѣтъ, говоритъ Фрошаръ, — но необходима большая осторожность. Курталью велѣлъ усиленно наблюдать, чтобы предупредить сильныя истеченія крови. Съ другою-бы ничего, а эта замѣчательно истощенный субъектъ. Да и неудивительно: вѣдь онъ только кофеемъ да кашацами разными питаются. Интересно также, какой ходъ приметъ воспаленіе. Съ анемичными, знаете, въ этомъ отношеніи бѣда: какъ бутылка, гдѣ чуточка вина осталась на днѣ. Въ какую сторону наклонишь, туда все и полетится. Я именно пришелъ васъ просить: ей необходимо толковую и порядѣчную сидѣлку.

— Кто съ нею теперь?

— Элиза Брефъ; да она сама, я думаю сляжетъ у насъ сегодня. Вторую ночь не спала, а тутъ еще эта операція. Знаете, это проклятое женское любопытство! Я уже видѣлъ, что она не въ своей тарелкѣ; всячески старался удалить ее отъ кушетки, а она уперлась на своемъ... Теперь сидитъ блѣдная, какъ полотно, и зубы во рту стучать. Не то, чтобы больной помочь, а за нею-же придется ухаживать.

— Это досадно. Элиза у насъ изъ лучшихъ, и я не знаю, кого вамъ дать вмѣсто нея. Мадамъ Баше въ дѣтской палатѣ, и ее нельзя оттуда вывести: тамъ теперь много выздоравливающихъ,

Такой поднимуть содомъ, что безъ мадамъ Ваше съ ними никто не справится. Остается русская...

— Ну и чего-же лучше?

— Да у нея сегодня выходной день. Она ужъ и на прошлой недѣлѣ не выходила: сидѣла тогда съ этою тифозною, которая во вторникъ умерла.

— Да вѣдь тутъ рѣчь идетъ о жизни этой несчастной женщины. Я знаю мадамъ Liouba: она добрая; она и сегодня отъ выхода откажется. Я ей все это объясню. Что-же дѣлать! Такой случай! И операція сама по себѣ интересная, и ваши толстыя бернуазки непремѣнно уморятъ пациентку.

Экономъ позвоилъ и велѣлъ сказать madame Liouba, которая теперь въ 39 Лѣ, что онъ имѣетъ къ ней дѣло и чтобы она въ свободную минуту зашла въ контору.

Вскорѣ вошла невысокаго роста и некрѣпкаго на видъ сложенія блондинка, казавшаяся почти дѣвочкою, хотя ей было уже за двадцать лѣтъ. По ея шиловидному, но неправильному лицу, нѣсколько широкому, съ вздернутымъ носикомъ и уходящимъ назадъ подбородкомъ, ее легко было признать за русскую. Труднѣе было угадать въ ея временномъ французскомъ прозвищѣ madame Liouba ея настоящее имя: Любовь Владиміровна Чреповицкая. Не желая подвергать больничныхъ администраторовъ и пациентовъ ежечасной пыткѣ бесплодныхъ усилій произнести это иностранное имя, она назвалась просто Люба, какъ звали ее родные и немногіе друзья. Это чисто-русское уменьшительное преобразовалось само собою въ madame Liouba, благодаря требованіямъ французской вѣжливости и интонаціи.

— Здравствуйте, привѣтствовала она эконома и Фрошара, пожимая имъ по-пріятельски руки:—вы меня звали, а я и сама собиралась къ вамъ идти, такъ-какъ въ одиннадцать часовъ я хочу ѣхать въ деревню.

Экономъ отсчитывалъ слѣдующія ей за недѣлю деньги.

— Вамъ есть письмо.

Она на конвертѣ узнала руку Чебоксарскаго и засунула письмо за свой бѣлый форменный фартукъ.

— Послушайте, сказалъ Фрошаръ, — я васъ очень убѣдительно прошу: не ѣздите сегодня въ деревню.

— Что это вы выдумали! Я и такъ уже вторую недѣлю не

вижу свою малютку. Прошлое воскресенье я осталась при трудной больной, и мы тогда уже условились, что на этой недѣлѣ я буду свободна къ ряду два дня: съ субботы одиннадцати часовъ до воскресенья вечера.

Въ ея воображеніи такъ ярко нарисовалась идиллическая картина этихъ двухъ дней, проведенныхъ въ савойской деревушкѣ, въ крестьянской избѣ, гдѣ живетъ ея крошка, которую она въ теченіи цѣлаго года видала только въ недѣлю разъ, урывками, на два часа. Она цѣлую недѣлю мечтала объ этомъ праздникѣ, которому роскошный, солнечный и теплый день, какіе не часто случаются въ это позднее время осени, обѣщала придать особенную прелесть. Она такъ устала отъ этой больничной обстановки, которая живо напоминала ей страданія умершей недавно на ея рукахъ больной... Во что-бы то ни стало, ей необходимо освѣжиться.

Фрошаръ сталъ упрасивать ее со всѣмъ жаромъ и краснорѣчіемъ южанина. Женщина, — ни онъ, ни она не знаютъ ея имени, но вѣдь это все равно, — непремѣнно умретъ отъ грубого обхожденія вульгарной сидѣлки. Онъ, не боясь вступать даже въ техническія подробности, распространился о трудной операци, которой вполнѣ благополучный исходъ, далеко еще необезпеченный, представляетъ таковой интересъ для науки. Жаль, что старикъ Куртальо уѣхалъ полъ-часа тому назадъ: онъ самъ сталъ-бы на колѣни передъ madame Liouba... Съ другою-бы онъ, Фрошаръ, не сталъ-бы и говорить. Понятное дѣло, не легко отдежурить двѣ недѣли подъ рядъ въ госпиталѣ, когда тебя, какъ-будто нарочно, приставляютъ къ самымъ труднымъ больнымъ, требующимъ особенно заботливаго ухода. Къ тому-же и материнскія чувства... " *Moi gé m'ann fise ras ma!* потому-что я и вообще по части чувствъ не хожокъ. Для меня *la sciampse et les lemmes: il ny a due cá?* Прочее все вадоръ. Но материнскія чувства... Надо быть чудовищемъ, чтобы не уважать этихъ чувствъ. Однако, подумайте. Вашъ *mountard*, конечно, онъ долженъ быть очень милъ, но черезъ недѣлю вы найдете его еще немножко милѣе. А эту женщину, можетъ быть, будутъ потрошить въ анатомическомъ амфитеатрѣ, когда вашъ *mountard* состарится на одну недѣлю...

XII.

Дилижансъ въ *савойскую* деревню уѣхалъ въ одиннадцать часовъ, какъ слѣдовало по росписанію, но Люба не поѣхала въ немъ, а сидѣла въ свѣтлой больничной комнатѣ съ бѣлыми голыми стѣнами, у окна, выходившаго на большой, усыпанный щебнемъ дворъ съ цвѣтникомъ и съ высокими каштанами, на раскидистыхъ вѣтвяхъ которыхъ тамъ и сямъ желтѣлъ еще запоздалый листъ. Фрошаръ помогъ ей въ исполненіи первыхъ трудныхъ ея обязанностей при больной, которая недвижно лежала теперь на своей желѣзной кровати, не то въ забытьи, не то въ усыпленьи.

Люба помѣстилась такъ, чтобы не терять изъ вида это ужасное лицо, въ которомъ не безъ труда можно было различить черты молодой еще и довольно красивой женщины и стала, наконецъ, читать утромъ полученное письмо. По странному чувству, очень похожему на стыдливость, она предпочла проносить его нѣсколько часовъ за передникомъ, чѣмъ распечатывать въ конторѣ, гдѣ, какъ на площади, ходили и шныряли знакомые и незнакомые ей господа. Эта стыдливость чувства, которою въ сильной степени обладали Чебоксарскій и его подруга, часто была принимаема, даже близкими ихъ пріятелями, за кажущееся или дѣйствительное ихъ равнодушіе другъ къ другу. Даже и тѣ немногіе, которые знали, какъ искренна и глубока взаимная привязанность, связывающая ихъ уже въ теченіи больше трехъ лѣтъ, приписывали это ходульности. „Героевъ изъ себя корчатъ, хотятъ показать, что они стоятъ выше тѣхъ чувствъ, которыя понятны и дороги простымъ смертнымъ“...

Американка была бы сильно удивлена, если бы узнала, какое незначительное мѣсто въ этомъ длинномъ письмѣ занимала встрѣча съ Михѣевымъ, отъ которой, однако, зависѣла возможность для Чебоксарскаго сойтись снова съ Любою, которую онъ любилъ страстно, имѣть при себѣ ребенка, котораго онъ еще не видалъ, но котораго считалъ уже неразрывною частью своей подруги, съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что она благополучно разрѣшилась отъ бремени, вскорѣ по пріѣздѣ за границу, несмотря на всѣ пережитыя ею во время беременности тревоги и невзгоды, которыя значительно разстроили ея крѣпкій организмъ.

Чебоксарскій зналъ очень хорошо всѣ крупныя и мелкія неприятели того положенія, въ которомъ очутилась его жена, прїѣхавъ въ совершенно чужой ей и чопорный городъ, и какъ ей трудно было потомъ найти себѣ какое-нибудь занятіе, которое дало-бы ей средства къ существованію вмѣстѣ съ новорожденнымъ, дорогимъ ей существомъ. Сначала она сама кормила свою крошку, но когда представилось, наконецъ, мѣсто сидѣлки въ больницѣ, она должна была отказать себѣ и въ этомъ утѣшеніи. Чебоксарскій очень хорошо зналъ все это, и все это было безконечно тяжело. Онъ понималъ также, что это мѣсто больничной сидѣлки, при той страстной добросовѣстности, которую Люба вносила во всякое дѣло, принятое ею на себя хотя бы изъ крайности, à la longue должно очень основательно подкосить даже и такой скрыто-мощный темпераментъ, какъ Любинъ. Но всего этого ему не было никакой возможности описывать своей Любѣ, такъ-какъ и она вполне была увѣрена, что онъ знаетъ все это и ни на минуту не сомнѣвается въ томъ тяжеломъ влияніи, которое это сознаніе оказываетъ на него.

Чебоксарскій очень подробно и просто описывалъ женѣ тѣ попытки, которыя онъ, съ самаго своего прїѣзда въ Парижъ, дѣлалъ почти ежедневно, чтобы покончить это тяжелое для нихъ обоихъ положеніе.

Онъ очень скоро убѣдился, что ни ему, ни Любѣ нелегко будетъ прискаты себѣ въ Парижъ даже скудныя средства къ существованію. Онъ рассказывалъ ей подробно участь двухъ-трехъ своихъ прїятелей, очутившихся въ сходномъ съ нимъ положеніи и которымъ удалось, такъ или иначе, пристроиться наборщиками въ типографіяхъ или подмастерьями въ той или другой мастерской. Зарабатывали они едва и половину того, что зарабатывалъ средній парижскій рабочій, хотя и утомлялись гораздо больше, вслѣдствіе своей непривычки къ ремеслу. Но для кого нелегко разрешившійся вопросъ о хлѣбѣ насущномъ усложнялся еще и нѣкоторыми другими соображеніями.

„Мы съ тобою, писалъ онъ ей, — хотя-бы и захотѣли, то не смогли-бы разыгрывать всю жизнь Филимона и Бавкиду. Ты еще живѣ меня чувствуешь и сознаешь, что эгоизмъ вдвоемъ или втроемъ хуже единичнаго эгоизма, безнадежнѣе и рѣшительнѣе засасываетъ человѣка, такъ-какъ въ немъ совершенно невозможно

установить предѣлъ, за которымъ кончаются героизмъ, великодушіе, самопожертвованіе и начинается животное себялюбіе. По части семейныхъ добродѣтелей многія, вовсе не умныя животныя далеко оставляютъ за собою даже и очень почтенныхъ людей... Важнѣе вопроса о хлѣбѣ насущномъ и о скорѣйшимъ соединеніи нашей тройственной семьи представляется мнѣ вопросъ о томъ, чтобы найти такое дѣло, которому можно-бы безъ стыда и раскаянія посвятить себя хоть на нѣсколько лѣтъ. По теоріи и по наслышкѣ, я знаю очень хорошо, что здѣсь должно оказаться это необходимое для насъ дѣло; но въ практическомъ розысканіи его и до сихъ поръ не подвинулся еще ни на шагъ“.

Чебоксарскій подробно описывалъ свои посѣщенія двухъ-трехъ редакцій пользовавшихся его сочувствіемъ парижскихъ журналовъ, которые, казалось, интересовались Россією, ея внутреннею жизнію и движеніемъ этихъ послѣднихъ годовъ. У него просили корреспонденцій и замѣтокъ, которыя онъ писалъ съ жаромъ и увлеченіемъ. Но по представленіи ихъ куда слѣдуетъ онъ вездѣ получалъ одинъ отвѣтъ: „написано очень недурно. Вы владѣете своимъ, *vous avez du style...* Но намъ не этого нужно. Видите-ли, Россія отъ нашихъ читателей слишкомъ далека. Намъ надо что-нибудь очень колоритное, рѣзкое, говорящее воображенію. Колоритная ложь намъ нужнѣе прѣсной правды и — *toute verité n'est pas bonne à dire*“.

Въ заключеніи этого длиннаго посланія онъ говоритъ: „пока все влиномъ сходится для насъ на успѣхъ моего изобрѣтенія... Я почти не сомнѣваюсь въ результатѣ послѣдняго опыта, котораго одного еще только и не достаетъ. Сегодня Калачевъ свелъ меня съ господиномъ, который, кажется, не отчаивается достать необходимыя средства для этого дѣла. Онъ показался мнѣ совершеннымъ шалопаемъ; но, говорятъ, это именно и нужно, и есть основаніе предполагать, что и всякій дѣлецъ на его мѣстѣ показался-бы мнѣ точно такимъ. Скорѣе-бы пройти черезъ этотъ непривлекательный искусь; а если опытъ удастся, то дѣло постоитъ за себя и безъ дѣльцевъ. А тогда?.. Да ближайшимъ образомъ тогда придется устраивать цѣлый заводъ. Въ нашемъ исключительномъ положеніи о лучшей участи едвали позволительно мечтать, тѣмъ болѣе, что вѣдь мы и устраиваемся здѣсь не на вѣтъ. — А пока?.. Да вотъ вчера представлялось превыгодное занятіе: въ

оптовой распродажѣ химическихъ продуктовъ выдавать анилиновые препараты за цѣлебныя или невинныя снадобья... Будущій мой патронъ, добродѣтельный семьянинъ, зналъ, что у меня жена и дочь брошены на произволъ судьбы, и пустился даже въ лирическія изліянія. Мой отказъ, кажется, нешутя оскорбилъ его нравственное чувство: при всей бросающейся въ глаза парижской игривости и развратѣ, сантиментальность процвѣтаетъ здѣсь такъ, какъ я и не ожидалъ“.

Л. Мечниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗА ПРАВДУ.

РОМАНЪ

Карла Францова.

ГЛАВА V.

Въ этомъ предгоріи осень обыкновенно бываетъ самымъ прекраснымъ, единственно хорошимъ временемъ года. Зима здѣсь долгая, тяжелая и суровая, весна — холодная и кратковременная, лѣто — чрезмѣрно жаркое, съ почти ежедневными грозами. Такимъ образомъ, въ этой области отроговъ лѣсистыхъ горъ природа только осенью принимаетъ веселый, привѣтливый видъ: солнце свѣтитъ и грѣетъ круглый день, воздухъ почти неподвиженъ и невыразимо ясенъ, и такая мягкая, роскошная осень тянется долго, часто вплоть до середины ноября. Но въ этотъ годъ случилось иначе; уже къ празднику Рождества Богородицы улетѣли птицы, земля быстро обнажилась и пожелтѣла, солнце скрылось за густою мглой, и уже черезъ двѣ недѣли послѣ этого праздника, въ день св. Феклы, въ мутномъ, сѣромъ воздухѣ закружились первыя снѣжинки. Послѣ этого настало нѣсколько ясныхъ, но нестерпимо холодныхъ дней, и затѣмъ опять повалилъ снѣгъ почти безъ перерыва, изо дня въ день, и не видно было конца наступившимъ сѣрымъ сумеркамъ. Съ тревожными, невеселыми лицами сидѣли деревенскіе жители по своимъ хатамъ; ихъ пугала ранняя зима, а еще болѣе — рассказы стариковъ про жестокую зиму, которая, слишкомъ скоро въ лѣтъ тому назадъ, посѣтила эту мѣстность и также началось уже съ праздника св. Феклы. Въ то время холодъ

въ горахъ дошелъ до того, что люди едва рѣшились выходить изъ своихъ жилищъ, такъ-какъ всякое дыханіе рѣзало грудь и члены черезъ нѣсколько минутъ до такой степени ооченѣвали, что многіе, пройдя съ одного конца деревни до другого, падали и тутъ-же умирали. Вмѣстѣ съ зной явилась и нужда. Вѣдь крестьяне лишились половины жатвы съ громадскаго поля, и уже одна эта утрата должна была тяжело отразиться на ихъ благосостояніи. Къ тому-же и жатва-то была скудная, а страшная стужа грозила погубить и озимое зерно. Такимъ образомъ, къ наступившей уже нуждѣ присоединялись еще опасенія за будущее. Если-бы такія невзгоды постигли жителей равнины, то они-бы только горевали и смиренно склонили-бы голову передъ Божьей волей. Совершенно иначе отнеслись къ своей судьбѣ упрямые, непокорные обитатели села Зулавцы; у сильныхъ натуръ горе легко переходитъ въ гнѣвъ. Злобствуя и негодуя, они роптали на свою участь и искали жертвы, на которую можно было-бы свалить всю отвѣтственность. Найти ее было нетрудно; вѣдь въ потерѣ поля, по ихъ мнѣнію, былъ виноватъ не кто иной, какъ судья Тарасъ.

Тяжелые дни настали для Тараса и едва-ли онъ былъ-бы въ состояніи вынести всю ихъ тяжесть, если-бы его не одушевляло непоколебимо твердое убѣжденіе, что вотъ-вотъ придетъ, должно прійти, благоприятное рѣшеніе уѣздной управы. Это давало ему силу выполнять изо дня въ день свои тяжелыя обязанности. Управляющій безжалостно требовалъ все, что ему слѣдовало, а громада не могла или не хотѣла исполнять всѣхъ этихъ требованій. Когда Тарасъ старался убѣдить крестьянъ въ необходимости отбывать лѣсную панщину, которая и на этотъ разъ была продана лѣсническому въ Принковцахъ, то они угрюмо отвѣчали ему: „Мы не обяваны этого дѣлать, а тебѣ пора-бы знать, къ чему ведетъ твоя уступчивость съ этимъ чехомъ. Да мы теперь и работать не можемъ; мы обезсилѣли отъ голода. Вотъ если-бы у насъ былъ теперь хлѣбъ, что родиться между крестомъ и рѣкою, такъ мы-бы и не тужили“. Если-же онъ заявлялъ имъ, что при такихъ условіяхъ не можетъ продолжать своихъ обязанностей, то они отвѣчали съ презрительнымъ смѣхомъ: „Нашъ батюшка, Степанъ, который, къ сожалѣнію, поконился въ могилѣ, бывалъ судьей и въ счастливые, и въ черные дни; а ты видно желаешь нести свою службу только въ счастливые“. Эти слова дѣйствовали на него

силыѣ, чѣмъ всѣ просьбы и заклинанія жены; онъ порѣшилъ остаться при своей должности, а такъ-какъ другого исхода не было, то послалъ на лѣсную панцину своихъ наймитовъ или поденщиковъ, которымъ платилъ за работу изъ собственныхъ денегъ.

— Вѣдь мы богаты, утѣшалъ онъ жену, — и притомъ, неся повинности за громаду, вѣдь я не трогаю того, что получилъ за тобою въ придаюе; я собственнымъ честнымъ трудомъ увеличилъ наше имущество. А когда снова настанутъ болѣе счастливые дни, ивѣ съ полнымъ правомъ можно будетъ потребовать у громады возвращенія этого долга. Вѣдь Богъ не безъ милости; онъ послалъ намъ бѣду, онъ-же и прекратитъ ее. Да и царскіе писаря должны-же, наконецъ, рѣшить наше дѣло и присудить громадѣ то, что ей слѣдуетъ по праву.

Но рѣшеніе все не приходило. Медленно тянулась недѣля за недѣлей среди нужды и недовольства; даже рождественскіе праздники прошли печально, такъ-какъ снѣжныя вьюги все еще продолжались, а когда небо на время очищалось, то и морозъ давалъ себя знать съ удвоенною силою.

Наконецъ, въ день Крещенія 1837 года наступилъ переломъ въ погодѣ. Уже рано утромъ жители были пробуждены какими-то необыкновеннымъ стоявшимъ въ воздухѣ шумомъ, а когда они, встревоженные, выбѣжали изъ домовъ, на встрѣчу имъ пахнула теплая струя; это былъ южный вѣтеръ, котораго они дожидались съ такимъ нетерпѣніемъ. Онъ продолжался не долѣе двухъ часовъ, и громадные массы снѣга не имѣли времени сразу растаять и исчезнуть, но и послѣ прекращенія вѣтра холодъ только незамѣтно увеличился и едва достигъ точки замерзанія.

Въ радостномъ возбужденіи всѣ — и старъ и младъ, — поспѣшили въ церковь; люди, которые въ теченіи многихъ лѣтъ относились другъ къ другу враждебно, весело кивали другъ другу, если взгляды ихъ встрѣчались; и Тараса привѣтствовали всюду съ такими веселыми лицами, съ такими задушевными словами, какихъ ему не приходилось видѣть и слышать съ того памятнаго, злополучнаго апрѣльскаго дня. Чувство всеобщаго облегченія, чувство благодарности за Божье милосердіе было такъ сильно и такъ всеобщее, что охватило даже священника и на время возвысило его надъ тѣмъ плачевнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ погрязъ уже съ давнихъ поръ. Когда онъ отслужилъ обѣдню и крестьяне со-

брались уже уходить изъ церкви, зная, что батюшка давно не отчаивается говорить проповѣдь, онъ совершенно неожиданно попросилъ ихъ остаться, взомель на кафедру и началъ говорить. Рѣчь его далеко не была образцомъ ораторскаго искусства, но онъ сумѣлъ выразить то чувство, которое наполняло всѣ сердца и потому тронула всѣхъ...

Когда крестьяне вышли изъ церкви и по обыкновенію собрались тутъ-же на площади, между ними господствовало самое благодушное настроеніе. Толковали о погодѣ, о проповѣди, о процессѣ. „Почемъ знать, поговаривали даже тѣ, которые больше всего досаждали Тарасу, — можетъ-быть, еще все кончится хорошо“.

Веселѣе всѣхъ былъ самъ Тарасъ; онъ переходилъ отъ одного къ другому и со всѣми перекидывался ласковыми словами. „Будемъ надѣяться на Бога, говорилъ онъ. — Господь избавилъ насъ отъ жестокаго холода. Онъ-же охранитъ насъ и отъ неправды. Сердце мое чувствуетъ это. Рѣшеніе навѣрное уже послано намъ и очень скоро придеть“.

Едва онъ успѣлъ выговорить эти слова, какъ произошло нѣчто, очень часто случающееся въ комедіяхъ, но крайне рѣдко наблюдающееся въ жизни, а именно: внезапное исполненіе его желанія. Со стороны Прута, по улицѣ села поднимались небольшія сани; лошадыи правиль мужикъ, а на заднемъ сидѣніи лежалъ какой-то тюкъ плотно свернутаго мѣха. До тѣхъ поръ пока сани не остановились посреди толпы крестьянъ, въ нихъ нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ человѣческаго существа. Наконецъ, лежавшій на сидѣніи тюкъ началъ шевелиться, скинулъ съ себя громадный овечій тулупъ, затѣмъ лисью шубу и, наконецъ, появилось ядро, скрывавшееся подъ этими оболочками — маленькій, горбатый, пожилой человѣкъ въ поношенной городской одеждѣ. Онъ всталъ и снисходительнымъ тономъ спросилъ: „Эй, добрые люди, нѣтъ-ли между вами судьи?“

Мужики смѣялись, глядя на курьезнаго человѣчка. Тарасъ подошелъ къ санямъ. — „Что тебѣ угодно?“ спросилъ онъ улыбаясь.

Незнакомецъ сначала не далъ никакого отвѣта. Онъ вынулъ изъ кармана футляръ, а изъ футляра громадныя очки. Помѣстивъ ихъ съ достоинствомъ на свой вздернутый носикъ, и не обращая вниманія на хихиканье, которое раздавалось все громче, онъ началъ торжественно и съ разстановкой: — Ко мнѣ обраща-

ются не иначе, какъ со словомъ „панъ!“ Зовутъ меня панъ Михалъ Ступка; я помощникъ пана доктора Евгенія Старковского...

Задрожавъ отъ волненія, бросился къ нему Тарасъ и схватилъ его за руку. „Процессъ рѣшенъ, проговорилъ онъ задыхаясь.— Ты привезъ бумагу отъ адвоката?“

Мужики столпились вокругъ саней. „Слава Богу! кричали они — поле опять въ нашихъ рукахъ!.. Да здравствуетъ судья! Впрочемъ, такъ и должно было случиться!.. Читай бумагу!“

Писарь корчился, пытаясь освободиться отъ желѣзной руки, схватившей его руку. — „Пусти! простоналъ онъ. — Процессъ дѣйствительно рѣшенъ, но...“ Онъ въ смущеніи остановился; возбужденная толпа пугала его.

Тарасъ поблѣдѣлъ. Сильною рукою схватилъ онъ несчастнаго человѣка, приподнялъ его изъ саней и поставилъ на землю передъ собою. „Выигранъ? крикнулъ онъ, — вѣдь онъ долженъ быть выигранъ?!“

— Да развѣ я виноватъ! вопилъ въ отчаяніи писарь. — Развѣ я попалъ къ дикарямъ? Пусти!.. Вѣдь я не болѣе какъ помощникъ или вѣрнѣе — писарь!.. Панъ докторъ употребилъ съ своей стороны всѣ старанія!.. Впрочемъ, вѣдь *judicium gr̄imæ instantiæ* не имѣетъ значенія окончательнаго рѣшенія...

Послѣднихъ словъ Тарасъ навѣрное не понималъ, но не болѣе, повидимому, понималъ онъ и предъидущія. Лицо его исказилось, онъ шатался какъ пьяный. „Проиграли?“ сказалъ онъ, и это слово вырвалось изъ его сдавленнаго горла въ видѣ хриплаго шопота. Тѣмъ громче кричали зато мужики, стараясь протѣсниться поближе къ санямъ.

Писарь тѣмъ временемъ вынулъ два конверта. „Вотъ приговоръ уѣздной управы и письмо отъ пана-доктора“.

Тарасъ съ трудомъ овладѣлъ собою: „Мы не умѣемъ читать, сказалъ онъ глухимъ голосомъ. — Скажи ты намъ, что написано въ бумагахъ. Кому присуждено поле?“

Пану Ступкѣ показалось неблагоразумнымъ прямо отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ сорвалъ казенную печать. „Да, да, добрые люди, поспѣшилъ онъ увѣрить мужиковъ, — я съ удовольствіемъ прочту и переведу вамъ все, что здѣсь написано“...

Но Тарасъ перебилъ его. „Кому?“ спросилъ онъ еще разъ.

— Ну да, дѣйствительно, заикаясь бормоталъ писарь, — въ нѣкоторомъ родѣ... помѣщику!

— Ты лжешь! дивимъ, громкимъ голосомъ вскрикнулъ Тарасъ. Но остальные мужики отвѣчали злораднымъ смѣхомъ. „Намъ ты не хотѣлъ вѣрить, что процессъ ни къ чему не поведетъ, такъ повѣрь хоть казенной бумагѣ!“

Въ бѣшенствѣ, не помня себя отъ ярости, Тарасъ кинулся съ сжатыми кулаками на смѣющихся; но оба старшины подошли къ нему и удержали его. „Успокойся, умоляя его Семень, самый вѣрный другъ его. — Позднѣ мы обсудимъ, что слѣдуетъ предпринять. Выслушай сначала рѣшеніе“.

Писарь развернулъ бумагу. „Именемъ императора! началъ онъ, перевода вступительную формулу. Крестьяне почтительно обнажили головы; только Тарасъ не снялъ своей мѣховой шапки. Семень тихо замѣтилъ ему это, но онъ ирочно покачалъ головой. Другъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него и невольно отступилъ на одинъ шагъ. Но остальные этого не замѣтили. Они слушали рѣшеніе.

Это былъ длинный, основательный, подробно мотивированный, оффиціальныи документъ, составленный, разумѣется, на нѣмецкомъ языкѣ, который въ то время въ Австріи былъ всюду обязательенъ при судопроизводствѣ. Не легко было передать этотъ странный, вычурный стиль на простомъ русскомъ *) языкѣ. Но панъ Михайлъ Ступца, какъ опытный практикъ-юристъ умѣлъ безъ труда одолѣть эти трудности. Уѣздная управа отказывала громадѣ въ ея исбѣ, въ виду того, что она не выставила достаточныхъ основаній для поддержки своихъ притязаній. Фактъ дѣйствительнаго обладанія и подлинныя слова инвентарной книги говорили въ пользу помѣщика, а противъ него только данныя подъ присягою показанія крестьянъ. Уѣздная управа не считала себя обязанною разслѣдовать въ этомъ гражданскомъ дѣлѣ, не совершила ли одна изъ сторонъ сознательнаго, злонамереннаго клятвопреступленія, но сочла долгомъ выяснить, которыя изъ показаній заслуживаютъ наибольшаго довѣрія и обладаютъ наибольшою доказательностью. Рѣшеніе, по мнѣнію управы, должно было склонить-

*) Такъ сами русины называютъ свой языкъ, очень мало отличающійся отъ малороссійскаго, украинскаго языка.

ся въ пользу помѣщика, ибо, во-первыхъ, крайне странно, „что по словамъ протокола, именно сельскій судья высказался противъ увѣщанія крестьянъ священникомъ“...

Вплоть до этого мѣста Тарасъ молча и неподвижно стоялъ и слушалъ; но тутъ онъ весь затрясся, кулаки его сжались. „Зиѣи вы, зиѣи, ядовитыя зиѣи!“ вымолвилъ онъ, задыхаясь.

— Молчи! уюлялъ Семень, обнявъ рукою и поддерживая за-патавашаго Тараса, но тотъ и безъ того не промолвилъ болѣе ни слова; глаза его закрылись, онъ, казалось, былъ близокъ къ обмороку.

— Во-вторыхъ, продолжалъ писарь свое изложеніе,—въ числѣ тѣхъ, кто показывалъ въ пользу помѣщика, находились и семейные жители деревни, слѣдовательно—такіе люди, которые этихъ вредили собственнымъ интересамъ. Тѣмъ большее значеніе, по мнѣнію управы, слѣдовало придавать ихъ присягѣ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, сторонѣ, предъявившей жалобу, отказывали въ искѣ и приговорили ее къ уплатѣ судебныхъ издержекъ—„на основаніи закона!“

— „На основаніи закона!“ насмѣшливо повторили мужики. Только Тарасъ не сказалъ ни слова. Онъ схватился за сердце и какъ снопъ грохнулся объ землю, словно сраженный молніею.

Нѣсколько часовъ сряду пролежалъ онъ въ глубокомъ обморокѣ. Въ безпамятствѣ отнесли его домой; ни плачь жены, ни употребляемыя окружающими его людьми средства, казалось, не въ состояніи были пробудить его къ жизни. Когда-же онъ, наконецъ, открылъ глаза, то началъ говорить такія странныя вещи, что всѣ испугались. „Теперь долженъ обрушиться весь міръ!“ повторялъ онъ безпрестанно,—святыня осквернена! Затѣмъ онъ разразился судорожными рыданіями,—онъ, въ чьихъ глазахъ никто еще не видѣлъ слезъ. Онъ жаловался на свою участь и, рыдая, требовалъ, чтобы къ нему привели дѣтей, такъ-какъ онъ желаетъ съ ними проститься. Онъ повторялъ это требованіе съ такою страстною настойчивостью, что, наконецъ, должны были исполнить его желаніе. Сосѣди, охваченные ужасомъ и состраданіемъ, вышли изъ комнаты; только Семень Паменко провелъ всю ночь у постели больного; остальные разнесли по селу извѣстіе, что судья ешелъ съума.

Панъ Гайекъ узналъ объ этомъ только на слѣдующее утро,

возвратившись изъ Заблотова, гдѣ онъ провелъ ночь за картами съ гусарскими офицерами. Приказчикъ его, Болеславъ, думалъ доставить ему этою вѣстью большое удовольствіе и былъ крайне удивленъ, когда управляющій, выслушавъ его, нахмурился. Это не было съ его стороны притворствомъ. Графъ Георгій въ послѣднее время значительно расширялъ кругъ своихъ знакомыхъ въ Парижѣ и послѣ ростовщиковъ свелъ знакомство и съ судебными экзекуторами. Пану Гайеку нужны были деньги, какъ для него, такъ и для самого себя. Теперь, когда удалась одна мошенническая продѣлка, при ближайшемъ удобномъ случаѣ можно было попытаться и другую. Но въ виду этихъ плановъ было-бы крайне выгодно, чтобы судьей на селѣ былъ человѣкъ, рискующій собственной жизнью ради предотвращенія насилія.

— Сошелъ съума? спросилъ онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ. Надѣюсь, что состояніе его не такъ серьезно, какъ ты говоришь. Сходи къ его женѣ и скажи ей, что я готовъ вызвать на свой счетъ лѣкаря изъ Коломн.

Мазуръ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. „Панъ, сказалъ онъ,—я готовъ имѣть дѣло съ дюжиною мужиковъ и, пожалуй, съ самимъ дьяволомъ, но что касается этой Ануси... панъ, вѣдь она гуцулка, а глаза-то у меня не буленны!“

Неохотно повиновался онъ повторенному еще разъ приказанію и нерѣшительнымъ шагомъ пошелъ къ дому судьи. Но когда онъ вошелъ въ комнату, лицо его приняло болѣе покойное выраженіе. У постели Тараса сидѣли только оба старшины, Семень и Олекса. Они старались утѣшить больного, но та буря, которая всколебала его душу и, повидимому, переродило все его существо, еще не стихла. Онъ, этотъ крѣпкій, выносливый человѣкъ, все еще рыдалъ безутѣшно, какъ ребенокъ. Съ невольнымъ ужасомъ слушали друзья его, какъ онъ безпрестанно повторялъ: „Я честно прожилъ всю жизнь, а теперь приходится доживать ее съ позоромъ! Что станетъ съ моими дѣтьми, если я исполню то, что мнѣ повелѣваетъ мое сердце?“

Когда вошелъ приказчикъ, Тарасъ умолъ и блѣдныя щеки его запылали. Семень поспѣшно всталъ, чтобы выпроводить непрошеннаго гостя, но Тарасъ удержалъ его. „Подойди поближе, другъ Болеславъ! сказалъ онъ съ горькою усмѣшкой,—съ какою радостною вѣстью пришелъ ты ко мнѣ?“

Приказчикъ приблизился и въ смущеніи передалъ предложеніе управляющаго.

— Вотъ какъ! лѣвчара! повторилъ Тарасъ, — впрочемъ, вѣдь я не со вчерашняго дня знаю, что панъ управляющій честнѣйшій человѣкъ!

Приказчикъ стоялъ, не зная на что рѣшиться. „Такъ я скажу“... началъ онъ, обращаясь къ старшинѣ. — Но при звукѣ его голоса Тарасъ снова открылъ глаза. „Уходи!“ крикнулъ онъ такъ громко и такъ повелительно, что гигантъ вздрогнулъ и поспѣшно направился къ двери.

Тарасъ съ странною улыбкою посмотрѣлъ ему вслѣдъ. „Слава Богу, сказалъ онъ, — известіе это пришло во время. Ваши увѣщанія, друзья, были тщетны, но злорадство врага возвращаетъ мнѣ силы. Я стану бороться противъ моей ужасной участи, куда хватить силъ“.

— Противъ какой ужасной участи? спросилъ Семень, стараясь успокоить его, — опомнись! Ты вѣдь правое дѣло и съ честью потерпѣлъ неудачу. Вотъ и все!

— Все! повторилъ судья, — но именно потому, что дѣло было правое... впрочемъ, къ чему объ этомъ говорить?.. Вы вѣрно думали, что я боленъ или сошелъ съ ума, когда я такъ безутѣшно горевалъ? Оба мужика въ смущеніи потупились. Надѣюсь, продолжалъ Тарасъ дрожащимъ голосомъ, — надѣюсь, что не придетъ то время, когда вы могли-бы понять, какъ ясно было во мнѣ сознаніе! Дай-Богъ, что-бы вы никогда не научились понимать моихъ слезъ!.. Но, прибавилъ онъ, — что-бы это желаніе могло исполниться, я долженъ собрать всѣ свои силы. Что, писарь еще здѣсь?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Семень. Когда ты упалъ, этотъ маленькій человѣчекъ поспѣшно сунулъ мнѣ обѣ бумаги и уѣхалъ усердно погоняя лошадей. Онъ весь дрожалъ и клялся, что никогда въ жизни не согласится болѣе исполнять такіа порученія.

Тарасъ улыбнулся. — Въ такомъ случаѣ нужно, чтобы священникъ прочелъ намъ письмо. Выйдите за дверь, а сейчасъ одѣнусь.

— Побереги себя, отдохни! просилъ Семень.

— Отъ этого дѣла зависитъ моя судьба! весь вспыхнувъ, крикнулъ Тарасъ. Мужики вышли изъ комнаты.

— Что ты на это скажешь? спросил Олекса своего товарища, пока они дожидались за дверью.

— Одному Богу известно, чѣмъ это кончится, печально отвѣтил Семень.

— А я все не могу забыть, что онъ не снялъ шапки, когда читали рѣшеніе.

Стоя въ сѣняхъ, они услышали голосъ Ануси; она не хотѣла отпускать мужа. — „Вѣдь ты свалишься съ ногъ!“ убивалась она. Но Тарасъ, хотя еще очень блѣдный, вышелъ твердымъ шагомъ.

Всѣ трое отправились къ отцу Мартыну. Когда они отворили дверь его дома, на встрѣчу къ нимъ вышла его экономка съ заплаканными глазами. Это была пожилая дѣвушка; звали ее Праксеніей, родилась она въ Зулавцахъ, а послѣ того, какъ у попа умерла жена, стала завѣдывать его маленькимъ хозяйствомъ.

— Ахъ! востыкнула она, рыдая. — Какъ я рада, судья, что, по крайней мѣрѣ, ты не сошолъ съ ума! А во мнѣ только-что приходила старая Ганя и сказала: „Вообрази, судья совсѣмъ лишился разсудка!“ — „Ахъ, отвѣтила я, что это за тяжелыя времена! Сначала стоялъ такой жестокой морозъ, а теперь вдругъ въ одинъ день въ селѣ два человѣка сходятъ съ ума! Да еще какіе люди! — священникъ и судья! У тебя-то, милый Тарасъ, я вижу, все опять въ порядкѣ, но мой преосвященный со вчерашняго дня дѣйствительно совсѣмъ рехнулся.

— Авось дѣло не такъ ужъ плохо, попытался утѣшить ее Тарасъ; — онъ вѣрно опять черезъ мѣру выпилъ.

— О, нѣтъ, рыдала Праксенія, — изъ-за этого-бы я не тревожилась; вѣдь случалось съ нимъ каждый день; пилъ онъ съ удовольствіемъ, и все обходилось благополучно. Но со вчерашняго дня, блѣдный старикъ, который къ этому такъ привыкъ, не бралъ въ ротъ ни одной капли, все только неподвижно смотритъ куда-то и бормочетъ всякій вздоръ.

— Да, замѣтилъ Семень, — я знаю его уже двадцать лѣтъ; надъ этимъ дѣйствительно можно призадуматься.

— Не правда-ли? Ну вотъ, то-же самое я только-что сказала Ганѣ, и какъ разъ этими самыми словами, Семень, клянусь Богомъ! А знаете изъ-за чего приключилась эта бѣда? Изъ-за проповѣди! Право, только изъ-за проповѣди! Ну вотъ, слушайте. Вхожу я, старая дура, вчера утромъ къ нему въ комнату и го-

ворю, — да впрочемъ, почему-бы мнѣ ему и не говорить этого? — „Батюшка! говорю, — на дворѣ потеплѣло, и по всей деревнѣ радость и веселіе“. — „Вотъ какъ!“ говорить; — „я этому очень радъ“. Выпилъ это онъ въ торопяхъ рюмку водки, какъ всегда. вмѣсто завтрака, накинулъ на себя расу и выбѣжалъ на улицу. Черезъ полчаса, гляжу, — онъ ужъ вернулся, да такой возбужденный, глаза такъ и блестятъ. „Батюшка!“ накинулась я на него, — ты опять былъ у Аврумки, а вѣдь по глазамъ вижу; стыдно тебѣ, передъ обѣдней это грѣшно дѣлать! А онъ божится, что я на него взвожу напраслину, что только радость его такъ взволновала. — „Ахъ, Праксенія, говорить, — какой чудный день! Куда ни взглянешь, — вездѣ прославляютъ Бога. И такъ это меня, Праксенія, порадовало, что я рѣшилъ сегодня сказать проповѣдь!“ — „Батюшка, говорю я ему строго, — объ этомъ лучше и не помышляй. Гдѣ тебѣ съ этимъ справиться? Только людей насмѣшишь, какъ пять лѣтъ тому назадъ, — помнишь чай!“ — „Помню, говорить, но сегодня выйдетъ лучше“. Такъ и неудалось мнѣ отговорить его. Пошелъ, заперся въ своей комнатѣ, сталъ тамъ бѣгать взадъ и впередъ и громко что-то говорить, пока не заблагоувѣстили. Пригорюнившись пошла я въ церковь; вижу онъ въ самомъ дѣлѣ всходить на кафедру, и думаю про себя: иди, иди, батюшка, — скоро и самъ пожалѣешь, что не послушался своей Праксенія. А онъ-то... ну, да вѣдь вы сами были при этомъ и знаете, какъ хорошо онъ говорилъ, не заикаясь, не сморкаясь, не почесывая себѣ за ухомъ, — такія трогательныя слова, какъ-будто самъ Господь ему ихъ подсказывалъ. Всѣ были тронуты, всѣ! Ну вотъ, пошла я домой, гордая такая, — чтобы приготовить ему обѣдь. Сегодня, думаю, не стану съ нимъ браниться, хотя-бы онъ тотчасъ отправился къ Аврумкѣ и только ночью вернулся домой. Отворяю дверь, а онъ ужъ сидитъ въ своей комнатѣ, а слезы такъ и бѣгутъ ручьями по его щекамъ. „Ахъ, Праксенія! говорить онъ, заливаясь слезами, — не по заслугамъ милосердѣ ко мнѣ Господь; даль-же онъ мнѣ, старому пьяницѣ, дожить до такой радости“. Я не знаю, что ему отвѣчать на это, иду въ кухню, подаю обѣдь и становлю на столъ графинъ съ водкой. „Иди батюшка!“ кричу я ему. Онъ послушался, сѣлъ за столъ, только ни къ чему не притрогивается, а сидитъ и все смотритъ, уставившись на что-то глазами. — „Выпей хоть рюмочку!“ прошу я его. — „Нѣтъ!“ говорить, да такъ

рѣшительно. „Нѣтъ, нѣтъ!“ Тутъ я не на шутку испугалась и сейчасъ-же подумала: либо онъ боленъ, либо сошелъ съума! Такъ оно и вышло, добрые люди! Съ полудня вплоть до поздней ночи онъ бѣгалъ по комнатамъ и все говорилъ про себя какія-то священные рѣчи; а когда я спрашивала: „что ты дѣлаешь, батюшка?“ онъ отвѣчаетъ мнѣ: „Не иѣшай!“ или — „Нужно-же мнѣ приготовить проповѣдь!“ Только въ девять часовъ удалось мнѣ заставить его съѣсть немного супу и уложить въ постель; это, впрочемъ, не трудно было сдѣлать; хотя ему всего шестьдесятъ лѣтъ, но, когда онъ трезвъ, съ нимъ всякій ребенокъ справится. „Ну, теперь спи!“ приказала я ему; но онъ меня опять не послушался, и лежалъ съ открытыми, блестящими глазами и все что-то бормочетъ себѣ подъ носъ. Такъ онъ лежитъ и по сію пору:—боюсь я, что пришелъ ему конецъ!“

Мужики старались утѣшить горевавшую женщину, но, войдя въ комнату и приблизясь къ постели больного, они и сами увидѣли, какъ страшно онъ пережился за этотъ короткій срокъ. Лицо его стало блѣднѣе и уже, морщины глубже, глаза смотрѣли дико и бессознательно.

Впрочемъ, Тараса онъ тотчасъ-же узналъ. „А, судья!“ прошепталъ онъ. „И впродолженіи семидесяти лѣтъ онъ былъ справедливѣйшъ судьей въ странѣ!.. Вотъ звонятъ колокола; мнѣ нужно идти говорить проповѣдь... Чего ты хочешь отъ меня?“

— Я хотѣлъ узнать о твоёмъ здоровьи и попросить тебя прочитать мнѣ письмо.

— Письмо? спросилъ священникъ—Ахъ, да! письмо Павла къ коринѳянамъ... „Если-бы я заговорилъ съ вами языкомъ ангеловъ, но не обладалъ-бы любовью... Любовь всему вѣритъ, на все надѣется и все претерпѣваетъ“... Онъ снова былъ подъ вліяніемъ своего лихорадочнаго бреда.

Такъ и ушли мужики ни съ чѣмъ.—„Странное дѣло, замѣтилъ Семенъ съ печальною улыбкой,—нашъ погъ въ здоровомъ умѣ никогда не говорилъ такихъ назидательныхъ рѣчей, какъ теперь... Ты вѣрно тоже думаешь, что онъ умретъ“.

Тарасъ не отвѣтилъ на его вопросъ.—„Мнѣ нужно ѣхать въ городъ, сказалъ онъ, какъ-будто пробуждаясь отъ глубокихъ думъ.—Что можетъ быть написано въ письмѣ? Я долженъ поговорить съ адвокатомъ самъ, и какъ можно скорѣе“.

Онъ сказалъ это такимъ рѣшительнымъ тономъ, что они и не пытались ему противорѣчить. И Анусъ пришлось помириться съ этимъ рѣшеніемъ, какъ не тяжело оно было для нея. „Брось ты это дѣло! умоляла она. — Если ты непременно хочешь принести жертву, то лучше отдай громадѣ въ видѣ вознагражденія за потерянное, то поле, которое мы купили два года тому назадъ. Но не выдай нашихъ кровныхъ денегъ въ ненасытную пасть этихъ писакъ!“

Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее. „Ты превосходная женщина, сказалъ онъ, — но этого дѣла не понимаешь. Вѣдь рѣчь идетъ не только о правахъ громады, а объ нашей личной участи, объ участи нашихъ дѣтей!“

— Чтò ты говоришь? воскликнула она въ ужасѣ. Но онъ ни чего болѣе не отвѣтилъ, сѣлъ въ сани и поѣхалъ по направленію къ уѣздному городу.

Когда на слѣдующій день онъ вошелъ въ переднюю адвоката, панъ Ступка, вскрикнувъ отъ испуга, вскочилъ со стула и бросился въ комнату своего начальника. Тарасъ слышалъ, какъ онъ въ ужасѣ простоналъ: „Панъ докторъ! Привидѣніе!.. Покойный судья стоитъ въ передней!“

Улыбаясь вышелъ адвокатъ къ своему посѣтителю и радушно съ нимъ поздоровался. „Я съ самаго начала подумалъ, сказалъ онъ, — что мой писарь преувеличиваетъ. Вѣрно, горькое разочарованіе только на мгновеніе ошеломило тебя?“

— Нѣтъ, отвѣчалъ Тарасъ, — не одно разочарованіе, а сознаніе, что моя будущность зависитъ отъ этого рѣшенія, если оно не можетъ быть отмѣнено. Вотъ, чтобы разузнать объ этомъ, я и пришелъ къ тебѣ. Можетъ быть, объ этомъ написано въ твоихъ письмахъ, панъ докторъ; я не умѣю читать...

— Въ письмахъ сообщалось только о судебныхъ издержкахъ, пояснилъ докторъ Старковскій. — Сто двѣнадцать гульденовъ. Я говорю объ этомъ не для того, чтобы торопить тебя; ты можешь уплатить, какъ тебѣ удобнѣе. Про дальнѣйшее веденіе дѣла тамъ не сказано ничего. Продолжать процессъ я обыкновенно совѣтую только въ томъ случаѣ, если есть шансы на успѣхъ...

— Панъ докторъ, сказалъ судья медленно, беззвучнымъ голосомъ, — обдумай то, чтò ты говоришь! Отъ этого слишкомъ много зависитъ!

Этотъ тонъ и искажившееся лицо Тараса поразило адвоката. „Конечно, я могу ошибиться, сказалъ онъ;—но слѣдствіе, на которое я возлагалъ большія надежды, привело къ неблагопріятному для насъ результату, хотя оно, судя по протоколу, было ведено крайне добросовѣстно“.

— Добросовѣстно!? воскликнулъ Тарасъ и затѣмъ разсказалъ спокойнымъ, сдержаннымъ тономъ о сценѣ предъ шинкомъ и о томъ, что на селѣ прямо называютъ даже сумну, которую управляющій заплатилъ каждому изъ бездѣльниковъ и негодяевъ за показанія, данныя ими подъ присягою.— „Панъ, помоги мнѣ въ бѣдѣ моей!“ прибавилъ онъ, окончивъ разсказъ.

Эти простые слова, произнесенныя почти беззвучнымъ шопотомъ, подѣйствовали на адвоката сильнѣе всякихъ заклинаній. Быть можетъ, никогда еще въ этомъ честномъ старикѣ не являлось такого глубокаго убѣжденія въ святомъ значеніи его профессіи, какъ теперь, послѣ разсказа этого крестьянина; быть можетъ, онъ никогда не чувствовалъ такого пламеннаго желанія дѣйствительно помочь бѣдѣ. Онъ обѣщалъ судѣ тотчасъ отправить кассационную жалобу въ губернскую управу о производствѣ новаго дознанія.— „Мы могли-бы избрать еще другой, болѣе быстрый путь, прибавилъ онъ;— ты могъ-бы заявить о томъ, что дѣло рѣшено на основаніи ложной присяги. Но если намъ не удастся доказать справедливость этого заявленія, то ты самъ, какъ клеветникъ, попадешь въ тюрьму. Этой опасности я тебя подвергать не желаю, а потому избираю другой путь.“

— Поступай такъ, какъ считаешь нужнымъ! отвѣтилъ Тарасъ.— Я вѣрю всѣмъ твоимъ словамъ. Только что-же это за мѣръ, въ которомъ попадаешь въ тюрьму, если скажешь правду?! Вѣдь все въ мѣрѣ должно стоять на правдѣ и справедливости! Развѣ онъ можетъ устоять, когда побѣждаютъ ложь и несправедливость?

У адвоката, навѣрное, былъ удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы,— печальный, горькій отвѣтъ; но онъ не рѣшился высказать его передъ этимъ человекомъ. Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что еще разъ обѣщалъ ему усердно хлопотать о дѣлѣ, и дѣйствительно, на другой-же день, повинувся чувству, на которое самъ едва считалъ себя способнымъ, составилъ аппеляцію въ высшую инстанцію. А Тарасъ со своимъ работникомъ отправились домой.

Когда они подь вечерь стали подьѣзжать къ Пруту, до слуха ихъ со стороны деревни донесся звонъ колоколовъ, а надъ склономъ, обращеннымъ къ Принковцамъ, виднѣлось сквозь туманъ красноватое зарево. — „Пожаръ!“ крикнулъ работникъ испуганный голосомъ и осадилъ лошадей.

Тарасъ посмотрѣлъ въ ту сторону, снялъ шапку и набожно перекрестился. „Поѣзжай, обратился онъ къ работнику; — зарево надъ кладбищемъ; это попа хоронятъ“.

Такъ, дѣйствительно, и было. Утромъ отецъ Мартынъ скончался, а къ вечеру, согласно господствовавшему въ то время въ горахъ обычаю, крестьяне ужь его хоронили. Около гроба почти совсѣмъ не слышно было плача; только горе Праксеніи, повидимому, было искреннее. — „Ахъ, добрые люди! причитала она, заливаясь слезами, — отъ проповѣди онъ умеръ, а не отъ старческаго истощенія, какъ сказалъ лекарь“. Но мужики не вѣрили ни лекарю, ни экономѣ, а держались на этотъ счетъ своего собственного мнѣнія. — „Это Аврумкина скверная водка виновата въ томъ, что люди нынче не доживаютъ до старости, поговаривали они. — Если-бы онъ продавалъ доброе, крѣпкое, не разбавленное водою вино, мы-бы всѣ жили до ста лѣтъ, какъ наши дѣды и прадѣды“.

Какъ ни мало печалились крестьяне по поводу смерти стараго священника, это событіе все-таки отвлекло ихъ вниманіе отъ проиграннаго процесса; а въ особенности всѣ были чрезвычайно заинтересованы вопросомъ, — каковъ будетъ его пріемникъ. И это было отнюдь не пустое любопытство. Въ этой мѣстности духовный пастырь имѣеть серьезное значеніе для своихъ прихожанъ; тѣмъ не менѣе имъ приходилось въ бездѣйствіи выжидать назначенія заявлять свое мнѣніе относительно избранія они не имѣли права. Но на этотъ разъ жителей села Зулавцы не пришлось долго дожидаться и притомъ нельзя было пожаловаться на выборъ.

Уже три недѣли спустя въ опустѣвшемъ домѣ поселился молодой священникъ, по имени — Левъ Ворончукъ, служившій до того времени намѣстникомъ въ Борковѣ, небольшомъ мѣстечкѣ Подолья. Въ его пользу говорило уже то, что жители Борковки провожали его на разстояніи пяти миль, вплоть до моста черезъ Прутъ, гдѣ его встрѣтилъ Тарасъ съ крестьянами. Но что особенно пришлось по сердцу мужикамъ, такъ это было то, что молодой, статный священникъ явился къ нимъ не одинъ, а съ цѣтущей,

дородной женой и тремя румянными, полными мальчуганами. Против холостого или вдоваго священника или против монаха Василианскаго ордена у крестьянъ восточной Галиціи всегда существуетъ предубѣжденіе. По ихъ мнѣнію, это полулюди, которые не въ силахъ, какъ слѣдуетъ, понимать печаль и радость, заботы и счастье другихъ. Отецъ Левъ все это понималъ, и не только потому, что самъ имѣлъ жену и дѣтей. Эгогъ бѣдный деревенскій священникъ, правда, не могъ похвалиться ни глубокою ученостью, ни высокими добродѣтелями; это былъ человекъ, съ человѣческими слабостями; но у него было теплое, любящее сердце, и хотя кругъ его мировозрѣнія былъ не многимъ шире того, который выработали себѣ его прихожане, но въ этихъ мелкихъ, узкихъ жизненныхъ условіяхъ онъ умѣлъ управляться умно. Онъ согласился принять мѣсто послѣ нѣкоторыхъ колебаній, повинуваясь давленію внѣшнихъ обстоятельствъ, въ виду того, что скуднымъ жалованьемъ, которое онъ получалъ, какъ намѣстникъ, невозможно было прокормить возростающую семью. Дурная репутація, которою пользовались въ равнинѣ жители села Зулавцы, быть можетъ, возбуждала-бы рвеніе въ болѣе возвышенной, апостольской натурѣ; но его она пугала. Онъ не чувствовалъ непреодолимаго побужденія исправлять то зло, въ которомъ былъ виноватъ отецъ Мартынь; ему было-бы гораздо пріятнѣе, если-бы онъ могъ сдѣлаться духовнымъ руководителемъ прихода, гдѣ не обнаружались-бы признаки нравственнаго разложенія, какии представлялось клятвопреступленіе, сообща совершенное многими людьми. Но разъ онъ согласился подчиниться желанію своего начальства, въ немъ установилось непоколебимое рѣшеніе и здѣсь исполнять свой долгъ, не взирая на то, что при данныхъ условіяхъ это было тяжело, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Прежде всего онъ постарался уяснить себѣ задачу, подлежащую его разрѣшенію, опредѣлить, насколько далеко и глубоко проникла порча. За это дѣло онъ принялся тихо, безъ шума, не добываясь во что-бы-то ни стало завладѣть довѣріемъ прихожанъ, не расписывая имъ безпрестанно всѣхъ прелестей неба и всѣхъ ужасовъ ада. И проповѣди его были крайне просты, почти банальны. — „Такъ могъ-бы говорить всякій мужикъ!“ замѣчали его слушатели, видя, что онъ не ридаетъ и не громитъ на каздрѣ. Тѣмъ не менѣе они постепен-

но убѣдились, что въ незатѣшливыхъ рѣчахъ его сплошь да рядомъ заключался добрый совѣтъ, не пропадавшій даромъ; да и онъ вскорѣ съ радостью долженъ былъ сознаться, что эти люди въ сущности несравненно лучше своей репутаціи. Кромѣ главнаго порока, который въ тѣхъ мѣстахъ встрѣчается повсюду, какъ воздухъ и вода, — кромѣ пьянства ихъ можно было упрекнуть только въ наклонности къ насилию.

Безчестными онъ ихъ не находилъ; чувство справедливости было въ нихъ рѣзко выработано, хотя и нарушалось нѣсколько необузданнымъ, эгоистическимъ инстинктомъ примитивной природы. Которая изъ сторонъ показала въ сентябрѣ прошлаго года правду и которая совершила клятвопреступленіе, это стало для священника совершенно яснымъ уже по истеченіи немногихъ недѣль, хотя онъ избѣгалъ допрашивать и увѣщевать cadaго въ отдѣльности. Это, конечно, было не болѣе, какъ нравственное убѣжденіе, тѣмъ не менѣе ему казалось, что онъ самъ былъ-бы въ состояніи присягнуть въ томъ, что черныи крестъ былъ поставленъ посерединѣ поля только лѣтомъ 1821 года. Но какъ ни сильно было въ его честномъ сердцѣ чувство возмущенія по поводу совершеннаго здѣсь двойнаго преступленія — противъ собственности и противъ душевнаго спокойствія бѣдныхъ, полудикахъ людей, которыхъ легко было соблазнить на дурное дѣло, онъ все-таки скрывалъ въ себѣ эти впечатлѣнія и ни единымъ словомъ, ни единымъ взглядомъ не обнаружилъ передъ управляющимъ того отвращенія, которое къ нему чувствовалъ. И эта сдержанность была основана не на хитромъ эгоизмѣ, а на томъ убѣжденіи, что онъ гораздо болѣе въ состояніи будетъ содѣйствовать установленію правды и мира въ дѣлахъ громады, если своимъ поведеніемъ принудитъ бесовѣстнаго негодая соблюдать хотя видъ порядочности.

И дѣйствительно, панъ Гайекъ далъ себя ввести въ обманъ. Онъ считалъ священника за честнаго, но крайне ограниченнаго человека и соотвѣственно съ этимъ установилъ къ нему и извѣстныя отношенія, осмылая его любезностями и соглашаясь въ мелкихъ дѣлахъ на его посредничество. Когда отецъ Левъ появлялся въ замѣтъ, чтобы добиться отсрочки или облегченія какой-нибудь подачи, панъ Гайекъ охотно уступалъ. — „Вѣдь я всегда желалъ шпиря!“ увѣрялъ онъ. Дѣло въ томъ, что пока тянулся процессъ и грозила опасность новаго слѣдствія, для него было очень важно,

чтобы священникъ считалъ его за благороднаго человѣка, неспособнаго даже къ излишней строгости, а не только къ открытому насилію и клятвopреступленію.

Такимъ образомъ, Тарасъ совершенно неожиданно приобрѣлъ въ лицѣ священника помощника, а постепенно даже болѣе, — честнаго друга. Омраченный всѣмъ тѣмъ, что его постигло за послѣднее время, онъ едва надѣялся на подобное счастье и отдавался ему нерѣшительно. Отношенія, установившіяся между этими двумя людьми, одинаково достойными уваженія, но существенно различными, при всей ихъ искренности, были крайне своеобразны; послѣднее, самое задушевное слово, никогда не вырывалось, такъ какъ каждый изъ нихъ въ сущности не понималъ вполне особенностей природы другого.

Чѣмъ болѣе священникъ сближался съ Тарасомъ, тѣмъ больше онъ радовался, что пришлось ему встрѣтить на своемъ вѣку такого человѣка, въ которомъ не было ни малѣйшей лжи, ни малѣйшаго эгоистическаго побужденія, который въ поступкахъ своихъ руководствовался только собственными понятіями о справедливости и долгѣ, съ безграничною вѣрою въ нравственные основы, на которыхъ покоится міръ. — „Это истинный христианинъ!“ говорилъ священникъ; но порою онъ, самъ не понимая — какъ, останавливался и на другой, еретической мысли: „Этотъ человѣкъ, думалось ему, — даже безъ вѣры въ будущую жизнь былъ-бы такъимъ-же, каковъ и теперь“. Онъ колебался, не зная на которой изъ двухъ оцѣнокъ остановиться; за то любовь его къ этому чистому человѣку и желаніе помочь ему оставались неизмѣнны и непоколебимы. Поэтому онъ старался всѣми силами облегчить ему тяжелую обязанность улаживать громадскія дѣла съ управляющимъ и, гдѣ можно, бралъ на себя роль посредника; поэтому онъ неутомимо доказывалъ мужикамъ, какъ честно всегда и во всемъ поступалъ судья. Въ самой манерѣ молодого священника заступаться за своего друга, который годами былъ старше его, было что-то напоминавшее нѣжное отношеніе отца къ своему ребенку. И, дѣйствительно, Тарасъ часто производилъ на него впечатлѣніе хорошаго, неспорченнаго мальчика. — „Я совершенно понималъ-бы его, думалъ онъ часто, — если-бы ему было всего четырнадцать лѣтъ!“ Онъ чувствовалъ къ нему необыкновенную симпатію, но еще болѣе того дивился, какъ этотъ человѣкъ до такой сте-

они мало знали жизнь и человеческую природу. Ему, по крайней мѣрѣ, казалось, что онъ въ правѣ вывести такое заключеніе изъ всѣхъ поступковъ Тараса; но въ этомъ отношеніи онъ ошибался. Судья обладалъ способностью видѣть вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, но зато вовсе не умѣлъ примѣнить съ пользою выведенное заключеніе. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ опредѣлено судьбою повиноваться только влеченію собственной натуры, къ числу людей, которыхъ вслѣдствіе этого не заставитъ погнуться никакая исполнская рука, но которые часто могутъ быть надломлены почти безъ всякаго усилія. Печальныя событія случаются сплошь да рядомъ, трагическія—рѣдко; въ тѣхъ немногихъ чистыхъ, истинныхъ трагедіяхъ, которыя творить иногда на землѣ судьба, героями всегда бываютъ такіе люди...

И Тарасъ не вполне понималъ своего новаго друга. Онъ благословлялъ-бы тотъ часъ, когда Левъ явился въ деревню, даже въ томъ случаѣ, если-бы лично остался ему совершенно чуждымъ. Глубже, чѣмъ всѣ остальные крестьяне, чувствовалъ онъ недостойное поведеніе покойнаго священника, такъ-какъ инстинктивное влеченіе къ добру и правдѣ было въ немъ выражено сильнѣе. Онъ зналъ, что кругомъ было не мало священниковъ, которые исполняли свои обязанности не лучше, чѣмъ покойный отецъ Мартынъ, а тѣмъ не менѣе ему казалось ужаснымъ, что сельскій судья, ради уваженія къ святости присяги, принужденъ былъ воспротивиться увѣщанію крестьянъ ихъ духовнымъ пастыремъ. Теперь съ души его была снята хоть эта забота; въ священническомъ домѣ поселился разумный, усердный въ исполненіи своихъ обязанностей, человѣкъ, а послѣ того какъ онъ вдобавокъ и словомъ и дѣломъ выразилъ ему сердечное участіе, благодарность Тараса перешла въ безграничную преданность. Но тѣмъ не менѣе и онъ недоумѣвалъ и удивлялся, глядя на многіе поступки друга. Когда священнику случалось увѣщавать какого-нибудь спившагося съ круга мужика, онъ обыкновенно упрекалъ его только за какой-нибудь одинъ недостатокъ:— „Ты во всемъ хорошій человѣкъ, а вотъ только пропиваешь имущество свое у Аврумки; брось ты эту привычку!“ Да вѣдь это ложь, думалось Тарасу, у этого мужика, кромѣ того, много и другихъ пороковъ; священникъ знаетъ это такъ-же хорошо, какъ я самъ; развѣ можно лгать, хотя-бы даже съ хорошею цѣлью? Когда отецъ Левъ мирилъ двухъ повздорившихъ мужиковъ, то онъ каж-

дому изъ нихъ внушительно твердилъ слова нагорной проповѣди: „Блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божиими!“ Онъ силился достигнуть полюбовнаго соглашенія даже въ томъ случаѣ, если одинъ изъ спорящихъ, по недоразумѣнью или даже злоумышленно, требовалъ вещь, принадлежавшую другому. Развѣ можно, хотя-бы по самому чистому побужденію, способствовать несправедливости? спрашивалъ себя Тарасъ. Когда священникъ желалъ добиться отъ управляющаго какой-нибудь уступки въ пользу громады,—онъ не только терпѣливо выслушивалъ наглое самохвальство негодая, но не прочь былъ отъ времени до времени вставить словечко и отъ себя. Развѣ можно лицезрѣть, ради милосердія? снова спрашивалъ себя судья. Однажды, когда они возвращались съ одного изъ такихъ тяжелыхъ свиданій, Тарасъ, наконецъ, рѣшился высказать сомнѣніе, которое долго его тревожило.

Священникъ улыбнулся. — „Въ Евангеліи сказано: будьте хитры, какъ змѣи“, возразилъ онъ.

— И чисты какъ голуби! воскликнулъ Тарасъ; — вѣдь и это тоже сказано въ писаніи.

— Дѣйствительно! сказалъ священникъ. — Согласно съ этимъ я и поступаю. Лукавымъ мы называемъ того, кто обманываетъ ближняго, чтобы повредить ему. Этого я никогда не дѣлаю; я всегда стараюсь содѣйствовать добру и бороться противъ зла, но такъ какъ, къ сожалѣнію, мнѣ приходится имѣть дѣло не съ ангелами, а съ людьми, то я и пользуюсь для этого человѣческими средствами.

Тарасъ покачалъ головою. — „Такъ, стало-быть, можно пользоваться ложью, если хочешь способствовать доброму дѣлу?“

— Никогда! возразилъ священникъ. — Но если я могу удержать дурного человѣка отъ зла и обратить его на добрый путь, благодаря тому, что отнесусь къ нему не презрительно, а мягко; то я не врежу ему и не обманываю его, а напротивъ, приношу ему пользу.

Судья долго шелъ молча возлѣ своего друга и, наконецъ, сказалъ тихимъ, но твердымъ голосомъ. — „Извини, ложь всегда остается ложью! Я тебя не понимаю!“

— Къ сожалѣнію! отвѣтилъ священникъ и съ выраженіемъ нѣжнаго состраданія посмотрѣлъ на шедшаго возлѣ него исполнина... „Это взрослый ребенокъ!“ подумалъ онъ. Отецъ Левъ и не

догадывался, какимъ иракомъ и тогда уже была окутана душа этого человѣка. По временамъ только у него являлась смутная мысль, что это дѣтски-чистое сердце безпомощно надрывается въ борьбѣ съ темными силами. Онъ выводилъ это заключеніе по внѣшнимъ признакамъ; Тарасъ рѣдко улыбался, погружался въ мрачныя думы, когда полагалъ, что за нимъ никто не слѣдитъ; на здоровомъ лицѣ его рано обозначились морщины заботъ и тревожныхъ размышленій. Ануся иногда приходила въ домъ священника и рассказывала о своемъ горѣ: — „Онъ совсѣмъ почти не спитъ, тоскуетъ день и ночь и совсѣмъ разстроиваетъ свое здоровье!“

— Изъ-за чего-же онъ тоскуетъ? спрашивалъ священникъ.

— Все изъ-за этого проклятаго процесса! рыдая восклицала вспылчивая женщина и гнѣвно сжимала кулаки. — „О, если-бы я могла задушить этого управляющаго и всѣхъ царскихъ писарей въ придачу!“

Священникъ сдѣлалъ ей выговоръ за такія слова и притомъ считалъ ея предположеніе ошибочнымъ. — „Не можетъ быть, чтобы это было изъ-за процесса“, сказалъ онъ. Тарасъ говорить о немъ спокойно и твердо надѣется на благоприятное рѣшеніе губернской управы. Причиной его печали могутъ быть только его дурныя отношенія съ управляющимъ и громадою, а они видимо исправляются, благодаря моимъ стараніямъ“, добавилъ онъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ.

Добрякъ и не подозрѣвалъ, что онъ облегчилъ другу только внѣшнюю тяжесть, которая, такъ-сказать, лежала у него на плечахъ и съ которою ему всегда удалось-бы совладать; онъ не зналъ, что у этого молчаливаго страдальца сердце изнывало отъ другого, болѣе тяжелаго гнета. Тарасъ ни передъ кѣмъ не высказывался, даже передъ своимъ духовникомъ, такъ-какъ прекрасно чувствовалъ, что при противорѣчійхъ, существовавшихъ между ихъ натурами, соглашеніе относительно самыхъ глубокихъ, душевныхъ ощущеній невозможно. „Это-бы его опечалило, думалъ онъ, — опечалило и разсердило, а переубѣдить меня ему все-таки не удалось-бы. Впрочемъ, это не удалось-бы и никакому другому человѣку, а, можетъ быть, даже самому Богу. Если онъ спокойно смотритъ, какъ на землѣ творится несправедливость, то не долженъ противиться ея слѣдствіямъ“.

Уже тогда на душѣ у Тараса было тяжело, очень тяжело. Судя

по наружному виду, онъ какъ-будто успокоился, но та ужасная мысль, которая такъ сразила его во время чтенія приговора, съ тѣхъ поръ не выходила изъ его головы. Эта мысль, правда, не разрасталась въ теченіи долгихъ, тяжелыхъ мѣсяцевъ, которые послѣдовали за ея первымъ появленіемъ, но зато и не ослабѣвала. Въ то время, какъ онъ изо дня въ день исполнял свои обязанности и дожидался извѣстія изъ Львова, онъ самъ себя казался похожимъ на путника, который среди душнаго зноя, наступившаго передъ грозой, бредетъ по безконечной степи. Неподвиженъ и тяжелъ, какъ свинецъ, душный воздухъ; надъ землею нависли густыя, черныя тучи; съ невольнымъ страхомъ подвигается путникъ среди мрачной пустыни, на встрѣчу къ нависшей грозѣ, къ смертоносному удару молніи. Нигдѣ не видать кровли, подъ которою можно-бы было укрыться, онъ долженъ спѣшить все далѣе и далѣе, — быть можетъ, на встрѣчу смерти; остается единственная надежда, — что внезапно поднимется восточный вѣтеръ и разгонитъ тучи... Но какъ-же ему надѣяться на этотъ спасительный порывъ вѣтра, когда жаркій, неподвижный воздухъ точно сковываетъ ему члены, а тучи, вѣчно угрожая, стоятъ надъ его головою?! И бредетъ онъ, склонивъ голову, своею дорогою, усталый, утратившій надежду, — на встрѣчу опасности...

ГЛАВА VI.

Настала осень, — и опять холодная, пасмурная. Тарасъ все еще терпѣливо ждалъ, но ему передъ самимъ собою становилось жутко, когда думалось, что, быть можетъ, и всю сѣрую, безотрадную зиму придется провести въ этомъ тупомъ, молчаливомъ ожиданіи. Наконецъ, онъ отправился къ священнику и попросилъ написать отъ его имени письмо къ адвокату.

Отецъ Левъ пытливо посмотрѣлъ на него; лицо Тараса было спокойно. — „Ты слишкомъ много думаешь о процессѣ!“ сказалъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Не больше, чѣмъ слѣдуетъ, возразилъ Тарасъ. — До чего нужно было додуматься, я уже додумался.

Священникъ написалъ письмо; отвѣтъ пришелъ черезъ недѣлю. Адвокатъ извѣщалъ, что онъ уже въ августѣ просилъ объ уско-

реніи хода дѣла, а главное,—о назначеніи новаго слѣдствія, но что до сихъ поръ еще не послѣдовало отвѣта.

Тарасъ глубоко вздохнулъ, когда священникъ прочиталъ ему это письмо. „Тяжела мнѣ будетъ эта зима!“ сказалъ онъ тихимъ, печальнымъ голосомъ.

Священникъ не обратилъ на эти слова особеннаго вниманія.— „Ты исполнилъ свой долгъ, сказалъ онъ,—эта мысль должна служить тебѣ утѣшеніемъ“.

— Утѣшить она не можетъ, возразилъ Тарасъ,—а можетъ развѣ только придать силы. Кто началъ исполнять свой долгъ, тотъ обязанъ вести дѣло до конца.

Дѣйствительно, не легкая зима выпала на его долю; но чѣмъ больше изнывала у него душа подъ таготѣвшимъ надъ нею гнетомъ, тѣмъ старательнѣе, казалось, скрывалъ онъ это отъ другихъ. „Онъ ужъ не такъ часто вздыхаетъ“, рассказывала Ануса своей дородной пріятельницѣ, попадѣ;—кромѣ того, ему, кажется, доставляетъ теперь удовольствіе такое занятіе, которому онъ прежде предавался рѣдко; онъ сдѣлался усерднымъ охотникомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Тарасъ въ эту зиму по цѣлымъ недѣлямъ скитался въ горахъ, гоняясь за медвѣдемъ. Неизмѣнными спутниками его были три хлопча, которыхъ привязанность къ Тарасу доходила до обожанія,—два сына его стараго друга Семена, Грицею и Георгій Пименко, и Василь Соклевищъ, тотъ хлопецъ, братъ котораго былъ убитъ во время столкновенія на спорномъ полѣ. Всѣ они рассказывали, что судья и тамъ не веселѣе прежняго. „Въ лѣсу онъ еще молчаливѣе, чѣмъ въ деревнѣ, говорили они,—и охота, повидимому, доставляетъ ему удовольствіе только оттого, что онъ превосходный стрѣлокъ. Его не радуетъ ни веселая жизнь подъ зелеными елями, ни возбужденіе, которое овладѣваетъ охотникомъ, когда погонять звѣря,—а единственно тотъ меткій выстрѣлъ, котораго ему удастся его свалить“.

Зима еще не пришла къ концу и Тарасъ былъ на охотѣ, въ горахъ, когда однажды, въ мартѣ 1838 года, священникъ получилъ изъ уѣзднаго города толстый пакетъ съ бумагами. Кромѣ приговора губернской управы, въ немъ было письмо адвоката къ отцу Льву. „Обращаюсь къ Вамъ, преподобный отецъ, писалъ докторъ Старковскій, такъ-какъ заключилъ изъ письма Вашего, написаннаго еще прошлою осенью, что и вы чувствуете къ судѣй

Бараболѣ живѣйшую симпатію. Сообщите ему содержаніе прилагаемаго приговора осторожнѣе. Насколько я знаю этого человека, такое извѣстіе сразитъ его и надолго возмутитъ его душевный покой. Всѣ юридическія средства истощены, адвокат истощилъ всю свою премудрость; теперь настала очередь духовнаго пастыря приступить къ исполненію своей высокой обязанности“.

Письмо это встревожило священника, и волненіе его еще усилилось, когда онъ узналъ отъ Семена, какъ глубоко поразилъ Тараса первый приговоръ. „Бѣдный взрослый ребенокъ, сказалъ онъ,—вздыхая,—еще онъ, пожалуй, серьезно заболѣетъ“.

Съ печальною миною подошелъ онъ къ Тарасу, когда тотъ вернулся съ охоты и длинною назидательною рѣчью пытался приготовить его къ дурному извѣстію. Но Тарасъ отнесся къ нему иначе, чѣмъ священникъ думалъ. Онъ поблѣднѣлъ, грозная морщина между бровями вырѣзалась яснѣе, но голосъ его едва дрожалъ, когда онъ спросилъ: „Стало-быть, и губернская управа отклонила иссъ!?“

— Да! нерѣшительно отвѣтилъ отецъ Левъ;—но ты не принимай этого такъ къ сердцу; вѣдь ты честно...

— Что написано въ приговорѣ? прервалъ его Тарасъ по-прежнему спокойно и только опираясь нѣсколько крѣпче на столъ, возлѣ котораго стоялъ.

Священникъ вынулъ изъ кармана бумагу, прочелъ и объяснилъ ее. Губернская управа отклоняла новое слѣдствіе, такъ-какъ не видѣла въ немъ необходимости; судя по протоколу, первое дознаніе было произведено по всѣмъ правиламъ закона; во всемъ остальномъ она приводила тѣ-же доводы, какъ и уѣздная управа и утверждала ея приговоръ.

Тарасъ прослушалъ все, до послѣдняго слова, съ окаменѣвшимъ, неподвижнымъ лицомъ. „Спасибо! сказалъ онъ беззвучно.—„Но теперь оставь меня одного. Выйди и ты Ануса. Мнѣ нужно обдумать дальнѣйшія мѣры“.

— Къ чему-же ты будешь ломать себѣ еще голову? робко заиѣтилъ отецъ Левъ. —Адвокатъ пишетъ мнѣ, что всѣ законныя средства истощены. Преклонись передъ волею Божьей!

— Объ этомъ послѣ! возразилъ Тарасъ съ такою улыбкою, которая не на шутку испугала священника.— Не бойся, успѣешь

еще сказать проповѣди! Но только не теперь... не теперь! повторилъ онъ съ сердцемъ.

Отецъ Левъ остановился въ нерѣшительности и не зналъ, какъ ему поступить; но на помощь къ нему подоспѣла Ануся. До сихъ поръ она въ слезахъ сидѣла на лежанкѣ, но теперь быстро встала. „Останься, батюшка! умоляла она и схватила руку своего мужа. — Тарась! крикнула она пронзительно, — кричи, плачь, избеи этого негодая управляющаго до полусмерти, если это можетъ облегчить тебѣ сердце, но не скрывай въ себѣ своей ярости! Не будь такимъ спокойнымъ, Тарась, — я умиру отъ страха. Я знаю, зачѣмъ ты выслалъ насъ изъ хаты. Ты хочешь наложить на себя руки!

— Нѣтъ! торжественно увѣрялъ Тарась. — Клянусь Богомъ — нѣтъ! Затѣмъ онъ опустилъ руку и на губахъ его снова появилась та-же страшная улыбка. — Успокойся, жена! Никогда еще я до такой степени не нуждался въ здоровьи и силѣ, какъ теперь.

Они принуждены были повиноваться и выйти изъ хаты. Тревожно прислушиваясь, остановились они передъ запертою дверью. Они надѣялись, что онъ облегчитъ свое наболѣвшее сердце слезами и громкими жалобами, но услышали только звуки его твердыхъ спокойныхъ шаговъ; наконецъ, и они смолкли и въ комнатѣ воцарилась тишина.

— Пойдемъ! умоляла Ануся и повела священника къ небольшому окошечку, свозъ которое можно было видѣть всю комнату. Тарась сидѣлъ на лежанкѣ, опершись локтями на колѣни и закрывъ лицо руками. Онъ не двигался.

— Оставимъ его въ покоѣ, посоветовалъ отецъ Левъ. — У него сильное сердце; онъ совладаетъ со своимъ горемъ.

Но Ануся не соглашалась покинуть своего наблюдательнаго поста у оконца. „Я не довѣряю ему, шептала она, заливаясь слезами. — Вѣдь онъ, бывало, точно ребенокъ, всякому говорилъ о томъ, что у него было на сердцѣ; а теперь онъ скрываетъ что-то даже отъ насъ.

Священникъ еще разъ попытался утѣшить ее, но это плохо удалось ему, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ былъ встревоженъ. Наконецъ, онъ ушелъ, чтобы по сосѣдству навѣстить больного, но уже черезъ часъ вернулся.

Ануся такъ и не отходила отъ окошечка. „Онъ двинулся только одинъ разъ, рассказывала она, — и въ это время страшно

было на него смотрѣть. Сижу это я себѣ и слушаю, пританувъ дыханіе, и вдругъ слышу порохъ; отерла я себѣ съ глазъ слезы, чтобы лучше видѣть, и вижу, — онъ медленно встаетъ и поднимаетъ къ небу указательный палецъ правой руки. Лицо его при этомъ было неподвижное, словно каменное, но изъ глазъ брызнули крупныя слезы и покатались по щекамъ... Ахъ, батюшка, видно страшную клятву произнесъ онъ въ эту минуту... А теперь онъ опять безъ движенія сидитъ, уставившись въ землю“...

— Это нехорошо! сказалъ вполголоса священникъ, съ шумомъ отворилъ дверь и вошелъ. Онъ рѣшился не уходить, даже если бы Тарасъ потребовалъ этого въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Но и на этотъ разъ вышло иначе, чѣмъ онъ думалъ.

Судья всталъ и подошелъ къ нему съ спокойнымъ, почти веселымъ лицомъ. — „Ты правъ, батюшка, сказалъ онъ; — всѣ размышленія ни къ чему не ведутъ! Какъ я ни ломалъ свою бѣдную голову, а ума во мнѣ все-же стало не больше, чѣмъ было годъ тому назадъ... Только объ одномъ я желалъ-бы тебя еще спросить: точно-ли адвокатъ пишетъ, что всѣ законныя средства истощены? Ясно-ли это сказано въ письмѣ?“

— Совершенно ясно.

— А все-таки это, вѣроятно, ошибка. Въ моей родной деревнѣ, Ридовѣ, судья, мой опекунъ, цѣлыхъ пять лѣтъ велъ процессъ изъ-за наслѣдства со своимъ двоюроднымъ братомъ. Уѣздная управа присудила землю ему, а губернская — противной сторонѣ. Наконецъ, опекунъ мой обратился въ какой-то особенно священный судъ въ Вѣнѣ и добился таки признанія своихъ правъ. Стало-быть, тамъ должны быть судьи, которыхъ власть выше, чѣмъ власть тѣхъ судей, что засѣдаютъ въ Львовѣ.

— Тарасъ, убѣждала его Ануся, — неужели-же ты хочешь затѣвать процессъ въ Вѣнѣ! Подумай, чего это будетъ стоить!

— Жена! возразилъ онъ, — если-бы ты знала, какъ стоитъ дѣло, ты-бы на колѣняхъ умоляла, чтобы я велъ процессъ въ Вѣнѣ, хотя-бы намъ пришлось ради этого сдѣлаться нищими. Но спрашивается еще, имѣю-ли я возможность сдѣлать это. Адвокатъ честный и дѣльный человѣкъ, зачѣмъ-бы ему написать мнѣ ложь? Кабъ-бы то ни было, я переговорю съ нимъ лично.

Онъ не могъ тотчасъ отправиться въ путь, такъ какъ сначала нужно было согласиться съ управляющимъ относительно весенней

панцины. Теперь переговоры обошлись далеко не такъ гладко, какъ осенью, потому-что панъ Гайекъ уже не боялся новаго слѣдствія и могъ обнаруживать свою настоящую фізіономію. Теперь и отецъ Левъ былъ уже не „мудрымъ Саломономъ“, а „страннымъ господиномъ, который вѣчно вступается за мужиковъ“. Только послѣ тяжелыхъ жертвъ удалось, наконецъ, достигнуть соглашенія, и Тарасъ могъ отправиться въ уѣздный городъ. Въ привязанную на поясъ кошку онъ положилъ всю наличную казну, которая хранилась у нихъ въ сундукѣ, — всѣ талеры и дукаты, которые онъ получилъ въ наслѣдство отъ стараго Ивана или скопилъ самъ.

Когда онъ вошелъ въ канцелярію, то на этотъ разъ испугался уже не панъ Ступца, а самъ адвокатъ. — „Тарасъ!“ воскликнулъ онъ, — вѣдь ты постарѣлъ на десять лѣтъ! Неужели — благодаря заботѣ о процессѣ? Подумай, — вѣдь ты не только судья, которому приходится вступаться за интересы своей деревни, но въ то-же время — мужъ и отецъ!

— Это былъ тяжелый годъ, возразилъ Тарасъ. — Но я не хочу докучать тебѣ жалобами, панъ докторъ; у меня есть до тебя два дѣла. Во-первыхъ, — что я тебѣ долженъ?

Адвокатъ справился въ одной изъ своихъ книгъ и назвалъ сумму, — двѣсти пятьдесятъ гульденовъ. — Повѣренный графа представилъ слишкомъ большой счетъ, замѣтилъ онъ въ видѣ извиненія.

— Это не важно! отвѣтилъ Тарасъ равнодушнымъ тономъ и отсчиталъ тутъ-же на столѣ требуемую сумму. — А теперь перейдемъ ко второму дѣлу. Ты написалъ нашему преподобному отцу Ворончуку, что въ этомъ дѣлѣ нельзя уже ничего измѣнить. Развѣ нѣтъ болѣе высокихъ судей въ Вѣнѣ?

— Для этого дѣла — нѣтъ, пояснилъ докторъ Старковскій. Существуетъ въ Вѣнѣ еще болѣе высокая инстанція, — сенатъ, но къ нему можно обращаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда уѣздная и губернская управы постановили различные приговоры.

— Это плохо! Но вѣдь ты въ прошломъ году упоминалъ еще о другомъ средствѣ, о возможности доказать совершеніе клятвопреступленія?

— Къ этому средству я и тогда не совѣтовалъ прибѣгать, поспѣшилъ заявить адвокатъ, — да и сегодня убѣдительно прошу

тебя не думать о немъ. Видишь-ли, добровольно никто не сознается въ своемъ преступленіи, и только относительно немногихъ, на основаніи какихъ-нибудь неосторожныхъ выраженій, ты въ состояніи будешь доказать, что они совершили ложную присягу. Эти три или четыре человѣка, вѣроятно, самыя бѣдныя и презрѣнныя изъ всей деревни отправятся въ тюрьму; ты-же, какъ клеветникъ, отправишься вмѣстѣ съ ними; ужь объ этомъ похлопочуть остальные, которыхъ ты не въ состояніи будешь уличить. А поле въ концѣ-концовъ все-таки останется въ рукахъ графа Борецкаго.

— Въ такомъ случаѣ я эту мысль оставлю, отвѣтилъ Тарасъ. — Я добиваюсь не мести, а справедливости.

Онъ, очевидно, употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы казаться спокойнымъ, тѣмъ не менѣе слѣдующія слова онъ могъ выговорить только съ разстановкою и съ трудомъ:— „Такъ больше нѣтъ... никакой... помощи?“

— Никакой! Развѣ — высочайшее рѣшеніе императора. Но...

— Цисаря? ликующимъ тономъ перебилъ его Тарасъ и выпрямился во весь ростъ. Этотъ переходъ отъ глубочайшаго отчаянія къ величайшей радости былъ такъ неожиданъ, что судья зашатался, какъ-будто внезапно выпилъ какой-нибудь одурающій напитокъ. „Цисаря!“ повторилъ онъ восторженно.

— Гмъ! началъ адвокатъ, — собственно говоря... гмъ!.. императоръ...

Но Тарасъ его не слушалъ. — „О панъ! воскликнулъ онъ, не стараясь сдерживать слезъ, которыя отъ радости покатались изъ его глазъ и смочили щеки. — Вѣдь вотъ, люди называютъ меня разумнымъ человѣкомъ, а я былъ такимъ дуракомъ! Какъ я мучился и горевалъ, — и все напрасну! О панъ цисаръ я думалъ, повсюду не было опасности, а когда собрались тучи, я и забылъ, что солнце-то спряталось за нихъ, и пенялъ на него за то, что оно не свѣтитъ. Да, до того я сталъ неразуменъ, что негодовалъ на цисаря изъ-за его писарей. Разумѣется, цисаръ поможетъ мнѣ, когда узнаетъ о моемъ дѣлѣ, — вѣдь это его обязанность, возложенная на него самимъ Богомъ! Писаря его могутъ заблуждаться, но онъ узнаетъ правду; пусть писаря его судятъ по собственной прихоти, — онъ справедливъ и понимаетъ все... Ахъ, панъ, — прости, что я кричу, какъ пьяный, и плачу, словно ре-

бонокъ! Если-бы ты зналъ, что у меня было на умѣ, когда я стоялъ здѣсь и слышалъ, что нѣтъ больше никакой помощи!.. Ну, да слава Богу, что мысль эта еще во время пришла тебѣ въ голову,— да, во время, панъ! Если-бы ты попалъ на нее только черезъ недѣлю и сообщилъ мнѣ объ ней письмомъ... то было-бы поздно!“

— Почему? спросилъ адвокатъ съ удивленіемъ.

— Не спрашивай, панъ! воскликнулъ Тарасъ, вытирая со щекъ своихъ слезы. — Я и самъ постараюсь забыть объ этомъ, какъ-будто все было только тревожнымъ сномъ. Какою я былъ безумецъ! Носился съ самыми черными думами, а объ этой помощи, которая доступна каждому какъ молитва, ни разу и не вспомнилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, — кто для насъ ближе всего? Богъ да царь! Богъ ведѣтъ сущъ и всюду слышитъ нашу мольбу, но такъ-какъ онъ не хочетъ каждый разъ самъ простирать свою руку на землю, онъ далъ высокому чело-вѣку власть судить и помогать вмѣсто него. Правда, до царя голосъ нашъ не доходитъ отовсюду, какъ до Бога; нужно идти въ Вѣну и рассказать ему про свое дѣло. Вотъ это я и сдѣлаю, а для того, чтобы онъ послѣ еще разъ могъ все перечитать, ты мнѣ запиши все дѣло на бумагѣ.

Такъ ликовалъ крестьянинъ, обливаясь слезами радости, путаясь и совершенно не владея собою; наконецъ, онъ нагнулся къ рукѣ адвоката, чтобы поцѣловать ее. Старикъ поспѣшно уклонился и отошелъ къ окну; онъ былъ въ большомъ волненіи и не зналъ, на что рѣшиться. Почти безсознательно упомянулъ онъ объ императорѣ, только для того, чтобы что-нибудь сказать, и теперь былъ чрезвычайно испуганъ и потрясенъ тѣмъ дѣйствиємъ, которое произвело одно это слово. Онъ былъ вполне увѣренъ, что прошеніе на Высочайшее имя не приведетъ да и не могло привести ни къ какому результату. Самъ онъ дѣйствительно былъ твердо убѣжденъ, что относительно крестьянъ совершена вопіющая несправедливость; но какую-же возможность имѣлъ императоръ разобрать и рѣшить дѣло? Каждый грошъ, который судья истратитъ на это путешествіе, каждая потерянная минута времени будутъ бесполезными жертвами! „Этого нельзя допустить, подумалъ онъ,— я отворю его“. Но вслѣдъ затѣмъ въ головѣ его явилось соображеніе, не будетъ-ли еще грѣшнѣе съ его стороны

отнять у бѣдняги послѣднюю надежду, за которую онъ теперь уцѣпился. Припоминая тѣ слова, которыя Тарасъ говорилъ у него годъ тому назадъ и сопоставляя ихъ съ сегодняшними его рѣчами, онъ, правда, далеко еще недогадывался, какое отчаянное рѣшеніе созрѣло въ этой омраченной душѣ; онъ полагалъ, что Тарасъ намѣренъ отбить громадное поле силою; но и это рѣшеніе было таково, что всѣми силами слѣдовало помѣшать его осуществленію.

Среди этой борьбы противоположныхъ ощущеній онъ видѣлъ только одинъ исходъ. — „Послушай, Тарасъ, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, — хорошо, обратися къ цесарю! Я напишу тебѣ прошеніе и отошлю его въ Вѣну. Ты-же самъ, возвращайся преспокойно въ свою деревню; ты не имѣешь права такъ долго уклоняться отъ своихъ служебныхъ, хозяйственныхъ и семейныхъ обязанностей. Да притомъ это было-бы бесполезно. Цесарь увидитъ изъ твоего прошенія, въ чемъ состоитъ дѣло, и сообразно съ этимъ постановитъ рѣшеніе!“ Такимъ образомъ будетъ, по крайней мѣрѣ, выиграно время, думалось ему; — теперь онъ слишкомъ возбужденъ, а съ теченіемъ времени успокоится и черезъ годъ выслушаетъ отрицательной отвѣтъ почти равнодушно.

Но, дѣлая эти благоразумныя соображенія, онъ не принялъ въ расчетъ характера этого человѣка. — „Нѣтъ, возразилъ Тарасъ съ жѣлзною твердостью, — я послѣдую твоему совѣту во всемъ, но только не въ этомъ. Дѣло касается моей участи и судьбы всего моего семейства; поэтому я не хочу довѣряться случайности. Я самъ отправлюсь въ Вѣну, поговорю съ цесаремъ и подамъ ему бумагу“.

— Да ты подумай только, уговаривалъ адвокатъ, — какой-же случайности тутъ можно опасаться? Я пошлю бумагу въ Вѣну по почтѣ и поручу надежному человѣку подать ее“...

— Въ томъ-то и дѣло, перебилъ его Тарасъ; — письмо можетъ затеряться на почтѣ, или на почтовую карету нападутъ разбойники; а можетъ бнть, твой пріятель въ Вѣнѣ уже умеръ. Но если-бы всего этого даже и не случилось, — развѣ пріятель твой будетъ говорить за меня такъ, какъ я говорилъ-бы самъ? Чтобы сдѣлать тебѣ одолженіе, онъ скажетъ цесарю такъ себѣ

нѣсколько словъ, но вступиться какъ слѣдуетъ за мое дѣло могу только я!

— Да вѣдь императоръ Фердинандъ не говоритъ по-русски! воскликнулъ адвокатъ.

— Это неправда! возразилъ Тарасъ;—то есть извини,—видишь тебя обмануль какой-нибудь негодяй. Простое здравое разсужденіе, безъ всякихъ особенныхъ справокъ, доказываетъ, что панъ цисаръ понимаетъ нашъ языкъ. Вѣдь панъ цисаръ—отецъ своихъ народовъ, а въ числу ихъ принадлежимъ и мы, русины; какъ-же возможно, чтобы отецъ не понималъ языка своихъ дѣтей?.. Итакъ, это дѣло рѣшенное,—я отправляюсь въ Вѣну. Будь такъ добръ, напиши мнѣ прошеніе; черезъ недѣлю я опять буду здѣсь и возьму его съ собою. Раньше я не успѣю справиться дома со своими дѣлами.

При этомъ рѣшеніи онъ и остался, несмотря на всѣ убѣжденія. А когда онъ, вернувшись домой въ Зулавцы, объявилъ о своемъ намѣреніи, то и здѣсь всѣ возраженія жены и священника остались тщетными. И священникъ, и Ануся были крайне обрадованы поразительной переměной, произошедшей съ Тарасомъ, но тотъ и другая съ одинаковой энергіей возстали противъ его плана, хотя и по различнымъ побужденіямъ. Ануся не сомнѣвалась въ томъ, что панъ цисаръ поможетъ, но путешествіе въ Вѣну казалось ей сопряженнымъ съ такими-же фантастическими приключеніями и опасностями, какъ, наприѣръ, путешествіе на тотъ свѣтъ!— „Мало-ли что можетъ случиться въ дорогѣ! жаловалась она попадѣ. — Вдругъ нападутъ разбойники; или умрешь съ голода гдѣ-нибудь въ безлюдномъ мѣстѣ; или попадешь къ волшебникамъ и позабудешь про родину. Но если-бы всего этого даже и не случилось, такъ вѣдь человекъ, самъ того не подозревая, можетъ заблудиться, забравшись въ такую даль“... Отецъ Левъ, правда, не вполне раздѣлялъ это мнѣніе, хотя съ своей стороны тоже довольно ярко росписывалъ опасности такого путешествія; но главнымъ образомъ онъ опасался, что оно окажется бесплоднымъ. „Вѣдь цисаръ, убѣждалъ отъ своего друга, при всемъ желаніи не можетъ пріѣхать въ Зулавцы, чтобы разузнать, когда былъ поставленъ черный крестъ; стало-быть, все, что онъ можетъ сдѣлать, это—разспросить у своихъ-же чиновниковъ насчетъ этого дѣла; ну, а они вѣдь не захотятъ-же со-

знать, что по небрежности совершили вопиющую несправедливость“.

Но у Тараса на все былъ готовъ отвѣтъ. — „Ты не столько боишься волшебниковъ,“ возразилъ онъ Анусъ, — сколько — волшебницъ!“ А священнику онъ сказалъ: — „Ты, батюшка, разумный и ученый человѣкъ, но врядъ-ли въ точности знаешь все то, что можетъ сдѣлать цесарь“.

На слѣдующее воскресенье онъ собралъ громаду. — „Свое собственное хозяйство, началъ онъ, обращаясь къ мужикамъ, — я поручилъ своему другу Семену. Онъ-же вызвался замѣнить меня и какъ судью. Но этого предложенія я не могу принять; громада не должна остаться такъ долго безъ главы; поэтому я снимаю съ себя должность и совѣтую вамъ выбрать въ судьи Семена“.

Друзья убѣждали его не отказываться отъ своей должности, и больше всѣхъ настаивалъ на этомъ Семень. Но такъ-какъ Тарасъ твердо стоялъ на своемъ, да и враги его не оставались бездѣтельными, то громада значительнымъ большинствомъ голосовъ приняла его отставку и выбрала въ судьи Семена. Но Семень положительно заявилъ, что согласенъ исполнять эту должность только до возвращенія своего друга.

Нѣсколько дней спустя, Тарасъ снова явился къ адвокату, который вручилъ ему прошеніе и, сверхъ того, письмо.

— Прежде всего разнищи этого господина, посоветовалъ онъ Тарасу; — это мой землякъ и другъ; онъ служитъ въ Вѣнѣ чиновникомъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Тарасъ; — а то-бы я прямо началъ съ того, что отыскалъ-бы домъ цесаря; его навѣрное сжечь въ каждаго ребенка.

— Да вѣдь дѣти въ Вѣнѣ не говорятъ по-русски! воскликнулъ адвокатъ и, вздыхая, прибавилъ: — Ахъ, Тарасъ, что-то изъ всего этого выйдетъ?!

— Мнѣ не страшно, панъ! возразилъ Тарасъ. — Тотъ, кто стремится къ правдѣ, въ-концѣ-концовъ долженъ достигнуть своей цѣли.

ГЛАВА VII.

Это происходило въ первые дни апрѣля мѣсяца. Тарась разстался съ своей женой, обѣщавъ ей по возможности часто посылать о себѣ вѣсти съ дороги, и въ первое время вѣрно исполнялъ свое обѣщаніе. Уже черезъ три недѣли послѣ его ухода пришло письмо изъ Львова, написанное однимъ изъ его односельцевъ, Константиномъ Туренкомъ, который служилъ въ полку герцога Нассаускаго и дослужился до чина капрала.

„Такъ-какъ другъ мой Тарась, писалъ онъ въ снисходительныхъ выраженіяхъ, — не умѣетъ писать, между тѣмъ какъ я пишу не хуже капитана, то извѣщаю васъ, что онъ прибылъ сюда въ добромъ здоровьи. Городъ я ему показалъ, и это доставило ему большое удовольствіе. Какъ и родителямъ моимъ вы можете сказать, что я еще до жатвы приду домой въ отпускъ; они будутъ гордиться мной“.

Потомъ, въ маѣ, пришло письмо изъ Кракова, писанное какимъ-то дьячкомъ, который въ сущности также только сообщалъ, что Тарась прибылъ туда благополучно. Правда, дьячекъ прибавилъ, что путникъ нуждается въ деньгахъ и просилъ выслать на его адресъ, но къ этой припискѣ священникъ не безъ основанія отнесся съ недоувѣріемъ. Это было второе и послѣднее извѣстіе, которое получили въ деревнѣ отъ Тараса.

До конца лѣта они ждали безъ особенныхъ опасеній. „До Вѣны далеко!.. утѣшалъ священникъ Анусю и самого себя. — Притомъ и не всякій день найдешь тамъ человѣка, знающаго по-русски и готоваго написать письмо для мужа“.

Но когда настало и прошло время жатвенное, а извѣстій все еще не было, отъ тоже сталъ тревожиться и уже не такъ успѣшно, какъ прежде умѣлъ утѣшать бѣдную Анусю. Каждый день приходила она въ домъ священника, чтобы рассказать о сновидѣніяхъ минувшей ночи, изъ которыхъ одно было ужаснѣе другого. Хорошо еще, если она видѣла Тараса въ объятіяхъ какой-нибудь прекрасной венгерки, но по-крайней-мѣрѣ живого; иногда же ей снилось, что онъ, умирая съ голода, сидитъ на большой дорогѣ, а бѣльшемъ частію она видѣла его мертвымъ, лежащимъ подъ деревомъ. Сомнѣнія ея относительно прекрасной венгерки

отецъ Левъ могъ еще разсвѣять, убѣждая ее, что Тарасу всѣмъ не приходится ѣхать черезъ Венгрію; противъ возможности голоданія съ достаточномъ убѣдительностью говорили двѣсти гульденовъ, которые онъ взялъ съ собою на дорогу; но противъ смерти, дѣйствительно, нигдѣ и никогда не существовало надежной гарантіи. Наконецъ, когда это послѣднее свидѣніе выяснило всѣ остальные, и бѣдная женщина вся истонилась отъ тревоги, священникъ обратился съ убѣдительною просьбою къ адвокату. Тотъ, дѣйствительно, обѣщаль тотчасъ навести въ Вѣнѣ справки, но недѣля проходила за недѣлю, отвѣтъ отъ адвоката не приходилъ и безъ вѣсти пропавшій Тарасъ не возвращался.

Такъ настала осень, подошла первая морозная ночь и, наконецъ, и день Симона и Іуды. Обыкновенно жители Покутья рѣшаютъ всякое важное дѣло исключительно въ церковные праздники; этотъ день представляетъ собою единственное исключеніе. Въ день Симона и Іуды вездѣ, начиная съ лѣсистыхъ горъ вплоть до глубины равнины, начинаются приготовленія къ зимѣ. Бабы приводятъ въ порядокъ свои кладовыя, мужики собираются передъ шинкомъ и рѣшаютъ вопросъ о распредѣленіи между жителями дровъ изъ громадскаго лѣса. Такъ случилось и на этотъ разъ, и послѣ обѣда новый судья Семенъ явился къ священнику, чтобы съ нимъ стовориться относительно этого общественнаго дѣла. Вопросъ этотъ они скоро уладили, но послѣ того еще долго толковали о другихъ печальныхъ дѣлахъ. Отецъ Левъ уже крайне неувѣреннымъ тономъ противорѣчилъ, когда судья жаловался, что злополучное поле стоило жизни не одному Дмитрію Соклевичу, но еще и другому, болѣе дорогому человѣку; онъ также считалъ Тараса погибшимъ. Такъ они оба сидѣли до сумерекъ и вели другъ съ другомъ печальную бесѣду; а изъ сосѣдней комнаты по временамъ доносился громкій плачь; такъ падая тщетно старалась утѣшить Анусю...

Вдругъ они услышали стукъ въ дверь и почти одновременно, заглушенное слезами, радостное восклицаніе Ануси: „Тарасъ!“

Они вскочили и бросились въ сѣни. Было совершенно непостижимо, какъ Ануся узнала мужа, не выдавъ его и даже не слышавъ ни голоса его, ни шаговъ; но дѣйствительно — это былъ онъ. — „Здорова-ли ты?“ воскликнулъ онъ. „Дѣтей я уже поцѣловалъ“.

Молча отошли остальные, пока мужъ и жена, рыдая, держали другъ друга въ объятіяхъ. Потомъ и они подошли и привѣтствовали его съ радостнымъ волненіемъ. Тѣмъ временемъ попада въ поспѣшила зажечь въ комнатѣ свѣчи. Но когда Тарасъ вошелъ въ освѣщенную комнату, Ануся пронзительно вскрикнула, да и друзья его испугались; — до такой степени онъ постарѣлъ, осунулся и казался мрачнымъ. Его крѣпкое тѣло исхудало, въ бѣлокурныхъ волосахъ виднѣлись болѣе свѣтлыя пряди; морщины между бровями вѣзались глубоко, а глаза почти безъ всякаго блеска мрачно смотрѣли изъ-подъ блѣднаго лба. — „Братъ, воскликнулъ Семень, — ты принесъ домой недобрныя вѣсти?“

— Да, недобрныя вѣсти! подтвердилъ Тарасъ. Потомъ онъ пытался улыбнуться, но это ему не удалось, а когда онъ увидѣлъ, что у другихъ на глазахъ навернулись слезы, онъ далъ волю и своимъ слезамъ.

— Вѣдний, ты, бѣдний! рыдала Ануся, оснявъ его голову коцѣлуями и орошая ее слезами; — сѣдые волосы!.. Сѣдые волосы!..

Эти слова возвратили Тарасу самообладаніе. Теперь ему, дѣйствительно, удалось улыбнуться. Нѣжно привлекъ онъ къ себѣ жену, усадилъ ее возлѣ себя и прислонилъ ея голову къ своей груди. — „Вотъ видите, сказалъ онъ шутливымъ тономъ, — что за народъ эти бабы! У нея сердце готово надорваться оттого, что у мужа ужъ не такіе прекрасные бѣлокурные волосы, какъ прежде!.. Ну, а теперь расскажите, какъ идутъ дѣла въ деревнѣ?“

— Нѣтъ, рассказывай ты! крикнули они въ отвѣтъ. — Мы только изъ-за тебя тревожились! Гдѣ это ты такъ долго пропадалъ?

— Да развѣ могло случиться иначе? отвѣчалъ онъ. — До Вѣян далеко, и притомъ, мнѣ долго пришлось дожидаться, пока удалось, наконецъ, его увидѣть...

— Пана цисаря? Ты съ нимъ говорилъ?

— Да, — то-есть говорилъ такъ, какъ тамъ привыкли говорить, возрадилъ Тарасъ съ загадочной улыбкой. — Притомъ я не хотѣлъ возвращаться безъ опредѣленнаго отвѣта“...

— Что-же, дождался ты отвѣта?

— Нѣтъ, но дѣло для меня теперь такъ-же ясно, какъ буд-

то отвѣтъ уже полученъ... Впрочемъ, объ этомъ послѣ! Какъ вы поживаете? Что подѣлываетъ нашъ панъ благодѣтель?

— Онъ рѣдко показывается! отвѣтилъ Семень; — что-же касается твоего собственнаго хозяйства, прибавилъ онъ поспѣшно, — то ты порадуешься, глядя на него. Все въ порядкѣ; скотъ въ самомъ лучшемъ состояніи, а жатва была такая богатая, какъ рѣдко. Амбары наполнены, да кромѣ того я храню для тебя восемьдесятъ гульденовъ, вырученныя за жито, и тридцать гульденовъ — за овесъ. Но расскажи-же, обнадѣжилъ-ли тебя панъ цисаръ?

— О, да! воскликнулъ онъ съ горькимъ хохотомъ; надѣяться мнѣ предоставлено, сколько душѣ угодно!.. Извини, матушка, обратилъ онъ затѣмъ къ попадѣ, — я страшно голоденъ; я такъ спѣшилъ поскорѣе добраться домой, что сегодня нигдѣ не оставивался.

Добрая женщина въ смущеніи извинилась, что не подумала объ этомъ сама и поставила на столъ исполненскую ветчину, къ которой присоединила затѣмъ и всякія другія вкусныя вещи, которыя нашлись у нея въ кладовой. Но гости не оказали угощенію должнаго вниманія; и Тарасъ только торопливо проглотилъ нѣсколько кусковъ, выпилъ стаканъ молдавскаго вина, а затѣмъ, поблагодаривъ, отодвинулъ тарелку, на которую попадья наложила цѣлую гору кушанья...

— Поѣшь-же, судья! упрасивала она;—то-есть, Тарасъ, поправились она, смутившись. — А Впрочемъ, нѣтъ! разсмѣялась она наконецъ;—я все-таки стану называть тебя по старой привычкѣ судьей; вѣдь ты все равно скоро опять примешь эту должность.

— Нѣтъ! возразилъ онъ;—я не хочу этого, да и не могу...

— Ты долженъ это сдѣлать! горячо воскликнулъ Семень. — Я принялъ должность только въ качествѣ твоего намістника; такимъ судьей, какъ ты, я для деревни быть не могу, да и впредь никто другой не будетъ.

— Не могу! торжественно повторилъ Тарасъ; — Богомъ клянусь,—не могу!

Они посмотрѣли на него съ изумленіемъ. Этотъ торжественный тонъ ихъ удивилъ. Только Ануса радостно воскликнула:

— Ты правъ, Тарасъ; мы станемъ покойно жить и будемъ счастливы. Притомъ въ эту зиму тебѣ слѣдуетъ отдохнуть и по

чаще ходить на охоту. Это тебя развеселит и укрепит твоё здорье.

— Да, согласился онъ;—такъ я и поступлю. А затѣмъ снова прибавилъ торжественно, съ разстановкой:—Вѣдь это будетъ необходимо, безусловно необходимо!

— Какъ-такъ? спросилъ священникъ: — послѣднюю зиму ты такъ усердно преслѣдовалъ медвѣдей, что теперь они врядъ-ли серьезно могутъ намъ повредить.

Тарасъ хотѣлъ что-то возразить, но тотчасъ-же крѣпко сжалъ губы, какъ-бы стараясь насильно удержать готовое сорваться необдуманное слово; а такъ-какъ и остальные замолчали, то на нѣкоторое время въ комнатѣ воцарилось неловкое молчаніе.

— Ну, теперь рассказывай! сказала, наконецъ, попадая, усаживаясь попокойнѣе. — Я съ такимъ нетерпѣніемъ жду разсказа о твоихъ приключеніяхъ. Каковъ изъ себя цисарь? Дѣйствительно-ли домъ у него изъ золота?

— Я опасуюсь, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, — что ты будешь сильно разочарована. Домъ у него каменный, а самъ онъ жалкій, хилый человѣкъ. И приключеній со мной случилось мало; я даже не повстрѣчался ни съ одной волшебницей, Ануся. Впрочемъ, въ этомъ, быть можетъ, виноватъ я самъ, такъ-какъ слишкомъ торопился въ дорогѣ. Сердце такъ и гнало меня впередъ; охотнѣе всего я поѣхалъ-бы съ почтою, но это было невозможно въ виду дороговизны. Такимъ образомъ, я пробирался, то тамъ, то здѣсь нанимая себѣ мѣстечко у извозчика; иногда меня сажалъ къ себѣ въ телѣгу какой-нибудь мужикъ, а если гдѣ-нибудь не оказывалось повозки, то я долго не медлилъ, а продолжалъ путь пѣшкомъ. Со многими людьми пришлось мнѣ встрѣтиться по дорогѣ; они повѣряли мнѣ свое горе, а я имъ разсказалъ о своемъ. Странное дѣло,—какъ ни чуденъ Божій міръ, а я не встрѣтилъ ни одного счастливаго человѣка! Всякій несетъ на спинѣ свое бремя, и у cadaго человѣка ноша эта тяжела; въ этомъ особенно легко убѣдиться въ путешествіи, когда люди раскрываютъ свою душу передъ совершенно чужимъ человѣкомъ, какъ передъ братомъ. Большая часть изъ тѣхъ, кого я встрѣтилъ, полагали, что я выбралъ настоящее средство; только одинъ покачалъ головой и посовѣтовалъ мнѣ вернуться домой; это былъ еврей-виноторговецъ изъ Черновца, который довезъ меня въ

своей телѣжкѣ до Львова. Обошелся онъ со мной ласково, не хотѣлъ брать съ меня платы, внимательно выслушалъ мой рассказъ, но затѣмъ предостерегъ меня. — „Все это будетъ напрасно, сказалъ онъ. — Да вотъ если-бы живъ былъ великій императоръ Іосифъ,—тогда другое дѣло!“ Но я стоялъ на своемъ. „Вѣдь я не благодаренія добиваюсь, возразилъ я. — Если-бы я просилъ о милости, тогда все зависѣло-бы отъ того, каковъ цесарь, какъ человекъ, — добрый или злой, мудрый или неразумный; но я только требую, чтобы онъ исполнилъ свою обязанность, а это есть долгъ каждого человека“. Послѣ этого онъ уже пересталъ со мною спорить. Такъ доѣхали мы до Львова.

— И тамъ ты, наконецъ, встрѣтилъ счастливаго человека, прервалъ его священникъ улыбаясь. — Я говорю о Константинѣ Туренкѣ. Мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, еще не попадался человекъ, который-бы до такой степени былъ доволенъ собою.

И Тарасъ невольно улыбнулся. — „Нѣтъ, возразилъ онъ, — панъ капраль въ то время еще не былъ счастливъ, такъ-какъ у него не было ни гроша денегъ; мнѣ пришлось дать ему взаимнъ гюльденъ. Онъ все еще въ деревнѣ?

— Какъ-же, воскликнула Ануся. — Ахъ, какой хвастунъ! А мнѣ онъ говорилъ: „я угощалъ твоего мужа, какъ князь; во всемъ Львовѣ нѣтъ ни одной гостинницы, гдѣ-бы онъ не угощался на мой счетъ!“ Я, разумѣется, не повѣрила изъ всего этого ни одному слову, но другіе люди готовы распинаться за все то, что онъ навретъ имъ. Какъ-же, вѣдь онъ теперь задаетъ тонъ въ деревнѣ. „Вассама! Я императорскій капраль!“ Она попыталась передать его голосъ и манеру. — Ужъ такой хвастунъ!

— Ну, да и со мной тоже онъ языка не удерживалъ, послѣ того, какъ получилъ гюльденъ. Впрочемъ, я все-таки былъ душевно радъ, когда онъ меня узналъ и заговорилъ со мною. Это былъ первый большой городъ, который мнѣ приходилось видѣть и мнѣ казалось, словно я заблудился въ этой толпѣ людей. Онъ и другіе солдаты изъ его полка помогли мнѣ и водили меня по городу; ужъ и дивился-же я всему! А впрочемъ, что значить Львовъ въ сравненіи съ *Вьною*. Въ Львовѣ я остался только одинъ день и затѣмъ продолжалъ путь по направленію къ Кракову. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становилось мнѣ жутко; ужъ теперь не приходилось вести утѣшительныхъ разговоровъ, а надо было ра-

доваться, если удавалось объясниться относительно самого необходимого. Вѣдь тамъ люди не говорятъ ужь какъ слѣдуетъ, полною грудью; эти мазуры и горалы все какъ-то задѣвдаютъ языкомъ, заостряютъ губы и лепечутъ. Наконецъ, попался мнѣ по дорогѣ землякъ, дьячекъ изъ окрестностей Черткова, убѣжавшій отъ своей жены, потому-что она его слишкомъ много била. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, рассказывалъ мнѣ свою судьбу этотъ маленький, опечаленный человѣчекъ и жаловался, что у него не хватаетъ денегъ для того, чтобы пробраться въ Россію; но въ послѣдствіи мнѣ приходилось такъ часто ловить его на лжи и мошенничествѣ, что я считаю даже исторію о злой женѣ вымышленною. Но какъ-бы-то ни было,—это былъ землякъ, и я кормилъ его до самаго Кракова. Дѣло въ томъ, что этотъ городъ не принадлежитъ уже къ Австріи; поляки имѣютъ тамъ свое маленькое, свободное государство. Я никакъ не могъ понять, какъ это люди могутъ жить безъ цисаря, который-бы поддерживалъ порядокъ. Теперь, положимъ... Онъ остановился и опять сжалъ губы.—„Да, такъ я хотѣлъ сказать, что мнѣ было тяжело чувствовать себя внѣ государства своего цисаря; мнѣ хотѣлось слышать хоть русское слово, и я оставилъ этого негодяя при себѣ до Кракова, а тамъ отпустилъ его на всѣ четыре стороны...

— Какъ умно ты поступилъ! съ гордостью воскликнула понадь, обращаясь къ мужу; и они рассказали о письмѣ.

— Ахъ, онъ мошенникъ! сказалъ Тарасъ съ улыбкою.—Въ то время я еще думалъ, что денегъ съ меня хватитъ; ну а послѣ все стало дороже, да и вообще не легко было продолжать путь. Когда я въ Дѣдичѣ снова увидѣлъ черножелтую заставу, я, правда, возликовалъ, но потомъ, когда вокругъ меня затрещали со всѣхъ сторонъ эти маленькіе, голодные силезскіе поляки, радость моя значительно-таки поубавилась. Мѣстность эта, дѣйствительно, неплодородная, но если-бы народъ этотъ такъ-же прилежно работалъ руками, какъ онъ работаетъ языкомъ, то тамъ не было-бы ни одного нищаго. Потомъ я попалъ въ болѣе богатую мѣстность—къ моравамъ; но и здѣсь положеніе мое немногимъ стало легче. Когда я въ первый разъ слышалъ, какъ эти люди говорятъ между собою, я не понималъ ни одного слова; мнѣ казалось, какъ-будто они постоянно бранятся другъ съ другомъ. Позднѣе я замѣтилъ, что нѣкоторые слова похожи на нашу рус-

скую рѣчь, и въ особенности тѣ, которыя были для меня нужнѣе всего,—хлѣбъ, мясо, вино, а потомъ названія чиселъ. Да, они-то и оказались болѣе всего для меня необходимыми. Впрочемъ, въ это время положеніе мое было еще сравнительно сносно; оно стало несравненно тяжелѣе начиная съ Люденбурга, когда я очутился между нѣмцами. Это несомнѣнно дѣльный народъ; деревни у нихъ такія, что могутъ поспорить съ нѣкоторыми нашими городами, поля обработаны такъ превосходно, что у каждаго сельскаго хозяина сердце радуется, глядя на нихъ. Но что за ужасный языкъ! Невозможно понять ни одного слова, ни одного звука! Нечего дѣлать, пришлось, какъ нѣмому, объясняться знаками,—жевать, когда хотѣлось ѣсть, дѣлать видъ, что пьешь, когда хотѣлось пить. Но когда я желалъ мяса, мнѣ приносили огурцовъ, когда я спрашивалъ воды, то получалъ вино. А въ трактирѣ люди всегда собирались около меня и смотрѣли на меня съ удивленіемъ; вѣроятно, ихъ удивляло, какъ это я подношу пищу и питье ко рту, а не къ ушамъ. „Полякъ! полякъ!“ шептали они другъ другу, указывая на меня. Это меня очень сердило, потому-что я не полякъ, а, слава Богу, русинъ; попытался я было объяснить имъ это, но какъ ни старался говорить понятно, они только смѣялись все громче и громче, пока я не замолчалъ, наконецъ, увидѣвъ, что понапрасну трачу слова. „Пускай-себѣ думаютъ, что полякъ, подумалъ я,—лишь-бы добраться до Вѣны“. Такъ шелъ я, не унывая, все дальше и дальше по большой дорогѣ. По пути ко мнѣ присоединился маленькій словакъ, торговавшій проволочными издѣліями; хотя мы и не вполне понимали другъ друга, я все-таки чувствовалъ себя съ нимъ не совсѣмъ одинокимъ и покинутымъ. Охотно дошелъ-бы я съ этимъ мальчикомъ до самой Вѣны, но ему пришлось свернуть съ дорога и направиться на родину; передъ разлукою онъ, впрочемъ, еще оказалъ мнѣ услугу, нанявъ для меня мѣсто на возу извозчика, который ѣхалъ съ сукномъ изъ Брюна въ Вѣну. Это былъ привѣтливый старикъ съ добродушнымъ взглядомъ; да и я, повидимому, ему нравился; идя возлѣ лошадей, онъ ласково кивалъ мнѣ головою, а я, сидя на козлахъ, отвѣчалъ ему тѣмъ-же. Потомъ, когда дорога пошла подъ гору и онъ подсѣлъ ко мнѣ, намъ стало нестерпимо сидѣть другъ возлѣ друга, словно нѣмыя рыбы, и молчать. Онъ началъ говорить, а я внимательно прислушивался;

потомъ заговорилъ я, а онъ сталъ слушать; въ промежуткахъ между этими разговорами, мы угощали другъ друга табакомъ и вообще по возможности старались оказывать другъ другу какую-нибудь любезность. У меня сердце болѣло при мысли, что я не могу его понять... Хотѣлось-бы мнѣ знать, зачѣмъ это Богъ еще разъединилъ людей, одаривъ ихъ различною рѣчью; вѣдь и безъ того не легко живетъ на землѣ!..

— Это пошло съ Вавилонскаго столпотворенія, замѣтила попадья авторитетнымъ тономъ.— Объясни-ка ему это, Левъ! обратилась она къ мужу, но священникъ знакомъ далъ ей понять, что слѣдуетъ молчать, и Тарасъ продолжалъ:

— Такъ вѣхаль я, сидя возлѣ добраго старика, въ продолженіи двухъ дней; телѣга была тяжело нагружена, и мы проѣзжали въ день не болѣе трехъ миль. Когда мы на третье утро тронулись въ путь, онъ какъ-то особенно весело кивнулъ мнѣ, указавъ рукою впередъ и воскликнулъ: „Вѣна! Вѣна!“ Это я, разумѣется, понялъ, и сердце мое начало усиленно биться отъ радости и невольнаго страха. Я старался напрягать свое зрѣніе, глядя по тому направленію, которое онъ мнѣ указалъ, но тамъ ничего невозможно было разсмотрѣть, кромѣ какой-то мутной, сѣрой иглы, стоявшей въ воздухѣ на далекомъ горизонтѣ. Плотнымъ клубомъ висѣла она надъ равниною, а позади вырѣзывалось на небѣ зубчатая полоса облаковъ. Это меня крайне удивило, такъ-какъ день былъ ясный и воздухъ охладился ночью грозой. Но когда мы проѣхали еще нѣсколько часовъ и ничто въ этой картинѣ не перемѣнилось, я сообразилъ свою ошибку; это были не облака, а дальнія, голубыя горы. А эта игла? Ея происхожденія я все еще не умѣлъ себѣ объяснить и только впоследствии понялъ, что это были паръ и пыль, которые вѣчно поднимаются изъ громаднаго города къ небу, какъ дыханіе исполинскаго змѣя!

Ануса и попадья перекрестились.

— Мой товарищъ въ этотъ день погонялъ лошадей усерднѣй, чѣмъ обыкновенно. „Вѣна!“ повторялъ онъ все болѣе радостно и знаками объяснилъ мнѣ, что его ожидали тамъ жена и дѣти. Счастливецъ! Я невольно вспомнилъ о васъ и сталъ думать о томъ, каково мнѣ будетъ жить въ огромномъ городѣ, въ которомъ никто не понималъ моего языка. Потомъ, однако, я отогналъ отъ себя эти опасенія и внимательно сталъ смотрѣть по сторонамъ.

Мы ѣхали черезъ длинный, великолѣпный, каменный мостъ; подъ нимъ рѣка катила свои желтыя, могучія волны; это былъ Дунай. По ту сторону рѣки стояли первые дома, приблизительно такіе же, какъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ,—маленькіе, уютные каменные домики, окруженные садами. Я зналъ, что это еще только предмѣстье и подумалъ:—минуть черезъ десять мы будемъ на главной площади, а тамъ навѣрное находится и домъ цесаря. Но минута проходила за минутою, прошелъ цѣлый часъ, а мы все еще ѣхали по этой прямой, безконечной улицѣ, и по обѣимъ сторонамъ все еще тянулись сады; впрочемъ, они становились все рѣже и рѣже, и дома все тѣснѣе придвигались другъ къ другу. Видѣствъ съ тѣмъ увеличивалось число людей и повозокъ, которые мы встрѣчали по дорогѣ; на улицѣ началась уже такая-же тѣснота, какъ на главной площади въ Львовѣ, но она увеличивалась съ каждымъ мгновеніемъ, а издали до моего слуха доносился какой-то глухой гулъ. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ больше онъ разрастался, а на душѣ у меня становилось жутко. Мы давно уже миновали послѣдніе сады, дома тянулись тѣсными рядами и становились все выше, въ два, въ три, наконецъ—въ четыре этажа, съ безчисленными окнами. И изъ всѣхъ этихъ оконъ выглядывали люди; по обѣимъ сторонамъ улицы и даже посрединѣ ея, пробираясь между повозками, тоже сновали люди. Мы все еще ѣхали по той-же улицѣ, и насколько хватало моего зрѣнія, она, повидимому, тянулась безъ конца, усыпанная повозками и куда-то спѣшившими людьми. Направо и налево шли боковыя улицы, въ которыхъ также стояли громадные дома, грохотали повозки и толпились люди. Крѣпче уцѣпился я за телѣгу; эта толкотня положительно ошеломяла меня; голова у меня кружилась, сердце стучало тяжелыми, глухими ударами...

— Ахъ! вздрогнула Ануся.

— Наконецъ, мы достигли конца этой неизмѣримо длинной улицы, но видѣствъ съ тѣмъ превратились и ряды домовъ. Съ изумленіемъ посмотрѣлъ я вокругъ себя; мы ѣхали между зелеными лугами, но впереди высился земляной валъ, а позади его—опять дома, сверкающія башни и исполинскій куполъ. Толпа вокругъ насъ стала еще гуще, и всѣ эти люди входили и выходили въ какія-то большія ворота. Я не могъ понять,—пріѣхали ли мы уже черезъ городъ, или только теперь должны были въ

него въѣхать. Я вопросительно посмотрѣлъ на старика. Онъ меня понялъ и весело сказалъ, указывая кнутомъ на земляной валъ: „Вѣна“. — „Господи, помилуй! подумалъ я. — Стало-быть, до сихъ поръ-то я видѣлъ только преддѣстье, каково-же будетъ въ городѣ!“ Возлѣ вала находилась таможня и таможенные чиновники смотрѣли, нѣтъ-ли у кого-нибудь изъ въѣзжающихъ съѣстныхъ товаровъ. Дѣло въ томъ, что въ Вѣну никто не смѣетъ ввозить свой провіантъ, не заплативъ за это пошлины. Я не понялъ, чего хотятъ отъ меня эти солдаты въ зеленыхъ мундирахъ, пока они не ухватились за мою дорожную сумбу; но, не найдя въ ней ничего, кромѣ хлѣба и куска сыра, они со смѣхомъ положили ее на мѣсто. — А мнѣ все болѣе и болѣе становилось не по себѣ. Эта всеобщая толкотня была для меня мучительна и внѣ города, теперь-же она становилась просто нестерпимою. Какъ-бы мнѣ дать вамъ объ этомъ понятіе? Вообразите себѣ, что всѣ хвой въ нашемъ горномъ еловомъ лѣсу превратились въ людей и кружатся въ безумномъ вихрѣ; вообразите себѣ, что всѣ деревья и кусты превратились въ громадные дома, сдвинулись въ тѣсныя улицы, въ которыя даже солнце не можетъ пробраться; вообразите себѣ, что Богъ пригвоздилъ къ небу грозу и что надъ землею стоитъ непрерывный грохотъ, изъ часу въ часъ, изъ-дня въ день!.. Впрочемъ, нѣтъ, кто не былъ въ Вѣнѣ, тотъ никогда не сможетъ представить себѣ вѣнскую жизнь. Я-же не въ состояніи даже передать, что у меня въ то время было на душѣ. Вѣроятно, объ этомъ можно было судить по выраженію моего лица, потому-что извозчикъ взялъ меня за руку и обратился ко мнѣ съ какими-то вопросомъ. По его взгляду и по тону, полному участія, я догадался, что онъ хотѣлъ знать, не нездоровится-ли мнѣ; поэтому я покачалъ головою и попробовалъ улыбнуться. Но онъ продолжалъ еще что-то спрашивать, чего я не умѣлъ уже разгадать; наконецъ, онъ указалъ на высокіе дома, закрылъ глаза, прислонилъ свою голову къ моему плечу и опять вопросительно посмотрѣлъ на меня. Тогда я понялъ, что онъ желаетъ знать, гдѣ я намѣренъ спать и жить. Боже мой! а я-то, со страху, объ этомъ и забылъ совсѣмъ. Прежде все это казалось мнѣ очень просто и удобно; сначала, думалъ я, розыщу пана чиновника Брозу, къ которому адвокатъ далъ мнѣ письмо, а онъ меня ужъ куда-нибудь

пристроить. Но теперь я понималъ, что среди этой толкотни невозможно ѣхать къ нему съ ломовою телѣгой, а отыскивать пана Бросу одному мнѣ было жутко. Поэтому я пожалъ плечами, умоляющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на старика и далъ ему понять, что самъ не знаю, куда обратиться и прошу у него совѣта. Тогда онъ указалъ мнѣ на одну боковую улицу и сдѣлалъ видъ, какъ-будто ѣсть и пить; это значило, что онъ меня спрашиваетъ, не отвезти-ли меня въ гостинницу. Я кивнулъ головой. Тогда онъ повернулъ въ боковую улицу, а затѣмъ въ безлюдный, узкій переулокъ и остановился передъ одноэтажнымъ домомъ, надъ воротами котораго качался вѣнокъ изъ выкрашенныхъ въ зеленую краску жестяныхъ листьевъ. Дворникъ, услышавшій хлопанье кнута, вышелъ за ворота, и старикъ объявилъ ему о моемъ желаніи. Я опять услышалъ, какъ они два раза повторили слово „полякъ“. При этомъ словѣ дворникъ улыбнулся и спросилъ меня по-польски, желаю-ли я имѣть комнату. Вы знаете, что я поляковъ вообще не долюбиваю, а по дорогѣ не разъ посылалъ ихъ ко всѣмъ чертамъ виѣстѣ съ ихъ языкомъ, но теперь у меня вдругъ на душѣ стало такъ радостно, хотя дворникъ говорилъ только ломаннымъ языкомъ. Онъ въ качествѣ солдата пробывалъ только нѣсколько лѣтъ въ Галиціи, а родомъ былъ чехъ.

— Стало-быть, — землякъ нашего пана благодѣтеля! воскликнулъ Семень.

— Да, но этотъ Францисекъ былъ славный малый. Послѣ того, какъ онъ услышалъ, кто я такой и зачѣмъ я пріѣхалъ въ Вѣну, онъ, насколько могъ, обѣщался мнѣ помочь и прежде всего выхлопоталъ у своего хозяина, чтобы тотъ бралъ съ меня за столъ и квартиру не болѣе сорока крейцеровъ въ день. Не приходи въ такое негодование, милая Ануса, для Вѣны это очень дешевая цѣна. Затѣмъ онъ вызвался проводить меня на слѣдующее утро къ пану чиновнику. „Сегодня ужъ нельзя, сказалъ онъ, прочитаю адресъ;— это слишкомъ далеко, панъ живетъ въ городѣ“. — „Въ городѣ? спросилъ я съ изумленіемъ. — А гдѣ же мы-то сами?“ — „Въ предмѣстіи Леопольдштадтъ“, пояснилъ онъ. Тутъ я узналъ, что тотъ городъ, черезъ который мы сначала ѣхали, была не болѣе какъ пригородная слобода Флорисдорфъ. И вообразите себѣ, что такихъ слободъ вокругъ Вѣны семь; да кромѣ того — девять предмѣстій; стало-быть, — пятнадцать

городовъ вокругъ одного города. Сколько тамъ живетъ людей, — это едва-ли даже возможно сосчитать, говорятъ тамъ вдвое больше душъ, чѣмъ въ Покутьѣ и во всей Буковинѣ въ сложности.

— Ну, ужъ это тебѣ наврали! воселилинулъ Семень. Но священникъ подтвердилъ слова Тараса: „Такъ написано во всѣхъ книгахъ“.

— Такъ вы можете себѣ представить, каково было въ самомъ-то городѣ, куда проводилъ меня Францисекъ на слѣдующее утро. Тамъ изо дня въ день больше шума и давки, чѣмъ на самой оживленномъ ярмаркѣ въ Коломиѣ, а что мнѣ показалось всего ужаснѣе, такъ это то, что тамъ толпятся и люди и повозки въ вѣчномъ полусвѣтѣ. Улицы такъ узки, а дома такъ высоки, что нужно остановиться и совершенно закинуть назадъ голову, если хочешь увидѣть клочекъ голубого неба и ласковый свѣтъ солнца. Но того, кто остановится, награждаютъ тумаками и толкаютъ то въ ту, то въ другую сторону; поэтому проводникъ мой взялъ меня за руку и какъ ребенка провелъ сквозъ толпу. Такъ шли мы по узкимъ и широкимъ улицамъ, потомъ мимо собора св. Стефана, который, примѣрно, разъ въ двадцать выше и шире нашей деревенской церкви, и, наконецъ, дошли до площади, гдѣ уже было меньше движенія. Тамъ не видно ни одного кафтана и ни одного нейса, а площадь эту, Богъ знаетъ почему, все-таки называютъ „жидовскою“. Тамъ жилъ пріятель адвоката, панъ Викторъ Броза, въ высокомъ, красивомъ домѣ; но намъ пришлось взобраться на большое число ступеней, пока мы очутились, наконецъ, передъ его дверью. Въ Зулавцахъ ни одинъ нищій не согласился-бы жить въ квартирѣ, до которой нужно-бы было добираться съ такимъ трудомъ. Слуга не хотѣлъ меня допускать, но когда я велѣлъ ему передать письмо, вельможный панъ тотчасъ приказалъ меня позвать. Это былъ видный, представительный человекъ съ серебряными волосами и въ золотыхъ очкахъ, настоящій панъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ добрый и ласковый. Ахъ, какъ я былъ счастливъ, когда снова могъ заговорить на своемъ языкѣ, не вызывая смѣха и удивленныхъ взглядовъ! Радость моя, правда, скоро утихла, когда онъ началъ говорить самъ. Говорилъ-то онъ добрыя, сердечныя, разумныя слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегалъ меня и не совѣтовалъ возлагать слишкомъ большія надежды на мой разговоръ съ цесаремъ. „Онъ добрый человекъ“,

сказалъ онъ; „я не сомнѣваюсь, что если-бы ты пришелъ просить вспомошествованія для своей громады, наприимѣръ, на построение церкви или послѣ пожара, онъ-бы щедро одарилъ тебя. Но о судебныхъ дѣлахъ онъ заботиться не можетъ; для этого бѣднаго, больного человѣка дѣло управленія государствомъ и безъ того тяжелая обуза“. — „Этого я не понимаю, возразилъ я; — какъ-же онъ можетъ оказывать милость и отказывать въ правосудіи?“ — „А для этого, сказалъ панъ Броза, — онъ велѣлъ написать законы и посадилъ вездѣ своихъ писарей, которые-бы наблюдали за ихъ исполненіемъ“. — „А если они судятъ не справедливо?“ — „Онъ въ этомъ не виноватъ“. — „А помочь онъ все-таки долженъ“. — „Онъ?“ — „Да кому-же кромѣ него?“ — „Правда, — въ самомъ дѣлѣ некому. Ваше дѣло, дѣйствительно, вопіющая несправедливость, и новое слѣдствіе было-бы положительно необходимо. Вотъ, если-бы онъ былъ похожъ на своего дѣда, Іосифа, или хоть на отца своего, Франца, — тогда-бы можно было на что-нибудь надѣяться. Дѣло это, дѣйствительно, представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда правитель можетъ и долженъ самъ виѣшаться въ судопроизводство. Но онъ“... На этихъ словахъ онъ остановился въ смущеніи. — „Говори, просилъ я, — развѣ онъ на это не способенъ?“ Вопросъ этотъ я едва выговорилъ; вся кровь во мнѣ словно замерзла. Сначала панъ Броза ничего не отвѣтилъ и отошелъ къ окну. — „У него часто болятъ голова“, сказалъ онъ, наконецъ, вполголоса; — „при томъ онъ любитъ заниматься токарнымъ ремесломъ и клеить картонныя коробочки“. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ, и онъ еще разъ сказалъ: — „Ну да, бѣдный, больной человѣкъ пристрастился къ этому невинному занятію и посвящаетъ ему много времени“... Послѣ этого я долженъ былъ повѣрить его словамъ.

— Да какъ-же это возможно?! воскликнули Семень и обѣ женщины.

Тарасъ горько усмѣхнулся. — „Какъ это возможно? Да, это и я спрашивалъ, да еще многое другое, такъ-что панъ Броза, наконецъ, посмотрѣлъ на меня съ испугомъ и старался успокоить. — „Я понимаю твое волненіе“, сказалъ онъ и сталъ меня гладить по головѣ, какъ ребенка, котораго хотятъ утѣшить. „Чудный ты человѣкъ, Тарасъ, но только изъ вашей деревни мнѣ представляется инымъ, чѣмъ какой онъ есть на самомъ дѣлѣ“. —

„Это возможно, вельможный панъ, отвѣтилъ я;—но я знаю только одно: мы люди должны жить между собою не такъ, какъ звѣри живутъ въ „Великомъ лѣсу“, гдѣ сильный побѣждаетъ слабого; и каждый человѣкъ *долженъ* это чувствовать, все равно,—живетъ ли онъ мужикомъ въ Зулавцахъ или цесаремъ въ Вѣнѣ“. — „Да вѣдь и онъ это чувствуетъ! восликинулъ панъ Броза;—онъ прекрасный человѣкъ. Знай только, что о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ онъ заботится *не можетъ*“. — „Потому я и пришелъ, чтобы рассказать ему про свое горе“. — „Но вѣдь онъ не можетъ тебя понять, онъ не говоритъ по-русски“. Тяжело мнѣ было услышать это. Адвокату я не хотѣлъ вѣрить, но этому человѣку не могъ не повѣрить. — „Какъ-же это отецъ не понимаетъ своихъ дѣтей? спросилъ я.—Такъ понимаетъ-же онъ хоть по польски?“ — „Къ сожалѣнію, нѣтъ! Онъ съ дѣтства былъ слабого здоровья и не могъ очень усердно предаваться ученью. — „Не говоритъ-ли онъ, по-крайней-мѣрѣ, по-чешски?“ — „Да“. — „Ну, возразилъ я,—въ такомъ случаѣ я покоенъ; если я могу объясняться съ Францишкомъ, то съ нимъ объяснюсь и подавно“. Но панъ Броза еще не кончилъ своихъ возраженій. „Кромѣ того существуетъ еще одно серьезное затрудненіе: онъ очень рѣдко даетъ приемы, обыкновенно просьбы принимаетъ одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ или кто-нибудь изъ генераловъ“. При этихъ словахъ мнѣ снова что-то кольнуло въ сердце, но я быстро овладѣлъ собою. — „Хорошо, сказалъ я,—въ такомъ случаѣ я буду ходить каждый день, до тѣхъ поръ пока онъ не выйдетъ самъ“. Панъ Броза улыбнулся. „Ты ошибаешься,—быть допущеннымъ на аудіенцію не такъ просто, какъ сходить къ священнику. Для аудіенцій назначенъ только одинъ день въ недѣлю, да и этотъ срокъ соблюдается не правильно, кромѣ того, чтобы быть допущеннымъ, сначала всегда нужно подать письменное прошеніе“. — „Въ такомъ случаѣ я буду приходить каждую недѣлю, пока не встрѣчу его самого“. — „Помилуй, образумься!“ сталъ онъ меня упрашивать. „Къ чему-же тебѣ напрасно тратить здѣсь и время, и деньги. Отдай мнѣ свое прошеніе, а я его передамъ“. — „Вельможный панъ, отвѣтилъ я,—спасибо тебѣ за то, что ты мнѣ, бѣдному человѣку, желаешь добра, но всего моего дѣла ты хорошо не знаешь“. При этомъ я и остался, несмотря на все, что онъ послѣ этого говорилъ; а онъ оказался такимъ хорошимъ,

сострадательнымъ человѣкомъ, что нисколько на меня за это не разсердился и даже общалъ выхлопотать мнѣ доступъ къ слѣдующей аудіенціи. Потомъ онъ спросилъ меня, гдѣ я живу, но этого я и самъ не зналъ, такъ-что въ комнату призвали Францишку, который и назвалъ имя содержателя гостиницы. Панъ Броза записалъ его и общалъ тотчасъ извѣстить меня, когда мнѣ разрѣшено будетъ явиться къ цесарю. „А когда это можетъ быть?“ Онъ этого и самъ не зналъ. „Можетъ быть, черезъ одну, а можетъ быть,—и черезъ пять недѣль“. Такъ и ушелъ я печальный...

— А я, воскликнула Ануся съ сверкающими глазами,—я-бы такъ долго не стала дожидаться! Вѣдь навѣрное-же панъ цесарь, какъ всякій другой христіанинъ, каждый день выходитъ на воздухъ. Я-бы и стояла передъ его домою до тѣхъ поръ, пока-бы онъ не вышелъ; потомъ-бы я ему вѣжливо поклонилась, попросила-бы позволенія идти нѣсколько времени рядомъ съ нимъ и подробно рассказала-бы ему всю исторію. Да, такъ-бы я и сдѣлала!

— Милая жена, улыбаясь отвѣтилъ Тарасъ,—хотя то, что ты говоришь,—большая глупость, но я не могу тебя упрекнуть за нее, такъ-какъ и самъ въ теченіи цѣлаго дня былъ точно такъ-же глупъ. Я боялся этого долгаго ожиданія, а къ чему ведутъ письменныя прошенія, это я и безъ того зналъ уже достаточно хорошо. Поэтому я обратился къ Францишку съ просьбою показать мнѣ домъ цесаря. Онъ это и сдѣлалъ на слѣдующей-же день послѣ обѣда. Опять пришлось намъ идти черезъ городъ, мимо собора, по многимъ улицамъ, гдѣ стоялъ такой шумъ, что у меня опять все начинало кружиться въ головѣ. Наконецъ, онъ остановился передъ большимъ домою и сказалъ:— „Вотъ здѣсь!“ — „Нѣтъ, видно ты ошибаешься! воскликнулъ я.—Вѣдь на этомъ домѣ вовсе не видно золота“. Но онъ клянется, что знаетъ это навѣрное. Смотрю я на домъ еще разъ и вижу, что совсѣмъ и не красивъ онъ особенно; стѣны отъ старости почернѣли. „На новую краску-то могъ-бы раззориться!“ думаю я и говорю Францишку: „Ну, а теперь покажи мнѣ, гдѣ панъ цесарь живетъ самъ“. Вотъ онъ и повелъ меня сначала на большую площадь, вокругъ которой стоятъ высокіе дома, а потомъ черезъ ворота на другую, которая такъ-же обружена высокими строеніями, и въ каждомъ уголчкѣ стоитъ по солдату. „Все это, говоритъ онъ, „квартира цесаря,

его родственниковъ и писарей!“ Удивился я этому и спрашиваю: — „Хорошо! да вѣдь спать-то онъ въ одной комнатѣ, ѣсть то-же въ одной, словомъ, гдѣ живетъ онъ самъ?“ Тогда Францисекъ повелъ меня на третью площадь, гдѣ по срединѣ стоитъ чугунный всадникъ и указалъ мнѣ наверхъ, на нѣсколько оконъ. — „Прекрасно, говорю я, — теперь подождемъ немного около этой двери“. — „Зачѣмъ?“ — „А можетъ быть, онъ теперь какъ-разъ и выйдетъ“. — „Дурень!“ засмѣялся онъ, „вѣдь цисаръ никогда не выходитъ; вотъ отсюда, изъ внутренняго дворцоваго двора его карета выѣзжаетъ съ быстротою молніи, и несется черезъ городъ въ одну рошцу на берегу Дуная, а оттуда съ такою-же быстротою возвращается назадъ“. Едва онъ успѣлъ это выговорить, какъ мы вдругъ услышали какой-то неистовый ревъ, такъ-что я съ испуга даже вздрогнулъ. — „Это на гауптвахтѣ крикнули: на брррауль!“ говоритъ мнѣ Францисекъ; „теперь онъ возвращается со своей прогулки“. И дѣйствительно, мимо насъ, словно молнія, проносится закрытая карета, запряженная шестеркою лошадей, и исчезаетъ въ ближайшемъ дворѣ. Но какъ ни быстро они проѣхали, а я разглядѣлъ сидѣвшихъ въ каретѣ двухъ офицеровъ; старшій былъ закутанъ въ простую сѣрую шинель, а у младшаго грудь увѣшена орденами. — „Вотъ это, должно быть, онъ и есть!“ думаю я; а Франциско, слышу, вздыхаетъ. „Бѣдный императоръ!“ говоритъ, „несмотря на жару онъ долженъ кутаться въ свою шинель, и всегда-то ему холодно!“

— Пришлось и этому повѣрить, потому что Францисекъ уже пять лѣтъ, какъ служитъ въ Вѣнѣ дворникомъ; и пошелъ я домой еще печальнѣе, чѣмъ прежде. Тотъ, что былъ закутанъ въ шинели, дѣйствительно, смотрѣлъ такимъ усталымъ да блѣднымъ.

— Да былъ-ли это, въ самомъ дѣлѣ, цисаръ? спросила подья.

— Да; но увидѣть его вблизи мнѣ суждено было еще не скоро. Впродолженіи цѣлой недѣли я каждый день съ ранняго утра до поздняго вечера ждалъ извѣстія отъ пана Бронз, но день проходилъ за днемъ, а меня никто не спрашивалъ. Ахъ, милые вы мои, что это были за печальные дни! По цѣлымъ часамъ сидѣлъ я въ въ моей тѣсной, сырой каморкѣ на кровати и, задумавшись, глядѣлъ въ землю. Во время путешествія я придумалъ длинную убѣдительную рѣчь, которую собирался произнести

передъ цисаремъ, а теперь все это пошло прахомъ; онъ вѣдь не понималъ по-русски. Поэтому я приготовилъ теперь только нѣсколько словъ, которыя все-таки намѣренъ былъ сказать ему. Но можетъ быть, думалось мнѣ, онъ не пойметъ даже этого немногаго, всѣ мои труды бесполезны, и все случится такъ, какъ должно случиться... Францишекъ чувствовалъ ко мнѣ состраданіе; онъ посвящалъ мнѣ все свое свободное время и старался ободрить меня. Но это ему плохо удавалось, точно такъ-же, какъ и его попытка разсѣять меня прогулками въ городѣ. Мнѣ становилось какъ-то жутко среди этой дикой толкотни; притомъ всѣ тарачили на меня глаза и смѣялись надъ моею одеждою; часто вѣкругъ меня собиралась густая толпа, глазѣвшая на меня, какъ-будто я какой-нибудь вошь о пяти ногахъ. Вслѣдствіе всего этого я въ концѣ-концовъ предпочиталъ оставаться въ своей каморкѣ, гдѣ меня, по крайней мѣрѣ, никто не тревожилъ.

— А развѣ панъ Броза забылъ про твое дѣло? спросилъ Семень?

— Нѣтъ; напротивъ,—онъ дѣлалъ все, чтò только могъ; въ этомъ онъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ меня самъ, когда я, наконецъ, черезъ недѣлю, скрѣпя сердце, опять рѣшился его побезпокоить; и это навѣрное была правда. „Ты записанъ“, сказалъ онъ, и будешь допущенъ на слѣдующую-же аудіенцію; но день ея еще не назначенъ. Можетъ быть—на будущей недѣлѣ“. Опять сталъ я дожидаться изо-дня въ день, и на сердцѣ становилось у меня все тяжелѣе и тяжелѣе. Къ этому присоединились еще заботы о деньгахъ; сто гульденовъ я истратилъ на путешествіе, да теперь проживалъ въ Вѣнѣ по одному гульдену въ день; какъ-же я вернусь домой, думалось мнѣ, если еще долго придется здѣсь сидѣть и тратиться?! Часто упрекалъ я себя теперь за то, что не послушался васъ и адвоката. Но развѣ я изъ-за легкомысленнаго каприза пришелъ въ Вѣну? Развѣ могъ я поступить иначе, чѣмъ поступилъ? Развѣ дѣло не шло о самомъ святомъ моемъ достояніи,—о моей чести, о моей душѣ? Развѣ...

Онъ вдругъ остановился, встрѣтивъ пронизательный и пытливой взглядъ священника.

— И такъ, продолжалъ онъ,—прошло еще десять дней. Наконецъ, пришелъ слуга пана Броны и передалъ мнѣ черезъ Францишка, что во вторникъ на предбудущей недѣлѣ назначена аудіен-

ція. Я вздохнулъ свободно. Приходилось, правда, ждать еще цѣ-
 лныхъ двѣнадцать дней, но, главное, окончилась, наконецъ, эта пытка
 безконечнаго безсрочнаго ожиданія. Видите, какъ скромнѣе становится
 человѣкъ, когда горе гнететъ его, словно гора. Я считалъ часы, ко-
 торые еще отдѣляли меня отъ желаннаго дня, а въ послѣднее
 воскресенье до приѣзда пошелъ къ пану Брозѣ, чтобъ посовѣто-
 ваться съ нимъ насчетъ того, какъ мнѣ себя держать. — „То
 есть, въ томъ случаѣ, если императоръ выйдетъ самъ? спросилъ
 онъ. — „Разумѣется; вѣдь въ этотъ день назначена аудіенція!“ —
 „Да, но я ужъ сказалъ тебѣ, что онъ самъ появляется рѣдко
 и поручаетъ принятіе просьбъ, обыкновенно, кому-нибудь изъ сво-
 ихъ родственниковъ“. Слова эти такъ меня поразили, что ноги у
 меня подкосились, и я долженъ былъ сѣсть, чтобы не упасть.
 Наконецъ, я опять овладѣлъ собою. „Ты, дѣйствительно, говорилъ
 мнѣ это, панъ“, сказалъ я, „но я думалъ про себя; ужъ на этотъ
 разъ онъ выйдетъ непременно, не даромъ-же меня заставляли такъ
 долго ждать“. Онъ пожалъ плечами. „Будемъ надѣяться! ска-
 залъ онъ; — „а если не увидишь его, то отдай бумагу эрцгерцогу.
 Совѣсть твоя можетъ быть спокойна; ты и безъ того такъ добро-
 совѣстно исполнилъ свой долгъ относительно своей громады, какъ
 врядъ-ли случалось исполнять его какому-нибудь другому судѣ во
 всей Австріи“. — „Благодарю покорно, сказалъ я, — но этому со-
 вѣту я не послѣдую; я не отдамъ бумаги никому, кромѣ цисаря.
 И если онъ послѣ-завтра не выйдетъ, то я приду на слѣдующую
 аудіенцію и такъ далѣе, до тѣхъ поръ пока его не встрѣчу“. —
 „Послушай, Тарасъ, воскликнулъ онъ, — да образумься-же! Какъ-
 же это я буду доставать тебѣ каждый разъ разрѣшеніе на аудіен-
 цію? Вѣдь это невозможно!“ — „Если это дѣйствительно невозможно,
 сказалъ я, — а я тебѣ вѣрю, потому-что ты честный, правдивый
 человѣкъ, — то я съумѣю найти другое средство“. — „Какое?“ —
 „Тогда, сказалъ я спокойно, — я брошусь подъ ноги лошадамъ,
 когда цисарь поѣдетъ на прогулку. Если кучеръ успѣетъ остано-
 вить лошадей, то я подамъ цисарю прошеніе, если-же карета пе-
 реѣдетъ черезъ меня, то значить такова ужъ моя судьба“. Онъ
 посмотрѣлъ на меня съ испугомъ. „Ты говоришь это серъ-
 езно?“ — „Совершенно серъезно!“ — „Да, сказалъ онъ въ полго-
 лоса, — русинъ, борющійся за свое право, шутить не любитъ.
 Слушай-же, обратился онъ ко мнѣ повелительнымъ тономъ, — „мой

слуга проводитъ тебя туда и обратно, и тотчасъ послѣ аудіенціи ты явишься ко мнѣ; понялъ?—немедленно!“ Я общалъ ему это и ушелъ. Но рѣшеніе мое было непоколебимо.

— Тарась! воскликнула Ануся и перекрестилась;—какія это были ужасныя мысли!

Онъ мрачно смотрѣлъ въ пространство, откинувъ нависшіе на лобъ сѣдѣющіе волосы. „Быть можетъ, эти мысли были далеко еще не самыя худныя“, пробормоталъ онъ; но остальные, повидимому, не слышали этихъ словъ. Затѣмъ онъ продолжалъ громкимъ и спокойнымъ голосомъ:—„Итакъ, настала аудіенція! Я уже съ ранняго утра нарядился въ этотъ день, словно женихъ на свадьбу. Я надѣлъ свои высокія сапоги, длинный, коричневый сардакъ съ кожаными поясомъ, а сверху навинулъ бѣлый тулупъ; знаешь, Ануся, тотъ, что расшитъ разноцвѣтными узорами. „Вѣдь теперь слишкомъ жарко, замѣтилъ добродушный Францисекъ, который такъ ярко вычистилъ мнѣ сапоги, что можно было смотрѣться въ нихъ, какъ въ зеркало“. Но я зналъ, что цесарю нужно оказывать почтеніе, а потому не взялъ и соломенной шляпы, а надѣлъ свою баранью шапку. Съ любопытствомъ оглядывали меня всѣ жители дома, когда я спускался съ лѣстницы и садился въ повозку, которую прислалъ за мною добрый панъ Броза. Это была открытая коляска; благодаря этому и на улицахъ люди останавливались и смотрѣли на меня во всѣ глаза. Я не обращалъ на это почти никакого вниманія, такъ-какъ, хотя и недолго пробылъ въ Вѣнѣ, но успѣлъ уже убѣдиться, что вѣнцы самый любопытный народъ въ мірѣ. Такъ мы доѣхали до дворца и остановились возлѣ чугуннаго всадника. Слуга помогъ мнѣ выйти изъ коляски и почтительно снялъ шляпу; я зналъ, что онъ дѣлаетъ это въ насмѣшку, а потому и не поблагодарилъ его ни однимъ движеніемъ. Когда я взомель на лѣстницу, на верху оказались какіе-то два солдата въ красныхъ сертукахъ, съ пиками. И они встрѣтили меня съ удивленными лицами, но я спокойно предъявлялъ свое рѣшеніе, и они указали мнѣ на слѣдующую дверь. Я отворилъ ее; въ этой комнатѣ рассказывало нѣсколько лакеевъ; опять то-же изумленіе! Одинъ изъ нихъ хотѣлъ взять у меня изъ руки мою красивую, рѣзную, дубовую палку, но я этого не потерпѣлъ; они захохотали, а я снова направился къ слѣдующей двери.

На этотъ разъ я, наконецъ, попалъ уже въ самую комнату,

назначенную для аудіенцій. Это длинная, широкая зала съ бѣлыми стѣнами, украшенными золотомъ, и съ высокими зеркалами; тутъ было такое великолѣпіе, такой блескъ, что я былъ точно ослѣпленъ. Въ залѣ стояло уже около пятидесяти человѣкъ. Старики и молодые, мужчины и женщины, военные и статскіе, духовные и міряне, съ веселыми и печальными лицами. Общую чертою у всѣхъ насъ было то, что каждый держалъ въ рукѣ просьбу; что же касается остального, то здѣсь, кажется, были представители всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, и можетъ быть, даже всѣхъ народовъ Австріи. Въ одномъ мѣстѣ стоялъ бѣдный старый цыганъ, а возлѣ него — толстая веселая женщина въ шелковомъ платьѣ; въ другомъ — старикъ въ потертой статской одеждѣ, а возлѣ него — молодой, красивой офицеръ; въ третьемъ — жидъ въ черномъ кафтанѣ, а возлѣ него — католическій священникъ. Всѣ эти люди толпились и шептались, а между ними, опершись на свои писты, стояли красные тѣлохранители, неподвижные и прямые, какъ чугунный всадникъ на площади. Вначалѣ я былъ очень опечаленъ, глядя, что собралось такъ много народа. „Ахъ, горевалъ я, если пришло такъ много людей, такъ вѣдь цисарю нужно будетъ употребить половину дня только на то, чтобы всѣхъ выслушать, а этого онъ, бѣдняга, при всемъ желаніи не въ силахъ будетъ сдѣлать“. Но съ другой стороны было и утѣшительно, что пришло такъ много народу. „Тутъ навѣрное же есть люди, подумалъ я которые, какъ и я, пріѣхали издалека и навѣрное имъ это стоило болѣе тяжелыхъ денежныхъ жертвъ, чѣмъ мнѣ. Неужели-же они пріѣхали-бы, если-бы про цисаря не шла слава, что онъ всякому помогаетъ!“ Въ тому-же мое изнывшее сердце наслаждалось при видѣ того, какъ здѣсь богачъ стоялъ и почтительно дожидался рядомъ съ послѣднимъ бѣднякомъ. — „Передъ Богомъ мы всѣ равны, подумалъ я, — и передъ цисаремъ тоже. Онъ намѣстникъ Бога на землѣ; какъ-же ему не вступить за правду?“ Утѣшенный этими мыслями, я приободрился и сталъ смотрѣть на людей точно такъ-же, какъ они на меня смотрѣли.

— Это развлекало меня въ продолженіи нѣкотораго времени. Затѣмъ вошелъ какой-то высокій, нарядный господинъ въ зеленомъ, расшитомъ золотомъ фракѣ, а за нимъ двое — въ красныхъ мундирахъ. Они стали ходить вдоль рядовъ, читали у каждого выданное ему разрѣшеніе на аудіенцію и одному указывали одно,

другому—другое мѣсто. Я замѣтилъ, что теперь насъ дѣлили по сословіямъ, потому-что духовныя лица и офицеры очутились въ отдѣльныхъ кучкахъ. Меня они, не спрашивая, подвели къ какому-то двумъ мужчинамъ, относительно которыхъ я и раньше уже догадался на половину, что они крестьяне въ своей національной одеждѣ. Одинъ изъ нихъ былъ толстякъ въ узкихъ, синихъ брюкахъ, въ узкомъ сюртучкѣ и въ суконной шапкѣ, украшенной перьями; другой, напротивъ, былъ худой и смуглый; на немъ были надѣты широкія красныя штаны и длинная свѣтложелтая куртка; въ рукахъ онъ держалъ остроконечную войлочную шляпу. Когда всѣ мы очутились на своихъ мѣстахъ, мы оказались разставленными въ видѣ большого полукруга. Съ напряженнымъ ожиданіемъ глядѣли мы всѣ на дверь. Но она не отворилась. И господинъ въ зеленомъ фракѣ также удался. Наконецъ, меня опять одолѣла скука, и я сдѣлалъ то-же, что дѣлали другіе, то есть попробовалъ завязать разговоръ со своими сосѣдами. Они отвѣчали мнѣ, каждый на своемъ языкѣ; но оба языка были мнѣ совершенно незнакомы; мы всѣ трое не понимали другъ друга. Тогда я захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, узнать, къ какимъ народамъ они принадлежали, и такъ-какъ никакого другого средства не пришло мнѣ, въ голову, то я сталъ перебирать всѣ восклицанія и проклятія, которыя наши солдаты слышатъ въ разныхъ странахъ и приносятъ домой, въ деревню. — „Psie sobaszcy!“ началъ я. Но ни одинъ изъ нихъ не моргнулъ. Стало быть, это были не славяне. — „Holl dik der Tauff!“ . И это не произвело впечатлѣнія; значитъ, и не нѣмцы. — „Bassama teremtete!“ . При этихъ словахъ толстякъ съ узкими штанами подпрыгнулъ и, обратившись ко мнѣ, началъ что-то тараторить. Стало быть, это былъ венгерецъ. Но къ какому-же народу принадлежалъ тотъ, что былъ въ желтой курткѣ? Не нѣмецъ, не славянинъ, не венгерецъ,—кто-бы онъ могъ быть? — „Merge la Dracul!“ воскликнулъ я. Онъ не тронулся съ мѣста; значитъ, не румынъ. Я подумалъ и испробовалъ послѣднее средство: — „Cogro di Vasso!“ . Услышавъ это восклицаніе, желтая куртка словно взбѣсилась отъ радости и бросилась меня обнимать. Такимъ образомъ, я узналъ, наконецъ, что это итальянецъ. Впрочемъ, я и самъ былъ не радъ, что затѣялъ эти разговоры, потому-что теперь оба накинудись на меня и такъ принялись трещать, что всѣ кругомъ смѣялись; а я только и

могъ говорить въ отвѣтъ, что „Corro di Vasso!“ да „Bassama toremtete!“. Но въ чему рассказывать про всё эти глупости?.. Вдругъ все стихло; дверь отворилась...

Рассказчикъ остановился, но навѣрное не для того, чтобы усилить вниманіе своихъ слушателей; даже одно воспоминаніе объ этой минутѣ, дѣйствовало на него потрясающимъ образомъ.

— Цисарь! воскликнула Агуса въ волненіи.

Онъ покачалъ головой. — „Въ дверяхъ появился, продолжалъ онъ спокойнымъ тономъ, но нѣсколько дрожащимъ голосомъ, — въ дверяхъ появился маленькій сѣдой генералъ, а за нимъ три капитана изъ различныхъ полковъ. Сердце у меня замерло, въ глазахъ потемнѣло; я долженъ былъ опереться на руку венгерца, чтобы не упасть. Это былъ не цисарь! Я видѣлъ его, правда, только разъ, да и то мелькомъ, но въ шинкѣ моей гостинницы висѣло его изображеніе, и я хорошо замѣтилъ себѣ его черты. Маленькій, привѣтливый старикъ съ толстой нижней губой, вѣроятно былъ его родственникъ, потому что походилъ на него; но во всякомъ случаѣ это былъ не самъ цисарь. Ахъ! милые мои, того, что я въ эту минуту перечувствовалъ, я не могъ-бы передать вамъ, хотя-бы сталъ говорить сто часовъ сряду. Почти бессознательно смотрѣлъ я, какъ старикъ принялся отбирать просьбы. Когда случалось, что онъ кого-нибудь не понималъ, то одинъ изъ офицеровъ служилъ переводчикомъ. На каждого приходилось не болѣе одной минуты; эрцгерцогъ сначала развертывалъ прошеніе, потомъ что-нибудь спрашивалъ и затѣмъ обрывалъ разговоръ ласковымъ словомъ или просто отходилъ, кивнувъ головою. У нѣкоторыхъ изъ просителей были веселыя, у другихъ — печальныя лица, когда лакеи провожали ихъ послѣ этого до дверей. Все это я сначала видѣлъ, какъ-будто севозъ туманъ но черезъ нѣсколько времени опять овладѣлъ собою. Я стоялъ почти на противоположномъ концѣ полукруга, который онъ началъ обходить, и до тѣхъ поръ, пока онъ доберется до меня, могъ пройти добрый часъ. Но сколько я ни обдумывалъ, ничто не могло измѣнить того рѣшенія, съ которымъ я пришелъ; я желалъ говорить съ цисаремъ, и ни съ кѣмъ инымъ. Съ тревожно бившемся сердцемъ, но съ спокойнымъ духомъ смотрѣлъ я, какъ принцъ все ближе подходилъ ко мнѣ“.

— Святые угодники! вздохнула попадья; а Ануся перекрестилась.

— Наконецъ, онъ стоитъ передо мною. Я низко кланяюсь, а онъ киваетъ и протягиваетъ руку за просьбою. Тогда я кланяюсь еще ниже и говорю: „Ясновельможный панъ принцъ. Я знаю, кто ты, знаю, что тебя прислалъ панъ цисарь. Но передать просьбу я могу только ему одному“. Старикъ смотритъ на меня съ удивленіемъ, а затѣмъ съ вопросительнымъ взглядомъ обращается къ офицерамъ. Однимъ изъ нихъ, съ сѣрыми обшлагами парижскаго полка, для котораго солдаты набираются въ Подоль, выступаетъ впередъ и переводитъ мою рѣчь. „Человиче, говоритъ мнѣ нослѣ этого офицеръ ласковымъ голосомъ, — съ цисаремъ тебѣ говорить нельзя; ты спокойно можешь довѣрить пану свою бумагу, вѣдь это его дядя свѣтлѣйшій панъ эрцгерцогъ Людовикъ“. Опять я низко кланяюсь и отвѣчаю: „Панъ капитанъ, сдѣлай милость, скажи принцу вотъ что: передъ тобою стоитъ Тарасъ Барабола, мужикъ, бывшій еще нѣсколько недѣль тому назадъ судьей села Зулавцы, въ Покутьѣ; недавно еще онъ былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ, а теперь готовъ отчаяться во всемъ. Предъ лицомъ сильныхъ міра сего онъ, быть можетъ, ничтожество, но въ глазахъ Бога, а слѣдовательно, и въ глазахъ его намѣстника, цисаря, — онъ человѣкъ. Онъ ищетъ правды и справедливости, какъ жаждущій олень въ лѣсу ищетъ воды. Ты мой землякъ; смилуйся надо мною, и повтори ему это слово въ слово!“ Онъ обращается къ принцу и переводитъ. Принцъ пытливо смотритъ на меня и опять предлагаетъ какой-то вопросъ. — „Въ чемъ заключается твое дѣло?“ переводитъ офицеръ. — „Насильственный захватъ громадскаго поля!“ отвѣчаю я, затѣмъ прибавляю: „Скажи ты ему еще вотъ что: дѣло касается не одного только имущества, но будущаго благополучія человѣческой жизни и спасенія человѣческой души. Онъ старый человѣкъ и скоро будетъ стоять передъ престоломъ Всевышняго; если онъ самъ хочетъ заслужить Божье милосердіе, то пусть устроитъ, чтобы я могъ говорить съ самимъ цисаремъ“. — „Слушай, Тарасъ, — отвѣчаетъ офицеръ, я сынъ священника изъ Подолья, самъ выросъ между крестьянами и желаю тебѣ добра; я переведу твои слова иначе, потому-что такъ съ принцемъ говорить нельзя“. — „А все-таки ты долженъ это сдѣлать! умоляю я; — въ про-

тивномъ случаѣ, ты возьмешь на душу большую отвѣтственность; да и принцъ, повидимому, этого жаляетъ!“ И сталъ онъ переводить; а старикъ слушаетъ, и лицо у него по-прежнему неподвижно, только взглядъ становится все болѣе и болѣе пронзительнымъ. Но я не опускаю глазъ; вѣдь совѣсть у меня чиста. Послѣ этого онъ говоритъ офицеру какое то короткое слово. „Подожди!“ переводитъ офицеръ, а принцъ переходитъ къ венгерцу, къ итальянцу, разспрашиваетъ каждаго и, наконецъ, выходитъ изъ залы. Офицеръ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: — „Иди за мной, принцъ хочетъ выслушать твое дѣло!“

— Тебѣ выпало рѣдкое счастье! воскликнулъ священникъ.

— Ну, ничего, съума я отъ него не сошелъ! Пошли мы съ нимъ по длинному корридору, а потомъ по разнымъ лѣстницамъ и галлереймъ, пока не пришли, наконецъ, въ квартиру принца. Здѣсь насъ провели въ очень просторную комнату, наполненную книгами; комната эта была отнюдь не лучше, чѣмъ у пана Брозы. Принцъ уже сидѣлъ тутъ за большимъ столомъ, заваленнымъ бумагами. Мы подошли къ столу; я сталъ рассказывать, а офицеръ переводилъ. Лицо принца и теперь оставалось совершенно спокойнымъ, что-бы я ни говорилъ; только глаза его съ пытливымъ выраженіемъ смотрѣли на меня. Затѣмъ онъ предлагалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, — какъ мы живемъ въ деревнѣ, занимаемся ли скотоводствомъ и т. д.? Наконецъ, онъ опять сказалъ офицеру нѣсколько словъ и тотъ вывелъ меня изъ комнаты. — „Ну, что же?“ спросилъ я его, дрожа отъ нетерпѣнія. — „Желаніе твое будетъ исполнено, сказалъ офицеръ; — приходи завтра послѣ обѣда, въ 4 часа къ чугунному всаднику и дождайся меня; я назначенъ переводчикомъ при аудіенціи. „Вѣдь это человекъ изъ совершенно иного міра, сказалъ принцъ, невозможно допустить, чтобы онъ обманулся въ своемъ довѣріи!“ Кроме того, онъ жаляетъ лично представить тебя императору и потому, что твой нарядъ доставитъ ему большое удовольствіе. Принцъ жаляетъ, чтобы ты завтра былъ одѣтъ совершенно такъ-же, какъ сегодня, а если кроме того, у тебя есть съ собой еще что-нибудь особенное; напримѣръ, оружіе, то и его возьми съ собою. — „Панъ офицеръ воскликнулъ я, — вѣдь дѣло идетъ о моемъ правѣ, а не о нарядѣ!“ Онъ-же принялся меня успокаивать: — „Ты во всякомъ случаѣ можешь благодарить Бога, землякъ; если завтрашняя ау-

аудиенція окажется даже совершенно безплодною, то сегодняшний разговор твой съ паномъ эрцгерцогомъ можетъ привести тебѣ большую пользу.— „Этого я не понимаю, воскликнулъ я“. — „Да и я не могу тебѣ этого растолковать, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, а все-таки это такъ“. То-же самое повторилъ мнѣ и панъ Броза, къ которому я отправился послѣ аудиенціи, да и хозяинъ гостиницы, которому я, съ помощью Францишка долженъ былъ все рассказать, — былъ того-же мнѣнія“.

— Да вѣдь это понятно для каждаго ребенка! воскликнулъ Семень. — Панъ цесарь вѣрно очень довѣряетъ совѣтамъ своего стараго дяди.

— Нѣтъ, они объяснили это еще иначе, сказалъ Тарасъ, съ грустной улыбкой; — я понялъ это уже на слѣдующій день. Вы можете себѣ представить, что я еще задолго до четырехъ часовъ былъ уже возлѣ чугунаго всадника, который представляетъ цесаря Іосифа. Офицеръ пришелъ въ назначенный срокъ и повелѣ меня черезъ внутренній дворцовый дворъ къ великолѣпной маржорной лѣстницѣ, а затѣмъ черезъ разные корридоры къ позолоченной двери, передъ которою стояли одѣтые въ красные мундиры солдаты съ пиками. Потомъ мы прошли черезъ большую и маленькую переднюю, и въ послѣдней насъ попросили подождать. У дежурнаго камергера, который здѣсь сидѣлъ, лицо было пре-глуное; онъ оглядывалъ меня съ насмѣшливымъ выраженіемъ, но это меня ни чуть не тревожило; я былъ въ такомъ торжественномъ настроеніи, какъ рѣдко приходится быть въ церкви. Наконецъ, зазвонилъ колокольчикъ, камергеръ поспѣшилъ въ сосѣднюю комнату, тотчасъ-же опять вернулся и подалъ намъ знакъ, чтобы мы входили. Тарасъ глубоко вздохнулъ. Я думаю, что если-бы мнѣ пришлось дожить до тысячелѣтнаго возраста, я и тогда-бы ясно видѣлъ передъ собою эту комнату и двухъ чловѣкъ, которые въ ней были. Это была большая, великолѣпная комната, слабо освѣщенная дневнымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь занавѣси; въ глубинѣ ея стоялъ столъ, за которымъ сидѣли два генерала; первый изъ нихъ былъ старшій, Людовикъ, а другого я также немедленно узналъ, когда онъ всталъ; это былъ цесарь! — худощавый чловѣкъ, средняго роста, нѣсколько сгорбленный, съ чрезвычайно добродушнымъ лицомъ и пріятливыми, глубокими глазами. Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы я подошелъ, но я

приблизился только на нѣсколько шаговъ, а потомъ упалъ на колѣни и поднялъ кверху просьбу. Я поступилъ такимъ образомъ не только потому, что этого требовалъ обычай, а по сердечному влеченію. Все горе, которое я переносилъ до той поры безъ жалобы, вдругъ словно ожило во мнѣ и, несмотря на всѣ усилія, я не могъ удержаться отъ слезъ...

— А онъ? спросила Ануся.

— Онъ подошелъ ко мнѣ, очень смутился, когда увидѣлъ, что я плачу, взялъ у меня изъ рукъ просьбу и передалъ ее принцу; затѣмъ онъ быстро сказалъ мнѣ что-то по-нѣмецки. „Онъ говоритъ, чтобы ты всталъ и пересталъ плакать!“ шепнулъ мнѣ офицеръ. Но я все-таки остался на колѣняхъ, не для того, чтобы его разжалобить, а потому, что у меня такъ было на душѣ. „Пань! воскликнулъ я, — смилуйся надо мною!“ Онъ, повидимому, былъ въ большомъ смущеніи, потомъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ дукатъ и хотѣлъ мнѣ сунуть его въ руку. Я прошу не подарка, а правосудія, сказалъ я. Тогда подошелъ старый принцъ, шепнулъ цесарю нѣсколько словъ и сказалъ офицеру, чтобы онъ велѣлъ мнѣ встать, что цесарь добросовѣстно разберетъ это дѣло. Я повинился и поднялся на ноги, а потомъ попросилъ офицера: — „Скажи ты имъ, что я повѣрю только тогда, какъ услышу это отъ самого цесаря“. — „Этого я не могу сказать, шепнулъ онъ мнѣ, какъ-будто испугавшись;—это было-бы оскорбленіемъ для принца“. Я-же громко и твердо повторилъ то-же самое еще разъ, обратившись къ цесарю. Принцъ спросилъ, чего я еще желаю, офицеръ перевелъ мои слова, а императоръ кивнулъ въ отвѣтъ головой, но при этомъ такъ громко захохоталъ, какъ-будто; я сказалъ какую-нибудь забавную шутку. Онъ сдѣлалъ это, навѣрное, безъ всякаго злого умысла, вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ предобродушный человекъ и не способный обидѣть даже мухи, но какъ больно мнѣ стало отъ этого смѣха, я не въ силахъ выразить словами; онъ и сегодня еще звенитъ у меня въ ушахъ, и никогда я не забуду этого смѣха!. То, что я чувствовалъ, навѣрное выражалось въ эту минуту на моемъ лицѣ; но онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ подошелъ ко мнѣ поближе, принялся съ любопытствомъ разглядывать меня, ходилъ вокругъ меня и предлагалъ разные вопросы: кто дѣлалъ вышиванія на моемъ тулупѣ, сколько у меня такихъ тулуповъ и сколько паръ

высокихъ сапогъ, самъ-ли я ихъ каждый день чишу и т. п. Я отвѣчалъ на все, но, Боже мой! что у меня въ то время было на душѣ!.. Клянусь Богомъ! дорого-бы я далъ за то, чтобы онъ обратился ко мнѣ хоть съ однимъ вопросомъ, не касающимся моей одежды. Но это не пришло ему въ голову и онъ, вѣроятно, еще долго восхищался-бы моими сапогами и тулупомъ, если-бы принцъ не шепнулъ что-то на ухо. Тогда онъ, наконецъ, прекратилъ свой осмотръ, еще разъ привѣтливо улыбнулся и опять предложилъ мнѣ дувать, — „не какъ подаяніе“, велѣлъ онъ сказать мнѣ черезъ офицера, „а на память“. Тогда я принялъ отъ него золотую монету; вотъ она; на ней отчеканено его изображеніе...

Онъ вынулъ изъ кошелька монету. Всѣ съ любопытствомъ разсматривали ее и высказывали свое мнѣніе насчетъ выраженія лица писаря. Всѣ были того мнѣнія, что у него „привѣтливое, доброе лицо“. Затѣмъ снова принялись разспрашивать Тараса:— „А послѣ этого ты, стало-быть, отправился въ обратный путь?“

— Къ сожалѣнію,—еще нѣтъ! со вздохомъ сказалъ Тарасъ.— Цѣль моей поѣздки была достигнута, но сердце все еще не было покойно. Теперь я захотѣлъ дожидаться рѣшенія. Въ просьбѣ моей было сказано, что я прошу о назначеніи новаго вопроса свидѣтелей, а это распоряженіе писарь могъ вѣдь сдѣлать немедленно. Напрасно убѣждалъ меня панъ Броза, говоря, что дѣло можетъ протянуться цѣлые мѣсяцы и что я понапрасну буду тратить деньги. Но я стоялъ на своемъ и умолялъ добраго пана до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, согласился на мою просьбу и черезъ недѣлю послѣ аудіенціи отправился въ канцелярію цесаря, чтобы узнать, не состоялось-ли по моему дѣлу рѣшеніе. Отвѣтъ былъ не утѣшительный: мое прошеніе даже еще не было записано въ книгу.— „Стало-быть, нужно обратиться за помощью къ дядѣ Людовику!“ подумалъ я, хватаясь въ отчаяніи за всякое средство, и розыскалъ съ величайшимъ трудомъ того офицера;—зовутъ его Евгеній Станчукъ, онъ родомъ изъ Косова, а оттуда всего три мили до моей родной деревни. Попросилъ я его, чтобы онъ опять отвелъ меня къ принцу.— „Этого я во всякомъ случаѣ не могъ-бы сдѣлать, сказалъ онъ;—къ тому-же панъ эрцгерцогъ только вчера уѣхалъ въ Штирію, въ свое имѣніе и возвратится только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ“. Тогда, наконецъ, и я убѣдился, что дальѣйшее ожиданіе бесполезно, уложилъ свой узелъ, далъ своему

вѣрному Францишку еще разъ вычистить сапоги, и отправился къ пану Брозѣ, — во-первыхъ, чтобы проститься, а во-вторыхъ, чтобы попросить у него въ займы денегъ, если онъ захочетъ мнѣ повѣрить, такъ-какъ у меня осталось всего десять гульденовъ. — „Объ этомъ-то ты не заботься“, сказалъ онъ и безъ свидѣтелей, какъ брату, отсчиталъ мнѣ тутъ-же на столѣ сто гульденовъ. „Я надѣюсь на благопріятное рѣшеніе!“ увѣрялъ онъ; — но если, я, быть можетъ, оказалъ тебѣ здѣсь кое-какія услуги, если ты чувствуешь за это признательность, то вмѣсто всякой благодарности обѣщай мнѣ только одно: — не печалься, если рѣшеніе будетъ неблагопріятное!“ Но этого, къ сожалѣнію, я не могъ ему обѣщать. Съ бодрымъ духомъ отправился я въ Вѣну, съ разбитымъ сердцемъ возвратился назадъ!“ Онъ умолкъ и печально уставился въ землю.

— Этого я не понимаю! воскликнулъ священникъ. — Вѣдь панъ цисаръ тебѣ обѣщаль разобрать дѣло?

Тарасъ всталъ. — „Да развѣ ты былъ въ Вѣнѣ? спросилъ онъ. — Ты знаешь пока только то, что я слышалъ; а знаешь-ли ты все что я видѣлъ тамъ своими глазами?.. Впрочемъ, теперь уже поздно, вѣроятно, ужь близко къ полночи! Спасибо вамъ, друзья! Пойдемъ, жена! Доброй ночи!“

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ ВОЗЗРѢНІЙ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ НАУКУ.

I.

Задача общественной науки.—Группировка ея матеріала.—Отличіе социальныхъ явленій отъ биологическихъ.—Части общественной науки.

Всегда и вездѣ человѣкъ стремился сохранить за собою то мѣсто въ природѣ, какое ему удалось занять; всегда и вездѣ заботился онъ о томъ, чтобы быть въ сравнительно лучшемъ положеніи, чѣмъ остальные живыя существа. Въ виду этого человѣку необходимо пользоваться всѣми силами, которыми надѣлила его природа и въ особенности тѣми духовными силами, обладаніе которыми выдѣляетъ его изъ остального животнаго міра.

Много труда, труда упорнаго, надо было затратить человѣку на то, чтобы раздобыть себѣ умѣніе бороться со зломъ всякаго рода. Но все-же трудъ этотъ казался-бы намъ меньшимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, если-бы мы думали, что человѣку надо узнать у природы только тѣ тайны, которыми управляется внѣшняя природа и каждый отдѣльный человѣческій организмъ. Думать такъ мы не имѣемъ основаній. Даже въ томъ случаѣ, если у насъ будетъ передъ глазами не Европа современная, а Европа за безконечное число тысячелѣтій назадъ или новая Голландія, даже въ томъ случаѣ мы должны будемъ помнить, что человѣкъ живетъ обществомъ, и что природа общественной жизни, природа жизни стадомъ, также имѣетъ свои тайны, узнать которыя намъ также необходимо, какъ и тайны, управляющія отдѣльными организмами. Жизнь среди себѣ подобныхъ, существованіе одинаковыхъ опасностей для многихъ человѣческихъ организмовъ, равно какъ и возможность полученія выгодъ при извѣстныхъ условіяхъ не для одного, а для многихъ разомъ,—все это неминуемо должно вліять на отдѣльныхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вносить, быть можетъ, поправки къ тѣмъ мѣрамъ, какія человѣкъ могъ-бы принимать, опираясь на добытое естественными науками.

Разъ станемъ мы на подобную точку зрѣнія, мы будемъ знать, что какъ слабый физически человѣкъ обращается къ врачу, какъ неокрѣпшій умственно и нравственно человѣкъ отдается въ руки педагогу, такъ точно *общество людей*, сознающее свою всяческую слабость, сознающее, что въ устройствѣ его должны быть сдѣланы улучшения, соотвѣтствующія его природѣ и данному его состоянію, *должно также обращаться за помощью къ своему рода врачамъ*, къ своего рода педагогамъ, но къ врачамъ и педагогамъ, знающимъ хорошо природу человѣческихъ обществъ, знающимъ, что именно въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ вести къ накопленію и сохраненію физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ коллективныхъ организмовъ; другими словами, что можетъ помочь имъ твердо и прочно существовать на бѣломъ свѣтѣ. *Общественная наука или социологія*, возникла именно благодаря такому сознанию; задача ея, *конечная задача*, именно *разрѣшать вопросы о практическихъ нуждахъ обществъ въ различныя періоды ихъ существованія*.

Но если далеко не на всѣ запросы практической жизни отвѣчаютъ науки естественныя, то неудивительно, конечно, если и *общественная наука* часто *отвѣчаетъ молчаніемъ на предлагаемыя ей вопросы*. Социологія еще не стала прочно на ноги, она наука сравнительно молодая, хотя матеріалъ ея всегда возбуждалъ пытлиность людей, сколько-нибудь удалившихся отъ первобытнаго состоянія, отъ борьбы съ крупными физическими невзгодами. Можно сказать даже, что какъ абстрактная наука она пока не существуетъ, и всѣ силы направлены на приведеніе въ порядокъ ея матеріала, того, что составляетъ достояніе конкретной ея части. Причинъ такой отсталости социологіи отъ другихъ наукъ очень много: и большая сложность изслѣдуемаго, и слишкомъ тѣсная связь изслѣдуемаго съ внутреннею жизнью изслѣдователей, и затруднительность пользоваться опытомъ, и недостатокъ въ матеріалѣ, и незнакомство изслѣдователей съ науками объ отдѣльномъ человѣкѣ, незнакомство почти невозможное и, наконецъ, хаотическое состояніе, еще и теперь не утраченное, самихъ этихъ наукъ—все, все это должно быть принято въ расчетъ, когда рѣчь идетъ о дѣтскомъ состояніи социологіи, какъ науки. Когда всѣ указанныя препятствія къ развитію общественныхъ знаній вполне исчезнутъ, предвидѣть трудно. Но несомнѣнно, что многое въ этомъ смыслѣ сдѣлано за послѣднее время. Особенно благихъ результатовъ можно, кажется, ждать отъ попытокъ социологовъ *не бить впрядъ въ рукахъ того фактическаго матеріала*, который попадалъ къ нимъ, а, напротивъ, брать только тотъ матеріалъ, изъ

котораго, такъ или иначе, можно добыть полезныя соціальныя выводы.

Для научнаго ознакомленія съ любымъ обществомъ, теперь-ли существующимъ или существовавшимъ въ очень давнюю пору, нужно уяснить себѣ все то, что свидѣтельствуетъ о *состояніи физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ* изучаемаго общества, другими словами, все то, что даетъ обществу возможность сохранять занимаемое имъ положеніе среди другихъ обществъ и въ природѣ вообще. Приступить къ такому дѣлу съ выводами, добытыми относительно физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ каждаго отдѣльнаго субъекта, мы не въ правѣ, такъ-какъ выводы эти оказались-бы не примѣнимыми къ дѣлу. Отдѣльный человѣкъ можетъ прекрасно устроить свое питаніе, истребляя, положимъ, весною самыхъ различныхъ животныхъ, вырубая безъ всякой оглядки лѣсъ, окружающій его жилище, свозя нечистоты въ близъ протекающую рѣку. Но разъ онъ членъ общества, разъ существуютъ и кромѣ него такіе-же какъ онъ отдѣльные люди, живущіе слишкомъ близко къ нему и не имѣющіе возможности жить дальше, образъ дѣйствій, подобный указанному, для каждаго изъ нихъ является невозможнымъ. Живя въ обществѣ, необходимо добиваться поддержанія своихъ физическихъ силъ иными способами хозяйства, чѣмъ при отдѣльномъ существованіи. Всякое совмѣстное дѣйствіе людей даетъ въ результатѣ явленія, какихъ не можетъ быть, когда человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ одинъ. Даже больше—всякое совмѣстное дѣйствіе рукъ одного человѣка даетъ въ результатѣ иное, чѣмъ получилось-бы при дѣйствіи ихъ разрозненнымъ. Сила удара, наносимаго человѣкомъ при помощи какого-нибудь орудія одной рукой, равна, положимъ, величинѣ, которую мы выражаемъ числомъ 5; сила удара, наносимаго человѣкомъ при помощи того-же орудія другой рукой, равна, положимъ, тоже 5; если-же человѣкъ то-же орудіе возьметъ обѣими руками разомъ и нанесетъ ударъ, то сила удара будетъ выражаться не $5 + 5$, а $5 + 5$ и еще плюс—известная добавка, положимъ, 3. Ясно, что примѣнимое къ единичнымъ явленіямъ, не примѣнимо къ цѣльнымъ группамъ, что вѣрно относительно одного человѣка, не вполне вѣрно относительно многихъ, и выводы, добытые относительно физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ отдѣльныхъ субъектовъ, не годятся для сужденія о физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силахъ цѣлыхъ обществъ. Все, что ведетъ къ увеличенію, уменьшенію или сохраненію этихъ силъ, должно быть изучаемо на-ново, когда рѣчь идетъ объ обществахъ. Для того, чтобы судить о *физическомъ преступленіи общества*, намъ необходимо собрать въ одно все относящееся къ экономи-

ческой его жизни въ данный моментъ, къ организаціи производ-ства всякихъ полезностей и потребленія ихъ; далѣе, для того, чтобы судить *о взаимныхъ отношеніяхъ людей* между собою, намъ надо подвергнуть разбору организацію различныхъ союзовъ, начина-ная отъ семейнаго до государственнаго включительно, и всѣмъ добытымъ такимъ образомъ матеріаломъ мы охарактеризуемъ *общественную нравственность*; наконецъ, для сужденія *о развитіи умственныхъ силъ* общества, отъ лучшаго качества которыхъ за-зависитъ особенно ходъ впередъ въ борьбѣ за существованіе, мы должны пріобрѣсти подробное знакомство съ знаніями общества о природѣ во всѣхъ ея частяхъ, съ человѣкомъ и человѣческими обществами включительно. Какое-бы общество мы не взяли, от-жившее-ли или современное, мы, по требованію соціальной науки, необходимо должны привести въ извѣстность все, относящееся къ только-что сказаннымъ тремъ большимъ группамъ явленій. Такимъ образомъ, оказывается, что соціологу необходимо вѣдаться и съ тѣми явленіями, какія входятъ въ область такъ-называемой *общественной экономіи*, и съ явленіями о человѣческихъ союзахъ и лучше всего подходящихъ подъ кличку *политики* и, наконецъ, съ явленіями *общественной философіи*, т. е. съ представленіями или, вѣрнѣе, съ міросозерцаніями общественныхъ группъ.

Но изученіе только этого соціологическаго матеріала еще не-достаточно. Существуетъ масса фактовъ, которые не могутъ быть введены ни въ одну изъ указанныхъ группъ. Дѣло въ томъ, что и общественно-экономическія явленія, и политическая жизнь, и философскія міросозерцанія отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ не остаются изолированными: напротивъ, группа во всѣхъ или нѣ-которыхъ отношеніяхъ *вмѣлеть одна на другую и отъ этого происхо-дятъ, значительныя измѣненія въ общественной жизни*. Отсюда не-обходимость изученія международныхъ отношеній или такъ-называе-мой *внѣшней политики*. Послѣдній терминъ, впрочемъ, *не совсѣмъ удо-бенъ* такъ-какъ имѣть въ виду надо не только сферу союзовъ нрав-ственныхъ, но и среду общественно-экономическую и философскую. То, что является во всѣхъ трехъ сферахъ человѣческой жизни, какъ результатъ международнаго взаимодействія, можно, кажется, назвать *космополитическимъ достояніемъ* и, быть можетъ, только имъ и можетъ быть характеризуемо состояніе того, что принято называть *человѣчествомъ*. Въ только-что указанныхъ предѣлахъ терминъ „человѣчества“ является фикціей, равно какъ и толки о прошломъ и настоящемъ этого „человѣчества“.

Изъ всего приведеннаго нами относительно системы, въ кото-рую теперь обыкновенно группируется соціологическій матеріалъ, ясно, что *соціальная наука* одна изъ самыхъ сложныхъ и что въ

ней сами собой намѣчаются довольно большіе *отдѣлы*. Прежде всего въ ней различаютъ два большіе отдѣла: отдѣлъ, трактующій *о прошлой жизни* отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ и всего человѣчества, и отдѣлъ *о жизни современной*. Первый извѣстенъ подъ именемъ „Исторія“, второй-же распадается на нѣсколько наукъ, какъ-то: статистику, этнографію. Каждый-же изъ указанныхъ двухъ отдѣловъ непремѣнно распадается на три части: 1) *часть политико или, впринтъ, общественно-экономическую*, 2) *часть политическую* и 3) *часть общественно-философскую*.

II.

Теорія развитія въ биологіи.—Теорія прогресса, придуманная для объясненія социальныхъ явленій.—Различныя ея формулировки и ихъ критика.—Теорія развитія въ социологіи.—Отдѣльные народы и человѣчество.—Субъективность понятія „усовершенствованіе“.

Естественныя науки съ логикой, психологіей и этикой включительно направляютъ свои заботы къ уясненію условій, могущихъ способствовать развитію человѣка въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ; науки общественныя поставляютъ себѣ подобную-же цѣль, но заботятся уже не объ условіяхъ, могущихъ способствовать всестороннему развитію одного человѣка, а объ условіяхъ, которыми опредѣляется всестороннее развитіе цѣлыхъ обществъ. Такъ опредѣлили мы содержаніе двухъ обширныхъ отдѣловъ человѣческаго вѣдѣнія. При этомъ, какъ въ томъ случаѣ, когда у насъ шла рѣчь о наукахъ естественныхъ, такъ и въ томъ когда мы пытались дать себѣ отчетъ о сущности наукъ общественныхъ, социальныхъ, выраженіе „развитіе“ выступило у насъ равнозначашимъ выраженію „усовершенствованіе“. Спрашивается теперь, *какія основанія мы имѣемъ для такого отождествленія* да и вообще, что даетъ намъ право думать *о развитіи*, какъ о процессѣ, присущемъ и природѣ *отдѣльнаго человека*, и природѣ *цѣлыхъ человѣческихъ обществъ*?

Мы дадимъ отвѣтъ прежде на второй вопросъ, а потомъ уже на первый.

О процессъ развитія въ естественныхъ наукахъ вели рѣчь въ самой глубокой древности и тогда, когда наблюдали жизнь растеній и животныхъ, и когда слѣдили за жизнью человѣка. Прозябаніе зерна, появленіе изъ него ростковъ, цвѣтовъ и плодовъ; появленіе изъ личинокъ насѣкомыхъ червячковъ, превращеніе этихъ послѣднихъ въ куколки, а куколокъ въ жуковъ и мотыльковъ; за-

рожденіе, появленіе на свѣтъ и ростъ человѣка,—все это издавно могло получить у естествовѣдцовъ названіе развитіе, и несомнѣнно, еще Аристотель, за три съ половиной вѣка до Р. Х., наблюдалъ всѣ только-что названныя процессы да и другіе вродѣ процессовъ, замѣчаемыхъ въ ходѣ болѣзней, и потому не могъ не имѣть понятія о развитіи, какъ процессѣ, нерѣдко встрѣчающемся въ жизни. Но, конечно, далеко не такъ давно стала возможна рѣчь въ естественныхъ-же наукахъ о процессѣ развитія, какъ о процессѣ, проходящемъ черезъ весь естественно-научный органической матеріалъ, какъ о процессѣ, связывающемъ все живое въ природѣ одной красной нитью. Еще не такъ давно, во второй четверти текущаго столѣтія, *процессу развитія не придавали большого значенія, чѣмъ какое онъ могъ имѣть въ глазахъ Аристотеля; ею слѣдили только въ предѣлахъ жизни того или другого растенія, того или другою мякотълаго, червя, настькомаго, ракообразнаго, рыбы, птицы, млекопитающаго.* Все живое тогда было расклассифицировано по отдѣльнымъ клѣткамъ соотвѣтственно наблюденнымъ родамъ и видамъ и о томъ откуда, и какъ могло взятъ на свѣтъ разнообразіе въ мірѣ растеній и животныхъ думали такое, чѣмъ трудно было похвастаться. Знаменитый Кювье, напримѣръ, которому довелось наблюдать не только существующія породы растеній и животныхъ, но и ихъ угасшіе виды, заключавшіеся въ окаменѣломъ видѣ въ земляныхъ пластахъ, хотя и не могъ не обратить вниманія на появленіе болѣе совершенныхъ породъ въ позднѣйшихъ геологическихъ образованіяхъ, тѣмъ не менѣе упорно настаивалъ на мнѣніи, что каждый видъ животныхъ и растеній возникъ будто бы благодаря отдѣльному акту творенія, и что между животными и растеніями, существовавшими въ различныя геологическія эпохи, уже потому не можетъ быть связи, что эпохи отдѣлялись одна отъ другой катаклизмами, переворотами, послѣ которыхъ все живое было создаваемо Творцемъ на-ново каждый разъ. Иначе воспользовался всѣмъ накопившимся естественно-научнымъ матеріаломъ Дарвинъ: онъ первый далъ болѣе или менѣе вѣроятное объясненіе разнообразію животныхъ и растительныхъ породъ и первый-же призналъ за процессомъ развитія подобающее ему значеніе въ природѣ. Ламаркъ, современникъ Кювье, положимъ, ранѣе Дарвина, намѣтилъ высказанныя послѣднимъ идеи, но только намѣтилъ, хотя и совсѣмъ не соглашался съ Кювье; Дарвинъ-же все надуманное и имъ самимъ и другими оставилъ вполне научными доводами, заставляющими предполагать полную основательность его гаданій. Предположивъ, что между всѣмъ живущимъ на землѣ идетъ *борьба за существованіе*, что въ борьбѣ этой одерживаютъ верхъ существа болѣе приспособленныя къ окружающимъ природнымъ усло-

віямъ, болѣе сильныя, что *путемъ полового подбора и наследственности* изъ каждаго вида животныхъ сохраняются въ живыхъ среди борьбы тѣ особи, которыя наиболѣе приспособлены къ борьбѣ, Дарвинъ уже прямо и ясно призналъ господство принципа развитія, и притомъ развитія прогрессивнаго, въ дѣлѣ установленія на землѣ той или другой животной или растительной породы. Каждая порода, какъ растительная, такъ и животная, по его мнѣнію, вслѣдствіе борьбы за существованіе, благодаря половому подбору и наследственности, должна улучшаться или, вѣрнѣе, приобретать черты, способствующія переживанію. Но на этомъ онъ не остановился. Къ концу пятидесятихъ годовъ, когда Дарвинъ давалъ окончательную отдѣлку своей теоріи, Лайелль въ области геологіи отвергъ прежнюю теорію катаклизмовъ и замѣнилъ ее, для объясненія различія эпохъ пережитыхъ землей, теоріей, признающей непрерывно дѣйствующія причины и медленное, не внезапное проявленіе ихъ слѣдствій. Послѣ этого стало уже немислимимъ настаивать на мнѣніи, будто угасшія животныя и растенія не могли и не должны были стоять въ той или другой связи съ существующими, будто растенія и животныя каждой отдѣльной эпохи были создаваемы на-ново. Несомнѣнно, въ смѣнѣ ихъ играли роль тоже какія-нибудь непрерывно дѣйствующія причины и, какъ не было скачковъ въ смѣнѣ геологическихъ эпохъ, такъ не могло быть ихъ и въ смѣнѣ породъ животныхъ и растительныхъ; и тутъ должна была быть та-же постепенность, то-же отсутствіе внезапности. Дарвинъ, докапываясь до причинъ смѣны, перенесъ на весь животный и на весь растительный міръ все то, что онъ наблюдалъ въ предѣлахъ той или другой породы и, пользуясь палеонтологическимъ выводомъ относительно появленія болѣе совершенныхъ породъ животныхъ и растеній въ пластахъ земли позднѣйшихъ, пришелъ къ заключенію, что болѣе совершенныя растительныя и животныя породы произошли отъ менѣе совершенныхъ, существовавшихъ на свѣтѣ раньше, и что все живое на землѣ представляетъ непрерывную лѣстницу типовъ все усложняющихся и совершенствующихся по мѣрѣ того, какъ переходимъ мы отъ всякихъ монеръ, амобъ къ человѣку и отъ древнихъ эпохъ нашей планеты къ современной. Тутъ ужъ мы видимъ *полное признаніе всеобщемлемости процесса развитія*.

Процессъ развитія, по ученію Дарвина, является процессомъ совершенствованія, но было-бы ошибочно заключить, что исчезновеніе, гибель всякой несовершенной породы животныхъ или растеній есть логически необходимое явленіе на основаніи изложеннаго ученія. Напротивъ, по ученію Дарвина для многихъ и многихъ породъ условія питанія и размноженія слагаются такъ, что

поднятіе на высшую степень развитія грозило-бы имъ гибелью. Въ такихъ случаяхъ ради выгодъ въ борьбѣ за существованіе тѣ или другія животныя и растительныя породы волей и неволей не должны совершенствоваться; имъ лучше остаться при томъ *состояніи ихъ организмовъ, какого они достигли*. По ученію Дарвина, исполнѣ логически возможны даже *случаи огрубенія той или другой животной породы*, пониженія въ развитіи; подобныя явленія дѣйствительно бывають въ природѣ и, по объясненію Дарвина, зависятъ они отъ того, что на землѣ не оказывается условій, благопріятныхъ для питанія и размноженія даннаго растительнаго или животнаго типа, равно какъ и условій, благопріятныхъ для питанія и размноженія типа высшаго, чѣмъ данный, но зато не трудно найти возможность существовать въ средѣ низшей типомъ низшимъ. Въ подобныхъ случаяхъ, значить, наиболѣе выгоднымъ для извѣстной группы животныхъ или растений представляется упрощеніе собственной организаціи, и въ борьбѣ за существованіе такой группѣ больше шансовъ на успѣхъ представляется среди породъ низшихъ, у которыхъ легче отнять мѣсто въ природѣ чѣмъ среди породъ высшихъ. Изъ всего этого ясно, что *процессъ развитія по Дарвину не всегда есть усовершенствованіе существующихъ организмовъ*.

Мы намѣренно такъ долго останавливались на процессѣ развитія, примѣненномъ къ біологической сферѣ. На фактахъ изъ этой сферы легче прослѣдить въ логической полнотѣ всѣ тонкости занимающаго насъ процесса. Перехода теперь къ соціологическому матеріалу, мы легко увидимъ, что до сихъ поръ хотя и нерѣдко заводили рѣчь о процессѣ развитія: *человѣческихъ обществъ*, но благодаря болѣе сложной фактовъ, съ которыми здѣсь приходится имѣть дѣло, понимали *процессъ этотъ* иначе, чѣмъ слѣдуетъ, и *обыкновенно отождествляли его съ процессомъ усовершенствованія*. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы идея о томъ, что процессъ этотъ присущъ *человѣческимъ обществамъ*, возникла слишкомъ недавно. Напротивъ, задолго до Дарвина и его теоріи стали наблюдать прогрессъ въ жизни *человѣческихъ группъ* и считать это явленіе захватывающимъ не отдѣльные періоды прошлаго, но всю совокупность вѣковъ. Первые робкіе шаги къ объясненію явленій общественной жизни господствомъ надъ ней принципа развитія были сдѣланы въ XVII вѣкѣ *Паскалемъ*. Тѣ немногіе случаи, когда заводили рѣчь о развитіи, совершенствованіи въ жизни общественной, до Паскаля, едва-ли заслуживаютъ упоминанія; уясненію научной доктрины они не содѣйствовали. Разумѣемъ идеи христіанскихъ писателей *Августина, Оразія, Боссюэта* и др., трактовавшихъ о постепенномъ совершенствованіи че-

ловѣческихъ обществъ ради принятія христіанскаго ученія. У Паскаля, въ одномъ изъ его трактатовъ, мы впервые встрѣчаемъ слѣдующее простое и вмѣстѣ ясное указаніе на то, что такое прогрессъ въ жизни обществъ. „Человѣкъ, говорить онъ,—въ первые годы жизни не имѣетъ рѣшительно никакихъ знаній, но съ возрастомъ онъ научается многому. Онъ пользуется для этого не только собственнымъ опытомъ, но и опытамъ своихъ предшественниковъ. Разъ узнанное имъ самимъ онъ не забываетъ и въ книгахъ, оставленныхъ предшественниками, всегда можетъ найти открытое послѣдними. Приэтомъ, какъ доступно ему сохраненіе знаній, такъ доступно ему и ихъ пополненіе и, благодаря этому, теперь люди знаютъ столько-же, сколько могли-бы знать философы древности, если-бы они могли дожить до настоящей поры и прибавить къ добытому или самими все то, что дознано на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ послѣднихъ. Отсюда то явленіе, что по странной привилегіи каждый изъ людей узнаетъ изо дня въ день все новое и новое, всѣ-же вмѣстѣ участвуютъ въ вѣчномъ непрерывномъ прогрессѣ, міръ причемъ старѣетъ. Въ послѣдовательности вѣковъ люди принуждены испытывать то-же, что испытываетъ отдѣльный человѣкъ въ различные возрасты своей жизни. Такимъ образомъ люди, слѣдующіе по порядку смѣны поколѣній, другъ за другомъ, должны быть разсматриваемы какъ-бы одно существо, вѣчно живущее и непрерывно пополняющее свои знанія“.. Такъ думалъ Паскаль еще въ XVII вѣкѣ. Но особенно сильно овладѣла умами идея прогресса и развитія въ періодъ великой французской революціи. Слишкомъ очевидные факты преуспѣяній общественныхъ, проявившіеся въ это время въ замѣнѣ обветшалыхъ формъ новыми, многихъ наталкивали на идею прогресса. Тюрго, Кандорсе были въ это время провозвѣстниками, особенно замѣтными, новаго взгляда на жизнь человѣческихъ обществъ. Не менѣе ихъ послужилъ тому-же дѣлу Кантъ. Благодаря ихъ трудамъ въ началѣ настоящаго столѣтія можно уже было различать стремленіе къ двумъ болѣе или менѣе ясно различнымъ формулировкамъ идеи объ *историческомъ прогрессѣ*. *Первую* формулу можно свести къ такому положенію: каждый *народъ*, будучи поставленъ въ сколько-нибудь благоприятныя условія, постепенно, силою собственной мысли и борьбы интересовъ, равно какъ и подъ вліяніемъ обстоятельствъ, улучшаетъ формы быта матеріальнаго и расширяетъ свои нравственныя и научныя понятія. Такъ-какъ почти въ каждомъ народѣ замѣчается движеніе въ такомъ родѣ и такъ-какъ нѣкоторые изъ народовъ находятся во взаимной связи и вліяютъ одинъ на другого, то подобное движеніе къ усовершенствованію въ матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ отно-

шеніяхъ замѣчается и во всемъ человѣчествѣ, причеиъ, конечно, разныя задерживающія и видоизмѣняющія жизнь условія производить разницу въ степеняхъ развитія, на которыхъ находились и находятся разные народы. По *другой* формулѣ, *все человечество* составляетъ одинъ организмъ, который настолько развивается и совершенствуется въ отдѣльныхъ частяхъ (народахъ), сколько въ общей массѣ, причеиъ части (народы) составляютъ правильно разграниченныя ступени развитія цѣлаго.

Вторая формула явилась какъ-бы на смѣну первой, признававшей прогрессъ возможнымъ для каждаго народа въ отдѣльности. Дѣло въ томъ, что въ разработкѣ идеи о постепенномъ развитіи народовъ въ матеріальномъ, политическомъ и философскомъ отношеніяхъ разнымъ европейскимъ мыслителямъ приходилось наталкиваться на факты, которые какъ-будто противорѣчили принятой ими теоріи, приходилось наталкиваться на народы, которые множество вѣковъ находились въ полуживотномъ состояніи, на народы, которые имѣли періодъ блеска и развитія, а потомъ пали или остановились, на перерывы въ развитіи почти всѣхъ народовъ Европы и т. п. Предстояла большая работа надъ изслѣдованіемъ частныхъ формъ и условій историческаго прогресса. Между тѣмъ до окончанія этой работы надо было, такъ или иначе, дать себѣ отчетъ о происходящемъ и происходившемъ и тутъ-то и явилась вторая изъ приведенныхъ нами формулъ о прогрессирующемъ человѣчествѣ, представляющемъ собою цѣльный организмъ, такъ называемая *формула безусловнаго прогресса*. То, что иногда трудно было найти въ исторіи каждаго народа, стали теперь искать въ исторіи всего человѣчества. Всѣ части человѣчества по этой теоріи органически связаны между собою, и равновѣсіе въ развитіи, нарушенное однимъ народомъ, восстанавливается дѣятельностью другихъ. Такъ, напримѣръ, если извѣстный народъ въ ту или другую эпоху отсталъ въ развитіи своихъ политическихъ формъ, то это не означаетъ остановки въ прогрессѣ, потому-что политическая отсталость даннаго народа возмѣщается развитостью въ этомъ отношеніи другого народа, который, быть можетъ, въ свою очередь, не можетъ угнаться за первымъ въ отношеніи развитія философскаго міросозерцанія. Такое принятіе человѣчества за единый организмъ и распредѣленіе историческаго прогресса между разными народами послужило основой для весьма распространенной и до сихъ поръ мысли о *мисіи народовъ*. Объ англичанахъ, напр., говорятъ какъ о народѣ промышленномъ по преимуществу, о французахъ, какъ о народѣ вырабатывающемъ политическія формы, о нѣмцахъ, какъ о прирожденныхъ философахъ. Не менѣе интересны въ этомъ отношеніи и характеристики, данныя Гегелемъ древнимъ

Востоку, греческому міру, а также римскому и германскому. Слѣдя въ прошлой жизни за постепеннымъ освобожденіемъ человѣческаго духа отъ порабощенія матеріальной природѣ и принимая за вѣрное, будто древній Востокъ, Греція, Римъ и міръ германскій суть представители цѣлаго ряда эпохъ въ послѣдовательномъ развитіи всего человѣчества, Гегель утверждалъ, что на Востокѣ знали только, что *одинъ* свободенъ; греческій и римскій міръ знали, что свободны *нѣкоторые*, германскій-же міръ знаетъ и знаетъ, что *все* свободны. Первая политическая форма, которую, по словамъ Гегеля, мы видимъ во всемірной исторіи, есть деспотизмъ, вторая — демократія и аристократія, третья — монархія. Востокъ, слѣдовательно, есть дѣтство человѣчества, его принципъ — нравственность; греческій міръ — юность, которой принципъ — прекрасная свобода; римскій міръ — мужество, котораго принципъ — юридическая личность; германскій міръ представляетъ старость человѣчества, но старость духа не есть слабость, какъ старость тѣла, а, напротивъ, зрѣлость. Германскій міръ представляетъ общую свободу, примиреніе противоположностей природы и духа, государства и лица, церкви и государства и т. п.; назначеніе германскаго міра быть носителемъ христіанскаго принципа.

Вѣщная стройность, кажущаяся основательность возврѣнній такого рода — все это долго держало теорію безусловнаго прогресса въ большомъ почетѣ, и по Гегелевскому плану писались и до сихъ поръ пишутся даже учебники по Всеобщей Исторіи въ Германіи и у насъ. Но само собою разумѣется, при первыхъ попыткахъ дать себѣ отчетъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ этого ученія, при первыхъ попыткахъ провѣрить ихъ фактами, а еще больше при увеличеніи знаній о древнемъ Востокѣ, стало невозможнымъ говорить о человѣчествѣ какъ объ одномъ организмѣ и о ступенеобразномъ распредѣленіи народовъ ради осуществленія прогресса этого организма. Особенно могло броситься въ глаза при болѣе или менѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу *непонятное предопредѣленіе для того или другого народа проводить въ жизни извѣстный принципъ*. Почему въ самомъ дѣлѣ древній Востокъ долженъ былъ быть всю свою жизнь дѣтствомъ человѣчества и представлять собою какое-то олицетвореніе деспотизма или почему именно германскій міръ признается носителемъ христіанской идеи преимущественно предъ всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ? Есть-ли это воля Провидѣнія, о которой любилъ толковать Гегель, или просто при данныхъ условіяхъ существованія, при условіяхъ даннаго мѣста, времени извѣстный народъ въ прошломъ и настоящемъ неминуемо долженъ выражать въ своей жизни именно то, что выражалъ или выражаетъ?..

Мы уже сказали, что характеристическая черта ступенеобразнаго распредѣленія народовъ состояла въ томъ, что за особенность исторической жизни каждаго народа принималась одна кака-нибудь черта быта или культуры: Жречество, аристократія, монархія и т. п. и по ней народъ получалъ мѣсто въ исторіи чело-вѣчества. Если эта черта принадлежала только одному періоду въ жизни народа, то только этотъ періодъ и считался историче-скимъ въ его жизни; предъидущее-же и послѣдующее время или игнорировалось, или-же предъидущее признавалось за время при-готовленія къ *историческому* періоду, а послѣдующее за время разложенія народа для очистки мѣста дальнѣйшему моменту все-мірно-исторической жизни, т. е. дальнѣйшему народу. Какъ-бы не пропорціонально ни было раздѣленіе жизни народа на эпоху при-готовленія, процвѣтанія и упадка,—исторически, державшіеся ге-гелевскихъ взглядовъ, не смущались, особенно если по фактамъ вы-ходило, что одинъ народъ завоевывалъ другой, по теоріи считав-шіяся отжившимъ, какъ, напр., было это при завоеваніи грековъ римлянами, а римлянъ германцами. Такого рода хитросплетеніями приверженцы безусловнаго прогресса пытались обойти, между про-чимъ, и вопросъ—прошелъ-ли народъ, который представляетъ из-вѣстную ступень развитія, прошелъ-ли онъ уже предъидущія сту-пени, или отъ природы и изначала оказывался наиболѣе приспособленнымъ къ той ступени, которую ему отмѣтили отъ имени Провидѣнія приверженцы безусловнаго прогресса. Въ то-же время гдѣ только можно найти *слѣды перехода отъ одной ступени раз-витія къ другой*, т. е. отъ одного народа къ другому, тамъ господа эти стараются натянуть такой переходъ. Это соображеніе под-держивали, напр., совершенно противныя историческимъ фактамъ легенды, распространенныя со временъ Геродота (500 л. до Р. X). о восточныхъ колонистахъ, создавшихъ будто-бы цивилизацію Гре-ціи. Основываясь на этихъ легендахъ, приверженцы безусловнаго прогресса говорили, что Греція восприняла элементы восточной культуры и пошла далѣе,—между тѣмъ, какъ Греція точно вос-приняла элементы восточной культуры, но отнюдь не во время Данаевъ, Кекропсовъ, а въ александрійскій періодъ, когда она уже выработала свою самостоятельную культуру. Ненаучность всѣхъ только-что перечисленныхъ приемовъ, думаемъ, очевидна. Но наи-болѣе ударовъ ступенеобразному распредѣленію народовъ нанесено сравнительнымъ изученіемъ, и едва-ли не болѣе всего изученіемъ жизни народовъ древняго Востока и первобытнаго состоянія арій-скихъ народовъ. Оказалось, напр., что касты и деспотія вовсе не составляютъ постоянной принадлежности народовъ Востока; что, напр., черты быта и культуры аріевъ, изображенныя въ священ-

ныхъ книгахъ индусовъ, Ведахъ, совершенно сходны со многими чертами быта германцевъ, описанныхъ Цезаремъ и Тацитомъ, съ чертами быта гомеровскихъ грековъ, а также римлянъ во время царей и пр. и пр. Оказывается, такимъ образомъ, что ступени общечеловѣческаго развитія существуютъ дѣйствительно, но только не народы представляютъ ступени развитія жизни общаго организма, называемаго человѣчествомъ, но каждый народъ проходитъ извѣстныя болѣе или менѣе общія ступени развитія.

Подобнымъ-же выводамъ убивается наповаль теорія безусловнаго прогресса и приходится думать, что система прогрессивнаго развитія въ жизни *каждаго народа*, развитія, зависящаго отъ множества видоизмѣняющихся *условій*, хотя и представляется менѣе заманчивою, менѣе стройною, чѣмъ система безусловнаго прогресса, осуществляемаго разными частями *единого* организма—человѣчества, гораздо ближе къ соціологическимъ фактамъ. Для болѣе полнаго совладанія этой теоріи съ фактами, къ которымъ она относится, надо только внести въ нее тѣ *поправки*, какія теперь приняты въ теоріи прогрессивнаго развитія, примѣненной къ биологическому матеріалу. Мы должны признать, что *каждый народъ* дѣйствительно стремится къ усовершенствованію и своего матеріальнаго быта, и своихъ нравственныхъ сторонъ, и своего міросозерцанія; должны признать также, что при благоприятныхъ условіяхъ все это ему дѣйствительно удается, и онъ мало-по-малу *добивается* того, что мы называемъ *лучшимъ положеніемъ въ природѣ*. Проявленія такого рода въ жизни cadaго отдѣльнаго народа не представляютъ собою ничего сверхъестественнаго, не сообразнаго съ извѣстными намъ законами природы, напротивъ, во всемъ этомъ мы съ полнымъ правомъ можемъ видѣть строгую законосообразность. Но ту-же законосообразность должны мы признать и въ столкновеніяхъ даннаго народа съ болѣе дикимъ, у котораго и условія матеріальнаго быта иныя, и понятія о нравственности болѣе низкія, и міросозерцаніе грубое. Этотъ второй народъ весьма естественно можетъ стремиться къ присвоенію себѣ, положимъ, территоріи перваго да и вообще всего, что накоплено первымъ народомъ. При такомъ условіи *война между ними несомнѣнна*, и при численномъ превосходствѣ дикаго народа, а равно при неудачной организаціи военныхъ силъ у народа, вышедшаго изъ первобытнаго состоянія, *устпхъ легко можетъ оказаться на сторонѣ дикихъ пришельцевъ*. Тогда гибель добытаго первымъ народомъ почти неизбежна, *остановки-же въ усовершенствованіи экономическихъ, политическихъ и философскихъ сторонъ своей жизни миновать ему ужь никакъ нельзя*. Такимъ образомъ, въ результатѣ оказывается *застой въ жизни* разсматриваемаго общества, и

все вниманіе его членовъ въ такіе моменты устремляется на подысканіе мѣръ къ *сохраненію хотя-бы худшаго мѣста на свѣтѣ*, мѣръ, конечно, менѣе тонкихъ, чѣмъ тѣ, какія принимались до несчастія. Ничего также сверхъестественнаго не имѣемъ мы основаній видѣть и въ тѣхъ случаяхъ, когда при столкновеніяхъ, вродѣ вышепредставленнаго, болѣе способный хотя и достигшій значительныхъ усовершенствованій противникъ, слабый, конечно, по своей малочисленности, подвергается *окончательному истребленію*, или-же остается въ такомъ ничтожномъ числѣ своихъ членовъ, что побѣдитель втягиваетъ ихъ въ свой соціальный организмъ, жизнь котораго идетъ своимъ чередомъ. Кромѣ случаевъ столкновений, подобныхъ приведеннымъ, могутъ быть еще и другіе, когда тотъ или другой *народъ оказывается совершенно безсильнымъ улучшать форму своей жизни* и даже сохранять ихъ въ томъ лучшемъ видѣ, какого онѣ достигли. Неожиданныя измѣненія въ промышленной сферѣ, въ представленіяхъ политическихъ и философскихъ, измѣненія, происшедшія у сосѣдей, бывають тому причиною. Такого-же рода причинами могутъ быть, наконецъ, *завладѣнія обширными территориями*, условія жизни въ которыхъ являются слишкомъ *чуждыми новымъ владѣтелямъ*. Сюда-же нужно сопричислить и всякаго рода *ошибки въ собственномъ хозяйствѣ*, опредѣляющемъ развитіе и усовершенствованіе въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, ошибки, ведущія къ вырожденію обществъ. Въ фактахъ такого рода, повторяемъ, мы не имѣемъ основаній видѣть отступленій отъ законсообразности, отъ того, что мы называемъ процессомъ развитія. Напротивъ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ процессъ развитія остается въ полной силѣ, но организмы, ему подверженные, или оказываются изнемогшими въ борьбѣ за существованіе, или-же ради удобства при продолженіи борьбы должны были перестроить на болѣе грубый ладъ всю свою жизнь. Другими словами, *процессъ развитія*, въ примѣненіи и къ соціологическимъ явленіямъ, *не всегда есть усовершенствованіе*. Разъ подобная поправка къ формулѣ прогресса, слѣдующей жизни отдѣльныхъ народовъ, будетъ нами принята, мы не будемъ больше считать ее неподходящею для объясненія соціологическихъ явленій и не станемъ замѣнять формулой прогресса безусловнаго.

Итакъ, *говорить о человечествѣ какъ объ организмѣ* мы теперь не считаемъ научнымъ. Все населеніе земного шара какъ одно цѣлое общей жизни не имѣло еще и не имѣетъ. Находиться на одной ступени развитія ни когда-либо прежде, ни теперь оно не могло и не можетъ. Настанетъ это только тогда, когда самые отдаленные одинъ отъ другого народы окажутся связанными *оби-*

ностью интересов и когда сношенія ихъ между собою будутъ часты и быстры. Но до такого положенія далеко. Во многіе уголки міра теперешнія цивилизованныя націи и вовсе никогда не заглядываютъ, въ другіе-же если и заглядываютъ, то на короткое время ради цѣлей коммерческихъ или научныхъ, причемъ слѣдовъ своего пребыванія почти никогда не оставляютъ, такъ-что пропасть, раздѣляющая посѣщенныхъ ими дикарей отъ міра цивилизованнаго, отъ этого не уменьшается...

Но на чемъ-же въ такомъ случаѣ основаны сужденія, вѣчно раздающіяся среди современныхъ образованныхъ людей о „человѣчествѣ“, о прожитыхъ человѣчествомъ культурахъ, о добытыхъ имъ общихъ всѣмъ результатахъ? Отвѣтъ на это приходится дать нѣсколько раздвоенный. Отчасти подобныя сужденія, дѣйствительно, ни на чемъ не основаны и являются отраженіемъ теории безусловнаго прогресса, сданной теперь въ архивъ, отчасти-же подъ человѣчествомъ въ подобныхъ случаяхъ разумѣется не все населеніе земнаго шара, а только та часть его, которую мы только-что называли *цивилизованнымъ міромъ*. Дѣйствительно, отдѣльные народы Европы, Америки и населеніе колоній европейскихъ въ другихъ частяхъ свѣта живутъ теперь уже до извѣстной степени одной жизнью, сношенія между ними довольно часты и удобны и поэтому все случающееся въ одной странѣ неминуемо отражается на другихъ, какую-бы сферу жизни не взять во вниманіе, экономическую-ли, политическую или философскую. Отъ подобнаго соприкосновенія отдѣльныхъ культуръ, само собою разумѣется, не можетъ не измѣняться, хотя-бы нѣсколько, направленіе развитія каждаго отдѣльнаго народа—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, представляется возможность каждому народу видѣть и наблюдать различныя степени развитія экономическаго, политическаго и философскаго и сравнивать свои собственные преуспѣянія въ той или другой сферѣ съ преуспѣяніемъ народовъ какъ ушедшихъ впередъ въ своемъ развитіи, такъ и отставшихъ. Такимъ образомъ, теперь уже можно знать высшую ступень экономическаго развитія, высшую ступень развитія политическаго и, наконецъ, высшую ступень развитія философскаго, причемъ, быть можетъ, далеко не одинъ и тотъ-же народъ во всѣхъ сферахъ достигъ наибольшаго совершенства и высшую ступень развитія экономическаго наблюдать приходится въ одной странѣ, высшую ступень развитія нравственнаго въ другой, и философскаго въ третьей. Въ этомъ отношеніи надо сдѣлать развѣ только маленькую оговорку, а именно, что *слишкомъ разнятся одинъ отъ другого въ своемъ развитіи народы такъ-называемаго цивилизованнаго міра не могутъ, разъ между ними идутъ дѣятельныя сношенія...* Что-жъ, слѣдовательно, полу-

чаемъ мы въ концѣ концовъ? Мы получаемъ, во-первыхъ, указаніе на то, до чего доработались общества цивилизованнаго міра и какъ они взаимно вліяютъ одно на другое, и, во-вторыхъ, слабый намекъ на то, что при дѣятельныхъ взаимныхъ общеніяхъ различныхъ народовъ они мало-по-малу сливаются въ одно цѣлое, и что въ такое цѣлое въ очень отдаленномъ будущемъ обратятся *все* народы земнаго шара, которые и составятъ то, что теперь является только отвлеченнымъ понятіемъ, — т. е. „человѣчество“.

Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій мы, кажется, можемъ считать хоть до извѣстной степени исчерпаннымъ вопросъ о процессѣ развитія не только по примѣненію его къ фактамъ біологіи, но и социологіи, и намъ остается отвѣтить на другой вопросъ, поставленный въ началѣ настоящей главы — *одно и то-же-ли развитіе и усовершенствованіе*, и имѣемъ-ли мы право смѣшивать два эти понятія.

Отвѣтъ нашъ послѣ всего сказаннаго не можетъ быть не кратокъ. Мы видѣли, что въ біологическихъ явленіяхъ, и въ социальныхъ путемъ развитія организмы, — въ одномъ случаѣ животные и растительные, въ другомъ представляемые человѣческими обществами, — достигаютъ при благоприятныхъ условіяхъ значительнаго совершенства, но видѣли также, что иногда, напротивъ, организмы и грубѣютъ или просто надолго остаются въ неизмѣнномъ состояніи. Явленія этого второго порядка, какъ извѣстно, получаютъ тогда, когда условіями борьбы за существованіе болѣе простыя формы опредѣляются, какъ болѣе выгодныя. Отсюда ясно, конечно, что развитіе можетъ вести и къ улучшенію, и къ ухудшенію, и наше смѣшеніе понятій „развитіе“ и „усовершенствованіе“ является какъ-будто лишеннымъ всякаго основанія. Оставаясь на строго-научной точкѣ зрѣнія, съ послѣднимъ выводомъ нельзя не согласиться, но дѣло въ томъ, что вели мы рѣчь о вопросахъ социальныхъ, а всегда, когда затрогиваются подобныя вопросы, очень трудно бываетъ отрѣшиться отъ представлений, навѣваемыхъ обыденною жизнью. Живя изо дня въ день, не возвышаясь до представлений объ эпохахъ, періодахъ человѣческой жизни, мы только и думаемъ о томъ, что для насъ лучше и что хуже, причемъ наши „лучше“ и „хуже“ на дѣлѣ равняются понятіямъ „выгоднѣе“ и „вреднѣе“. Избирая въ разгарѣ житейскихъ тревоженій или, выражаясь учено, въ разгарѣ борьбы за существованіе, то, что намъ выгодише, что за нами обезпечиваетъ хоть какое-нибудь мѣстечко въ природѣ, мы невольно думаемъ, что это вновь избранное есть лучшее, и что мы по усвоенію его дѣлаемся или сами совершеннѣе или условія своей жизни совершенствуемъ. Значительному большинству французовъ въ на

чалѣ настоящаго столѣтія трудно, напимѣръ, было не думать, что они прогрессируютъ, когда Наполеонъ I вовлекалъ ихъ въ безконечныя войны и лишилъ ихъ большой части добытаго во время великой революціи; на самомъ-же дѣлѣ, конечно, періодъ наполеоновскихъ войнъ, вызванныхъ напоромъ на Францію цѣлаго ряда отсталыхъ по развитію организмовъ въ лицѣ европейскихъ великихъ державъ, былъ періодомъ огрубенія, ухудшенія, причемъ, однако, только при условіи наступленія подобнаго ухудшенія Франція могла избѣжать полнаго разгрома со стороны напуганныхъ предшествовавшими событіями ея исторіи европейскихъ монарховъ... Повторяемъ, только подъ угломъ зрѣнія обыденнаго мышленія развитіе и усовершенствованіе одно и то-же и только трудно искоренимая привычка заставляетъ насъ не разграничивать этихъ двухъ понятій не въ одной жизни, но и въ наукѣ.

III.

Теоріи, объяснявшія соціальныя явленія до теоріи развитія.—Случай.—Произволь.—Регрессъ.—Круговращеніе.—Критика этихъ теорій.—Общественныя организмы.—Смерть ихъ.—Благо общества и его членовъ.—Цивилизованныя и нецивилизованныя націи.—Привилегированное меньшинство и забытое большинство.—Особенности соціологической эволюціи.

Трудно утверждать, конечно, что изложенное въ предыдущей главѣ ученіе вполне стройно и охватываетъ собою весь соціологическій матеріалъ. Но несомнѣнно, что, руководствуясь этимъ ученіемъ, мы меньше рискуемъ придать ложное толкованіе фактамъ общественной жизни, чѣмъ если-бы придерживались одной изъ прежде господствовавшихъ теорій. А такихъ теорій было не мало, да и теперь теорія развитія не совсѣмъ еще вытѣснила ихъ изъ соціологической области, но теперь теоріи эти держатся, какъ явленія переживания, и дни ихъ сочтены. Теперь и признаніе, что надъ соціальными явленіями царитъ случай, и увѣренность, будто явленія эти продуктъ произвола, и ученіе, будто все идетъ къ худшему въ жизни, и, наконецъ, теорія круговращенія — все это теперь больше достояніе архивовъ, чѣмъ живыхъ людей. Однако, не мало воды утекло прежде, чѣмъ удалось дѣятелямъ науки достигъ такихъ результатовъ.

Въ періодъ младенчества соціальныхъ знаній наблюденіе надъ общественною жизнью не могло не приводить къ заключенію, что явленія этой жизни не повторяются, причемъ такое заключеніе дѣлалось не только по отношенію къ жизни того или другого народа, но вообще. Вниманіе наблюдателей бывало обыкновенно со-

средоточено на прошломъ или настоящемъ только одного народа, сличать событія въ жизни этого народа съ событіями въ жизни другихъ болѣ дикихъ или болѣ цивилизованныхъ обществъ не было возможности—и отсюда полное признаніе, что каждое событіе могло быть только одинъ разъ, у одного народа, въ одной странѣ и больше ни у кого, никогда и нигдѣ. Понятное дѣло, что при такомъ условіи признавать *случай* царящимъ въ области социальныхъ явленій было вполне естественно.

Не менѣе естественно было такъ-же признавать всеисильность во многихъ и многихъ случаяхъ человеческого *произвола*. Наблюдаемые факты вѣчно приводили къ сознанію, что причиной многихъ событій, войнъ, народныхъ бѣдствій, улучшеній въ матеріальномъ бытѣ и проч. являлась воля отдѣльныхъ людей, что многое въ жизни бывало лучше или хуже, смотря потому, лучшіе-ли или худшіе люди стояли у власти. Недостаточное количество наблюдений, непримѣненіе къ дѣлу сравнительнаго метода было задержкой къ отысканію болѣ глубокихъ, подчасъ скрытыхъ, причинъ извѣстнаго хода дѣлъ. Люди, плававшіе и барахтавшіеся въ потокѣ, были увѣрены, что движутся они, какъ хотятъ и куда хотятъ, не замѣчая, что ихъ увлекаетъ въ извѣстномъ направленіи теченіе потока, сколько-бы ни дѣлали они усилій плыть въ сторону, противоположную теченію. Неповторяемость явленій общественной жизни служила какъ-бы подтвержденіемъ вывода о всеисильности человеческого произвола; нерѣдко можно было слышать мнѣніе, что не повторяются событія общественной жизни только потому, что желанія людей очень разнообразны и рѣдко случаются, чтобы одно походило на другое.

Большую философскую прозорливостью должны были отличаться сторонники мнѣнія, будто, чѣмъ дальше, все въ жизни ухудшается и ухудшается. Эта теорія *регресса* могла возникнуть только послѣ накопленія довольно значительнаго запаса наблюдений; надо было, чтобы могли видѣть сторонники этого ученія разрушеніе цивилизацій отдѣльныхъ народовъ, замѣну ихъ варварствомъ. Но помимо этого тутъ могло оказывать вліяніе субъективное чувство людей. Рѣдко, какой пожилой человекъ не сочтетъ, что все въ старину было лучше, что люди были и здоровѣе, и умнѣе, и нравственнѣе. Старина при этомъ нерѣдко оказывается не за горами: лучшимъ выступаетъ въ представленіи человека степеннаго время его собственной молодости. Ему естественно должно казаться лучшимъ все то, въ устройствѣ чего онъ самъ принималъ участіе, надъ чѣмъ работалъ самъ своими руками, своей головой: собственная молодость срашивала ему все окружающее, а собственная работа неволью казалась качественно выше

работы людей, его замѣнившихъ. Преданія-же, будто какой-то народъ, египтяне что-ли, видѣлъ многія тайны природы и будто тайны эти заключены въ какихъ-то таинственныхъ книгахъ, долго оставались непровѣренными и переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ. Въѣсть съ преданіями такого рода теорію регресса до извѣстной степени поддерживали и христіанскія представленія о неминуемой гибели міра, причемъ ожидалось, что во времени явленія Антихриста нравственная порча людей перейдетъ всякую мѣру.

Только наиболѣе талантливые и свѣдущіе люди классической древности и такіе ученые болѣе поздней эпохи, какъ Вико, обнаружили лучшее пониманіе событій человѣческой общественной жизни и не прилагали къ нимъ ни всеильнаго случая, ни такого-же всеильнаго человѣческаго произвола, ни теоріи регресса, а остановились на теоріи *круговращенія*. По этой теоріи смѣна событій въ общественной жизни происходитъ по извѣстнымъ законамъ, но при этомъ, пройдя цѣлый рядъ фазъ развитія, человѣчество непременно по заключеніи ряда возвращается въ дикое состояніе, забываетъ всѣ предшествовавшія приобрѣтенія и начинаетъ съизнова проходить разъ пройденный путь. У Вико въ подтвержденіе такого ученія были приведены указанія относительно смѣвъ, происходящихъ въ духовной жизни людей, въ ихъ языкѣ, въ жизни политической и проч. Такъ, относительно послѣдней онъ утверждалъ, что политическое развитіе человѣчества выражается въ слѣдующей послѣдовательной смѣнѣ господства: сперва господствуетъ *одинъ*, говоритъ онъ,—потомъ *немногіе*, затѣмъ *многіе* и, наконецъ, *всѣ*, послѣ чего неминуемо должно наступить полное варварство, изъ котораго опять можно подняться по прежнимъ ступенямъ. Само собою разумѣется, нельзя не видѣть въ такомъ толкованіи значительнаго ломанія фактовъ дѣйствительной жизни, если вести рѣчь обо всемъ человѣчествѣ, но въ то-же время нельзя не признать, что именно приведенными фазами политическаго развитія характеризуется ходъ жизни отдѣльныхъ греческихъ государствъ; не видно только, чтобы фазы эти проходились по нѣсколько разъ тѣмъ или другимъ греческимъ обществамъ. Ясно, въ распоряженіи и Вико, и болѣе раннихъ сторонниковъ теоріи круговращенія было больше наблюденій надъ жизнью человѣческихъ обществъ, чѣмъ даже у сторонниковъ ученія о регрессѣ, и что проявляли они гораздо болѣе безпристрастія въ наукѣ, чѣмъ и сторонники регресса и другіе. Наконецъ, сама по себѣ теорія круговращенія, будучи приложена къ фактамъ общественной жизни, взятымъ на сравнительно небольшомъ промежуткѣ времени, не могла вести къ слишкомъ превратному ихъ толкованію или искаженію. Это

послѣднее обстоятельство должно быть приписано, во-первыхъ, тому, что сторонники теоріи круговращенія начали видѣть въ явленіяхъ общественной жизни отравленія чего-то цѣльнаго, что могло быть низведено организмомъ и, во-вторыхъ, потому, что по ихъ понятіямъ явленія эти оказывались подчиненными какимъ-то невѣдомымъ законамъ. Только темнота этихъ представленій была причиной, вызвавшей съ ихъ стороны признаніе фатальности, безусловной необходимости проходить каждому человѣческому обществу или даже всему человѣчеству тѣ фазы развитія, какія ими были указаны, и проходить ихъ притомъ безконечное число разъ. Разумѣется, только при отчетливомъ представленіи объ общественныхъ организмахъ и управляющихъ ими законахъ можетъ быть доступно и пониманіе общественной исторической преемственности, благодаря которой каждый вновь выступающій на историческое поприще народъ располагаетъ всѣми пріобрѣтеніями другихъ народовъ, жившихъ до него.

Но правильныхъ представленій объ общественныхъ организмахъ и управляющихъ ими законахъ долго не было. Они стали возможны только въ сравнительно очень недавнее время благодаря біологическимъ изысканіямъ, которыя до извѣстной степени служили исходными пунктами для изслѣдователей общественной жизни. Только послѣ этой работы научной мысли стало возможнымъ примѣнить къ объясненію социальныхъ явленій теорію развитія. Біологамъ-же, а не кому иному, и отчасти психологамъ выпало на долю устранить и большую часть тѣхъ недоразумѣній, благодаря которымъ было возможно толковать о господствѣ надъ общественною жизнью случая и произвола, а также о примѣнмости къ ней теорій регресса и круговращенія. Само собою разумѣется, *критическое отношеніе къ только-что перечисленнымъ старымъ теоріямъ*, объяснявшимъ общественную жизнь, началось прежде, чѣмъ установлена была изложенная нами въ прошлой главѣ теорія развитія.

Однимъ изъ существенныхъ пріобрѣтеній біологіи слѣдуетъ считать окончательное установленіе ея того факта, что весь животный міръ, а въ томъ числѣ и человѣкъ, стоитъ въ прямой и непосредственной зависимости отъ вѣшнихъ условій жизни, отъ законовъ физическихъ и химическихъ и что въ отравленіи человѣческихъ организмовъ, какъ и всякихъ животныхъ организмовъ, замѣчается извѣстная правильность, нарушение которой влечетъ за собой смерть или по меньшей мѣрѣ болѣзнь. Разъ это было сознано, трудно было не видѣть, что *въ общественной жизни людей* должна, такъ или иначе, сказываться та-же *правильность*, что и въ жизни каждой отдѣльной особи. На помощь притомъ подо-

спѣли статистическія данныя, которыми было доказано, что все, носящее на себѣ, повидимому, вполне очевидный характер случайности, повторяется изъ года въ годъ съ удивительною правильностью. Такъ, напр., извѣстнымъ стало, что изъ года въ годъ въ почтовые ящики Лондона опускается одинаковое количество писемъ съ невѣрными или неполными адресами. Да и странно-бы было, если-бы мы не замѣчали въ обществѣ ну хоть-бы исканія пищи, повторяющагося съ извѣстною правильностью, разъ каждый отдѣльный человѣкъ отыскиваетъ ее себѣ ежедневно, или если-бы общество людей не дѣлало попытокъ объяснять все ихъ окружающее, разъ такое стремленіе присуще отдѣльнымъ людямъ. Кажущаяся-же *неповторяемость общественныхъ явленій* значительно сокращается въ своемъ объемѣ при расширеніи круга наблюденій надъ соціальною жизнью. Наблюдая не одинъ народъ, а многіе, мы легко придемъ къ сличенію различныхъ періодовъ жизни одного народа съ періодами жизни другого и тогда увидимъ, что происходившее въ жизни одного народа, ранѣе вышедшаго на историческое поприще, происходитъ затѣмъ въ жизни другого, вышедшаго на это поприще позднѣе. Такимъ образомъ, только одинъ и тотъ-же народъ не переиспытываетъ дважды или трижды одного и того-же событія, но у разныхъ народовъ событіе это можетъ быть замѣчено не разъ и не два. При этомъ во многихъ случаяхъ, конечно, неповторяемость относится только къ *формѣ*, но нивакъ не къ *сущи* дѣла. Такъ добываніе пищи такого рода явленіе, которое всегда и вездѣ должно имѣть мѣсто и только та или другая форма добыванія, тотъ или другой способъ охоты, содержанія скота, обработка земли оказывается принадлежностью извѣстнаго періода жизни народа, извѣстныхъ временныхъ условій его существованія. А если это такъ то объ абсолютной неповторяемости явленій общественныхъ и о невозможности прослѣдить въ нихъ присутствія извѣстной правильности не можетъ быть и рѣчи. Такимъ отрицательнымъ результатомъ относительно теоріи, объясняющей общественныя явленія господствомъ надъ ними случая, повторяю, обязаны мы успѣхамъ биологіи.

Не къ иному результату придемъ мы и по отношенію къ теоріи о всеисильности человѣческаго произвола. Послѣ того, какъ признано было, что люди въ обществѣ продолжаютъ быть въ зависимости отъ условій внѣшнихъ, физическихъ и химическихъ и организмы многихъ живущихъ вмѣстѣ также правильно функционируютъ, какъ и организмы отдѣльно живущихъ особей, стало немислимо предполагать, будто воля отдѣльнаго человѣка настолько сильна, чтобы нарушать, измѣнять эту правильность. При томъ-же было понятно, что ужъ человѣка, его чувство, воля стоятъ

также не въ вліяніи вѣшняго міра, что и душа человѣка, какъ и все остальное въ немъ, подчинена извѣстнымъ законамъ. А это не могло не повести къ заключенію, что *капризное проявленіе воли совершеннѣйшая фикція*, что хотѣтъ сдѣлать то или иное, да еще и совсѣмъ удивительное, не во власти человѣка, что дѣлать онъ можетъ только то, что, такъ или иначе, соотвѣтствуетъ окружающимъ его условіямъ. Отсюда даже вытекло ученіе о царящей въ мірѣ *необходимости*, при которой не можетъ быть правыхъ и виноватыхъ, грѣшныхъ и праведныхъ. Много практически важныхъ послѣдствій дало это ученіе, но нельзя сказать, чтобы выводы изъ него всегда соотвѣтствовали фактамъ дѣйствительности, а потому и не приводили къ такимъ практическимъ рѣшеніямъ общественныхъ задачъ, которыя не отличались-бы полной односторонностью. Съ одной стороны, благодаря полному отрицанію человѣческой воли, а вмѣстѣ съ ней и вмѣняемости возбуждены были сомнѣнія относительно цѣлесообразности каръ за преступленія и въ этомъ нельзя не видѣтъ серьезной поправки прежнихъ теорій нравственности, отличавшихся грубой односторонностью, но съ другой стороны, мысль будто все совершается, такъ сказать, по за глазами людей повлекла за собой оправданіе деспотическихъ проявленій власти политической и иной и вызывало въ людяхъ вполне безразличное отношеніе къ тому, какъ идетъ и на чемъ держится ихъ общественная жизнь. До сихъ поръ изъ этой путаницы, обусловливаемой признаніемъ необходимости, царящей въ мірѣ, и невозможностью отрицать за людьми хотя-бы нѣкоторой способности вліять на ходъ жизни, научная мысль не выбралась и *мы не имѣемъ пока опредѣленной формулы для со-машенія несомнѣннаго противорѣчія*. По этой части приходится пока ограничиться заявленіями, что люди не властны измѣнять основнымъ законамъ міра, но могутъ только ихъ приводить въ различныя комбинаціи, и это не только въ предѣлахъ жизни общественной, но и въ сферахъ, біологической, психологической, физической и химической, только одни астрономическія явленія стоятъ въ всякаго человѣческаго вліянія. Что-же до невольнаго представленія людей, будто они все могутъ, будто отъ нихъ зависитъ ломать общественную жизнь такъ или иначе, то это не больше, какъ оптический обманъ, происходящій оттого, что люди не въ состояніи бываютъ обозрѣть сразу большой горизонтъ и дѣлаютъ свои заключенія на основаніи данныхъ самой узкой сферы. Такъ, каждый въ городѣ думаетъ, что онъ идетъ туда, куда хочетъ, между тѣмъ стоитъ подняться изъ видимой сумятицы и посмотреть на происходящее въ городѣ движеніе съ высоты птичьяго полета — и мы будемъ поражены той правильностью, съ какою

люди въ извѣстные часы дня движутся по одному направленію, въ извѣстномъ количествѣ, а въ другіе — въ иномъ количествѣ. Все это невольно приводитъ къ заключенію, что размахъ свободныхъ человѣческихъ дѣйствій вовсе не такъ широкъ, какъ кажется, и о всеильности человѣческаго произвола въ примѣненіи къ общественной жизни да и ко всему остальному въ мірѣ не можетъ быть и рѣчи.

Само собою разумѣется, отъ возраженій, только-что изложенныхъ противъ теорій, допускающихъ въ мірѣ господство случая и произвола, *не могла не расшататься и теорія регресса*. Существенный ударъ ей былъ нанесенъ, между прочимъ, указаніемъ на субъективность ощущеній людей, видящихъ все лучшее въ прошломъ, — указаніемъ, которое могло быть сдѣлано только благодаря успѣхамъ психологіи. Но и помимо всего этого теорія регресса должна была рухнуть отъ болѣе критическаго отношенія ко всякаго рода историческимъ фактамъ и преданіямъ; многія научныя пріобрѣтенія, явившіяся въ результатъ такого отношенія, подорвали ее въ корнѣ. Данныя антропологіи и въ частности палеонтологіи совсѣмъ, напримѣръ, устранили мнѣніе, будто въ глубокой древности люди были физически сильнѣе и больше по всѣмъ размѣрамъ; найденные остатки первобытнаго человѣка прямо опровергаютъ это мнѣніе. Затѣмъ не могли не потерять значенія отъ прикосновенія исторической критики и басни, будто жрецамъ разныхъ древнихъ народовъ была вѣдома какая-то премудрость, будто ихъ знанія по астрономіи, физикѣ, химіи, біологіи были даже выше нашихъ, и будто существовала когда-то страна Атлантида, являвшаяся средоточіемъ умственныхъ богатствъ и поглощенная впослѣдствіи океаномъ (Платонъ). Все это должно было потерять всякое вѣроятіе, хотя-бы отъ такихъ соображеній, какъ то, что никогда и нигдѣ не приходилось возстановлять чего-то давно утраченнаго и о полной гибели какихъ-бы то ни было цивилизацій вслѣдствіе соприкосновенія ихъ съ варварами нѣтъ никакихъ указаній.

Перехода затѣмъ къ теоріи круговращенія, мы должны признать, что она въ научномъ отношеніи несравненно выше предъидущихъ теорій. Вико, напримѣръ, ясно и отчетливо высказалъ мысль, что въ человѣческихъ обществахъ совершается процессъ развитія, но только процессу этому, по его представленіямъ, на извѣстныхъ ступеняхъ суждено прерываться во что-бы то ни стало; гибель античной цивилизаціи и послѣдовавшее затѣмъ въ Европѣ господство варварства привели его къ такому заключенію. Вико же не колеблясь высказалъ мысль, что процессъ развитія обществъ подчиненъ извѣстнымъ законамъ. Правда, онъ ставитъ во

главу угла своего зданія идею Провидѣнія, но идея эта играетъ въ его системѣ „роль безъ рычей“. Провидѣнію, по словамъ его, угодно было вслѣдъ за развитіемъ христіанства возсоздать времена первобытнаго варварства, но это возсозданіе объясняется тутъ-же прямою связью естественныхъ причинъ и слѣдствій. Провидѣнію угодно вырвать погибающее общество изъ анархіи, и оно употребляетъ для этого извѣстныя средства; а если по наличнымъ естественнымъ условіямъ эти средства невозможны для Провидѣнія, то идутъ въ ходъ другія и т. п. Понятное дѣло, отношеніе къ Провидѣнію у Вико иное, чѣмъ могло быть и у сторонниковъ теоріи регресса, и у сторонниковъ теорій, признающихъ господство въ мірѣ произвола и случая. Наконецъ, у Вико мы встрѣчаемъ въ полномъ смыслѣ слова блестящія объясненія отдѣльныхъ историческихъ періодовъ; особенно удачными можно назвать его очерки божественнаго періода развитія изъ трехъ, заключающихся въ кругѣ — божественнаго, героическаго и человѣческаго.

Принимая во вниманіе все это, думаемъ не трудно придти къ заключенію, что *неправильность представленій его о ходѣ развитія*, совершающагося въ человѣческихъ обществахъ, зависела *отъ отождествленія общественныхъ организмовъ съ индивидуальными*, отождествленія, которое повторяется и позднѣе Вико, въ трудахъ, появившихся сравнительно недавно—въ „Исторіи XIX вѣка“ Гервинуса и въ „Исторіи умственнаго развитія въ Европѣ“ Дрэннера. Нечего и прибавлять, конечно, что Вико подобная ошибка простительнѣе, чѣмъ Гервинусу и Дрэннеру. Въ распоряженіи Вико, жившаго въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, было слишкомъ мало точно обслѣдованнаго историческаго матеріала, и ему болѣе или менѣе простительно было толковать о старости народовъ и неминуемой ихъ смерти, когда, напримѣръ, почти всѣ римскіе писатели именно въ такомъ духѣ вели разсужденія объ историческихъ судьбахъ Римской Имперіи послѣ проникновенія въ нее христіанства, но не такого рода матеріалъ былъ въ рукахъ у Дрэннера и Гервинуса. При Вико притомъ и біологія была въ дѣтскомъ состояніи, такъ-что представленія его современниковъ и его самого о томъ, что такое организмъ біологическій, были смутны. Не диво поэтому, что не было тогда и точныхъ представленій о болѣе сложныхъ общественныхъ организмахъ. Ничего подобнаго опять-таки нельзя привести въ оправданіе послѣдующихъ сторонниковъ теоріи круговращенія; Гервинусъ и Дрэннеръ, напримѣръ, работали уже тогда, когда всѣ существенныя приобрѣтенія біологіи были сдѣланы.

Въ то время, когда начали отчетливѣе выступать черты современнаго ученія о біологическихъ организмахъ, стали очерчиваться

также и контуры *теоріи прогресса*, перешедшей мало-по-малу въ *теорію развитія*. Біологическія данныя о томъ, что такое организмъ, какъ это уже замѣчено раньше, послужили точкой отправленія къ уясненію многого и въ социологіи. Только послѣ того, какъ были указаны законы, управляющіе біологическими организмами, стало доступнымъ нашему пониманію, что, сравнивая жизнь общества съ жизнью человѣка, мы этимъ очень мало уясняемъ въ въ предѣлахъ общественной науки и во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ сколько уясняетъ біологъ, сравнивая животный организмъ съ паровой машиной. Наука дозналась, что общественный организмъ долженъ быть понимаемъ и опредѣляемъ *иначе*, что для него и законы существуютъ *особые*.

Теперь біологія учитъ насъ, что каждый *животный организмъ* слагается изъ тканей, всѣ жизненныя отправления которыхъ находятся во взаимномъ соотношеніи. Ткани эти *фатально* между собою связаны и одарены *общею чувствительностью*, такъ-что благосостояніе всѣхъ частей индивидуума подчинено благосостоянію нервной системы. У высшихъ животныхъ, представляющихъ собою наиболѣе сложные организмы, замѣчается въ тканяхъ ихъ не только присутствіе общей, такъ-сказать, *корпоративной чувствительности*, но и *корпоративнаго сознанія*. Сознаніе вноситъ охранительное начало въ разъ возникшую группу элементовъ, и вслѣдствіе этого разрушеніе группы встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны сознанія, которое дѣйствуетъ противъ фатальныхъ біологическихъ процессовъ.

Разъ возникло подобное опредѣленіе біологическихъ организмовъ, смѣшеніе съ ними *организмовъ общественныхъ* стало немыслымымъ. Прежде всего мы не можемъ не видѣть, что каждое общество состоитъ изъ многихъ *индивидуальныхъ организмовъ*. Эти составляющіе его индивидуальныя организмы всѣ обладаютъ *самостоятельною чувствительностью, самостоятельнымъ сознаніемъ*. Въ связи ихъ *нѣтъ ничего фатальнаго*, напротивъ, ихъ соединеніе въ нѣчто цѣлое есть какъ-бы *добровольное*, вызванное сознаніемъ одинаковыхъ потребностей. О корпоративной нечувствительности, корпоративномъ сознаніи въ обществѣ не можетъ быть и рѣчи. Общество каждое есть по этому организмъ идеальный, а не реальный, біологическій. Эти идеальныя организмы возможны только въ сознаніи составляющихъ ихъ индивидуумовъ, въ ихъ привычкахъ, въ ихъ воображеніи, въ ихъ понятіяхъ, въ ихъ убѣжденіи; нераздѣльно отъ сознанія индивидуумовъ они только и существуютъ. Каждый отдѣльный организмъ, одаренный сознаніемъ, не можетъ не видѣть, что въ борьбѣ за существованіе *солидарность* съ себѣ подобными оказываетъ громадное вліаніе на сохраненіе извѣстныхъ

удобствъ, такъ-какъ въ такомъ случаѣ она является средствомъ къ увеличенію силы каждаго изъ нихъ силами всѣхъ отдѣльныхъ организмовъ, съ нимъ связанныхъ въ данный моментъ. Въ этомъ, и только въ этомъ надо искать основаніе для возникновенія обществъ. Другими словами, не всякое *скопленіе* особей есть общество, а только ихъ *ассоціація* становится обществомъ, и обществу, состоящему изъ обособленныхъ организмовъ, тѣмъ приличнѣе дать названіе организма, чѣмъ болѣе оно составляетъ дѣйствительную ассоціацію.

Быть можетъ, конечно, въ будущемъ наука найдетъ болѣе характерныя черты для опредѣленія общественныхъ организмовъ. Быть можетъ, даже, что отрицаемая нами теперь фатальность при группировкѣ отдѣльныхъ индивидовъ въ нѣчто цѣлое окажется такъ-же свойственной общественнымъ организмамъ, какъ свойственной она организмамъ біологическимъ; то, что человѣкъ внѣ общества себѣ подобныхъ есть фикція является какъ-бы опроверженіемъ установившагося въ наукѣ мнѣнія объ исключительномъ преобладаніи элемента сознательности въ каждой общественной группѣ. Но при всей даже неточности опредѣленія того, что должно разумѣть подъ обществомъ и насколько приложимъ къ человѣческому обществу терминъ „организмъ“, теперь все-же мы имѣемъ больше возможности основательнѣе судить о судьбахъ народовъ и даже всего человѣчества. Теперь нельзя уже говорить о смерти обществъ такъ, какъ о смерти отдѣльныхъ людей, даже больше—нельзя отдѣлять блага общества отъ блага входящихъ въ составъ его людей, къ чему еще недавно склонялись и научные дѣятели, проповѣдуя господство въ мірѣ безусловнаго прогресса.

На основаніи теперешнихъ представленій объ общественныхъ организмахъ, какъ группахъ, вызванныхъ къ жизни сознательнымъ желаніемъ многихъ отдѣльныхъ личностей ради удовлетворенія общихъ имъ потребностей, мы можемъ отдѣлять *смерть ассоціаціи* отъ *смерти ея членовъ*. Разграничить эти два обстоятельства разъ на всегда необходимо въ виду распространеннаго сравненія общества съ животнымъ организмомъ; мы увидимъ, что сравненіе не должно быть отождествленіемъ. Конечно, если-бы случилась поголовная смерть всѣхъ ихъ, о жизни ассоціаціи рѣчи быть не могло-бы: гибель всѣхъ или даже многихъ прямо доказывала-бы неудовлетворительность мѣръ, принятыхъ ассоціаціей ради безопасности ея членовъ. Въ этомъ случаѣ, слова нѣтъ—смерть членовъ есть и смерть ассоціаціи. Но въ другихъ случаяхъ мы не можемъ имѣть подобнаго совпаденія. Дѣло въ томъ, что неудовлетворительность ассоціонной организаціи часто даетъ себя знать цѣлымъ рядомъ явленій, предупреждающихъ ея членовъ относительно опасности

погибнуть, — и тогда члены ассоціаціи начинаютъ искать болѣе подходящихъ союзовъ, то образуя новые, то примыкая къ чужимъ. Въ подобныхъ случаяхъ, ясное дѣло, ассоціація умираетъ, но люди остаются. Незизбѣжной смерть такую ни въ какомъ случаѣ считать нельзя, т. е. неизбѣжной въ томъ смыслѣ, будто всякое появляющееся на свѣтѣ общество неминуемо обречено въ концѣ-концевъ погибнуть. Разъ общество есть продуктъ сознанія многихъ людей, — оно естественно живетъ или, вѣрнѣе, можетъ жить до тѣхъ поръ, пока отъ поколѣнія къ поколѣнію передается вся совокупность тѣхъ учреждений, которыми данное общество держится на свѣтѣ. Наконецъ, то, что всякое общество есть непремѣнно продуктъ сознанія людей, влечетъ за собой заключеніе, что самое исчезновеніе ассоціацій не всегда есть то-же, что смерть въ мірѣ животномъ. Человѣкъ и вообще животное умираетъ и разрушается окончательно; общество-же, ассоціація, исчезнувъ съ лица земли, умерши, можетъ *воскреснуть*. Память объ извѣстныхъ учрежденіяхъ можетъ, какъ извѣстно, храниться въ документахъ, оставленныхъ исчезнувшей ассоціаціей, и ничего сверхъестественнаго нельзя видѣть въ томъ, что тѣ-же учрежденія усваиваются новыми человѣческими группами. Изъ этого явленія выводится даже цѣлый *законъ исторической преемственности*, — законъ, на который особенно сильно опиралось и ученіе о прогрессѣ. Предполагаютъ обыкновенно сторонники этого ученія, что разъ въ прошломъ имѣется удовлетворительное рѣшеніе ряда вопросовъ, каждое новое общество непремѣнно этимъ рѣшеніемъ воспользуется и затѣмъ путемъ собственнаго опыта добьется нѣкоторыхъ улучшеній въ этомъ рѣшеніи. Изъ изложеннаго въ прошлой главѣ мы знаемъ, что мнѣніе такое ошибочно и ошибочность его надо видѣть въ томъ, что улучшеніе смѣшивается съ приспособленіемъ. Но, само собою, этимъ не устраняется существованіе въ мірѣ соціальныхъ явленій только-что указанной преемственности, дѣлающей невозможной смерть ассоціаціи въ такомъ смыслѣ, въ какомъ понимается смерть въ биологіи.

При подобномъ пониманіи вопроса о смерти обществъ для насъ немислимо уже теорія круговращенія, и мы естественно должны были придти къ теоріи развитія въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена нами выше. Ея преуспѣванію не меньше содѣйствовали и другого рода выводы все изъ тѣхъ-же современныхъ представленій объ общественныхъ организмахъ, какъ группахъ сознательно сошедшихся личностей ради удовлетворенія общихъ имъ нуждъ среди нелегкой борьбы за существованіе. Разумѣемъ выводы о томъ, *мыслимо-ли благо общества, отдѣльное отъ блага членовъ*, входящихъ въ составъ ихъ. Какъ извѣстно, во многихъ изъ современныхъ союзовъ людей цѣ-

для большія группы не получаютъ удовлетворенія своихъ потребностей и даже больше—ихъ доводятъ до полной невозможности продолжать существованіе или и просто истребляютъ, оправдываясь тѣмъ, будто-бы это нужно для „блага общества“. Люди, такъ поступающіе, заблуждаются. По ихъ мнѣнію, нарушенное нравственное или иное требованіе ощущается обществомъ, а не изолированными представителями вида *homo sapiens*. На самомъ-же дѣлѣ ни о какомъ корпоративномъ сознаніи не можетъ быть и рѣчи, ни о какой корпоративной чувственности также, если ужъ касаться общества; послѣднее состоитъ изъ совершенно отдѣльныхъ индивидуумовъ, не передающихъ своихъ ощущеній въ какую-то общую кассу. „Жизнь отдѣльныхъ частей животнаго, читаемъ у одного компетентнаго автора,—поглощается жизнью цѣлаго; оно такъ и слѣдуетъ, потому-что это цѣлое имѣетъ корпоративную сознательность, способную ощущать наслажденіе или страданіе. Общество-же—дѣло другое. Его живыя единицы не утрачиваютъ и не могутъ утрачивать индивидуальной сознательности, а общество съ другой стороны не имѣетъ корпоративной сознательности, какъ цѣлое. Это-то и есть главная неизмѣнная причина, по которой никакое благосостояніе гражданъ не можетъ быть справедливо жертвуемо для какого-то воображаемаго блага государства, а, напротивъ того, государство должно существовать единственно для блага гражданъ. Корпоративная жизнь въ этомъ случаѣ должна подчиняться жизни отдѣльныхъ частей, а не жизнь отдѣльныхъ частей—корпоративной жизни“. На дѣлѣ выходитъ такимъ образомъ, что всякое нарушенное нравственное требованіе ощущается не кѣмъ инымъ, какъ изолированными представителями вида *homo sapiens*. При подобномъ-же выводѣ, когда кругомъ насъ жертвы капиталистическаго и политическаго порядка, жертвы безчисленныя, мудрено держаться теоріи прогресса безусловнаго. Не трудно видѣть, что нашъ современный строй общественный далеко не прилагаетъ стараній къ тому, чтобы „изолированные представители вида *homo sapiens*“ не терпѣли тяжелыхъ бѣдъ. Въ этомъ отношеніи мы не только не отстали, но даже, быть-можетъ, превзошли многія изъ пережитыхъ эпохъ.

Но социологія воспользовалась для своихъ цѣлей не однимъ опредѣленіемъ организмовъ біологическихъ, давшимъ возможность точнѣе уяснить и сущность организмовъ, представляемыхъ общественными группами. Не мало плодотворныхъ результатовъ наука о человѣческихъ обществахъ извлекла еще и изъ категорично поставленной біологіей гипотезы, что человѣческія расы не суть виды, не могущіе давать потомства при помѣсяхъ. Этимъ положеніемъ вполне для насъ поясняется специфическій характеръ

эволюціи соціологической сравнительно съ біологической. Въ второй главѣ нашего очерка мы указывали, что въ природѣ біологической одновременно существуютъ высшіе и низшіе организмы, что слѣдствіемъ процесса развитія нерѣдко можетъ случиться замѣна высшихъ животныхъ низшими и даже сами высшіе организмы могутъ утрачивать многое, благодаря чему они причислялись къ организмамъ высшимъ; говоря затѣмъ о различіи въ степеняхъ развитія различныхъ общественныхъ группъ, существующихъ на землѣ, мы нисколько не отрицали возможности даже теперь, не говоря о прошломъ, найти на землѣ примѣры существованія даже на одной и той-же территоріи слишкомъ отдаленныхъ другъ отъ друга культуръ, не отрицали также и возможности огрубенія высоко-развитаго общества при дурно вліяющихъ на него условіяхъ. Но утверждая все это, мы различныя по степенямъ совершенства общественныя группы невольно отождествляли съ различными видами и родами животныхъ, что на самомъ дѣлѣ ненаучно уже потому, что человѣческихъ породъ на свѣтѣ всего одна. Практически послѣднее біологическое положеніе даетъ себя знать тѣмъ, что *существованіе высокоразвитыхъ человѣческихъ группъ на одной и той-же территоріи съ низко-развитыми* вовсе не есть для кого-бы то ни было изъ людей удобство, напротивъ, это есть несомнѣнное патологическое явленіе, дающее себя знать членамъ человѣческихъ ассоціацій болью, страданіемъ. Нормальнымъ должно считать поэтому *одинаковое развитіе всѣхъ народовъ*, живущихъ на извѣстной территоріи, и даже всего человѣчества. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу у автора, выше нами цитированнаго. „Возможности совмѣстнаго существованія біологическихъ формъ, пишетъ онъ,—біологическихъ формъ совершенно различныхъ типовъ и возрастовъ, а также возможности долгаго существованія и повторенія біологическихъ формъ вообще противопоставляется полная невозможность чего-нибудь подобнаго для формъ соціологическихъ. Одновременно рядомъ другъ съ другомъ, на той-же мѣстности развивается самый низшій біологическій организмъ и самый высшій: протистъ, лишай, лилея, дубъ, улитка, пчела, собака, человѣкъ. Гибнуть цѣлые разряды, цѣлые классы существъ, но представители всѣхъ ступеней органическаго ряда біологіи продолжаютъ существовать вмѣстѣ. Точно также въ каждомъ изъ этихъ видовъ существуютъ вмѣстѣ дѣти всѣхъ возрастовъ, взрослые и старцы; и это одновременное существованіе есть не случайность, а прямая необходимость для продолженія существованія біологическихъ организмовъ. Въ историческомъ развитіи общественныхъ организмовъ дѣло совсѣмъ не такъ. Въ одномъ и томъ же обществѣ или въ одной и той-же системѣ обществъ,—которую

одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ учениковъ Канта назвалъ „группою націй“ и которую, можетъ быть, точнѣ назвать общеою цивилизаціею, — фактическое совмѣстное существованіе разновозрастныхъ (соціологически) группъ есть патологическое явленіе, которое правильное развитіе цивилизаціи стремится устранить. Группы высшей цивилизаціи стремятся или распространить свою цивилизацію на прочія группы, или обратить эти группы въ безсознательныя и пассивныя орудія своей цивилизаціи: въ рабовъ, въ вѣрностныхъ работниковъ, въ безправныхъ подданныхъ, низшую касту, наемныхъ пролетаріевъ. Не могутъ существовать рядомъ на одной и той-же территоріи независимыя общественныя организмы, принадлежащіе разнымъ типамъ или разнымъ возрастамъ цивилизаціи. Какъ только они вошли матеріально въ одинъ кругъ дѣйствія, происходитъ или процессъ подведенія всѣхъ ихъ подъ одинъ типъ, подъ одинъ уровень, или процессъ подчиненія однѣхъ группъ другимъ, или гибель большинства группъ, неспособныхъ ни измѣнить уровень своей цивилизаціи, ни подчиниться. Процессъ исторіи, сближая разновозрастныя группы, всего чаще безпощадно истребляетъ соціологическихъ дѣтей и соціологическихъ старцевъ, иногда-же истребляетъ въ пользу недоразвитыхъ дѣтей и группы, представляющія болѣе зрѣлую цивилизацію, если эти группы не многочисленны. Всякое совмѣстное существованіе цивилизацій разныхъ типовъ выражается болью, страданіемъ, борьбою. Поэтому въ данной здоровой цивилизаціи всѣ элементы строго соотвѣтствуютъ другъ другу и могутъ каждый существовать только при данныхъ условіяхъ, въ данный историческій моментъ“. Такимъ образомъ болѣе цивилизованныя и менѣе цивилизованныя общества, существующія одновременно на землѣ, не суть отдѣльныя соціологическія виды, а члены одного и того-же вида, то-же, что различныя возрасты, которыхъ достигли въ извѣстное время разные люди, причемъ, конечно, подобно сравненіе, послѣ всего нами сказаннаго, не есть отождествленіе.

То, что чувствуется нами какъ патологическое состояніе, когда рѣчь идетъ о разностепенности цивилизацій одновременно существующихъ обществъ, не можетъ быть въ нашихъ глазахъ чѣмъ-то нормальнымъ, когда мы замѣчаемъ неравномѣрность распредѣленія благъ цивилизаціи между членами каждой данной общественной группы. Если для успѣхности въ борьбѣ за существованіе всѣмъ народамъ было-бы дѣлесообразно вступить въ союзъ, то тѣмъ естественнѣе считать необходимою возможную прочность уже существующихъ союзовъ, другими словами, тѣмъ полезнѣе заботиться объ увеличеніи *солидарности между членами ассоціацій ижьющихся на лицѣ*. Свѣтъ такъ великъ, что ни теперъ нѣтъ

оправданій для борьбы людей между собой, не будетъ ихъ и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ будущемъ, какое мы только можемъ охватить нашимъ воображеніемъ. Между тѣмъ въ жизни большей части существующихъ обществъ мы замѣчаемъ *дѣленіе людей на привилегированное меньшинство и забитое, заглавленное большинство*. Всѣдствие этого общественныя учрежденія настоящаго времени бывають направлены исключительно на служеніе меньшинству, интересы-же большинства остаются неудовлетворенными. Такого рода характеръ общественной жизни, какъ мы уже видѣли, оправдываютъ нерѣдко мнимымъ благомъ общества, причемъ благо это предполагаютъ не всегда совпадающимъ съ благомъ всѣхъ членовъ той или другой ассоціаціи. Какъ мы знаемъ, мысль, что общество не имѣетъ корпоративной чувствительности, корпоративнаго сознанія, является еще только достояніемъ очень немногихъ, такъ-что ждать, чтобы сознана была идея необходимости путемъ общественной жизни удовлетворять потребности всѣхъ индивидуумовъ, входящихъ въ составъ общества и обладающихъ сознаніемъ и чувствительностью, по всей вѣроятности придется еще долго. Теперь-же полнѣйшее игнорированіе этой идеи ведетъ нерѣдко къ тому, что въ обществахъ возникаютъ серьезныя *катастрофы*, вызываемыя негодованіемъ подавленнаго большинства, на плечахъ котораго пытается держаться меньшинство со всею своею цивилизаціею. Катастрофы такія окончиваются разнo: мы видѣли уже, что иной разъ вслѣдъ за ними наступаетъ смерть ассоціаціи, и оставшіеся въ живыхъ члены большинства, по истребленіи меньшинства, пристають къ какимъ-нибудь чужимъ группамъ, среди которыхъ имъ менѣе стѣснительно жить, чѣмъ въ бывшей своей, или-же начинаютъ новую, самостоятельную жизнь, которая на первыхъ порахъ опирается на антропологическія традиціи массы, мало провѣренныя сознательною критикою; а не то меньшинство, не въ конецъ добитое катастрофой, постигаетъ всю опасность игры, имъ поведенной, и хоть отчасти направляетъ учрежденія общественныя такъ, какъ того требуютъ интересы всѣхъ. Бывали случаи въ жизни различныхъ обществъ, когда подобныхъ результатовъ достигали мирнымъ путемъ безъ катастрофъ. Для этой цѣли обыкновенно трудятся и отдѣльные представители меньшинства, сознаншіе всю важность въ жизни работающихъ ради добыванія наиболѣе необходимаго членовъ большинства, и тѣ члены большинства, которые успѣли понять свое значеніе въ обществѣ и рѣшались, такъ или иначе, возстановить свои права путемъ возбужденія къ тому своихъ товарищей по несчастію. Въ разныя историческіе періоды нужны бывають разныя средства для достиженія подобныхъ цѣлей, причемъ изъ людей, заботящихся о предо-

ставленіи обиженнымъ массамъ благъ цивилизаціи, захваченныхъ меньшинствомъ, только тѣ оказываются стоящими на высотѣ своего признанія, которые удачно выбираютъ средства для своей цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, какъ только пропасть между меньшинствомъ и большинствомъ будетъ засыпана, люди обязаны оставить свою прежнюю работу и приняться за удовлетвореніе тѣхъ потребностей своихъ и чужихъ, которыя проявляются въ нормальной жизни, при полной солидарности между членами даннаго союза.

Такимъ образомъ, благодаря указаніямъ, извлеченнымъ нами изъ біологіи, соціологическія изслѣдованія стали плодотворнѣе, и мы теперь на основаніи вѣскихъ данныхъ можемъ отстаивать господство въ мірѣ общественныхъ явленій принципа развитія. Но, отстаивая его примѣнимость въ этой области, мы въ то-же время не должны забывать, что присутствіе *сознательнаго элемента* въ явленіяхъ общественной жизни дѣлаетъ *соціологическую эволюцію отличною отъ біологической*. Ходомъ исторической жизни, какъ мы видѣли и еще увидимъ, различныя группы человѣчества и даже различныя слои одного и того-же общества, размѣщаются нерѣдко на разныя ступени развитія; но сознаніе людей, разъ ими понято это неравенство, отворачивается отъ подобныхъ фактовъ, хотя-бы потому, что они бывають причиною страданій,—и вотъ является *стремленіе къ установленію возможно полной солидарности*, возможно болѣе *широкихъ союзовъ*, которыми было-бы легче парализовать всѣ бѣдствія отъ борьбы за существованіе. Разныхъ степеней солидарности добивались люди въ прошломъ, но навѣрное можно сказать, что чѣмъ болѣе усиливался сознательный элементъ въ обществѣ, чѣмъ благопріятнѣе, другими словами, были условія развитія человѣческихъ группъ, тѣмъ все шире и шире представлялись тѣ союзы, въ которые группы эти стремились слиться ради удобствъ существованія. Но не слѣдуетъ думать, конечно, что подобныя высокіе моменты суть всегда моменты позднѣйшіе; ничуть не бывало, въ позднѣйшія времена мы нерѣдко можемъ наталкиваться на уменьшеніе солидарности сравнительно съ болѣе ранними періодами.

Я. Ч.—ый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДЕПУТАТЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТІИ.

РОМАНЪ

Роберта Вира.

ГЛАВА VI.

Вѣнскія улицы покрыты снѣгомъ, ослѣпительно сверкающимъ подъ полуденными лучами январьскаго солнца. Несмотря на сильный морозъ, толпа гуляющихъ суетъ по главнымъ улицамъ, собираясь кое-гдѣ кучками. Молодая дама, только-что вышедшая изъ конки, съ трудомъ пробиралась между рядами мужчинъ, столпившихся близъ станціи желѣзно-конной дороги. Задача эта оказалась, однако, довольно трудной; молодые шелопаи, съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, мужественно стояли на мѣстѣ, рискуя отморозить себѣ ноги, и въ упоръ оглядывали проходящихъ мимо хорошенькихъ женщинъ.

Хотя громкія замѣчанія, предназначенныя, очевидно, для ушей молодой дамы, и были весьма лестнаго свойства, тѣмъ не менѣе онѣ заставили ее ускорить шаги. Торопливо опустила она приподнятую-было юбку, чтобы прикрыть заслужившія комплиментъ ножки, прижала къ груди, какъ щитъ, портфель съ нотами и навинула на лицо густую вуаль, изъ подъ которой высовывались только непослушные локоны коротко остриженныхъ бѣлокурыхъ волосъ.

Наконецъ, молодая женщина выбралась изъ этой толпы съ ея неприличными шутками и смѣхомъ, и повернула за уголъ. Тамъ она столкнулась лицомъ къ лицу съ молодымъ гусарскимъ офицеромъ; онъ разгу-

ливалъ взадъ и впередъ съ сигарой въ зубахъ, очевидно поджидая кого-то. Увидавъ молодую женщину, онъ поспѣшно бросилъ сигару и пошелъ за ней. Она ускорила шаги и чуть не бѣгомъ добѣжала до подъѣзда роскошнаго дома, похожаго на дворець. Здѣсь она внезапно откинула вуаль и обернулась назадъ.

Неизвѣстно отъ холода, отъ быстрой ходьбы или отъ чего другого такъ раскраснѣлись ея хорошенькія щечки. Но несомнѣнно, что глаза ея горѣли совершенно отъ другой причины: они сверкали гнѣвомъ, и все хорошенькое личико дышало той гордой храбростью, которая побуждаетъ идти противъ сильнѣйшаго врага и часто даетъ побѣду надъ нимъ.

Офицеръ на минуту опѣшилъ. Но тотчасъ-же оправившійся, слегка поклонился и, улыбаясь, проговорилъ:

— Сударыня, я давно уже собиравсъ...

Она рѣзко оборвала его:

— Вы ошиблись дверью, милостивый государь!.. сказала она холоднымъ презрительнымъ тономъ и, повернувшись къ нему спиной, стала подниматься по лѣстницѣ.

Вслѣдствіе ли неожиданности такого отпора или дѣйствительно въ наружности молодой дамы было что-то импонирующее, но только офицеръ не сталъ ее преслѣдовать дальше.

А между тѣмъ бѣглянка, очевидно, снова лишилась вспыхнувшей въ ней на минуту храбрости. Она почти бѣжала по лѣстницѣ, пока, наконецъ, запыхавшаяся и взволнованная, не остановилась на площадкѣ третьяго этажа, у одной изъ дверей, на которой красовалась фарфоровая дощечка съ надписью: „Нора Мюленгофъ“. Нѣсколько отчаянныхъ звонковъ заставили прислугу тотчасъ-же отворить дверь.

— Я думала, что въ домѣ пожаръ, а это только вы, г-жа Марцелина!

Не обращая никакого вниманія на такое не любезное привѣтствіе горничной, сухопарой, нарядной и нарумяненной особы не первой молодости, Марцелина пробѣжала впередъ и, не снимая пальто и шляпы, вбѣжала въ гостиную, откуда доносились небрежные и отрывочные аккорды.

Это была большая, красивая комната, съ роскошными, нѣскольکو пестрыми, обоями, загроможденная изящной и дорогой мебелью. На диванахъ и низенькихъ креслахъ лежали разбросанныя при-

надлежности балнаго костюма: розовый вѣнокъ, китайскій вѣеръ, длинныя лайковыя перчатки, прелестный *sorti de bal* на лѣбязкѣ пуку съ серебрянной бахрамой и носовой платокъ съ широчайшими кружевами, окаймлявшими батистовый кружокъ величиною въ гульденъ. Очевидно, всѣ эти вещи были брошены еще наканунѣ нетерпѣливой артисткой, по возвращеніи ея съ бала. Сама она, блѣдная, утомленная, съ лицомъ, на которомъ видны были слѣды пудры, сидѣла передъ фортеціано, пробѣгая по клавишамъ лѣнивыми пальцами. Иногда она останавливалась совѣтъ, внимательно слушая, словно-бы боясь проронить слово,—что напептывалъ ей наклонившійся надъ ней мужчина уже не первой молодости.

По безукоризненному, пожалуй, даже черезчуръ модному костюму, по гладко выбритому безусому и безбородому лицу, по красивой, но слишкомъ ужъ аффектированной рѣчи, и по чему-то особенному, что севозило въ каждомъ малѣйшемъ его движеніи и жестѣ,—въ этомъ господинѣ сразу можно было узнать актера.

Онъ выпустилъ изъ рукъ кончикъ красной ленты, вплетенной въ черныя косы Норы, которыми фамиллярно игралъ, разговаривая съ нею, и бросился помогать Марцелинѣ раздѣваться.

— Ну слава Богу, что ты, наконецъ, пришла, проговорила пѣвица съ притворнымъ зѣвкомъ.—Теперь я освобожусь, наконецъ, отъ тѣхъ банальностей, которыми угощаль меня Дальманъ, чтобы какъ-нибудь убить время!

Нора имѣла утомленный видъ, точно послѣ безсонной ночи. Когда она поднялась съ мѣста чтобы направиться къ стоявшему въ углу дивану, ноги ея, казалось, готовы были подкоситься.

Освободившись отъ верхней одежды, Марцелина, одѣтая въ скромное, черное шерстяное платье, подошла къ зеркалу и стала на-скоро поправлять свои сбившіеся волосы.

— Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось поскорѣй кончить мой курсъ, сказала она взволнованнымъ голосомъ;—эти уроки гораздо тяжелѣе, чѣмъ я думала...

— Это камешекъ въ мой огородъ? спросилъ Дальманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! поспѣшила успокоить его молодая дѣвушка.

— Дальманъ убѣжденъ, что онъ единственный предметъ всѣхъ помышлений! язвительно замѣтила Нора.

— О, только не у тебя, неблагоприятная ученица, переросшая

своего учителя! продекламировалъ Дальманъ съ комическимъ пафосомъ.

— Неблагодарная? Какъ-будто учителямъ нужна благодарность? Вѣдь мы для нихъ игрушки, интересныя до тѣхъ поръ, пока на насъ они могутъ наблюдать чудотворное дѣйствіе своей методы. Имъ нужны все новыя растенія для экспериментовъ. Это такъ льститъ единственной страсти, которую они способны испытывать — тщеславію.

— И вы когда-нибудь скажете мнѣ то-же самое, м-лле Арнольдъ? спросилъ Дальманъ, обращаясь къ Марцелинѣ.

— Не знаю... А пока я вовсе не намѣрена касаться такихъ отвлеченностей, какъ Нора, улыбаясь отвѣчала Марцелина; — я просто хотѣла сказать, что эти прогулки по городу мнѣ становятся невыносимы. Мнѣ снова придется просить Оскара провожать меня. Но онъ такъ не любитъ когда его беспокоятъ, а у меня нѣтъ никого, къ кому-бы я могла обратиться.

Сама того не замѣчая, она тяжело вздохнула. Уже нѣсколько мѣсяцевъ она пользовалась вполне тѣмъ, чего такъ пламенно желала: полной, безусловной свободой. Но теперь эта свобода казалась ей далеко не такой прекрасной и привлекательной, какъ издали. Она успѣла уже испытать нѣсколько тяжелыхъ разочарований; неумолимая дѣйствительность безжалостно топтала ее розовыя мечты. Она думала однимъ смѣлымъ прыжкомъ перенестись въ новую жизнь, полную очарованій, но съ первыхъ-же шаговъ на своемъ новомъ поприщѣ почувствовала, насколько избранный ею путь тяжелѣе, чѣмъ она себя представляла. Отзывы капельмейстеровъ и оперныхъ директоровъ звучали совершенно иначе, чѣмъ восторженные похвалы обожателей, ухаживавшихъ за хорошенькой и богатой дѣвушкой. Строгость настоящихъ цѣнителей не заставила Марцелину упасть духомъ, но научила ее скромности и сдержанности и приготовила къ дальнѣйшимъ суровымъ урокамъ, ожидавшимъ ее въ жизни.

Нора пріютила ее у себя, какъ обѣщала Зоненштейнъ, и предоставила въ ея распоряженіе хорошенькую угловую комнатку въ своей обширной квартирѣ. Такимъ образомъ, съ самаго своего отъѣзда изъ Зонабурга, Марцелина жила въ артистическомъ мірѣ столицы, хотя до сихъ поръ, благодаря своему трауру, умѣла познакомиться только съ его серьезной стороною. Она усердно брала уроки пѣнія

у одной изъ лучшихъ учительницъ, чтобы выработать свой голосъ и такъ-какъ ей не хотѣлось поступать въ театральную школу, то для уроковъ декламации и игры Нора пригласила къ ней своего бывшего учителя Дальмана, знаменитаго артиста вѣнскаго императорскаго театра.

Сравнивала-ли она свою прошлую жизнь съ настоящей? Сожалѣла-ли она о невозвратно минувшемъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ было-бы трудно. Она ничѣмъ не обнаруживала своего недовольства и только въ послѣднее время въ ней можно было замѣтить какое-то раздражительное нетерпѣніе достигнуть поскорѣе поставленной себѣ цѣли, которая, казалось, какъ на зло, все больше и больше отходила въ туманную даль. Сегодня, въ первый разъ у нея сорвалось горькое замѣчаніе, дававшее поводъ думать, что иногда ей тяжела становится нѣбогда столь желанная самостоятельность.

— Вы совершенно несправедливы къ своимъ друзьямъ! горячо воскликнулъ Дальманъ;— я первый готовъ сдѣлать для васъ все, чего-бы вы ни пожелали.

— Да, да, пусти козла въ огородъ! смѣясь замѣтила Нора.

Марцелина покачала головой и отняла руку, которую актеръ схватилъ-было въ порывѣ своей преданности.

— Не можете-же вы провожать меня на уроки, отвѣчала она уклончиво;— ваше время слишкомъ дорого и наконецъ намъ съ вами не по дорогѣ.

— Напрасно, напрасно! снова вмѣшалась Нора;— было-бы очень забавно взглянуть на Дальмана въ роли твоего пажы съ нотами подъ мышкой. Впрочемъ, прибавила она съ злой усмѣшкой;— ты не придавай большаго значенія его любезности. Есть услуги, которыя предлагаются именно для того, чтобы ихъ отказались принять. У насъ это знаетъ всякая кордебалетная танцовщица.

Нора еще долго продолжала-бы свою проповѣдь— не первую въ этомъ родѣ, которую Марцелинѣ приходилось отъ нея слышать, — если-бы въ эту минуту въ комнату не вошла та самая женщина — нѣчто среднее между горничной, компаньонкой и капельдинершей, — которая отворила Марцелинѣ дверь. Она сказала барынѣ, что режиссеръ снова прислалъ разсыльнаго спросить, не угодно-ли ей будетъ пожаловать на репетицію хоть къ третьему акту.

— Если онъ захочетъ, чтобы я завтра цѣла, то пусть оставитъ меня въ покоѣ! крикнула Нора такъ громко, что стоявшій въ

прихожей разслынный долженъ былъ разслышать каждое слово. Пусть для реплики онъ поставитъ кого-нибудь вмѣсто меня. Свою роль я знаю отлично и вовсе не желаю быть статисткой для другихъ. Я устала, я больна, у меня мигрень, я не въ голосъ... — Она дѣйствительно должна была остановиться, чтобы перевести духъ. — Если меня будутъ раздражать, то я слягу завтра въ постель и тогда пусть отлаживаютъ спектакль или вмѣсто меня приглашаютъ Зейдлершу...

Она закашлялась и въ изнеможеніи упала на подушки дивана.

— Эти варвары не чувствуютъ никакого уваженія къ искусству! съ ироническимъ состраданіемъ воскликнула Дальманъ.

— О, это сущая правда! проговорила Нора, устремляя на Дальмана такой страдальческій взглядъ, который бывший ея учитель долженъ былъ остаться доволенъ. — Они готовы заморить насъ до смерти. Я только-что проснулась, проспавъ всего какихъ-нибудь три часа да и то очень скверно, и теперь изволь вдругъ идти, разбитая и утомленная, на репетицію! Развѣ это не варварство? По крайней мѣрѣ, днемъ нужно отдохнуть, когда возвращаешься домой въ пять часовъ утра...

— Посвятить всю ночь служенію святому искусству... иронически замѣтилъ Дальманъ, но тотчасъ-же, перемѣнивъ тонъ, прибавилъ съ добродушнымъ упрекомъ Ментора: — О, молодежь, молодежь, право хочется плакать, глядя на васъ! Вы только и думаете, что о наслажденіяхъ и совершенно забываете о божественномъ искусствѣ, котораго жрецами вы должны быть. Неужели вы не отряхнете съ себя праха земли и никогда не подниметесь до тѣхъ заоблачныхъ высей, гдѣ...

— Гдѣ заключаются прекрасные ангажементы съ ежегодной прибавкой жалованья! прервала его Нора. — Къ чему подобное монашество? Какъ-будто можно превратиться въ статую, сходящую съ своего мраморнаго пьедестала только для того, чтобы пролѣтъ нѣсколько трелей? Для этого нужно быть какой-нибудь Патти, да и той это надобѣдетъ и она снимаетъ иногда свой котурнъ. Къ тому-же развѣ, посѣщая балы, мы не служимъ тому-же искусству? Вы вѣдь знаете нашу публику? Она хочетъ видѣть насъ вблизи, чтобы полюбоваться нашимъ туалетомъ, похвастаться знакомствомъ съ нами. Только тогда она приходитъ въ восторгъ и апплодируетъ, какъ съумасшедшая. О, Боже великій, если-бы каждое рукоплесканіе

приходилось завоевывать легкими! — Да и не я одна была на балу. Всѣ тамъ были. Представьте, Зейдлеръ одѣлся въ свѣтло-желтый фай; это чертовски шло къ ея льняного цвѣта косамъ; она была просто обворожительна. А какіе брилліанты! Хотѣлось-бы мнѣ только знать настоящій-ли огромный алмазь, вправленный въ ея браслетъ. Она носила его какъ-разъ подъ локтежь, — чтобъ показывать, конечно, какія у нея тоненькія ручки. Я просто губы себѣ искусила отъ злости. Ни одинъ изъ моихъ браслетовъ не держится такъ высоко. Я чуть не сломала своего браслета, когда за ужиномъ хотѣла снять перчатки. У меня до сихъ поръ синій кружокъ на рукѣ. Дуракъ баронъ Трейбахъ пришелъ въ неистовый восторгъ. Вы вѣдь знакомы, кажется, съ старымъ генераломъ? Послѣ каждого представленія онъ присылаетъ мнѣ на другой день букетъ цвѣтотъ съ записочкой. Сегодня, когда я встала, букетъ и записка были уже у меня на столикѣ.

— Стихи! воскликнулъ Дальманъ, развертывая раздушенный почтовый листикъ, лежавшій въ большой раковинѣ, наполненной визитными карточками. Пробѣжавъ ихъ глазами, онъ вскричалъ: прелестно, восхитительно! и принялся декламировать съ шутливымъ пафосомъ длинный сонетъ, въ которомъ влюбленный генералъ, осыпая жестокими упреками „безжалостный металл“, сдѣлавшій синюю полосу на этой божественной рукѣ, — заявлялъ, что будь на мѣстѣ холоднаго металла онъ, то растаялъ-бы отъ прикосновенія къ прелестной ручкѣ и превратился-бы въ паръ.

Даже Марцелина не могла удержаться отъ смѣха, такъ хорошо Дальманъ умѣлъ передать своей декламациею весь комизмъ этой чувствительной эпistolы.

— Ахъ, какъ хорошо было-бы, замѣтила Нора, — если-бы мягко-сердечный баронъ приложилъ къ этому билету болѣе просторный браслетъ. Это было-бы такъ мило и такъ кстати.

— Нора! неужели-бы ты приняла? съ легкимъ упрекомъ спросила Марцелина.

— А ты думаешь, отослала-бы назадъ? Развѣ ты стыдишься рукоплесканій, букетовъ, вѣнковъ, которые тебѣ подносятъ? Подно! Поклоненіе пріятно во всякой формѣ, въ особенности-же въ той, которую ему придаютъ золотыхъ дѣлъ мастера.

— Хотя они и проводятъ синія полосы на этой лилейной рукѣ? пошутилъ Дальманъ.

— Вы напрасно смѣтаетесь! Я сказала сущую правду. Смотрите сами...

Нора высоко подняла рукавъ и показала свою мраморную руку до самой воображаемой синей полоски.

— Вижу только божественное произведеніе искусства, но не вижу слѣдовъ преступленія совершеннаго противъ него, сказалъ Дальманъ послѣ внимательнаго осмотра и поцѣловалъ эту, точно изваянную, руку.

— Перестаньте, перестаньте, равнодушно проговорила Нора. — У меня вовсе нѣтъ охоты кокетничать съ вами.

— Это, конечно, слѣдуетъ дѣлать только съ публикой. Но немножко, знаете, для практики, отчего-же...

Нора притворилась, что не разслышала ѣдкаго замѣчанія и, медленно опустивъ рукавъ, принялась крутить папильотки изъ записочки барона. Тѣмъ временемъ она еще кое-что рассказала про вчерашній балъ, пересыпая свою рѣчь замѣчаніями о костюмахъ артистокъ и анекдотами довольно легкаго содержанія изъ вѣнской *Chronique scandaleuse*.

— А знаешь-ли кого я встрѣтила на балу? обратилась она къ Марцелинѣ. — Доктора Гартгаммера. Мы даже ужинали съ нимъ вмѣстѣ; Зоненштейнъ пригласилъ его. Онъ, кажется, зять фонъ-Лангенека и теперь вмѣсто него избранъ депутатомъ. Очень жаль. Съ тѣмъ мнѣ было-бы гораздо пріятнѣе встрѣтиться...

При послѣднихъ словахъ Нора лукаво посмотрѣла прямо въ лицо Марцелинѣ. Марцелина поспѣшно отвернулась.

Наступила пауза.

— Не начать-ли намъ? спросилъ Дальманъ дѣловымъ тономъ.

— Да, да, начинайте, дѣти мои, сказала Нора. Будьте прилежны. Мнѣ-же нужно къ себѣ; я жду фотографа. Хочу сняться въ костюмъ моей будущей роли, чтобы карточки появились въ витринахъ на другой день послѣ спектакля. Кроме того, мнѣ нужно еще посоветоваться съ нимъ относительно нѣкоторыхъ туалетныхъ тайнъ, понятныхъ только нашему брату. Обо всемъ этомъ мы бѣдныя артистки должны подумать!

— И послѣ этого есть еще люди, утверждающіе, что исчезло на землѣ служеніе искусству! воскликнулъ Дальманъ.

Когда Нора вышла, Дальманъ, въ дополненіе къ своему ироническому восклицанію, заговорилъ о поверхностности и безсодер-

жательности своей бывшей ученицы. Это былъ чрезвычайно ловкій приемъ для выраженія своей собесѣдницѣ, что ей онъ приписываетъ совершенно противоположныя качества. Въ формѣ прямого комплимента она, конечно, не захотѣла-бы слушать эти изліянія артиста.

— Только идеальныя натуры способны служить идеалу, закончилъ онъ, устремляя на Марцелину одинъ изъ своихъ глубокихъ взглядовъ.

Слова эти, однако, скорѣе встревожили чѣмъ обрадовали молодую дѣвушку. Не разъ уже ей приходило въ голову, что любезности Дальмана внушены не простой благосклонностью учителя, довольнаго своей ученицей. Желая прекратить какъ можно скорѣе эти, слишкомъ задушевные, изліянія, она предложила ему приступить къ уроку, на что ея собесѣдникъ тотчасъ-же любезно согласился. Лишь только они вошли въ ея маленькую комнату, расположенную въ самомъ концѣ корридора, Дальманъ мгновенно преобразился и самымъ серьезнымъ учительскимъ тономъ спросилъ:

— Что вы сегодня пѣли?

— Опять Маргариту.

— Прекрасно. Мы это и попробуемъ. Начало можно пропустить. Гордая недоступность такъ проникаетъ все ваше существо, что учить васъ выражать ее нечего.— „Не блещу я красотой...“ эта фраза висѣла на вашихъ презрительно искривленныхъ губахъ, дрожавшихъ отъ негодованія, въ ту минуту, какъ вы входили въ гостиную... Возьмемъ слѣдующее. Попробуйте арію съ ожерельемъ. Вотъ шкатулка. Введеніе пропустимъ. „Что вижу я...“ начинайте.

Марцелина тихо запѣла, отиѣчая лишь слова, которыя требовали мимики. Она надѣла ожерелье, серьги, подошла къ зеркалу.

Но вдругъ она остановилась, опустила руку и, обращаясь къ Дальману, спросила:

— Ну что хорошо?

— Нѣтъ, напротивъ, совсѣмъ слабо, отвѣчалъ онъ, покачавъ головою.— Нѣтъ жизни, огня. Вы должны радоваться, ликовать!

— Изъ-за нѣсколькихъ бездѣлушекъ?

— О, это говорить пресыщенная свѣтская дама, могущая пересыпать горстями перлы и алмазы. Изъ чувства противорѣчія она убираетъ голову простымъ полевымъ цвѣткомъ, чтобы пока-

зать, что красота ея блещетъ ярче золота и самоцвѣтныхъ камней. Это-же сознание живеть и въ васъ. Но какъ актриса вы должны забыть все это. Теперь вы изображаете не самое себя. Бѣдная, скромная Гретхенъ въ этихъ серьгахъ и въ этомъ ожерельи воображаетъ себя королевой. Она ихъ считаетъ прелестными и только сегодня, вотъ въ эту самую минуту проснулось въ ней сознание собственной красоты, точно она увидѣла въ зеркалѣ новое лицо. Отсюда радость, восторгъ, ликование, смѣшанное съ какою-то робкою трепетомъ. Въ ней впервые заговариваетъ тщеславіе и просыпаются зачатки гордости, тащіяся надъ душою у самыхъ смиренныхъ. Передъ ней мелькнулъ уже на мгновеніе новый міръ, полный блеска и радости, и въ ея смѣхѣ сверкаютъ уже искры предательскаго Мефистофельскаго подарка. Ну такъ еще разъ, начнемте.

Марцелина повторила сцену снова. Но на этотъ разъ игра ея совершенно пережвнилась. Объясненія Дальмана были для нея своего рода искрой, озарившей предъ нею произведеніе гениальнаго поэта. Одушевленная имъ, она почувствовала, что новая жизнь пробѣжала по ея жиламъ и сыграла эту сцену мастерски.

Браснорѣчивымъ взглядомъ поблагодарила она своего учителя, когда онъ сталъ осипать ее похвалами.

— Чудный ребенокъ! Чудный ребенокъ! повторялъ Дальманъ. — Учить васъ истинное наслажденіе. Ну теперь дальше. Попробуйте сцену съ цвѣткомъ.

Радостная улыбка исчезла съ устъ Марцелины. Глаза, устремленные на Дальмана съ выраженіемъ гордости и признательности, опустились. Взявъ у него изъ рукъ цвѣтокъ, вынутый имъ изъ петлицы, она сперва понюхала его, потомъ опустила руку и начала свою арію. На этотъ разъ игра ея была поразительно натуральна. Ясно было, что какая-то мысль или воспоминаніе внезапно мелькнули въ ея головѣ. Когда она дошла до гаданія, то, задумавшись, совершенно нечаянно, въ самомъ дѣлѣ стала отрывать лепестки.

— „Любить — не любить, любить — не любить!“ шептала она тихонько. Наконецъ, на послѣднемъ лепесткѣ, въ радостномъ волненіи, отбрасывая цвѣтокъ, она громко вскрикнула — „любить!“

И тотчасъ-же, какъ-будто охваченная цѣлымъ моремъ счастья и свѣта, она закрыла руками сіяющее блаженствомъ личико и

опустила бѣлокурую голову. Трудно было представить себѣ болѣе чистый, очаровательный образъ Гретхенъ. Самъ Дальманъ былъ восхищенъ натуральностью этого дѣтскаго движенія. Видѣ себя отъ восторга, онъ подхватилъ данную ему реплику.

— „Да, да дитя мое!.. Онъ любить, любить тебя!“..

Марцелина опустила руки и сдѣлала шагъ назадъ. Она смотрѣла на него, точно пробужденная отъ сна. Потомъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ проговорила:

— Этого, кажется, въ роли нѣтъ...

— Нѣтъ въ вашей, Гретхенъ, но есть въ роли Фауста;—бываютъ минуты высшаго восторга, когда невозможно говорить иначе, какъ безсмертными словами великихъ поэтовъ.

— Но... это мѣшаетъ... запинаясь проговорила Марцелина, опуская глаза, чтобы не видѣть пылавшаго лица Дальмана.

— Развѣ можно объ этомъ думать въ такія мгновенія? нѣжно упрекнулъ онъ. Однако, замѣтивъ, что она не раздѣляетъ его настроенія, онъ тотчасъ-же пережѣнилъ тонъ и снова сдѣлался учителемъ.

— Это мѣсто удалось вамъ превосходно. Постарайтесь припомнить и удержать въ памяти малѣйшее ваше движеніе. Этотъ крикъ радости, эта остановка, этотъ оборотъ и этотъ жестъ дѣвичьей стыдливости—все это великолепно. Мнѣ кажется только, что лучше сперва сдѣлать нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ, чѣмъ все время стоять неподвижно на мѣстѣ. Но вообще—превосходно.

— Прикажете дальше?

— Да, теперь перейдемъ прямо къ заключительной сценѣ акта. Вообразите, что вы стоите въ амбразурѣ окна... Погодите — опрокинутый стулъ будетъ замѣнять намъ перила. Встаньте на эту лѣсенку и вообразите, что вокругъ васъ садъ, залитой луннымъ свѣтомъ... Ну теперь пойте.

Марцелина запѣла въ полголоса и когда дошла до заключительной строфы:

Приди ко мнѣ, о милый мой!

Дальманъ, съ крикомъ „Маргарита!“, какъ предписывалось въ текстѣ, бросился къ ней съ распростертыми объятіями, чтобы прижать ее къ своему сердцу прежде, чѣмъ опуститься предъ нею на колѣни.

Марцелина слегка наклонилась къ нему и положила ему голову на плечо. Однако, все это было сдѣлано ею не такъ, какъ хотѣлось учителю.

— Это не Гретхенъ! вскричалъ онъ съ неудовольствіемъ, вскакивая съ колѣнъ. — Это разряженная кукла, которая между вальсомъ и котильономъ жеманно говоритъ своему кавалеру „пожалуйста, поговорите завтра объ этомъ съ моимъ папашей и мамашей!“ — Вы слишкомъ благовоспитанны, слишкомъ холодны, да, слишкомъ холодны! Дайте волю крови. Пусть она заговоритъ въ васъ. Войдите въ свою роль и забудьте маменькины наставленія. Иначе вы никогда не будете великой артисткой. Какъ хотите вы, чтобы другіе повѣрили вашему чувству, если вы стыдитесь его обнаружить? Отбросьте-же ледяной покровъ условныхъ приличій. Они хороши для интитутоекъ и кисейныхъ барышень. Искусство имѣетъ свои законы. Кто воспроизводитъ на сценѣ жизнь, тотъ самъ долженъ познать ее во всей глубинѣ и силѣ. Безъ огня въ душѣ, безъ страсти въ сердцѣ нельзя быть хорошимъ артистомъ. Ну, еще разъ — становитесь и пойте.

Она заплѣла, почти не помня себя. Странно звучали въ ея ушахъ слова актера. Въ нихъ было столько логики... Онъ говорилъ во имя идеала, въ служеніи которому она видѣла цѣль своей жизни. Онъ взывалъ къ полной свободѣ чувства, къ уничтоженію всѣхъ узъ, налагаемыхъ на женщину обществомъ. Развѣ не того-же добивалась и она съ тѣхъ поръ, какъ стала на ноги? Одинаковы ли ихъ стремленія, или между ними кроется какое-нибудь глубокое различіе?.. Она сама не знала въ эту минуту. Передъ нею стоялъ человѣкъ, окруженный ореоломъ знаменитости, рисовавшій ей жизнь такую, какою она носилась въ ея неопредѣленныхъ и смутныхъ мечтахъ. Устремивъ взглядъ въ его пылающіе глаза, она чуть внятнѣмъ, дрожащимъ голосомъ проплѣла:

Приди ко мнѣ, о милый мой!

На этотъ разъ она склонилась къ нему на грудь и положила ему голову на плечо, какъ онъ того хотѣлъ. Онъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ все сильнѣй и сильнѣй, и въ то-же время страстнымъ полупешотомъ декламировалъ:

Люблю тебя, красавица...

Кровь закипѣла въ жилахъ молодой дѣвушки. Голова ея за-

кружилась. Но испугавшись самой себя, она отпрянула, сляся освободиться отъ объятій актера. Стулъ, замѣнявшій собою перила балкона Маргариты, съ грохотомъ упалъ на полъ. Шумъ помогъ Марцелинѣ оправиться и окончательно придти въ себя отъ минутнаго помраченія разсудка.

— Лучше я не могу сыграть! сказала она, какъ-будто между нею и учителемъ не произошло ничего необыкновеннаго.

— Но погодите, погодите, занавѣсъ еще не опущенъ! вскричалъ Дальманъ.

Марцелина умѣла до такой степени овладѣть собою, что обратила это замѣчаніе въ шутку и, улыбаясь, проговорила:

— Такъ-какъ мы играли безъ занавѣса, то намъ пришлось бы ждать очень долго.

Затѣмъ болѣе серьезнымъ тономъ она прибавила:

— Не будьте сегодня слишкомъ строги ко мнѣ, м-сье Дальманъ. — На этотъ разъ довольно съ меня.

Дальманъ тоже успѣлъ уже сбросить маску Фауста. Онъ также считалъ наиболѣе почетнымъ видомъ отступленія приписать свое волненіе артистическому возбужденію.

— Удивительно какое дѣйствіе производить на людей съ впечатлительной душой произведенія великихъ художниковъ, сказалъ онъ. — Иногда я просто себя не помню. Мнѣ кажется, что я на подмосткахъ и стихи сами собою льются рѣкою...

Затѣмъ, послѣ минутной паузы, онъ прибавилъ:

— Такъ мы сегодня больше репетировать не будемъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Марцелина. — Я сегодня слишкомъ разсѣяна. Она не видѣла ни пламеннаго взгляда, который онъ устремилъ на нее, ни торжествующей улыбки, скользнувшей по его губамъ.

— Да это правда, сказалъ онъ. Вы сегодня дѣйствительно не въ ударъ, m-me Марцелина. Въ другой разъ, быть можетъ, дѣло пойдетъ лучше!

Слова эти, произнесенныя какимъ-то страннымъ тономъ, звучали въ ухахъ молодой дѣвушки долго послѣ ухода Дальмана, когда она, стоя у окна, неподвижно смотрѣла на покрытую снѣгомъ площадь, разстилавшуюся передъ окнами.

Что это? Слеза скользнула по ея пылающимъ щекамъ и докатилась до искривленныхъ горькой улыбкой губъ. — Эта слеза, разумѣется, не могла относиться къ только-что ушедшему артисту; его провожала язви-

тельная насѣшка умной дѣвушки, успѣвшей послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія понять то, что смутно подсказывало ей инстинктивное чувство. О, какъ жалокъ и нутъ казался ей теперь этотъ человѣкъ, играющій въ жизни комедію точно такъ-же, какъ и на подмосткахъ, и даже въ минуты высшаго душевнаго возбужденія выражающій свои чувства чужими словами, подсказываемыми привычною памятью!

Воспоминанія сами собой заронились въ ея головѣ и между ними вставала образъ человѣка, чувство котораго никогда не расходилось съ словомъ; онъ былъ такъ-же правдивъ и искрененъ въ своихъ рѣчахъ, какъ и въ поступкахъ. Сравненіе напрашивалось противъ воли; несмотря на всѣ свои старанія, молодая дѣвушка не могла отогнать отъ себя длинной вереницы неотвязныхъ воспоминаній. Влѣдная стояла Марцелина, приложивъ голову къ оконной рамѣ. Никогда еще не чувствовала она себя до такой степени несчастной.

Отъ пронизательнаго взгляда горничной не ускользнула печаль молодой дѣвушки; она рѣшила, что наступилъ самый удобный моментъ для осуществленія давно задуманныхъ плановъ. Неслышно, какъ кошка, прокралась она въ комнату Марцелины и начала съ доклада, что барыня приказала справиться, не угодно-ли ей прокатиться въ саночкахъ послѣ окончанія урока у господина Дальмана. Затѣмъ она подошла поближе и, ухмыляясь, проговорила въ полголоса, чтобы придать больше интимности своему сообщенію:

— А красавецъ-гусаръ опять заходилъ и справлялся о васъ, барышня! Онъ графъ—фамилія его Царкани—богатъ, какъ самъ императоръ.

— Что ему до меня? Надѣюсь, вы догадались указать ему дверь? рѣзко перебила Марцелина рассказчицу.

Горничная закивала головой, многозначительно улыбаясь.

— Разуѣтается, сказала она.—Вѣдь вы мнѣ не приказывали чего-нибудь другого. Я сказала, что барышня не принимаетъ. Но письмо вѣдь можно было взять?

Марцелина съ минуту колебалась. Потомъ, выхвативъ записку изъ рукъ сводницы, она скомкала конвертъ и въ одно мгновеніе швырнула въ огонь, прежде чѣмъ та успѣла придти въ себя отъ удивленія.

— Если вы еще когда-нибудь осмѣлитесь передавать мнѣ ка-

кѣ-нибудь письма, кромѣ тѣхъ, что приносить почталіонъ, то я попрошу Нору расчитать васъ, сказала она строго.

Но угроза не произвела, повидимому, никакого дѣйствія; горничная, очевидно, лучше знавшая характеръ своей госпожи, только улыбалась, возвращаясь по корридору.

Подъ вліяніемъ жестокой обиды, Марцелина мгновенно оправилась отъ своей грусти и, пылая гнѣвомъ, вошла въ уборную своей пріятельницы, только-что окончившей свой туалетъ.

— Милая, что съ тобой? спросила ее Нора.—Ты выглядишь со своими растрепанными волосенками, какъ настоящая Медуза. На тебя просто смотрѣть страшно.

— О, если-бъ я была мужчиной! Какъ-бы я дала имъ себя знать!

Нора расхохоталась въ отвѣтъ на эту гнѣвную тираду.

— Дитя! сказала она наставительнымъ тономъ.—Это ты гораздо легче можешь сдѣлать, оставаясь женщиной.

— Нѣтъ, нѣтъ Нора; я не шучу. Драться съ ними на шпагахъ, на сабляхъ, на пистолетахъ — вотъ чего-бы мнѣ хотѣлось! Если-бъ Оскаръ не былъ такой тряпкой, онъ долженъ-бы выступить къ барьеру вмѣсто меня. Но мой Геркулесъ сидитъ за пріямой Омфалы и ему больше къ лицу женская юбка, чѣмъ офицерскій мундиръ.

— О, какъ ты хорошо помнишь пансіонскіе уроки! Омфала — это должно быть m-lle Гартгаммеръ, дочь нашего переписчика нотъ и сестра депутата, — та самая высокая дѣвушка съ косами Маргариты, съ которой тогда на балу въ Мартинсбадѣ онъ такъ много танцевалъ? Такъ вотъ почему его никогда не видно! А онъ отговаривается, какъ и ты, трауромъ. Впрочемъ, почему знать, можетъ быть, и ты тихонько шьешь себѣ подвѣчное платье въ своей комнатѣ, гдѣ скрываешься подъ тѣмъ предлогомъ, что твое черное платье не позволяетъ тебѣ присутствовать на нашихъ вечеринкахъ...

Дѣйствительно, съ того времени какъ Марцелина поселилась у Норы, она никогда не выходила въ гостиную своей пріятельницы по вечерамъ, когда тамъ собирался кружокъ ея близкихъ друзей. Она всегда удалялась въ свою комнатку, куда не доносился даже шумъ изъ внутреннихъ покоевъ. Теперь она повто-

рила свою обычную отговорку и, поглощенная иными мыслями, пропустила мимо ушей шутку Нора.

— Не понимаю, какъ можно быть такимъ трусомъ! воскликнула она, продолжая прерванный разговоръ.— О, какъ отдѣлала-бы я на его мѣстѣ эту малеванную куклу въ мундирѣ!

— Ты насчетъ своего офицера? А я, было, подумала, что ты такъ разсердилась на Дальмана.

— О, и онъ не лучше...

— Хуже, увѣряю тебя, хуже! подтвердила Нора.

— Какъ? удивилась Марцелина. — Не ты - ли мнѣ его такъ хвалила?

— Да, какъ учителя. Въ этомъ отношеніи тебѣ, кажется, на него жаловаться нельзя. Онъ чрезвычайно предупредителенъ съ тобою. До сихъ поръ всѣ ученицы ходили учиться къ нему на домъ; для тебя одной онъ сдѣлалъ исключеніе. Онъ приходитъ сюда и не жадничаетъ временемъ. Отзывается онъ о тебѣ всегда съ восторгомъ. Чего-же ты еще хочешь?

— Не будемъ о немъ говорить. Я согласна лучше поступить въ какую угодно театральную школу, чѣмъ продолжать брать уроки у него.

— Берегись! Онъ можетъ быть тебѣ очень полезенъ и очень вреденъ. А кто не феноменъ, тотъ всегда нуждается въ покровительствѣ, поддержкѣ, рекомендаціи. Въ этомъ-же мѣрѣ ничто не достается даромъ! Ученица должна быть благодарна своему учителю, какъ твореніе своему творцу. Онъ вдыхаетъ въ нее жизнь и душу, и какъ быть бѣдняжкѣ, если онъ вздумаетъ, напяримѣръ, утверждать, что вдохнуть душу нельзя иначе, какъ изъ устъ въ уста?

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Такой цѣной я не хочу платить за уроки! вскричала Марцелина.

Она поняла, что слова „кто не феноменъ“ относятся именно къ ней, и это ее уязвило. Сомнѣнія давно уже закрались въ ея душу, но она все еще находилась въ положеніи того человѣка, который предполагаетъ, что выигралъ одинъ изъ первыхъ призовъ и въ то - же время боится, что цифра откроетъ ошибку. Тѣмъ унизительнѣе показались молодой дѣвушкѣ совѣты Нора, являющіеся результатомъ ея косвеннаго приговора. Нѣтъ, нѣтъ!

Она не можетъ долѣе скрываться. Она должна высказать ей все, что накопилось у нея на душѣ...

— Меня крайне поражаютъ, заговорила она, — нѣкоторыя твои воззрѣнія и поступки, Нора! Ты позволяешь съ собою такія интимности, которыя по моему можно дозволить только любимому человѣку. Со всякимъ другимъ онѣ унизительны и оскорбительны.

— Ахъ, Боже мой! Неужели тебя ни разу никто не поцѣловалъ? спросила Нора со спокойной ироніей.

Марцелина совершенно неожиданно для себя вся вспыхнула. Она не отвѣтила на вопросъ прямо, но въ ея голосѣ по-прежнему звучала непоколебимая увѣренность.

— Поцѣлуй въ моихъ глазахъ не простое движеніе губъ...

— А что-же по твоему? возразила Нора, насмѣшливо улыбаясь. — Вмѣстѣ съ бѣлками смывается и поцѣлуй. Глупенькая, ты хочешь быть актрисой и въ то-же время недотрогой! Но вѣдь на сценѣ цѣлуются и это никого не шокируетъ? Цѣлуются и за кулисами. Таковъ обычай въ нашемъ театральномъ мірѣ и для тебя не будетъ исключенія.

— Нѣтъ будетъ! упрямо твердила Марцелина. — Я не позволю встрѣчному и поперечному цѣловать себя.

— Ахъ, какая ты смѣшная! Я думала, тебѣ нравится наша жизнь такова, какова она есть, а теперь вижу, что ты, точно институтка, живешь въ мірѣ какихъ-то иллюзій. Врось ихъ, милая! Съ ними далеко не уѣдешь. А главное, живи настоящимъ, а не своими фантазіями. Было время, когда ты завидовала актрисамъ, а теперь, кажется, начинаешь завидовать скромнымъ маленькимъ дочкамъ? — Вѣда только, что трудно уже вернуться назадъ! Ну да, что объ этомъ думать! Ѣдемъ кататься! Живи, пока живется! Смотри, какъ блеститъ снѣжный путь!

Марцелина колебалась. Взглядъ, брошенный въ окно, на залитую солнцемъ снѣжную площадь возбудилъ и въ ней желаніе прокатиться.

— Но я не знаю, проговорила она въ нерѣшительности, — не разсердится-ли на меня за это Пальма-Сальви? Она уже запретила мнѣ курить, кататься на конькахъ...

— И цѣловаться?..

— Ахъ, какія у тебя скверныя шутки!

— Ну не буду. А совѣтовъ Пальма-Сальви ты не слушайся. Вѣдь нельзя же вѣрить всему, что говорятъ учителя. Ёдемъ, ёдемъ!

— Но ты сказалась больной? Что если тебя встрѣтятъ? со смѣхомъ спросила Марцелина.

— Скажу, что докторъ предписалъ мнѣ прогулку, свѣжій воздухъ, движеніе. Ёдемъ! Нужно же попробовать новыя санки. Серебро и голубой бархатъ съ медвѣжьей полостью. Молодецъ Зоненштейнъ!

Лобъ Марцелины снова наморщился; съ ея устъ готовъ былъ сорваться новый упрекъ. Но молодость взяла свое; темное облако разсыялось предъ лучемъ радости и веселья, свергнувшимъ въ ея глазахъ.

Какъ упоительно нестись на легкихъ санкахъ надъ снѣжной глубиной! Какъ визжать полосясь, какъ ярко свѣтитъ солнце, переливаясь радугами въ мельчайшей снѣжной пыли! Возможно-ли думать въ это время о мрачной изнанкѣ жизни!?

ГЛАВА VII.

Знаменитый Дальманъ занималъ нѣсколько комнатъ бельэтажа въ одномъ изъ обширныхъ домовъ на окраинѣ города. Домъ этотъ примыкалъ однимъ своимъ бокомъ къ старому гласису и былъ построенъ въ стилѣ, исчезнувшемъ почти одновременно съ крѣпостными оградами. Окна фасада выходили на великолѣпную улицу, уставленную роскошными дворцами въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого; черезъ эти промежутки видны были зеленныя верхушки еловаго лѣса.

Въ амбразурѣ окна стоялъ только-что вернувшійся изъ города артистъ съ сигарой въ зубахъ въ пальто и шляпѣ; шея его была тщательно укутана теплымъ шарфомъ—онъ долженъ былъ беречь свое драгоценное горло отъ малѣйшей простуды. Только-что онъ снялъ перчатки и небрежно бросилъ ихъ на стоявшую неподалеку японскую шкатулку, какъ кто-то тихонько постучался въ дверь.

Дальманъ медленно повернулся отъ окна. По своей величинѣ и причудливому убранству, комната, въ которой находился артистъ,

скорѣе походила на студію художника, чѣмъ на жилое помѣщеніе. Картины, статуетки, чучела птицъ виднѣлись по стѣнамъ и на этажеркахъ. Подушки, всевозможные сувениры, вышитыя рукави прекрасныхъ почитательницъ и ученицъ, были разбросаны по нѣсколькимъ диванамъ и кушеткамъ, предъ которыми разстланы были пятнистыя тигровыя кожи. Только два пожелтѣлые лавровые вѣнка и необыкновенно богатый гардеробъ, виднѣвшійся сквозь полуотворенную дверь гигантскаго шкафа *garçonnage*, занимавшаго чуть не третью часть комнаты, — заставляли догадываться объ истинной профессіи ея обитателя. Также не было тутъ недостатка въ большихъ зеркалахъ, предъ которыми актеръ могъ производить свои мимическія упражненія. Зеркалами-же были выложены и двѣ параллельныя боковыя двери, отражавшія въ себѣ цѣлую анфіладу такихъ-же фантастическихъ комнатъ.

Дверь тихо отворилась и въ комнату вошелъ высокаго роста старикъ. Его жидкіе волосы, окаймлявшія обширный, прекрасно развитой черепъ, были совершенно бѣлы, какъ усы и остро-конечная борода, придававшая его характерной фізіономіи что-то тонкое и проницательное. Такія головы часто встрѣчаются на портретахъ временъ тридцатилѣтней войны. Коричневый, нѣсколько поношенный сюртукъ, казался на немъ какимъ-то анахронизмомъ, и ему было-бы гораздо болѣе къ лицу эркебузъ, чѣмъ свертокъ ноть, виднѣвшійся въ эту минуту у него подъ мышкой.

— Извините пожалуйста, г. Дальманъ, проговорилъ вшедшій довольно грубымъ, но звучнымъ голосомъ. Наружная дверь была отперта, и потому...

— О, ничего, ничего, любезный Гартгаммеръ, вы знаете, я всегда радъ видѣть и васъ и вашу милую дочку. Жаль, жаль, что вы не захотѣли отдать мнѣ дѣвочку. Изъ такого прекраснаго матеріала можно-бы сдѣлать кое-что хорошее.

— Да, но не на мой вкусъ, сухо отвѣчалъ Гартгаммеръ, устремляя на актера косою, недоувѣрчивымъ взглядъ, пояснявшій еще лучше его отвязъ.

Дальманъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ.

— Ваше дѣло! Ваше дѣло! сказалъ онъ. Затѣмъ, перемѣняя тонъ, прибавилъ: — чѣмъ могу вамъ служить?

— У меня къ вамъ кое-что есть... Ахъ, чортъ возьми, куда-же я его дѣлю?

— Кого? Что?

— Письмо. Отъ г-жи Арнольдъ, что живетъ у Норн Мюленгофъ. Я принесъ ей ноты, которыя перекладывалъ для ея нѣжнаго голоса. Она стала пѣть, а я ей аккомпанировалъ на скрипкѣ... Ахъ вотъ оно наконецъ! Это она просила меня передать вамъ.

Дальманъ торопливо вскрылъ конвертъ, схватилъ записку и въ одно мгновеніе пробѣжалъ ее глазами.

„Очень благодарна... прошу больше не беспокоиться... консерваторія... нездоровье“... Ха, ха! А съ вами пѣла несмотря на нездоровье! Ну да ладно, мнѣ все равно, рѣшительно все-равно. Одной неблагоприятной работой меньше. Пусть-ка поищетъ волшебника, который изъ молодого котенка сдѣлаетъ тигрицу.

Во время этой саркастической тирады, весьма плохо маскировавшей изумленіе и раздраженіе знаменитаго артиста, не привычнаго получать такіе щелчки своему самолюбію, — старикъ Гартгаммеръ снова свертывалъ свои ноты, положенныя имъ, пока онъ искалъ записку Марцелины, на табуретку вмѣстѣ со шляпой.

— Знаете, любезный Дальманъ, сказалъ онъ съ сухой ироніей; — я подумалъ тоже самое, когда вы предложили мнѣ отдать вамъ на обученіе Мальхенъ. Котята выростутъ въ кошекъ, но не больше. Такъ лучше ужъ не производить надъ ними никакихъ опытовъ. Все равно тиграми не будутъ, а только, чего добраго, и свою кошачью шкурку испортятъ. Пусть-же мяукаютъ у себя за печкой. — Кстати, когда будете писать вашей почтеннѣйшей супругѣ въ Гамбургъ, то передайте ей мое низжайшее почтеніе! прибавилъ старикъ уходя.

Онъ не слышалъ подавленнаго проклятія и топанія ногъ заглушеннаго мягкимъ персидскимъ ковромъ, такъ какъ успѣлъ уже затворить за собой зеркальную дверь. Выйдя на площадку лѣстницы онъ долженъ былъ, однако, остановиться; сильный кашель душилъ его больную грудь. Когда онъ поднялся къ себѣ домой на пятый этажъ, то ироническая и довольная улыбка исчезла съ его губъ; исхудалое лицо его выражало только утомленіе и страданіе.

Не успѣлъ онъ дотронуться до звонка, какъ дочь отворила ему.

— Ты вѣрно ждала кого-нибудь? спросилъ старикъ, окидывая ее подозрительнымъ взглядомъ.

— Я слышала твой кашель, отвѣчала дѣвушка, и тотчас-же прибавила:— Августъ пришелъ и ждетъ тебя. Прикажешь накрыть на столъ?

— Конечно, накрывай. Если онъ хочетъ пообѣдать съ нами, то милости просимъ. Но стѣснятъ себя изъ за него мы не станемъ.

Онъ вошелъ въ маленькую прихожую, откуда видна была кухня, повѣсилъ на гвоздикъ пальто и шляпу и вошелъ въ жилые покои, составлявшіе такой рѣзкій контрастъ съ роскошнымъ помѣщеніемъ артиста, откуда онъ только-что вышелъ. По стѣнамъ лѣпилась скудная, старомодная мебель. Маленькія окна, выходившія на грязный дворъ, были на половину закрыты занавѣсками, защищавшими отъ любопытныхъ взоровъ, отчего тусклый свѣтъ, проникавшій сквозь нихъ, дѣлался еще тусклѣе. Дешовенькій піанино, нѣсколько пожелтѣлыхъ эстамповъ, изображавшихъ битвы и уличныя сцены изъ временъ сорокъ - восьмого года, составляли единственное украшеніе этого скромнаго жилища. Передъ жесткимъ, обитымъ волосяной тканью диваномъ, стоялъ простой деревянный столъ, покрытый бѣлой скатертью изъ грубаго холста. Посрединѣ возвышался маленькій графинчикъ съ краснымъ виномъ и подносъ съ ломтями хлѣба.

— Милости просимъ! обратился старикъ Гартгаммеръ къ сыну, стоявшему прислонившись спиною къ печкѣ, о которую грѣлъ руки.—Трюфелей и шампанскаго не найдешь, конечно, у стараго скрипача... Но чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Спасибо, батюшка. Я пришелъ въ эту пору только потому, что рассчитывалъ навѣрное застать тебя дома. Обѣдаю-же я, ты знаешь, гораздо позже.

— Да, да, это аристократичѣе. Ну какъ хочешь. Посиди съ нами за столомъ коли такъ.

Этимъ закончились взаимныя привѣтствія между сыномъ и отцомъ, причѣмъ руки ихъ чуть коснулись одна другой.

Всѣ усѣлись за столъ. Амали поставила приборы всѣмъ присутствующимъ, въ томъ числѣ и брату, и принесла изъ кухни миску съ супомъ.

— Спасибо, спасибо, отговаривался братъ.—Я зашелъ только на минутку посидѣть къ вамъ. У меня дѣло. Вотъ видите-ли.

батюшка, у васъ освободилась угловая комната, какъ мнѣ передавала Амели.

— Амели? Амели? перебилъ его отецъ. — Кто это такая? Здѣсь Мальхенъ! Такъ называй-же ее, какъ слѣдуетъ. Насколько мнѣ помнится, она родилась не во Франціи, а въ Германіи.

— Но батюшка, вѣшалась дочь, — мнѣ кажется, что въ этомъ вопросѣ и я имѣю нѣкоторый голосъ. Если я нѣмка по отцу, то мать моя была французенкой.

— Да, да, и лучшая изъ женщинъ. Она пошла за бѣднымъ изгнанникомъ, когда, мучимый тоской по родинѣ, онъ вернулся домой, получивъ амнистію. Амнистію, и ничего больше. Удивительное дѣло, какъ подумаешь! Люди, съ которыми мы сражались плечомъ къ плечу, которые находили тогда, что это ни вѣсть какъ прекрасно, теперь, когда имъ удалось выйти сухими изъ воды, спѣшатъ отвернуться и покрѣпче захлопнуть дверь предъ изгнанникомъ, возвращающимся домой послѣ многихъ лѣтъ страданій... Ну да Богъ съ ними!.. Не хочу портить себѣ аппетитъ, и въ воспоминаніе о твоей матери буду звать тебя, какъ тебѣ угодно.

Онъ протянулъ черезъ столъ руку дочери и та положила свою маленькую ручку въ его широкую ладонь. Однако, это сдѣлано было безъ той дѣтской нѣжности, которой, вѣроятно, ожидалъ старикъ, растроганный воспоминаніями. Во всемъ существѣ Амели было что-то жесткое и суровое.

Тѣмъ временемъ Августъ въ нетерпѣніи искрошилъ ножомъ кусочекъ хлѣба. По торопливости съ какой онъ воспользовался первой паузой, чтобы снова заговорить о своемъ дѣлѣ, можно было заключить, до какой степени ему скучны разглагольствованія старика.

— Угловая комната съ альковомъ, которую вы сдаете постояльцамъ, теперь освободилась, такъ не могу-ли я, батюшка, взять ее недѣли на двѣ для моей жены? Она хочетъ пріѣхать сдѣлать кое-какія закупки, послушать какъ я говорю въ палатѣ, побывать въ театрахъ...

— Да, да, послушать какъ ты говоришь въ палатѣ, съ нескрываемой ироніей замѣтилъ старикъ. — Но если для тебя самого комната оказалась слишкомъ скверной, то какъ-же ты хочешь помѣстить въ ней жену? Не лучше-ли тебѣ взять для нея номеръ въ гостинницѣ?

— Ахъ, батюшка, вольно-же вамъ истолковывать все въ дурную сторону! Комната вовсе не показалась мнѣ слишкомъ скверной. Я не хотѣлъ только быть вамъ въ тягость. Бромъ того — разстояніе... Вотъ почему я поселился въ гостиницѣ. Пожѣстить-же туда Бетти было-бы крайне неудобно. Не изъ-за дороговизны впрочемъ, а потому, что все почти время ей пришлось-бы проводить одной. Я слишкомъ занятъ, засѣданія, работы по комитету, клубъ... Бромъ того она хочетъ взять съ собою и дѣтей. Какъ-же быть съ ними, если ей вздумается пойти, наприимѣръ, въ театръ...

— Или въ палату тебя послушать, вставилъ отецъ. — Да, да, конечно... Нужно-же кому-нибудь присмотрѣть за дѣтьми. Мальхонъ для этого какъ разъ подходитъ. На то она и тетка. Не правда-ли?

— Я съ удовольствіемъ готова присмотрѣть за ними, папаша, сказала Амели. — Она только-что убрала супъ и принесла мясо и овощи.

— Если тебѣ это не удобно... проговорилъ обиженный тономъ Августъ, вставая съ своего мѣста, — то я какъ-нибудь устроюсь.

— Что-же ты такъ торопишься? Впрочемъ, править государствомъ дѣло не легкое, хотя у тебя всегда находится время зайти, когда тебѣ что-нибудь нужно.

Снѣгъ весь вспыхнулъ.

— Мнѣ кажется, что это случается не особенно часто, проговорилъ онъ съ чувствомъ уязвленного достоинства.

Однако, онъ снова усѣлся. Онъ сообразилъ какъ не пристало ему играть роль оскорбленнаго и, послѣ минутной паузы, прибавилъ добродушнымъ тономъ:

— Какъ-же мнѣ ходить часто, когда тебя никогда не застаешь дома? Даже по вечерамъ ты всегда занятъ. Сколько разъ просилъ я тебя, чтобъ ты хоть эту ляжку бросилъ.

— Чтобъ жить твоими подачками? рѣзко прервалъ его старикъ. — Ну нѣтъ. Если я брошу службу въ театрѣ, то ради своего здоровья, а не ради твоего тщеславія.

Августъ покраснѣлъ еще больше и нервно сталъ поправлять очки. Ему было крайне непріятно, что отецъ такъ безцеремонно выставилъ на видъ эгоистическія побужденія, руководившія имъ въ его сыновнихъ заботахъ. Да наконецъ, если-бы это и было

такъ, развѣ можно упрекать его за желаніе, чтобы на него не указывали пальцемъ и не говорили: „Смотрите, вотъ богатый человѣкъ, землевладѣлецъ, депутатъ, можетъ быть, что-нибудь еще, оставляющій своего отца пилить на второй скрипкѣ въ одномъ изъ театровъ предмѣстій!“ — Хоть-бы онъ по крайней мѣрѣ былъ-бы въ императорскомъ театрѣ — тамъ играютъ виртуозы! Но въ такихъ мѣстахъ старику Гартгаммеру не было мѣста; если-бы даже и удалось выхлопотать ему мѣстечко въ одномъ изъ оркестровъ императорскихъ театровъ, онъ, какъ упрямый республиканецъ, пожалуй, не принялъ-бы его!

ГЛАВА VIII.

Нѣсколько времени тому назадъ отецъ и сынъ лучше понимали другъ-друга. Теперь-же ихъ отношенія сдѣлались крайне натянутыми. Сынъ ждалъ всего отъ будущаго; отецъ жилъ весь въ прошедшемъ и держался за него съ упорствомъ септанта и мученика.

Впрочемъ, онъ былъ не совсѣмъ правъ, утверждая съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливости своихъ словъ, что сдѣлался жертвою революціи. Еще раньше онъ бросилъ университетъ, чтобы жениться на любимой дѣвушкѣ. Однако, революціонный годъ имѣлъ также не малую долю вліянія на его судьбу. Не оставляя намѣренія выдержать выпускной экзаменъ на кандидата правъ, молодой отецъ семейства занималъ мѣсто писмоводителя въ конторѣ одного адвоката, когда разразилось мартовское возстаніе. Гартгаммеръ сохранилъ еще всѣ свои связи съ студенческимъ міромъ и принялъ горячее участіе въ движеніи. Хотя онъ и не принадлежалъ къ числу предводителей, но дрался до самаго конца въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, былъ замѣченъ и по воцареніи реакціи его имя попало въ списки проскрипціи.

Его молодая жена отъ волненія и безпокойства умерла при вторыхъ родахъ. Оставивъ дѣтей у одной изъ ея родственницъ, Гартгаммеръ бѣжалъ подъ видомъ странствующаго скрипача и, счастливо ускользнувъ отъ преслѣдованій полиціи, добрался до Швейцаріи, а потомъ перекочевалъ въ Парижъ. Скрипка, которою онъ, будучи студентомъ, отдавалъ часы досуга, стала теперь

его единственнымъ богатствомъ. Она-то и дала ему возможность пристроиться въ чужомъ городѣ.

Потянулись долгіе годы изгнанія. Потомъ онъ добровольно продолилъ свое пребываніе въ странѣ, гдѣ нашелъ и кусокъ хлѣба. и новую семью. Въ бытность свою въ Парижѣ онъ вторично женился снова по страстной любви и снова на бѣдной дѣвушкѣ, которая для него рѣшилась покинуть свое отечество и переселиться въ Германію, куда Гартгаммера влекла непреодолимая тоска по родинѣ.

Изъ двухъ дѣтей, оставленныхъ имъ у родственниковъ первой жены, остался въ живыхъ только старшій мальчикъ. Но очень скоро вторая жена подарила ему дѣвочку. Мальчикъ между тѣмъ успѣлъ превратиться въ юношу и почти совсѣмъ забыть отца. Къ мачихѣ онъ тоже не выказывалъ никакой нѣжности, и росъ чужимъ въ семьѣ. Дядя, скромный ситцепечатникъ, воспитавшій его какъ сына, употребилъ всѣ свои силы, чтобы дать племяннику порядочное образованіе, такъ-какъ тотъ выказалъ самое непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода ремесленной работѣ. И Августъ вознаградилъ дядю за всѣ жертвы; не было юноши, который заслужилъ-бы столько похвальныхъ отзывовъ отъ учителей за прилежаніе, способности и хорошее поведеніе. На своемъ смертномъ одрѣ добродушный, но ограниченный старикъ, не знавшій мѣры своему восхищенію предъ талантливымъ племянникомъ, предсказалъ ему великую будущность и объявилъ, что гордится тѣмъ, что положилъ ей прочное основаніе своими усиліями. Однако, онъ могъ оставить въ наслѣдство молодому доктору, мѣтившему въ профессора, ровно столько, сколько нужно было, чтобы купить ему траурный флеръ и черные перчатки.

Отецъ помогалъ сыну нѣкоторое время, пока тотъ не сталъ совсѣмъ на ноги. Но многого сдѣлать для него онъ не могъ. Мечты объ артистической карьерѣ, о „волшебной скрипкѣ“, лелѣяныя имъ въ юности, не осуществились. Слишкомъ поздно сталъ онъ работать, чтобы придать своимъ пальцамъ волшебную ловкость, гибкость и вѣрность; только съ помощью этихъ качествъ возможно познать душу упрямаго инструмента и превратить скрипку въ покорную и вѣрную рабу своего господина, которая рыдаетъ, смѣется, трепещетъ и ликуетъ по одному мановенію его руки. — Онъ остался простымъ скрипачемъ и мѣсто капельмейстера въ

одномъ маленькомъ французскомъ театрѣ было апогеемъ его артистической карьеры. — Онъ думалъ, что возвращеніе на родину разбудитъ въ немъ дремлющія силы. Но и этимъ надеждамъ суждено было разсѣяться въ прахъ. Онъ остался на родинѣ такимъ-же музыкантомъ - чернорабочимъ, какимъ былъ въ изгнаніи, и тянулъ свою лягу по старой привычкѣ, по недостатку энергии, которая мало-по-малу совершенно незамѣтно для него самого какъ-то уснула. Въ канцелярской работѣ онъ чувствовалъ глубочайшее отвращеніе, а между тѣмъ мѣсто въ оркестрѣ давало ему такъ мало, что рѣшительно не возможно было сводить концы съ концами; онъ долженъ былъ всегда искать частныхъ уроковъ и не брезгалъ даже перепиской нотъ.

Въ этой-то непрерывной и тяжелой борьбѣ изъ-за куска хлѣба онъ мало-по-малу состарился. Жена его умерла и заботы по скромному хозяйству перешли на руки подросшей дочери. Съ этого времени единственная мечта старика состояла въ томъ, чтобы увидѣть пристроенною еще при своей жизни дочь, на которой сосредоточилась вся нѣжность его потухающаго сердца. Онъ чувствовалъ, какъ быстро силы оставляютъ его. Жестокая боль въ груди, кашель, душившій его послѣ длинныхъ концовъ по городу, показывали, что ему не долго осталось жить и ему хотѣлось безъ угрызения совѣсти сложить, наконецъ, свои утомленные руки.

Надежда, что сынъ поможетъ ему въ осуществленіи мечты о дочери до сихъ поръ оказывалась безплодной. Правда, отъ времени до времени Августъ приглашалъ сестру погостить въ Шарбицѣ на недѣлку-другую. Но ни однимъ словомъ онъ не выражалъ намѣренія взять на себя заботу о ея будущемъ. — Что-же касается Амели, то она никогда не любила брата. Послѣ известной сцены изъ-за поручика Брока, отношенія ихъ стали даже враждебными.

Была, впрочемъ, другая, болѣе глубокая, причина, вызвавшая между отцомъ и сыномъ сперва охлажденіе, потомъ даже нѣчто похожее на вражду — это все болѣе и болѣе выступавшее наружу различіе въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ, обозначившееся съ особенной рѣзкостью послѣ выбора Августа въ депутаты парламента. По пріѣздѣ его въ столицу между отцомъ и сыномъ происходили нерѣдко самыя ожесточенныя стычки, причемъ старикъ не щадилъ ни самолюбія, ни гордости молодого депутата.

— Я отлично понимаю, — сказала скрипачъ, замѣтивъ, что слова его задѣли Августа за живое, — какъ тебѣ должно быть неприятно, что твой отецъ не хочетъ измѣнить своей скрипкѣ и сорокъ-восьмому году. Но что тутъ подѣлаешь? Не даромъ говорится, что горбатого только могла исправить.

— На сколько мнѣ помнится, я никогда не пытался склонять тебя ко второму, обидчиво возразилъ Августъ. Ты всегда говоришь со мной, точно я засѣдаю на крайней правой.

— Можетъ, и это случится когда-нибудь. То-ли еще бываетъ! По крайней мѣрѣ, выборомъ своимъ ты вѣдь обязанъ тѣмъ, которые плоть отъ плоти и кость отъ костей этой самой крайней правой.

— Позволь съ тобой не согласиться. Мнѣ кажется, что своимъ выборомъ я обязанъ прежде всего самому себѣ...

Періодъ, когда Августъ подъ вліяніемъ чрезмѣрной скромности разыгрывалъ „пораженнаго неожиданностью“ и „колеблющагося“ давно прошелъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ доктора, такъ безжалостно гонимый нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, снова появился на его визитныхъ карточкахъ. Ему казалось, что на теперешнемъ его поприщѣ, среди массы „докторовъ“ и „профессоровъ“, такое свидѣтельство его образованности будетъ вовсе не лишнимъ.

— Не грѣша противъ скромности, продолжалъ онъ, — могу сказать, что среди кандидатовъ, выставленныхъ въ нашемъ округѣ — не слишкомъ, впрочемъ, многочисленныхъ — я былъ не послѣднимъ. Впрочемъ, объ этомъ говорить не стоитъ. Главное въ томъ, что рѣчами въ парламентѣ я, кажется, разсѣялъ инсинуаціи, пущенныя злонамеренными людьми насчетъ моего образа мыслей и показалъ, что всегда стою на сторонѣ свободы и прогресса.

— Свободы? Прогресса? Да, да, въ томъ смыслѣ, какъ вы теперь понимаете. Свободы каждому быть солдатомъ; прогресса — въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ съ государственной гарантіей, съ цѣлью набить карманы нѣсколькихъ финансовыхъ воротилъ на счетъ беззащитнаго народа. Не правда-ли? И это вы называете свободой и прогрессомъ! — О, въ наше время эти вещи понимались иначе. Смотри! Вотъ какъ мы боролись за свободу и вотъ люди, которые за нее сложили головы.

Старикъ закашлялся отъ волненія и указалъ на рядъ эстамповъ, висѣвшихъ на стѣнахъ.

Пока онъ справлялся съ мучительнымъ припадкомъ своего недуга,

Августъ успѣлъ подавить въ себѣ вспыхнувшее-было желаніе горячо возразить отцу. Какъ-будто сознавая безцѣльность всякихъ возраженій, онъ забарабанилъ по столу ножомъ.

— На все свое время, проговорилъ онъ съ небрежнымъ спокойствіемъ. — Идемъ выясняются при болѣе внимательномъ изученіи...

— Вы такъ усердно ихъ изучали, что отъ усиленной работы сдѣлались близоруки и не видите, что вы, защитники свободы, дѣйствуете на руку милитаризму и финансовой аристократіи, которой помогаете обирать народъ.

Августъ быстро откинулъ голову назадъ.

— Современное государство нуждается въ иныхъ силахъ и средствахъ, чѣмъ воображало прошлое поколѣніе мечтателей-идеалистовъ.

— Но у нихъ былъ по крайней мѣрѣ идеаль...

— Тоторій мы сохраняемъ вполнѣ, замѣнивъ только романтическія средства къ его достиженію реальными.

— Ты думаешь? перебилъ старикъ. — На самомъ-же дѣлѣ ты дѣйствуешь противъ этого идеала. — Да! Если-бы ты прямо и открыто примкнулъ къ какой-нибудь партіи, вмѣсто того, чтобы вилать между нѣсколькими. — Старикъ снова закашлялся, а сынъ только презрительно пожалъ плечами. — Но ты мечтаешь стать выше партіи и потому садишься между двумя стульями. Тебя ослѣпляетъ твое безмѣрное самолюбіе и ты не видишь, что становишься игрушкой въ рукахъ другихъ. Берегись! Выжатый лимонъ бросаютъ въ покойную яму!

— Ну нѣтъ, меня не такъ-то легко выбросить! вскричалъ Августъ, вставая съ своего мѣста, на этотъ разъ съ твердымъ намереніемъ прекратить непріятный разговоръ и распрощаться. Лицо его выражало раздраженіе, губы искривились. — Я очень хорошо вижу, что противъ меня ведутся интриги. Меня хотять затереть, отодвинуть на задній планъ, потому-что я отбилъ мѣсто у ихъ кандидата. Но это имъ не удастся. Они только доведутъ меня до открытаго заявленія, что я выхожу изъ партіи, и чья возьметъ мы еще посмотримъ.

— Посмотримъ! повторилъ какъ эхо отецъ, отхлебывая вино изъ стакана.

— Ну такъ какже, сказалъ Августъ держась за шляпу, — могу

я рассчитывать на угловую комнату? Даромъ я не хочу. Назначь столько, сколько со всякаго другого постояльца.

— Да, да... проворчалъ недовольнымъ тономъ старикъ.— Ты ничего не хочешь принять отъ отца, даже добраго совѣта. Впрочемъ, какъ хочешь... А о комнатѣ переговоры съ сестрой. Пусть это пойдетъ ей на приданное.

— На приданное? Такъ ты, стало-быть, далъ свое согласіе на этотъ съумасшедшій бракъ?

Августъ сталъ, осматриваться, ища Амели. Но ея не было; убравъ со стола, она тихонько вышла изъ комнаты.

— Я не давалъ согласія, но и не могъ запретить. Что бы ты сказалъ, если-бы я заявилъ свой протестъ противъ твоей женитьбы на Бетти фонъ-Лангенекъ?

— Я? О, это совсѣмъ другое дѣло.

— Она думаетъ то-же самое про себя! съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ старикъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только пожелать ей всякаго благополучія! съ гнѣвомъ вскричалъ Августъ, бросаясь къ двери.

Горькая улыбка скользнула по губамъ старика. Онъ подошелъ къ дивану и медленно опустился на него, рассчитывая отдохнуть послѣ обѣда. Но онъ не сомкнулъ глазъ и если-бы кто-нибудь вздумалъ взглянуть на подушку, то замѣтилъ-бы на ней два мокрыхъ пятна.

ГЛАВА IX.

Ранніе февральскіе сумерки уже освѣщались газовыми рожками. У одного изъ нихъ Августъ остановилъ своего собесѣдника, желая лучше разсмотрѣть выраженіе его лица.

— Вы, кажется, избѣгаете меня Зоненштейнъ? проговорилъ онъ. Но вопросъ его остался безъ отвѣта. Лицо банкира оставалось невозмутимо спокойнымъ.

Съ самодовольнымъ выраженіемъ жуира послѣ хорошаго обѣда курить онъ свою сигару, въ то время, какъ Гартгаммеръ почти совершенно изг рызъ свою. Закутавшись въ мягкіе мѣха, хотя надворѣ было не особенно холодно, банкиръ лѣниво продолжалъ путь по широкому

троттуару, окидывая отъ времени до времени бѣглымъ взглядомъ сквозь рѣшетку проходившихъ мимо женщинъ.

— Съ чего вы взяли? Если-бы я хотѣлъ васъ избѣгать, то развѣ пригласилъ-бы къ себѣ на обѣдъ? Вы, вѣроятно, съѣли слишкомъ большой кусокъ страсбургскаго паштета. Это обременяетъ желудокъ и производитъ дурное расположеніе духа.

Зоненштейнъ засмѣялся собственной шуткѣ. Но собесѣдникъ его, повидимому, вовсе не былъ расположенъ къ веселости, потому-что тонъ его сдѣлался еще рѣзче и раздражительнѣе.

— Сколько разъ я къ вамъ не заходилъ, васъ никогда нѣтъ дома. Все „уѣхалъ по дѣламъ и неизвѣстно когда вернется!“ Наконецъ, вы меня приглашаете, я думаю, что вы представляете мнѣ случай объясниться: вмѣсто того вы сажаете меня за столъ съ дюжиной незнакомыхъ людей, гдѣ нѣтъ возможности сказать толковаго слова.

— Это очень лестно для моей жены, съ которой вы сидѣли рядомъ... Но не могъ-же я бросить своихъ гостей, прежде чѣмъ подали кофе и уйти съ вами въ кабинетъ? Да и что я могу еще для васъ сдѣлать?

— Не водить меня за носъ—не вилять туда и сюда! сказала Гартгаммеръ, раздраженный небрежнымъ тономъ банкира.—Отвѣтить мнѣ, наконецъ, категорически, правда-ли, что вѣтвь желѣзной дороги не проходитъ черезъ Зонабургъ, какъ вы мнѣ обѣщали.

— Я вамъ это обѣщала?.. Чтожъ, можетъ быть. Мало-ли чего не обѣщаешь! Но посудите сами, при чемъ-же я, если инженеры, геологи, военное министерство, однимъ словомъ, всѣ противнаго мнѣнія? Для меня интересенъ вопросъ объ осуществленіи этой постройки вообще съ финансовой точки зрѣнія. Что касается этого, то дѣло идетъ какъ по маслу. Но детали? Помилуйте! Развѣ это мое дѣло? Обратитесь къ тѣмъ, кто этимъ завѣдуетъ.

— Если-бы вы сказали это мнѣ раньше...

— То вы не подали-бы голоса за эту постройку? прервалъ его Зоненштейнъ съ ехидной улыбкой.—Но голосъ свой вы уже подали, дружище. Дѣло сдѣлано и назадъ не воротитиш!..

— Нѣтъ! вскричалъ Гартгаммеръ, бросая на хихикавшаго Зоненштейна взглядъ, полный ненависти и презрѣнія.—Я не прощаю своихъ убѣждений. Я подаю голосъ за дорогу, потому-что

нахожу ее полезной. Но я не купилъ-бы на аукціонѣ того куска земли Арнольда, который долженъ былъ отойти подъ вокзалъ Зонабургской станціи.

— Ахъ, Боже мой! Всякая спекуляція можетъ принести барыши или убытки.

— Но вы знаете отлично, что я сдѣлалъ это не для спекуляціи, а для того, чтобы не допустить непоумѣрнаго поднятія цѣны на землю, на случай, если-бы она попала къ перекупщикамъ.

— Да, да, вамъ хотѣлось заслужить гражданскую корону. Что-жъ, это своего рода спекуляція. Но вѣдь дѣло еще не пропало. Это вы всегда можете сдѣлать. Знаете, что я вамъ посоветую? Подарите вы эту землю зонабургцамъ съ тѣмъ, чтобы тамъ развели общественный паркъ. Аллеи, зеленныя рошцы, живописныя и укромныя тропинки, гдѣ приказчики и писаря въ сумеркахъ могутъ любезничать съ горничными. А посрединѣ — обелискъ съ золотой надписью: „великодушному и безкорыстному жертвователю и почетному гражданину доктору Августу Гартгаммеру—благодарное отечество“ и т. д. Это возможно, увѣраю васъ.

Гартгаммеръ въ бѣшенствѣ закусилъ губы.

— Къ сожалѣнію, я вовсе не расположенъ смѣяться вашимъ шуткамъ.

— Очень жаль! равнодушно сказалъ Зоненштейнъ, выпуская клубъ дыма.

— Позволю себѣ обратиться къ вамъ съ небольшою просьбой: вы меня очень обяжете, если согласитесь на нарушеніе моего контракта.

— Радъ-бы, но дѣла остаются дѣлами.

— Такъ, но есть дѣла, которыя бываетъ очень неприятно выставлять на свѣтъ Божій.

— Что это? Угроза! Вотъ какъ!

Равнодушное лицо банкира въ одно мгновеніе преобразилось. Лобъ его нахмурился, въ маленькихъ глазахъ сверкнули огоньки; ротъ искривился злою усмѣшкою. Онъ остановился и, повернувшись всѣмъ туловищемъ къ Гартгаммеру, проговаривалъ, смотря ему прямо въ упоръ:

— Въ такомъ случаѣ позволю себѣ предупредить васъ объ одномъ: у меня правило — вести банковыя дѣла только съ друзьями. Если вы находите, что таковыми мы быть не можемъ,

то объявите это на чистоту, чтобы намъ играть въ открытую. Я къ вашимъ услугамъ. Вамъ стоитъ только сказать слово, и я тотчасъ-же прикажу составить вамъ счетъ и завтра-же буду имѣть честь представить его на ваше усмотрѣніе...

Угроза, повидимому, обратилась теперь противъ угрожавшаго. Послѣ короткой, но многозначительной паузы Гартгаммеръ про-бормоталъ, что слова его были дурно поняты.

— Вы знаете, прибавилъ онъ, — что пока я не могу обойтись безъ вашей дружеской поддержки... Мнѣ невозможно вернуться домой до окончанія сессіи. Расходы-же по выборамъ...

— О, я всегда къ вашимъ услугамъ, прервалъ его банкиръ самымъ любезнымъ тономъ. — Что-же касается дороги, то на вашемъ мѣстѣ я-бы составилъ громадный протестъ со всевозможными техническими, географическими и политико-экономическими аргументами, пустилъ-бы въ ходъ все свое вліяніе, чтобы заставить возвратиться къ первоначальному плану постройки. Этими вы меня нисколько не обидите. Какъ я уже сказалъ вамъ въ самомъ началѣ, такіа мелочи для меня совершенно безразличны.

— Вы шутите! съ горькой ироніей возразилъ Гартгаммеръ. — Вы говорите о вліяніи, какъ-будто я имъ пользуюсь, о протестѣ, какъ-будто его нельзя перекричать или убить молчаніемъ. Развѣ вы не замѣчаете, что я окруженъ врагами? Интрига проникла и въ редакціи газетъ, упорно закрывающихъ для меня свои страницы, въ стенографическое бюро, передающее мои рѣчи въ сокращенномъ и извращенномъ видѣ. Меня ни разу не выбрали ни въ одну желѣзнодорожную комиссію. Очевидно, противъ меня существуетъ тайный заговоръ, который всегда составляется между всѣми властью имѣющими противъ новаго человѣка, грозящаго пошатнуть ихъ вліяніе. Ну, да мы еще посмотримъ! Они почти насильно толкаютъ меня къ враждебной имъ партіи!

— Ну, это ужъ ваше дѣло, любезный другъ. Это меня не касается. Мы посадили васъ на коня. Вѣдять должны вы сами... Однако, извините, я долженъ съ вами распрощаться. Мы дошли какъ-разъ до квартиры одного моего пріятели. Мнѣ необходимо зайти къ нему по очень важному дѣлу. Извините еще разъ. Въ другой разъ мы переговоримъ на досугъ подробнѣе. Честь имѣю кланяться!

Съ невыразимой ненавистью Гартгаммеръ смотрѣлъ въ слѣдъ

человѣку, который такъ ясно далъ ему почувствовать свое презрѣніе. Ему невольно пришло на умъ замѣчаніе отца о выжатомъ лимонѣ, высказанное нѣсколько недѣль тому назадъ.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, его такъ скоро вышвырнули? Ну, нѣтъ! Этотъ наглый и дерзкій мѣшокъ, набитый золотомъ, еще почувствуетъ его силу. Еще немножко терпѣнія, пока цѣль не достигнута—а она будетъ, она должна быть достигнута—и тогда... о, какъ онъ отомститъ тогда за всѣ вынесенныя имъ униженія! По счастью, Гартгаммеръ не слышалъ, какъ удалявшійся собесѣдникъ назвалъ его въ полголоса дуракомъ. Въ противномъ случаѣ, въ немъ проснулась-бы жажда мести немедленной, необдуманной, которая обрушилась-бы на его голову.

Зоненштейнъ вошелъ въ ворота ближайшаго дома.

Поднявшись въ первый этажъ, онъ вынулъ изъ кармана жилета маленькій ключикъ и, осторожно отворивъ двери, вошелъ въ довольно просторную прихожую.

Горничная, занятая развѣшиваніемъ платьевъ, слегка вскрикнула, завидѣвъ банкира.

— Ахъ, Боже мой, какъ вы меня испугали баринъ! Сердце такъ и бьется; я подумала, что воры. Теперь все о нихъ пишутъ въ газетахъ!

Зоненштейну стоило нѣкотораго труда заставить ее замолчать.

— Барышня не должна знать, что у меня есть ключъ отъ квартиры... тихо сказалъ онъ, отдалъ ей шубу и подошелъ къ зеркалу.

— Что дѣлала сегодня барышня? спрашивалъ онъ, поправляя брилліантовую булавку въ галстухъ, приглаживая парикъ и расчесывая карманнымъ гребешочкомъ свои „котлетки“.

— О, мы убирали квартиру, и она все время пѣла. Она потомъ всплакнула и снова пѣла.

— Да? Отлично! подумалъ Зоненштейнъ. Онъ съ самодовольствомъ осмотрѣлся въ зеркало. Затѣмъ сунулъ въ руку горничной золотую монету и, въ отвѣтъ на ея поклонъ и благодарности, повторилъ ей наставленіе продолжать свою службу съ усердіемъ и скромностью, общая и впредь не оставлять ее своими милостями.

Тихонько, на ципочкахъ, какъ современный фавнъ, подкрадывающійся къ спящей нимфѣ, подошелъ онъ къ двери и, прежде

чѣмъ войти, слегка пріотворилъ ее и осторожно просунулъ въ комнату свою лисью голову.

Наконецъ, въ полумракѣ онъ замѣтилъ ту, которую искалъ.

Она сидѣла передъ бѣлой изразцовой печью, освѣщенная красноватымъ отблескомъ горящаго угля и неподвижно смотрѣла въ огонь.

Очевидно, она задумалась очень глубоко, потому-что совершенно не замѣтила, какъ Зоненштейнъ пріотворилъ дверь и подкрался кошачьими шагами къ самому ея стулу. Только, когда банкиръ наклонился къ ней, такъ-что губы его почти касались ея волосъ, она съ испугомъ вскочила и инстинктивно бросилась къ двери.

— Ха, ха, ха! Испугаль! Испугаль! смѣялся онъ.—Гдѣ летали мысли? За облаками?

— Ахъ, это вы! проговорила Марцелина, и голосъ ея оборвался. Она была такъ взволнована, что продолжала пятиться къ двери.

— Мина, лапу! крикнула она и только тогда, когда освѣтилась комната, она настолько успокоилась, что могла протянуть руку гостю и со смѣхомъ поздороваться съ нимъ.

— Ахъ, какая я институтка! воскликнула она.—Никогда-бы я не повѣрила, что въ одиночествѣ сдѣлаюсь такой пугливой.

— Вамъ не слѣдуетъ по долгу оставаться одной. Для меня будетъ величайшимъ удовольствіемъ проводить съ вами столько времени, сколько вы позволите.

Любезный и почти нѣжный тонъ, какимъ было сдѣлано это предложеніе, произвелъ, однако, на Марцелину не особенно благоприятное впечатлѣніе. Страхъ ея, повидимому, еще не совсѣмъ прошелъ.

— Вы такъ заняты... Съ моей стороны было-бы величайшимъ згоизможъ злоупотреблять вашей добротой. Ужь лучше-бы мнѣ остаться въ такомъ случаѣ у Норы...

Горничная тѣмъ временемъ ушла. Лампа разливала въ комнатѣ свой яркій, ровный свѣтъ. Марцелина мало-по-малу успокоилась и перешла на болѣе дружескій и задушевный тонъ. Быть можетъ, этому въ значительной степени содѣйствовала и обстановка комнаты, возбуждавшая въ молодой дѣвушѣ столько трогательныхъ воспоминаній.

— Мнѣ будетъ очень пріятно, сказала она, снова протягивая

Зоненштейну руку, — если вы кое-когда зайдете навѣстить меня. Затѣмъ еще болѣе дружескимъ тономъ она прибавила:

— Теперь-же позвольте мнѣ поблагодарить васъ отъ души за ту частицу моего свѣтлаго прошлаго, которую вы мнѣ возвратили.

Она окинула взглядомъ комнату, походившую, какъ двѣ капли воды на ту, которую она называла въ Мартинсбадѣ своимъ „гнѣздышкомъ“. Тѣ-же обои, тѣ-же ковры, тѣ-же шторы; даже книги и мелочи, вродѣ пепельницы, ножныхъ скамеечекъ, не были забыты. Казалось, вся комната была перенесена по мановенію волшебнаго жезла изъ Мартинсбада въ столицу. Самъ-же благодѣтельный волшебникъ стоялъ, ослабившись, передъ обитательницей этого милаго гнѣздышка и держалъ въ своей рукѣ ея маленькую ручку такъ крѣпко, какъ-будто никогда не хотѣлъ ее выпустить больше.

Нѣсколько дней тому назадъ Зоненштейнъ объявилъ Марцелинѣ, что по его усиленнымъ просьбамъ онъ назначенъ ея опекуномъ и что ему удалось спасти часть громаднхъ богатствъ ея отца. Часть эта не велика, но достаточна, чтобы обезпечить ей независимое существованіе. Такъ-какъ она заявила, что не нахѣрена покидать артистическаго поприща, то онъ предложилъ устроить ей маленькую квартирку, гдѣ она будетъ полной хозяйкой. Марцелина съ радостью приняла это предложеніе. Она не желала быть въ тягость Норѣ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время отношенія ихъ сдѣлались очень натянутыми. На новой своей квартирѣ Марцелина замѣтила приготовленный ей сюрпризъ. Сперва видъ столь знакомыхъ предметовъ возбудилъ въ ней безпредѣльную тоску; но потомъ это чувство смѣнилось тихой и сладкой грустью. Она стала думать о добромъ, безгранично нѣжномъ свисходительномъ ко всѣмъ ея капризамъ отцѣ, который сыпалъ золото горстями, чтобы удовлетворить малѣйшей ея прихоти. Ей припоминались веселые и счастливые дни, проведенные въ ея роскошномъ „гнѣздышкѣ“. Каждая вещь вызывала въ ея памяти картины прошлаго, какъ пріятныя, такъ и тяжелыя. Можетъ быть, смотря пристально въ огонь, она видѣла разыгравшуюся при такой-же обстановкѣ, бурную сцену, которую вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ она тщетно старалась изгнать изъ своей памяти. Конечно,

не образъ Зоненштейна носился въ ея воображеніи въ ту минуту, когда его появленіе заставило ее вскочить въ испугъ.

Благодарность Марцелины глубоко тронула Зоненштейна.

— О, еслибъ вы знали, воскликнулъ онъ, — какъ я счастливъ, что мнѣ удалось приобрести всѣ эти вещи. Я многое далъ-бы, чтобы видѣть васъ въ ту минуту, когда вы переступали черезъ этотъ порогъ. Но мнѣ было невозможно. Я слишкомъ занятъ былъ сегодня. Но все-таки я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи забѣжать къ вамъ на минутку, чтобы увидеть на вашемъ лицѣ хоть остатокъ впечатлѣній...

— Я очень тронута вашимъ нѣжнымъ вниманіемъ...

— Потому-что не считали меня способнымъ къ нему, признайтесь?

— Я не то хотѣла сказать, отвѣчала Марцелина уклончиво. — Конечно, я этого не могла ожидать. Всѣ эти бездѣлки стоятъ, вѣроятно, огромныхъ денегъ. Къ тому-же онѣ такъ мало соотвѣтствуютъ теперешнему моему положенію...

— О, помилуйте, можно-ли объ этомъ думать?

— По всей вѣроятности, продолжала Марцелина, — даже въ томъ случаѣ, если мнѣ удастся получить ангажементъ, на первое время придется довольствоваться весьма небольшимъ жалованьемъ и я сильно сомнѣваюсь, останусь-ли еще въ столицѣ. Табуя-же палатку, какъ эта, не такъ-то легко снять и разбить снова, какъ цыганскій шатеръ.

— Вы сомнѣваетесь, останетесь-ли вы здѣсь? воскликнулъ Зоненштейнъ. — О, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Вы останетесь, вы должны остаться. Мы все уладимъ, будьте спокойны. Довѣртесь только мнѣ и позвольте быть вашимъ импрессарио. О вашемъ положеніи тоже не беспокойтесь. Оно будетъ прекрасно, блестяще и завидно. То, что вы здѣсь видите, лишь начало. Вы назвали это нѣжнымъ вниманіемъ; позвольте-же мнѣ выказать вамъ его и впредь. Есть картины, оставлять которыя въ темномъ закоулкѣ какого-нибудь чердака — преступленіе противъ генія искусства. Имъ нужны галереи, залитыя свѣтомъ, рамки, изваянные изъ золота и усыпанные жемчугомъ. Всякій, въ комъ есть хоть искра эстетическаго чувства, сочтетъ себя счастливымъ, если ему удастся убрать какъ святилище мѣсто, гдѣ хранится дивное произведеніе, предъ

которымъ онъ можетъ преклонять колѣни въ безпредѣльномъ восторгѣ.

Марцелина должна была почти насильно вырвать руку, которую Зоненштейнъ сжималъ въ обѣихъ своихъ рукахъ и пытался уже прижать къ сердцу. Онъ снова подошелъ къ ней такъ близко, что она чувствовала на лицѣ своемъ его дыханіе. Она вынула носовой платокъ и подъ вліяніемъ инстинктивной брезгливости вытерла себѣ щеки и губы. Глаза ихъ встрѣтились и Зоненштейнъ мгновенно замолчалъ.

— Это едва ли можетъ относиться ко мнѣ, строго проговорила она, прерывая его изліянія. Она испытывала изумленія подобное тому, какъ если-бы вѣрный добродушный пудель, лежавшій у ея ногъ, внезапно превратился въ волка.

Но нѣтъ, она ошиблась. Или, можетъ быть, Зоненштейнъ понималъ, что зашелъ слишкомъ далеко? Ничего волчьего не было замѣтно въ этой ласково ухмылявшейся физиономіи.

— Правда, правда, сказалъ онъ, весело кивая, — сравненіе мое не совсѣмъ удачно. Я употребилъ его только потому, что ничего лучшаго не пришло въ голову. Впрочемъ, всѣ искусства дѣти одной семьи и я не вижу, почему живопись нужно отличать отъ музыки.

Онъ началъ болтать объ искусствѣ, потомъ перешелъ къ артистамъ, къ новостямъ театральнаго и высшаго свѣта и ко всякой всячинѣ. Марцелина совершенно забыла всѣ свои подозрѣнія, слушая эту блестящую остроумную рѣчь, дѣлавшую Зоненштейна такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Часто онъ заставлялъ ее хотать до слезъ, потомъ переходилъ въ отечески-наставительный тонъ, заговаривалъ о ея будущей карьерѣ, давалъ прекрасные практическіе совѣты. Марцелица не замѣтила какъ пролетѣло время и ей стало даже жаль, когда онъ сталъ прощаться.

— Вы говорите отъ души? Скажите — отъ души? допрашивалъ Зоненштейнъ въ отвѣтъ на лестное „уже?“ Марцелины. Теперь послѣ цѣлаго вечера болтовни въ первый разъ въ его голосѣ снова прозвучали болѣе задушевные ноты. — Скажите, вамъ въ самомъ дѣлѣ жаль, что я ухожу?

— Потому, что я опять останусь одна.

— О, вамъ стоитъ только сказать слово и я останусь.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала она съ хохотомъ, я хочу поучиться одиночеству.

— Но вы позволите мнѣ нарушать его отъ времени до времени? Вы мнѣ что-нибудь споете, сыграете? Можетъ быть, даже позволите разсказать двѣ-три глупости въ награду за чашку чаю?

— О, при такой мнѣ я останусь въ убыткѣ. За чашку чаю мнѣ пріятіе получить умное слово.

Зоненштейнъ ушелъ, поцѣловавъ ей руку на прощаніе. Этотъ поцѣлуй оставилъ въ ней непріятное воспоминаніе; онъ сопровождался взглядомъ, разбудившимъ на минуту ея недоувѣріе. Однако, это впечатлѣніе скоро изгладилось. Если Зоненштейнъ и увлекается иногда слишкомъ далеко своей страстью къ ухаживанію, то все-же онъ милый и добрый человѣкъ и съ ея стороны было-бы глупымъ жеманствомъ сердиться на него за такія мелочи. Достаточно держать его въ уздѣ; это она всегда съумѣетъ сдѣлать.

Марцелина сѣла за фортепiano и, увлеченная игрой, не слышала звонка, раздавагося въ передней.

Вошла Нора въ elegantномъ бальномъ туалетѣ. Она пришла провѣдать свою пріятельницу, взглянуть какъ она устроилась на своемъ новосельѣ и спросить, не поѣдетъ-ли она смотрѣть новую французскую пьесу. Карета ждетъ внизу. — Ахъ, здѣсь все мартинсбадское! Мебель, ковры, все... На это убитъ цѣлый маленькій капиталецъ. Какая щедрость!

— Впрочемъ, прибавила она, это меня не удивляетъ и я на тебя не думаю сердиться. У меня слишкомъ доброе сердце.

Марцелина не могла понять истиннаго значенія этихъ словъ, но онѣ поразили ее своей странностью. Въ тонѣ голоса Норы, въ ея принужденной улыбкѣ, въ манерѣ, съ какой она вошла и осматривала комнату, было что-то непріятное, отталкивающее.

Зоненштейнъ объявилъ Марцелинѣ о томъ, что квартира готова только наканунѣ; Нора, игравшая въ этотъ вечеръ, не присутствовала при разговорѣ и только вечеромъ вскользь узнала объ этомъ. Утромъ, когда Марцелина переѣзжала, Нора еще спала. Такимъ образомъ, онѣ не видались и Марцелина ограничилась маленькой прощальной записочкой. Разлука доставила обоюдное удовольствіе; между пріятельницами давно пробѣжала черная кошка. Впрочемъ, формальной ссоры не было; Марцелина собиралась навѣстить свою пріятельницу на слѣдующій день; Нора предупредила ее. Но съ перваго-же

взгляда легко было замѣтить, что она въ какомъ-то странномъ, враждебномъ настроеніи, тщетно скрываеюмъ подъ маской равнодушія и даже усталости.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, Нора опустилась въ кресло.

— У тебя были гости? сказала она, замѣтивъ на столѣ чайный приборъ. Какъ видно, ты ужъ не такъ одиноко проводишь свои вечера, какъ бывало у меня? Твой трауръ, вѣроятно, кончился? Не поѣдешь-ли въ такомъ случаѣ со мной въ театр? Баронъ Трейбахъ прислалъ мнѣ ложу. Послѣ спектакля будетъ маленькій ужинъ у Лилы. Совѣтую ѣхать. Тамъ будетъ два твоихъ поклонника. Одинъ изъ нихъ графъ Царкани... Жанета мнѣ все разболтала. О, не вскидывай пожалуйста такъ гордо голову! Я отлично понимаю, что при выборѣ молодой гусарь долженъ былъ потерпѣть фіаско. Онъ солдатъ: сегодня здѣсь, завтра тамъ. Это дѣло не вѣрное.

— Я тебя рѣшительно не понимаю! воскликнула Марцелина.

Нора презрительно усмѣхнулась.

— Еще-бы тебѣ понимать! Ты такъ невинна! Но неужели ты думаешь, что обманешь кого-нибудь своей напускной скромностью? Если-бы я не была такъ добродушна, то имѣла-бы право сказать тебѣ, что ты поступила со мною нечестно, потому-что въ моемъ-же домѣ втихомолку разставила свои сѣти. Но я тебѣ прощаю. Не принимай только меня за дурочку, которую такъ легко можно провести.

— Я тебя провела? Я разставила сѣти?

— Я уже сказала, что прощаю.

— Что прощаешь? съ гнѣвомъ вскричала Марцелина. — То, что ты была со мной груба и неделикатна? Что ты дала мнѣ почувствовать, что я тебѣ недостаточно благодарна?

— Я, кажется, имѣю право такъ говорить...

— Чѣмъ-же я дала тебѣ это право? Не тѣмъ-ли, что я предпочла переѣхать отъ тебя, когда ты объявила, что я тебѣ въ тягость?

— Другими словами, ты предпочла переселиться къ Зоненштейну.

— Къ Зоненштейну? Я у себя и здѣсь все мои собственныя вещи! отвѣчала Марцелина, гордо поднимая голову.

— Конечно, потому, что онъ тебѣ ихъ подарилъ!

— Я не нуждаюсь ни въ какихъ подаркахъ. Въ счастью, удалось спасти небольшую долю состоянія моего отца и это дало мнѣ возможность устроиться по моему вкусу.

— Дѣтскія побасенки! возразила Нора, пожимая плечами.

— Я никогда не лгу! проговорила Марцелина, нахмуривъ брови.

— Ахъ, милая, рассказывай эти сказки другимъ! Опека, спасеніе имущества, отеческое участіе къ дочери стараго друга и т. д., все это очень хорошо, чтобъ водить за носъ простодушную публику. Насъ-же этимъ не одурачишь. Я отлично знаю, что Зоненштейнъ все заплатилъ изъ собственнаго кармана и, вѣроятно, не ограничить этими знаками своей опекунской заботливости! — Ну да Богъ съ тобой. Нужно-жъ и тебѣ стать на ноги...

Марцелина вскочила, какъ ужаленная. Лобъ, щеки, уши, шея вплоть до волосъ вспыхнули яркой краской. Широко раскрытые глаза метали искры; на концахъ рѣсницъ сверкали слезы стыда и гнѣва. Въ горлѣ стояли спазмы; нѣсколько минутъ она не могла произнести ни звука. Она почти задышалась.

— Ложь, гнусная ложь все, что ты говоришь! вырвалось у нея, наконецъ, изъ груди. Какъ смѣешь ты...

— Вотъ какъ! Такъ, стало-быть, тутъ одна дружба и отеческое расположеніе? язвительно замѣтила Нора. — Меня удивляетъ только, почему это папѣ Зоненштейнъ не поселилъ свою питомицу у себя въ домѣ? Его жена была-бы, конечно, несказанно рада и носила-бы тебя на рукахъ, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ она избавила-бы своего дражайшаго супруга отъ громадныхъ тратъ на устройство милаго гдѣздышка.

— Я не хочу отъ него ничего! престонала Марцелина, — Ему будетъ возвращено все, что онъ заплатилъ, до послѣдней копѣйки.

— Изъ твоего жалованья? Ха, ха! Разсчитай прежде, сколько тебѣ предложить. На твоёмъ мѣстѣ я-бы не гналась за журавлемъ въ небѣ, а ловила синицу, которая сама лѣзетъ въ руки. Вѣдь ты должна помнить голубушка, что изъ тебя не выйдетъ ни Патти, ни Нильсонъ, ни даже Норы Мюленгофъ. Не будь-же дурочкой. Пользуйся тѣмъ, что у тебя есть. Никому не придется въ голову въ чемъ-нибудь упрекнуть тебя, и напротивъ, всѣ поднимутъ тебя на смѣхъ, если ты доведешь свою щепетильность до

того, что добровольно откажешься отъ подареннаго. Богачу Зоненштейну ничего не стоитъ швырнуть тысячу-другую червонцевъ. А разыгрывая невинность, далеко не уѣдешь. Нужно имѣть смѣлость открыто признаваться въ томъ, чего хочешь. Это импонируетъ окружающимъ.

Прижавъ руки къ тяжело дышавшей груди, Марцелина упала въ подушки.

— Нора! Нора! произносила она съвздохъ рыданія.

— Гмъ! Не дурно! Теперь еще предстоятъ обморокъ? Я думаю, что Дальманъ остался-бы тобой доволенъ. Только право-же ты напрасно трудиться играть всю эту комедію. Вести дѣло на чистоту несравненно удобнѣе. Да и шансы на успѣхъ почти одинаковы по теперешнимъ временамъ.

Сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе, Марцелина подавила душившія ее рыданія и, выпрямившись во весь ростъ, подошла къ Норѣ.

— Чтѣ я сдѣлала тебѣ? За чтѣ ты такъ безжалостно меня оскорбляешь?

Принужденный хохотъ былъ ей отвѣтомъ.

— Такъ ты все еще наивничаешь? Ну, какъ угодно, сказала Нора, вставая и направляясь къ двери. — Ахъ, да, кстати! прибавила она, какъ-будто вспомнивъ. — Ты до-сихъ-поръ не отгадала, о какомъ второмъ твоёмъ поклонникѣ я говорила? Это фонъ-Лангенекъ. Не хочешь-ли повидаться съ нимъ? Но только повидаться, не больше. Ты мнѣ его когда-то подарила и я намѣрена присмотрѣться ближе къ твоему подарку. Госпожа фонъ-Лангенекъ? Графиня Царкани? Всѣсы колеблются. Ха, ха, ха! Ну, такъ какъ-же, ѣдешь? Нѣтъ? Ну, какъ хочешь. Спокойной ночи, моя милая!

Напѣвая веселую мелодію, Нора вышла изъ комнаты.

Марцелина, закрывъ лицо руками, упала въ кресло, предъ которымъ стояла.

Долго въ комнатѣ не слышно было никакого звука, кромѣ мѣрнаго тиканья маятника и треска дровъ, догоравшихъ въ каминѣ.

Ужасный ударъ, поразившій молодую дѣвушку, на минуту, казалось, лишилъ ее даже способности думать.

Но мало-по-малу мысли ея пришли въ порядокъ и положеніе ея представало предъ нею во всей своей безпощадной жестокости. Она снова чуть не лишилась сознанія, такъ великъ былъ ея ужасъ.

Ей казалось, что земля горитъ у нея подъ ногами. Вся эта обстановка, всѣ эти вещи, возбуждавшія въ ней прежде столько трогательныхъ воспоминаній, казались ей теперь кровавымъ, смертельнымъ оскорбленіемъ.

— Вонъ, вонъ, изъ этого болота поскорѣй, сію минуту! Такова была единственная мысль, засѣвшая, какъ гвоздь, въ ея голову.

Какъ заключенный, увидѣвшій на минуту раскрышующую дверь тюрьмы — ловить мгновения, трепеща при мысли, что роковая дверь снова скоро закроется, такъ точно Марцелина спѣшила привести въ исполненіе свою мысль о бѣгствѣ. Она едва-едва надѣла шляпу и пальто.

— Барышня, неужто вы со двора въ такую пору? съ неопысанннмъ удивленіемъ спросила горничная, вошедшая въ эту самую минуту справиться, когда барышня прикажетъ подавать ужинъ.

Марцелина не позволила ей даже проводить себя. Одна-одиношенька вышла она изъ дому и быстро пошла прочь отъ него, точно за ней гналось какое-то привидѣніе, грозившее снова схватить ее въ свои длинныя лапы и бросить въ ужасную тюрьму, изъ которой она только-что бѣжала.

Только подойдя къ извозчику, стоявшему на площади, она снова собралась съ мыслями. Къ кому обратиться въ этомъ гигантскомъ городѣ, гдѣ всѣ были ей чужими? У нея былъ только кузенъ — Оскаръ. Къ нему одному она могла, не краснѣя, обратиться за покровительствомъ. Но что могъ сдѣлать для нея человекъ въ положеніи Оскара и съ его характеромъ? И все-таки ей не оставалось другого выбора. Однако, не могла-же она идти искать его въ казармы. Она знала, что онъ часто бываетъ у Амели Гартгаммеръ. Черезъ нее она навѣрное можетъ пригласить его къ себѣ, а пока ей будетъ гдѣ провести по-крайней-мѣрѣ первую ночь. Она была знакома съ этой дѣвушкой и помнила ея адресъ ѣздивши разъ отдать визитъ Бетти Гартгаммеръ, которая останавливалась тамъ, во время своего десятидневнаго пребыванія въ столицѣ.

Разстояніе было не очень велико. Скоро экипажъ остановился около одного изъ домовъ предмѣстья. Ворота были отперты. Марцелина вошла во дворъ и поднялась въ квартиру стараго скрипача.

(Продолженіе будетъ).

АВСТРІЯ ПОСЛѢ ВѢНСКАГО КОНГРЕССА *).

I.

Послѣ вѣнскаго конгресса Австрія сдѣлалась олицетвореніемъ реакціи. Феодалы изо всѣхъ силъ бились, чтобы по возможности возстановить свои старинныя привиллегіи, іезуиты и клерикалы подчиняли страну духовенству, а правительство опиралось на войско. „Грубая, ограниченная солдатчина, говоритъ Шерръ,—считалась единственною опорой власти и привиллегій высокомѣрнаго дворянства и нетерпимаго духовенства... Поэтому старались систематически расширять пропасть, отдѣлявшую военныхъ отъ массы гражданъ. Едва прикритою безнаказанностью нарочно поощряли солдатскую грубость. Офицеры совершали безнаказанно чуть не убійства и позволяли себѣ выдѣлывать надъ беззащитными гражданами такія штуки, терпѣливо сносить которыя могло только нѣмецкое добродушіе“. Ни о какихъ улучшеніяхъ государственнаго строя, ни о какомъ развитіи не было и помину. Ограниченный императоръ Францъ былъ консерваторомъ до мозга костей. Всѣ его политическіе принципы сводились на безусловное охраненіе старыхъ порядковъ. „Держитесь старинны, говорилъ онъ въ своей рѣчи профессорамъ лайбахскаго лицея,—потому-что старое хорошо и отцы наши благоденствовали при немъ, почему-же не благоденствовать и намъ? Теперь бродятъ новыя идеи, которыхъ я никакъ не могу одобрить, никогда не одобрю. Берегитесь ихъ и держитесь положительнаго, ибо мнѣ нужны не ученые, а честные бюргеры; таковыхъ вы и обязаны готовить изъ юношей. Кто служить мнѣ, тотъ долженъ учиться лишь тому, что я пове-

*) „Geschichte Oesterreichs seit dem wiener Friede, von Springer“, 3 B. „Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart, v. Walter Rogge“, 3 B.

дѣваю. Кто не можетъ этого сдѣлать или подходить ко мнѣ съ новыми идеями, тотъ можетъ убираться, а иначе я самъ удалю его“. Эгоистической и бездушной натурѣ Франца были глубоко противны всѣ движенія мысли и чувства; онъ ненавидѣлъ въ особенности студентовъ, ученыхъ и литераторовъ: „къ чему столько поповъ, адвокатовъ, лекарей“, съ досадою говаривалъ онъ, сознавая невозможность уничтожить ихъ однимъ почеркомъ своего державнаго пера. Всякая мысль о необходимости какой-нибудь самой незначительной перемены въ порядкахъ австрійской имперіи ужасала его, и одно слово *конституція* приводило его въ бѣшенство. Однажды онъ простудился, и лейбъ-медикъ Штифтъ сказалъ, что это ничего не значитъ, такъ-какъ у его величества хорошая конституція. „Какая тамъ конституція! закричалъ разгнѣванный императоръ, — что вы за чушь порете, Штифтъ! Смотрите, чтобы я больше не слышалъ отъ васъ *этого* слова. Скажите, крѣпкая натура, хорошая комплекція или тамъ какъ ее... А хорошей конституція, пріятель, не бываетъ. У меня нѣтъ конституція, и я не хочу ея, не хочу“. Вѣря въ преданность себѣ своихъ народовъ, которыхъ онъ не зналъ, Францъ упивался мыслью о своемъ всемогуществѣ и съ большимъ удовольствіемъ позволялъ воскуривать себѣ такой фиміамъ, отъ котораго было-бы тошно каждому неиспорченному человѣку. Его въ глаза называли „земнымъ богомъ“, а пінта Эйпельдауръ пѣлъ, что онъ, подобно Христу, пострадавшему за грѣхи всего міра, былъ посланъ Провидѣніемъ спасти Европу, пострадать за нее, искупить всѣ ея прегрѣшенія, избавить міръ отъ узъ сатанинскихъ и *воскреснуть* во славу и блескъ, какъ Христосъ, Господь нашъ!.. Онъ отъ скуки занимался дѣлами, отъ скуки-же вырѣзывалъ фигурки для дѣтей, готовлялъ транспаранты, дѣлалъ игрушки. Корыстолюбіе одолевало его; его капиталъ былъ громаденъ; всѣ французскія контрибуціи, всѣ остатки отъ государственныхъ доходовъ поступали въ его собственную шкатулку, а потомъ онъ ихъ давалъ за хорошіе проценты въ долгъ государственному казначейству. Въ началѣ царствованія Францъ сжигалъ всѣ анонимные доносы, но потомъ, говорить Гормайръ, „они сдѣлались драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ его кабинета“. Въ немъ постепенно развивались беззлivity и подозрительность, которыя ревностно поддерживались и направлялись Меттернихомъ и другими безсовѣстными реакціонерами. Вся имперія была отдана подъ надзоръ тайной полиціи, главное управленіе которой находилось въ рукахъ самого Франца. Даже члены его собственнаго семейства были подъ надзоромъ, напр., эрцгерцогъ Карлъ, слова котораго подслушивались и замки слышались въ стѣнахъ собственнаго его дома. Когда въ 1835 г. разнеслась

вѣсть о смерти Франца, наивные австрійцы вообразили, что покойникъ долженъ завѣщать народу накопленные имъ милліоны. И велико было ихъ разочарованіе, когда въ 14 § завѣщанія, который одинъ только и былъ обнародованъ, императоръ завѣщалъ имъ только „свою любовь!“

При Францѣ и его преемникѣ, когда всѣмъ заправлялъ знаменитый Меттернихъ, Австрія, можно сказать, была со всѣхъ сторонъ закупорена отъ вліяній духа времени. Общій надзоръ за училищами былъ порученъ духовенству. „Въ рукахъ законоучителей была школьная полиція; они имѣли открытое наблюденіе за нравственностью учениковъ и тайное — за нравственностью учителей. Заботливость государства о религіи, предписывавшая врачу напоминать больнымъ о принятіи св. тайнъ, чиновнику — посѣщать церкви, профессору — бывать у исповѣди, вступающимъ въ бракъ — выдерживать религіозный экзаменъ, даже пастуху, поступающему въ услуженіе — представлять религіозное свидѣтельство, — эта заботливость естественно болѣе всего обнаруживалась въ учебныхъ заведеніяхъ“ (Гервинусъ). Придворная комиссія по дѣламъ народнаго просвѣщенія заправляла всей системой образованія и регулировала ее съ такой мелочною предупредительностью, какую можно встрѣтить развѣ только въ Китаѣ. Въ „новомъ постановленіи о школахъ“, напр., она предписывала дѣтямъ, какъ готовиться дома къ отправленію въ училище, какъ идти по улицѣ, какъ держать себя до и во время уроковъ, какъ сидѣть, какъ держать руки, какъ обращаться съ печкой, какъ ходить по лѣстницамъ и въ отхожее мѣсто, и т. д. Изъ учебной программы естественныя науки были изгнаны, а исторія, географія и языки преподавались въ самомъ сокращенномъ и безтолковомъ видѣ. Въ университетахъ вовсе не было философскаго факультета, а внесшій 20 талеровъ студентъ освобождался отъ изученія естествознанія и исторіи. Поступленіе въ иностранныя университеты было строжайше запрещено. Иностранцы не могли быть даже домашними учителями, а дѣти ихъ принимались въ австрійскія заведенія только моложе 10 лѣтъ, да и то съ величайшими затрудненіями. Домашнимъ обученіемъ можно было заниматься только по выдержаніи особаго экзамена и съ дозволенія полиціи. При выборѣ казенныхъ учителей предписывалось обращать вниманіе прежде всего на ихъ политическія и религіозныя мнѣнія. Библиотекари обязаны были ежегодно доносить обо всѣхъ книгахъ, которыя брали учителя. Журналистика была совершенно подавлена и доведена до ничтожества. „Всякій осторожный журналистъ, писалъ Берне въ 1819 г., — уже теперь старается запастись хорошими суррогатами, которыми онъ могъ-бы подслащать чай и кофе

своихъ читателей въ томъ случаѣ, если какимъ-нибудь новымъ тарифомъ на произведенія ума ввозъ обыкновеннаго сахара будетъ воспрещенъ. Осторожный журналистъ принимается теперь уже за солидныя науки. Онъ занимается астрономіей, за исключеніемъ кометъ, потому-что онѣ служатъ предвѣстниками войны и народныхъ бѣдствій,—географіей, пропуская мѣста, гдѣ находятся минеральныя воды, такъ-какъ въ этихъ мѣстахъ собираются конгрессы,—алгеброй, но безъ включенія въ нее плюсовъ и минусовъ, ибо они подлежатъ вѣденію финансоваго управленія,—психологіей, не пускаясь только въ ученіе о душѣ знатныхъ людей,—богословіемъ, за исключеніемъ вопроса о священномъ союзѣ,—юриспруденціей, выключая уголовное судопроизводство, относящееся къ обязанностямъ чиновниковъ,—философіей безъ всякаго ограниченія,—полезнымъ ученіемъ о клинообразномъ письмѣ, коническомъ сѣченіи и коренныхъ словахъ нѣмецкаго языка,—затѣмъ механикой, оптикой, этикой, риторикой, математикой, макробиотикой, динамикой, статикой, всевозможными *иками*, за исключеніемъ лишь политики, такъ-какъ она принадлежитъ только правительству“. Произволь и невѣжество цензуры доходили до крайнихъ предѣловъ. Въ Вѣнѣ, напр., не было пропущено цензурою стихотвореніе Гримльпарцера на выздоровленіе австрійскаго наслѣднаго принца, потому-что въ немъ говорилось слишкомъ много о сердечной добротѣ принца и мало объ его умѣ. Въ переводахъ шекспировскаго Лира не пропускалось никакихъ „неприличныхъ шутокъ“, чтобы не выводить передъ публикой смѣшного короля. Въ „Разбойникахъ“ Шиллера отецъ Мооръ былъ превращенъ цензурою въ *дядю*; „Донъ Карлосъ“ дозволялся только съ исключеніемъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится объ его любви къ мачихѣ. Восклицаніе „о, Боже!“ допускалось только на придворномъ вѣнскомъ театрѣ, а на всѣхъ прочихъ его предписано замѣнять — „о, небо!“. Если въ романѣ цензоръ встрѣчалъ выраженіе — „у нея была бѣлая, пышная грудь“, то зачеркивалъ его и писалъ—„спереди она была весьма хорошо сложена“. Были запрещены почти всѣ произведенія тогдашней французской литературы; даже сочиненія историка Тьерри, Гиббона, Макіавелли, Байрона, Бентама — словомъ, произведенія всѣхъ лучшихъ представителей европейской мысли или вовсе не допускались въ австрійской имперіи, или дозволялись, но въ крайне обдерганномъ и обезображенномъ видѣ. Даже древніе греческіе и латинскіе классики печатались не иначе, какъ съ исключеніемъ всѣхъ мѣстъ, напоминавшихъ о республикѣ. Освободившись отъ всякаго общественнаго контроля, правящіе классы не знали мѣры своему хищничеству. Казнокрадство и взяточничество доходили до безобра-

вія. Все въ государствѣ дѣлалось феодальной партіей и для феодаловъ, чиновниками и для чиновниковъ. Неоправившись еще отъ наполеоновскаго ига и отъ войны за освобожденіе, народъ былъ въ конецъ раззоряемъ барщиной, податями и повинностями; онъ голодалъ, питался травами и кореньями, умиралъ съ голода; число преступленій постоянно возрастало. Подати нерѣдко приходилось взыскивать съ крестьянъ посредствомъ военныхъ командъ; нерѣдко приходилось посредствомъ тѣхъ-же командъ усмирять крестьянскіе бунты и заставлятъ поселянъ отбывать обязательныя работы въ пользу землевладѣльцевъ. Недоимки поглотили въ Нижней Австріи $\frac{1}{6}$ крестьянской поземельной собственности, въ Зальбургской низменности—половину, въ горныхъ странахъ—всю. Сельское хозяйство впродолженіи десятилѣтій находилось въ однихъ странахъ въ совершенномъ упадкѣ, въ другихъ на одной и той-же, очень низкой степени развитія. Количество хлѣба, собиравшагося въ Богеміи, напр., только въ 1830 г. немного превысило то, какое собиралось прежде, начиная съ 1789 г., а скотоводство еще въ 1837 г. стояло на той-же степени, какъ и въ 1805 году. Финансы разстраивались, государственные долги увеличивались. Правительство само видѣло, что идетъ къ гибели, но ни за что не хотѣло приняться за либеральныя реформы. За одно съ реакціонерами остальной Германіи австрійскіе утверждали, что либеральныя реформы—вовсе не въ духѣ нѣмецкаго народа, будто-бы представляющаго собою особенное явленіе въ исторіи. „Да, отвѣчалъ на это Берне, — народъ, который, несмотря на свою силу духа и на свободу духа, на свою здоровую натуру и чистоту нравовъ, никогда не могъ добиться того, что другіе народы сьумѣли пріобрѣсть безъ силы духа, безъ свободы духа, безъ добродѣтели, наконецъ, народъ, который не можетъ выйти изъ позорнѣйшаго несовершенствѣ и похожъ на идиота, боющагося привидѣній, или на ребенка, дрожащаго при видѣ розги,—такой народъ, дѣйствительно, *явленіе совершенно особенное!*“.. Прогрессистовъ провозглашали людьми, оторвавшимися отъ народной почвы и принадлежащими къ французской партіи. „Напрасно, писалъ Гейне,—напрасно стремитесь вы уронить въ общественномъ мнѣніи друзей отчизны и ихъ принципы, обзывая эти послѣдніе французскимъ революціоннымъ ученіемъ, а первыхъ — французскою партіей въ Германіи. Вы всегда спекулируете на самое худшее въ нѣмецкомъ народѣ, на національную ненависть, на религиозныя и политическія предрасудки, а особенно на глупость. Но вы не знаете, что даже и Германію не надуешь теперь старыми штуками, что даже и нѣмцы замѣтили, что національная ненависть есть только средство для порабоженія одного народа другимъ.

Вы не знаете, что теперь въ Европѣ нѣтъ болѣе націй, а существуютъ только двѣ партіи: аристократія и демократія. По настоящему вы-бы должны называть насъ небесной партіей, а не французской, потому-что это признаніе человѣческихъ правъ, на которомъ зиждется вся наша государственная наука, идетъ не изъ Франціи (хотя оно тамъ громче и торжественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проповѣдывается), и не изъ Америки, откуда вывезъ его Лафайетъ: оно родилось въ небесахъ, въ этой вѣчной отчизнѣ Разума! Какъ ужасно должно быть для васъ это слово *Разумъ*! Вѣроятно, такъ же ужасно, какъ и для вѣчныхъ враговъ его, клерикаловъ, царству которыхъ оно полагаетъ предѣлы и которые въ минуту общей опасности вступаютъ съ вами въ союзъ!“.. Доносы развращали все общество. „Полиція, говоритъ Шпрингеръ,—недовѣрляла цѣлому народу, подозрѣвала собственныхъ чиновниковъ и считала армію небезопасною отъ революціонныхъ увлеченій. Цѣлый экспедиціонный корпусъ, посланный въ Неаполь въ 1821 г., былъ отданъ подъ надзоръ полиціи... Честолюбіе и корысть доводили полицію до безобразныхъ преувеличеній. Она не только обманывала и вводила въ заблужденіе правительство, но даже потѣшалась надъ нимъ“. Людей, сочтенныхъ неблагонадежными или даже только подозрительными, правительство преслѣдовало съ особенною жестокостію. „Оно томило государственныхъ преступниковъ строгимъ и долговременнымъ арестомъ во время слѣдствія, наслаждалось ихъ страданіями, мучило ихъ неизвѣстностію объ ожидающей ихъ участи; ихъ изъ милости присуждали къ строжайшему тюремному заключенію въ Шпильбергъ, изъ котораго они выходили тѣнями, лишенными всѣхъ жизненныхъ соковъ“ (Springer). Какъ содержали въ Австріи политическихъ преступниковъ, показываетъ слѣдующій рассказъ, заимствованный Берне изъ „*Comptier Français*“: „Одинъ молодой итальянецъ, Маронелли, былъ обвиненъ за письмо, написанное имъ своему брату, молодому доктору, возвратившемуся изъ Греціи, гдѣ онъ помогаль влианамъ своими медицинскими познаніями и искусствомъ. Тайная полиція Милана увидѣла въ этомъ выраженіе скрытаго подъ символическою формою желанія свободы. Молодого патріота арестовали, судили и единственно на основаніи этого письма приговорили къ смерти. Но противъ такого приговора возстали даже судьи; смертную казнь они замѣнили двадцатилѣтнимъ строгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Маронелли и четырехъ его друзей отвозятъ въ крѣпость Брюннъ, куда вскорѣ послѣ того сажаютъ еще двадцать итальянскихъ патріотовъ. Тюрьма биткомъ набита, и начальство рѣшаетъ, что самаго младшаго изъ преступниковъ надо препроводить въ подвалъ. Здѣсь, на сырой землѣ, въ совершенномъ одиночествѣ,

не видя живого лица, Маронелли проводить цѣлый годъ. Онъ былъ уже близокъ къ смерти, когда одинъ изъ его несчастныхъ товарищей умеръ. Маронелли перевели на очистившееся мѣсто. Теперь онъ видитъ подлѣ себя людей, но физическія страданія его не прекратились. Ледяной холодъ пронизываетъ его насквозь; отвратительная пища совершенно разрушаетъ его здоровье; члены его деревенѣютъ; лѣвая нога, плотно сдавленная тяжелымъ кольцомъ, къ которому привѣшена двадцатифунтовая цѣпь, страшно пухнетъ; скоро обнаруживается антоновъ огонь: приходится отрѣзывать ногу! Но губернаторъ, небрежно взвѣсивая на рукѣ эту больную ногу, распухшее мясо которой совершенно закрыло желѣзное кольцо, говоритъ съ холоднымъ равнодушіемъ: „къ намъ прислали преступника съ двумя ногами, и мы не можемъ сдѣлать его съ одной только ногой“. Приходится писать въ Вѣну и просить о милостивомъ разрѣшеніи операціи, которую всякое промедленіе можетъ сдѣлать смертельною. Отвѣтъ могъ-бы получиться черезъ двадцать-четыре часа, но онъ заставляетъ ждать себя ровно 14 дней. Наконецъ, операцію дѣлаютъ въ той тюрьмѣ, гдѣ несчастный провелъ страшныхъ 8 лѣтъ. Тюремный цирюльникъ отрѣзываетъ сгнившую ногу выше колѣна, и черезъ нѣсколько времени послѣ этого Маронелли выпускаютъ на свободу. Онъ идетъ въ Римъ. Римъ не даетъ ему пріюта. Великій герцогъ флорентинскій позволяетъ ему жить въ своемъ государствѣ, но австрійскій посланникъ настаиваетъ на его изгнаніи. Маронелли нашель убѣжище во Франціи. Изъ 25 человекъ, раздѣлавшихъ тюремное заключеніе съ Маронелли, двое—виконты Орабони и Вилла умерли отъ голода. Мы не преувеличиваемъ: все это — сущая истина. Приготовленный изъ сала супъ, два крошечныхъ ломтика хлѣба и кусочекъ протухшаго мяса составляютъ единственную пищу заключенныхъ. Напрасно просили они, какъ милости, чтобы въ ихъ отвратительный супъ не клали, по-крайней-мѣрѣ, сала: имъ отвѣчали, что этимъ кормится отъ 200 до 300 каторжниковъ и что исключеній ни для кого нельзя дѣлать. Изъ денегъ, посылавшихся ихъ родственниками, они не получали ни гроша. Въ настоящее время (въ 1831 г.) въ Брюннѣ содержится еще девять итальянцевъ, въ томъ числѣ графъ Гонфалоньери, который въ каждую годовщину произнесенія надъ нимъ судебного приговора, получаетъ двадцать-пять палочныхъ ударовъ“.

Все зданіе государства было до того гнило и расшатано, а охранители его до того бездарны, что стоило лишь грянуть грому 1848 г., чтобы они совершенно потеряли голову. Когда въ Парижѣ вспыхнула революція, австрійское правительство даже не понимало всей важности этого событія. Въ вѣнскихъ газетахъ по-

явилась 4 марта полу-официальная статья, родъ правительственнаго манифеста, въ которомъ февральская революція объяснялась „заговоромъ учениковъ Бабефа, съ цѣлю подвести Францію подъ иго коммунизма“. Но скоро и въ Вѣнѣ студенты, рабочіе и либеральная буржуазія произвели возстаніе, и 15 марта появился манифестъ, гласившій, что все нужное сдѣлано относительно созванія депутатовъ отъ всѣхъ земскихъ собраній и центральныхъ конгрегацій въ самоскорѣйшее время съ усиленнымъ представительствомъ городского состоянія и съ обращеніемъ вниманія на существующія областныя устройства, съ цѣлю достигнуть конституціи отечества (zum Behufe der Constitution der Vaterlandes). Правительство уступило на всѣхъ пунктахъ, и страшное слово, котораго нѣкогда такъ боялся императоръ Францъ, сдѣлалось дѣломъ. Меттернихъ бѣжалъ, учреждена національная гвардія, объявлена свобода печати, обѣщана конституція. Богоспасаемая Вѣна уподобилась растлѣнному Парижу.

Реакціонеры между тѣмъ собирались съ силами, и всѣ либеральныя уступки правительства дѣлались съ заднею мыслію о возвращеніи къ прежнимъ порядкамъ при первомъ удобномъ случаѣ. 2 іюня князь Виндишгрецъ залилъ кровью возставшую Прагу. 25 іюля Радецкій разбилъ сардинцевъ при Кустоцѣ, послѣ чего покорилась вся Ломбардія. Въ августѣ дворъ вернулся въ Вѣну, и реакція усилилась. Еще лѣтомъ императоръ условился съ прусскимъ королемъ „возстановить ниспровергнутый порядокъ“, о чемъ болѣе всего хлопотала придворная камарилья съ княземъ Виндишгрецемъ во главѣ. Надменный богемскій магнатъ, клерикалъ, крѣпостникъ и солдатъ, Виндишгрецъ считалъ себя непогрѣшимымъ и говорилъ о себѣ не иначе, какъ *Мы*. Его отношенія къ духовенству можно характеризовать тѣмъ, что передъ смертію онъ просилъ у папы благословенія по телеграфу, и когда пришла изъ Рима телеграмма, онъ встрѣтилъ ее посреди всѣхъ своихъ домочадцевъ, въ полной формѣ, въ орденахъ и на колѣнахъ. Придворная камарилья выбрала этого человѣка орудіемъ для совершенія контрреволюціи, которая подъ предлогомъ вооруженій противъ мятежной Венгріи подготавливалась въ такомъ секретѣ, что объ этомъ не знали даже нѣкоторые министры. Виндишгрецу была дана неограниченная верховная власть и даже дворъ безъ его согласія не могъ принимать депутацій. Подобная же власть была дана въ Венгріи Елачичу, а Радецкій изъ Італіи обѣщаль доставить 20,000 солдатъ для возстановленія порядка. Одновременно съ диктаторами и въ Вѣнѣ и въ Пештѣ дѣйствовали сеймы, созванные еще лѣтомъ. Ихъ судьба была уже рѣшена реакціонерами, тѣмъ болѣе ненавидѣвшими ихъ, что 7 сеп-

тября вѣнскій рейхстагъ окончательно отмѣнилъ крѣпостное право. Вѣнцы, появивъ куда идутъ дѣла, 6 октября произвели новое возстаніе, приче́мъ былъ убитъ военный министръ Латуръ. Дворъ снова бѣжалъ въ Ольмюцъ, куда поспѣшилъ и Виндишгрецъ изъ Праги. Въ Ольмюцъ съѣзжались всевозможные реакціонеры, крѣпостники и клерикалы и въ то-же время, какъ въ комической опереткѣ, сюда-же стекались и депутаціи освобожденныхъ крестьянъ! Восторгъ народа, впрочемъ, скоро охладѣлъ, крестьяне подозрительно стали смотрѣть на окружающихъ дворъ магнатовъ и архіереевъ и во время поѣздки императора въ нѣкоторыхъ деревняхъ мужики просили его дать имъ для вѣрности письменное обѣщаніе на гербовой бумагѣ, что крѣпостное право уничтожено навсегда! И дворъ, находившійся вполне въ рукахъ феодаловъ, принужденъ былъ разыгрывать роль друга крестьянъ. Манифестомъ 15 октября императоръ Фердинандъ завѣрялъ крестьянъ, что барщина, оброки и т. д. никогда восстановлены не будутъ. Обезпечивъ себя со стороны крестьянъ, реакціонеры принялись за Вѣну. 16 октября Виндишгрецъ былъ назначенъ командиромъ всѣхъ войскъ въ имперіи „дабы въ кратчайшій срокъ восстановить порядокъ и спокойствіе, спасти государство отъ грозящей опасности и доставить народамъ Австріи надежду на лучшее будущее“. Указъ былъ написанъ угрожающимъ тономъ и хотя въ немъ говорилось о сохраненіи конституціи, но Виндишгрецъ не даромъ былъ диктаторомъ, и онъ торжественно заявлялъ, что „послѣ данныхъ ему полномочій даже самъ австрійскій императоръ ничего не можетъ дѣлать въ Вѣнѣ“. 31 октября городъ былъ бомбардированъ, взятъ штурмомъ и объявленъ въ осадномъ положеніи, а рейхстагъ распущенъ.

Переворотъ былъ совершенъ, но у придворной камарильи не достало смѣлости разомъ покончить съ конституціей и она рѣшилась задушить ее медленно, съ соблюденіемъ извѣстныхъ церемоній. Во главѣ министерства былъ поставленъ кн. Шварценбергъ, большой баринъ съ маленькимъ умомъ, мелкій интриганъ и клерикалъ. Иногда онъ прикидывался даже либераломъ, но былъ чистѣйшимъ реакціонеромъ, стремившимся замѣнить представительное правленіе военнымъ въ скалозубовскомъ вкусѣ. „Что сталь бы дѣлать Господь Богъ безъ огненнаго меча архангела Михаила?“ говаривалъ онъ. „Люди должны повиноваться и платить налоги, а если они нуждаются въ развлеченіи, то могутъ ходить въ церкви!“ Шварценбергъ готовъ былъ разомъ превратить все государство въ казарму, но правительство по возможности избѣгало такого скандала и въ сотоварищи ретивому князю назначило сравнительно либеральнаго графа Стадіона. Къ общему изумленію

Шварценбергъ объявилъ, что его министерство будетъ заботиться „объ утверженіи конституціонныхъ вольностей возрожденной Австріи“. За этимъ сюрпризомъ слѣдовалъ другой—отреченіе Фердинанда въ пользу 18-ти-лѣтняго Франца-Иосифа. Фердинандъ былъ очень добръ и честенъ: во время революціи онъ запретилъ стрѣлять въ народъ; во время бѣгства въ Ольмюцъ онъ плакалъ и на всѣ настоянія реакціонеровъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отмѣнять того, на что однажды согласился! Онъ былъ, что называется, не во дворѣ, и долженъ былъ оставить тронъ въ виду „возрожденія Австріи“. Съ удаленіемъ государя, который-бы ни за что не захотѣлъ нарушить своей конституціонной присяги, у министерства были развязаны руки, но оно пока еще считало нужнымъ играть комедію и не разгоняло созданнаго въ Кремзирѣ парламента. „Пока во Франціи существуетъ республика, говорилъ приближеннымъ гр. Стадіонъ,—здѣсь приходится играть на конституціонной дудкѣ; пусть господа депутаты побудутъ еще малую толику въ Кремзирѣ, они только больше еще скомпрометируютъ себя, а тѣмъ временемъ можно будетъ пожаловать новую конституцію, когда-же революція будетъ подавлена во всей Европѣ, то можно будетъ пойти и дальше“. Но не заходя пока „дальше“, правительство и теперь уже не церемонилось съ рейхстагомъ и дѣйствовало такъ, какъ-будто его вовсе не было. Въ Вѣнѣ и Венгріи было осадное положеніе; въ декабрѣ Стадіонъ закрылъ всѣ демократическіе и рабочіе клубы, „противные законамъ не только государства, но и разума“. Чиновникамъ было объявлено, что они будутъ немедленно лишаться должностей за каждое порицаніе правительства, причѣмъ имъ внушалось, что „всѣ, которые дорожатъ своимъ мѣстомъ, должны и на службѣ и внѣ службы такъ выражаться и вести себя, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія, что они дѣйствуютъ въ смыслѣ и духѣ правительства“. Въ то-же время іезуитъ гр. Эстергази былъ отправленъ къ папѣ въ Гаету для переговоровъ о конкордатѣ. Все подготовлялось для государственнаго переворота, а рейхстагъ обезсиливалъ самъ себя раздорами партій. Засѣдавшіе въ немъ магнаты Венгріи, Богеміи, Галиціи сами готовы были сдѣлаться усерднѣйшими слугами реакціи и папы; они противились каждой либеральной мѣрѣ, и чехи, напр., угрожали массою выйти изъ парламента, если лѣвая не изгонитъ изъ своей среды богемскаго крестьянина Кайма. Съ подобнымъ парламентомъ было не трудно справиться. Утромъ 7 марта 1849 г. зданіе засѣданій было окружено войсками, депутатамъ объявили, что рейхстагъ распущенъ, многихъ изъ нихъ арестовали и сослали, затѣмъ была объявлена вновь пожалованная конституція, которая много обѣщала на бумагѣ и почти ничего

не дѣлала на дѣлѣ. Вѣна, Львовъ, Галиція, Прага оставались въ осадномъ положеніи; и конституцію приходилось навязывать имъ съ помощью штыковъ; въ Венгріи и Ломбардіи шла война. Для газетъ введены залогомъ до 10,000 флориновъ, запрещена розничная продажа, редакторы сдѣланы отвѣтственными вмѣстѣ съ авторами, издателями, типографщиками и разносчиками. Всѣмъ имъ грозило десятилѣтнее тюремное заключеніе за нападки на вновь состряпанную конституцію. Были запрещены всѣ политическія общества и даже тѣ изъ не политическихъ, которыя имѣли цѣлью денежную выгоду.

Какъ ни жалокъ былъ этотъ новый порядокъ вещей, но когда въ апрѣлѣ 1849 г. болѣзнь заставила творца его Стадіона выйти въ отставку, то оказалось, что онъ все-таки былъ единственнымъ человѣкомъ, который въ правительственныхъ сферахъ нѣсколько сдерживалъ глупую ярость феодально-клерикальной реакціи, уже доведшей государство до гибели. „Обновленіе Австріи“ сопровождалось войной въ Венгріи, осаднымъ положеніемъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Галиціи, Истріи; окончательнымъ разстройствомъ финансовъ, страшными беспорядками въ администраціи, конституціей безъ парламента, господствомъ военщины, полнымъ недоверіемъ общества къ правительству. Военная диктатура сначала разстрѣливала людей массами, и рѣдкій номеръ „Вѣнской Газеты“ выходилъ по-крайней-мѣрѣ безъ одного смертнаго приговора, который обыкновенно гласилъ на фельдфебельскомъ жаргонѣ, что такіе-то „вмѣсто виселицы помилованы разстрѣляніемъ“. Въ Вѣнѣ всѣ театры, гостиницы, рестораны были наполнены сыщиками, производившими аресты за либеральную фразу, за волосы, остриженные недостаточно коротко, за длинные воротнички. Домашніе учителя, швейцары, прислуга состояли на полицейской службѣ. Особеннымъ предпочтеніемъ полиціи пользовались чехи, занимавшіе обыкновенно мѣста домашнихъ наставниковъ. Правительство, хлопотавшее главнымъ образомъ о томъ, чтобы слить всѣ подвластные ему народности въ одинъ государственный организмъ, только посѣяло между ними заклятую вражду, и въ Вѣнѣ слово *чехъ* сдѣлалось самою обидною бранью. Директоръ полиціи Вейсъ просто неистовствовалъ и однажды предложилъ министерству для восстановления спокойствія арестовать ночью „съ дюжину“ журналистовъ, а утромъ разстрѣлять ихъ, но министерство почему-то не согласилось на такіе пустяки. „Если-бы вы были сапожникомъ, говорилъ Вейсъ одному иностранному журналисту, то были-бы полезнымъ членомъ общества, въ качествѣ-же писателя вамъ нечего дѣлать въ Вѣнѣ“. Нельзя было печатать даже о дурномъ состояніи мостовыхъ: „придетъ время — поправлять и безъ васъ“, гово-

рилъ по этому поводу Вейсъ газетчикамъ. Военное положеніе погубило въ одной только Вѣнѣ 172 газеты! Всѣ сколько-нибудь либеральныя нѣмецкія газеты, издававшіяся въ другихъ государствахъ, были тоже запрещены. Запрещали даже трагедіи Гейбеля, арестовывали и ссылали писателей, какъ Гавличка, издателя „Прессы“ Цанга и др. Печать третировали по извѣстному правилу Ришелье, что трехъ написанныхъ словъ достаточно, чтобы отправить человѣка на висѣлицу. Такъ-какъ о внутреннихъ дѣлахъ уже никто не осмѣливался писать, то журналистику начали преслѣдовать „за неуважительные отзывы“ о какой-нибудь „дружественной державѣ“, за нападки „на св. католическую церковь“ или, наконецъ, просто за „оскорбленіе нравственности“. Нѣкоторые редакторы почти не выходили изъ тюрьмы, и выдуманныя Наполеономъ предостереженія сыпались, какъ градъ. Книжная торговля была совсѣмъ убита.

Все управленіе было военной диктатурой, особенно въ Венгріи, гдѣ орудовалъ Виндишгрець. Какъ второй Альба, онъ издавалъ чуть не ежедневно все такіе приказы: „Кто повинуется революціоннымъ властямъ, будетъ казненъ; каждое враждебное поселеніе будетъ сравнено съ землею; каждый сельскій староста отвѣчаетъ головою за спокойствіе общины“. Посылая войска противъ венгерскихъ „разбойничьихъ шаякъ“, Виндишгрець и не подозрѣвалъ, что эти шайки угрожаютъ самому существованію Австріи и онъ своей диктатурой только раздуваетъ пламя революціи. Его, наконецъ, убрали, но возстаніе усилилось уже до того, что сбившіеся съ толку правители Австріи начали просить помощи въ Петербургѣ. Русскія войска скоро покончили съ венграми, а баронъ Гайнау докончилъ очищеніе страны отъ „бунтовщиковъ“. Назначая этого человѣка на мѣсто Виндишгреца, правительство словно хотѣло увѣковѣчить ненависть венгровъ къ Австріи. „Мое имя стоитъ цѣлой арміи“, хвасталъ баронъ, но его боялись не вражескія войска, а мирные граждане, которыхъ онъ массами вѣшалъ и разстрѣливалъ сначала въ Италіи, потомъ въ Венгріи. Самъ Паскевичъ просилъ въ Вѣнѣ о помилованіи венгровъ, сдавшихъ ему при Виллагосѣ, но ихъ отдали въ руки Гайнау, который и переказнилъ ихъ. Венгрія была низведена на степень простой провинціи, конституція ея уничтожена и замѣнена произволомъ Гайнау.

Расправившись съ Венгріей при помощи русскихъ силъ, правительство стало дѣйствовать смѣлѣе въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ. Заведены были 13 полковъ жандармовъ, стоившихъ 5.000,000 въ годъ. Всѣмъ *благонамыреннымъ* людямъ, особенно содержателямъ ресторановъ, предписывалось арестовывать и пред-

ставлять начальству всѣхъ *неблагонамѣренныхъ*, „распространяющихъ ложные слухи или дурно отзывающихся о правительствѣ“. Доносчики появлялись на каждомъ шагу, и съ помощью ихъ шефъ жандармовъ Вельденъ надѣялся „искоренить негодаевъ и радикальную вѣнскую сволочь“. Въ Прагѣ, Львовѣ, Краковѣ, Венеціи всюду дѣйствовали военные суды, ссылали и разстрѣливали. Рядомъ съ этою военною диктатурой гражданское правительство какъ-то ступшевывалось и своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло только производило путаницу. Всякое дѣло валилось у него изъ рукъ, а государственное зданіе шаталось и скрипѣло между тѣмъ отъ каждаго вѣтра и только русская помощь не дала ему развалиться отъ венгерской бури. Было ясно, что военной диктатуры для спасенія государства было недостаточно; попробовали обратиться къ „штатскимъ“. Шмерлингъ сдѣлался министромъ юстиціи, Бахъ—внутреннихъ дѣлъ, графъ Тунъ—просвѣщенія. Чтобы отвести глаза публикѣ, Бахъ обнародовалъ либеральный циркуляръ и принялся за крестьянское дѣло. Но правительство относилось къ крестьянамъ благосклонно только на словахъ и, освободивъ ихъ безъ земли отъ крѣпостной зависимости, сдѣлавшейся совершенно невозможною, оставило ихъ въ полной экономической зависимости отъ дворянства, особенно въ Галиціи, гдѣ остатки крѣпостного права существуютъ до сихъ поръ. Въ нѣсколько лѣтъ освобожденное крестьянство раззорилось окончательно, попавъ въ кабалу еврейскихъ ростовщиковъ и цѣловальниковъ. Нелѣпая мысль Баха помочь крестьянамъ, не задѣвая интересовъ помѣщиковъ, породила только однѣ самыя вздорныя мѣропріятія. Желая, напр., избавить венгерскихъ и галицкихъ крестьянъ отъ кулацкой эксплуатаціи, правительство не могло придумать ничего лучше дозволенія евреямъ приобрѣтать поземельную собственность! Шли годы, земледѣльческій пролетаріатъ росъ, а правительство только возвѣщало, что оно постоянно проникнуто „истинною заботливостью о благѣ крестьянъ“.

Какъ ни жалко было министерство Шмерлинга, но его отставка въ началѣ 1851 года произвела тяжелое впечатлѣніе; это значило, что рѣшили совсѣмъ покончить съ „*функцией*“, какъ называлъ конституцію Шварценбергъ, и править въ духѣ блаженной памяти Филиппа II испанскаго. Уже съ самаго начала реакціи видно было, что всѣ эти Виндишгрецы, Гайнау, Бахи служатъ только орудіемъ въ рукахъ епископовъ и магнатовъ, ханжей и іезуитовъ. Еще въ 1848 году, тотчасъ послѣ взятія Вѣны, епископы возбудили во всемъ государствѣ сильное клерикальное движеніе и подачу безчисленныхъ адресовъ о возстановленіи „правъ св. церкви“, отдачѣ епископамъ церковныхъ капиталовъ, отобран-

ныхъ Іосифомъ II, о безусловной власти епископата надъ приходскимъ духовенствомъ; подчиненіи школъ церкви, реформъ брачныхъ законовъ по каноническимъ правиламъ и т. д. При Бахѣ духовные играли роль жандармовъ, вывѣдывая всѣ семейныя тайны. Кромѣ военной цензуры для театра, столь строгой, что она вычеркивала даже фразы, вродѣ словъ, сказанныхъ о мечѣ—„это орудіе дѣлаетъ и свободныхъ людей и рабовъ“,—Бахъ завелъ еще духовную цензуру при вѣнской консисторіи. Попы запрещали австрійскихъ классиковъ, преслѣдовали „безнравственные“ театральные костюмы, слѣдили за поведеніемъ актеровъ. Но это было только начало клерикальной тиранніи, усилившейся съ каждымъ днемъ. Подъ покровительствомъ вѣрнаго слуги іезуитовъ, министра просвѣщенія Туна, въ маѣ 1849 г. въ Вѣнѣ собрался соборъ епископовъ и въ своемъ адресѣ императору предложилъ ему „услуги св. церкви для возрожденія народовъ Австріи“. Соборъ изрекъ проклятіе политической свободѣ и объявилъ принципъ національности остаткомъ „язычества“, такъ-какъ „различіе языковъ есть только слѣдствіе первороднаго грѣха и отпаденія отъ Бога!“ Духовенство предлагало правительству сильную помощь въ его борьбѣ съ національностями и въ награду требовало себѣ судебной власти въ дѣлахъ брака и религіи, независимости отъ свѣтской власти, опеки надъ школою, завѣдыванья кладбищами и 80.000,000 гульденовъ, взятыхъ Іосифомъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ всѣ требованія епископовъ были удовлетворены, во всѣхъ школахъ появились преподаватели патеры, а на философскихъ факультетахъ открыты кафедры богословія. Открыты были особыя епархіальныя гимназій съ учителями-іезуитами, преподававшими на латинскомъ языкѣ. Въ вѣнскую военную академію было рѣшено принимать только дворянъ католическаго исповѣданія. Не католики подвергались всюду преслѣдованіямъ. Въ Прагѣ былъ отлученъ отъ церкви профессоръ Сметана. Въ разныхъ городахъ появились іезуитскія миссіи, словно для обращенія язычниковъ. Недоставало только костровъ инквизиціи, чтобы окончательно отодвинуть Австрію въ средніе вѣка, когда такъ хорошо жилось всякимъ магнатамъ, клерикаламъ и святошамъ.

II.

Замѣчательно, что въ то время, какъ дозволяли все даже іезуитамъ, „фикціи“, какъ называлъ Шварценбергъ конституцію, все еще не трогали, и она продолжала существовать, хотя и на бумагѣ только. Но подготовительныя мѣры къ перевороту

уже принимались. Въ 1850 году была отмѣнена присяга военныхъ и чиновниковъ на вѣрность конституціи. Въ то-же время въ одной оффиціозной брошюрѣ конституціонная партія выставлялась въ самомъ гнустномъ видѣ и „необузданность печати“ сравнивалась съ свободою „разбойничьяго промысла“. Обругавъ литераторовъ, рабочихъ, „интеллигентныхъ пролетаріевъ“, авторъ, адъютантъ императора, маіоръ Бабарси, писалъ: „Когда же будетъ дѣйствительно царствовать нашъ монархъ? Въ конституціонномъ государствѣ онъ слѣдуетъ не одному только голосу совѣсти, но и рѣшающему голосу отвѣтственныхъ совѣтниковъ, дѣйствующихъ противъ большинства народа (?). Повелѣнія монарха разбиваются о сопротивление совѣтниковъ, лучшія намѣренія этихъ совѣтниковъ не удаются вслѣдствіе упорства народа,— печальная школа для государей: она можетъ произвести Луи-Филиппа, но не великаго императора. Отвѣтственность, ты призракъ! Сознаемся откровенно, что конституціонный государь съ отвѣтственными совѣтниками есть иллюзія. Будемъ-же молиться, чтобы Господь, даровавшій намъ столько славныхъ, благородныхъ государей, снова далъ намъ въ Немъ *единого* властнаго правителя“. Въ концѣ 1851 года была указомъ отмѣнена отвѣтственность министровъ и поручено кн. Шварценбергу обсудить вопросъ „объ исполненіи конституціи“. Всѣ поняли, что значить это „исполненіе“; взволновались даже галиційскіе крестьяне, для которыхъ конституція была равнозначительна освобожденію отъ барщины. Но правительство уже не колебалось, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ, уже научившій его дѣлать предостереженія газетамъ, теперь показывалъ примѣръ, какъ производить переворотъ. 31 декабря 1851 г. конституція была отмѣнена императорскимъ указомъ, спѣшившимъ при этомъ снова увѣрить крестьянъ въ сохраненіи полученныхъ ими правъ. Другой указъ возвѣстилъ объ особомъ покровительствѣ св. церкви, а третій отмѣнялъ суды присяжныхъ, гласность судопроизводства и самоуправленіе общинъ, въ которыхъ давалось преобладающее значеніе въ селахъ помѣщикамъ, а въ городахъ домовладѣльцамъ. „Зданіе было увѣнчано“, и директоръ полиціи Вейсъ „предоставилъ“ жителямъ Вѣны ознаменовать это событіе иллюминаціей!

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей „обновленной Австріи“ сдѣлался баронъ Бахъ, не разъ уже перебѣгавшій изъ одной партіи въ другую. Выскочка изъ буржуазіи, безъ связей при дворѣ, онъ держался лакейничаньемъ передъ прелатами и аристократіей, корчилъ изъ себя набожнаго челоуѣка и, получивъ баронство, выбралъ своимъ гербомъ крестъ съ надписью: „*На крестъ моя надежда*“. Будучи посломъ въ Римъ, Бахъ ходилъ босикомъ въ про-

цессіяхъ и кончилъ мистическимъ умопомѣшательствомъ. Съ этимъ главнымъ столбомъ правительства дѣйствовали кардиналь Раушеръ и гр. Тунъ. Составились комиссіи изъ отчаянныхъ ультрамонтанъ и феодаловъ для проведенія „реформъ“ въ духѣ австрійской государственной мудрости, провозгласившей устами одного изъ министровъ, графа Гартига: „Императоръ слушаетъ, обсуждаетъ и повелѣваетъ; подданные желаютъ, говорятъ и повинуются—вотъ единственныя приложимыя къ Австріи правила управленія“. Эти правила всѣхъ султановъ выдавались за специально австрійскія, и всѣ несогласныя съ ними идеи провозглашались *фукціями, французскими выдумками, лжелиберализмомъ*. Все было ложь, и только у Баха съ К^о лежала правда въ карманахъ.

Переворотъ всюду возбудилъ протесты: въ Галиціи, Чехіи, Венгріи, Италіи, самой Вѣнѣ; но правительство продолжало смѣло идти по избранному имъ пути. Аресты, заточенія, казни слѣдовали непрерывнымъ рядомъ. Въмѣстѣ съ дѣйствительными революціонерами и заговорщиками преслѣдовалась масса людей по недоразумѣнію, личной мести, изъ партіонныхъ интересовъ, религіознаго фанатизма. Въ Штейермаркѣ, напр., вздумали искоренять такъ-называемый нѣмецкій католицизмъ, послѣдователи котораго устроили будто-бы обширный заговоръ противъ алтаря и трона. Достаточно было носить костюмъ, принятый нѣмецкими католиками или быть подписчикомъ ихъ уже прекратившейся газеты „Истинное Христіанство“, чтобы быть причтеннымъ къ сонму заговорщиковъ и подвергнуться аресту. Четырнадцать мѣсяцевъ шли обыски и аресты; помѣщиковъ, крестьянъ, адвокатовъ, чиновниковъ, купцовъ—всѣхъ свозили въ Грацъ и садили въ тюрьму. Когда начался судъ, прокуроръ предъявилъ обвиненіе только въ томъ, что арестованные *осмѣлились стремиться къ либеральнымъ реформамъ*. Это ужасное преступленіе доказывалось тѣмъ, что обвиняемый чиновникъ Кучеро былъ братъ издателя „Истиннаго Христіанства“ и подписывался на эту газету, да и теща его ревностно предана нѣмецкому католицизму; помѣщикъ Дейбнеръ жилъ долго въ Америкѣ, подписывался на „Истинное Христіанство“, долго сидитъ по ночамъ со свѣчей, носить кожаные штаны и круглую демократическую шляпу и т. д. Послѣ 14-ти-мѣсячнаго суда оправдали всѣхъ подсудимыхъ, но они нажили подъ арестомъ болѣзни, раззорились, разстроили всѣ свои дѣла. Въ самой Вѣнѣ судебныя приговоры появлялись разомъ цѣлыми десятками, поражая невоздержныхъ на языкъ либераловъ, журналистовъ, литераторовъ, лицъ, имѣвшихъ хоть какую-нибудь связь съ движеніемъ 1848 г. Когда одинъ газетный корреспондентъ, послѣ продолжительнаго ареста, былъ освобожденъ и попросилъ у директора полиціи Вейса

свидѣтельства о своей невинности, то послѣдній отвѣчалъ: „будьте довольны и тѣмъ, что мы васъ освобождаемъ—вѣдь у васъ на квартирѣ нашли красную шапку!“— „Но, возразилъ корреспондентъ, это домашняя шапка и только подкладка у нея красная“.— „Это все равно, красный цвѣтъ революціонный“. Нарушая общанія, данныя крестьянамъ, реакціонное правительство принимало болѣе и болѣе феодальный характеръ. Въ маѣ 1852 года сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ, уступая настояніямъ дворянства, желаетъ возстановить маіораты; 27 мая изданы новые законы о печати и уголовные, напоминавшіе своею строгостью средніе вѣка. Тюремное заключеніе даже за нарушенія законовъ о печати усилено было наложеніемъ оковъ, одиночествомъ въ темной каморѣ, наказаніемъ розгами и палками. За содержаніе напечатаннаго должны были отвѣчать авторъ, переводчикъ, издатель, редакторъ, типографщикъ, книгопродавецъ, наборщики, разносчики. Чтобы подорвать связь между людьми образованными и печатью, въ законъ внесли 26-й §, по которому каждый судебный приговоръ влекъ за собой лишеніе орденовъ, титуловъ, пенсій, ученыхъ степеней, правъ судьи, нотариуса, адвоката, священника, профессора, учителя, общественнаго агентъ. 65 § закона составили такъ, что подъ него можно было подвести все, что угодно: „Преступленіе нарушенія общественнаго спокойствія совершаетъ тотъ, кто возбуждаетъ ненависть или презрѣніе къ императору, единству государства, формѣ правленія; подстрекаетъ къ неповиновенію, возмущенію или сопротивленію законамъ, распоряженіямъ и требованіямъ властей; убѣждаетъ другихъ не платить налоговъ, основываетъ преступныя общества или принимаетъ въ нихъ участіе“. По слѣдующему § дѣйствіе этого закона распространялось и на статьи, относящіяся къ Германскому Союзу. вмѣстѣ съ этимъ драконовскимъ закономъ оставалась по-прежнему система денежныхъ штрафовъ и административныхъ предостереженій. Одновременно съ изданіемъ этого закона были запрещены всѣ политическія общества и сходки, а въ 1853 г. вышелъ законъ о паспортахъ, выдача которыхъ воспрещалась всѣмъ „подозрительнымъ“ людямъ, и прописка ихъ была обусловлена самыми строгими правилами. вмѣсто гласнаго суда присяжныхъ было введено старинное инквизиціонное производство; измѣна, возстаніе, убійство, поджогъ и разбой подлежали военному суду, смертные приговоры котораго предписывалось исполнять не позже трехъ часовъ послѣ ихъ произнесенія, чтобы не было просьбъ о помилованіи. Самоуправленіе общинъ было убито, гласность ихъ собраній устранена, ихъ имущества переданы въ распоряженіе чиновниковъ. Бюрократія снова сдѣлалась всемогущею, но только относительно гражданъ, что-же

касается правительства, то оно старалось держать чиновниковъ въ безусловномъ повиновеніи, строго слѣдило за ихъ мундирною формою, а въ 1852 г. официальная газета, словно модный журналъ, давала самыя точныя правила о бритвѣ: „Ношеніе бородъ вовсе воспрещается; подбородокъ долженъ быть выбритъ до уровня губъ, усы и бакенбарды дозволяются, но съ устраненіемъ всякаго излишества“. Въ 1857 г. изданы новыя законы о военныхъ наказаніяхъ, которымъ во многихъ случаяхъ подлежали и гражданскія лица. Въ числѣ этихъ наказаній вводились и тѣлесныя, назначавшіяся солдатамъ, прислугѣ, поденщикамъ, подмастерьямъ, равно какъ женамъ и дѣтямъ ихъ.

Въ то время, какъ всѣ политическія общества были закрыты, католическіе союзы росли какъ грибы, пользуясь благосклоннымъ покровительствомъ двора и аристократіи. Они доставляли своимъ членамъ репутацію благонамѣренности, обезпечивали карьеру, открывали дорогу въ высшій свѣтъ, и чиновникъ, чтобы быть на хорошемъ счету, непременно долженъ былъ принадлежать къ „Союзу св. Северина“, къ „Михайловскому братству“ или другому подобному обществу. Осенью 1853 г. въ богоспасаемой Вѣнѣ состоялся съѣздъ изъ 1,500 депутатовъ католическихъ союзовъ всей Германіи, много было сказано елейныхъ рѣчей, много произнесено проклятій либеральнымъ лжеученіямъ, много начертано проектовъ о спасеніи общества въ лонѣ католической церкви. Вестфальскій совѣтникъ Руландъ, между прочимъ, доказывалъ, что „сатана господствуетъ въ гимназіяхъ и университетахъ“; поэтому необходимо передать учебныя заведенія духовенству, открыть семинаріи для мальчиковъ и католическіе союзы въ каждой общинѣ. Въ томъ-же смыслѣ были составлены постановленія съѣзда, и министръ просвѣщенія Тунъ съ усердіемъ истаго причетника началъ „обновлять“ Австрію въ іезуитско-католическомъ духѣ. Съ 1853 г. поденщикъ тогда только могъ получать дозволеніе на бракъ, если его дневной заработокъ былъ не менѣе 6 флориновъ. Браки всѣхъ католиковъ объявлены нерасторжимыми. Въ Прагѣ выгнанъ изъ службы профессоръ Ганусъ за свое гегельянство. Тунъ старался охранять отъ „лжеученій“ не только католиковъ, но даже протестантовъ и евреевъ. Въ 1852 г., напр., онъ закрылъ синагогу израильскаго союза, основаннаго для реформы іудейства, и заставлялъ членовъ его по-прежнему держаться талмуда! Евреи снова были лишены права имѣть недвижимую собственность и держать въ услуженіи христіанъ. Тунъ вообще дѣйствовалъ такъ, словно хотѣлъ нарочно раздражать религіозную и племенную ненависть между народами Австріи. Въ Далмаціи, напр., не бывало никакихъ столкновеній между итальянцами и славянами, пока Тунъ не пред-

писалъ въ 1852 г. православнымъ попомъ вести церковныя книги по-италіянски и вмѣсто кириллицы употреблять латинскую азбуку. Православное населеніе встревожилось еще болѣе, когда правительство заговорило объ обращеніи его въ унию. Въ то-же время были допущены ненавистные народу іезуиты, сначала въ Ломбардіи и Галиціи, потомъ въ Австріи. Подъ вліяніемъ іезуитовъ, и школамъ и литературѣ правительство хотѣло придать строго католическій характеръ. Туна пригласилъ бездарнаго поэта Редвица „боротся съ невѣрующими и улучшать вкусъ въ духѣ церкви“. Редвицъ составилъ для Туна записку и въ ней начерталъ слѣдующую программу возрожденія литературы и истинно-австрійской образованности: „Высшая святая задача христіанской поэзіи состоитъ въ убѣжденіи, что истинное искусство существуетъ только въ церкви. Каждое произведеніе ума независимое отъ христіанства, есть ядъ для націи и ведетъ къ отпаденію отъ божественнаго авторитета, къ нравственной и умственной гибели, къ потрясенію всѣхъ остальныхъ законовъ государства и, наконецъ, къ революціи... Обезьянье подражаніе древнимъ нельзя вмѣнить въ заслугу нѣмецкой классической литературы. Учителя съ своимъ увлеченіемъ античнымъ искореняютъ въ воспитанникахъ гимназій и университетовъ духъ христіанства. Даже классическихъ поэтовъ и міеологію нужно преподавать и толковать въ христіанскомъ смыслѣ“. Полуумный Редвицъ былъ назначенъ профессоромъ нѣмецкой литературы въ вѣнскомъ университетѣ.

Такова была „настоящая австрійская конституція“, данная народамъ имперіи въ началѣ 1855 г. Духовенство ликовало и спѣшило воспользоваться побѣдою. 22 іюля въ громадной процессіи въ честь непорочнаго зачатія императоръ и дворъ обошли весь городъ. Іезуиты и разные монашескіе ордена покупали громадныя имѣнія. Лѣтомъ 1855 года въ вѣнскій университетъ запрещено принимать студентами евреевъ, а въ слѣдующемъ году университетъ совершенно перешелъ въ руки іезуитовъ. По пятницамъ запрещены были даже концерты! До какой степени укоренилось въ гимназіяхъ поповское вліяніе, можно видѣть изъ того факта, что въ 1855 г. въ нихъ было:

	Духовныхъ.	Свѣтскихъ.
Директоровъ : . . .	181	85
Учителей	1,380	1,411.

Нѣкоторыя гимназіи были всецѣло отданы іезуитамъ. Въ 1857 г. студентамъ было предписано бывать у обѣдни по воскресеньямъ и пятницамъ. Захвативъ школы, притѣсная протестантовъ и пра-

вославныхъ, подавляя печать, задерживая всякое умственное развитіе, духовенство хотѣло распорядиться и семейною жизнью и въ 1856 г. получило судебную власть по всѣмъ брачнымъ дѣламъ.

Реакціонный планъ возрожденія былъ выполненъ, но желаннаго мира и спокойствія въ благословенной имперіи не получилось. Италіянци, венгры, поляки, чехи, сербы, русины не хотѣли быть нѣмцами; агитація, заговоры, революціонная пропаганда не прекращались, казни не сдѣлались рѣже. Но реакціонеры не унывали, вполнѣ полагаясь на свою армію, на духовную армію въ черныхъ расахъ, на голубой корпусъ жандармовъ, на гусаровъ Баха и сыщиковъ Вейса. Даже министерство финансовъ старалось поддерживать вѣру въ „неисчерпаемыя богатства Австріи“, печатало бумажныя деньги и занимало, пока давали. Но самые недалёковидные политики должны были убѣдиться, что дѣла идутъ плохо. Въ 1849 г. расходовъ было 290.000,000 гульденовъ, въ томъ числѣ на армію 150 м., а доходовъ только 150.000,000. Начали сокращать расходы, но все-таки ежегодно оказывался дефицитъ около 70.000,000. Взяли въ министры Баумгартнера, но и профессоръ не могъ ничего придумать, кромѣ займа. Да и возможно ли было что-нибудь придумать, когда все государственное зданіе было построено на раззореніи народа, когда при полномъ отсутствіи гласности и общественнаго контроля все крало и было продажно, когда первые сановники, всѣ эти Шварценберги, Меттернихи, Эстергази, Сапѣги, Яблоновскіе, разыгрывая роль ханжей, въ то-же время предавались самымъ постыднымъ спекуляціямъ. Профессоръ придумалъ въ 1854 г. еще новый заемъ, но добытые имъ 611.000,000, въ значительной степени разворованные, исчезли быстро, и на 1855 г. снова получился неизбежный дефицитъ въ 139.000,000. Сдѣлали министромъ ловкаго Брука,—не придумаешь ли чего онъ? Брукъ придумалъ, и его коллеги одобрили, что единичныя усилія министровъ въ столь критическихъ обстоятельствахъ недостаточны и нужно обратиться къ содѣйствію самаго общества. Этотъ планъ явился еще въ 1849 г., но онъ осуществился только въ концѣ 1855 г., да и то лишь для обсужденія состоянія Галиціи. Что говорили графы Меркандія, Ларичъ, Мощинскій, Рыльскій и Штернштейнъ,—покрыто мракомъ неизвѣстности, но одушевленный ихъ присутствіемъ Брукъ составилъ „геніальный“, какъ его называли оффиціозы, планъ—основать нѣсколько банковъ для содѣйствія торговлѣ и проведенію желѣзныхъ дорогъ. Началась неистовая спекуляція, впервые увлекшая въ свой водоворотъ всѣ классы общества. Опоры католицизма, магнаты, начали обдѣлывать дѣлишки заодно съ еврейскими банкирами и ростовщиками; спасители отечества играли имъ на биржѣ. Затѣмъ, въ 1858 г. Брукъ.

сдѣлалъ второй геніальный шагъ и продалъ желѣзныя дороги на условіяхъ, остающихся до сихъ поръ неизвѣстными! Операція была столь удачна, что уже въ концѣ 1858 г. пришлось дѣлать въ Лондонѣ заемъ въ 6.000,000 фунт. ст. Съ 1849 по конецъ 1858 г. государственный долгъ съ 1,200 м. увеличился до 2,292 милліоновъ, а проценты по нему съ 40 до 101 м.!

Катастрофа была неизбѣжна, и реакція, по обыкновенію, сама ускорила ее, не понимая, насколько серьезно положеніе дѣлъ. Внутреннюю катастрофу можно было какъ-нибудь оттянуть на время, но реакція въ своемъ самообольщеніи задѣвала внѣшнихъ враговъ и готова была воевать со всей либеральной Европой, какъ воевала она съ вѣнскими студентами. Въ Италіи готова была вспыхнуть война за освобожденіе. Наполеонъ, котораго при вѣнскомъ дворѣ называли „коронованнымъ разбойникомъ“, „Тартюфомъ“, „продохой“, давно уже точилъ зубы на Австрію. Пьемонтъ снова готовился вступить въ борьбу съ нею. И въ это-то самое время Брукъ продалъ необходимыя для военныхъ дѣйствій желѣзныя дороги!

Разразилась война. Австрія была побита и лишилась Ломбардіи; вся реакціонная система пала сама собою, и манифестомъ отъ 15 іюля императоръ возвѣстилъ, что настало время внутреннихъ реформъ. Но проходили недѣли за недѣлей, всѣ томилась въ невѣдѣности, всѣ видѣли, что невозможно жить болѣе такъ, какъ жили подъ сѣнію конкордата, а правительство ничего не предпринимало. Въ концѣ іюля линцкая торговая палата въ своемъ отчетѣ писала Бруку: „Съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе и событія настойчиво убѣждаютъ насъ, что необходимо дать полный просторъ свободному развитію интеллигенціи, общественнаго мнѣнія, ассоціаціи, промышленности, самоуправленія, земскихъ интересовъ. Нація чувствуетъ потребность въ свободномъ, самостоятельномъ развитіи силъ, безъ чего она не въ состояніи соперничать съ другими народами“. Въ Вѣнѣ, писали въ то-же время въ „Allgem. Zeitung“, настроеніе самое возбужденное. Должна произойти перемѣна; здравый смыслъ народа слишкомъ сильно вооруженъ противъ существующихъ порядковъ, и всеобщее недовольство обнаруживается столь энергично, что на это уже нельзя болѣе не обращать вниманія. Въ этомъ заключается единственная гарантія улучшенія“.

22 августа хитроумный Бахъ и шефъ жандармовъ Кемпенъ были уволены. Кого-то выдвинуть на сцену обстоятельства?

III.

На этотъ разъ за починку взялся графъ Голуховскій, пркій панъ изъ Галиціи. Въ официальной газетѣ 22 августа 1859 г. появилось въ видѣ программы извѣстіе о засѣданіяхъ совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ императора. Дѣло шло о финансахъ, о мѣстномъ самоуправленіи, о свободѣ вѣроисповѣданія, но правительство при этомъ не давало никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній. Для всѣхъ было очевидно, что при существованіи конкордата свобода совѣсти, о которой заявляла официальная газета, не мыслима; мѣстное представительство предполагалось устроить „по сословіямъ“; іезуитовъ хотѣли не изгнать, а „опредѣлить ихъ положеніе сообразно съ мѣстными обстоятельствами“; вмѣсто выборнаго представительства обѣщалось созваніе „доверенныхъ людей“. Все это были полумѣры, тогда-какъ положеніе дѣлъ уже рѣшительно не позволяло долѣе медлить принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ. Денегъ вовсе не было. 50.000,000, полученные какъ вознагражденіе за Ломбардію, ушли что называется между пальцами; новый заемъ рѣшительно не удался, и вмѣсто 200.000,000 получилось только 76.000,000. Въ то-же время открыты были вопіющія злоупотребленія военныхъ властей и подрядчиковъ во время войны; преданы суду одинъ генераль, нѣсколько коммерсантовъ и директоръ банка. Министръ финансовъ Брукъ оказался прикосновеннымъ къ этимъ плутнямъ, о чемъ было заявлено даже въ официальной газетѣ, но когда Брукъ перерѣзалъ себѣ горло бритвой, это заявленіе было опровергнуто и объяснено „опечаткой“. Нужно было сдѣлать что-нибудь выходящее изъ ряду вонъ, чтобы отвлечь вниманіе Европы отъ этихъ скандаловъ, и 5 марта вышелъ указъ, которымъ въ государственный совѣтъ назначены нѣсколько эрцгерцоговъ архіереевъ, сановниковъ, капиталистовъ и 38 провинціальныхъ депутатовъ, выбранныхъ императоромъ... Населеніе, особенно въ Венеціи и Венгріи, не ожидало ничего путнаго отъ этихъ магнатовъ, генераловъ и епископовъ, желавшихъ такого порядка, при которомъ-бы возможно было возобновленіе феодальныхъ привиллегій и барщины и сохраненіе конкордата. Въ этомъ отношеніи сходились между собой всѣ вельможные представители Австріи, Венгріи, Галиціи, Чехіи. Вожаками этой конституціонной реакціи были венгерскіе магнаты, энергіи и ловкости которыхъ, впрочемъ, Австрія была обязана тѣмъ, что, призванные для усиленія государственнаго совѣта, они превратились, наконецъ, въ депутатовъ. Но это случилось позже; сначала-же правительство, видѣвшее передъ собою полное банкротство и громадный дефицитъ въ 280.000,000, предложило

усиленному совѣту проекты новыхъ налоговъ и займа. Послѣ двухнедѣльныхъ преній составилось два мнѣнія. И большинство и меньшинство съ одинаковою энергіею отвергали существующую систему, доказывая, что для спасенія государства необходимо призвать къ дѣятельности народъ и ввести представительное правленіе. Но большинство при этомъ преслѣдовало клерикально-феодалныя дѣли, либеральное-же меньшинство желало возстановленіе конституціи 48 года. Но это меньшинство было до того слабо и феодалы до того запугали его своими обвиненіями въ революціонныхъ замыслахъ, что оно торжественно отреклось отъ своего дѣла, заявивъ, что оно „никогда не имѣло въ виду даже въ отдаленномъ будущемъ представительнаго правленія въ новѣйшей его формѣ и по французскимъ образцамъ!“. За меньшинство было подано 16, за большинство 34 голоса, и магнаты ликовали. 21 октября появился императорскій „дипломъ“, въ которомъ управленіе передавалось мѣстнымъ сеймамъ и государственному совѣту, „усиленному“ до 100 человекъ.

Болѣе другихъ выиграла отъ этой перемѣны Венгрія, получившая свое самостоятельное управленіе съ парламентомъ; что-же касается „наслѣдственныхъ“ нѣмецкихъ земель, то панъ Голуховскій сильно обидѣлъ ихъ. Давъ равноправность евреямъ, помирившись поневолѣ съ правами венгровъ, Голуховскій поступилъ съ нѣмцами, какъ истый феодалъ, давъ на сеймахъ рѣшительное преобладаніе прелатамъ и дворянству. Но Голуховскому уже не удалось затормозить общественнаго движенія, и назначенный на его мѣсто Шмерлингъ смѣло произнесъ такъ долго бывшее подъ запретомъ слово *конституція*. Въ докладѣ Шмерлинга, въ выраженіи „государственный сеймъ“, императоръ, вычеркнувъ послѣднее слово, написалъ вмѣсто него „*совѣтъ*“. Этотъ государственный совѣтъ состоялъ теперь изъ двухъ палатъ. Въ палатѣ господъ сидѣли назначаемые государемъ эрцгерцоги и прелаты и наслѣдственные члены изъ магнатовъ и епископовъ. Въ палатѣ депутатовъ было 343 члена; они выбирались мѣстными ландтагами, на которыхъ магнаты и духовенство пользовались рѣшительнымъ преобладаніемъ. Такимъ образомъ, вся конституція была составлена въ интересахъ клерикаловъ и аристократіи, и Шмерлингъ сдержалъ слово, данное имъ императору, желавшему, чтобы большинство совѣта всегда зависѣло отъ двора. Это было продолженіе прежней комедіи, и дворцовая камарилья съ перваго же дня существованія конституціи начала подкапываться подъ нее, а въ 1865 г. Шмерлингъ былъ замѣненъ клерикально-реакціоннымъ министерствомъ Белкреді. Правительство, не заботясь о дѣлахъ первостепенной важности, снова занялось подготовительными мѣрами для отмѣны конституціи. Самъ Белкреді ежедневно пи-

саги и печаталъ въ „Вечерней Почтѣ“ статьи, въ которыхъ доказывалось, что конституція — „*фикція*“. Не рѣшался на открытый переворотъ, правительство объявило сеймъ „отсроченнымъ“, и Белкреді съ К^о началъ хозяйничать, какъ хотѣлъ. Газетамъ было запрещено говорить объ отсрочкѣ парламента, о разстройствѣ финансовъ, объ іезуитахъ, „возбуждать недобѣріе къ правительству“ и т. д. Свободный голосъ печати умолкалъ и въ то-же время усиленно раздавались фанатическіе голоса іезуитовъ и клерикаловъ. Епископы требовали строгаго выполненія конкордата, въ Австріи снова появились изгнанные изъ Италіи іезуиты; Вальдекъ, Фирхофъ и Гнейстъ исключены изъ числа почетныхъ членовъ вѣнскаго университета.

Все предвѣщало, что возвращаются времена Баха и Туна, только правительство вело реставрацію не такъ быстро, какъ хотѣлось ему. Его озабочивали прежде всего финансы. Дѣлали займы, повышали налоги, раззорали народъ, а денегъ все не было. Въ то-же время венгры все болѣе и болѣе поднимали голову, стремясь къ независимости, чехи тоже не ладили съ правительствомъ, въ Галиціи шли раздоры поляковъ съ русинами, а Венеція стремилась присоединиться къ Италіи. Но Белкреді и К^о шли къ своей цѣли, очертя голову, и, какъ обыкновенно дѣлается съ людьми въ ихъ положеніи, нарвались на войну, начатую подъ несомнѣннымъ вліяніемъ іезуитовъ. Урока, даннаго семь лѣтъ назадъ итальянцами и французами, оказалось недостаточнымъ, и послѣдовалъ новый урокъ, данный пруссаками. Исходъ войны былъ ясенъ съ самаго начала ея. Послѣ первыхъ-же пораженій Бенедекъ телеграфировалъ въ Вѣну, настаивая на заключеніи мира, но іезуиты хотѣли войны и собратъ ихъ баронъ Баумгартенъ отправился въ главную квартиру и далъ сраженіе при Кениггрецѣ. Война кончилась въ нѣсколько дней, Австрія потеряла Венецію и была исключена изъ германскаго союза.

III.

По мнѣнію даже австрійскихъ военныхъ спеціалистовъ, смыслъ урока, полученнаго Австріей въ 1866 г., состоитъ въ томъ, что „причины катастрофы слѣдуетъ искать въ государственномъ нестройствѣ и въ томъ, что враждебный прогрессу конкордаты извращалъ воспитаніе юношества“. „Не государственное искусство Бисмарка и не стратегія Мольтке, говоритъ другой военный писатель, — а знаменитая борьба Роона съ оппозиціей подняла до пароксизма духъ арміи. Трибуны лучше всего воодушевляють войска“.

Австрійскіе заправители не поняли этого, несмотря на явно враждебное настроеніе Венгріи и на то, что даже въ нѣмецкихъ земляхъ требованія конституціи сдѣлались настоятельными. Императору подавались адреса въ этомъ смыслѣ, но онъ или не отвѣчалъ на нихъ или выражалъ свое неблаговоленіе. Но подача адресовъ не прекращалась; ихъ посылали большею частію городскія управленія, и буржуазія, особенно страдавшая отъ застоя въ дѣлахъ, видѣла въ конституціи единственное спасеніе. Клагенфуртская торговая палата въ своемъ адресѣ къ императору заявляла, что политика правительства до того разстроиваетъ матеріальное положеніе страны, что даже она, палата, не будучи политической корпораціею, не можетъ долѣе молчать объ этомъ. Противъ этого мѣста Белкреді написалъ: „нечего и соваться въ политику“ и возвратилъ адресъ, не доложивъ его императору. Белкреді не шелъ ни на какія уступки и, воспользовавшись предлогомъ войны, объявилъ Вѣну въ осадномъ положеніи. Всѣ основы государства были потрясены, всѣ народности возбуждены, венгерцы въ особенности были настроены враждебно къ нѣмцамъ, и въ газетѣ „Napl“ Деакъ писалъ: „Венгрія требуетъ скорого удовлетворенія; опасное положеніе монархіи не допускаетъ ни малѣйшаго промедленія. Значительная часть имперіи занята непріятельскими войсками, свободна только Венгрія, но она мертва. Венгрія можетъ сдѣлать все, или, по крайней мѣрѣ, многое, но у нея связаны руки. Одно только парламентское правленіе можетъ развязать ей руки и вдохнуть въ нее новую жизнь. Если Венгрія способна что сдѣлать для монархіи, то это возможно только въ томъ случаѣ, когда во главѣ ея станетъ правительство, созданное народною волей, въ которомъ-бы нація видѣла гарантію своихъ правъ“. Деакъ лично отправился въ Вѣну, чтобы переговорить объ отвѣтственномъ министерствѣ, но Белкреді стоялъ на своемъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ конституціяхъ. Онъ воображалъ, что конституція на-вѣки погребена на поляхъ Кениггреца, и скорѣе готовъ былъ видѣть паденіе Австріи и на ея развалинахъ торжествовать побѣду консерватизма, чѣмъ сдѣлать уступку въ пользу „фигціи“. Между тѣмъ, мѣстные сеймы, собравшіеся осенью, оказались настроенными крайне враждебно феодально-ультрамонтанскимъ затѣямъ Белкреді и К°. „Въ Австріи и Турціи одна система правленія—произволь!“ воскликнулъ одинъ ораторъ. Въ своихъ адресахъ сеймы указывали, какъ на результаты отѣны конституціи, на усиленіе національной вражды, всеобщій застой въ дѣлахъ, быстро усилившееся разстройство финансовъ, развитіе чиновничьихъ злоупотребленій, умственную отсталость Австріи; они требовали „немедленнаго окончательнаго превращенія монархіи въ свободное культурное государство новѣйшаго времени“. Белкреді рѣ-

шился эксплуатировать это движеніе для своихъ цѣлей и въ началѣ 1867 г. распорядился, чтобы сеймы произвели выборы въ „чрезвычайный совѣтъ“, въ которомъ онъ постарался заручиться необходимымъ ему для пересмотра конституціи реакціоннымъ большинствомъ изъ магнатовъ, іезуитовъ и славянъ. Всѣ чиновники, помѣщики, епископы, патеры изо всѣхъ силъ помогали министру, и онъ уже заранѣе торжествовалъ побѣду.

Но вдругъ Белкредіи получили ударъ и вовсе не съ той стороны, откуда онъ ожидалъ его, не спереди, не отъ народа, а сзади, отъ двора. 3 февраля онъ неожиданно былъ замѣщенъ Бейстомъ, а 18 февр. въ Венгріи восстановлена конституція и назначенъ министромъ Андраши, приговоренный въ 49 г. къ повѣшенію. Реакція съ позоромъ провалила сама себя. Пришлось уступить либераламъ на всѣхъ пунктахъ, пришлось согласиться не только на отдѣленіе, но даже на преобладаніе Венгріи. Примѣръ послѣдней воодушевилъ и нѣмецкихъ либераловъ, громко требовавшихъ „свободы, какъ въ Венгріи“. Мѣстные сеймы рѣшительно заявляли о необходимости созванія общаго сейма, отвѣтственности министровъ, пересмотра конституціи. Государственный совѣтъ открылся 22 мая и въ своемъ отвѣтномъ на тронную рѣчь адресъ высказался за конституцію въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ: „Послѣ двухъ лѣтъ палата депутатовъ снова можетъ возвысить свой голосъ у ступеней трона. Это были ужасные годы для Австріи! Важнѣйшія государственныя дѣла велись безъ всякаго участія народнаго представительства, и это много повредило кредиту имперіи“. Палата требовала „реформы всего законодательства и администраціи въ духѣ свободы и прогресса“. Палата узаконила отвѣтственность министровъ, равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу печати, вѣры, сходовъ и обществъ, которыя, однакожь правительство могло закрывать подъ предлогомъ „государственной опасности“. Такимъ образомъ, вопросъ о конституціи былъ поконченъ. 1 ноября 1848 г. торжествующій Виндишгрець говорилъ депутатамъ и журналистамъ, что „конституціи нѣтъ болѣе и не будетъ!“ 3 апрѣля 1873 г. графъ Ауерспергъ объявлялъ членамъ государственнаго совѣта, что „нынѣ, по истеченіи 25 лѣтъ, въ первый разъ открывается австрійскій парламентъ“. Австрія получила, наконецъ, возможность свободнаго развитія, и хотя ея конституція, благодаря усиліямъ реакціонеровъ, скоро оказалась далеко не соответствующею своей цѣли, но все-таки она была неизмѣримо лучше предшествовавшаго ей хозяйничанья разныхъ Баховъ, Туновъ, Голуховскихъ и Белкредіи.

Оставляя по-прежнему въ сторонѣ борьбу національныхъ элементовъ, мы по-прежнему будемъ слѣдить только за социальными от-

ношеніями. Всѣ національности государства, несмотря на ихъ заклятую вражду, раздѣлялись въ сущности на два лагеря: въ одномъ стояли помѣщики, духовенство и чиновники, въ другомъ либеральная буржуазія, интеллигенція *), рабочіе и крестьяне. Магнаты и клерикалы были сбиты съ позиціи и уже въ 1867 г. должны были выдержать рѣшительный натискъ либеральной партіи. Послѣ двѣнадцатилѣтняго господства ханжей конкордатъ сдѣлался окончательно ненавистнымъ обществу, а духовенство по-прежнему продолжало раздражать его своими выходками, какъ, напр., линцскій епископъ, приговорившій одного патера за его сношенія съ протестантами къ голодной смерти! Для поправленія государственныхъ финансовъ общество требовало конфискаціи церковныхъ имуществъ. Епископы, чужды бѣдѣ, съ кардиналомъ Раушеромъ во главѣ, обратились къ императору съ адресомъ, въ которомъ требовали полицейской помощи для поддержанія ихъ духовнаго авторитета. „Дѣло идетъ уже не о католической религіи, а о христіанствѣ, говорилъ адресъ. Ни въ одной странѣ, кромя Италіи, священнѣйшіе интересы человѣчества не подвергаются такимъ безстыднымъ нападеніямъ, какъ въ Австріи. Весь шумъ, поднятый противъ конкордата, значить только, что хотять имѣть бракъ безъ обрядовъ и нравственной основы и школу безъ религіи и нравственности“. Но подобныя причитанья уже не дѣйствовали, и парламентъ, возстановивъ гражданскій бракъ, устранилъ надзоръ духовенства за школами. Въ 1868 г. правительство запретило вербовку солдатъ въ папскую армію и закрыло іезуитское Михайловское Братство. Епископы подняли гвалтъ, проклиная въ проповѣдяхъ и пастырскихъ посланіяхъ „шайку либераловъ“, утверждая, что „самъ сатана управляетъ дѣлами нашего времени“, что конституціоналисты хотять „превратить человѣчество въ стадо животныхъ“. Всюду устраивались процессіи, аристократическія барыни собирали деньги въ пользу святѣйшаго отца, въ Тироля іезуиты организовали феодально-ультрамантонское тайное общество; патеры и іезуиты заигрывали съ рабочими, и въ парламентѣ патерь Грейтеръ, заявляя о союзѣ церкви съ социализмомъ, называлъ Лассала новѣйшимъ Мессіей, а магнаты, превращаясь въ „ловцовъ крестьянъ“, бунтовали ихъ противъ невѣрующихъ либераловъ. Но ничто не помогло, и конкордатъ палъ.

Агитируя противъ либераловъ, рабочихъ и крестьянъ, клерикалы затрогивали самое больное мѣсто конституціи, которая ничего не сдѣлала для обезземеленныхъ крестьянъ и рабочихъ. Послѣдніе

*) Этотъ терминъ употреблялся тогда въ Австріи. *Примѣчаніе для нѣкоторыхъ нашихъ газетчиковъ.*

волновались. Въ ноябрѣ 1869 г. были беспорядки въ Триестѣ и социалистическія сходы въ Вѣнѣ. 13 декабря работы прекратились на всѣхъ вѣнскихъ фабрикахъ и болѣе 10,000 ч. двинулось ко двору министра-президента подъ предводительствомъ лассалевскаго ученика Гартунга. Графъ Таафе принялъ трехъ ихъ делегатовъ, которые заявили, что народъ требуетъ свободы печати и сходовъ, уничтоженія постоянной арміи и общей подачи голосовъ. Таафе обѣщаль принять это къ свѣденію, но 22 декабря въ средѣ рабочихъ начались аресты „зачинщиковъ“. Социалистическія сходы рабочихъ продолжались около двухъ мѣсяцевъ, въ Вѣнѣ, Прагѣ, Краковѣ и другихъ городахъ. Успокоивъ рабочихъ незначительными уступками, буржуазія спѣшила воспользоваться плодами одержанной ею побѣды. Послѣ неистовствъ солдатчины и сторонниковъ конкордата, начался шабашъ спекуляціи. „Вожаки конституціонной партіи, писалъ въ 1872 г. одинъ нѣмецкій публицистъ,—составляютъ клику, которая, имѣя свою главную квартиру въ Вѣнѣ и располагая здѣсь богатыми средствами, задаетъ тонъ. Эта клика не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ обезпечивать за собой перевѣсъ въ государственной жизни. Ради этой цѣли члены ея забываютъ о личной враждѣ, соперничествѣ и т. д.; ради этой цѣли они готовы на всевозможныя жертвы и пожертвовали-бы даже конституціей, если-бы только она не была именно тѣмъ, что доставляетъ имъ власть. Конституціонная форма правленія составляетъ для нея условіе жизни, безъ котораго она не имѣла-бы никакого вліянія на законодательство. И она заинтересована въ поддержаніи именно настоящей псевдолиберальной конституціи, такъ-какъ только при ней, а ни при какой другой, возможно такимъ образомъ господствовать“. Покупая и запугивая избирателей, подтасовывая выборы и подготавливая почву для обширнѣйшей спекуляціи, конституціонная партія совершенно развратила многочисленную и вліятельную вѣнскую журналистику. „Нѣтъ ничего легче, какъ измѣнить направленіе редакціи, говоритъ „Deutsche Zeitung“ 1872 г. Журналисты не въ силахъ противиться такой перемѣнѣ, такъ-какъ сотрудника, кѣрнаго своимъ убѣжденіямъ, всегда легко замѣнить продажнымъ писакой. Что-же касается твердости характера собственниковъ газетъ, то нужно замѣтить, что наше время далеко не благоприятно для развитія крѣпкихъ характеровъ, закаленныхъ отъ всякихъ искушеній, а богатство собственника скорѣе увеличиваетъ, чѣмъ уменьшаетъ опасность, такъ-какъ изъ всѣхъ профессій милліонерская наименѣе подходитъ къ роли Юніуса или Курье. Въ Австріи, благодаря въ особенности штемпельному налогу, собственники журналовъ, а частью и журналисты, особенно „политико-экономисты“,

вынуждены торговать своими убѣжденіями, такъ-какъ они получаютъ свои главные доходы изъ источниковъ, о которыхъ не говорится гласно. Къ этому присоединилась еще глубоко-знаменательная метаморфоза, происшедшая со многими газетами. Большіе и малые органы перешли въ собственность банковъ, и ими заправляютъ не номинальные собственники, не сотрудники, а банковые совѣты правленій. Нынѣ банки вѣрны конституціи; но, положя руку на сердце, кто можетъ поручиться, что ихъ вѣрность устоитъ противъ искушенія, если какое-нибудь феодальное министерство поманитъ директоровъ лакомой концессіей? Можетъ быть, они не заставятъ свои газеты служить извѣстнымъ клерикальнымъ цѣлямъ, но національная программа большей части ихъ продажна“. Однимъ изъ самыхъ типическихъ представителей этой журналистики былъ Фридендеръ, редакторъ „Neue Freie Presse“. „Если-бы, говорить упомянутая газета,—грѣхи его были чисто-спекулятивно-дѣлового характера, то мы прикрыли-бы ихъ мантией христіанской любви, хотя и всѣмъ извѣстно, что онъ искалъ фортуны на биржѣ и что его игра часто возбуждала самыя серьезныя подозрѣнія биржевиковъ. Но на памяти его лежитъ другой тяжкій грѣхъ передъ независимой журналистикой, это—постыдное изобрѣтеніе продажи журналовъ акціонернымъ обществамъ. Извѣстно, что „Neue Freie Presse“ давно уже продана двумъ здѣшнимъ банкамъ, а такъ-какъ дурныя примѣры заразительны, то недавно двѣ другія, весьма распространенныя, газеты поступили въ распоряженіе новаго банка. Итакъ, на долю Вѣны выпало пріятное сознаніе, что три распространеннѣйшіе органа ея составляютъ собственность банковъ, которые, естественно, не имѣютъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ денежной наживы, кромѣ своей мамы... Продажа вліятельныхъ, распространенныхъ газетъ большимъ банковымъ учрежденіямъ есть ни что иное, какъ убійство независимаго образа мыслей, измѣна свободной печати. Намъ могутъ возразить, что банкъ не имѣетъ никакого вліянія на политическій отдѣлъ газеты. Пустая увертка! Конечно, банкъ не имѣетъ вліянія на политическое направленіе продажнаго журнала, но на долго-ли? Лишь до тѣхъ поръ, пока это угодно министру“. Всѣ большія и маленькія газеты были подеуплены и получали свой пай съ каждаго гешефта. Журнальное ремесло сдѣлалось очень выгоднымъ и за него принималась всякая сволочь. „Люди, говорить цитированный уже публицистъ,—неумѣющіе написать правильно ни одной строки или составить самое обыкновенное дѣловое письмо, неимѣющіе понятія объ орфографіи, издають въ Вѣнѣ газеты и называютъ себя журналистами и редакторами. Вырѣзывая статьи изъ другихъ журналовъ, они перебиваются кое-какъ этимъ литературнымъ хламомъ или-же нанимають

себѣ въ редакторы какаго-нибудь ничтожнаго писака и пару бѣдныхъ студентовъ въ сотрудники. Собственнику такого журнала все равно, хорошо или дурно его содержаніе; онъ требуетъ только „пикантнаго“, т. е. скандальныхъ исторій, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ, которыя-бы могли обращать на него вниманіе публики. Одинъ „журналъ“ имѣетъ не болѣе 5 подписчиковъ и печатается только въ 20 экземплярахъ, а все-таки кормитъ своего издателя, который умѣетъ то подачку выпросить, то объявленіемъ вырвать, то расхвалить кого-нибудь за деньги, то оклеветать по найму и т. д. На каждаго дѣловаго человѣка, напечатаннаго въ какой-нибудь газетѣ объявленіе, тотчасъ набрасывается эта журнальная сволочь, и своимъ нахальствомъ, угрозами, открытой клеветой и т. д. вынуждаетъ его дать и ей это объявленіе для напечатанія въ ея клоакѣ за порядочную плату. Часто подобные журналисты перепечатываютъ объявленія изъ большихъ газетъ и хотя акціонерныя общества, которыя наиболѣе эксплуатируются ими, сопровождаютъ обыкновенно свои объявленія замѣткою, что перепечатка не оплачивается, но это нисколько не мѣшаетъ этимъ грязнымъ журналистамъ требовать вознагражденія. На подобныя дѣйствія большія и распространенныя газеты смотрятъ съ презрѣніемъ, но въ сущности и онѣ не лучше. Имъ, конечно, не приходится ходить и вымаливать подачки, которыя приносятъ къ нимъ на домъ; у нихъ заключены точные договоры съ важнѣйшими акціонерными обществами, которыя обязуются ежегодно награждать ихъ опредѣленными суммами и, кромѣ того, оплачивать всѣ свои объявленія. Никакое акціонерное предпріятіе, никакой крупный промышленникъ, никакой такъ-называемый „рекламный горланъ“ (Annoncen-Schreiber) не осмѣлится не помѣстить своихъ объявленій, напр., въ „Neue Freie Presse“, „Presse“ и т. д. Если редакція одной изъ этихъ газетъ посылаетъ куда-нибудь своего агента просить о перепечаткѣ объявленій, то ему немедленно вручается плата: какъ ни вѣжливъ агентъ, но за спиной его все-таки скрывается угроза газеты немедленною мстью за отказъ. А изъ опыта извѣстно, какъ ужасно мстятъ въ такихъ случаяхъ большія газеты“.

Наполнивъ парламентъ своими сторонниками и заставивъ печать морочить публику, конституціонная партія начала игру. „Она, по словамъ „Allgemeine Zeitung“, — занималась въ парламентѣ биржевыми спекуляціями, а на биржѣ—политикой; она такъ слила и перепутала биржу съ политикой, что даже самому опытному глазу трудно различить разграничивающую ихъ линію. Политики строили желѣзныя дороги; биржевики учреждали банки, помогали другъ другу и сообща пользовались выгодами своего гешефта; то

господствующая партія нуждалась въ содѣйствіи финансовыхъ тузовъ, то финансовые тузы въ содѣйствіи парламента. Палата депутатовъ состояла подѣ-конецъ только изъ членовъ правленій различныхъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ и ихъ креатуръ. Корифеи, за немногими исключеніями, обогащались. Этому помогала и такъ называемая конституціонная пресса... То, что она называла „народнымъ хозяйствомъ“, было хозяйничанье большихъ и маленькихъ мошенниковъ. Уже въ 1866 г. были даны концессіи на постройку пяти желѣзныхъ дорогъ, требовавшую 308.000,000 гульденовъ. затѣмъ начали основывать множество всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ, которыхъ было разрѣшено:

	Въ 1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	Всего.
Банковъ	6	9	28	10	23	84	15	175
Желѣзн. дорогъ.	4	2	7	3	6	7	5	34
Промышл. общ. .	15	17	88	82	125	227	91	645
Строит. банковъ.	—	2	9	2	12	41	38	104
Страхов. общ. .	1	2	5	2	8	17	4	39
Пароходн. общ. .	—	—	4	2	1	—	1	8
Всего.	26	32	141	101	175	376	154	1,005

Номинальный капиталъ этихъ обществъ состоялъ 4.500.000,000 гульд.. О мошенничествѣ этихъ учреждений можно судить по слѣдующему. Народонаселеніе въ Вѣнѣ съ 1860 по 1870 г. увеличилось на 200,000, а число домовъ съ 9,172 возрасло только до 10,510. Между тѣмъ съ 1870 г. народонаселеніе начало прибывать еще сильнѣе чѣмъ прежде, цѣны поднимались и постройка новыхъ домовъ была настоятельно необходима. Подѣ этимъ-то предлогомъ и было основано, кромѣ четырехъ уже существовавшихъ обществъ, еще 59 новыхъ „строительныхъ банковъ“, которые начали не строить, а спекулировать своими бумагами. Какъ далеко зарвались они, видно изъ того, что для осуществленія пущенной имъ въ ходъ строительной спекуляціи понадобилось-бы 2.000.000,000 гульденовъ, 50 лѣтъ времени и увеличеніе числа жителей болѣе, чѣмъ втрое, противъ нынѣшняго!.. Они должны-бы были построить 100,000 новыхъ домовъ, между тѣмъ, какъ въ нынѣшней Вѣнѣ, со всѣми ея предмѣстьями, только 16,676 домовъ, а новыхъ ежегодно строится не болѣе 250. Эти общества выстроили всего только 200 домовъ, а капитала у нихъ, вмѣсто 2.000.000,000 гульденовъ, было менѣе 500.000,000. Но жажда наживы, раздутая печатью и рекламами, была такъ сильна, что публика и не замѣчала, какъ ее морочили. Герцогъ, крестьянинъ, патеръ, кухарка—всѣ стремились играть на биржѣ. Играть зна-

чило тогда „стоять на уровнѣ вѣка“, и даже католическіе монастыри пускали на биржу свои капиталы. На игру занимали деньги за 50%, и „неиграющіе капиталисты“ съ величайшею охотою брали свои деньги изъ другихъ оборотовъ и отдавали ихъ биржевикамъ. Ежедневный оборотъ вѣнской биржи часто превосходилъ 500.000,000 фл.; нерѣдко въ сутки скупалось отъ двухъ до трехъ милліоновъ акцій!.. „Австрія, говоритъ историкъ этого времени,—походила на домъ умалишенныхъ. Не проходило дня, чтобы не „учреждали“ чего-нибудь милліоновъ на 10!.. Одно учредительное собраніе акціонеровъ слѣдовало за другимъ. Гдѣ взять денегъ,—объ этомъ не спрашивалъ ни одинъ учредитель: бумаги повысились на столько-то, слѣдовательно, Австрія сдѣлалась „богаче“, и деньги для новыхъ учреждений и учредителей всегда найдутся! По этой теоріи, каждый вѣнскій домъ могъ превратиться въ банкъ, и, дѣйствительно, передъ кризисомъ, въ биржевомъ кварталѣ не было дома, въ которомъ-бы не было банка или конторы. На Шоттенрингъ были даже домовладѣльцы, у которыхъ нанимали квартиры пять, шесть и болѣе обществъ!.. Манія игры дошла до какого-то осwirѣвѣнія. Она собственно прирождена или, по-крайней-мѣрѣ, привита уже съ юности каждому австрійцу. Ни въ одномъ государствѣ въ свѣтѣ нѣтъ такого множества лоттерей. Въ дунайской имперіи не только много государственныхъ займовъ съ выигрышами, но есть даже лоттерейные займы частныхъ лицъ, какъ напр., Виндишгреца, Вальденштейна, Пальфи, Клары и т. д. Общины, нуждавшіяся въ деньгахъ, тоже прибѣгали къ помощи этихъ займовъ. Къ лоттереймъ триестскимъ, офенскимъ, инсбрукскимъ и т. д. въ послѣднее время присоединились вѣнскія. Люди недостаточные покупали „промессы“, т. е. возможный выигрышъ въ одинъ изъ тиражей, или составляли компанію, или покупали бумаги съ разсрочкою. Кромѣ того, въ Австріи есть такъ-называемыя „малыя лото“, въ которыхъ шансы выигрыша почти невѣроятны. Несмотря на то, что въ эти лоттереи играютъ низшіе, бѣднѣйшіе классы, государство извлекаетъ изъ этой нищеты ежегодно налогъ въ нѣсколько милліоновъ гульденовъ. Демонъ игры, такимъ образомъ, сидитъ въ крови австрійца, и, постоянно раздражаемый искусственными средствами, онъ въ 1872 и 1873 гг. дошелъ до небывалой ярости“. Ко времени всемірной выставки 1873 г. Вѣна превратилась въ какой-то разбойничій притонъ, наминавшій слова поэта:

Воры, такъ ужъ воры,—крупные, съ кокардами;
Кражи, такъ ужъ кражи, чуть не милліардами;
Жуликовъ-мазуриковъ въ эту пору грозную
Какъ на небѣ звѣздочекъ въ ноченьку морозную;

Фокусъ бумажные, изъ нулей могущества
 И на каждой улицѣ описи имущества,
 И на каждой улицѣ съ музыкой и пляскою
 Убиваютъ весело, обираютъ съ ласкою,
 И съ трибунъ ораторскихъ рѣчь всегда медовая,
 И нужда молчащая, но на все готовая.

Въ 1873 г. настала разсчета. „9 мая, говорить очевидецъ, — разразилась страшная катастрофа надъ карточнымъ домомъ спекуляціи съ такою быстротой, которая, по размѣрамъ и ужасамъ причиненнаго ея бѣдствія, оставляла въ тѣни всѣ прежніе кризисы. Биржевыя операціи прекратились; воцарился полный хаосъ. Спекуляторами овладѣло отчаяніе... На биржѣ разыгрывались бурныя сцены, имѣвшія почти революціонный характеръ, и страстные взрывы ярости раззоренныхъ и обманутыхъ превосходили всякое описаніе. Генеральный секретарь биржи, въ виду угрожающаго настроенія публики, приостановилъ свои дѣла и послѣдшилъ съ докладомъ къ предсѣдателю биржевой камеры. Въ залѣ собирались группами, въ которыхъ горячо обсуждалось положеніе дѣлъ; нѣкоторые взбирались на столы и держали рѣчи. Массы двигались по залѣ назадъ и впередъ и опрокидывали рѣшетки, такъ что присяжные маклеры должны были прекратить свои занятія. Многіе бѣгали и ругали фирмы, раззорившія ихъ. Разгоряченная толпа собиралась передъ представителями этихъ домовъ и не только осыпала ихъ бранью, но и выгоняла изъ залы“. Бѣдствіе поразило всѣ классы общества. Одинъ фельдмаршалъ-лейтенантъ потерялъ 20,000 фл.; одинъ офицеръ, инвалидъ-калѣка, послѣдніе свои 1,300 фл.; одинъ старый почталъонъ сбереженіе всей своей долгой жизни—600 фл.; прачка, скопившая себѣ на приданое 150 фл., тоже лишилась ихъ и т. д. Раззоренные рѣзались, стрѣлялись, топились. При первомъ взрывѣ кризиса австрійцы потеряли 1.500.000,000 въ 1873 г., да съ января 1874 г. по ноябрь 1875 г. еще 1.500.000,000, всего, слѣдовательно, на 3.000.000,000 фл. или 6.000.000,000 марокъ, т. е. въ полтора раза больше той громадной контрибуціи, которую уплатила Франція Германіи. Кризисъ поглотилъ все: земли, дома, желѣзныя дороги, рудники — все заложено, и громадные проценты по долгамъ идутъ за границу.

С. Шашковъ.

НА МАЯКЪ.

Рассказъ Генриха Сенкевича.

(съ польскаго).

Однажды сторожъ, на обязанности котораго лежало зажигать морской фонарь на маякѣ Аспинвилля, недалеко отъ Панамы, пропалъ безъ вѣсти. Такъ-какъ это случилось въ бурю, то предположили, что несчастный подошелъ къ самому краю скалистаго островка, на которомъ стоитъ маякъ, и былъ снесенъ волною. Предположеніе это подтверждалось еще тѣмъ, что на другой день не нашли его лодочки, стоявшей обыкновенно въ скалистомъ углубленіи острова. Такимъ образомъ, мѣсто маячнаго сторожа стало вакантнымъ и нужно было поскорѣе подыскать замѣстителя потомучто фонарь имѣетъ не малое значеніе какъ для мѣстнаго мореплаванія, такъ и для судовъ, идущихъ изъ Нью-Йорка въ Панаму. Заливъ Москитовъ изобилуетъ песчаными мелями и дюнами, путь между которыми и днемъ далеко небезопасенъ, а ночью, особенно во время тумановъ, часто поднимающихся надъ этими нагрѣтыми тропическимъ солнцемъ, водами, становится почти невозможнымъ. Трудъ сыскать новаго маячнаго сторожа выпалъ на долю консула Соединенныхъ Штатовъ, проживающаго въ Панамѣ; это былъ трудъ нелегкій, во-первыхъ, потому, что это нужно было сдѣлать въ теченіи двѣнадцати часовъ; во-вторыхъ, кандидатъ на должность сторожа долженъ быть человѣкомъ добросовѣстнымъ и потому .

нельзя принимать перваго встрѣчнаго и, наконецъ, кандидатовъ на эту должность вообще было очень мало. Жизнь на маякѣ чрезвычайно тяжела и вовсе непривлекательна для лѣнливыхъ и любящихъ бродяжническую жизнь сыновъ Юга. Сторожъ — почти арестантъ. За исключеніемъ воскресенья, онъ вовсе не можетъ оставлять своего скалистаго острова. Разъ въ день лодка изъ Аспинвила привозитъ ему свѣстные припасы и свѣжую воду, послѣ чего немедленно удаляется, такъ-что на островѣ не остается ни одной живой души. Сторожъ живетъ на маякѣ, содержитъ его въ порядкѣ, днемъ онъ выставляетъ знаки различныхъ цвѣтовъ, смотря по показаніямъ барометра, а вечеромъ зажигаетъ фонарь. Это было бы не особенно трудное занятіе, если бы не то обстоятельство, что нужно было пройти болѣе четырехъ-сотъ крутыхъ и очень высокихъ ступеней для того, чтобы добраться до сигналовъ и фонаря на вершинѣ башни, а это путешествіе сторожу приходится совершать нѣсколько разъ въ день. Вообще говоря, жизнь сторожа — жизнь монашеская, хуже того — отшельническая. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мистеръ Исаакъ Фолькембриджъ былъ въ большомъ затрудненіи, гдѣ найти наслѣдника на мѣсто покойнаго сторожа и легко понять его радость, когда наслѣдникъ явился къ нему самъ въ тотъ же день. Это былъ человекъ уже старій, — лѣтъ семидесяти или болѣе, но еще бодрый, прямой, съ движеніями и видомъ военнаго. Его волосы были совершенно бѣлы, кожа обожженная, какъ у креола, но, судя по его синимъ глазамъ, онъ не принадлежалъ къ южной расѣ. Открытое и честное лицо его было изнурено и печально. Съ перваго же взгляда онъ понравился Фолькембриджу. Оставалось только разспросить его, вслѣдствіе чего между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы откуда?

— Я полякъ!

— Чѣмъ вы занимались до сихъ поръ?

— Скитался.

— Сторожъ долженъ любить осѣдлую жизнь.

— Я нуждаюсь въ отдыхѣ.

— Служили вы когда-нибудь? Есть у васъ свидѣтельство о службѣ?

Старикъ вынулъ изъ за пазухи полинялую шелковую тряпку

похожую на обрывокъ отъ стараго знамени. Онъ развернулъ ее и сказалъ:

— Вотъ мои свидѣтельства. Этотъ крестъ я получилъ въ тридцатомъ году. Вотъ другой: испанскій, я получилъ во время войны съ карлистами; третій—французскій почетнаго легіона; четвертый я получилъ въ Венгріи. Потомъ я дрался въ Соединенныхъ Штатахъ противъ южанъ, но тамъ не даютъ крестовъ—такъ вотъ бумага.

Фолькембриджъ взялъ въ руки бумагу и началъ читать.

— Гм... Скавинскій?.. Это ваша фамилія?.. Два знамени, добытыя лично въ атакѣ на штаны... Вы были храбрымъ солдатомъ?

— Я съумѣю быть и добросовѣстнымъ сторожемъ.

— Вамъ нужно будетъ нѣсколько разъ въ день всходить на башню. Ноги у васъ здоровыя?

— Я пѣшкомъ прошель „плени“.

„Плени“ называются безпредѣльные степи между Нью-Йоркомъ и Калифорніей.

— All right! Знакомы-ли вы съ морской службой?

— Я три года служилъ на китоловномъ суднѣ.

— Вы испробовали разныя профессіи?..

— Спокойствія только я не испробоваль.

— Почему?

Старикъ пожалъ плечами.

— Такая судьба...

— Вы мнѣ кажетесь, однако, слишкомъ старымъ для должности сторожа.

— Сэръ! заговорилъ вдругъ кандидатъ дрожащимъ голосомъ.—Я очень изнуренъ и разбитъ. Это мѣсто принадлежитъ къ числу такихъ, какія я больше всего хотѣлъ-бы получить. Мнѣ необходимо уже сказать себѣ: здѣсь ты останешься, это твоя гавань. Ахъ, сэръ, это отъ васъ только зависитъ! Другой разъ такое мѣсто мнѣ ужъ не попадетса. Какое счастье, что я случился въ Панамѣ въ это время... Умоляю васъ... Богъ свидѣтель, что я точно корабль, который потонетъ, если не войдетъ въ гавань... Если хотите облагодѣтельствовать старика... Блянусь Богомъ, я честный человекъ, но... довольно съ меня скитаній...

Голубые глаза старика выражали такую горячую мольбу, что

Фолькембриджъ, у котораго было доброе, простое сердце, былъ тронуть.

— Well! сказалъ онъ.— Я принимаю васъ. Вы—сторожъ.

Лицо старика озарилось невыразимой радостью.

— Благодарю васъ.

— Вы можете сегодня ѣхать на маякъ?

— Да.

— Ну, такъ Good bye!.. Еще одно слово: за всякую неаккуратность по службѣ вы получите отставку.

— All right!

Въ этотъ-же еще вечеръ, когда солнце зашло за другую сторону перешейка и послѣ жаркаго дня наступила ночь безъ сумерекъ, новый сторожъ, очевидно, былъ уже на своемъ посту, потому-что фонарь бросалъ, какъ всегда, на воду снопы своего яркаго свѣта. Ночь была совершенно тихая, спокойная, настоящая тропическая ночь, напитанная прозрачной мглой, образующей вокругъ луны большой, окрашенный радужными переливами, кругъ съ мягкими, неуловимыми краями. Море немного волновалось; потому-что поднимался приливъ. Скавинскій стоялъ на балконѣ у исполинскихъ огней, снизу похожій на едва замѣтную точку. Онъ пытался привести въ порядокъ свои мысли и отдать себѣ отчетъ въ своемъ новомъ положеніи. Но мысль его была слишкомъ подъ влияніемъ ощущеній, чтобы развиваться правильно. Онъ чувствовалъ нѣчто въ родѣ того, что чувствуетъ затравленный звѣрь, когда ему удастся спрятаться отъ погони на какую-нибудь неприступную скалу или въ пещеру. Пришло, наконецъ, для него время спокойствія.

Сознаніе безопасности наполняло его душу какой-то невыразимой сладостью. Стоя на этой скалѣ, онъ готовъ былъ смѣяться надъ прежнимъ скитальчествомъ, надъ старыми несчастіями, неудачами. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ словно корабль, на которомъ буря ломала мачты, рвала канаты и паруса, бросала съ высоты волны на самое дно моря, въ который ударяла волной, плевала пѣной—и который, однако, прибылъ въ гавань. Образы этой бури быстро чередовались теперь въ его головѣ, какъ сопоставленіе съ покойнымъ будущимъ, которое должно теперь начаться. Часть своихъ странныхъ приключеній онъ рассказалъ Фолькембриджу, не упомянувъ о тысячѣ другихъ. Несчастье всегда преслѣдовало

его. Сколько разъ онъ ни разбивалъ себѣ палатку и ни разводилъ огонь, что-бы жить постоянной, осѣдлою жизнью, какой-то вѣтеръ всегда разбрасывалъ колья его палатки, разносилъ и гасилъ огонь и его самого гналъ къ погибели. Всмотриваясь теперь съ балкона башни въ освѣщенные волны, онъ вспоминалъ прошлое. Онъ дрался въ четырехъ частяхъ свѣта и въ изгнаніи испробовалъ всевозможныя занятія. Трудолюбивый и честный, не разъ успѣвалъ онъ сколотить немного денегъ — и всегда терялъ ихъ, несмотря на свою предусмотрительность. Онъ былъ золотокопатель въ Австраліи, искателемъ алмазовъ въ Африкѣ, правительственнымъ стрѣльцомъ въ Восточной Индіи. Когда однажды онъ завелъ ферму въ Калифорніи, засуха разорила его; онъ пытался вступить въ торговныя сношенія съ дикими племенами, обитающими во внутренней Бразиліи, — его судно разбилось на Амазонѣ, а самъ онъ, беззащитный и почти нагой, принужденъ былъ скитаться нѣсколько недѣль по лѣсамъ, питался дикими овощами, подвергаясь ежеминутно опасности быть растерзаннымъ дикими звѣрями. Онъ обзавелся кузницей въ Еленѣ, въ Арканзасѣ, — и погорѣлъ во время большого пожара въ этомъ городѣ. Послѣ этого въ скалистыхъ горахъ онъ попалъ въ руки индѣйцевъ и почти чудеснымъ случаемъ былъ спасенъ канадскими стрѣлками. Онъ былъ матросомъ на кораблѣ, крейсировавшемъ между Бордо и Байей, гарпущикомъ на китобоѣ — оба эти судна разбились. У него была фабрика сигаръ въ Гаваннѣ — его обокралъ компаніонъ въ то время, какъ онъ самъ лежалъ больной. Наконецъ, онъ прибылъ въ Аспинвилъ и здѣсь ужь найдеть предѣлъ своимъ неудачамъ. Какая-же бѣда еще можетъ постичь его на этомъ скалистомъ островѣ? Сюда нѣтъ доступа ни для воды, ни для огня, ни для людей. Впрочемъ, отъ людей не много худого узналъ Скавинскій. Ему чаще приходилось встрѣчать добрыхъ людей, чѣмъ злыхъ. За-то всѣ четыре стихіи, казалось, преслѣдуютъ его. Люди, которые его знали, говорили, что онъ родился безъ счастья, безъ доли — и этимъ объясняли все. И самъ онъ, наконецъ, сдѣлался маніякомъ. Онъ вѣрилъ, что какая-то могучая и истребительная рука преслѣдуетъ его повсюду, по всѣмъ землямъ и морямъ. Онъ не любилъ, однако, говорить объ этомъ и только иногда на вопросъ, чья это рука, онъ таинственно указывалъ на полярную звѣзду и говорилъ, что это идетъ

оттуда... И, въ самомъ дѣлѣ, его неудачи были такъ постоянны, что дѣлались странными, и человѣку, съ которымъ они случались, естественно могли казаться таинственной загадкой. Но Сквинскій отличался терпѣніемъ индѣйца, терпѣніемъ, вытекающимъ изъ правоты сердца. Когда-то въ Венгріи онъ получилъ нѣсколько ударовъ штыка и только потому, что не захотѣлъ ухватиться за стремя, на которое ему указывали, какъ на единственное средство къ спасенію, не захотѣлъ кричать: пардонъ! *). Не поддавался онъ точно такъ-же и несчастью. Словно трудолюбивый муравей, взбирался онъ на гору. Сто разъ сносило его — онъ спокойно начиналъ свое восхожденіе въ сто первый. Онъ былъ особаго рода чудакъ. У этого стараго солдата, Богъ знаетъ, въ какихъ огняхъ не перебивавшаго, закаленного бѣдой, было сердце ребенка. Во время эпидеміи на островѣ Кубѣ, онъ захворалъ, оттого, что всю свою хину, которой у него было значительное количество, онъ роздалъ больнымъ, не оставивъ себѣ ни одного грана.

Удивительно, что послѣ столькихъ неудачъ онъ былъ полонъ увѣренности и не терялъ надежды, что все пойдетъ еще хорошо. Зимой, обыкновенно, онъ оживалъ и предсказывалъ какія-то важныя событія. Онъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ и мыслью о нихъ жилъ цѣлыя годы. Но зимы проходили одна за другой и Сквинскій дождался лишь того, что онъ уснула голова его. Наконецъ, онъ состарился — энергія начала убывать. Терпѣливость все болѣе и болѣе стала переходить въ безропотность. Прежнее спокойствіе смѣнилось плаксивою чувствительностью и этотъ закаленный солдатъ началъ перерождаться въ плаксу, готоваго прослезиться изъ-за всякихъ пустяковъ. Кромѣ того, отъ времени до времени его преслѣдовала ужасная тоска по родинѣ, которую пробуждало всякое малѣйшее обстоятельство: видъ ласточекъ, сѣрыхъ птицъ, похожихъ на воробьевъ, снѣгъ на горахъ, долетѣвшая до его слуха нота, напоминающая слышанную когда-то... Наконецъ, имъ овладѣла одна мысль: мысль объ отдахѣ. Овладѣла она совершенно старикомъ и поглотила всѣ его желанія, всѣ надежды. Дороже, желаніе всего сталъ для вѣчнаго скитальца какой-нибудь мирный уголокъ, въ которомъ онъ могъ-

*) Намекъ на отказъ Сквинскаго отъ амнистіи. *Пер.*

бы отдохнуть и спокойно ждать конца. Быть можетъ, потому именно, что необъяснимые капризы судьбы бросали его по всѣмъ морямъ, по всѣмъ странамъ, не давая перевести духъ, быть можетъ, потому онъ воображалъ, что высшее счастье человѣка — возможность не скитаться. Правду сказать, онъ заслужилъ это скромное счастье, но бѣдняга такъ привыкъ къ неудачамъ, что думалъ о немъ, какъ вообще думаютъ люди о чемъ-либо недосыгаемомъ: онъ не смѣлъ надѣяться. И между тѣмъ теперь совершенно неожиданно, въ теченіи какихъ-нибудь двѣнадцати часовъ онъ получилъ мѣсто, точно избранное для него изъ всѣхъ мѣстъ въ мірѣ. Неудивительно поэтому, что, зажегши вечеромъ свой фонарь, онъ былъ словно въ опьяненіи, десятки разъ онъ спрашивалъ себя, правда-ли это, и не смѣлъ отвѣтить: да. А между тѣмъ дѣйствительность неопровержимыми доводами отвѣчала ему. Часы летѣли одинъ за другимъ, а онъ все стоялъ на балконѣ. Онъ смотрѣлъ, упивался, убѣждался. Могло-бы показаться, что въ первый разъ въ жизни онъ видѣлъ море, потому-что ужъ пробѣла полночь на аспинвильскихъ часахъ, а онъ все еще не покидалъ своей подоблачной выси — и смотрѣлъ. Внизу, подъ его ногами играло море. Фонарь бросалъ въ мракъ исполнскій конусъ свѣта, за которымъ взоръ старика терялся въ совершенно черной, таинственной и страшной дали. Но эта даль, казалось, сама бѣжитъ къ свѣту. Длинные волны врѣзывались въ темнотѣ и съ ревомъ бѣжали къ подножію островка — и тогда были видны ихъ пѣнистые гребни, сіяющіе розовымъ блескомъ при свѣтѣ фонаря. Приливъ все усиливался и заливалъ песчанна отиела. Таинственный говоръ океана доносился все могущественнѣй и громче, повременамъ похожій на грохотъ орудій, то на шумъ громадныхъ лѣсовъ, то на далекій, невнятный гулъ человѣческихъ голосовъ. Минутами все затихало. Затѣмъ до слуха старика доносилось нѣсколько глубокихъ вздоховъ, потомъ какія-то рыданія — и опять грозные порывы. Наконецъ, вѣтеръ разсѣялъ туманъ, но нагналъ черныя, разорванныя тучи, заслонившія луну. Съ запада начинало дуть все сильнѣй и сильнѣй. Волны съ яростью прыгали на утесъ маяка, обдавая своей пѣною подножіе башни. Издалека доносились звуки отдаленной бури. Въ темномъ волнующемся пространствѣ океана блеснуло нѣсколько зеленыхъ фонарей, привѣщенныхъ къ корабельнымъ мачтамъ. Эти

зеленыя точки то возносились высоко, то погружались внизъ, то качались вправо и влево. Сквинскій спустился въ свою комнату. Буря начала ревѣть. Тамъ люди боролись на этихъ корабляхъ съ ночью, съ темнотой, съ волнами — въ комнатахъ было спокойно и тихо. Даже отголоски бури слабо доходили чрезъ толстыя стѣны — и только мѣрное „тикъ-такъ!“ часовъ убавкивало уставшаго старика.

II.

Часы, дни, мѣсяцы начали уплывать... Матросы утверждаютъ, что иногда, когда море сильно бушуетъ, ихъ зоветъ кто-то по имени среди ночи и мрака. Если морская безконечность можетъ такъ звать, то, быть можетъ, подъ старость человѣка зоветъ и другая безконечность, еще болѣе темная, болѣе таинственная — и, чѣмъ больше онъ измученъ жизнью, тѣмъ милѣе ему этотъ зовъ. Но чтобы услышать его, нужна тишина. Старость любитъ удивляться, словно предчувствуя гробъ... Маякъ былъ для Сквинскаго такимъ полу-гробомъ. Нѣтъ ничего болѣе однообразнаго этой жизни на башнѣ. Если молодые люди попадаютъ на это мѣсто, то въ скоромъ времени оставляютъ его. Такимъ образомъ, сторожъ маяка бываетъ, обыкновенно, человѣкъ немолодой, мрачный, замкнутый въ себя. Когда случайно онъ оставитъ свой маякъ и очутится среди людей, онъ ходитъ межъ ними, словно человѣкъ, пробужденный отъ глубокаго сна. На башнѣ нѣтъ мелкихъ впечатлѣній, которыя въ обыкновенной жизни приучаютъ относить все къ себѣ. Все, съ чѣмъ сталкивается сторожъ грандіозно и лишено замкнутыхъ, опредѣленныхъ формъ. Небо — это одна безпредѣльность, вода — другая, и среди этихъ двухъ безконечностей одинокая душа человѣческая. Это жизнь, полная мысли — скорѣй задумчивости — изъ которой сторожа ничто не выводитъ, даже его занятія. День проходитъ за днемъ, похожіе между собою, какъ двѣ бусы четокъ, и развѣ только перемены погоды составляютъ единственное разнообразіе. Сквинскій, однако, чувствовалъ себя счастливымъ, какъ никогда въ жизни. Онъ вставалъ до разсвѣта, принималъ пищу, чистилъ стекла фонаря, а затѣмъ, сѣвъ на балконѣ, вглядывался въ морскую даль и

глаза его никогда не могли насытиться образами, которые онъ видѣлъ предъ собою. Обыкновенно, на громадномъ бирюзовомъ фонѣ видѣлись стада надутыхъ парусовъ, свѣтящихся отъ лучей солнца такъ сильно, что глаза жмурились отъ избытка свѣта; иногда суда, пользуясь пассатными вѣтрами, двигались длинной вереницей одна за другими, словно цѣпь чаекъ или альбатросовъ. Красныя бочки, указывающія дорогу, качались на волнахъ легкими, мягкими движеніями; между парусами каждый день въ полдень появлялся огромный пушистый столбъ дыма. Это пароходъ изъ Нью-Йорка везъ въ Аспинвилъ путниковъ и товары, оставляя за собою длинную полосу пѣны. Съ другой стороны балкона Сквинскій видѣлъ Аспинвилъ и его полный движенія портъ, а въ немъ лѣсъ мачтъ, лодки и барки; немного дальше—бѣлые дома и башенки города. Съ высоты маяка дома походили на гнѣзда чаекъ, лодки на жучковъ, а люди, словно маленькія точки, двигались на бѣломъ каменномъ бульварѣ. По-утру легкій восточный вѣтерокъ приносилъ нестройный гулъ людской жизни, надъ которымъ господствовалъ свистъ параходовъ. Въ полдень наступало время отдыха. Движеніе въ портѣ прекращалось; чайки прятались въ расщелины скалъ, волны слабѣли и становились какъ-то лѣнивы, — и тогда на землѣ, на морѣ и на маякѣ наступала минута ничѣмъ ненарушимой тишины. Желтые пески, отъ которыхъ отхлынули волны, блестяли золотыми пятнами на водномъ просторѣ; очертаніе башни отчетливо вырѣзывались въ синевѣ воздуха. Потоки солнечныхъ лучей лились съ небесъ на воду, на пески, на утесы. Тогда и старикомъ овладѣвало какое-то безсиліе, полное нѣги. Онъ чувствовалъ сладость отдыха, которымъ пользуется, а при мысли, что этотъ отдыхъ будетъ продолжителенъ, онъ не чувствовалъ ужъ ни въ чемъ недостатка. Сквинскій размечтался о своемъ счастьи и, такъ-какъ человѣкъ легко привыкаетъ къ лучшей судьбѣ, постепенно набирался вѣры и надежды; онъ думалъ, что если люди строятъ дома для инвалидовъ, то почему-бы Богу не пригрѣть, наконецъ, своего инвалида? Время текло и все болѣе утверждало его въ этомъ убѣжденіи. Старикъ сжился съ башней, съ фонаремъ, съ утесами, съ песчаными отмелями, съ своимъ одиночествомъ. Онъ познакомился также и съ чайками, которыя водились въ расщелинахъ скалъ и по вечерамъ собирались на вѣче на крышкѣ фонаря. Сквин-

скій бросалъ имъ обыкновенно остатки своей пищи и онѣ вскорѣ такъ освоились съ нимъ, что, когда онъ дѣлалъ это, къ нему слеталась цѣлая туча бѣлыхъ крылышекъ и старикъ ходилъ среди птицъ, какъ пастухъ межъ овецъ. Въ часы отлива отъ отправлялся на низкія песчанья отмели, гдѣ собиралъ вкусныхъ слизняковъ и красивыя перламутровыя раковины, оставленныя на пескѣ убѣгающей волной. Ночью, при свѣтѣ луны и фонаря, онъ отправлялся ловить рыбу, которой изобиловали заливы острова. Наконецъ онъ полюбилъ и свою скалу и свой безлѣсный островъ, поросшій лишь мелкими сочными растеніями, выдѣляющими липкую смолу. Отдаленные виды выкупали, впрочемъ, убожество островка. Въ полуденные часы, когда атмосфера становилась очень прозрачною, видѣнъ былъ весь перешеекъ вплоть до Тихаго Океана, покрытый роскошною растительностью. Скавинскому казалось тогда, что онъ видитъ одинъ огромный садъ. Группы кокосовъ и исполескихъ мимозъ укладывались словно въ колоссальныя раскидистыя букеты сейчасъ-же за послѣдними домами Аспинвила. Далѣе, между Аспинвилемъ и Панамой, видѣлся огромный лѣсъ, надъ которымъ каждое утро и подъ вечеръ поднимались красноватые испаренья, — настоящій тропическій лѣсъ, снизу залитый стоячей водой, опутанный лианами, шумящій волнующимися вершинами пальмъ, молочныхъ деревьевъ, желѣзныхъ и гуттаперчевыхъ.

При помощи башенной зрительной трубы, старикъ могъ различить не только деревья, не только раскидистыя листья банановъ, но и стада большихъ обезьянъ, марабутовъ и стаи попугаевъ, радужной тучей взвивающихся иногда надъ лѣсомъ. Скавинскій хорошо зналъ подобныя лѣса, потому-что послѣ крушенія на Амазонкѣ онъ цѣлыя недѣли блуждалъ среди такихъ-же зеленыхъ сводовъ и чащъ. Онъ видѣлъ, сколько подъ ихъ чудной стѣнющею вѣтвистостью скрывается опасностей и смертей. Среди ночей, проведенныхъ въ нихъ, онъ нерѣдко слышалъ вблизи замогильной вой ревуновъ и ревъ ягуаровъ, онъ видѣлъ гигантскихъ змѣй, качающихся на подобіе лианъ на деревьяхъ, зналъ эти спящія озера, переполненныя скатами, кишашія крокодилами. Онъ видѣлъ, подъ какими ярмомъ живетъ человекъ въ этихъ неизмѣримыхъ пущахъ, гдѣ листья деревъ въ десять разъ превышаютъ его величиной, гдѣ роями носатся кровожадные москиты, гнѣздятся древесныя пчавки, пауки. Все это самъ онъ узналъ, самъ испы-

тать, все перенесъ, поэтому тѣмъ большее наслажденіе доставляло ему смотрѣть съ своей вышины на эти „matos“, восхищаться ихъ красотой, но въ то-же время бить въ безопасности отъ ихъ засадъ. Башня хранила его отъ всякаго зла. Оставляя отъ ее только по воскресеньямъ утромъ. Надѣвалъ онъ тогда гранатовый, длиннополный скотчукъ сторожа съ серебрянными пуговицами, вывѣшивалъ на груди свои кресты — и бѣлоснѣжная голова его поднималась съ достоинствомъ, когда, выходя изъ церкви, онъ слышалъ, какъ креолы говорили другъ другу: „У насъ теперь порядочный сторожъ“. — „И не еретикъ, хотя и янки!“ Тотчасъ-же, однако, послѣ службы онъ возвращался на свой островокъ и возвращался счастливый, потому-что все еще не довѣрялъ материку. Въ воскресенье онъ прочитывалъ испанскую газету, купленную въ городкѣ, или „Herald“, взятый у Фолькембриджа, — и усердно искалъ въ нихъ извѣстій изъ Европы. Бѣдное старое сердце! На этойъ сторожевой башнѣ и на другомъ полушаріи оно все еще билось для отечества... Иногда также, когда лодка, привозящая ему ежедневно пищу и воду, причаливала къ островку, онъ спускался съ башни поболтать съ сторожемъ Джонсомъ. Съ теченіемъ времени, однако, онъ видимо одичалъ. Онъ пересталъ ходить въ городъ, пересталъ читать газеты и спускаться для политическихъ преній съ Джонсомъ. Цѣлыя недѣли проходили такимъ образомъ, что никто его не видѣлъ и онъ никого. Единственнымъ признакомъ жизни старика было то, что оставляемыя на берегу припасы исчезали и фонарь зажигался каждый вечеръ съ такою регулярностью, съ какою солнце выплываетъ изъ воды въ этихъ странахъ. Старикъ сталъ, очевидно, равнодушенъ къ міру. Поводомъ къ этому была не тоска по родинѣ, но именно то, что и она даже перешла въ безропотную покорность судьбѣ. Весь міръ теперь для старика начинался и кончался на его островкѣ. Онъ сжился ужъ съ мыслью, что до самой смерти не оставитъ башни и просто забылъ, что существуетъ еще что-нибудь внѣ ея. При томъ онъ сдѣлался мистикомъ. Броткіе голубые глаза его, словно глаза ребенка, были вѣчно направлены, устремлены въ какую-то даль. Вслѣдствіе постоянного одиночества и благодаря тому, что все окружающее его было чрезвычайно просто и въ то-же время грандіозно, старикъ начиналъ терять сознаніе своей индивидуальности, пересталъ существовать, какъ лицо и все болѣе и болѣе

сливался съ окружающимъ. Онъ не размышлялъ надъ этимъ, онъ только бессознательно чувствовалъ и въ концѣ-концовъ ему казалось, что небо, вода, скалы, башня, золотистыя песчанныя отмели, надутые паруса, чайки, приливы и отливы — все это какое-то великое единство, одна огромная таинственная душа, а самъ онъ погружается въ эту таинственность и чувствуетъ эту душу, которая живетъ и творитъ. Онъ утонулъ, убавкался, заблудился — и въ этомъ забвеніи собственного индивидуальнаго бытія, въ этомъ полуборствованьи, полу-снѣ, онъ нашелъ такой великій покой, который походилъ почти на полу-смерть.

III.

Но пробужденіе не замедлило придти.

Однажды, когда лодка привезла ему воду и съѣстные припасы, Скавинскій, сойдя часъ спустя съ башни, замѣтилъ, что кромѣ обыкновеннаго груза лодка привезла одинъ лишній пакетъ. На пакетѣ были почтовые марки Соединенныхъ Штатовъ и отчетливый адресъ: „Skavinski, Esq.“, написанный на толстой парусинѣ. Заинтересованный, старикъ разрѣзалъ парусину и увидѣлъ книги; онъ взялъ одну въ руки, посмотрѣлъ и положилъ обратно, причѣмъ его руки сильно дрожали. Онъ закрылъ глаза, какъ-бы не довѣряя имъ; ему казалось это сномъ: книжка была польская. Что это могло значить!? Кто могъ прислать ему эту книгу? Въ первую минуту онъ забылъ, очевидно, что еще въ началѣ своей службы на маякѣ, прочитавъ въ „Herald“ объ основаніи въ Нью-Йоркѣ польскаго общества, онъ сейчасъ-же послалъ туда половину своего мѣсячнаго жалованья, съ которой, впрочемъ, ему нечего было дѣлать на башнѣ. Общество въ оплату прислало книги. Онѣ пришли естественнымъ путемъ, но въ первыя минуты старикъ не могъ сообразить этого. Польскія книги въ Аспинвилѣ, на его башнѣ, въ его уединеніи — это казалось ему чѣмъ-то необыкновеннымъ, какимъ-то дуновеніемъ прошлаго — какимъ-то чудомъ. Теперь показалось ему, какъ тѣмъ-то матросамъ среди ночи, что что-то позвало его по имени голосомъ нѣжно-любимымъ, но почти забытымъ. Онъ сидѣлъ съ минуту съ закрытыми глазами и былъ почти увѣренъ, что, когда откроетъ ихъ,

видѣнье исчезнетъ. Нѣтъ! Разрѣзанный пакетъ явственно лежалъ передъ нимъ, освѣщенный блескомъ послѣ-полуденнаго солнца, а на немъ открытая книга. Когда старикъ снова протянулъ за нею руку, онъ слышалъ бѣненіе собственнаго сердца. Взглянулъ: это были стихи. Въ верху крупными буквами было выписано заглавіе книги, немного ниже—имя автора. Это имя не было чуждо Скавинскому; онъ зналъ, что оно принадлежитъ великому польскому поэту и произведенія этого поэта онъ читалъ послѣ тридцатаго года въ Парижѣ. Послѣ, сражаясь въ Алжирѣ и въ Испаніи, онъ слышалъ отъ земляковъ о возрастающей славѣ великаго поэта, но онъ тогда такъ привыкъ къ ружью, что книгъ и въ руки не бралъ. Въ сорокъ-девятомъ году онъ уѣхалъ въ Америку и въ своей жизни авантюриста почти не встрѣчалъ поляковъ, а польскихъ книгъ никогда. Съ тѣмъ большей поспѣшностью и съ тѣмъ сильнѣе бьющимся сердцемъ онъ перевернулъ заглавный листъ. Ему казалось теперь, что на его одинокой скалѣ начинается твориться что-то торжественное. И въ самомъ дѣлѣ это была минута глубокаго покоя и тишины. На аспинвильскихъ часахъ пробило пять. Ни одна тучка не омрачала яснаго неба, только нѣсколько чаекъ утопало въ лазури. Океанъ дремалъ. Прибрежныя волны тихо плескались, спокойно безъ шума разбиваясь о золотистые пески. Въ дали улыбались бѣлые дома Аспинвиля и чудныя группы пальмъ. Въ самомъ дѣлѣ въ природѣ была разлита какая-то торжественная тишина и важность. Вдругъ среди этой тишины раздался дрожащій голосъ старика, который читалъ вслухъ, чтобы лучше понимать:

„Отчизна милая! подобна ты здоровью,
Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ тебя... Въ страданьяхъ и борьбѣ,
Отчизна милая, я плачу по тебѣ“...

У Скавинскаго не хватало голоса. Буквы начали прыгать передъ его глазами; въ сердцѣ что-то оборвалось и шло, словно волна, отъ сердца все выше и выше, подавляя голосъ, сжимая горло... Еще мгновенье—онъ овладѣлъ собою и читалъ дальше:

„Мать Богородица, что бодрствуешь надъ Вильной
Своей опекою, щедротою обильной!
Мать Ченстоховская, на Ясной что Горѣ!
Какъ умирающій, лежалъ я на одрѣ,

Устами жаркими хвалу тебѣ читая,—
 И ты спасла меня, заступница святая...
 Такъ благодѣтельно божественныхъ щедротъ
 Спасешь когда-нибудь отверженный народъ "...

Подступившая волна прорвала плотину. Старикъ зарыдалъ и бросился на землю: его сѣдые волосы мѣшались съ прижорскимъ пескомъ. Вотъ уже истекаетъ сорокъ лѣтъ, какъ онъ не видѣлъ отчизны, и Богъ знаетъ сколько, какъ не слышалъ родной рѣчи, а тутъ между тѣмъ эта рѣчь сама пришла къ нему, переплыла океанъ—и нашла его, отшельника, на другомъ полушаріи, такая любимая, такая дорогая, такая чудная! Въ рыданьяхъ, потрясавшихъ его, не было боли; въ нихъ была только внезапно пробужденная чрезмѣрная любовь,—любовь, передъ которой все исчезаетъ... Этимъ сильнымъ плачемъ онъ просто просилъ прощенья у этой далекой Возлюбленной, прощенья за то, что такъ состарѣлся, такъ сжился съ уединенной скалой и такъ забылся, что въ немъ и тоска стала сглаживаться. А теперь онъ возвратился къ ней, своей Возлюбленной, чудомъ—и потому разрывалось его сердце. Минуты проходили одна за другой, а онъ все лежалъ. Чайки прилетѣли съ крикомъ къ фонарю, словно въ тревогѣ за своего стараго друга. Приближался часъ, когда онъ кормилъ ихъ остатками своего обѣда, поэтому нѣсколько чаекъ даже слетѣло къ нему съ фонаря. Потомъ прибавлялось ихъ все больше и больше и онѣ начали полегоньку щипать его клювами и хлопать крыльями надъ его головой. Шумъ крыльевъ пробудилъ его. Когда онъ поднялся, слезъ уже не было на его лицѣ, напротивъ, оно сіяло, на немъ теперь было разлитое спокойствіе, глаза казались вдохновенными. Безсознательно отдавъ онъ всю свою пищу птицамъ, которыя бросились на нее съ пескомъ, а самъ снова принялся за книгу. Солнце прошло ужъ надъ садами и дѣвственными лѣсомъ Панами и медленно скатывалось за перешеекъ къ другому океану, но и воды атлантическаго океана были еще полны блеска; было еще совершенно свѣтло. Онъ читалъ дальше:

„Теперь неси мой духъ скорбящій и унылый
 Къ далекимъ небесамъ моей отчизны милой,
 Къ ея задумчивымъ пустынямъ и лугамъ,
 Къ далекимъ Нѣмана и Вилин брегамъ
 Съ ихъ Вѣловѣжскою непроходимой пущей“... *).

*) Приведенный нами переводъ этихъ отрывковъ изъ Мицкевича принадлежитъ Бергу. Замѣтимъ мимоходомъ, что онъ даетъ самое слабое понятіе о прелесть оригинала. *Пер.*

Сумерки стерли буквы на бѣлой страницѣ, сумерки короткія, какъ мгновеніе ока. И тогда Та, „что бодрствуетъ надъ Вильной“, взяла его душу и перенесла „къ полямъ золотистымъ, украшеннымъ житою“. На небѣ горѣли еще длинныя золотыя и красныя полосы, а онъ въ этомъ свѣтѣ летѣлъ къ любимымъ странамъ. Въ его ухахъ зашумѣли сосновые лѣса, зажурчали родныя рѣки. Онъ видитъ все, какъ было. Все его спрашиваетъ: помнишь-ли? О, онъ помнитъ! Къ тому-же и видитъ: обширныя поля, межи, луга, лѣса, деревни. Уже ночь! Въ эту пору, обыкновенно, его фонарь разгонялъ морскую тьму, но теперь старикъ въ родной деревнѣ. Старая голова склонилась на грудь и полна сновидѣній. Образы мелькаютъ предъ его глазами быстро и немного беспорядочно. Онъ не видитъ родного дома, потому-что война снесла его, не видитъ ни отца, ни матери, потому-что они покинули его, когда онъ былъ еще ребенкомъ, но все остальное въ деревнѣ, такъ какъ-будто вчера онъ оставилъ ее: рядъ избъ, въ окнахъ мелькаютъ свѣтъ, плотина, мельница, два пруда, всю ночь полные лягушачьихъ хоровъ. Когда-то онъ стоялъ на часахъ въ своей деревнѣ—теперь это прошлое представляется ему рядомъ видѣній. Вотъ онъ снова улакъ и стоитъ на часахъ: въ дали корчма глядитъ пылающими очами, и гудитъ, и поетъ, и гремитъ среди ночной тишины, и топотъ, и звуки скрипокъ и басовъ несутся изъ нея. У-ха! У-ха! То уланы пляшутъ, сыпятъ искры подковами сапогъ, а ему здѣсь скучно одному на конѣ! Лѣнливо танутся часы, наконецъ, огни гаснутъ; теперь, куда ни кинешь взоромъ—мгла и мгла непроницаемая; испаренья видимо для глаза поднимаются съ луговъ и цѣлый міръ окутываютъ бѣловатымъ туманомъ. Совершенно озеанъ, можно сказать. Но это луга; вотъ, погода немного, дергачъ откликнется въ темнотѣ и выпи кричатъ въ тростникахъ. Ночь спокойная и холодная, настоящая польская ночь! Въ дали сосновый боръ шумитъ безъ вѣтру, словно морская волна. Скоро разсвѣтъ озаритъ востокъ, и пѣтухи перекликаются ужъ межъ заборовъ. Одинъ другому подаетъ голосъ изъ избы въ избу; вотъ и журавли кричатъ гдѣ-то въ вышинѣ. Уланъ чувствуетъ себя особенно бодримъ, здоровымъ. Что-то тамъ говорили о завтрашней битвѣ... Э, поидетъ и онъ, какъ другіе пойдутъ, съ крикомъ, съ развѣвающимися знаменами! Молодая кровь играетъ, играетъ, словно труба, хотя вѣянье ночи охлаждаетъ ее. Но вотъ ужъ разсвѣтаетъ, разсвѣтаетъ! Ночь

блѣднѣть, изъ тѣни выдвигаются лѣса, кустарники, рядъ изобъ, мельница, тополи. Колодезь скрипитъ, словно жестяной флюгеръ на башнѣ. Какъ прекрасна эта дорогая земля въ розовыхъ отблескахъ зари! О, дорогая, возлюбленная!..

Тише! Чуткій часовой слышитъ, что кто-то приближается. Вѣрно, идетъ смѣна.

Вдругъ какой-то голосъ раздается надъ Скавинскимъ:

— Эй, старикъ! Вставайте! Что съ вами?

Старикъ отерываеъ глаза и смотритъ съ удивленьемъ на стоящаго передъ нимъ человѣка. Остатки сновидѣннй борются въ его головѣ съ дѣйствительностью. Наконецъ, видѣнья блѣднѣютъ и исчезаютъ. Передъ нимъ стоитъ Джонсъ, портовый сторожъ.

— Что это? спрашиваетъ Джонсъ, — вы нездоровн?

— Нѣтъ.

— Вы не зажгли фонаря. Вы должны оставить службу. Барка изъ Санъ-Франциско разбила на мели. Счастье ваше, что никто не утонулъ; иначе вы попали-бы подъ судъ. Садитесь со мной, остальное вы узнаете въ консульствѣ.

Старикъ поблѣднѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ эту ночь онъ не зажегъ фонаря.

Нѣсколько дней спустя, Скавинскаго видѣли на палубѣ корабля, идущаго изъ Аспинвила въ Нью-Йоркъ. Бѣднякъ потерялъ мѣсто. Новые пути скитальческой жизни отрывались теперь передъ нимъ; вѣтеръ опять подхватилъ этотъ листъ, чтобы бросать его по землямъ и морямъ, чтобы вдоволь глумиться надъ нимъ. Въ эти нѣсколько дней старикъ осунулся и сгорбился, только глаза его блестяли. Для новыхъ путей жизни у него была на груди его книга, которую отъ времени до времени онъ прижималъ къ груди рукою, точно изъ опасенья, чтобы и она не пропала...

ИНОСТРАНЕЦЪ ЛИПАТКА И ПОМЪЩИКЪ ГУДЪЛКИНЪ.

(изъ записокъ степняка).

Прекрасной души человекъ былъ Ириней Гудълкинъ! Великодушнѣйшія чувства непрерывно питалъ онъ! Великодушнѣйшее имѣлъ онъ сердце! И, во всему въ этому, благоговѣлъ передъ всѣмъ прекраснымъ. Такъ, напримѣръ, цвѣта онъ уважалъ не иначе какъ нѣжнѣйшіе. Если на немъ были панталоны, — онъ поражали своимъ палевымъ отливомъ; ежели красовался галстукъ, — онъ мерцалъ подобно слабому отблеску поздней зари; сюртучекъ — отливалъ искрой по свѣтлому полю. Да и все, что окружало Иринея Гудълкина, носило на себѣ отпечатокъ какой-то кроткой и меланхолической изящности. Его домикъ на манеръ швейцарскаго шале съ одной стороны и рейнскаго замка съ другой; его миниатюрныя конюшеньки и оранжерейки, подобны картинкамъ на лакированныхъ китайскихъ подносикахъ; его причудливая мебель, драпированная матеріей нѣжнѣйшихъ рисунковъ; его затѣливо исполосованный ножницами садикъ, — все навѣвало какую-то сладкую нѣгу и повергало васъ въ тихую и немного приторную истому.

И характеръ этой милой извращенности распространялся даже на мужиковъ, работниковъ Иринея. Всѣ они, какъ на подборъ, щеголяли въ палевныхъ и голубныхъ рубашечкахъ, лепетали разслабленными и нѣжными голосами и умывались чисто. Даже собаки въ усадьбѣ Иринея брехали безъ присущей имъ грубости, а мягко и деликатно. Самый воздухъ, витавшій надъ усадьбою, ка-

залось, былъ переполненъ сладостью и задушалъ ласковымъ своимъ благовоиенъмъ.

Любилъ я посѣщать Иринея! Особенно хорошо бывало у него, когда грубая дѣйствительность уже черезчуръ дерзко и аляповато распеветитъ твои нервы. Тогда, раскрашенные построечки Иринеевой усадьбы, чистый, усыпанный песочкомъ, дворикъ, палевныя рубашечки и благопріятныя лица рабочихъ, яркое озеро среди садика и ярко раскрашенный на немъ яликъ, повергали вашу душу въ неизъяснимую теплоту. И теплоту эту усугублялъ самъ хозяинъ. Чистенькій, свѣтленькій, кроткій, онъ, блистая свѣжестью бѣлья и костюма, сверкая золотомъ запонокъ и шикарнѣйшей цѣпочки, благоухая тончайшими духами и свѣжей розой, вдѣтой въ петличку, ласково произносилъ умиротворяющія рѣчи, мягко и красиво связывалъ изящныя фразы, тихо и плавно лепеталъ о поэзій, о любви, объ искусствѣ, — о бедрахъ Венеры Милосской и о лядвяхъ Бельведерскаго Аполлона... И душа ваша, истерзанная жестокой суетою, умиротворялась, согрѣвалась, успокоивалась подъ паиіемъ этой сладко-звучной атмосферы и, въ концѣ концовъ, засыпала какъ котенокъ въ горячей печуркѣ. Было хорошо, и приторно, и сладко.

Какъ вѣроятно и представилъ себѣ читатель, Иринея былъ чистоплотеиъ. Ни какъ растутъ хлѣбъ на его нивахъ, ни какъ пашутъ эти нивы и убираютъ ихъ — онъ не зналъ. Для этого былъ у него человекъ, Макарычъ, честнѣйшее и глупѣйшее существо. Самъ-же Иринея вѣчно виталъ въ мірѣ изящнѣйшихъ представленій и фантастичнѣйшихъ построекъ. Чистоплотеиъ онъ былъ даже до того, что своими, на диво выхолонными, руками не прикасался ни къ кредиткамъ, ни къ инымъ какимъ-либо денежнымъ знакамъ. Это было дѣло Макарыча. Иринея-же читалъ книжки, перелистовалъ кипсэки, перебиралъ портфели съ гравюрами, велъ деликатнѣйшую переписку съ двумя или тремя друзьями, людьми высоко поставленными въ художественномъ мірѣ, дѣлалъ отъ времени до времени экскурсіи въ мѣста, извѣстныя своею живописностью, и каждый двенадцатый праздникъ (о наступленіи котораго докладывалъ ему Макарычъ) устраивалъ пиршество своей деревнѣ, причеиъ всегда, съ лорнеткой въ одной рукѣ и съ романомъ въ другой, лебезилъ около живописныхъ крестьянокъ.

Въ нашемъ краю у Гудѣлкина не много было знакомыхъ. Со-

сѣди по большей части не соответствовали его идеальнымъ представленіямъ, ибо черезчуръ уже блистали отсутствіемъ манеръ. И онъ былъ одинокъ.

Благодаря-ли этому, но однажды въ его поведеніи проявилась странность. Явное безпокойство проявилось въ его характерѣ. Поступки потеряли свойство невозмутимости; художественное самообладаніе покинуло его. Я, подобно многимъ, сталъ было въ туникъ передъ такимъ настроеніемъ Иринея, но случай все объяснилъ мнѣ. Однажды вошелъ я въ кабинетъ Гудѣлкина и не засталъ его. По столамъ и стульямъ были разбросаны листы. На каждомъ было начертано:

*Россия погибаетъ!!! Но отчего погибаетъ, вотъ вопросъ? —
Отъ недостатка культуры-сссъ!*

Далѣе слѣдовали точки.

Было-ли то начало какого-либо глубокомысленнѣйшаго трактата, или праздное времяпрепровожденіе оставило здѣсь слѣды свои, но для меня стало яснымъ Иринево поведеніе. Его заполонила гражданская скорбь.

Немного спустя, онъ, однако, утѣнился. Было замѣтно, что русло имъ обрѣтено. И онъ величественно потѣкъ по этому руслу. Онъ началъ насаждать культуру. По-прежнему чуждаясь знакомствъ съ людьми своего класса, онъ выказалъ настойчивое стремленіе къ сближенію съ мужичками. Онъ перечиталъ всего Григоровича и вообще все то, что считалъ идущимъ къ дѣлу, и, во всеоружіи проникновенія, занялся простонародною душою. Онъ старательно донскивался въ этой душѣ какихъ-то струнъ, которыя именовалъ культурными, и съ упорствомъ будилъ въ простолюдинахъ инстинкты, которые называлъ благородными инстинктами. Для этого онъ раздавалъ мужичкамъ гравюры иностраннаго издѣлія, надѣлялъ ихъ цвѣточными сѣменами, выписалъ въ мѣстный трактиръ гармоніумъ, изображавшій арію изъ „Лучія Ламермурской“, и вообще поощрялъ красоту во всѣхъ ея видахъ... И вромѣ всего этого объявился филантропомъ. По-прежнему устраняясь отъ сути хозяйства, онъ щедро расточалъ милости свои всѣмъ крестьянамъ околосва. Онъ воздвигъ больницу, нанялъ фельдшера, устроилъ школу, расширилъ размѣры пиршествъ задаваемыхъ крестьянамъ, ссужалъ ихъ и хлѣбомъ, и деньгами, и глѣ-
• сомъ. И при всемъ этомъ соприкасался съ мужикомъ лично. Онъ

не упустилъ случая поговорить съ лапотникомъ о благодѣтельности культуры, причемъ иногда вводилъ этого лапотника даже въ домъ свой, гдѣ и обращалъ его вниманіе на удобство люстръ и красоту обоевъ; заставлялъ его щупать карявыми пальцами шелковые драпир и тюлевые гардины; приглашалъ любоваться прелестной копіей съ Гольбейновой Мадонны, и вообще поставялъ ему на видъ предпочтительность культуры надъ свинствомъ и первобытностью. И мужики какъ-бы сознавали прекраснѣшій Ириней: не было предѣловъ ихъ почтительности и уваженія къ нему. У нихъ даже выработался особый ритуалъ привѣтствій и чествованій Иринеевой особы. Понятно, это умиляло великодушнаго Ириней и, какъ нельзя болѣе, поощряло его къ новымъ великодушнѣйшимъ поступкамъ.

Вотъ этотъ-то рыцарь культуры подѣхалъ однажды къ крыльцу моего домика и, граціозно выскочивъ изъ прелестной вѣнскоі колясочки, запряженной парочкой прекраснѣйшихъ воронихъ лошадовъ, восторженно воскликнулъ:

— Новость! Новость! Новость!

И затѣмъ предложилъ мнѣ немедленно одѣваться и немедленно-же сопутствовать ему.

— Но куда, Ириней Маркычъ? недоумѣвалъ я.

— И вы не знаете? О, неужели-же вы не знаете, что новый, совершенно-же новый человекъ объявился на Руси, и человекъ этотъ въ десяти верстахъ отъ вашего хутора!..

— Да кто-же такой?

— Чудо! Представьте себѣ: купецъ, а не рыгаетъ; голову стрижетъ; чай кушаетъ въ накладку; смртукъ, вообразите, изъ англійской матеріи и шить въ Лондонѣ, говоритъ по-англійски за-амъ-ча-тель-но!..

— А, значитъ Липатка Чумаковъ пріѣхалъ!

Ириней нѣсколько оскорбился, но затѣмъ тотчасъ-же и осклабился.

— Именно Липатка. И вообразите, какъ приличенъ, какъ уменъ, какъ дальновиденъ... Я въ восторгѣ! Представьте вы себѣ хитроумнаго великороссіянина въ лондонскомъ сьютѣ — вѣдь это шикъ, батюшка... И теперь у нихъ въ семьѣ испытываетъ чистѣйшее наслажденіе. Главнѣе всего, знаете-ли, коренастая эта фигура патріарха Праксала Алкидыча. Затѣмъ приличнѣйшій ино-

странецъ Липатка, и потомъ уже великодушнѣйшая, широчайшая натура—это сынъ младшій Сергѣй. Восторгъ что такое! Я ихъ такъ и представляю: умъ, воля и чувство. Европейскій умъ, руководимый желѣзной волею и непрестанно смягчаемый чувствомъ. Ахъ, одѣвайтесь-же и побѣдьте!.. Вы знаете—въ душѣ я художникъ и лѣбтай. Красота идолъ мой, и въ этомъ отношеніи человекъ я античный... Но, Боже мой, воображеніе мое теперь переполнено предпріятіями!.. И вы не догадываетесь почему?.. О, ужели-же вы не понимаете — не хотите понять — что Русь теперь спасена!..

— Но какииъ-же образомъ, Ириной Марѣичъ?

Но онъ не отвѣтилъ на мой вопросъ. Преслѣдуемый какой-то неотвязной мыслью, очевидно, увлекавшей все его вниманіе, онъ въ волненіи бѣгалъ по комнатамъ и, нетерпѣливо натягивая перчатки, восхитительнаго сиреневаго цвѣта, говорилъ:

— О, вы не повѣрите сколько грандіознѣйшихъ проектов! Мы, совмѣстно съ фирмою „П. А. Чумаковъ и сыновья“, совершенно преобразовываемъ Дмитрашевку... Что значить Европа и что означаетъ умъ!.. Вы знаете меня, и, конечно, знаете, что никогда и ни на что не посягнулъ-бы я ради выгоды. Утилитаризмъ мнѣ претитъ.—Но я побѣжденъ. Я побѣжденъ принципомъ. Липатка развернулъ передо мною вереницу принциповъ. Каждое предпріятіе, каждый проектъ, каждая затѣя, коренятся у него на почвѣ, и почва эта — культура... *Культура-съ!* — вотъ оно, батюшка, словечко!—и онъ снова многозначительно повторилъ: культура!—Ахъ, этимъ онъ меня совершенно, совершенно обворожилъ!..—Одѣвайтесь-же, ѣдьте, послушаете... Вы знаете, до сихъ поръ я думалъ, что я плохой патриотъ, но теперь я, наконецъ, чувствую въ себѣ сердце гражданина: варварское тѣло матушки Россіи обновлено теперь и обновлено Липаткой... Предпріятія! Предпріятія!

Наконецъ, я одѣлся, и мы отправились къ Чумаковымъ.

— О, я давно твердилъ: Европа, это все!—говорилъ по дорогѣ Ириной, ни на минуту не уставая отъ своей восторженности;—чѣмъ покоришь я сердца всѣхъ простолюдиновъ въ окружности, какъ не Европой, — ибо сознайтесь-же, что филантропія продуктъ европейскій и что гуманностью я обязанъ опять-таки одной только Европѣ. Вѣдь вы знаете, какъ крестьяне меня обо-

жають. Исторія Проспера и Калибана вѣчно повторяется. Я давно говорю: влейте въ наши одряхлѣвшія жилы Европу и мы спасены...

— Но народъ устойчивъ въ своей старинѣ, возразилъ я.

— О, пусто! воскликнулъ Ириней;—вѣдь я-же убѣдилъ моихъ работниковъ говорить другъ другу „вы“, вѣдь они-же спятъ у меня на простыняхъ, вѣдь мой староста Лука Петровъ развелъ-же настурци въ своемъ огородѣ... Э, батюшка, народъ—это глѣба, изъ которой мы, европейцы, вольны изваять Аполлона. И тѣмъ болѣе нашъ народъ! Вѣдь давно извѣстно, что крестьянинъ нашъ чистѣйшій космополитъ. Какъ онъ индифферентенъ къ религiи, какъ равнодушенъ къ національности и вмѣстѣ склоненъ къ воспріятію чуждой культуры, — это давно доказано. И это трюизмъ, разумѣется...

— Но трюизмъ-ли... попытался-было я возразить, но Ириней былъ уже въ полномъ экстазѣ: онъ отчаянно замахалъ руками и возвысилъ голосъ.

— И я, какъ чистый, какъ совершеннѣйшій европеецъ, привѣтствую Липатку, кричалъ онъ, — привѣтствую потому, что въ лицѣ Липатки культура непосредственно соприкоснулась съ народомъ... Купецъ тотъ-же народъ и посѣтъ культурныя свои свойства непремѣнно въ народъ-же...

— Но большого-ли достоинства эти свойства?..

— О, я, конечно, вижу Липаткины недостатки, и я въ свое время подавалъ проектъ... Липатъ одностороненъ, Липатъ позитивистъ, Липатъ прямолинеенъ. Я подавалъ проектъ: брать восьмилѣтнихъ мальчиковъ и на государственнй счетъ воспитывать ихъ за-границей: въ Англіи, въ Германіи, во Франціи... Затѣмъ довершить воспитаніе художественной экскурсіей по Италіи, по музеямъ Дрездена, Мюнхена, Парижа, и человѣкъ, въ истинномъ значеніи этого слова, готовъ. Человѣкъ европеецъ!—многозначительно воскликнулъ Ириней и многозначительно-же поднялъ палецъ, а затѣмъ помолчалъ и съ покорностью добавилъ: но меня не послушали!

— Но это въ сторону! немного погодя, съ новою силой продолжалъ онъ;—я все-таки, подобно еврею, одряхлѣвшему въ ожиданіи, привѣтствую Липатку: онъ мой мессія. Онъ провозвѣстникъ культуры на Руси, и это слишкомъ много... Я въ послѣдніе

годы много думалъ о нашемъ положеніи. Я много думалъ и пришелъ къ тому, что да, дѣйствительно мы погибаемъ... Но отчего погибаемъ, вотъ вопросъ!—Ириней снова поднялъ палецъ.

— Отчего-же? спросилъ я.

— Погибаемъ мы отъ недостатка культуры-съ, уважаемый мой. Наводните Россію культурой, и она спасена. По моему такъ: взять и все поколѣніе воспитать за-границей. И еще я думалъ устроить колоніи. Среди крестьянъ, знаете, поселить англичанъ, нѣмцевъ, ирландцевъ даже, и пускай они воздѣйствуютъ. Вообразите пустыню и среди пустыни оазисы. Это, впрочемъ, все проекты. У меня очень много проектовъ...

— И вы подавали ихъ?

— Меня не слушали. Но это ничего не значить: культура шествуетъ! Что такое Липатка, позвольте васъ спросить? — Липатка пророкъ. Липатка и съютъ — это знаменіе-съ. Прибавьте къ этому обширѣйшій умъ, коммерческое образованіе... Я только теперь вѣдь понялъ какой я въ сущности центрохъ... Спора нѣтъ, и моральное воздѣйствіе насаждаетъ культуру, но путь-то этотъ — путь медленный, быстрый-же проводникъ культуры совсѣмъ не филантропія и не воздѣйствіе-съ...

— Но что-же Ириней Маркычъ?

Ириней таинственно улыбнулся.

— Предпріятія, предпріятія... прошепталъ онъ, граціозно прикладывая палецъ къ губамъ, но не утерпѣлъ и, серьезно сдвинувъ брови, добавилъ: мы заводимъ фабрику.

— Какъ фабрику!? Фабрику здѣсь, въ Дмитряшевѣ!

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ только съ видомъ торжества кивнулъ головою и заботливо сталъ застегивать пуговочку правой перчатки. Въ дали показался и скоро выросъ передъ нами Чумаковскій хуторъ.

Чумаковскій хуторъ изобличалъ въ хозяинѣ и образцоваго дѣльца, и крупнаго капиталиста. Ничто не напоминало здѣсь какихъ-либо прихотей. Ни раскрашенныхъ аливовъ на пруду, ни затѣйливыхъ башенекъ и мезониновъ, ни китайскихъ бесѣдокъ и романтическихъ гротовъ въ-бы не встрѣтили тутъ. Но зато все, что вы видѣли, было крѣпко, хорошо, пригодно для хозяйственныхъ цѣлей. Два гумна съ безчисленными скирдами, подобно крыльямъ, облегли немногочисленныя постройки. На каждомъ изъ

этихъ гумень пыхтѣли паровики и многосильныя молотилки переполняли воздухъ тяжкимъ стеномемъ. Въ длинномъ и превосходно выстроенномъ амбарѣ, съ дверями распахнутыми настежь, не прерывалась безконечная вереница скрипучихъ возовъ. Въ сторонѣ, подъ крѣпкимъ и свѣженькимъ тесовымъ навѣсомъ, словно артиллерійскія орудія на смотре, вытянулись красивыми рядами жѣнки, сѣноворошилки и сѣялки. Недалеко отъ пруда, бѣлѣлась, зіяя рѣдкими окнами, новая трехъ-этажная зерносушилка, съ цѣлою системою деревянныхъ красныхъ трубъ на желѣзной крышѣ. Скотный дворъ, зданіе тоже новенькое и, повидимому, необычайной крѣпости, занималъ мѣсто за сушилкой. Флигель для рабочихъ, баня и кухня тоже отличались и новизною, и солидностью. Но особенно щеголяли этимъ хозяйскіе дома. Ихъ было два и отдѣлялись они другъ отъ друга узенькимъ, но чрезвычайно свѣтлымъ и чистымъ прудомъ. Оба были изъ стройнаго сосноваго лѣса. Ихъ недавно выкрашенныя кровли ярко и привѣтливо зеленѣли издалека. И оба домика издали чрезвычайно походили другъ на друга. Но приближаясь къ нимъ, вы замѣчали различіе. Одинъ отличался цѣломудреннѣйшей первобытною и даже не имѣлъ навѣса надъ простыми, сосновыми дверями, другой, не говоря уже о навѣсѣ, билъ въ глаза положительнымъ европеизмомъ. На гладко отполированныхъ дверяхъ его сверкала мѣдная доска съ именованіемъ владѣльца. Изъ притолки скромно выглядывала перламутровая пуговочка электрическаго звонка. Сквозь зеркальныя стекла оконъ прихотливо извивались вѣтви дорогихъ, тропическихъ растеній и пышныя гардины красиво распростирали искусно драпированныя складки.

Мы подъѣхали къ этому домику. На доскѣ сіяющія буквы вязью изображали: *Л. Чумаковъ*. Двери намъ отворила краснощекая горничная въ шиньонѣ и бѣлоснѣжномъ передникѣ. Липатка отсутствовалъ: онъ находился на гумнѣ. Горничная тотчасъ-же послала за нимъ какого-то мальчугана въ курткѣ и зеленыхъ штиблетахъ, а насъ пригласила въ комнаты. Тамъ насъ встрѣтила совсѣмъ уже подлинная цивилизація. Залъ, съ паркетнымъ поломъ, и гостиная, устланная пушистымъ ковромъ яркаго цвѣта, обильно украшались издѣліями европейской промышленности и произведеніями искусства европейскаго. На стѣнахъ висѣли картины въ золотыхъ рамахъ, по преимуществу все жанръ да альпійскіе и рейнскіе пейзажи. По

угламъ обѣдѣлись статуи—Диана съ гордо приподнятымъ левомъ, стыдливая Афродита... Бронзовыя фигуры рыцарей красовались на каминѣ.

Вообще все, что ни встрѣчало насъ въ апартаментахъ Липатки, обнаруживало въ хозяинѣ привычки просвѣщеннаго человѣка. Объ этомъ вопіяли и высокія зеркала въ рамкахъ самоновѣйшаго вкуса — тонкихъ и округлыхъ, — и механическое вѣнское фортепiano, и мебель... А когда мы вошли въ кабинетъ Липатки, то изысканныя привычки эти предстали предъ нами и вовсе воочію. Широчайшій, мраморный умывальникъ съ цѣлой коллекціей мыла, щеточекъ и различныхъ притираний; пилки, ножницы и флаконы на рѣзномъ, орѣховомъ, туалетѣ; комфортабельнѣйшая кровать; и вмѣстѣ съ этимъ цѣлая прорва всяческихъ приспособленій для письменныхъ занятій: тутъ можно было писать лежа, тамъ — сидя, здѣсь — стоя... И все-таки вы сразу замѣчали, что обиталище это, столь удобное для писанія, не вмѣщаетъ въ себѣ какого-либо узкаго бумаго-марателя. Здѣсь пахло практикомъ. Монументальный письменный столъ, занявшій чуть не половину Липаткина кабинета, былъ заваленъ образцами пшеницы и проса, счетами, накладными, преискурантами, квитанціями, экземплярами „Хозяйственнаго Строителя“ и „Земледѣльческой Газеты“, приходо-расходными книгами... Чернильница изображала локомобиль; пепельница — соху; прессъ-папье — мужика за плугомъ. Надъ столомъ въ бронзовыхъ лапахъ торчали телеграммы и письма изъ Ростова, Москвы, Петербурга, Риги, Кенигсберга и другихъ торговыхъ пунктовъ, съ означеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и на иные продукты степнаго хозяйства.

Съ видомъ жестокаго самодовольства водилъ меня Ириной по обиталищу Липатки. Каждая мелочь, имѣвшая здѣсь мѣсто, казалось, досконально была ему извѣстна.

— Ну какъ скажете: чья берлога, купеческая-съ? то и дѣло спрашивалъ онъ меня, самодовольно поглаживая сѣдую бородку свою à la Henri IV. И послѣ каждаго такого вопроса я, разумѣется, принужденъ былъ стыдливо опускать очи мои долу.

— И это въ годъ-съ! Одинъ только годъ прошелъ, и вы посмотрите, что здѣсь!.. Вѣдь прежде вы знали Чумаковскій хуторъ: флигель да изба да амбары... И вдругъ такое, можно сказать, превращеніе!.. О, Европа, Европа... —И Гудѣлкинъ мечтательно вздыхалъ и весь сіяющій какимъ-то тихимъ и теплымъ, но чрез-

вычайно радостнымъ свѣтомъ, неутомимо бродилъ по комфортабельнымъ комнатамъ.

— И всего привлекательнѣй: все вѣдь это коренится на принципѣ! восклицалъ онъ;—это не есть одна только дурь, одно эстетическое порываніе исключительной природы,—это есть довершеніе цигла-съ!.. Вотъ идите сюда и любуйтесь,—онъ подвелъ меня къ орѣховому шкафу, сквозь зеркальныя стекла котораго ясно блестѣли золотыя заглавія внушительныхъ томовъ—вотъ почва... Вотъ вамъ божественный Мальтусъ, вотъ краснорѣчивѣйшій Леруа-Болье, вотъ Гарнье, Курсалль-Сенель... здѣсь обстоятельный Макъ-Булохъ, тутъ серьезнѣйшій Бухананъ... Это его любимѣйшіе. Но вотъ и старика: Сей, Смитъ, Рикардо... А тутъ, на нижней полкѣ, какъ онъ говорить, для курьеза собранн: Прудонъ, Милль съ „примѣчаніями“, Лассаль... И вы не подумайте что-нибудь—все это проштудировано-съ! Ахъ, какъ пріятно имѣть дѣло съ принципиальнымъ человѣкомъ... Или вотъ посмотрите сюда,—и онъ, подхвативъ меня подъ-руку, быстро подвелъ къ ночному столику и, опустившись на колѣни, въ какомъ-то дѣтскомъ восторгѣ началъ показывать мнѣ его устройство,—смотрите... Ну не прелесть-ли!.. Вотъ вамъ одна необходимѣйшая вещь... вотъ другая... третья... Что за удобство!.. Что за простота!.. Обратите вниманіе... О, Европа, батюшка... и онъ даже захлебнулся отъ умиленія.

Но Липатъ не появлялся, и нетерпѣливый Ириной повлекъ меня къ гумнамъ.

Гумна эти, какъ я и сказалъ, можно было уподобить крыльямъ, облеглимъ хуторъ. Подходя къ тому, гдѣ находился Липатка, мы влѣзли на валъ, высоко поднимавшійся вокругъ скирдовъ и остановились въ восхищеніи... Далеко вокругъ синѣла степь. Тамъ и самъ пестрѣли по ней гурты, выдвигались кусты, круглые какъ шапки... Хуторъ, брошенный среди этой безконечной равнины, казался особенно несолымъ и особенно живописнымъ. Даль замыкалась волнистыми очертаніями старыхъ и почти уже исчезнувшихъ кургановъ... И надъ всѣмъ этимъ просторомъ, захватывающимъ дыханіе, тихо и торжественно опрокинулось теплое, яркое небо.

Липатку мы нашли у локомотива. Онъ внимательно слѣдилъ за градусникомъ и, отъ времени до времени, выпускалъ паръ. Молотилка внушительно ревѣла, выбрасывая изъ своего замысловатаго нутра непрерывную массу соломы, источая зерно, чистое и желтое

какъ воскъ, переполняя воздухъ пылью и мякиной. Большое колесо локомотива важно и равномерно колыхалось. Паръ свистѣлъ пронзительно и дико. Народъ копошился съ граблями, вилами, лопатами, мѣшками... Однообразный гулъ далеко разносился по окрестности.

Я, съ невольнымъ и, признаюсь, большимъ любопытствомъ, осмотрѣлъ Липатку. Невозмутимый среди суеты, шума и лязга, съ пышно надутыми щеками и гордо приподнятымъ челою, онъ походилъ на идола. Въ теченіи добрыхъ пятнадцати минутъ онъ не сдѣлалъ иного движенія, какъ только прикасался къ рукояти клапана, и не издавалъ звука, помимо отрывочныхъ и краткихъ приказаній, исполнявшихся съ изумительной поспѣшностью. Наружностью онъ мало походилъ на россиянина. Его тучную и крѣпкую фигуру обтягивала засаленная и, можетъ быть, черезчуръ узкая, кожанная куртка, на манеръ тѣхъ, которыя неизбѣжно напялены на любомъ машинистѣ изъ нѣмцевъ; голову покрывала фуражка опять-таки несомнѣннаго заграничнаго фасона: круглая, съ пуговкой на верху и съ огромнѣйшимъ козырькомъ. Сапоги до колѣнъ, панталоны въ обтяжку, на подобіе гусарскихъ чикчиръ, и сѣрыя шведскія перчатки довершали костюмъ. Лицо Липатки тоже носило заграничный отпечатокъ. Въ немъ какъ-то странно соединились: англійское высокочѣріе, французская бородка и нѣмецкій стеклянный взглядъ. Русское-же происхожденіе отозвалось только толстымъ и добродушнымъ носомъ, напоминавшимъ луговицу. А щеки казались искусственно вздутыми, такъ онѣ были пухлы.

Когда онъ, наконецъ, примѣтилъ насъ и пошелъ къ намъ на встрѣчу, то и походка оказалась у него подстать остальному. Ходилъ онъ важно и медлительно, точно павлинъ. Да и вообще держался такъ, какъ-будто при всякомъ смѣломъ движеніи рисковалъ разсѣпаться.

Впрочемъ, раскланиваясь съ нами, онъ этия рискованія пренебрегъ. Поклонъ вышелъ низкій и, глубокой, и жирная спина его изогнулась смѣло и рѣшительно. Это производило пріятное впечатлѣніе.

— Я долженъ покорнѣе извиниться передъ вами, почтеннѣйшіе господа, говорилъ Липатка, округливъ жестомъ снимаая и снова надѣвая свою странную фуражку и съ пріятностью выпрямляясь. Говорилъ онъ плавно и медленно, какъ-бы услаждаясь звуками чистаго и ровнаго своего баса. — Я получилъ извѣщеніе о

вашемъ прїѣздѣ своевременно, но лобомобиль—онъ системы Рамсона—оказался нѣсколько неисправнымъ, и я долженъ былъ—какъ мнѣ это ни грустно—сдѣлаться неаккуратнымъ.

А Гудѣлкинъ неотступно наблюдалъ за мною. Во всей его фигурѣ такъ и напряглось восторженное настроеніе.—Что? Какое? шепталъ онъ мнѣ,—это-ли не европеецъ?

Мы пошли по направленію къ хутору.

— Гдѣ-же Праксель Алкидычъ? спросилъ Гудѣлкинъ.

— Папаша?—Онъ по нѣкоторымъ дѣламъ направился въ мѣстный уѣздный городъ. Впрочемъ, онъ будетъ имѣть удовольствіе сегодня-же вечеромъ видѣть васъ. Вы, конечно, осчастливите меня—ночуете?

Ириной, по совѣтѣ со мною, ночевать согласился. Поравнявшись съ валомъ, мы снова не утерпѣли, чтобъ не взойти на него и не полюбоваться на окрестность. Солнце, склоняясь къ закату, потопляло степь въ яркомъ, розовомъ сіяніи. Бровли хуторскихъ построекъ празднично блестяли, какъ-будто покрытыя лакомъ. Тѣни отъ зданій улеглись на траву густыми и длинными пятнами. Въ воздухѣ было тихо. Грохотъ молотилокъ скрадывался высокими скирдами и доносился до насъ слабо и гармонично. Въ далекихъ гуртахъ мелодично звенѣли колокольчики.

— Что за прелесть эта степь! восклицалъ Ириной, безпрестанно прикладывая къ глазамъ изящную свою лорнетку.

— Мѣсто очень обширное, глубокомысленно замѣтилъ Липатка и еще пуще надулъ щеки.—Мѣсто очень обширное, но требуетъ агрикультурн, добавилъ онъ немного спустя и важно провелъ ладонью по правой щекѣ.

— О, разумѣется! подхватилъ Ириной,—это прелесть, но это—дичь!

— Все это я подниму плугомъ и посажу свекловицу, изрекъ Липатка.

— Паровые плуги, техническія приспособленія, машины изъ Англіи? радостно зашебеталъ Ириной.

— Будутъ-съ. Но на счетъ паровыхъ плуговъ я имѣю несчастье быть съ вами несогласнымъ, Ириной Маркычъ: при той цѣнѣ на трудъ, которая существуетъ въ нашемъ рынкѣ, и которой, въ виду неравномѣрныхъ отношеній между спросомъ и предложениемъ,

не грозить возвышеніе — паровые плуги, къ сожалѣнію, являются совершенно нераціональными и ненормальными.

Ириной нѣсколько озадачился.

— Но вѣдь это послѣднее слово науки, Липать Пракселычъ! чуть не съ ужасомъ воскликнулъ онъ.

Липать снова съ достоинствомъ провела ладонью по щекѣ.

— Совершенно точно извоили выразиться. Но прежде чѣмъ эксплуатировать послѣдніе выводы науки, мы должны сообразоваться съ положеніемъ нашего рынка, многоуважаемый Ириной Маркычъ, съ нашими экономическими и климатическими особенностями... Имѣю честь представить вамъ примѣръ: нашъ битуючій плугъ, самъ по себѣ, очень не совершененъ, но для поднятія новины нѣтъ надобности замѣнять его другимъ, ибо онъ, благодаря извѣстнымъ экономическимъ факторамъ, представляется наиболѣе удобнымъ и наирациональнѣйшимъ.

— О да, разумѣется! согласился Ириной, и, обратясь ко мнѣ, въ полголоса добавилъ: — не говорилъ-ли я вамъ... Чистѣйшій профессоръ!.. Нѣтъ, Европа, батюшка... — и онъ значительно нахмурилъ брови.

— Стало-быть, и сахарный заводъ устроите? спросилъ я Липатку.

— Устрою-съ. Вообще Ириной Маркычу извѣстны мои взгляды на счетъ капиталистическаго воздѣйствія... Я буду имѣть честь развить эти взгляды... Дѣло прежде всего въ томъ, чтобы уподобиться странамъ просвѣщеннымъ. И смѣю думать, что нѣкоторымъ образомъ и до извѣстной степени я постигъ секретъ этого уподобленія.

— О, Липать Пракселычъ совершенно постигъ этотъ секретъ! воскликнулъ Ириной и вѣриво пожалъ Липаткину толстую руку.

Но развить „взглядъ“ на этотъ разъ Липатѣ не довелось. Онъ вспомнилъ, что нужно закусить и переодѣться. Мы противъ закуски ничего не имѣли. А когда пришли въ домъ, въ столовой уже ждалъ насъ самоваръ, и длиннѣйшій столъ былъ заставленъ яствами. Стекланные колпаки надъ блюдами, пизантные приправы, острые маринады и затѣйливые консервы съ англійскими ярлыками и столу придавали чужестранное обличье. Мальчикъ въ зеленыхъ штиблетахъ суетился около тарелокъ. Горничная разливала чай. Въ ея обращеніи съ Липаткой примѣчалась бли-

зость. По всей вѣроятности, она была настоящей хозяйкой. Но Липатка и съ ней держалъ себя строго и непреклонно и на ея фамильярности хмуриль брови. Ему это видимо претило. Онъ явно стоялъ за приличіе. Чтобы образумить ее, онъ даже возвысилъ тонъ. Но Гаша (такъ звали горничную) понимало его туго.

Наконецъ, извинившись за свое „холостое“ хозяйство и пригласивъ насъ къ столу, онъ удалился въ кабинетъ, откуда добрыя четверть часа доносилось до насъ шумное фырканье и отчаянный плескъ воды. А спустя немного онъ появился передъ нами совершенно преобразованнымъ. Заскорузлая вѣщность машинистанънца замѣнилась теперь полнѣйшей безукоризненностью. Въмѣсто замасленной куртки, его фигуру облекалъ щегольской костюмъ песочнаго цвѣта, на ногахъ очутились лаковые ботинки, на блестящемъ пластронѣ батистовой рубашки засверкали золотыя запонки. И помимо костюма произошло измѣненіе: его щеки надулись пышнѣе; движенія получили большую округлость и совершались медлительнѣе; чело приподнялось выше и являло видъ достоинства окончательно уничтожающаго; жидкая бородака топорщилась вѣромя и благоухала англійскими духами...

За столомъ не произошло большого разговора. Липатъ возвратъ сообщилъ намъ о своемъ вояжѣ по Англій и Германіи, о заграничныхъ фабрикахъ и чудесахъ заграничной промышленности, о великолѣпныхъ свойствахъ тамошняго рабочаго—выносливости и терпѣннiи,—о выставкахъ и грандіозныхъ складахъ въ Лондонскомъ Сити... Но когда мы закусили и вышли гулять, Липатка повелъ разговоръ длинный и значительный. Обстановка какъ нельзя болѣе способствовала этому разговору. Дышалось легко и вольно. Въ желудкѣ ощущалась благопріятная сытость. Солнце только-что закатилось и прохладный воздухъ былъ неподвиженъ и ясенъ. Тѣни ложились медленно. Маленькія, круглыя тучки ярко пламенѣли надъ закатомъ... Мы шли на встрѣчу этому закату. Въ наши лица билъ мягкій, золотистый свѣтъ. Узкая дорожка, прихотливо извиваясь вдоль ложбинки, по руслу которой тихо и мелодично журчалъ ручей, вела насъ къ далекимъ бурганамъ.

Липатъ съ достоинствомъ опирался на толстую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и, тяжело и важно отдуваясь, говорилъ неумолчно. Въ свѣромъ плащѣ съ огромнѣйшей

пелеринкой, въ сѣрой широкополой шляпѣ—онъ мнѣ напоминалъ моль. А Ириной восторженно семенялъ ножками, игралъ лорнеткой и издавалъ одобрительныя восклицанія.

— Позвольте мнѣ дерзость предложить вамъ одинъ вопросецъ: принадлежите-ли вы къ числу русскихъ, желающихъ возвысить свое отечество до Европы и ради этой благотворной цѣли не щадающихъ никакихъ средствъ? спросилъ меня Липатка, когда мы только-что вышли изъ дома. И съ этого вопроса, вызвавшаго нерѣшительный отвѣтъ мой: „принадлежу, но частію...“ началось его словоизліаніе.

Именно—словоизліаніе. Онъ не говорилъ, а наводилъ вашъ слухъ непрерывнымъ и скучнымъ ручейкомъ обстоятельнѣйшихъ словесъ. Длиннѣйшіе періоды, затѣйливѣйшія предложенія, витіеватѣйшія фразы размеренно шествовали другъ за другомъ, безцвѣтныя какъ вода, сухія и безжизненныя. Я не рѣшусь, конечно досадить читателю подлинной Липаткиной рѣчью, но суть этой рѣчи настолько все-таки интересна и настолько поучительна по своему воздѣйствію на моего пріятеля Ириная, что стоить ознакомленія.

Липатка исколесилъ всю промышленную Европу изъ конца въ конецъ и пришелъ къ тому выводу, что культура для Россіи необходима.

— Не говорилъ-ли я! воскликнулъ Ириная.

Но Липатка думаетъ, что водворена эта культура можетъ быть лишь тогда, когда современный крестьянскій строй упразднится.

— Непремѣнно упразднится! съ видомъ гордости воскликнулъ Ириная.

Это трудно. По мнѣнію Липатки, „нужно въ эту массу всеческаго невѣжества и стародавнѣйшей рутинны вбить желѣзный клинъ, который массу эту могъ-бы расколоть сверху до низу“...

— Великолѣпнѣйшая образность! въ скобкахъ замѣтилъ Гудѣлкинъ.

Этотъ клинъ—фабричное производство.

— Вотъ оно! произнесъ Гудѣлкинъ, толкнувъ меня въ бокъ. Фабричное производство обособить личность. Разовьетъ въ народъ культурные идеалы...

— Замѣчаете? не унимался Ириная.

...Возбудить соревнованіе. И, въ концѣ концовъ, посредствомъ

разложенія варварской общины, — мѣсто которой, конечно, въ землѣ кафровъ какихъ-нибудь, — выдѣлить индивидуализмъ, совершившій столько чудесъ въ Западной Европѣ. Вотъ, по мнѣнію Липатки, единственный путь для водворенія культуры.

И затѣмъ онъ перешелъ къ частностямъ: онъ начерталъ картину края, въ которомъ, вмѣсто первобытной эксплуатаціи „даровъ природы“, вмѣсто жалкой сохи и неменѣе жалкаго плуга, воцаряется машинное производство. Фабрики и заводы перемежаются фермами и полями съ интенсивнымъ хозяйствомъ. Всѣ продукты получаютъ на мѣстѣ окончательную обработку; ленъ вывозится въ видѣ полотна, сѣмя — въ образѣ олеина, кожа поступаетъ на чемоданы и лаковые пояса, изъ собачьихъ шкуръ выдѣлывается лайка, тимофѣева трава вывозится въ видѣ бычьяго мяса, мука и просо вгоняются въ свинью... Мужикъ щеголяетъ въ ситцевой рубашкѣ, при постоянномъ желаніи приобрести полотняную (это „*постоянное желаніе*“ Липатка подчеркнул), бабы носятъ воловья ботинки и мечтаютъ о пришедевыхъ („*мечтаніе*“ тоже подчеркнул). Фабриканты заводятъ школы. Дѣти бѣгаютъ въ кумачѣ и хоромъ поютъ славословія. Въ избахъ появляется олеографія, и лампа вытѣсняетъ „гасницу“. Агрикультура свирѣпствуетъ и производитъ баснословные урожаи. Община разрушается. Изъ ея оковъ, великодушно расторгнутыхъ капиталистомъ, выползаютъ на свѣтъ Божій таланты, способности, дарованія... Частныя хозяйства процвѣтаютъ благодаря машинному производству и палыву батраковъ. Но батракамъ даютъ жирныя щи и кормятъ ихъ по праздникамъ пирогами... Бупецъ облачается въ сѣуть и штудируетъ Леруа-Болье. Дворянинъ служитъ искусству и преобразуетъ собою предметъ для назиданія. Ликующія чувства господствуютъ и производятъ гражданственные поступки. Все благополучно.

Мы добрыхъ три версты отошли отъ хутора, когда, наконецъ, Липатка умоляе и съ сознаниемъ собственнаго своего великолѣпія важно закурилъ сигару. Курганы были недалеко. Мы взошли на одинъ изъ нихъ и остановились. Съѣсть было невозможно: появилась роса. Но отдохнуть и стоя было пріятно. Вкругомъ широко разбѣгалась степь. Къ востоку она исчезала, незамѣтно сливаясь съ синимъ небомъ; на западѣ замыкалась лѣсомъ и рѣкою. Это все была Чумаковская степь. Битюкъ, свѣтлый и тихій, непо-

движно алѣлъ сквозь просѣки, явственно отражая сонныя вѣтви орѣшника и молодыхъ, кудравыхъ дубковъ. За Вятюкомъ шли луга, низкіе и пологіе, а за лугами темными и волнистыми уступами громоздился гористый берегъ.

День угасалъ. Тучки, еще недавно пламенѣвшія такъ ярко, теперь пожелтѣли какъ янтарь и сиротливо повисли въ блѣдномъ небѣ. Сумерки надвигались быстро и настойчиво. Въ вышинѣ загорались звѣзды. Золотистое сіяніе зари медленно умирало. Гуртовщики развели костры. Тихіе огоньки замелькали въ окнахъ хутора. Въ сонномъ хуторскомъ пруду и эти огоньки, и высокія, раннія звѣзды отражались ясно и мечтательно.

Мы долго стояли и смотрѣли въ глубокомъ молчаніи на окрестность, заполняемую сумракомъ. Наконецъ, Липатка бросилъ сигару и торжественно поднялъ свою трость.

— Мѣсто обширное, но требуетъ агрикультуры! воскликнулъ онъ и затѣмъ распространился въ мечтаніяхъ. Все, чтѣ доступно глазу, онъ распашетъ подь свекловицу. Около пруда выстроить сахарный заводъ. На Вятюкѣ устроить лѣсопильню. Розыщеть торфъ въ своей дачѣ. Въ Дмитрашевкѣ откроеть фабрику крестьянскихъ мануфактурныхъ издѣлій. („Да, да... непременно фабрику!“ лепеталъ Ириней, обнимая взоромъ потускнѣвшія дали).

— Мы революціонеры! въ пафосѣ восклицалъ Липатка, и его растопыренный плащъ, съ пелериной, подобной крыльямъ, странно выдѣлялся на палевомъ фонѣ заката,—мы революціонеры, но революціонеры *тишайшіе*... Въмѣсто крови у насъ золото, вмѣсто марсельезы—грохотъ машины, вмѣсто мерзкой и отвратительной гильотины у насъ—конторка изъ ясеневаго дерева... Но наша революція будетъ подѣйствительнѣй многихъ... Тѣ несли разрушеніе, мы успокоеніе несемъ... Тѣ проповѣдывали самоотверженіе, мы же одного только желаемъ—себялюбія, и на этожъ одножъ камнѣмъ воздвигнемъ зданіе...

И снова повторилъ, что необходимъ „железный клинъ“. Это сравненіе ему видимо нравилось. А когда Ириней разомкнулъ, наконецъ, уста свои и робко замѣтилъ, что ему кажется необходимымъ и *моральное* воздѣйствіе, онъ объяснилъ, что воздѣйствіе это непременно будетъ. Оно пойдетъ рука-объ-руку съ капиталистическимъ. Богатство располагаетъ къ благодумію. И вотъ, отсюда полная готовность помочь бѣдняку. Богатство-же

достижимо только при машинномъ производствѣ. Тогда только и искусство можетъ процвѣтать. Картинныя галлерей, коллекціи рѣдкостей, драгоценныя произведенія скульптуры, обширныя библіотеки и музеи — все это мыслимо только при накопленіи. Философія состоитъ въ томъ, что машинное производство, выдвигая на сцену индивидуализмъ и возбуждая страстную погоню за личнымъ благосостояніемъ, вмѣстѣ съ этимъ содѣйствуетъ „накопленію“, а, слѣдовательно, и вѣщему развитію культурныхъ поползновеній. Въ этомъ вся штука. Идеалы вгоняются механически: хочешь-не хочешь. Порядокъ вещей ясенъ и логиченъ какъ простое извлеченіе кубическаго корня...

Когда мы возвращались, съ хутора слышалась пѣсня. Унылымъ и протяжнымъ стономъ повисла она надъ степью и оборвалась въ дали жалобнымъ эхо...

— Экія пѣсни глушыя! проворчалъ Липатка, обрывая рѣчь.

— Монотонныя пѣсни, добавилъ Гудѣлкинъ.

— Дачь! произнесъ Липатка.

— Глушь и необразованность, сказала Ириной и внезапно разгорячился и закричалъ: нѣтъ, вы представьте собѣ — выписалъ я имъ гармоніумъ: „Лучію“ играетъ... а!.. Ну, привыкай-же, наконецъ!.. Вѣдь и тамъ горе — общечеловѣческое можно сказать; но, вмѣсто того, нѣтъ-же тамъ однообразныхъ завываній... Помните споръ съ флейтой? — Онъ на игновеніе закрылъ глаза и въ истомѣ произнесъ: — ахъ Патти, Патти!..

Пѣсня прозвенѣла долгой и скорбной нотой и печально замолкла. Вмѣсто нея, гдѣ-то въ степи, бойко и дробно задрезжали жилийки.

— Что за звуки! Что за мотивы! въ отчаяніи воскликнулъ Ириной.

Липатка съ достоинствомъ погладилъ ладонью щеку.

— Мнѣніе мое таково, изъяснилъ онъ, — негодованіе бесполезно. По моему мнѣнію, дѣйствованіе имѣетъ несомнѣнное предпочитаніе передъ выраженіемъ чувствованій. При надлежащемъ развитіи индивидуализма, что, въ свою очередь, возможно только при господствѣ капитализма и при его воздѣйствіи на экономическій и этический строй гражданственности... И онъ досказалъ, что личность, развивши свои способности въ борьбѣ за существованіе и отвѣдавши культурныхъ благъ, непременно разовьеть и эстети-

ческіе свои вкусы, и тогда переходъ отъ „Лучинушки“ къ „Лучин Ламермурской“ явится неизбежнымъ.

— Да, да, да! въ какомъ-то сладостномъ изнеможеніи лепеталъ Иринеѣ, пораженный Липаткиной логикой и несказанно осчастливленный этимъ пораженіемъ— да... именно— неизбежнымъ!.. Именно— разовьются эстетическіе вкусы...

— Вы извольте вообразить себѣ вашу Дмитрашевку въ періодъ капиталистическаго производства, вѣщаль Липатка:— тщетно теперь воздѣйствуя на мужичковъ благородными поступками своими, прямо для васъ убыточными, вы тогда, однимъ присовокупленіемъ капиталовъ вашихъ, согласно закону накопленія, водворите въ Дмитрашеву Европу. Каждый мужикъ будетъ знать тогда, во что цѣнится его трудъ, приложенный въ такой-то пропорціи, и какъ велико благосостояніе, купленное цѣною такого труда. Каждый увидитъ преимущество познаній и обособленности. Каждый будетъ стремиться къ этому... Я имѣлъ уже удовольствіе докладывать: мужикъ, надѣвая каждодневно ситцевую рубашку, каждодневно-же о полотняной мечтать будетъ. А въ этомъ мечтаніи есть уже зачатокъ непрерывнаго преуспѣянія. Революціонныя стремленія въ мужикѣ неизбежны. Нужно поработить ихъ и утилизировать. Необходимъ балансъ. Но въ томъ и состоитъ задача культурныхъ людей... Нужно отнять отъ этихъ революціонныхъ стремленій характеръ стихійности; нужно обходить ихъ, дифференцировать, формулировать во образѣ мирной, *единоличной* борьбы за существованіе. Не запраги мужика въ ярмо культуры— онъ, смѣю изъяснить— самую культуру эту растреплетъ на подобіе ветхой, продырявленной тряпки, и отъ Россіи-матушки останется *пишк!*.. и Липатка дунулъ на кончики своихъ пальцевъ.

Дѣло было ясно какъ день.

Когда мы пришли, старика Чумакова еще не было. Липатъ усадилъ насъ въ уютной гостиной, приказалъ подать туда бутылочку Шартреза и заставилъ мальчика въ штиблетахъ вертѣть ручку рояля. Самъ онъ съ обычною вѣжливостью извинился и ушелъ въ контору рассчитывать рабочихъ. Мы остались одни. Съ высокаго потолка свѣтилъ намъ розовый фонарь; въ открытыя окна глядѣли звѣзды, и степной воздухъ непрерывной струей вливался въ комнаты; причудливыя листья растений тихо колеба-

лись отъ этой струи и производили слабый шорохъ; обворожительные звуки вальса изъ „Фауста“ медленно и мелодично замирали...

Ириней окончательно развѣжился. Забравшись совѣтъ съ ногами на мягкое канапе и обстоятельно смакуя зеленоватую влагу Шартреза, онъ на яву отдался грезамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе Липатки какъ-будто придавало ему бодрости. При немъ онъ не дерзалъ на многое: Липаткины познанія его подавляли. Но теперь... О, какъ преобразуется Дмитришевка, когда они заведутъ въ ней фабрику. Онъ даетъ деньги и землю для постройки, Липатка примѣняетъ свои знанія: Дивидендъ пополамъ. Правда, Дмитришевку придется заложить для этого, и онъ думаетъ это сдѣлать въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита—это самое солидное,—но зато какія несомнѣнныя выгоды, и какая великая польза!.. Главное—польза. (Тутъ онъ сладостно зажмурилъ глаза и медлительно втянулъ въ себя ликеръ, послѣ чего прищелкнулъ языкомъ и снова налилъ полъ-рюмки). Онъ такъ радъ, что не безслѣдно прошла его жизнь! Онъ такъ счастливъ, что, въ пору всеобщей сумятицы и всеобщей апатіи, ему доведется указать путь для многострадальной Россіи,—путь вѣрный и прямой. Вмѣсто мрака—свѣтъ, и даль окаймлена лазурью. И онъ снова отпилъ изъ своей рюмки и, развода рукою въ тактъ меланхолическаго вальса, развернулъ предо мною картину будущей Россіи. Бѣленькіе домики, асфальтовныя кровли, зеленый плющъ, розы и георгины въ палисадникахъ, тучныя стада, краснощекіе поселане... И свѣтлыя крылья культуры, какъ крылья ангела, рѣютъ надъ безконечными русскими равнинами. Скорбныя пѣсни исчезли, ихъ замѣнили аріи. Пастухи, вмѣсто жилеекъ, играютъ на кларнетѣ. Граціозныя хороводы пляшутъ подъ звуки флейты. Грохотъ безчисленныхъ машинъ сливается въ одною грандіозномъ ритмѣ и съ самыхъ раннихъ лѣтъ пріучаетъ крестьянское ухо къ музыкальности. И водворяется золотой вѣкъ.

А розовый свѣтъ фонаря все такъ-же мягко и фантастично обливаетъ комнату, оставляя въ полумракѣ стѣны, обитыя малиновымъ трипомъ... Причудливыя листья чужеземныхъ растений все также развѣренно и странно колыхались и лепетали, пѣлясь другъ за друга... Мечтательные звуки вальса все такъ-же вливались къ намъ граціозною толпою и такъ-же печально угасали...

Липатка пришелъ поздно. Онъ сообщилъ, что папаша приѣхалъ, но нѣсколько не въ своемъ видѣ, и, посидѣвъ немного, удалился, пожелавъ намъ спокойной ночи. Тутъ-же въ гостиной пригото-вили для насъ постели. Свѣжее бѣлье съ тонкимъ запахомъ сѣна, прохлада и тишина скоро на насъ подѣйствовали: мы заснули. Я видѣлъ во свѣ бѣлыя домики съ остроконечными аспидными кровлями, видѣлъ длинные листья странныхъ растений, колеблющихся важно и разбѣренно. Фантастическое солнце было въ глаза розовымъ свѣтомъ, и печальные звуки „Фауста“ уплывали въ даль рыдающей вереницей...

Не знаю сколько спалъ я — меня разбудилъ Ириной. Я взглянулъ на него и вскочилъ въ испугъ. Блѣдный свѣтъ проникалъ въ окно и озарялъ его лицо, искривленное скорбью и гнѣвомъ. Онъ крѣпко сжалъ мою руку и сказалъ:

— Тихе... смотрите и слушайте!

Я придвинулся къ окну. На балкончикѣ горѣла лампа съ матовымъ шаромъ и разливала вокругъ свѣтъ подобный лунному. Около столика, накрытаго салфеткой, сидѣли Чумаковы — Липатка и Праксалъ. Старикъ тяжело наклонился надъ столомъ, тыкая невѣрной рукою въ тарелку съ селедкой и безпрестанно икая. Онъ былъ въ ситцевой рубахѣ, подпоясанной ремешкомъ, и въ неуклюжихъ валенныхъ сапогахъ. Широкая спина его выпукло обозначалась сквозь тонкій ситецъ. Передъ нимъ возвышался графинъ съ водкой и двѣ рюмки. Липатка, безъ сюртука и жилета, сидѣлъ напротивъ отца, непринужденно посасывая сигару и, отъ времени до времени, съ присущимъ ему достоинствомъ поглаживалъ свои пухляя щеки.

— Дѣка ты у меня, Липатка... дѣка, песь тебя слопай! заплетающимся языкомъ говорилъ старикъ. — Ну только не заносись, прямо говорю... не заносись...

Послѣдовала пауза, и медленное исканіе селедки.

— Ты сынъ мнѣ, а? Какъ ты на счетъ этого понимаешь?.. продолжалъ старикъ, поймавши, наконецъ, кусокъ селедки и съ угрожающимъ видомъ потрясая имъ въ воздухъ — а? — Сынъ... И поэтому поступать должнъ!.. — Онъ икнулъ и перекрестилъ ротъ. — Ты какъ понимаешь? — Покорайся!.. Ты знаешь: *отцамъ да повинуются*, а? Это гдѣ показано?.. Въ писаніи, дура-акъ, въ писаніи.

Онъ поникнулъ головою и вдругъ прослезился.

— Алипатья Правоселычъ! Другъ! Я вѣдь понимаю, я все понимаю... Ты думаешь, какъ я есть мужикъ сиволалпий и поэфтому самому понятіевъ лишень?.. Нѣ-э-эть, голубь, я понимаю... Я могу... Я все могу! Все могу! внезапно возопилъ онъ благими матомъ и жестоко ударилъ по столу кулакомъ, но затѣмъ тотчасъ-же стихъ и продолжалъ умиленно:—Ежели баренишку этого опутать... Гудѣлку этого! (Иринея передернуло) такъ это довольно даже обнаковенно... Но наипаче старайся протурить его съ нашихъ мѣстовъ!..

— Другъ! я еще во какимъ махонькимъ понималъ икнаго брата... И съ того произошелъ!—онъ горделиво приосанился. — И ты не заносись... Ты отцу кланяйся: отецъ не оставитъ, отецъ на путь наведетъ... Развѣ я не понимаю нонѣшнихъ дѣловъ? Ошибаешься, другъ... Оченно даже я ихъ хорошо понимаю... Вникаемъ, голубь... Мы мужики, а вникать-вникаемъ!.. И прямо я тебѣ скажу: нонѣшнія дѣла—дѣла зазвонистыя. Ты это понимай... Имѣй опаску, говорю... Я вѣдь не даромъ въ нѣмецкія-то земли заслалъ тебя, капиталець-то уходилъ изрядный... Ты это чувствуй!

Онъ выпилъ, утерся рукавомъ и, все болѣе и болѣе впадая въ назидательной тонъ, продолжалъ:

— Наипаче не прошибись, говорю... Времена опасныя... Времена такія—въ лѣсу свѣтлѣй!.. — и, замѣтивъ легкую улыбку на лицѣ Липатки, рассердился. — Ты думаешь, старикъ пьянъ? Ты полагаешь старикъ зря мелеть?.. Врешь, Липатка!.. Я въ своемъ домѣ хозяинъ!.. — Онъ попытался подняться, но не смогъ. — Ты что—ты щенокъ! Какъ объ тебѣ понимать, а? Ты чей?.. Гдѣ твои капиталы?.. Что по Нѣметчинѣ-то гулялъ, это еще не штука... Не штука, малый!.. А ты покажи-и... Ты намъ на дѣ-ѣль!.. Какіе такіе твои расчеты, а?.. Выкладывай... А мы и обсудимъ нашимъ мужицкимъ разумомъ—онъ спѣсиво разгладилъ бороду и важно развалился. Мы и разведемъ!.. Мы сѣрны... Мы глупые... а ты умникъ!.. Ну-ка умный... Выкладывай... Ты какъ на счетъ фабрики полагаешь?.. Нѣ-ѣтъ врешь, не пья-ягъ... и сердитымъ движеніемъ руки онъ отстранилъ и рюмки и закуску.

Липать равнодушно посмотрѣлъ на свои выхолонные ногти.

— Я имѣлъ уже честь... началъ-было онъ.

— Чего-о? брезгливо остановилъ его отецъ, — ты инѣ, братъ,

не финти!.. Ты брось вывертасы-то эти, я вѣдь не Гудѣлкинъ... Ты на чистоту мнѣ выкладывай: умъ то у меня мужицкій, прямой!—и онъ рѣшительно выпрямилъ свою широкую спину и положилъ на столъ крупныя, волосатыя руки.

Ириной сдѣлалъ мучительную гримасу.

Липатъ нѣсколько оживился.

— Вы, папаша, довольно не равнодушны...

— Не финти, говорю! настоятельно и грозно повторилъ старикъ.

И благодаря-ли этой настоятельности, но Липатъ дѣйствительно пересталъ финтить. Кратко и сжато обрисовалъ онъ старике положеніе дѣлъ. Народъ бѣдствуетъ и голодаетъ. Земли истощены. Населеніе прибываетъ и дробить надѣлы. На міру идетъ разладаца. И самый разъ дать мужику работу. Онъ пойдетъ за всякую дешевою, особливо зимою. Работникъ онъ не чета нѣмецкому: нѣтъ въ немъ привередливости, не запроситъ онъ лишняго четвертака на сосиски, не устроитъ стачку, не будетъ хлопотать о сбавкѣ рабочихъ часовъ. Человѣкъ онъ выносливый и терпкій. Да къ тому же можно будетъ и уряднику отвести квартиру на фабрикѣ. Все страху больше. А между тѣмъ сбытъ тоже обезпеченъ. Въ земледѣльческой полосѣ фабрикъ совсѣмъ нѣтъ, а потребность въ ситцахъ растетъ. Краснорядцы богатѣютъ. Народъ балуется. Щегольство одолеваетъ всѣхъ. Трудъ дешевъ. Начальство благопріятствуетъ.

И чѣмъ больше говорилъ Липатка, тѣмъ опускалась все ниже и ниже спѣсивая голова Праксела и тѣмъ ласковѣй и добродушнѣй становился его ликъ.

— Такъ, такъ... лепеталъ онъ сладостнымъ шепотомъ, умиленно поглядывая на Липата, — такъ... утрафилъ... попалъ... дока, песь теба слопай!..

А Липатъ не унимался. Онъ оживился и глаза его заблестали, языкъ утратилъ свою деревянность и работалъ съ живописностью... Онъ настоятельно указывалъ отцу на необходимость расширить дѣло, завести сношенія съ Лондономъ и Кенигсбергомъ, устроить въ Воронежѣ контору съ англійской обстановкой — молчаливыми писцами и накрахмаленнымъ кассиромъ, — придать фирмѣ европейское обличье, затѣять въ степяхъ интенсивное хозяйство, нанять батраковъ, упразднить отрядныя наемки... Онъ, рядомъ убѣди-

тельныхъ и простыхъ фактовъ, доказывалъ отцу, сколько теряется оттого, что нѣтъ непосредственныхъ сношеній съ иностранными фирмами и что всякій продуктъ лѣзетъ за границу въ первобытномъ видѣ. И когда Правсалъ, ошеломленный цифрами, отуманенный смѣлыми предположеніями Липатки, обругалъ его и обозвалъ „вѣтрогономъ“, тотъ даже разолился. „Вы слѣпцы!“ кричалъ онъ.—Весь край можно-бы заполнить и опутать одной сѣтью. Деньги—пустое: онѣ всегда найдутся. Нашлось-бы дѣло. Банки затрещать отъ англійскихъ стерлинговъ и нѣмецкихъ марокъ, если только отецъ послушаетъ Липатку. Дворянство издыхаетъ, мужикъ путается; начальство благосклонствуетъ... Трудно вообразить болѣе подходящее время! Нужно скупать землю, брать ее на аренду, заводить фабрики, устраивать конторы для ссыпши хлѣба, открыть широкій кредитъ господамъ помѣщикамъ...

— Не милліонъ — десятки милліоновъ заплашутъ по нашей дудѣ! — восклицалъ Липатка.

И старикъ теперь уже не прерывалъ его. Онъ потиралъ руками и безпомощно хихикалъ. Липаткины грезы неодолимо встали предъ нимъ и до конца заполнили его мужицкое воображеніе. И когда Липатка кончилъ, онъ только произнесъ: „Выпьемъ, Липатушка!“ и смачно разцѣловалъ великолѣпное свое дѣтище.

— Ну а какъ-же, Липатушка, Гудѣлку намъ вытравить? сказалъ онъ послѣ выпивки, плутовски прижиуривая осоловѣвшіе глаза.

Липатушка только усмѣхнулся.

— Кредитецъ ему открыть, отвѣтилъ онъ, — кратковременныя ссуды... И притомъ Иринею Маркычу, по всей вѣроятности, надоѣстъ фабричное дѣло, а ликвидировать его опять нужно капиталецъ. Дѣло простое — борьба за существованіе!

— Хе, хе, хе... хорошее ты слово сказалъ, Липатушка!.. Не возьму я его въ толкъ, а хорошее оно слово... Вотъ словами-то ты его этими одолевай... Лясами-то!.. Господинъ — въ немъ прежде всего струна есть... И какъ ты его за эту за струну дернешь — бери голыми руками... Дается онъ... Очень даже хорошо дается!.. Охъ падки господишки до лясы!.. Ежели по совѣсти говорить, баба да лясы — весь животъ ихній... — и онъ погрузился въ мечтаніе — а что, Липатка, бабу-бы ему... а? Гашку-бы...

Липатъ отрицательно покачалъ головой.

— О? Не приметъ, думаешь?.. Ну какъ хочешь. А хорошо бы... Я тебѣ вотъ что скажу, Липатушка—старикъ наклонился къ сыну и таинственно заговорилъ:—востра была къ этому дѣлу мать твоя покойница, царство ей небесное, — онъ благоговѣнно перекрестился — и ихъ угаръ была баба!.. Бывало такъ опутаетъ — моргнуть не управишься!.. Графчикъ разъ приспособила... Эхъ!.. Выпьемъ, упокой Господи ея душу!.. и тономъ авторитета добавилъ громко и внушительно: — Вольше изъ книжекъ ихъ осаживай... Осаживай изъ книжекъ и шабашъ!.. Тебѣ Богъ далъ — дѣйствуй... — и затѣмъ усмѣхнулся пьяной улыбкой — Ахъ Гудѣлка, Гудѣлка!.. Вѣдь ишь фабрикантъ выискался... Фу ты, ну ты!.. Ну-ка выпьемъ, Липатушка... Вижу произошелъ ты у меня... Исполать, дѣтинушка! — и послѣ нѣкотораго молчанія добавилъ: а что ежели фортулясы запустить?

Но Липатъ отговорилъ его, представляя на видъ наше сонное состояніе. Старикъ махнулъ рукою.

— Ну ладно!.. Обдери ихъ совсѣмъ... Пусть дрыхнуть... — и добавилъ со смѣхомъ — мы ихъ еще рано освѣжуемъ! *)... Явлюсь къ нимъ уже — пословоохочусь...

Иринея была лихорадка. Уткнувшись лицомъ въ подушку, онъ щипалъ короткіе свои волосики и ругался. Старика Чумакова, уже окончательно разсолодѣвшаго, увели спать. На балконѣ остался Липатка. Долго сидѣлъ онъ и неподвижно смотрѣлъ на небо. (Въ небѣ ходили тучи, и рѣдкія звѣзды мигали тускло и трепетно). Наконецъ, самодовольно выпрямилъ станъ и, закинувъ жирныя ноги свои одна на другую, важно воскликнулъ:

— Гаша!

На этотъ зовъ явилась горничная. Остановившись у порога, она спрятала руки подъ передникъ и вымолвила робко:

— Что прикажете, Алипатъ...

— Говорите — „сударь“, внушительно прервалъ ее Липатка.

— Что прикажете, сударь, повторила Гаша.

— Замѣчаю я въ вашемъ поведеніи несообразности...

— Я, кажись, ни въ чемъ неповинна, Алипатъ Пракселычъ...

— Зовите — „сударь“. И я не досказалъ — вы молчите — въ

*) Снимемъ шкуру.

скобкахъ замѣтилъ Липать.—Замѣчаю несообразности. Сегодня за столомъ вы мнѣ осмѣлились сказать: „душечка“.

Онъ вперилъ въ нее тяжелый и пристальный взглядъ.

— Ей-Богу какъ влюблеми въ васъ, сударь...

— Молчите. Вы горничная. Ваше поведеніе я не одобряю.

Гаша внезапно обидѣлась.

— Что-жъ вы попрекаете, заговорила она всхлипывая и глотая слезы,—если я родила, такъ окромя грѣха вамъ, Алипатья Пракселычъ...

— Ну, ну... поспѣшно возразилъ Липать и, скорѣй шутливо чѣмъ грозно, замѣтилъ: я тебѣ сказалъ — „сударомъ“ зови! — но тотчасъ-же снова напустилъ на себя важность: — не куеситесь. Подите раздѣньте меня... И обратите вниманіе: ваши манжетки сегодня необыкновенно грязны. Я терпѣть не могу грязныхъ манжетокъ.

Онъ тяжело поднялся и подошелъ къ Гашѣ, снисходительно потрепавъ румяную ея щечку. Нужно было полагать, что этииъ онъ изъявлялъ прощеніе. Повидимому, такъ поняла это и Гаша: она подобострастно поцѣловала жирную Липаткину руку и отерла слезы.

— Каковъ гусь!.. сказалъ мнѣ Ириней.

— Европейецъ, замѣтилъ я.

— Н-да, европейецъ... саркастически произнесъ Гудѣлкинъ и порывисто завернулся въ одѣяло.

На утро пріятель мой являлъ видъ печальный. Его бородака à la Henri IV торчала безъ всякой бодрости. Лицо осунулось и пожелтѣло. И вообще онъ походилъ на воробья, мокраго и сконфуженнаго. Отказавшись отъ завтрака и чая, онъ приказалъ подавать экипажъ и на всѣ разговоры Липатки отвѣчалъ односложно и сухо.

Погода соотвѣтствовала скверному состоянію Иринеева духа. Дождь пошелъ еще ночью и теперь надъ степью плавали скучныя, сѣрныя тучи. Мокрыя галки торчали на крышахъ. Густая, черная грязь прилипала къ колесамъ экипажа. Лошади тяжело сопѣли и обливались потомъ. Даль хирилась: Ревъ молотилокъ отдавался глухо и тоскливо. Хуторъ казался мрачнымъ.

Ириней, завернувшись въ плащъ по самой подбородокъ, печально выглядывалъ изъ подъ шляпы. Онъ походилъ на Гамлета.

Когда Чумаковскій хуторъ скрылся изъ вида, я заговорилъ. Но Ириной не отвѣтилъ мнѣ. Только спустя добрыхъ полъ-часа, онъ въ какомъ-то раздумьи произнесъ, медленно и горько:

— Какаѣ-же это культура, наконецъ?

— Вы на счетъ чего? освѣдомился я.

Онъ помолчалъ, повидимому что-то соображая, и затѣмъ повторилъ:

— Нѣтъ, какую-же культуру подразумѣвалъ этотъ... гусь?

Я пожалъ плечами. Ириной вдругъ какъ-бы осѣнило.

— Помилуйте! воскликнулъ онъ,—это не культура, а разбой... Естественнѣйшій разбой!

И послѣ этого опять понижъ и пребывалъ долго въ грустномъ молчаніи; а затѣмъ внезапно воспрянулъ и, съ скорбною улыбкой на устахъ, произнесъ:

... Къ чему упрекъ? Смиренье въ душу вложимъ

И въ ней затворимся—безъ жолчи если можемъ...

Тучи плакали и нескончаемой вереницей тянулись надъ степью.

Немного спустя Гудълкинъ заложилъ-таки Дмитряшеву. Но онъ не завелъ фабрику—онъ устроилъ крестьянамъ блистательный обѣдъ, на которомъ, говорятъ, была даже спаржа, и укатилъ въ Швейцарію. Тамъ, въ Vevey, проживаетъ онъ и до нынѣ.

Ал. Эртель.

ВЪ ПОЛЯХЪ.

Эскизы.

ПАМЯТИ Н. А. НЕВРАСОВА.

I.

М Е Ч Т Ы.

Повеселѣла деревня родная,—
Пѣдвечеръ пѣсня звенить не смокая,
 Утромъ и днемъ шумный говоръ въ поляхъ,
 Бойко работа спорится въ рукахъ.
Просо-ль ломаетъ, гречиху-ли сѣть,
Глядя на поле мужикъ не робѣетъ
 И не боится какъ прежде гадать —
 Сколько придется еще голодать...
Стелется нива равниной зеленой,
Всюду цвѣтною коймой обведенной
 Пышно и ярко цвѣтущихъ межей...
Любо на солнышкѣ нѣжится ей,
Любо ей въ росныя майскія ночи
Видѣть какъ искрятся звѣздныя очи,
 Любо подъ частымъ и крупнымъ дождемъ
 Землю ласкать молодымъ стебелькомъ,
Любо ей кланяться гостю съ востока,
Вольному вѣтру изъ степи широкой,
 Любо ей лѣта горячаго ждать
 Колосъ растить и зерно наливать,—
Только-бы раньше волной золотою
Пощлловаться съ румяной зарею...
Жатвы давно не боится она,
Словно для жатвы она создана,

Хочется только ей въ полномъ разцвѣтѣ
Глянуть на все, что творится на свѣтѣ...

Ясно ей слышится пѣсня земли:

„Вѣрь, моя дочка, чѣмъ сгинуть въ пыли,
Гнить подъ дождями и мерзнуть зимою,

„Лучше, родная, быть жертвой людскою,
Силы свои не напрасно губя,—

„Люди когда-нибудь вспомнятъ тебя...

„Стыдно-ли, только подумай ты это,
Кто тебя холить и весну и лѣто,

„Кто тебя зиму студеную ждалъ,
Нужду и горе не разъ принималъ,

„Съ тѣмъ расплатится всѣмъ милымъ на свѣтѣ,
Жизнью и счастиемъ въ полномъ разцвѣтѣ“...

II.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Но не надолго досталась на долю
Вешняя нѣга цвѣтущему полю,—

Буря съ грозой и ливнемъ примчалась,

Мало колосевъ на полѣ осталось,

Слѣдомъ морозы къ нему подступили,

Все не побитое разомъ добила...

И не для жатвы пышна и красива

Зрѣла на солнцѣ кормилица-нива,

Не привелось ей въ полномъ разцвѣтѣ

Глянуть на все, что творится на свѣтѣ,—

Дикой стихіи бездушная сила

Юные всходы за-даромъ стубила...

Стелются всюду сѣдые туманы,

Словно кладбище безмолвны поляны,

Только одинъ потѣшается въ волю

Вѣтеръ-бездомникъ по чистому полю.

Съ пѣсвистомъ цѣлыми днями онъ рыщетъ,

Словно все цѣлаго колоса ищетъ,

Словно боится, чтобъ новые всходы

Разомъ не скрыли погромъ непогоды,

Чтобъ не возсталъ надъ свѣжей могилой

Жизнь всемогущая съ прежнею силой...

III.

ИТОГИ.

Пасмурно. Въ тучахъ заря выгораетъ
 Крупными каплями дождь долетаетъ,
 Ветлы косматыя взадъ и впередъ
 По вѣтру шумный ведутъ хороводъ.
 Взмокшія избы, чернѣя рядами,
 Кажутся въ сизомъ туманѣ гробами,
 Только не сброшенъ надъ ними покровъ
 Свѣтлой гряды золотыхъ облаковъ...
 Саваномъ бѣлымъ раскинулось небо,
 И надъ равниною сжатаго хлѣба
 Вѣтра проносится жалобный стонъ,
 Словно печальный напѣвъ похоронъ.
 Еле видѣясь на грязной дорогѣ,
 Тащутся въ гору крестьянскія дроги,
 Вѣрно, послѣдній везутъ умолотъ,
 Какъ-то голодный протянется годъ?..
 Мрачныя думы, какъ грозныя тучи,
 Также недвижны и также могучи,
 Черной стѣною встаютъ предо мной,
 Сердце пугая грядущею тьмой...
 Совѣсть, что вѣтеръ по чистому полю,
 Въ сердцѣ моемъ потѣшается въ волю,
 Годамъ загубленнымъ скарედный счетъ,
 Словно ворчливый хозяинъ, ведетъ...
 Эхъ, хоть-бы, что-ли, настали морозы,
 Да не дразнили насъ позднія грезы!..
 Въ пору осеннюю, право, подчасъ
 Даже цвѣты неприяты для глазъ...
 Только разстаться съ мечтою нарядной
 Глупому сердцу, конечно, досадно,
 Но миновала для сердца весна,
 Значить, забота о сердцѣ смѣшна...
 Юности чуткой забывши тревогу,
 Время на новую выйти дорогу,
 Съ совѣстью старыя счеы свести...

.

Мартовъ.

КОНЕЦЪ НЕВѢДОМОЙ УЛИЦЫ.

II.

Егоръ Иванычъ пропалъ...

Анфиса Григорьевна убѣдилась въ его отсутствіи, снустя нѣсколько минутъ послѣ его исчезновенія, войдя въ комнату и не найдя въ ней супруга. Не было его и въ мастерской. Она заглянула въ самыя сокровенныя мѣста дома, какъ-то: въ чуланъ и проч.. И тамъ тоже не было Егора Иваныча. На вопросъ ученикамъ, не видѣль-ли кто-нибудь изъ нихъ, какъ онъ проходилъ — всѣ отозвались отрицательно. Анфиса Григорьевна терялась въ догадкахъ. Гдѣ могъ онъ скрываться? Верхнее платье и шапка Егора Иваныча были у нея подъ замкомъ... Куда-же, въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ дѣваться?

— А они, вѣрно, черезъ окошко-съ, домокнулса самый младшій изъ мальчиковъ, съ невинностью дѣтскаго возраста.

Тутъ только Анфиса Григорьевна замѣтила, что окно, дѣйствительно, открыто, между тѣмъ какъ она помнила, что раньше оно было заперто.. Мальчишка былъ правъ.

Она только сжала свои тонкія губы и ничего не отвѣтила.

Такая манера путешествія была употреблена Егоромъ Ивановичемъ еще въ первый разъ. Также въ первый разъ еще отказала ему Анфиса Григорьевна въ водкѣ, какъ средствѣ „поправиться“. Прежде случалось, что она даже сама, недожидаясь просьбы Егора Иваныча, собственноручно, хотя съ брезгливой миной, наливала ему рюмку воды. Или, въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало ей и сегодня поступить также, какъ прежде?

— Глупости! Нужно его проучить. Подурить да и вернуться! рѣшила тотчасъ-же Анфиса Григорьевна и, успокоившись совершенно, обратилась къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Покончивъ свою дѣятельность вмѣстѣ съ кухаркой на кухнѣ, она въ обыкновенный часъ пообедала, потомъ вздремнула часика два, въ сумеркахъ зажгла лампу и сѣла на свое привычное мѣсто на диванѣ, съ работой. Словомъ—ежедневная программа была исполнена своимъ чередомъ. Она чувствовала себя совершенно спокойно, хотя, отъ времени до времени, какой-нибудь звукъ на дворѣ, похожій на скрипъ отворяемой калитки, заставлялъ ее поднимать голову и прислушиваться. Отправляясь на сонъ грядущій, она только заперла дверь на замокъ и даже заставила ее стуломъ. Засыпала она съ увѣренностью, что супругъ непременно вернется, и если будетъ опять бушевать и ломиться, то она не услышитъ, такъ-какъ полуночный сонъ ея былъ всегда очень крѣпокъ.

Прошла ночь, наступило и утро—сѣрое съ изморосью—а Егора Иваныча не было.

Это становилось уже положительнымъ нарушеніемъ порядка вещей, а главное, показывало, что Егоръ Иванычъ открыто поднималъ, такъ-сказать, знамя бунта.

Мрачнѣ тучи, какъ разъяренная львица, прошлась Анфиса Григорьевна по хозяйству, изругала за что-то кухарку, закатила затрепину одному изъ юныхъ учениковъ и излила, наконецъ, волновавшія ее чувства, ударивъ кулакомъ одной руки по ладони другой, съ восклицаніемъ:

— Каковъ мерзавецъ, а? Нѣтъ, каковъ мерзавецъ-то, а?!

Это восклицаніе было обращено къ дивану. Не то, чтобы Анфиса Григорьевна ждала отъ этого неодушевленнаго предмета какого-нибудь объясненія,—но она, какъ и многіе бурные люди ея комплекціи, имѣла привычку, въ минуты сильнаго волненія духа, произносить вслухъ на-единѣ съ собою даже цѣлые монологи.

— Ну, хорошо-же! Погоди ты у меня! Только приди!

А пока она, немедля ни минуты, отрядила посланца съ инструкціями навести справки въ „Отрадѣ“, въ двухъ портерныхъ и расписочной: былъ-ли гдѣ-либо изъ этихъ пунктовъ вчера Егоръ Иванычъ, и если былъ, то много-ли выпилъ, одинъ-ли шелъ, и

если не одинъ, то съ кѣмъ именно, долго-ли пробылъ, и проч. Посланецъ вернулся съ отвѣтомъ, что ни въ одномъ изъ выше-поименованныхъ мѣстъ не видали вчера Егора Иваныча. Зато онъ принесъ другое, драгоцѣнное, свѣденіе. Егоръ Иванычъ былъ третьяго дня въ „Отрадѣ“, вмѣстѣ съ чиновникомъ Трынкинымъ. Пришли еще за-свѣтло и просидѣли чуть не до запора. Пили довольно-таки достаточно, сперва пиво, а потомъ спросили бутылку вина, и за все платилъ Егоръ Иванычъ. „Очень были хвѣльны-съ“, добавилъ посланецъ, — „и хозяинъ, значить, и чиновникъ тотъ самый тоже-съ“...

Показаніе о „чиновникѣ Трынкинѣ“ было, такъ-сказать, молніей, освѣтившей темный хаосъ, въ которомъ блуждали догадки Анфисы Григорьевны. Ясное дѣло! Кто, какъ не Трынкинъ, этотъ всегдашній злой духъ четы Бергамотовыхъ, былъ и на этотъ разъ источной причиною теперешняго безпримѣрнаго поведенія Егора Иваныча? Если и теперь Егоръ Иванычъ не находился у этой „эфиопской морды“, то Анфиса Григорьевна могла прозакладывать все, что угодно!

Она сразу ощутила въ себѣ тотъ воинственный пылъ, который всегда въ ней предшествовалъ открытію наступательныхъ дѣйствій. Но, какъ опытный стратегъ, она понимала, что успѣхъ всякой кампаніи зависитъ отъ тѣхъ прелиминарій войны, которыя сводятся къ свѣденіямъ о силахъ непріятеля, его средствахъ, позиціи и проч. Въ силу этого соображенія, тотъ-же посланецъ былъ откомандированъ на театръ будущихъ военныхъ дѣйствій, снабженный инструкціями тонкаго дипломатическаго свойства.

- 1) Онъ отнюдь не долженъ былъ попадаться на глаза Самсону Самсонычу.
- 2) Онъ былъ обязанъ, тѣмъ или другимъ способомъ, вступить въ личные переговоры съ одною Демонтьевной и вызнать у нея положеніе дѣлъ, дѣйствуя даже и подкупомъ (данъ былъ пятнадцатинный).
- 3) Буде никакія обстоятельства (слѣдовало предположительное перечисленіе ихъ) не будутъ препятствовать, онъ можетъ, какимъ-либо образомъ (напр., въ замочную скважину) посмотреть на Егора Иваныча и все замѣтить и запомнить подробно...

— Понялъ?

Не удовлетворяясь утвердительнымъ отвѣтомъ развѣдчика, Анфиса Григорьевна заставила еще его новторить отъ слова до

слова инструкцію и только тогда его отпустила, а сама, въ нетерпѣливомъ ожиданіи результатовъ, занялась планомъ кампаніи.

Вы можете себѣ представить ея удивленіе, когда вернувшійся соглядатай повѣдалъ ей слѣдующее:

Дементьевна видѣла Егора Иваныча въ послѣдній разъ только третьяго дня, когда онъ приходилъ къ Самсону Самсонычу, причемъ они послали за пивомъ, а затѣмъ оба ушли со двора. Ночью вернулся одинъ Самсонъ Самсонычъ и, пьяный, легъ спать. Вчера утромъ онъ ушелъ въ должность „да и провалился“. Ждала его къ обѣду, три раза плиту растопила, поджидала, что онъ подойдетъ, все пережарилось и переварилось, а онъ пришелъ среди ночи и — „пьянѣ вина“. Раздѣлся, снялъ одинъ сапогъ, началъ снимать было другой, да такъ и заснулъ, объ одномъ сапогѣ. Сегодня утромъ все мочилъ себѣ голову водой и послалъ ее, Дементьевну, въ лавку за солеными огурцами и клюбевой, а потомъ ушелъ въ должность. „Надо полагать, и сегодня пьяный придетъ“, прибавляла Дементьевна.

Эти свѣденія были очень подробны, правда, но всѣ они были такого рода, что нимало не разрѣшали вопроса о мѣстонахожденіи Егора Иваныча, и догадки Анфисы Григорьевны продолжали свое блужданье во мракѣ.

Если справедливо, что вѣсти разносятся на хвостѣ сорокой, то надо полагать, что эта птица успѣла уже полетать сегодня по Невѣдомой улицѣ, потому-что, спустя какихъ-нибудь десять минутъ по полученіи Анфисой Григорьевной вышеизложенныхъ свѣденій, въ дверяхъ вдругъ появилась сѣдая голова одной изъ сосѣдокъ, Феклы Ивановны.

Эта самая Фекла Ивановна была одна изъ старѣйшихъ обитательницъ Невѣдомой улицы, пользовавшаяся въ ней большой популярностью, какъ повивальная бабушка. Большинство о ней отзывалось съ глубочайшимъ уваженіемъ. „Богобоязненная старушка“, говорили о ней самые почтенные люди. Маленькая, худенькая и совсѣмъ сѣденькая, она все собиралась въ Кіевъ къ угодникамъ, строго соблюдала посты, мяса давно уже не вкушала, говѣла, кромѣ страстной седмицы, еще и въ успенскій и въ рождественскій постъ — вообще была, можно сказать, аскетической жизни. Въ то-же время, она обладала любовнательностью и пылкостью, касательно закулисныхъ дѣлъ ближняго, можно сказать,

иношескими, и въ этомъ случаѣ все, что могло быть интереснымъ для Невѣдомой улицы въ отношеніи частнаго быта того или другого изъ ея обитателей, исходило отъ нея, какъ изъ главнаго источника всѣхъ слуховъ и вѣстей. Отъ нея первой узнала Невѣдомая улица о пресловутыхъ часахъ, подаренныхъ Анфисой Григорьевной Бергамотову, когда еще они не состояли въ супружествѣ. Отъ нея-же узнала Невѣдомая улица и о знаменитыхъ именинахъ Анфисы Григорьевны, въ смыслъ послѣдствій, о которыхъ извѣстно читателю. Она-же первая сообщила подробности, какъ „объегорили“ Бергамотовы старика Полосаткина... „Старая колотовка“—было другое наименованіе Оеклы Ивановны, данное ей легкомысленной молодежью, да и то произносимое въ тихомолку, конечно.

Войдя въ комнату, „богобоязненная старушка“ сперва окинула всѣ углы быстрымъ взглядомъ, потомъ помолилась на образъ, сдѣлала низкій поклонъ и привѣтствовала:

— Миръ вамъ, и я къ вамъ! Въ пору-ли?

— Милости просимъ, отозвалась Анфиса Григорьевна, довольно сухо, такъ-какъ ей тотчасъ-же подумалось: „За новостями пришла!“

— А я къ тебѣ, мать моя, съ просьбой... Хотѣла давече драчену сготовить, достаю это латку съ печи—и какъ это мнѣ помогло, не понимаю, надо-же быть такому грѣху—вѣкъ ее оземь! Пополамъ... А такая была славная латка! Такъ вотъ я къ тебѣ по сосѣдству... Охъ, и теперь даже ноги дрожать... Вотъ она, старость-то! Присѣсть развѣ... О-охъ-хо-хо!

Оекла Ивановна присѣла на стулъ и, недожидаясь отвѣта на просьбу, задала тотчасъ-же вопросъ, понизивъ таинственно голосъ:

— А что сударикъ-то твой, слышала я, задурилъ? (Старушка, пользуясь правами уважаемой особы, говорила всѣмъ „ты“). Иду это я давече отъ обѣдни, вдругъ на встрѣчу мнѣ Анна Кузьминична... „Слышала?“ спрашиваетъ.—Что такое?—Ну, она все и рассказала... Царица небесная, думаю, что-жъ это такое! И гдѣ-же это онъ можетъ быть, а? Какъ ты думаешь, мать?

— А ничего я не думаю, сурово отрѣзала Анфиса Григорьевна,—подурить, да и вернется! Оно и лучше... Надоѣлъ онъ мнѣ до зла-гора!

— Что ты, что ты, мать! Опомнись! Грѣхъ такіа слова говорить! Господь надъ тобой! ужаснулась богобоязненная старушка.—А вотъ ты мнѣ лучше скажи...

Но въ эту минуту подъ окномъ раздалось восклицаніе:

— Оекла Ивановна! А, Оекла Ивановна! Вы здѣсь?

Подъ окномъ оказалась тоже одна изъ сосѣдокъ, маіорша Мягкотѣлова. Имѣя дѣло до Оеклы Ивановны, по ея специальности, она была у нея, но тамъ ей сказали, что она отправилась къ Анфисѣ Григорьевнѣ, почему Мягкотѣлова здѣсь и очутилась. Такъ-какъ Оекла Ивановна медлила, и на улицѣ изморось обрательная уже въ дождь, то маіорша крикнула въ окошко:

— Я къ вамъ найду, Анфиса Григорьевна!

На что та отвѣчала:

— Милости просимъ.

Спустя короткое время, за маіоршей, тоже какъ-то случайно, очутились здѣсь еще нѣсколько дамъ. Это именно были: чиновницы Передышкина и Курочкина, а также моя квартирная хозяйка, вдова брандмейстера Перескокова, которой я обязанъ многими интересными свѣденіями.

Такимъ образомъ у Анфисы Григорьевны составился цѣлый „салонъ“, а потому на столъ поданъ былъ кофе.

Всѣгда шла оживленная. Оказалось, что всѣмъ имъ сорока уже успѣла прострекотать о странномъ и таинственномъ поведеніи Егора Иваныча, почему разговоръ обратился на эту тему, перейдя затѣмъ къ вопросу объ употребленіи спиртныхъ напитковъ.

— И зачѣмъ это пьютъ, я не понимаю! Въ чемъ тутъ удовольствіе? воскликнула Передышкина.

— Сколько несчастій! замѣтила Курочкина.

— Лечуть, говорятъ, отъ запоя...

— Чтó лечуть!.. Все это одни пустяки!

— Какже, а вотъ, говорятъ, есть одинъ грекъ на Пескахъ...

— Про грека я слышала тоже, кивнула головой Мягкотѣлова.

— А доктора вотъ не могутъ! воскликнула опять Передышкина.

— Чтó доктора! грустно покачала головой Оекла Ивановна.— Не вѣрьте никогда докторамъ! Огъ вотъ въ книжѣ про-

чель... А кто книжку-то написал? Кто ее написал, я васъ спрашиваю?! Свой-же братъ, докторъ!! Или вотъ, скажемъ теперь, швелеть изучаютъ... Эхъ ужъ, мудрать, мудрать, прости-Господи!.. Нѣтъ, коли ты настоящій вотъ докторъ, такъ ты знай такое средство, что, можеть, его и нѣтъ совсѣмъ въ книжкѣ-то... Сколько есть средствій настоящихъ, простыхъ, нашихъ, русскихъ!.. Да вотъ хоть-бы отъ запоя, скажу... Возьми ты — обратилась старушка къ Анфисѣ Григорьевнѣ—возьми ты трехъ клоповъ и опусти ты ихъ въ водку...

— И я про клоповъ тоже слышала! подтвердила опять Мяткоглова.

— ...И настоявши на нихъ водку, давай ты каждое утро по рюмкѣ, съ молитвой...

— А я вотъ слышала тоже! воскликнула Курочкина; — надо взять гвоздь...

Но тутъ вдругъ заговорили всѣ разомъ, такъ-какъ у всѣхъ внезапно оказалось по цѣлому коробу медицинскихъ познаній въ смыслѣ „простыхъ русскихъ средствъ“ на разные роды болѣзней.

Какъ видите, настроеніе общества было такого рода, что слѣдовало-бы думать, что гости посидятъ-посидятъ, да и уйдутъ себѣ по добру, по здорову, какъ это обыкновенно бываетъ—а между тѣмъ вышло не такъ. Судьбѣ было угодно, чтобы это мирное теченіе бесѣды вдругъ завершилось внезапнымъ и жестокимъ скандаломъ.

Строго говоря, уже при самомъ началѣ, въ воздухѣ, хотя и незамѣтно, но уже носилось нѣчто горючее, и недоставало лишь искры, чтобы произвести постепенно приуготовлявшійся взрывъ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ числѣ посѣтительницъ я упомянулъ о г-жѣ Передышкиной. Надо знать, что между нею и хозяйкой были давно какіе-то счеты, установившіе между обѣими дамами глухую вражду, прикрываемую натанутыми отношеніями. Передышкина не разъ, на сторонѣ, выражалась относительно Бергамотовой, что ей, Передышкиной, „легче умереть, чѣмъ уважить этой гордянкѣ“, а Бергамотова о Передышкиной, что она „когда-нибудь пособьетъ спѣси съ этой подлянкой“... Въ чемъ было дѣло — не знаю; я только констатирую факты.

Передышкина потомъ говорила, что она приходила къ Берга-

готовой только затѣмъ, чтобы посмотрѣть, „какую та сдѣлаетъ рожу“. Не могу сказать опредѣлительно, насколько она была удовлетворена въ своихъ ожиданіяхъ, только Анфиса Григорьевна сразу-же при ея появленіи насторожилась, принявшись чутко слѣдить за всѣмъ, что говорила и дѣлала Передышкина, не подавая виду, но все замѣчепное слагая въ своемъ сердцѣ.

Можетъ быть, вы замѣтили, что именно она, Передышкина, выразила вслухъ свое удивленіе, въ смыслѣ того, что „какое удивольствіе находятъ люди въ томъ, чтобы пить“. Разъ, она этимъ самымъ уже перевела разговоръ на щекотливую тему, такъ-какъ этотъ вопросъ, въ разсужденіи о томъ, куда могъ дѣваться Егоръ Иванчъ, пока деликатно былъ обойденъ. Кромѣ того, ей-то ужъ менѣе всѣхъ приличествовало о томъ говорить, такъ-какъ всей Невѣдомой улицѣ было досконально извѣстно, что сама Передышкина, въ тихомолку, слаба насчетъ рюмочки... То и другое Анфиса Григорьевна, до поры до времени, сложила въ сердцѣ своемъ.

Никто, какъ та-же самая Передышкина, съ ехиднымъ упорствомъ поддерживала разговоръ въ этомъ направленіи, какъ-будто не было другихъ матерій для бесѣды... И это тоже сложила въ своемъ сердцѣ Анфиса Григорьевна.

— Былъ у меня тоже одинъ знакомый, заявила вдругъ Передышкина; — тоже эдакъ пилъ, пилъ да и сгинулъ куда-то... Искать-поискать, глядь—а онъ на чердакѣ въ петлѣ виситъ!

Все общество сдѣлало: „цссс“... и покачало головами. Анфиса Григорьевна снѣдала глазами Передышкину, насилу удерживаясь... Маіорша спросила:

— Ну, и скажите на милость, какая-же была тому причина?

— Да какая причина, извѣстно... Женатый былъ тоже... Запиль, значить, отъ хорошей жизни, а потомъ, понятно, долго-ли до грѣха?

— Что вы этимъ самымъ хотите сказать, Анна Кузьминича? среди наставшей вдругъ тишины, зловѣщимъ по своему спокойствію голосомъ, освѣдомилась Анфиса Григорьевна.

— Да чтó я хочу сказать? невинно переспросила Передышкина;—ничего я не хочу сказать... Дѣло извѣстное!

— Нѣтъ, вы говорите! Сдѣлайте милость, я отлично понимаю всѣ ваши штуки!

— Какія такія штуки, Анфиса Григорьевна? Господь съ вами! Перекреститесь!

— Я очень отлично ихъ понимаю, Анна Кузьминишна! воскликнула вдругъ Анфиса Григорьевна. — Только ужъ извините-сь, фантить я надъ собой не позволю! Не изъ таковскихъ!.. Ха, скажите пожалуйста! Какая-нибудь нахальная, пошлая женщина будетъ мнѣ изподтишка каверзы строить, да чтобы я это снесла?! Вотъ еще новости!

— Это кто пошлая женщина, позвольте спросить?! взвизгнула, въ свою очередь, Передышкина; — нѣтъ, вы говорите, кто это — пошлая женщина?

— Анфиса Григорьевна!.. Успокойтесь!.. Анна Кузьминишна!.. Бросьте!.. Что это?.. Господи!! Анфиса Григорьевна!.. Анна Кузьминишна!.. — заволновалось все общество.

Но буря уже разразилась... Передышкина вскочила изъ-за стола и, держа руки въ боки, подступила къ Анфисѣ Григорьевнѣ, которая тоже стояла теперь на ногахъ, исполненнымъ достоинства жестомъ руки удерживая противницу на благородной дистанціи. Все, что накопилось давно у обѣихъ дамъ, у одной по отношенію къ другой, хлынуло теперь изъ ихъ устъ съ стремительностью прорвавшаго плотину потока. Сперва Передышкина во всеуслышаніе заявила, что ей всегда было жаль Егора Иваныча, связавшаго свою жизнь съ женщиной, изъ-за которой онъ началъ пить. На это Анфиса Григорьевна, залившись самымъ задушевнѣйшимъ смѣхомъ, замѣтила, что это крайне забавно слышать отъ нея, Анны Кузьминишны, которая и теперь-то на ногахъ еле держится... Побагровѣвшая какъ клюква Анна Кузьминишна сказала, что вся Невѣдомая улица доподлинно.. знаетъ, почему Егоръ Иванычъ повѣнчался на Анфисѣ Григорьевнѣ. На это Анфиса Григорьевна воскликнула, что вся Невѣдомая улица знаетъ также и то, почему она, Анна Кузьминишна, обвѣнчавшись съ Передышкинымъ, встала на другое утро вся въ сныкахъ...

Вслѣдъ затѣмъ наступила зловѣщая пауза. Обѣ противницы сдѣлали каждая со своей стороны на встрѣчу другой, стремительный шагъ — но тутъ все общество пришло въ движеніе, и всѣ уста издали восклицанія, слившіяся въ общій содомъ.

— Анна Кузьминишна! Господи! Успокойтесь!

— Анфиса Григорьевна! Что это, Боже мой! Воды выпейте!

— Пустите! Какъ она смѣетъ...

— Дайте, я ей, подлой твари...

— Шлюха безсовѣстная!

— Глаза ея выпарапаю!

— Перестаньте! Господи!!

— Владычица Пречистая! Чтò это!?

— Анна Кузьминишна!

— Анфиса Григорьевна!

Стоялъ общій вопль. Вдова брандмейстера Перескокова изо всѣхъ силъ удерживала Анну Кузьминишну, ухвативъ ее за руки. Майорша Мягкотѣлова и чиновница Курочкина повисли на Анфисѣ Григорьевнѣ. „Богобоязненная старушка“ Оекла Ивановна, въ качествѣ ангела-примирителя, металась между обѣими группами.

— *Мнѣ*-то, *мнѣ* глаза выпарапаешь?! покрылъ всѣ восклицанія вопросъ Передышкиной.

И, прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ ей помѣшать, она вдругъ рванулась отъ Перескоковой, быстро приблизилась къ Бергамотовой и, протянувъ къ самому носу ея свою правую руку съ тремя перстами, сложенными въ извѣстной оскорбительной комбинаціи, воскликнула:

— Видала!!

Затѣмъ она повернулась налѣво кругомъ и устремила въ комнату.

Съ Анфисой Григорьевной сдѣлалась истерика... Поднялось еще пуще смятеніе, и затѣмъ, когда хозяйка была приведена въ надлежащія чувства, гости въ смущеніи удалились.

Необходимо владѣть даромъ глубокаго психологическаго анализа, чтобы сумѣть изобразить чувства, волновавшія Бергамотову, когда она осталась одна. Я за это не берусь. Я буду только констатировать факты.

Во-первыхъ, нужно отмѣтить то обстоятельство, что этотъ чрезвычайный событіями день былъ чуть-ли не первый еще, когда Анфиса Григорьевна совсѣмъ забыла о хозяйствѣ. Сперва она лежала на кровати, смотря неподвижно въ одну точку. Повременамъ, губы ея шевелились, и она что-то шептала. Можно было слышать: „погоди... я тебѣ это попомню, попомню, попомню!..“ и при этомъ въ тактъ ударяла кулакомъ по подушкѣ. Къ кому

это относилось — неизвѣстно. Затѣмъ она успокоилась и опять принялась лежать неподвижно. Такъ протекло времени часъ или два — а она все лежала. Можно-бы было подумать, что она спитъ, но она не спала: глаза ея были открыты. Напротивъ того, слѣдовало судить по выраженію лица Анфисы Григорьевны, что ее томить какая-то новая дума. Очевидно, эта дума поглощала ее цѣликомъ.

Она вдругъ тихо поднялась съ подушекъ, спустила ноги съ кровати, встала и пошла — все подъ вліяніемъ этой-же думы. Эта дума провела ее по всѣмъ комнатамъ, заставила ее пройти мастерскую, вступить въ сѣни и подняться по лѣстницѣ, которая вела на чердакъ... Она отворила дверь чердака, вошла и осмотрѣлась.

Тамъ было пусто. Протягивались только голыя веревки, отъ одной стѣны до другой. Въ открытую форточку врвался вѣтеръ и игралъ на полу съ какой-то бумажкой...

Анфиса Григорьевна обошла всѣ углы машинально, также машинально вернулась и спустилась обратно по лѣстницѣ, все по-прежнему ведомая той-же думой. Затѣмъ она вернулась въ квартиру, зашла въ кухню, взяла тамъ подсвѣчникъ со свѣчкой и спички, опять направилась въ сѣни, достала изъ кармана связку ключей и отворила дверь кладовой.

Тамъ стоялъ непроницаемый мракъ. Она зажгла свѣчку.

Кладовая была длинное, низенькое помѣщеніе подъ лѣстницей, загроможденное всякой всячиной. Тутъ висѣли енотова шуба Егора Иваныча и лисій салопъ Анфисы Григорьевны, торчали у стѣны отправленные въ изгнаніе, за ненадобностью, ширмы, съ остатками оборваннаго зеленого каленкора, и зимнія рамы; виднѣлись какіе-то узлы и картонки, картина въ облупившейся позолоченой рамѣ, изображавшая какого-то генерала, съ преогромнѣйшимъ вѣкомъ, утопающаго въ шитомъ воротникѣ выше ушей; стояли тутъ кадучки съ масломъ, съ моченой брусникой и яблоками, банка съ солеными огурцами, банка съ вареньемъ и бутылъ съ керосиномъ... Анфиса Григорьевна пробралась между всѣми этими предметами до самаго конца кладовой, гдѣ углы ея утопали во мракѣ. Но тамъ, кромѣ черныхъ, пушистыхъ гирляндъ паутины, спускавшихся съ потолка, не обрѣлось ничего интереснаго. Обведя еще разъ свѣчей по всѣмъ угламъ кладовой, Ан-

фиса Григорьевна, наконецъ, вышла оттуда. И это все, сейчасъ мною рассказанное, она продѣлала, руководимая все тою-же душой — безмолвно, сосредоточенно, съ неподвижнымъ, суровымъ, точно окаменѣлымъ лицомъ...

Только когда вернулась опять она въ комнаты, совершивъ окончательно весь этотъ обходъ, на лицѣ ея показалось то выраженіе, которое бываетъ у человѣка, сбросившаго съ себя долго угнетавшую тяжесть, и Анфиса Григорьевна издала вслухъ слѣдующее странное восклицаніе:

— Ну, конечно! Буда ему, дураку!..

Обѣдъ вышелъ поздній—но этого она не замѣтила. Благодаря отсутствію въ этотъ день хозяйскаго глаза, все пережарилось и переварилось—и этого тоже она не замѣтила. Отобѣдавъ, она опять легла на кровать и, вслѣдствіе перенесенныхъ волненій, заснула почти въ ту-же минуту.

Она спала долго, какъ никогда. Былъ уже вечеръ, когда проснулась Анфиса Григорьевна. Она лежала еще нѣсколько времени по пробужденіи, въ темнотѣ, и только-что хотѣла встать и велѣть кухаркѣ Маврѣ ставить самоваръ, какъ дверь въ спальню скрипнула, блеснулъ свѣтъ свѣчи, и голосъ этой самой Мавры окликнулъ ее:

— Анфиса Григорьевна, а Анфиса Григорьевна...

— Ну? отозвалась Анфиса Григорьевна, — что тебѣ нужно?

— Егоръ Иванычъ-то, слышь, чу, объявился...

Анфиса Григорьевна воспрянула на своемъ ложѣ.

— Какъ? Что? Гдѣ? Ну-ну! Говори!

— Здѣсьте, близко... И давно ужъ сидить...

— Гдѣ сидить? Говори толкомъ, дурища!

— А у этого, значить, чиновника самаго... Тринкина... И пьяные — страсть! Оба!.. Съ Дементыхой встрѣлась сейчасъ... Бѣжить это съ бутылками... Съ ногъ, говорить, сбилась съ ними... Совѣмъ замотали! Ровно, быть, безъ ума!

Анфиса Григорьевна была давно уже на ногахъ и поспѣшно одѣвалась для выхода.

— Пришелъ это онъ, Егоръ Иванычъ-то нашъ, Дементыха говорить, пьяный уже, продолжала между тѣмъ медлительно Мавра, — а хозяинъ ейный, Тринкинъ-то, значить, былъ самъ на ту пору...

Окончаніа повѣствованія Мавры Анфиса Григорьевна уже не слышала, потому-что стремительными шагами она неслась теперь, подъ дождемъ и во мракѣ, по мосткамъ Невѣдомой улицы...

Ей пришлось идти, сравнительно, довольно далеко, такъ-какъ обиталище Самсона Самсоныча помѣщалось въ самомъ концѣ Невѣдомой улицы, пройдя Испанскій переулокъ, послѣднимъ въ линіи домовъ, послѣ которыхъ тянулся сплошь лишь одинъ рядъ заборовъ.

Въ двухъ окнахъ покосившагося домика, уходившихъ въ землю, брезжилъ свѣтъ бросавшій на мокрые мостки двѣ золотистыя полосы, но эти окна принадлежали другимъ обитателямъ. Къ Трынкину нужно было идти черезъ калитку. На дворѣ былъ маленький садикъ; мимо него, для удобства пѣшеходовъ, были проложены въ одну линію доски, которыя прямо вели къ отдѣльному флигелю, о трехъ окнахъ, скрывавшихся за деревьями. Въ этой-то постической обители и проживалъ на хлѣбахъ у домовой хозяйки, квартальничихи Дементьевой, Самсонъ Самсонычъ Трынкинъ.

Въ данный моментъ, во всѣхъ трехъ окошкахъ былъ свѣтъ. Въ двухъ послѣднихъ шторы были опущены, и на одной изъ нихъ, при приближеніи Анфисы Григорьевны, отразилась тѣнь человѣка... Она двигалась назадъ и впередъ, то пропадая въ глубь комнаты, то опять вырисовываясь на бѣломъ фонѣ свѣтившейся шторы. Можно было уловить жесткую линію, но контуры были неясны, тѣмъ не менѣе Анфиса Григорьевна, съ моментально прихлынувшей злобой, рѣшила, что это никто иной, какъ „афіонская морда“.

Она поднялась на крыльцо и рѣшительно взялась за дверную ручку. Дверь оказалась запертой. Она постучалась. Послышался голосъ Дементьихи:

— Кто тамъ?

Анфиса Григорьевна сказала:

— Господи Исусе!

Затѣмъ на минуту за дверью утихло... Анфиса Григорьевна нетерпѣливо постучала еще.

— Сейчас! раздался опять голосъ Дементьихи, и дверь отворилась. Анфиса Григорьевна вступила въ темныя сѣнцы.

— Мой подлецъ здѣсь? освѣдомилась она, первымъ словомъ, у встрѣтившей ее во врагѣ старухи.

Послышался вздохъ, и затѣмъ отвѣтъ ея таинственнымъ шепотомъ:

— Тутотка... у нашего... Охъ!

— Пьянне?

— И-и-и!

Затѣмъ отворилась дверь въ освѣщенное пространство, и обѣ вошли.

Это было маленькое помѣщеніе, служившее кухней, прихожей и вмѣстѣ спальной Дементыхи, ложе которой, рядомъ съ русской печью, отдѣлялось отъ нескромныхъ взоровъ ситцевой занавѣской. На столѣ, у окошка, горѣлъ салный огарокъ. Сквозь притворенную дверь, ведущую къ жильцу, слышались голоса и звуки гитары...

Съ тою-же непокидавшею ее нигдѣ рѣшительностью, Анфиса Григорьевна устремила къ ней, но въ ту-же минуту дверь отворилась, и Самсонъ Самсонычъ Трынкинъ, своею собственной персоной, предсталъ передъ нею.

Онъ былъ безъ куртки и жилетки. Разстегнутый воротъ рубашки являлъ мохнатую грудь. Волосы мокрыми косицами висѣли во всѣ стороны въ фантастическомъ безпорядкѣ. Все это показывало, что онъ уже достаточно пьянъ. Тѣмъ не менѣе, онъ держался очень развязно и, какъ вы увидите изъ нижеслѣдующаго діалога, даже галантно.

Первымъ дѣломъ, онъ запахнулъ воротъ рубашки, расшаркался и привѣтствовалъ Анфису Григорьевну французскою фразой:

— *Бонжуръ. Миль пардонъ!*

— Безсовѣстный вы человекъ! воскликнула Анфиса Григорьевна.

— *Команъ? Кесъ-ке-се?*

— Нечего мнѣ зубы-то заговаривать! Подавайте мнѣ его сюда! Здѣсь онъ, я знаю!

На это Самсонъ Самсонычъ, рѣшившій, очевидно, изъясняться съ Анфисой Григорьевной не иначе, какъ на французскомъ діалектѣ, воскликнулъ съ удивленіемъ:

— *Ке-вуле-ву? Же-не-комтранъ-на!*

— О-охъ-хо-хо! — вздохнула Дементьевна, стоявшая поодаль, подперши щеку ладонью.

— Довольно это съ вашей стороны даже подло!! воскликнула уже вѣ себя Анфиса Григорьевна.

— *Кесъ-ке-ву-дить?*! изумлялся Самсонъ Самсонычъ, пожиная плечами.

— Ишь, дурака валаетъ! Да ладно, просмѣтетесь вы у меня! Просмѣтетесь! Не думайте меня съ толку сбить, нѣтъ! Не на таковскую напали!

— *Парле-ву-франсе?* невозмутимѣйшимъ образомъ освѣдомился Трынкинъ.

Анфиса Григорьевна захлебнулась отъ бѣшенства.

— А, такъ вотъ вы какъ?! Ну, такъ ладно-же! Хорошо-же Погодите вы у меня! Думаете, даромъ сойdetъ?! Думаете, и управы на васъ не найду?! Ну, ужъ нѣтъ, все вверху дномъ поставлю, а это вамъ не пройдетъ! Нѣ-ѣтъ!! Такъ не оставлю! Что-то потомъ вы у меня запоете! Упрячу голубчика! Завтра-же отправлюсь въ полицію! Дальше пойду!.. Къ мировому! Въ Сенатъ! Къ самому...

Анфиса Григорьевна даже закашлялась.

— *Авекъ гранзъ плезиръ! Же-ву-занзъ-при! Силь-ву-пле!* галантнѣйшимъ образомъ расшаркивался на всѣ эти обѣщанія Самсонъ Самсонычъ.

Анфиса Григорьевна точно вдругъ ослабѣла. Она почувствовала нѣчто подобное тому, что долженъ чувствовать человекъ, въ само-забвеніи неистовой злобы наносившій удары и вдругъ увидавшій, что эти удары принимаетъ стѣна. Она увидала, что дѣло проиграно, что она тутъ безсильна — и это послѣднее сознаніе было горше всего. Но все-таки нельзя было уступать задаромъ поле сраженія противнику, оставивъ за нимъ послѣднее слово.

— Пьяницы! Подлые! Сволочь!.. Тѣфу!!

Анфиса Григорьевна плюнула и бросилась вонъ.

— *Гранзъ мерси! А ревуаръ!* — послалъ ей послѣднее привѣтствіе Трынкинъ.

Она пришла домой въ какомъ-то безпамятствѣ. Послѣднее произошло уже все, чтó ей пришлось испытать въ этотъ день. Она была оскорблена, унижена и, въ концѣ-концовъ, даже осмѣяна! Задыхаясь, она добралась до дивана и опустилась на него въ совершенномъ изнеможеніи. Между тѣмъ какъ она мало-по-малу

приходила въ себя, разные планы будущихъ дѣйствій, которыя должны быть предприняты относительно Егора Иваныча, въ безпорядкѣ толпились въ головѣ, пока, наконецъ, изъ всей массы рѣшенной возникло и созрѣло одно... Тогда Анфиса Григорьевна энергически хлопнула рукой по столу, вскочила съ дивана и крикнула:

— Харлампій Иванычъ!

Такъ звали закройщика. Онъ былъ однимъ изъ довѣренныхъ ея домочадцевъ.

Черезъ минуту въ дверяхъ безшумно явился (онъ былъ босикомъ) высокій, неуклюжій мужчина, суроваго вида, и спросилъ:

— Что вамъ угодно, Анфиса Григорьевна?

— Вотъ что, Харлампій Иванычъ, послушай...

Но тутъ я опушу поа занавѣсъ. Что было плодомъ этой бесѣды съ Харлампіемъ Иванычемъ Анфиса Григорьевна, вы узнаете своевременно; предвѣщать событія я не люблю. Теперь-же всего умѣстиже будетъ, я полагаю, объяснить, какинъ родомъ Бергамотовъ очутился у Самсона Самсоныча, и для этого разсказать о его похожденияхъ, съ момента, на которомъ мы оставили Егора Иваныча.

* * *

Когда Егоръ Иванычъ очутился рядомъ съ Самсономъ Самсонычемъ, оба черезъ калитку вышли на улицу.

Самсонъ Самсонычъ былъ суровъ, сосредоточенъ и не глядѣлъ на пріятеля. Нѣкоторое время оба шли молча. Потомуъ Тринкинъ спросилъ:

— Вашка трещить?

— Трещить.

— Сильно?

— Страсть!

— А у меня такъ даже, ваетъ, глаза вонъ вылѣзають!

Шли дальше въ молчаніи. Немного погодя, Тринкинъ вскоса глянулъ на Бергамотова.

— Это ты что-же безъ шапки-то?

— Позабылъ.

— Хм... Вернись.

— Чортъ съ ней! Оно лучше; покрайности, тово... освѣжаетъ.

Опять дальше шли молча. Потомуъ Тринкинъ спросилъ:

— Денегъ осталось?

— Есть... мелочь.

— Сколько?

— Пятьдесятъ-три копѣйки.

Затѣмъ снова опять замолчали, и молчали вплоть до тѣхъ поръ, пока не поровнялись съ вывѣской, гдѣ, на соблазнъ слабымъ смертнымъ, была изображена живописная группа различныхъ видовъ стеллянокъ, наполненныхъ жидкостями чуть не всѣхъ цвѣтовъ радуги. Это было заведеніе высокаго, сѣдобородаго мужа, по имени Пантелѣя Петрова. Оба пріятеля, какъ по командѣ, остановились, обмѣнялись короткимъ, но выразительнымъ взглядомъ — и вошли въ заведеніе.

Спустя немного минутъ пребыванія тамъ, Самсонъ Самсонычъ объявилъ, что онъ теперь хоть куда, и на службѣ будетъ вести себя молодцомъ; на службѣ-же быть сегодня необходимо, такъ-какъ будутъ раздавать жалованье.

На это Егоръ Иванычъ (котораго тѣмъ временемъ, успѣла посѣтить нѣкая беспокойная дума, вызванная воспоминаніемъ о его фантастическомъ исчезновеніи изъ дому, связанная съ представленіемъ объ Анфисѣ Григорьевнѣ и породившая затѣмъ рядъ размышленій мрачнаго свойства) — неожиданно заявилъ Самсону Самсонычу намѣреніе его провожать.

Само собой, вопросъ этотъ, въ принципѣ, не имѣвшій ничего противъ себя, въ практическомъ своемъ осуществленіи выдвигалъ препятствіе, въ смыслѣ отсутствія у Егора Иваныча необходимаго головного убора, усложняясь притомъ его категорически выраженнымъ нежеланіемъ возвращаться домой. Однако, послѣ недолгаго размышленія, вопросъ этотъ, благодаря Самсону Самсонычу, къ которому вернулись присущія ему игривость мыслей и предприимчивость духа, былъ разрѣшенъ самымъ блистательнымъ образомъ.

За стойкой, въ маленькой, темной кожорѣ въ родѣ чулана, оказался цѣлый складъ предметовъ, самыхъ разнообразныхъ, начиная отъ кофейника и прочихъ хозяйственныхъ вещей, до пары сапогъ и другихъ принадлежностей гордероба. Всѣ эти предметы обладали однимъ главнымъ свойствомъ — удобопроносимостью, и были оставлены въ разное время посѣтителеми заведенія Пантелѣя Петрова, въ замѣнъ денежныхъ знаковъ. Нашлось тутъ и нѣсколько экземпляровъ по части головного убора. Сперва была предложена мѣховая, совсѣмъ рыжая шапка, съ засаленнымъ пли-

совнмъ верхомъ. По отзыву пріятеля, Егоръ Иванычъ имѣлъ въ ней „ужасно-пасквильный видъ“; въ добавокъ, она совсѣмъ не подходила къ сезону—и потому была тотчасъ-же единогласно отвергнута. Затѣмъ появилась соломенная широкополая шляпа, немного покоробленная, хотя и имѣвшая довольно удовлетворительный видъ; но она оказалась совсѣмъ не по головѣ Егору Иванычу, и только-что надѣлъ онъ ее на себя, какъ она тотчасъ-же упала ему на носъ. Въ концѣ-концовъ принуждены были остановиться на форменной флотской фуражкѣ, съ треснувшимъ козырькомъ и порядочно ветхой, но сохранившей металлическія пуговицы и ремешокъ на околышѣ. Эта фуражка привела даже въ восторгъ Самсона Самсоныча. Онъ собственноручно нахлобучилъ ее на Бергамотова, полюбовался, хлопнулъ его по плечу и воскликнулъ:

— Морякъ!

При уходѣ, Егоръ Иванычъ обратился-было конфиденціально къ Пантелѣю Петрову съ просьбою держать все, здѣсь происходившее, въ тайнѣ, на что тотъ, какъ достаточно уже умудренный практическимъ опытомъ старецъ, недослушавъ, махнулъ только рукой и сказалъ:

— Да ладно ужъ, будьте безъ сумлѣнія! Не лѣвой ногой сморкаемся-то...

Путешествіе до мѣста служенія Самсона Самсоныча было совершено обоими пріятелями съ большимъ удовольствіемъ. Сознаніе своей свободы и независимости—со стороны Егора Иваныча, перспектива полученія жалованья—со стороны Самсона Самсоныча, ощущеніе пріятной, ясной погоды—со стороны обоихъ ихъ вкушъ—все это способствовало ихъ безмятежному расположенію духа, выразившемуся въ непринужденномъ обмѣнѣ мыслей. Отъ времени до времени Самсонъ Самсонычъ оглядывалъ Егора Иваныча и восклицалъ:

— Морякъ!

Но, увы, все на этомъ свѣтѣ не прочно! Чѣмъ болѣе близился моментъ разставанья съ пріятелемъ, тѣмъ сильнѣй и сильнѣй принялись опять облегать душу Егора Иваныча мрачныя думы по поводу неизбѣжности его одинокаго возвращенія домой, сулившаго въ дали перспективу непріятныхъ объясненій съ Анфисой Григорьевной. Это настроеніе шло все crescendo, такъ-что когда пріятель приблизился къ дверямъ присутственнаго мѣста, долженствовалъ

шимъ скрыть Самсона Самсонича изъ глазъ Бергамотова, послѣдній имѣлъ до того убитый, разстроенный видъ, что обратилъ даже на себя вниманіе Самсона Самсонича.

— Что съ тобой? Животъ болитъ, что-ли? спросилъ съ дружескимъ участіемъ Трынкинъ.

— Да, какъ-будто тово... пробормоталъ Егоръ Иванычъ—и совершенно неожиданно вдругъ предложилъ:—Выпьемъ пивка парочку, а?.. У меня двадцать конфеекъ осталось... Ну ихъ, къ чорту!

— Хм, задумался на минуту Самсонъ Самсоничъ, а затѣмъ воскликнулъ:—Ладно, идетъ!

Ближайшая портерная видѣлась на перекресткѣ. Туда они и направились.

За пивомъ, Самсонъ Самсоничъ сперва велъ себя съ видомъ человѣка, которому некогда терять по-пусту время; онъ нѣсколько разъ даже выразилъ свое безпокойство, что опоздаетъ на службу. Но затѣмъ, какъ-то, мало-по-малу, настроеніе его измѣнилось. Онъ пересталъ волноваться, предался задумчивости и вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, обнаружилъ совершенно новый оборотъ мыслей.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, провалъ ихъ возьми! Что я, каторжный, что-ли?! Какого мнѣ тамъ дьявола дѣлать сегодня? Возьму свое жалованье, объявлюсь нездоровымъ—да и вся недолга!

Онъ снова повергся въ задумчивость, какъ-бы испытывая въ себѣ борьбу противоположныхъ чувствъ—и затѣмъ, рѣшивъ окончательно, треснулъ кулакомъ по столу.

— Баста! Сиди и жди меня здѣсь! Понимаешь?

Егоръ Иванычъ, съ выраженіемъ живѣйшаго участія, отвѣчалъ утвердительно.

— Сиди! повторилъ Самсонъ Самсоничъ;—черезъ часъ—самое позднее—буду!

И Трынкинъ торопливо исчезъ.

Свиданіе состоялось, какъ было обѣщано. Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ Самсонъ Самсоничъ предсталъ опять предъ глазами Егора Иваныча.

— Уф! едва отвертѣлся! заявилъ онъ, бросаясь на стулъ.— Чортъ-бы ихъ дралъ всѣхъ, проклятыхъ!

— Выдали жалованье? полюбопытствовалъ Егоръ Иванычъ.

— А то какже иначе? Ха-ха! Посмотрѣлъ-бы я, какъ-бы они смѣли не выдать! Любопытно-бы это было мнѣ посмотреть!..

По распоряженію Самсона Самсоныча, было подано пиво, и бесѣда пріятелей, мало-по-малу, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, приняла самый задушевный характеръ.

Время шло. Бутылки пустѣли и замѣнялись полными. Егоръ Иванычъ началъ по-немногу впадать въ то восхитительное состояніе духа, когда человѣкъ какъ-будто перерождается, когда все, на что онъ раньше смотрѣлъ тѣми или другими глазами, представляется въ особенномъ свѣтѣ, и когда онъ самъ будто начинаетъ жить въ особенномъ мірѣ... Невѣдомая улица, Анфиса Григорьевна, вся привычная обстановка, всё давишія мѣки, томленія, ожиданія того, что его встрѣтитъ, когда онъ вернется домой—все померкало и отодвигалось дальше и дальше, какъ-будто все это былъ одинъ призракъ, мечта, какъ-будто былъ призракъ и даже самъ давишній Егоръ Иванычъ, съ замираніемъ сердца представлявшій себѣ, какъ, разставшись съ пріятелемъ, пойдетъ одинъ онъ домой, къ Анфисѣ Григорьевнѣ, и замѣнившійся тѣмъ, другимъ Егоромъ Иванычемъ, который сидитъ теперь здѣсь, не имѣя съ прежнимъ ничего уже общаго... На минуту, прежній Егоръ Иванычъ, сквозь туманъ, съ уворомъ вглядывается на своего двойника—и тотъ ощущаетъ, какъ на ясномъ небѣ души его проносится темное облако...

— А Анфиса-то Григорьевна тамъ... Что-то она про меня... А-ахъ-ха-ха! вдыхаетъ Егоръ Иванычъ, повергаясь въ задумчивость.

— Пей!! кричитъ Трынкинъ, наполняя стаканы. Онъ уже красенъ, и волосы мокрыми косицами висятъ у него во всѣ стороны. Онъ поддѣваетъ:

Что, Егорушка, не весель,
Буйну голову повѣсилъ?

— Я—ничего! прибодряется Бергамотовъ.—Смѣшно мнѣ. Сидитъ теперь, небось, Анфиса-то, ждетъ... Ха-ха-ха! Буда, моль, дѣвалса?.. Потѣха!.. Чортъ съ ней, плевать!!

Онъ осушаетъ стаканъ свой до дна — и въ ту же минуту Невѣдомая улица, Анфиса Григорьевна, прыжокъ изъ окна, призракъ домашней грозы, словомъ—все, что имѣетъ связь съ прежнимъ

Егоромъ Иванычемъ, равно какъ и самъ прежній Егоръ Иванчъ, забытый супругъ и безвольный хозяинъ—уже окончательно и безповоротно летать въ пропасть забвенія, а на сѣбѣ всего выступаетъ послѣдовательно длинная вереница новыхъ положеній, лицъ, сценъ, чувствъ и мыслей...

Это какой-то обширный, неуловимый, безсвязный и туманный хаосъ, въ мѣста и времени, принимающій то реальный, то совсѣмъ фантастическій видъ, то яркій, рельефный, то вдругъ сѣбяющійся промежутками состоянія безразличія, какъ-бы небѣтія — и все это кружится и путается сквозь какую-то дымку, заволакивающую во все время глаза новаго Егора Иваныча, который говорить, мыслить и дѣйствуетъ въ иномъ, особенномъ мірѣ, то веселится или омрачается, то хохочетъ или злобствуетъ, но никого не боится и плюетъ на всѣхъ, — и мнѣ теперь приходится лишь констатировать, одинъ за другимъ, всѣ моменты этого дикаго, страннаго, совсѣмъ особеннаго, похожаго отчасти на грезу, отчасти на состояніе полного безумія, существованія, которое устраиваетъ человѣку врагъ его — Хитль, — изобразить все это въ томъ колоритѣ, какъ оно воспринималось сознаниемъ тогдашняго Егора Иваныча, съ момента, когда завладѣлъ имъ этотъ врагъ человѣческій, во весь трехдневный періодъ, въ который кружился герой нашъ въ сѣтяхъ его, и до окончательнаго момента страшнаго его пробужденія...

* * *

Удушливый сизо-лиловый туманъ. Сквозь него тусклымъ пятномъ свѣтится съ потолка пламя газоваго рожка. Чадно и душно отъ табаку и дыханья массы народу. Смутный гулъ, восклицанія, взвизги гармоники, мельканіе входящихъ и уходящихъ людей, подъ хлопанье двери, ни на минуту не остающейся въ покоѣ.

Они сидятъ въ той-же портерной. Они и не уходили. Сколько времени сидятъ они здѣсь? Чортъ знаетъ! Егору Иванычу хочется спать. Онъ склоняетъ голову на столъ и смыкаетъ глаза... Кажется, пьянъ? Ну, извѣстно! Такъ что-жъ? А вотъ Трынкинъ — свинья!.. На минуту наступаетъ забытье...

— Вставай!

Онъ поднимаетъ отяжелѣвшую голову. Передъ нимъ стоитъ Трынкинъ и дергаетъ его за рукавъ.

— Идемъ, что-ли! Раскисъ?

Въ доказательство, что онъ ошибается, Бергамотовъ молодцомъ встаетъ съ табурета и виѣстъ съ пріятелемъ выходить на улицу.

Сыро. Кажется, изморось. При тускломъ свѣтѣ фонарей, слытъ прохожіе. На мостовой, во мракѣ, грохочуть кареты и дрожки, мелькаютъ лошадиныя морды. Чортъ знаетъ, не разберешь, ночь или вечеръ теперь, и куда это идутъ они, спрашивается?.. Егоръ Иванычъ углубляется въ этотъ вопросъ и со всего размаху натывается на прохожаго, чуть не сшибивъ его съ ногъ.

— Болванъ! Ишь, нализался!

— Самъ нализался! остервеняется вдругъ Бергамотовъ.

— Брось, говорить ему Трынкинъ и тащить его за рукавъ... Это что значить? Ха, испугался, небось? Ну, а ужъ онъ нетаковскій, чтобы спускать всякой дряни! И Егоръ Иванычъ кричить въ догонку прохожему:

— Скотина!

Трынкинъ стремительно тащить его впередъ, и это еще пуще укореняетъ въ Егорѣ Иванычѣ намѣреніе показать, что онъ совсѣмъ не трусъ, какъ другіе, и потому долженъ сейчасъ-же разбить морду прохожему. Онъ дѣлаетъ движеніе вырваться, но Самсонъ Самсоничъ держитъ его желѣзной рукою, и Бергамотовъ по неволѣ покоряется силѣ. Мало-по-малу имъ овладѣваютъ мрачныя мысли. Съ какой стати Трынкинъ тащить его, точно онъ маленькій? Что ему за забота? Чтѣ онъ, хуже, что-ли, его? На какомъ основаніи? Благо, силища есть...

Занятый этими размышленіями, Егоръ Иванычъ вдругъ замѣчаетъ, что они у буфета въ трактирѣ. Группа разныхъ людей глотаетъ водку, жуеъ бутерброды. У столиковъ тоже сидятъ и тоже пьютъ водку и чай. Въ дали гудить, трещить и завываетъ машина... Всѣ пьяные, черти!

Они сидятъ за столомъ. Передъ ними графинчикъ водки и бутерброды. Трынкинъ пьетъ и закусываетъ. Мрачное расположеніе духа совсѣмъ покидаетъ Егора Иваныча. Здѣсь такъ тепло, свѣтло и благородно, и музыка играетъ... Изволь, чего хочешь! А совъ все-таки клонить. Отлично-бы заснуть! Уходить отсюда онъ отнюдь не намѣренъ, а просто возьметъ да и ляжетъ взаправду, вотъ здѣсь, на этомъ самомъ диванѣ... Мягкій, чудесный диванъ!

Ну, и ляжетъ... Что за пустяки, въ самомъ дѣлѣ, и онъ не хуже другихъ, такія-же деньги, кажется, плотить!

И съ намѣреніемъ лечь и заснуть, Егоръ Иванычъ начинаетъ снимать сапоги... Но въ этотъ самый моментъ, неожиданно, какъ изъ подъ земли, вырастаетъ передъ нимъ услужающій и препятствуетъ свободному движенію рукъ Егора Иваныча, говоря:

— Не хорошо-съ, господинъ, безобразно-съ! Сидите съ Богомъ!

— А тебѣ что за дѣло? Ты услужающій?

— Такъ точно-съ.

— Такъ на какомъ основаніи...

— Брось! унижаетъ и Трынкинъ. — Оставь!

— Я только съ полчаса... увѣряетъ Егоръ Иванычъ.

— Оставь, говорятъ... Сиди смирно!

Но Бергамотовъ сознаетъ себя въ своемъ правѣ и не намѣренъ сдаваться.

— А на какомъ основаніи, спрашивается, мнѣ могутъ дѣлать препятствіе, когда такія-же деньги...

— Деньги! перебиваетъ восклицаніемъ Трынкинъ. — Какія-такія твои деньги? За что ты платилъ?..

„Ага, вотъ оно что!.. Та-акъ... Понижаемъ!“ поражаетъ вдругъ горькая мысль Бергамотова, узвѣленного словами пріятеля. Онъ повергается въ мрачныя думы. Да! У него нѣтъ денегъ! Онъ не въ состояніи заплатить, и потому всякій его можетъ обидѣть!.. Егоръ Иванычъ ударяетъ кулакомъ по столу и скорбно помахиваетъ головой надъ налитой рюмкой. Онъ не будетъ пить этой рюмки. Ему припоминается рядъ обидъ, нанесенныхъ ему въ этотъ вечеръ Самсономъ Самсонычемъ, и горькое чувство узвѣленія все пуще терзаетъ душу Егора Иваныча... Ладно-же! Онъ покажетъ Трынкину, что въ немъ не нуждается!

Егоръ Иванычъ отцѣпляетъ часы, вдругъ поднимается съ мѣста, увлекая этииъ движеніемъ скатерть, вслѣдствіе чего водка течетъ по столу и разбросанные бутерброды смѣшиваются съ пепломъ и окурками изъ опрокинутой пепельницы, роняетъ стулъ и, шатаясь, направляется къ буфету.

— Стой! Куда? перехватываетъ его тотчасъ-же Трынкинъ, который тоже не совсѣмъ твердо держится теперь на ногахъ.

— З-заложу! мрачно объявляетъ Егоръ Иванычъ.

Самсонъ Самсонычъ кладетъ ему руки на плечи и начинаетъ

что-то шептать убѣдительнымъ тономъ. Егоръ Иванычъ понимаетъ только: „Нестойтъ... Надуютъ... Брось“...

— З-залож-жу! продолжаетъ ирачно настаивать Бергамотовъ.

Самсонъ Самсонычъ принимается шептать еще убѣдительнѣй. Слышны отдѣльныя слова: „Закладчикъ... Дороже... Тутъ недалеко“... Въ заключеніе, Трынкинъ беретъ его подъ-руку и наглобучиваетъ ему на голову его морскую фуражку.

Егоръ Иванычъ не протестуетъ, склоняясь на уступку. Онъ даже не препятствуетъ Трынкину вести его подъ-руку, но упорно сохраняетъ молчаніе глубоко-оскорбленнаго человѣка.

Они оказываются на улицѣ. Все время Трынкинъ ведетъ его подъ-руку. Все время Егоръ Иванычъ безмолвствуетъ, не внимая оживленной бесѣдѣ съ нимъ Самсона Самсоныча, будучи преданъ своимъ размышленіямъ.

Онъ вспоминаетъ, что эти часы подарила ему Анфиса Григорьевна. Вотъ когда надѣлъ онъ камень на шею! Никто проходу тогда не давалъ... „Продался за часы“, говорили... И на кофлядъ онъ ихъ таскаетъ! Точно сокровище какое, подумаешь! А вотъ, коли на то ужъ пошло, возьметъ онъ ихъ, да и броситъ сейчасъ!

И Егоръ Иванычъ вынимаетъ изъ кармана часы, съ намѣреніемъ бросить ихъ на мостовую, но Самсонъ Самсонычъ моментально ихъ перехватываетъ и прячетъ къ себѣ... Ладно!!

Они долго блуждаютъ во мракѣ какого-то большого двора, суются въ разные подъѣзды, причемъ Трынкинъ каждый разъ заявляетъ, что ошибся, наконецъ, благополучно попадаютъ на какую-то лѣстницу. На каждой площадкѣ Бергамотовъ прислоняется къ стѣнкѣ и погружается не надолго въ состояніе небытія, но, увлекаемый Трынкинымъ, возвращается снова къ дѣйствительности и продолжаетъ восхожденіе дальше.

Ну, вотъ, и заложилъ!.. Ха-ха! Анфиса-то, Анфиса-то будетъ бѣситься! Потѣ-ѣха! Гдѣ, сважетъ, часы? Подай, сважетъ, часы! А онъ ей: „накось, выкуси“... В-баць! Что это? Упаль!.. Наплевать! Некуда торопиться, все равно, вѣдь, пріѣдетъ!

И вотъ, ѣдетъ, ѣдетъ Егоръ Иванычъ... Ночь, глушь, тишина... Сыро и холодно... Вотъ Крестовскій, Елагинъ. А вонъ, на берегу, мельница! Нѣтъ, не мельница, а церковь каменная-то... Самсонія, кажется? Нѣтъ, не она. Ишь, такъ и машетъ крыльями-

ми, такъ и машеть! Теперь будетъ взморье, а тамъ Саратовъ, и ему, какъ моряку, дадутъ сейчасъ-же командовать кораблемъ, и тогда—ужь Анфиса держись!.. „Вставай!“ кричитъ кто-то. Ладно, подождешь, онъ вѣдь не одинъ: ишь тутъ сколько народу! Одинъ, два, три... И не счастье! Откуда они набрались? Изъ калитокъ, изъ переулковъ, изъ-за каждаго угла Невѣдомой улицы, такъ и прутъ сплошною толпою и всѣ идутъ бить Анфису! Братцы, не выдайте!.. „Вставай!“ опять кричитъ кто-то и трясеть его за плечо. Это Анфиса!.. Успѣете, Анфиса Григорьевна, не очень-то мы испугались. Дайте срокъ, мы вамъ покажемъ... Гдѣ Трынкинъ? Нѣтъ Трынкина! Вотъ уже это, братъ, свинство... А пріятель еще называется...

— Вставай! совершенно ужь явственно слышитъ Бергамотовъ—и просыпается.

Онъ оказывается лежащимъ на площадѣ лѣстницы, привалившись къ стѣнѣ. Передъ нимъ стоитъ Трынкинъ, трясеть его за плечо и ругается.

— Встанешь-ли ты, наконецъ? Лежитъ, какъ мѣшокъ!.. Ну, вставай, что-ли!

Самсонъ Самсонъчъ подхватываетъ подъ мышки пріятеля и съ большими усилиями, еле удерживаясь самъ на ногахъ, приводитъ его въ вертикальное положеніе.

Егоръ Иванычъ стоитъ какъ въ туманѣ. Они все еще на той-же лѣстницѣ. Но теперь передъ ними оказывается дверь, обитая черной клеенкой, съ фонаремъ, на которомъ значится надпись: „Покупка и продажа вещей“.

Далѣе, все въ туманѣ, онъ видитъ маленькую, грязную комнату, загроможденную разнымъ хламомъ, съ рѣшоткой, а за рѣшоткой—столъ съ керосиновой лампой, при свѣтѣ которой какая-то жидовская морда раскрываетъ и изслѣдуетъ часы Егора Иваныча, потомъ объявляетъ какую-то сумму. Трынкинъ торгуется. Егоръ Иванычъ ко всему равнодушенъ. Онъ размышляетъ о томъ, какъ тяжело жить на свѣтѣ... Онъ одинъ и нѣтъ у него никого... Существуетъ-ли у людей благодарность? Нѣтъ благодарности! Эхъ, скверно жить...

Съ этими мыслями, онъ машинально принимаетъ отъ жидовской морды сколько-то денегъ, въ бумажкахъ и серебряной мелочи,

машинально прачетъ въ карманъ и направляется къ выходу, ведомый Самсономъ Самсонычемъ...

Опять улица. Набережная какой-то канавы. Онъ прислоняется къ периламъ и смотритъ внизъ, на холодную, темную воду, въ которой дрожащими точками блестятъ огни фонарей.

— Пойдемъ, говорить ему Трынкинъ.

— Я утоплюсь, сообщаетъ въ отвѣтъ Бергамотовъ.

— Ну, чего тутъ, пойдемъ! танеть его за рукавъ Самсонъ Самсонычъ.

— Пусти... Я хочу ум-мереть... Мнѣ горько! За-что я такой несчастный человекъ? (Егоръ Иванычъ плачетъ). Нѣтъ, ты мнѣ скажи, почему... Господи Боже мой! Убилъ я кого, обокралъ? Нѣтъ, ты скажи, что я сдѣлалъ такого? Не нужно мнѣ ничего... Деньги!.. Зачѣмъ они мнѣ? Я вотъ ихъ брошу сейчасъ, потому мнѣ обидно...

Егоръ Иванычъ, рыдая, лѣзетъ въ карманъ, но Самсонъ Самсонычъ молча оттаскиваетъ его отъ периль и ведетъ.

Затѣмъ они оказываются стоящими на мосту, подъ фонаремъ. Оба держатъ свои руки на плечахъ другъ друга и объясняются.

— Ты меня обидѣлъ! говоритъ Егоръ Иванычъ.

— Ну, ладно, брось, возражаетъ Самсонъ Самсонычъ, который тоже выговариваетъ слова съ меньшей уже легкостью.

— Нѣтъ, погоди... Знаешь ты меня, или нѣтъ?

— Знаю.

— Другъ ты мнѣ, или нѣтъ?

— Другъ.

— Хорошо. А почему ты въ трактирѣ...

— Ас-стаф-фъ!

— Нѣтъ, ты меня очень обидѣлъ... Ну, ладно, поцѣлуемся...

Вотъ!

Оба цѣлуются. Неподвижно, какъ привидѣнне, созерцавшій все это, въ двухъ шагахъ, городской произноситъ:

— Ну, ну, проходите! Нечего тутъ...

— Молчать!! грозно вскрикиваетъ на него Бергамотовъ.— Какъ ты смѣешь?!

— А вотъ какъ отправлю я сейчасъ васъ обоихъ въ участокъ, тогда и увидите, какъ я смѣю, отвѣчаетъ блюститель порядка и уже приблadyваетъ къ губамъ свистокъ...

— Послушай, братъ, говорить строго Самсонъ Самсоничъ, указывая на фуражку Егора Иваныча,—ты оскорбилъ моряка!

— Кап-питана... да! подтверждаетъ Егоръ Иванычъ.

— Виноватъ, вытягиваетъ руки по швамъ городской.

— Тебѣ за это достанется! угрожаетъ Самсонъ Самсоничъ.

— Виноватъ, не разглядѣлъ, ваше благородіе!

— Оставь его, ладно! смагчается Егоръ Иванычъ. — Онъ свою службу исполняетъ... Ему нельзя. Онъ поставленъ. Вѣрно я говорю?

— Такъ точно-съ.

— Онъ присягалъ! все болѣе умиляется Егоръ Иванычъ. Потому, это долгъ! Потому, какъ ежели, значить, насчетъ буйства и грабежу—онъ обязанъ... Правильно я говорю?

— Точно такъ-съ.

— Молодецъ! Поцѣлуемся...

— Много благодаренъ, ваше благородіе.

— погоди, на тебѣ гривенникъ...

— Благодаримъ покорно, ваше благородіе.

Егоръ Иванычъ совсѣмъ развеселяется, и даже до того, что на дальнѣйшемъ продолженіи пути, во мракѣ какой-то большой, пустынной площади, начинаетъ пригнѣвать:

На улицѣ

Двѣ курицы

Съ пѣтухомъ дерутся.

При этомъ онъ пытается приплясывать, присѣдая къ мостовой, къ большому неудобству Самсона Самсонича, который, держа подъ руку Егора Иваныча, рискуетъ быть увлеченнымъ влѣстѣ съ нимъ, въ случаѣ его паденія.

— Извозчикъ! взываетъ Трынкинъ къ стучащей во мракѣ пролетѣ. Въ Среднюю Мѣщанскую!

Ха, ха, ха!

Ха, ха, ха!

Какъ инѣ жалко пѣтука!

доканчиваетъ уже на извозчикѣ Егоръ Иванычъ.

Куда они ѣдутъ? Бергамотовъ не знаетъ. Ему все равно. Онъ готовъ хоть на край свѣта.

Какія-то улицы. Темно и тихо. Прохожихъ не видно. Магазины и лавки всѣ заперты.

— Живѣе! кричить Трынкинъ.

— Гони!! вопить Бергамотовъ.

— Берги-ись!!!

Съ гамомъ, шумомъ и крикомъ влетаютъ они въ переулокъ.

— Стой! кричить Трынкинъ.

— Сто-ой!! во все горло подражаетъ ему Бергамотовъ.

Красный фонарь, а подъ-нимъ дверь съ маленькимъ круглымъ окошечкомъ. Рядомъ всѣ окна закрыты ставнями, но сквозь щели свѣтится огонь, слышится гулъ голосовъ, хохотъ и фортепiанные звуки...

Трынкинъ звонитъ. Въ кругломъ окошечкѣ на минуту показывается чье-то лицо, затѣмъ дверь отворяется. Трынкинъ входитъ первымъ, Бергамотовъ за нимъ.

Сперва Егоръ Ивановичъ совсѣмъ ошалѣваетъ и только бессмысленно озирается, стараясь понять, куда они попали. Даже хмѣль, какъ-будто, на время его покидаетъ.

Большая комната. Свѣтло, чадно, душно и шумно... Фортепiанные звуки, хохотъ, топотъ и крики... Столики, лампы по стѣнамъ, пивныя бутылки, красныя, потныя лица—и между всѣмъ этимъ дѣвицы, много дѣвиць, всѣ въ яркихъ платьяхъ, и всѣ съ голыми руками и шеей...

Самсонъ Самсоновичъ турманомъ влетаетъ въ этотъ содомъ, дѣлаетъ антраша и сразу производитъ сенсацію. Егоръ Ивановичъ только таращить глаза, между тѣмъ какъ его прiятель успѣлъ уже переполошить всѣхъ дѣвиць. Онъ обнялъ одну, ущипнулъ другую, получилъ затрещину отъ третьей и, схвативъ за руку Бергамотова, тащитъ его и кричитъ:

— Рекомендую! Морязъ! Прямо съ ледовитаго океана прiѣхаль!

Неизвѣстно, какъ это выходитъ, но только вдругъ оказывается, что Егоръ Ивановичъ сидитъ на диванѣ. По одну его сторону—дѣвица, по другую—другая, насупротивъ—третья. Онъ чувствуетъ, что попалъ въ какое-то чудное, волшебное мѣсто, что онъ ничего подобнаго себѣ и не представлялъ никогда... Словомъ, отдай все, да и шало!

— Душка флотскiй, угостите стаканчикомъ пива, проситъ сидящая направо дѣвица.

— И меня тоже, шепчетъ другая и щекочетъ Егора Иваныча.

— Пива! Поддюжины!! кричитъ очарованный Бергамотовъ.

Кругомъ весело, очень весело. Вонъ Трынкинъ борется на диванѣ съ какой-то дѣвицей... Та визжитъ и бьетъ его по спинѣ... Бучка какихъ-то господъ, за столомъ, чокаются, пьютъ и галдятъ... Какой-то молодой человѣкъ, въ разстегнутомъ жилетѣ и съ развязавшимся галстухомъ, откалываетъ одиноко посреди комнаты замысловатыя па... Фортепиано гремитъ... Столпотвореніе вавилонское!

Какая-то дѣвица поетъ:

Спрятался мѣсяцъ за туучку...

Онъ больше не хочетъ гулять.

— Вр-решъ! спитъ чей-то пропитой баритонъ, и оретъ:

Спрятался нѣмецъ подъ ююбку...

Его покрываетъ хоръ дѣвиць:

Дайте мнѣ вашу руучку*

Къ пылкому сердцу прижааать...

Егоръ Иванычъ чокается, пьетъ, опять чокается, опять пьетъ— и чувствуетъ себя въ эмпиреяхъ; сидящая по правую руку брUNETKA привалилась къ нему голымъ плечемъ, и онъ видитъ это плечо, и мурашки у него пробѣгаютъ по тѣлу, и онъ такъ-бы и съѣлъ его, и чортъ знаеть, чего-бы не сдѣлалъ—и, словомъ, провалился все на свѣтъ!..

— Бупите мнѣ апельсинчикъ, душаа... шепчетъ брUNETKA.

— А-пель-синъ!! вопить Бергамотовъ.

Когда я былъ Аркадскимъ пры-ынцемъ,

Любилъ я очень лошадей,

поетъ кто-то.

Къ пылкому сердцу прижааать,

своимъ чередомъ, тянетъ дѣвица...

— Морякъ, танцуй! подлетаетъ къ Бергамотову Трынкинъ. Тотъ упирается. Но къ Самсону Самсоничу присоединяется брUNETKA, оба они насильно стаскиваютъ его съ дивана, и Егоръ Иванычъ оказывается стоящимъ съ ней въ парѣ, посреди комнаты, визави съ Трынкинымъ и въ обществѣ еще нѣсколькихъ паръ, между прочимъ и молодого человѣка съ развязавшимся галстухомъ.

Фортепіано играетъ. Одновременно раздаются топотъ и шарканье, и всѣ пары словно срываются съ цѣпи... Самсонъ Самсонычъ отталкиваетъ невообразимыя колѣна. Онъ поднимаетъ свою даму на воздухъ, вертитъ ее вокругъ себя, опускаетъ внизъ головою, ходитъ колесомъ и ползаетъ на четверенькахъ... Егоръ Иванычъ, по силѣ возможности, ему подражаетъ въ развязности и не ударяетъ лицомъ въ грязь. Такъ, напримѣръ, дѣлая соло, Трынкинъ вьется вьюномъ и потомъ кувьрывается; со своей стороны, Бергамотовъ пляшетъ въ присядку, а потомъ бросается навзничъ и болтаетъ ногами... Аделя (брюнетка назвала себя Егору Иванычу „Аделей“) помираетъ со смѣху, и это служитъ для него лучшей наградой.

Послѣ танцевъ они опять сидятъ на диванѣ. Аделя обнаженной рукой обвиваетъ шею Егора Иваныча, машетъ ему въ лицо платкомъ и шепчетъ протяжно-умоляющимъ тономъ:

— Па-апочка, портвейну хочу...

— Портвейну! взываетъ чувствующій себя на седьмомъ небѣ герой нашъ.

Портвейнъ принесенъ. Аделя наливаетъ, чокается съ нимъ и прихлебываетъ. Егоръ Иванычъ выпиваетъ залпомъ нѣсколько рюмокъ, и ему начинаетъ казаться, что все окружающее уплываетъ изъ глазъ, предметы и звуки бессмысленно путаются между собою, будто во снѣ, и онъ самъ, не то спитъ, не то весь расплывается въ какомъ-то неизъяснимомъ блаженствѣ... Онъ влюбленъ по уши въ Аделю!

— Трамъ-тарарамъ-тамъ-тамъ... играетъ фортепіано.

— Отдайте за пиво!

Спрятался мѣсяцъ за тууучку...

Всѣ эти звуки слышатся глухо, словно они идутъ изъ другого какого-то міра, нездѣшняго, потому-что весь видимый міръ сосредоточивается теперь для Бергамотова только здѣсь, на этомъ диванѣ, и все окружающее для него не существуетъ.

Теперь Аделя сидитъ у него уже на колѣняхъ. Егоръ Иванычъ жмется лицомъ къ ея обнаженной, пышной и теплой груди и только отъ времени до времени стонетъ... Аделя завынутыми за его шею руками лущитъ апельсинъ, отдѣляетъ дольки и протягиваетъ ко рту Егора Иваныча. „Амъ!!“ дѣлаетъ тотъ и съ

Безпредѣльнымъ блаженствомъ проглатывается, потомъ снова, какъ влещъ, вшивается губами въ мягкое тѣло брюнетки...

Райскій, сверхъестественный сонъ! И, какъ во снѣ, все происходитъ въ туманѣ, мелькаетъ клочками, безъ всякой послѣдовательности...

Вотъ онъ всталъ и идетъ... Полъ не то кружится, не то упирается у него изъ подъ ногъ... Стѣны не то пляшутъ, не то ихъ и нѣтъ совсѣмъ... Вотъ перегородка, а на ней горитъ лампа... Прямо дверь,—или нѣтъ, это шкафъ... Нѣтъ, дѣйствительно, дверь — только вдругъ ея нѣтъ! Гдѣ дверь? Нѣтъ двери, пропала!

— Сюда, идите за мной, слышится голосъ брюнетки.

Это послѣдніе звуки, принадлежащіе внѣшнему міру. Затѣмъ наступаетъ состояніе уже внѣ пространства и времени...

Это — нѣчто, никогда еще имъ неизвѣданное. Временами, ему кажется, будто онъ уничтожается, будто совсѣмъ не живетъ — и затѣмъ снова начинаетъ сознавать свое бытіе, и въ эти минуты онъ можетъ лишь лепетать:

— Душенька... Бралочка... Ангельчикъ...

Спрятался мѣсяцъ за туучку,
Онъ больше не хочетъ гулять...

врывается отъ времени до времени изъ внѣшняго міра...

Потомъ — забытье. Неизвѣстно, какъ долго оно продолжается. Онъ вдругъ приходитъ въ себя. Опять звуки изъ внѣшняго міра. Кто-то барабанитъ въ перегородку надъ самой его головой и говорить:

— Идемъ, что-ли!.. А?.. Идешь, или нѣтъ?

Голосъ силенъ и пьяный, и языкъ говорящаго заплетается. Егоръ Иванычъ сперва не понимаетъ, въ чемъ дѣло, и спрашиваетъ:

— Кто тутъ?

— Я!

— Кто ты?

— Да я! Лѣшій, очумѣль, что-ли?

Егоръ Иванычъ узнаетъ или, вѣрнѣе, угадываетъ Самсона Самсоныча. Онъ отвѣчаетъ:

— Пошелъ къ чорту!

Пауза и затѣмъ снова вопросъ:

— Не идешь? Остаешься?

— Убирайся!

Трынтинъ что-то ворчитъ, потомуъ Егоръ Иванычъ слышитъ какъ удаляется звукъ тяжелыхъ и нетвердыхъ шаговъ его, и снова впадаетъ въ забытiе.

Опять пробужденiе—и притомъ до крайности странное и неприятное.

Начинается съ того, что онъ чувствуетъ, какъ кто-то грубо толкаетъ его подъ бокъ. „Отвяжись!“ бормочетъ Егоръ Иванычъ, которому смертельно хочется спать. Невидимая рука продолжаетъ толкать и, кромѣ того, принимается даже трясти за плечо. „Отстань... Нехочу“, противится Бергамотовъ, съ намѣренiемъ вернуться на другой бокъ, но его насильно поднимаютъ съ постели и приводятъ въ сидячее положенiе...

Что такое? Онъ ничего не понимаетъ!.. Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Чортъ знаетъ!.. Вкругомъ полумракъ. Онъ одинъ. Передъ нимъ стоитъ какой-то человѣкъ, расталкиваетъ его и говоритъ:

— Уходите!

— Не-х-хочу! мотааетъ головою Бергамотовъ, и склоняется снова къ подушкѣ, но съ нимъ поступаютъ уже прямо насильственнымъ образомъ.

— Уходи чествомъ, тебѣ говорятъ, пока въ шею не накостиляди! говоритъ тотъ-же незнакомецъ сурово, и затѣмъ Егоръ Иванычъ, слышитъ, что его куда-то ведутъ и сажаютъ...

Что это все значить? Непонятно, совсѣмъ непонятно! Съ усилiемъ стараясь держать открытыми глаза, смыкаемые дремотою онъ видитъ себя сидящимъ на стулѣ; передъ нимъ перегородка, а на ней горитъ лампа. Онъ начинаетъ соображать и, вспомнивъ, зоветъ:

— Аделя! Гдѣ Аделя?

Онъ понимаетъ только, что нужно отыскать Аделю, и придумываетъ, какъ это сдѣлать, машинально покоряясь незнакомцу, который поднимаетъ его, держа сзади за локти, ведетъ въ темнотѣ и куда-то выталкиваетъ.

Совершенно неожиданно, онъ оказывается на улицѣ. Темно и тихо. Ни души... Чортъ знаетъ, что такое!

Онъ бессмысленно устремляется впередъ, по самой серединѣ улицы, швыряясь въ разныя стороны. Онъ почти совсѣмъ не въ состоянiи стоять на ногахъ.

Онъ садится на троттуаръ и принимается соображать, гдѣ можетъ быть Трынкинъ, и затѣмъ взываетъ въ пространство:

— Трынкинъ!

Везмолвіе... Егоръ Иванычъ кричитъ еще громче:

— Трынкинъ!!..

— Ты что тутъ шумишь? А? Ты кто? Гдѣ живешь? раздается откуда-то близко, и Бергамотовъ видитъ передъ собою плечистаго дворника, въ овчинномъ тулупѣ. Онъ начинаетъ объяснять ему свое затрудненіе, но тотъ, вмѣсто отвѣта, поднимаетъ его, какъ перо, ставитъ на ноги и, давъ легонько сзади шлепка, говоритъ:

— Ну, проваливай, проваливай, нечего тутъ... Нето городского вликну сейчасъ!

Егоръ Иванычъ идетъ дальше и вспоминаетъ, что Трынкинъ ушелъ еще ранѣе, и затѣмъ мало по малу вникаетъ, какъ подло съ нимъ поступили. И кто смѣлъ его выгнать? Онъ замѣтилъ его рожу и покажетъ ему, что съ нимъ нельзя дѣлать все, что угодно. Ну, да, такъ и есть, онъ самый!.. Вонъ онъ идетъ! Вышелъ, небось, посмотрѣть, ушелъ-ли? А вотъ онъ не ушелъ и сейчасъ-же задастъ ему!

И Бергамотовъ направляется прямо къ идущему одиноко на встрѣчу ему, нетвердой походкой, субъекту и начинаетъ съ нимъ объясняться.

— Скотина! Я тебѣ покажу, чтобы ты не смѣлъ въ другой разъ...

— Тебѣ что нужно? останавливается тотъ, паяя глаза на Егора Иваныча. — Ты чего привязался?

— Отвори мнѣ сейчасъ, а не то...

Въ отвѣтъ прохожій даетъ ему въ грудь тумака. Въ ту-же минуту, фонарь, троттуаръ и стѣна ближайшаго дома одновременно катятся внизъ, будто падаютъ, а вмѣсто этого Егоръ Иванычъ видитъ надъ собою темное дно какой-то громадной, опрокинутой ямы, а себя ощущаетъ лежащимъ почему-то вдругъ на спинѣ и созерцающимъ дно этой ямы, которая есть ничто иное, какъ небо... Незнакомца ужъ нѣтъ.

— Ладно, не надуешь! размышляетъ Егоръ Иванычъ, поднимаясь въ сидячее положеніе. — Отво-оришь!.. Не дураки тоже!.. Запомнили!..

Бергамотовъ встаетъ съ троттуара, наперекоръ желанію своихъ собственныхъ ногъ, стремящихся заставить его принять прежнюю спокойную позу, и принимается искать дверь съ фонаремъ, такъ какъ онъ не можетъ жить безъ Адели. Онъ отыщетъ во что-бы то ни стало! Помнится, будто направо? И онъ идетъ направо, идетъ, идетъ... Нѣтъ, будто не здѣсь! Вонъ въ томъ переулкѣ, должно быть?.. О, онъ, найдетъ!

И Егоръ Иванычъ плутаетъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ... Нѣтъ нигдѣ фонаря! Во всѣхъ окнахъ темно, нигдѣ ни души, не видать даже извозчиковъ, и лишь уличные фонари уныло свѣтятъ въ этой тишинѣ и безлюдіи...

Вонъ онъ, наконецъ, и фонарь! Ага, нашель-таки, голубчика! Молодецъ братъ, Егоръ!..

Подъѣздъ, дверь и фонарь. Кругомъ кареты и извозчики дрожи.

— Куда? кричитъ кто-то.

Онъ не обращаетъ вниманія, входитъ и начинаетъ подниматься по лѣстницѣ. Вонъ и музыку слышно!

— Куда? опять раздается вопросъ, и онъ неожиданно видитъ себя окруженнымъ какими-то лицами. Городовой, жандармъ, усатая рожа съ шевронами... Кто-то кричитъ:—Кто впустилъ пьянаго?!

— Ладно, братъ, мы и сами съ усами... проблескиваетъ послѣдняя мысль въ угасающемъ сознаніи Егора Иваныча, который понимаетъ теперь только одно, что нужно ломиться впередъ. Онъ вступаетъ въ борьбу, но его тотчасъ-же осиливаютъ...

Затѣмъ начинается происходить что-то до крайности странное...

Какъ сквозь сонъ, онъ слышитъ, что его схватили и тащутъ внизъ по ступенькамъ, видитъ чью-то спину и лоботь, полицейское кепи и бляху, прежній фонарь, зонтикъ подъѣзда, лошадиную морду... Потомъ ему кажется, что подъ нимъ что-то стучитъ и грохочетъ, а онъ весь колыхается волнообразнымъ движеніемъ, точно плыветъ, и въ лицо ему вѣетъ струя холоднаго воздуха... Потомъ забытъ... Потомъ какая-то комната, столъ, свѣчка въ подсвѣчникѣ, человѣкъ съ усами въ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами, который пристаётъ къ нему съ какими-то вопросами, чего-то отъ него добивается, между тѣмъ какъ онъ знаетъ только одно, что ему до смерти хочется спать...: Потомъ все исчезаетъ,

* * *

Утро. Должно быть, еще рано.

Проснувшійся Вергамотовъ съ усиленіемъ поднимаетъ голову и осматривается... Куда онъ попалъ? При мутно-блѣсоватомъ свѣтѣ, онъ едва различаетъ большую грязную комнату. Самъ онъ лежитъ на чемъ-то жесткомъ. Онъ не одинъ. Въ комнатѣ устроены нарты, а на нихъ виднѣются очерки неподвижно лежащихъ фигуръ... Нѣкоторыя детали различаются болѣе ясно. Вонъ виднѣется свѣсившаяся чья-то рука... Грязный сапогъ съ выглядывающимъ съ боку мизинцемъ и край обтрепанной сѣрой штанины... Далѣе профиль всклокоченной головы съ толстымъ носомъ и бородой... Все храпѣть, сопить и присвистываетъ... Кто-то бредитъ.

Онъ попалъ „подъ шары!“... Это первый моментъ сознанія Вергамотова. Затѣмъ онъ чувствуетъ въ головѣ невыносимую боль. Онъ склоняется на свое изголовье и опять засыпаетъ.

Опять пробужденіе. Надо вставать на переключку.

Контора. Онъ стоитъ въ группѣ своихъ соночлежниковъ. Тутъ и косматый субъектъ съ толстымъ носомъ, и маленькій чловѣчекъ съ глуповатымъ лицомъ, обтрепанную штанину котораго онъ созерцалъ при своемъ пробужденіи, и еще два-три чловѣка. Есть и представительница прекраснаго пола, въ видѣ дѣвщины съ простуженнымъ голосомъ, остатками румянъ на щекахъ и въ шляпкѣ съ огненнымъ перомъ... Егоръ Иванчъ смотритъ на все это тупо, точно сквозь сонъ. Въ головѣ его туманъ, все тѣло коетъ, и надъ всѣмъ господствуетъ одна горькая мысль, что нѣтъ никого его несчастіе въ мірѣ.

Онъ доставленъ въ полицію за буйство на лѣстницѣ какого-то клуба. Ему предъявляютъ вещи, отобранныя отъ него при его доставленіи: деньгами рубль, въ видѣ смятой бумажки, и два двугривенныхъ, затѣмъ подтяжку и надушенный бутербродъ съ ветчиной; все это лежало у него въѣстъ, въ одномъ карманѣ.

Послѣ того, какъ онъ получилъ назадъ свою собственность (отъ бутерброда онъ отказался), его отпускаютъ.

На улицахъ сыро и пасмурно. Мороситъ мелкій дождь.

Вергамотовъ безсознательно подвигается впередъ. Да, никого нѣтъ несчастіе его въ цѣломъ свѣтѣ!.. Куда онъ пойдетъ? Домой?.. Ни за что, легче въ воду!.. И голова трещитъ, и спина, и грудь ноютъ, будто избитыя... „Извѣстно, били, какъ-же иначе?“ По-

думалъ сейчасъ вотъ этотъ прохожій и взглянулъ на Егора Ивановича. О, Господи, сраму-то, сраму-то! Всѣ-то смотрять, всѣ-то смѣются надъ нимъ!! Чего вонъ этотъ мальчишка глаза на него вытаращилъ? Надъ фуражкой смѣется... „Морякъ!“.. Стыдъ, срамъ! Боже мой, Боже мой! И чтò онъ сдѣлалъ такого, кому повредилъ, что надъ нимъ всѣ издѣваются? Плевать ему на нихъ, коли такъ! Да! И на Анфису, и на всѣхъ наплевать! Тò-то она горячку поретъ теперь... Ну, и пушай! Онъ домой не пойдетъ, рѣшено!.. Такъ куда-же идти?

И, изнемогающій подъ бременемъ этихъ мучительныхъ думъ, Егоръ Ивановичъ останавливается на перекресткѣ, тупо взирая въ пространство. Тамъ, на углу виднѣется вывѣска, на которой начертана надпись: „Трактиръ“, и ноги его, сами собой, какъ подъ вліяніемъ магнита, направляются къ этому пункту. Онъ знаетъ, что тамъ онъ найдетъ разрѣшеніе своимъ мучительнымъ думамъ.

Маленькій, грязный трактиришко, въ самомъ подвалѣ. У стойки толпа, опрокидывающая въ ротъ стаканчики водки. Прислуга мечется, какъ угорѣлая, съ синими пузатыми чайниками. У столиковъ сидятъ извозчики и, держа на растопыренныхъ пальцахъ блюдечки съ чаемъ, дуютъ горячую влагу и обливаются потомъ.

Егоръ Ивановичъ подходитъ къ стойкѣ и велитъ налить себѣ стаканчикъ водки. Выпивъ его, онъ сейчасъ-же затѣмъ непосредственно, маніемъ перста, велитъ наполнить его повторительно, выпиваетъ „на лобъ“ такъ же, какъ первый, и этотъ, потомъ отскикиваетъ себѣ мѣсто у столика и спрашиваетъ бутылку калининскаго.

Онъ выпиваетъ стаканъ... И вотъ, чего онъ ждалъ, наступило! Только-что осушилъ онъ этотъ стаканъ, какъ ощущаетъ, что у него ужъ не ноютъ ни грудь, ни спина, голова перестала трещать, мысли сдѣлались свѣжи и бодры, словомъ, ветхій человѣкъ, терзавшій его сегодня при пробужденіи, облекая въ обычнаго Егора Ивановича Бергамотова, которому грозитъ дома расправа,—этотъ ветхій человѣкъ уходитъ теперь посрамленный приближеніемъ другого, который жилъ въ его оболочкѣ во время походовъ сегодняшней ночи...

Люди входили и уходили. Дверь на блокъ визжала и хлопала безпрестанно, впуская въ комнату струю сырого уличнаго воздуха. Бергамотовъ сидѣлъ и медленно пилъ свое пиво.

Бутылка была допита вся. Онъ расплатился и вышелъ.

Теперь въ немъ созрѣло рѣшеніе. Онъ пойдетъ домой... да! Отчего не пойти? Слава-богу, хозяйинъ, кажется! Ремесленный человѣкъ!.. У него заведеніе, дѣла... Какъ можно! День домой не придетъ, другой не придетъ—что-жъ тутъ хорошаго? Совсѣмъ не порядокъ! Всякій осудить. Неужто-жъ и въ самомъ дѣлѣ баба имъ вертитъ? Шабашъ! Пора прекратить! Придти только сегодня домой—онъ ей покажетъ! Пусть только сунется—онъ ей отбѣдетъ!.. „Такъ и такъ“, моль... „Я“, скажетъ, „довольно терпѣлъ“...

Егоръ Иванычъ развивалъ эти мысли, уже идя по улицѣ. Теперь онъ старался придумать рѣчь, которую скажетъ Анфисѣ Григорьевнѣ, вернувшись домой. Но это дѣло не ладилось... А нужно придумать! Впрочемъ, чтожъ? Пути-то еще, слава тебѣ Господи, сколько! Успѣетъ еще двадцать разъ!

Теперь онъ поровнялся съ широкимъ зеркальнымъ окномъ. На стеклѣ была изображена красками кружка съ пѣнящимся пивомъ. Сбоку—дверь, а на ней вывѣска съ надписью: „Deutsche Bier-Halle“... Въ ту-же минуту ноги Егора Иваныча, сами собой, не спрашивая его позволенія, повернули его и поставили лицомъ къ этой двери. Оставалось только открыть ее и войти. Онъ это и сдѣлалъ.

Онъ сѣлъ за одинъ изъ мраморныхъ столиковъ и спросилъ себѣ пива. Ему подали кружку. Кромѣ него, у такихъ-же мраморныхъ столиковъ сидѣло до десятка другихъ посѣтителей. Нѣкоторые читали нѣмецкія газеты. За стойкой стоялъ человѣкъ съ толстымъ лицомъ и сѣдыми бакенбардами и разговаривалъ по-нѣмецки съ двумя посѣтителями. Тѣ орали и хохотали на всю комнату. Егору Иванычу ужасно надоѣла эта нѣмецкая рѣчь. И на вой ладъ тутъ эти мраморные столики? Больно ужъ благородно! Да и служающій, въ зеленомъ передникѣ, который подавалъ ему кружку, какъ-то нахально на него посмотрѣлъ... Кружки эти дурацкія... Ну ихъ, къ чорту! Колбасники!

Егоръ Иванычъ съ негодованіемъ допилъ кружку, бросилъ на столикъ мѣдный пятакъ и ушелъ.

Погода совсѣмъ раскисала. Изморось обратилась уже въ дождь. На улицахъ стояли цѣлыя лужи. Егоръ Иванычъ чувствовалъ, какъ пиджакъ его сырѣлъ все больше и больше, холода спину и плечи... Экая мерзость!

Вдругъ его озарила счастливая мысль... Чудесно! И до дому дойдешь съ удовольствіемъ, да и не промокнешь, какъ мышь. И простое дѣло! Заходи только, знай, въ каждую портерную да выпивай по бутылочкѣ... Только ни-ни, небольшое какъ по одной! Изъ одной, значить, въ другую... Вымокъ — и обсушился, вымокъ — и обсушился! А къ дому все ближе!.. Ловко придумаль! Молодчина, Егоръ!

И старая желаніемъ поскорѣй сдѣлать опытъ свой блестящей идеи, онъ осмотрѣлся. Портерная видѣлась наспротивъ, по другую сторону улицы. Туда онъ и направился.

И вотъ опять сидитъ Егоръ Ивановичъ и пьетъ. Онъ погруженъ теперь въ глубокую думу. Сперва онъ старается обратить свои мысли къ тому, какую рѣчь онъ скажетъ Анфисѣ Григорьевнѣ, но въ голову лѣзетъ совершенно другое...

Яркой картиной возникаютъ передъ нимъ воспоминанія о похожденияхъ сегодняшней ночи... Еще ранѣе, во все это время, бѣглыми, безсвязными штрихами пронеслись они въ его головѣ, но, подавляемныя другими впечатлѣніями, расплывались въ туманѣ. Теперь-же ничто уже имъ не препятствуетъ. Вотъ большая, ярко-освѣщенная комната, фортепیانные звуки, дѣвицы... Миръ, еще ни разу не извѣданный имъ!

Онъ допиваетъ бутылку и, помня свое намѣреніе, расплывается и выходитъ на улицу. Дождь льетъ по-прежнему, но онъ теперь относится къ нему уже болѣе равнодушно. Онъ идетъ, ища глазами новую портерную, и рядомъ съ нимъ идетъ его мысль своимъ чередомъ...

— Пива! Бутылку!

Онъ пьетъ, а прежняя дума царитъ безотвязно. Теперь она заполонила все его существо. Что-то подобное было и раньше. Во все это время, начиная съ момента, когда онъ проснулся на нарахъ, потомъ стоялъ въ конторѣ участка, потомъ пилъ водку въ трактирѣ — онъ чувствовалъ смутно, что съ нимъ произошло что-то особенное. Онъ не выкаль тогда, что именно это такое. Оно, это невѣдомое и непонятное, лежало зародышемъ въ глубокихъ тайникахъ его души, а принесли его, этотъ зародышъ, событія сегодняшней ночи... Теперь онъ развивался и ширился, и Егоръ Ивановичъ зналъ, что съ нимъ происходитъ. Облокотившись на столъ, съ мечтательно-закрытыми глазами, онъ отдался иллюзіи созданнаго

воображеніемъ образа... И вотъ, вдругъ, какъ-бы въ насѣшку, рядомъ съ нимъ возникло худое, въ веснушкахъ, лицо Анфисы Григорьевны... И онъ почувствовалъ, что оно теперь для него еще отвратительнѣй.

— Въ чорту! Пошла! У, барабанная шкура! воскликнулъ онъ вслухъ, ненавистно треснувъ кулакомъ по столу.

Передъ нимъ стоялъ служащій мальчикъ и смотрѣлъ на него вопросительно.

— Тебѣ что?.. А, да... Деньги... На, получи!

Онъ отдалъ за пиво, шатаясь поднялся со стула, споткнулся нѣсколько разъ о ступеньки подвала и вылѣзъ на улицу.

Дождь все лилъ, затянувъ сѣрой пеленою тумана петербургскія улицы, и въ немъ мелькала неясно, какъ призракъ, фигура человека въ пиджакѣ и флотской фуражкѣ, ныряя въ пространство, какъ челнъ, застигнутый бурей въ морѣ. У каждой вывѣски, російскихъ національныхъ цвѣтовъ, фигура вдругъ исчезала изъ глазъ, словно сквозь землю проваливалась, и, спустя нѣсколько времени, опять появлялась въ пространство. При этомъ флотская фуражка на ея головѣ постоянно разнообразила свое положеніе. То она оказывалась сидящею далеко на затылкѣ, то надвинутой почти совсѣмъ на носъ, то набекрень, съ козырькомъ, обращеннымъ къ правому или лѣвому уху; она была или вздута, какъ морачій трактирный пирогъ, или сплюснута плоско, какъ блинъ.

На каждой изъ станцій продолжительнаго своего путешествія Егоръ Ивановичъ пребывалъ, какъ было имъ рѣшено, не долге времени, потребнаго для того, чтобы выпить одну только бутылку. Онъ систематически глоталъ стаканы за стаканомъ, по большей части даже и не присаживаясь, прямо у стойки, съ неподвижнымъ, тупо созерцательнымъ взоромъ, и, окончивъ бутылку, устремлялся снова въ пространство подъ дождь. Точно та дума, которая составляла пока его тайну, постоянно его поднимала не задерживаться долго на мѣстѣ и увлекала дальше впередъ...

Въ одной изъ портерныхъ (это была ужъ, по счету, седьмая) онъ усѣлся за столъ и пролилъ вдругъ слезы.

— Трынканъ!.. Д-другъ!.. шепталъ онъ при этомъ, свѣсивъ голову на руки и помавая ею надъ опорожненной на половину бутылкой. — Можешь ты меня понимать?.. Потому, ты должнъ меня понимать... Я во всякое время съ открытой душой... Оттого и

страдаю... Хочешь, секретъ разкажу? И разкажу... Тебѣ только одному разкажу! Потому, ты мнѣ другъ самый первый, а коли нѣтъ, такъ свинья!..

Было бы слишкомъ долго и утомительно останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ путешествія Егора Иваныча въ предѣлы Невѣдомой улицы. Поэтому я предпочитаю привести васъ туда нѣсколько раньше его.

Можетъ быть, вы помните, что сегодняшній день былъ второй по счету, какъ Бергамотовъ скрылся изъ дому, и когда въ квартирѣ Самсона Самсоныча Трынкина былъ откомандированъ Анфисой Григорьевной лавутчикъ для наведенія справокъ о мужѣ. Спустя какихъ-нибудь десять минутъ, какъ онъ удалился ни съ чѣмъ, пришелъ домой Трынкинъ.

Онъ пришелъ нѣсколько ранѣе того времени, въ которое обыкновенно возвращался со службы, не досидѣвъ сегодня до окончанія присутствія, такъ-какъ соленные огурцы и клюква, о которыхъ сообщила давеча Дементыха посланцу Анфисы Григорьевны, оказались безсильными для излеченія болѣзненныхъ послѣдствій проведенной имъ съ Бергамотовымъ ночи. По дорогѣ на службу онъ выпилъ. Возвращаясь со службы, опять выпилъ. Но все это оказалось лишь паллиативною мѣрой. Явился домой онъ почти совсѣмъ трезвый, мокрый и злой. Отъ обѣда отказался, кратко пославъ его къ чорту, не менѣе сурово и кратко выразился еще въ отвѣтъ на что-то Дементыхѣ („рычалъ“, какъ говорила она потомъ, не много погодя, въ мелочной лавкѣ, про своего постояльца) и тотчасъ-же залегъ на диванъ, въ надеждѣ на благодѣтельную помощь Морфея, но эта надежда обманула Самсона Самсоныча.

Онъ ворочался съ боку на бокъ, злился и изнывалъ, все болѣе приближаясь къ безотрадному выводу относительно существованія какихъ-либо средствъ, которыя могли-бы помочь ему въ данномъ случаѣ. Какъ онъ ни прикидывалъ, въ итогѣ оставалось только одно, самое крайнее и радикальное, прекрасно подтверждавшее мудрое правило: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись... Исходъ былъ неизбѣженъ, какъ вѣчныя судьбы.

И въ ту же минуту, какъ онъ поставилъ себѣ этотъ выводъ, дверь открылась и, въ видѣ нагляднаго подтвержденія этого самаго вѣчнаго судьбы, передъ Самсономъ Самсонычемъ предсталъ Бергамотовъ...

Онъ былъ уже пьянъ и весь мокрѣхонекъ, точно выльзъ сейчасъ изъ воды. Пиджакъ, брюки и морская фуражка даже лоснились, будто покрытые лакомъ. Не снимая фуражки, онъ сѣлъ на диванъ, въ ногахъ Самсона Самсоныча, и отъ этого движенія съ нея потекли струи воды, а на полу, подъ ногами, моментально образовалась цѣлая лужа.

Самсонъ Самсонычъ приподнялся на локтѣ и въ теченіи нѣсколькихъ секундъ молча созерцалъ Бергамотова. Бергамотовъ сидѣлъ тоже молча, обративъ неподвижный взоръ свой въ пространство. Самсонъ Самсонычъ принялъ прежнее положеніе на диванѣ и затѣмъ лаконично спросилъ:

— Готовъ?..

Вмѣсто отвѣта, Егоръ Иванычъ издалъ какой-то невнятный звукъ — и вдругъ, совѣмъ неожиданно, заплѣлъ съ большимъ чувствомъ, отбивая тактъ головою, причемъ съ фуражки его хлынули во всѣ стороны цѣлые каскады воды:

„Спрятался... мѣсяцъ... за туууучку...

Онъ больше... не хочетъ... гуляять...

— Гм! сдѣлалъ Трынкинъ и сѣлъ на диванѣ, съ любопытствомъ смотря на Егора Иваныча.

— Шаб-башъ! воскликнулъ еще неожиданнѣй тотъ, потомъ всталъ, колыхнулся и, сдѣлавъ два нетвердыхъ шага, остановился передъ пріятелемъ.

Трынкинъ продолжалъ пыливо его наблюдать. Бергамотовъ былъ пьянъ, несомнѣнно. Онъ былъ блѣденъ, какъ трупъ. Но, помимо того, Самсонъ Самсонычъ замѣтилъ въ немъ нѣчто, что болѣе всего приковало его вниманіе. Это было что-то новое, неувловимое и небывалое еще въ Егорѣ Иванычѣ, котораго давно привыкъ видѣть на севозъ товарищъ его дѣтскихъ лѣтъ, но что это именно было, Трынкинъ терялся въ догадкахъ.

Ему не долго пришлось ждать объясненія.

— Шаб-башъ!! воскликнулъ опять Бергамотовъ.—Что глядишь?. Ха!.. Сказать, или нѣтъ?.. Ну, скажу, такъ и быть... Др-ругъ ты мей! Другъ вѣдь? А?.. Поцѣлуй!.. Да, такъ видишь-ли что... Анфису-то я, братъ, ау!.. Фю-ю-ю!..

Егоръ Иванычъ свиснулъ протяжно и качнулъ головою.

— Чтѣ-о?.. вытаращилъ глаза на пріятеля, въ совершенномъ недоумѣніи, Трынкинъ.

— А то!.. По шеѣ, вотъ ей что!.. Хе-хе-хе... И не аж-жидаетъ!.. А Аделю возьму! Да!.. Потому я отчаянный теперь человекъ!.. Понимаешь?.. Я за Аделю въ огонь и воду пойду!.. Не подступайся никто! Я теперь въ отчаяннѣхъ чувствахъ (голосъ его дрогнулъ отъ слѣзъ)... Я... я... несчастный теперь человекъ!.. Голубчикъ!.. Самсоша!!

И Егоръ Иванычъ внезапно зарыдалъ въ три ручья.

Эта и была та самая тайна, которая во все это время гнула его душу и вырвалась теперь неожиданно передъ изумленными глазами Самсона Самсонныча...

* * *

— Закурила!.. объявила, спустя нѣсколько времени, Дементыиха въ портерной, будучи послана Трынкинымъ за цѣлой полдюжиной пива.

Не прошло и часа, какъ она опять появилась съ пустыми бутылками, которыя свирѣпо поставила, одну за другой, на прилавокъ.

— Пришла моя бѣда! Давай еще четыре, Будинычъ... Чтобъ нѣтъ обожраться!

— Пьютъ? освѣдомился, съ пріятной улыбкой, сидѣлецъ.

Дементыиха только махнула рукой и исчезла съ бутылками.

Немного спустя, сѣдая голова ея, съ сбившимся на бокъ платкомъ, мелькала уже въ мелочной лавкѣ.

— Пару селедокъ! объявила она, запыхавшись.

Здѣсь, какъ въ главномъ общественномъ пунктѣ Невѣдомой улицы, всегда можно было встрѣтить кого-либо изъ особъ прекраснаго пола, нѣсколько изъ каковыхъ обрѣлось на лицо и теперь, а потому Дементыиха не преминула сейчасъ-же и здѣсь, какъ только-что въ портерной, повѣдать о происходящемъ въ ея квартирѣ дебошѣ и объ участіи въ немъ Егора Иваныча.

— Да развѣ и Бергамотихинъ мужъ тоже у васъ?! было всеобщее восклицаніе удивленія.

— У насъ! Чтобъ ему ни дна, ни крыши!и!

И Дементыевна въ яркѣхъ краскахъ изобразила появленіе Егора Иваныча у ея постояльца, а спустя пять минутъ, по-крайней-мѣрѣ, четверть Невѣдомой улицы знала уже, что „Бергамотихинъ мужъ“ объявился и, такимъ образомъ, начавшіе было рас-

пространяться слухи: одинъ—что Егоръ Иванычъ повѣсился, другой—что вѣшался, по вынуть изъ петли, рушились сами собою.

По дорогѣ Дементыхъ попалась кухарка Бергамотовыхъ, Мавра, послѣдствіемъ чего было внезапное появленіе Анфисы Григорьевны въ квартирѣ Самсона Самсонича и объясненіе этого послѣдняго съ нею, на французскомъ діалектѣ, словомъ—то, что вы уже знаете.

— Охъ, что то будетъ только! воскликнула по этому поводу въ портерной съ зловѣщимъ вздохомъ Дементыха, появившись тамъ опять, спустя нѣсколько времени, съ пустыми бутылками.

— Очень пьяны? освѣдомился Кудиничъ.

— Тотъ-то готовъ ужъ, лыка не вяжетъ... А мой еще держится! Скоро-ль спойшь его, самъ знаешь... Пропasti на нихъ иѣту! заключила она, забирая съ собою новыхъ четыре бутылки.

Съ наступленіемъ вечерняго мрака, окно квартиры Самсона Самсонича освѣтилось, по примѣру другихъ, и почти одновременно съ этимъ, около него со двора, замелькали черныя тѣни. Это были, не взирая на дождь, привлеченные сюда любопытствомъ сосѣди. Но всѣ они принуждены были удалиться ни съ чѣмъ. Опущенная штора не только препятствовала увидѣть, хоть краешкомъ глаза, Егора Иваныча, представлявшаго главный центръ интереснаго зрѣлища, но скрывала рѣшительно все происходящее въ комнатѣ. Слышались только отъ времени до времени невнятные звуки человѣческой рѣчи да игра на гитарѣ...

— Да что они дѣлають-то? О чемъ говорятъ?.. осаждали Дементыху самые настойчивые изъ любопытныхъ.

Но ея объясненія нимало не удовлетворяли вопросамъ, будучи притомъ выражаемы все въ болѣе и болѣе раздраженной и лаконической формѣ.

— Я почему знаю? огрызалась она.—Извѣстно, что дѣлають... Пьютъ!.. О чемъ говорятъ! Извѣстно, о чемъ пьяные между собою говорятъ? Мнѣ что за-дѣло?!..

Кудиничъ собрался уже запирать свою портерную, какъ въ ней опять появилась Дементыха. Въ объятіяхъ ея были пустыя бутылки, на морщинистомъ лицѣ написано тупое отчаяніе...

— Значить, въ ночную пошло?.. Э-хе-хе! зашѣтилъ, нагибаясь подъ прилавокъ, Кудиничъ.

На этотъ разъ Дементыха только испустила сокрушительный

вдохъ, безмолвно заключила въ объятія новыя, выставленныя на прилавокъ бутылки и вышла изъ портерной.

Уже ночь опустилась надъ Невѣдомою улицей и вездѣ погасли огни, а штора въ окнѣ Самсона Самсоныча все еще продолжала свѣтиться. Уже глубокая тишина воцарилась окрестъ, ненарушаемая даже лаемъ собаки, а сквозь дверь комнаты, гдѣ пиروвали пріатели, все еще слышались гулъ голосовъ, шаги, звонъ стакановъ или звуки гитары...

На столѣ кухни опливалъ сальный огарокъ, слабо озаряя неподвижную фигуру Дементыхи. Она не рѣшалась лечь спать и маялась, сидя у стола, на скамейкѣ. Сонъ насильно смыкалъ ей глаза, она дремала и отъ времени-до-времени поклѣвывала носомъ. Изрѣдка какой-нибудь звукъ, сильнѣе раздавшійся изъ комнаты пирующихъ, пробуждалъ ее, она открывала глаза, прислушивалась и опять погружалась въ дремоту. Между прочимъ, слышала она такое восклицаніе Самсона Самсоныча:

— Пентюхъ!.. Ты прежде Полосаткинскую шкатулку-то отъ нея отними, а потомъ ужъ и хвастай!..

Тутъ она опять задремала, но вскорѣ вздрогнула и пробудилась отъ какого-то громко-раздавагося въ комнатѣ пріателей звука, какъ-бы вслѣдствіе упавшей на полъ бутылки... Звукъ не повторился, но зато явственно слышался теперь діалогъ.

— Самсонъ, другъ! восклицалъ голосъ Егора Иваныча (голосъ былъ хриплый и пьяный и языкъ Бергамотова заплетался, но слова можно было всё разобрать). Ты про меня думаешь что?.. Хочешь ты меня знать, каковъ то-есть я въ настоящемъ своемъ естествѣ?.. Хочешь или нѣтъ, говори!

— Ну? послышался голосъ, тоже пьяный, Самсона Самсоныча.

— Нѣтъ, погоди... Слушаешь ты меня или нѣтъ, говори!

— Ну? отозвался опять голосъ Самсона Самсоныча.

— Ну, такъ вотъ-же знай!.. Шкатулку я предоставляю! Слышишь ты это, аль нѣтъ?! Пр-ред-доставлю!!

— Врешь!

— Я вру?..

— Ты врешь!

— Я?!

— Ты!!

Окончанія діалога Дементыха уловить не могла, такъ-какъ ее

опять одолѣла дремота. Сколько времени спустя—неизвѣстно, она вдругъ вздрогнула во снѣ всѣмъ своимъ существомъ и даже прискочила въ испугъ. Близко, подъ самымъ окномъ, прогорланилъ пѣтухъ. Въ то-же время изъ комнаты слышалось:

„Спрятался мѣсяцъ за ту-у-учку...
Онъ больше не хочетъ гуля-а-ать...“

Это тянулъ Бергамотовъ. Къ нему присоединился голосъ Самсона Самсонныча:

„Дайте мнѣ вашу ру-у-учку
Къ пылкому сердцу прижа-а-ать...“

И затѣмъ оба, нестройнымъ и дикимъ дуэтомъ, грянули вмѣстѣ:

„Что намъ до шумнаго свѣ-ѣ-ѣта,
Что намъ до враговъ, до друзе-е-ей?!“

— О, штобъ васъ рѣзорвало!.. Окаянная сила! проскрежетала свирѣпо Дементыха. Но пѣсня вдругъ оборвалась, и старуха по-немногу впала опять въ забытѣе.

Должно-быть, на этотъ разъ, она крѣпко заснула. Пробудилась она вслѣдствіе того, что чуть не грохнулась на полъ со скамейки, при этомъ больно ушибивъ себѣ локоть. Въ кухнѣ было темно и воняло чадохъ погасшей сальной свѣчки.

Она пришла въ себя и прислушалась. Кругомъ было тихо. Сквозъ щель двери въ комнату Самсона Самсонныча еще свѣтился огонь, но прежнихъ звуковъ уже не было слышно, а вмѣсто того раздавался здорovenнѣйшій храпъ...

Она встала, тихонечко пріотворила дверь и заглянула.

На уставленномъ пустыми бутылками столѣ передъ диваномъ пылала въ подсвѣчникѣ обвертывавшая свѣчку бумага, бросая во-кругъ длинныя, пляшущія тѣни предметовъ и, между прочимъ, изображая огромный силуэтъ всклокоченной головы, который тоже плясалъ по стѣнѣ, захватывая притомъ потолокъ. Голова была Самсона Самсонныча, которая покоилась, безъ всякой подстилки, прямо на жесткой ручкѣ дивана, между тѣмъ, какъ одна нога его имѣла горизонтальное положеніе, а другая небрежно ниспадала на полъ. Несмотря на все неудобство такой позы, Трынкинъ храпѣлъ самымъ аппетитнѣйшимъ образомъ, съ присвистомъ, сапомъ и чмоканьемъ. Въ дальнемъ углу, на полу, въ полумрагѣ видѣлась бѣлая фигура Егора Иванныча, который, въ противо-

положность пріятелю, спавшему одѣтымъ, былъ въ одномъ бѣльѣ и резиновыхъ галошахъ хозяина, въ каковомъ видѣ онъ щеголялъ во все время, послѣ того, какъ, придя сюда, снялъ съ себя свое мокрое платье. Онъ лежалъ прямо на голомъ полу, имѣя только подъ головою какой-то комокъ. Онъ не то бредилъ во снѣ, не-то бормоталъ на яву что-то безсвязное, во всякомъ случаѣ, лежалъ спокойно, ерзалъ и дрыгалъ ногами... Въ довершеніе всего колорита, воздухъ былъ проникнутъ табачнымъ чадомъ и спиртными испареніями.

Разсудивъ, что она можетъ условиться теперь до утра, Дементьиха унесла къ себѣ за драпировку пылавшій подсвѣчникъ, при свѣтѣ его раздѣлась, легла, и почти въ ту-же минуту заснула.

Однако расчеты старухи вознаграждать себя крѣпкимъ сномъ до утра за всѣ тревоги этого вечера оказались пока преждевременными. Но, все-таки, сперва она заснула какъ слѣдуетъ и, должно-быть, спала уже порядочно времени, какъ опять пробудилась... Пробудилась она мало-по-малу, ощущая сквозъ сонъ, какъ-будто кто-то къ ней тискается, обвиваетъ руками и дышетъ горячимъ дыханіемъ прямо ей въ ухо... Она открыла глаза... Во мракѣ, рядомъ съ ней, шевелилось что-то длинное, бѣлое, и слышался шорохъ...

— Ай, матушки! Кто тутъ?! закричала въ испугѣ старуха, воспрянувъ съ своего изголовья, и при этомъ ткнулась носомъ въ чье-то лицо.

— Ад-деля... Л-лапк-ка моя... пролепеталъ кто-то, еле раздѣляя слова по слогамъ, въ то-же время, чьи-то губы искали щеку Дементьихи, съ очевиднымъ намѣреніемъ напечатлѣть на ней поцѣлуй...

— Чтой-то, Боже мой!.. Егоръ Иванычъ!.. воскликнула старуха, узнавъ во мракѣ пришельца. — Озорникъ!.. На-кась, что выдумалъ!.. Уходите прочь!

— Ц-цни-пеа... Ад-деля... продолжалъ лепетать Бергамотовъ.

— Уходите, вамъ говорятъ, а не то, чѣмъ ни-попада, такъ и пуцу!! взвизгнула уже во все горло Дементьиха. — Паскудникъ... Ишь, до чего допился!..

Опять послышался шорохъ, на этотъ разъ удаляющійся. Бѣлая фигура исчезла, а затѣмъ раздался грохотъ чего-то упавшаго на-

поль, не то скамейки, не то подсвѣчника и, наконецъ, воцарилось спокойствіе.

Долго послѣ того не могла сомкнуть глазъ Дементыха. Заснула она лишь на разсвѣтъ, но на этотъ разъ безъ всякихъ уже приключеній.

* * *

Утро слѣдующаго дня—этого рокового, неизгладимаго въ памяти дня моей хроники, наступило холодное, вѣтряное. Солнце взглянуло-было на Невѣдомую улицу, но тотчасъ-же зарылось опять въ облака и больше совсѣмъ не показывалось.

Это утро застало Дементыху уже на ногахъ. Мелко семеня по мосткамъ своими старческими ногами и отъ времени-до-времени дѣлая пируэты, чтобы словить конецъ платка, когда налетѣвшій вдругъ вихрь сбрасывалъ его съ головы и, безчинно взвивая то вправо, то влево подоль ея платья, начиналъ подгонять съ заду, старуха торопливо неслась по направленію отъ распивочнаго заведенія Пантелѣя Петрова къ портерной лавкѣ Кудинича...

Туда она вошла совершенно задохнувшаяся и, не сказавъ сидѣльцу ни единого слова привѣтствія, гнѣвно стукнула о прилавокъ двумя, вынутыми ею изъ-подъ платка, пустыми бутылками. Видъ ея былъ совершенно убитый.

— Поправиться, значить... ухмыльнулся Кудиничъ.— Двѣ? Что больно скупо сегодня?

— Скупо? мрачно переспросила Дементыха.— А это-то что?!.. И ставши въ полуоборотъ, она показала Кудиничу выглядывавшее изъ кармана ея платья горлышко полуштофа.— Небось, прибѣгу еще!.. Чуетъ мое сердце, что и сегодня не въ послѣдній еще разъ у тебя... За зальешь-то твоимъ этимъ проклятымъ!.. Эхъ, ужъ хоть-бы Богъ-то, што-ли, меня прибиралъ поскорѣй!.. прибавила съ сокрушительнымъ вздохомъ старуха и, захвативъ пару полныхъ бутылокъ, устремила изъ портерной. По дорогѣ отсюда, она нырнула въ мелочную, за десяткомъ соленыхъ огурцовъ. Въ лавочкѣ уже было нѣсколько дамъ, покупавшихъ то или другое изъ необходимыхъ въстряпнѣ мелочей. Всѣ онѣ осыпали тотчасъ-же старуху вопросами, но та отвѣчала неохотно и односложно, съ тѣмъ-же убитымъ видомъ обративъ взоръ свой на банку, изъ которой приказчикъ, поставивъ ее на прилавокъ, деревянною вилкой

ловить огурцы. При этомъ она нетерпѣливо переминалась на мѣстѣ, какъ-будто спѣша. Только и могли отъ нея добиться, что „еще со вчерашняго пьяны... Самсонъ Самсонычъ и въ должность, какъ жись, не пойдеть“...

— А Бергамотихинъ мужъ? спрашивали Дементыху.

— И Бергамотихинъ мужъ... Тотъ совсѣмъ безъ ума!

Тутъ старуха торопливо выхватила изъ рукъ приказчика протянутый къ ней бумажный, сочившійся, фунтикъ, въ которомъ были завернуты огурцы, впихнула въ карманъ и устремила изъ лавки. Но поставивъ одну ногу на ступеньку лѣсенки, она неожиданно остановилась и, поправивъ обѣ торчащія у нея изъ подъ мышекъ бутылки, обернулась ко всѣмъ находящимся въ лавкѣ и гѣвно и оскорбленно воскликнула, тряся подбородкомъ:

— А ужъ этотъ Бергамотихинъ мужъ!.. То-ись, такъ-кого охальника, такъ-кого поскудника... Ну-у!!..

И, покрутивъ головой, Дементыха скрылась изъ лавки.

Шло дѣловое время Невѣдомой улицы, т. е. именно, когда прекрасная половина ея возилась у печекъ, готова къ обычному часу обѣдъ, а главы семействъ, разбросанные по разнымъ конторамъ, канцеляріямъ и департаментамъ, корпѣли надъ чѣмъ-либо, служащимъ для поддержанія надежды ѣсть этотъ обѣдъ и сегодня, и завтра, и вообще въ теченіи болѣе или менѣе долгаго будущаго. Поэтому, весьма естественно, что вопросъ о томъ, что могутъ дѣлать теперь Бергамотовъ съ пріятелемъ, былъ на это время подавленъ другими, ближайшими интересами дня.

На улицѣ было пасмурно, скучно и, какъ всегда въ эти часы, совершенно безлюдно. Только на углу Испанскаго переулка шумѣла кучка ребятъ, спускавшихъ бумажнаго змѣя...

Но вотъ, съ первымъ звукомъ звякнувшей ложки, въ томъ изъ домовъ Невѣдомой улицы, для котораго, съ приходомъ главы, кончилась дѣловая пора, вопросъ о пріятеляхъ выдвинулся опять изъ забвенія.

Пока на лицо было нѣсколько отрывочныхъ свѣденій. Въ общемъ итогъ оказался только то, что кой-кому случилось, въ теченіи дня, въ тѣ или другіе часы, видѣть Дементыху, которая бѣжала съ бутылками... И только. Между тѣмъ, время шло, и интересы домашняго очага уступили мало-по-малу свое мѣсто интересамъ общественной жизни, такъ-что вопросъ о томъ, что про-

исходить теперь у Дементыхи, получилъ, къ вечеру, ту степень жгучести, которая этому вопросу принадлежала по праву.

Сряду съ наступленіемъ сумерокъ, пространство передъ окномъ Самсона Самсоныча обратилось какъ-бы въ мѣсто гулянья. Одни приходили и, постоявъ передъ спущенной и освѣщенной изъ комнаты шторы, уходили обратно, а мѣсто ихъ заступали другіе. Также, какъ и вчера, штора не давала ни малѣйшей возможности увидѣть, что происходитъ у Самсона Самсоныча, и также, какъ и вчера, всё удалялись ни съ чѣмъ...

Пробовали опять разспрашивать Дементыху, но та, будучи въ крайней степени волненія чувствъ, только махала рукою, или отдѣлывалась сентенціями, совершенно субъективнаго характера и не представлявшими ничего существеннаго въ смыслѣ матеріала для свѣденій.

— ПЬЮТЬ... Охъ, что только дальше будетъ, я и не придумаю!.. Сколько на свѣтѣ живу, пронзительности такой не видала!.. И чего они этииъ самымъ добиться хотятъ, что въ нихъ за причина такая сидитъ—вотъ я чего понять не могу!..

Вотъ и все, что большинство изъ любопытствующихъ могли отъ нея вытянуть.

Впрочемъ, съ нѣкоторыми изъ этихъ любопытствующихъ она была сообщительнѣе. Напримѣръ, кто-то слышалъ отъ нея такія подробности:

— Сперва-то, съ утра, значить, пили и промежь себя разговаривали. О чемъ только суждетъ этотъ былъ у нихъ—я уже сказать не могу... Боязно мнѣ ихъ даже и слушать-то!.. Слышу только, что все у нихъ рѣчь про щикатулку какую-то... И что это имъ за щикатулка такая далась?!.. И вчера цѣлый вечеръ тоже: оба лыка не вяжутъ, а все щикатулка, да щикатулка. Такъ съ языка и не сходитъ!.. Ой, не быть тутъ добру!..

— Я ужъ къ нимъ и не заглядываю... Боясь! сообщала еще кому-то Дементыха,—сйжу да трасусь... Влѣкнуть этта они меня, пошлютъ—побѣгу... Принесу имъ пива, дверь къ нимъ тихонечко чуть-чуть отворю, да въ щелку-то бутылку, къ нимъ значить, просуну, на полъ поставлю—да и тягу скорѣй къ себѣ въ комнату, безъ памяти!.. И сама не пойму, что у меня за страхъ такой къ нимъ, а вотъ сйжу и трасусь... Да и вотъ бѣда-то еще! И съ ними-то страшно, такъ-бы вотъ, кажется, и бѣжала

отъ нихъ безъ оглядки—а уйдешь, сердце опять не на мѣстѣ... Что, какъ они-то, молъ, думается, тамъ безъ меня что ни на есть натворять?.. И трясусь!.. Охъ, то-ись, просто въ омутъ-бы инѣ—и то, кажется, легче!..

Несмотря на все желаніе нѣкоторыхъ проникнуть въ квартиру, съ цѣлью посмотрѣть на Егора Иваныча, хоть въ замочную скважину, хоть краешкомъ глаза, Дементыха ни за что не согласна была того допустить, и на всѣ обращенныя къ ней убѣжденія и просьбы оставалась непреклонна, подобно скалѣ.

По этому поводу случился такой эпизодъ.

Отлучаясь изъ квартиры, Дементыха каждый разъ запирала двери на ключъ. Но почему-то, вѣроятно, вслѣдствіе нарочитаго приступа страха къ пирующимъ, она въ одну изъ этихъ отлучекъ забыла это сдѣлать, и дверь осталась отворенной. Это обстоятельство было скоро замѣчено кѣмъ-то изъ любопытныхъ, продолжавшихъ толпою стоять у окна съ таннственнo опущенной шторой, сообщено тотчасъ окружающимъ—и вотъ гурьба, человѣкъ въ пять или шесть, самыхъ храбрыхъ изъ публики, направилась осторожно въ сѣнцы, на цыпочкахъ прошла черезъ кухню и нерѣшительно остановилась у двери... Наконецъ, кто-то тихонько ее пріотернулъ и заглянулъ. Еще дверь пріотернули, и нѣсколько головъ, налѣзая одна на другую, сразу просунулось въ комнату.

Всѣ эти головы увидѣли слѣдующее.

На столѣ горѣла свѣча и стояли бутылки. На диванѣ лежалъ Трынкинъ. Что касается Егора Иваныча, то онъ, въ эту минуту, стоялъ, какъ разъ, противъ самой двери, покачиваясь и засунувъ руки въ карманы. Случайно-ли онъ тутъ очутился, или слышалъ за дверью шорохъ и подошелъ нарочно—не извѣстно, только онъ сразу увидѣлъ созерцающихъ его любопытныхъ и бросился прямо на нихъ...

Зрители шарахнулись назадъ, въ кухню, и столпились у двери, на случай, если придется бѣжать, но все-таки ждали, что будетъ дальше.

Егоръ Иванычъ остановился въ дверяхъ, между кухней и комнатою Трынкина и въ теченіи двухъ-трехъ секундъ молча разсматривалъ публику, потомъ заговорилъ хриплымъ голосомъ:

— А-а!.. Эфіопское войско!.. Пон-ним-нам!.. Кто васъ подослалъ?.. А?.. Она подослала?.. А?.. Гов-вори, толстом-мордый!!

И „Бергамотихинъ мужъ“ сжалъ кулаки и вдругъ устремился на кого-то изъ публики... Вся гурьба опрометью бросилась вонъ, чуть не сшибивъ съ ногъ Дементыху, которая спѣшила въ квартиру съ двумя бутылками пива...

Кстати надо прибавить, что многими приходилъ въ голову такого рода вопросъ: знаетъ-ли обо всемъ этомъ Анфиса Григорьевна и какъ она къ этому относится?.. На этотъ счетъ никому ничего не было извѣстно. Анфиса Григорьевна сегодняшній день никуда не показывалась, и о какихъ либо мѣрахъ, предпринимаемыхъ съ ея стороны, ничего не было слышно.

Быль уже одиннадцатый часъ вечера. Вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе разъигрывался, задувая фонари Невѣдомой улицы. Въ нѣкоторыхъ домахъ уже погасли огни. Передъ окномъ квартиры Самсона Самсоновича не было теперь ни одного любопытнаго. Наступала та пора, когда всякія тревоги, заботы и волненія, какъ-бы они ни были сильны въ теченіи дня, гаснутъ и уничтожаются передъ владычествомъ сна, а потому и вниманіе Невѣдомой улицы, обращенное на Егора Иваныча, мало-по-малу потеряло свою напряженность.

Въ мѣстномъ клубѣ, т. е. мелочной лавочкѣ, еще сидѣло двое-трое обычныхъ его посѣтителей. Вліаніе поздней поры отражалось и здѣсь. Бесѣда клеилась плохо, самъ лавочникъ безпрестанно позѣвывалъ и чесалъ себя въ разныхъ мѣстахъ, общество собиралось уже разойтись, — какъ вдругъ дверь стремительно распахнулась, и появилась Дементыха, съ двумя пустыми бутылками. На ней лица не было...

— Чтò случилось?! воскликнули всѣ.

Присутствующіе встали и скучились передъ старухой, смотря на нее вопросительно. Даже лавочникъ тоже вышелъ изъ-за стойки и приблизился вмѣстѣ съ другими.

Дементыха сидѣла, подперши щеку рукою, поставленною локтемъ на колѣно, съ устремленными на одну точку глазами, не говорила ни слова и только коротко и глубоко дышала. Такъ прошло нѣсколько секундъ.

— Да чтò случилось-то? Приколотили, что-ли, тебя?.. нарушилъ, наконецъ, кто-то молчаніе.

Старуха, повидимому, не слыхала вопроса, какъ-бы все еще не

придя совершенно въ себя. Наконецъ, спустя еще нѣсколько секундъ, она заговорила слабымъ и медленнымъ голосомъ:

— Сажу сейчасъ въ куфитъ я... Слышу, зоветь...

— Кто зоветь-то?

— Да онъ... Бергамотихинъ-то...

— погоди, остановилъ ее одинъ изъ клубистовъ.— Скажи намъ сперва: кто изъ нихъ пьяный-то больше? Вонъ тутъ у насъ давеча споръ зашелъ, будто Бергамотовъ-то чиновника перепилъ. Говорятъ, что тотъ еще раньше его въ лоскъ былъ готовъ?.. Правда, аль нѣтъ?

— Врутъ, извѣстно! перебилъ горячо другой изъ клубистовъ.— Потому, говорятъ, что видѣли Трынкина, будто онъ на диванѣ лежалъ... Ну, хорошо! И лежалъ! Чтò-жъ изъ того? Почему ему и не лечь? Да коли на то ужъ пошло, такъ я даже такъ вотъ скажу, что Трынкинъ-то одинъ такихъ, какъ Бергамотихинъ мужъ, лакомъ покроетъ, а самъ ни въ одномъ глазѣ не будетъ... Вотъ даже какъ я говорю! заключилъ второй изъ клубистовъ и обвелъ торжествующимъ взоромъ всѣхъ собесѣдниковъ.

— погоди, не пыли... степенно остановилъ его ловочникъ;— вотъ намъ баушка скажетъ.

— А вотъ какъ я скажу, коли знать вы хотите! воскликнула съ неожиданнымъ одушевленіемъ Дементыха.— Самсонъ Самсонычъ-то мой теперича какъ есть, пласть-пластомъ, ни рукой, ни ногой... Слыхали?.. Вотъ вамъ и патерныхъ лакомъ покроетъ. Лежитъ на диванѣ, глаза закрыты... Ну, покойникъ—и кончено! Вотъ вы и знайте! Какъ хотите, такъ и судите, вамъ лучше знать!

Общество молчало, подавленное сообщеніемъ старухи. Посрамленный клубистъ началъ свертывать себѣ папирску.

— Такъ неужто-жъ Бермамотихинъ мужъ одинъ пьетъ? спросилъ нерѣшительно лавочникъ.

— Одинъ!! Походить—да выпьетъ, походить—да выпьетъ... И все что-то бормочетъ, все что-то бормочетъ... Ахъ, какъ только вспомню я, какъ онъ меня сейчасъ напугалъ, такъ даже всякая-то во мнѣ жилка дрожить! воскликнула Дементыха и схватилась опять рукой за щеку.

— Ну, да, такъ чтò было-то? напомнили ей. Ну, сидишь, говоришь, зоветь онъ тебя... Чтò-жъ дальше-то вышло?

— Ну, вотъ, хорошо... Зоветь это онъ... продолжала Де-

ментыка, голосъ которой сдѣлался опять слабымъ и медленнымъ. — Вхожу... Вижу, стоитъ онъ, Бергамотовъ-то, значить, посередь комнаты и глазами поводитъ, словно-бы, сказать, озирается... Стою, молчу... Господи, думаю, чтѣ-то будетъ?.. Только онъ мнѣ и говорить вдругъ: „Ищи!“.. Сказаль и молчитъ. Чтѣ искать-то, спрашиваю, Егоръ Иванычъ, чтѣ вамъ угодно, вы мнѣ только скажите? (Съ ласковостью такой его спрашиваю... Тряусь!) „Щикатулку!“ Каку-таку щикатулку, Егоръ Иванычъ? „А ту, говорить, которую мнѣ Анфиса сейчасъ принесла. Анфиса, говорить, сейчасъ здѣсь была и щикатулку мнѣ показала... Ее и ищи! Господь съ вами, говорю, Егоръ Иванычъ, со всѣмъ и не было здѣсь Анфисы Григорьевны, а одна только на куфнѣ... Къкъ онъ вдругъ заоретъ на меня!... „Не ври!“ оретъ, „вы знать обѣ съ ней за одно! Сейчасъ, говорить, она здѣсь была, вотъ въ дверяхъ этихъ стояла, и щикатулка была у ней на рукахъ... Ищи!“ Чтѣ-жъ это такое? думаю... Или и впрямь приходила сюда Анфиса Григорьевна, а я ее не видала, за драпировкой-то сидючи... Да нѣтъ, опять-же, дверь-то вѣдь заперта, никакими судьбами не могла она быть!.. И думаю такъ, что онъ задремаль и во снахъ, значить, видѣль и Анфису Григорьевну самую, и щикатулку эту проклятую, которая покою-то ему не даетъ. — Егоръ Иванычъ! батюшка! опять говорю ему съ ласковостью, вотъ вамъ образъ, не было здѣсь Анфисы Григорьевны, а все это вамъ, должно быть, привидѣлось... Къкъ онъ опять заоретъ! „Штѣ-о?! Привидѣлось?!“ Да глазищи-то на меня вытаращилъ! Такъ я тутъ и сомнѣла... Царица Небесная, молюсь про себя, Заступница-Матушка! пронеси и помилуй! Потому, думаю, какъ онъ возьметъ да, чѣмъ ни поцало свиснетъ меня по башкѣ... тутъ мнѣ и карачунъ! — Извольте, говорю, Егоръ Иванычъ, буду искать щикатулку... (Чтобы только его успокоить-то, значить!) И стали мы съ нимъ искать щикатулку. Взяль онъ свѣчку, свѣтитъ мнѣ, а я смотрю, ниу вездѣ, лазю... И подъ диваномъ, и подъ столомъ — нѣтъ никакой щикатулки! И подъ комодомъ, и подъ стульями — нѣтъ и нѣтъ щикатулки!.. Видите сами, говорю ему, Егоръ Иванычъ, что нѣтъ ее тутъ... „Ну, такъ она, говорить, знать, у тебя на куфнѣ гдѣ-нибудь спрятана!“ — Извольте, говорю, обшщите! Пошли съ нимъ на куфню, и тамъ вездѣ перешарили... Только тогда и отсталъ! „Знать, говорить, она меня надула“...

— Погоди, перебилъ ее одинъ изъ слушателей, — а Трынкинъ-то что-же? Вѣдь при немъ это было?..

— Говорять тебѣ — пласть! Ни гласа, ни послушанія! Нѣтъ, вы слушайте, что дальше-то будетъ!..

— Ну, ну, говори, говори! поощрили всѣ въ одинъ голосъ рассказчицу.

— Ну, хорошо. Не нашли мы съ нимъ щикатулки-то, значить, только онъ мнѣ потомъ и говоритъ: „Принеси, говоритъ, мнѣ еще двѣ бутылки“... Господи, думаю про себя, да что-жъ это такое будетъ?! Нѣтъ, эдакъ никакъ не возможно! Вижу, что онъ тихій сталъ, въ чувствіе, значить, пришелъ, набралась это я духу и ну его увѣщать: „Егоръ Ивановичъ, батюшка! (и вотъ, видать Богъ, не то, чтобы какънибудь эдакъ, съ сердцемъ, а отъ души, со слезьми увѣщаю!) Батюшка, увѣщаю, зачѣмъ мнѣ за пивомъ ходить? Не будетъ-ли вамъ, бросили-бы вы лучше это пошло проклятое, и что въ немъ скусу?.. Легли-бы лучше, съ Богомъ, спать, говорю... Вонъ, говорю, Самсонъ Самсоничъ-то у меня умникъ какой: спитъ ужъ давно! Послушайте меня, старуху!..“ Сказала это ему, вижу: онъ ничего... Посмотрѣлъ только эдакъ на меня, посмотрѣлъ... да потомъ вдругъ и говоритъ, да и не то, что-бы какъ, а съ тихостью такой говоритъ... (тутъ старуха, для пущей наглядности, понизила свой голосъ до шопота) „Такъ не пойдешь? говоритъ.—А хочешь, говоритъ, я тебя съ ней вмѣстѣ зарѣжу?“.. Какъ онъ сказалъ это мнѣ—такъ я даже свѣта не увидѣла!! Ухватила, значить, я поскорѣй эти бутылки анаемскія, да что было духу безъ памяти—вонъ!.. Вѣгу, какъ шальная, да только молитву творю..

— Ха-ха-ха!.. разразился одинъ изъ слушателей, приведенный въ восторгъ неожиданной развязкой всего повѣствованія Дементьихи.—Вотъ такъ уха-а!

Другіе два слушателя тоже смѣялись. Лавочникъ ухмылялся въ бороду.

Старуха окинула изподлобья глазами развеселившіяся лица присутствующихъ и, молча вставъ со скамейки, начала забирать съ собой бутылки.

— Такъ—такъ и спросилъ, а? Не хочешь-ли молъ, зарѣжу?.. переспросилъ прежній слушатель.—Ха-ха-ха! А тебѣ-бы на это сказать ему...

Но Дементыха уже направлялась угрюмо къ выходу. Взявшись за скобку, она вдругъ обернулась и проговорила обидчивымъ голосомъ:

— Ишь, пасть-то развѣли!.. Небось вамъ-то смѣшно, а вотъ я-бы изъ васъ кого замѣсто себя къ нему посадила!! А ну васъ... Я къ нимъ, какъ къ добрымъ, а они... Провалѣнные, право, провалѣнные!

И старуха съ сердцемъ распахнула дверь лавочки и скрылась во мракъ.

— Не бойсь, баушка, не зарѣжетъ... Что ему въ тебѣ проку! послалъ, въ видѣ утѣшенія, въ догонку ей, веселый слушатель.

Разсказъ Дементыхи послужилъ причиной тому, что клубисты, по уходѣ ея, задержались еще минутъ на десять въ лавочкѣ, бесѣдуя по поводу слышаннаго, а затѣмъ, развѣнявшись съ лавочникомъ пожеланіями спокойной ночи и пріятнаго сна, отправились во свояси.

На улицѣ было темно, какъ въ трубѣ. Горѣли, на большихъ одинъ отъ другого разстояніяхъ, всего на всего два или три фонаря. Остальные были потушены вѣтромъ, который усилился теперь до степени урагана. Только кой-гдѣ, въ немногихъ домахъ, еще свѣтились огни.

Всѣ трое шли въ одну сторону, медленно подвигаясь во мракъ, по мосткамъ, гуськомъ другъ за другомъ. Но не успѣли они и далеко еще дойти до Испанскаго переулка, какъ на нихъ налетѣлъ какой-то человѣкъ, чуть не сшибивъ съ ногъ передняго изъ идущихъ. Чтобы удержать равновѣсіе, послѣдній ухватилъ незнакомца за плечи, и такъ они оба нѣсколько секундъ балансировали, затѣмъ впереди идущій воскликнулъ:

— Э, да это опять она!.. Дементыха!.. Ты, что-ли?

— Я, слышался голосъ старухи, заглушаемый вѣтромъ.

— Экъ тебя разносило!.. Куда ты опять?

— Пустите... Къ ней, къ самой... Къ Бергамотихъ!.. (старуха говорила, задыхаясь, торопливо, прерывисто, да и вѣтеръ заглушалъ многія слова, такъ-что рѣчь ея можно было уловить только ключками). Силь моихъ нѣтъ!.. Опять щикатулка!.. Только успѣла давеча съ пивомъ—а онъ ужь опять... Стоять, молъ, въ дверяхъ, да и кончено, и щикатулка въ рукахъ!.. Опять заста-

виль искать... Не могу!.. Нѣтъ, ужь, какъ она знаетъ... Я изъ силъ выбилась съ нимъ!.. Пустите меня!

И вырвавшись изъ объятій своего вопрошателя, Дементьиха потонула во тьмѣ.

Мы за нею послѣдуемъ.

Явилась она въ домъ Бергамотовыхъ совсѣмъ внѣ себя. Анфиса Григорьевна была уже въ постели, но Харлампій Ивановичъ еще не ложился. Торопливо и безсвязно старуха передала ему о своей настоятельной необходимости видѣть хозяйку, и только-что Анфиса Григорьевна, въ юбкѣ и сѣромъ платкѣ на плечахъ, по которому трепалась маленькая, не больше крысиного хвостика, косичка волосъ, появилась въ дверяхъ, какъ Дементьиха тотчасъ же бросилась къ ней, также торопливо и безсвязно заклиная ее Христомъ-Богомъ взять отъ нея Егора Ивановича. Анфиса Григорьевна, съ нахмуреннымъ, но внимательнымъ видомъ, выслушала эти моленія, равно какъ и разговоръ старухи о поискахъ какой-то шкатулки, и въ отвѣтъ ей сказала, что она ничего тутъ подѣлать не можетъ, да вдобавокъ и ночь теперь на дворѣ, такъ-что обратиться-то даже нельзя никуда, ибо всѣ спятъ...

— Не драться-же мнѣ съ нимъ! прибавила холодно Анфиса Григорьевна и направилась изъ комнаты.

— Матушка! Да мнѣ-то что съ нимъ подѣлать, скажите вы, Христа-ради! закричала ей въ догонку Дементьиха, въ совершенномъ отчаяніи.— Вѣдь онъ ужь меня зарѣзать грозился... Да и васъ со мной вѣстѣ.

Совсѣмъ уже уходившая-было, Анфиса Григорьевна, при этихъ словахъ остановилась и, обернувшись къ старухѣ, презрительно воскликнула:

— Меня?... Ха!.. Ну, еще это посмотримъ!.. Не безпокойся, никого не зарѣжетъ... и съ этими словами скрылась изъ комнаты.

— Матушка!.. Анфиса Григорьевна! жалобно, чуть ужь не плача взмолилась старуха.— Да какъ-же насчетъ шкатулки-то?! Хоть вы это-то только скажите!!

— Ничего я не знаю! донесся изъ темноты слѣдующей комнаты удаляющійся голосъ Анфисы Григорьевны.— Кто его напоилъ, у того и спроси!..

Затѣмъ старуха услышала стукъ запертой двери.

Она была совершенно убита.

Она плелась домой точно во снѣ, инстинктивно угадывая во мракѣ дорогу. Вѣтеръ валилъ ее съ ногъ, трепалъ ея волосы и билъ ими ее по лицу, давно сбросилъ съ головы платокъ, одинъ конецъ котораго тащился сзади нея по землѣ; она ничего этого не чувствовала, вся подавленная перспективой тѣхъ таинственныхъ ужасовъ, которые ей готовятся дома, въ сосѣдствѣ съ Егоромъ Иванычемъ. Вдругъ, неожиданно въ ней создалось рѣшеніе, которое нѣсколько ее успокоило.

Придя къ себѣ, она, первымъ дѣломъ, подошла къ дверямъ страшной комнаты, тихонько сдѣлала щель и заглянула. Тамъ все оставалось по-прежнему. Трынкинъ лежалъ на диванѣ и не шевелился, какъ мертвый. Бергамотовъ ходилъ, не переставая, отъ одной стѣны до другой, часто отбрасываясь въ ту или другую сторону, но утверждаясь опять на ногахъ, упорно держась притомъ прямой линіи и по временамъ дѣлалъ руками какіе-то знаки... Уловивъ одинъ такой знакъ, старуха затрепетала отъ ужаса и отскочила отъ двери.

— Святъ, святъ, святъ! Помни Господи царя Давида и всю кротость его... прошептала помертвѣлыми губами Дементыха и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, со словами: „Господи благослови!“ приступила къ своимъ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Собравъ всю наличность своихъ старческихъ силъ, она передвинула кухонный столъ и загородила имъ дверь. Затѣмъ, на этомъ столѣ помѣстившись всѣмъ изъ имѣвшихся въ кухнѣ удобо-переносимыхъ предметовъ, обладавшихъ при этомъ болѣею или меньшею тяжестью. Поставленъ былъ на столъ самоваръ. Перетащено, потомъ поднято съ большими усиліями и поставлено рядомъ съ нимъ ведро съ водою. За этими предметами послѣдовала: все оставшееся отъ принесенной утромъ вязанки количество дровъ, двѣ вострюли, утюгъ, кочерга, табуретъ и, въ довершеніе всей этой коллекціи, даже кирпичъ...

Кончивъ сооруженіе баррикады, Дементыха сѣла затѣмъ на кровать, вооруженная двумя рѣшеніями: во-первыхъ, не спать во всю ночь, во-вторыхъ — оставаться глухой во всему, что бы ни стало твориться въ сосѣдней комнатѣ, не слушать и не отзываться на призывы Егора Иваныча, чѣмъ-бы они ни сопровождались: угро-

зами-ли, бранью или хотя-бы даже мольбами... Дверь изъ сѣней на улицу она оставила не запертой и даже нарочно отворенной настежь, съ цѣлію легчайшаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, при первой надобности, буде она представилась-бы...

Старуха сидѣла неподвижно, какъ монументъ, вся обратившись въ одно напряженное вниманіе и ожиданіе. Въ кухнѣ стояла тишина. Пламя свѣчки не колыхалось, и красный язычекъ его казался застывшимъ. Въ трубѣ то гудѣлъ угрожающе, то словно плакалъ жалобно вѣтеръ, со свистомъ и воемъ бушуя на улицѣ, потрясая стеклами и хлопя ставнями оконъ...

И вдругъ, среди тишины раздались трескъ, грохотъ и крикъ — все вмѣстѣ, одновременно, слившись въ одною оглушительномъ звукѣ!

Дементыха оцѣпенѣла на мѣстѣ... Потому она инстинктивно спустилась съ кровати на полъ и замерла, сидя на корточкахъ, въ холодномъ, паническомъ ужасѣ.

Это разрушалась ея баррикада!

Среди разныхъ звуковъ, производимыхъ составлявшими ее элементами, слышались проклятія Егора Иваныча, карабкавшагося между ведромъ, вострулей и полѣньями дровъ — а затѣмъ раздался его крикъ:

— Ага!.. Врешь!.. Теперь не уйдешь!.. Договорю!!..

Въ ту-же минуту послышался топотъ ногъ, пробѣжавшихъ мимо драпировки по кухнѣ, по направленію къ сѣнямъ — и потомъ все утихло.

Полумертвая отъ страха, Дементыха сидѣла и не дышала, ожидая, что будетъ дальше. Но дальше ничего не случилось. Было тихо.

Тогда она вылѣзла изъ своего убѣжища и, взявъ дрожащею рукою свѣчу, рѣшилась осмотрѣть мѣсто, гдѣ произошло страшное дѣло.

Кухонный столъ былъ опрокинутъ, самоваръ на боку, дрова разбросаны въ разные стороны, и вода изъ ведра широкимъ ручьемъ текла по полу...

Егоръ Иванычъ исчезъ. Дверь кухни была распахнута настежь и въ нее неслись изъ мрака вой и свистъ урагана...

* * *

Сильный ударъ со двора потрясъ дверь въ сѣняхъ Бергамотовныхъ...

Всѣ спали первымъ вѣпкимъ сномъ. Ударъ повторился, потомъ перешелъ въ частую дробь.

Но сонъ продолжалъ держать въ своихъ сладкихъ оковахъ все населеніе дома. Тогда дробь прекратилась, а вмѣсто нея послѣдовалъ снова ударъ — на этотъ разъ ударъ страшный и оглушительный, которымъ дверь снимается съ петель.

Давно уже начавшая ощущать во снѣ какое-то безпокойство, кухарка Бергамотовныхъ, Мавра, на этотъ разъ пробудилась и, свѣвъ на своемъ ложѣ, прислушивалась.

Удары въ дверь продолжали сыпаться, одинъ за другимъ, съ прежней силой. На этотъ разъ они раздавались методически, съ промежутками, словно наносившій ихъ задался намѣреніемъ разнести дверь во что-бы ни стало. Слышно было, какъ онъ, стоя въ сѣняхъ, что-то бормоталъ и ругался.

Черезъ минуту пробудилась и Анфиса Григорьевна. Пробудилась она отъ толчка. Передъ нею стояла Мавра, со свѣчкой въ рукѣ, съ лицомъ бѣлѣ платка и лепетала:

— Идешь!

Анфиса Григорьевна воспрянула на постели и тоже услыжала удары, разносившіеся въ ночной тишинѣ по всему дому. Она тотчасъ-же поняла и кратко сказала:

— Поди, отвори!

— Ой, матушка, страшно...

— Дурища! Буди Харлампія Иваныча!

Мавра устрежилась изъ комнаты, а затѣмъ сладко спавшій Харлампій Иванычъ тоже получилъ толчокъ въ бокъ и услышалъ отъ стоявшей передъ нимъ со свѣчкой Мавры:

— Идешь!

— Идешь... шептали двое мальчиковъ-учениковъ, спавшіе въ мастерской.

Удары все сыпались въ дверь.

Моментально дѣло приняло такой видъ:

Мавра стояла въ сѣняхъ у двери, со свѣчкой. Анфиса Григорьевна съ однимъ платкомъ на плечахъ, и тоже со свѣчкой, стояла у двери между сѣнями и кухней. Ученики выглядывали

изъ дверей мастерской. Изъ другихъ дверей, ведущихъ въ его коморку, тоже въ дезабилье, вылъзалъ, зѣвая и моргая сонными глазами, Харлампій Ивановичъ:

(Должно прибавить, что вся эта метаморфоза произошла въ несравненно-кратчайшее время, чѣмъ то, которое вы употребили, чтобы прочесть предъидущее).

Удары продолжали сыпаться въ дверь.

Мавра не отворяла и смотрѣла выжидательно на Анфису Григорьевну. Анфиса Григорьевна смотрѣла на Мавру... Наконецъ, Анфиса Григорьевна сдѣлала знакъ. Мавра перекрестилась, отодвинула щеколду, затѣмъ со всѣхъ ногъ бросилась въ кухню и стала по другую сторону дверей...

Въ ту-же минуту въ сѣняхъ раздался шумъ быстрыхъ шаговъ, и при свѣтѣ направленныхъ на него съ обѣихъ сторонъ двухъ свѣчей появился Бергамотовъ...

Онъ былъ безъ шапки. Нечесанные волосы стояли копромъ. Пиджакъ и брюки были скомканы до послѣднихъ предѣловъ возможно. На ногахъ были резиновые калоши Самсона Самсоныча. Онъ былъ блѣденъ, какъ трущъ, и глаза его дико блуждали.

Онъ стоялъ и озирался. Всѣ молчали. Анфиса Григорьевна пристально смотрѣла въ лицо Егору Ивановичу. Мавра охала и тоже про себя творила молитву.

— А! Восчувствовали?! протянулъ вдругъ Егоръ Ивановичъ и подперся фертонъ. Затѣмъ взглядъ его упалъ на Анфису Григорьевну.—Я тебѣ покажу какъ дразнить! Гдѣ шкатулка, которую ты мнѣ показывала? Ты будешь еще дразнить меня? А?..

Онъ остановился и вперилъ въ жену воспаленный взглядъ.

Въ это время, стоявшій за спиной Анфисы Григорьевны, Харлампій Ивановичъ шепталъ ей:

— Ключъ давайте скорѣй... Гдѣ онъ у васъ?

Анфиса Григорьевна, не оборачиваясь, молча протянула за спину руку и передала что-то Харлампію Ивановичу. Тотъ тихо, вдоль стѣны, бокомъ къ Егору Ивановичу, направился къ двери и скрылся въ сѣняхъ.

Бергамотовъ замѣтилъ этотъ маневръ своего закройщика и заговорилъ:

— А ты что? Забылся? Не знаешь, какъ своего хозяина

долженъ встрѣчать? Погоди у меня! Ты не знаешь кто я! Те-переча я все переверну!.. Ха-ха! Удив-витесь! У меня отъ самого Эфіопскаго царя посольство было, а вы што?! Почитать... Тр-репетать...

Онъ не могъ кончить, потому-что въ эту минуту чьи-то руки ухватили его сзади и подняли на воздухъ. Онъ увидѣлъ рядомъ со своимъ лицомъ лицо Харлампія Иваныча, который его сгрѣбъ въ охапку и перевернулъ въ воздухѣ. Бергамотовъ сталъ отби-ваться, вцѣпившись въ волосы закройщика и дрыгая со всей силы ногами, но объятія того держали его какъ въ желѣзныхъ клещахъ... Егоръ Иванычъ увидѣлъ, какъ стѣны, печь, Анфиса Григорьевна и Мавра со свѣчками, двинулись мимо него, опи-савши окружность, затѣмъ все это исчезло, на встрѣчу ему выступилъ мракъ отворенной двери, за которую онъ схватился было руками, но онъ опустились безсилно, какъ плети...

Потомъ желѣзныя объятія пронесли его нѣсколько шаговъ въ темнотѣ, поставили на ноги, и въ концѣ-концовъ онъ услышалъ стукъ захлопнутой двери.

.

Послѣ того, какъ дверь захлопнулась за Егоромъ Иванычемъ и онъ очутился во мракѣ, онъ машинально сдѣлалъ два-три шага, обо что-то запнулся и грохнулся на земь.

И вотъ онъ лежитъ и соображаетъ, пытаясь разсмотрѣть окру-шающее... Ни зги не видать!

Что, бишь, было?.. Да. Онъ шелъ вмѣстѣ съ Трынкинымъ и говорилъ съ нимъ про Аделю... „Трынкинъ!“ зоветъ Бергамо-товъ.

!

Возмолвіе... Трынкинъ ушелъ. Ну, да, ушелъ, Егоръ Иванычъ хорошо это помнить... Онъ еще спросилъ у него: „Остаешься?“.. Гм! Что тутъ такое?

И, лежа прижавшись къ ножкамъ кровати, какъ думается Бер-гамотову, онъ ощупываетъ ладонью что-то висящее съ боку... Мягкое будто... Платье, такъ и есть!.. Теперь онъ понимаетъ. Аделя вышла, онъ заснулъ, а Анфиса его столкнула съ кроват-и... Ревнуетъ! Ха-ха-ха... Туда-же! Крыса ободранная!

И совсѣмъ не то, а просто-на-просто онъ на улицѣ и лежитъ

на мосткахъ. Ишь, какъ вѣтеръ-то задуваетъ! Однако, оно тутъ тово... неудобно! Надо състь.

— Извозчикъ! крикнулъ Бергамотовъ.

Тихо... Ну, и чортъ съ нимъ!

Фу, и усталъ-же онъ... Да и ужасно неловко лежать такъ. Палка какая-то съ боку... Положительно, надо състь. Что тутъ? А, полѣвно! Отлично.

Егоръ Иванычъ садится.

Тсс... Тихе!.. Вонъ тамъ кто-то шепчетъ:

— Егоръ Иванычъ... Егоръ Иванычъ... Егорушка, бутончикъ мой!..

Адела! Она!..

— Иду!!

Но только онъ никакъ не въ состоянїи встать. Лишь приподнимется онъ немного съ своего сѣдалища, какъ ослабѣвшія ноги валятъ его обратно на мѣсто. Егоръ Иванычъ въ отчаянїи. Адела не видитъ его и уйдетъ!

— Я здѣсь, силится прошептать Бергамотовъ и не можетъ, потому-что языкъ его точно прилипъ.

Но вотъ внезапно онъ оказывается вдругъ на ногахъ. Рядомъ съ нимъ Трынкинъ, который ведетъ его подъ-руку, и все существо Егора Иваныча переполняется глубокой къ нему благодарностью.

Оба молчать и подвигаются дальше, по Невѣдомой улицѣ, къ Малой Невѣ. Бергамотовъ ни о чемъ не спрашиваетъ своего провожатаго, потому-что знаетъ, куда тотъ ведетъ его.

Они идутъ осторожно. Нигдѣ не видно огня, точно всѣ спятъ, но имъ обонянь известно, что за каждымъ окномъ сидитъ кто-нибудь и сторожить, когда они пройдутъ мимо. Но они изловчатся проходить незамѣтно, и каждый разъ Бергамотовъ чувствуетъ, какъ сердце его замираетъ, но, въ надеждѣ, что Самсонъ Самсонычъ не выдастъ, онъ опять ободрается.

Они приходятъ къ Малой Невѣ. Ихъ уже ждетъ сидящїй въ аликѣ перевозчикъ. Когда прїатели садятся, онъ берется за весла.

Онъ сидитъ къ нимъ спиною, хотя такое положенїе и не по правилу, но это такъ нужно. Оба весла мѣрно и дружно поднимаются и опять погружаются въ воду... Разъ-два! разъ-два! слы-

шится звукъ ихъ въ безмолвіи ночи. Зачѣмъ прячетъ отъ нихъ лицо свое перевозчикъ? Это до крайности подозрительно Бергамотову. Онъ хочетъ спросить о томъ Трынкина, но тотъ быстро наклоняется къ уху Егора Иваныча и шепчетъ ему:

— Тсс... Молчи. Онъ не знаетъ...

Они встаютъ и выходятъ. Передъ ними подъѣздъ и красный фонарь. Они входятъ. Никто ихъ не встрѣчаетъ. Комната, и въ ней ни души. Затѣмъ лѣстница вверхъ. Они поднимаются. Тамъ опять комната, а отъ нея опять лѣстница. Они идутъ дальше. Вездѣ комнаты, лѣстницы, комнаты, лѣстницы... Кажется, конца имъ не будетъ! Да что это, каланча, что-ли, какал? И нигдѣ ни души.

Они поднялись уже на самую вышку. Тамъ тоже опять никого. Нѣтъ даже мебели. Только въ углу стоитъ кровать, а на ней кто-то лежитъ, покрытый весь, съ головой, одѣяломъ.

Фигура лежитъ неподвижно, точно спитъ. Вокругъ мертвенно тихо.

Бергамотовъ угадываетъ, что это Аделя. Онъ хочетъ броситься къ ней, но Самсонъ Самсонычъ останавливаетъ его движеніемъ руки и, дѣлая знакъ, чтобы онъ соблюдалъ тишину, медленно, тихо, на цыпочкахъ, какъ-бы изъ опасенія разбудить, подходитъ къ кровати. То-же самое дѣлаетъ и Бергамотовъ.

Трынкинъ становится въ ногахъ. Егоръ Иванычъ у изголовья. Спящая подъ одѣяломъ фигура продолжаетъ лежать неподвижно.

Трынкинъ взглядываетъ на Бергамотова и молча дѣлаетъ ему знакъ рукою. Тотъ понимаетъ, что это значитъ, и тихо, чуть прикасаясь, беретъ за край одѣяла, покрывающій лицо спящей фигуры, и медленно его открываетъ...

Обнаруживается голова. Лица не видать, потому-что оно обращено къ стѣнѣ... Но вотъ голова шевельнулась, медленно приподнялась съ подушекъ и тихо-тихо начинаетъ оборачиваться къ Егору Иванычу... Тотъ наклоняется ближе — и въ ту-же минуту глаза лежащей фигуры стремительно, прямо въ упоръ, взглядываютъ въ лицо Бергамотову, и тотъ узнаетъ въ ней Анфису!..

— Ха, ха, ха! заливается Трынкинъ насмѣшливымъ хохотомъ.

Бергамотовъ вздрагиваетъ всѣмъ своимъ существомъ и приходитъ въ себя.

Все пропало изъ глазъ. Онъ одинъ. Кругомъ по-прежнему вракъ. Его бьетъ лихорадка.

Что это съ нимъ было сейчасъ?.. Видѣлъ-ли онъ это во снѣ?.. Все это было такъ явственно... И Егоръ Иванычъ чувствуетъ, какъ мурашки пробѣгаютъ у него отъ корней волосъ по спинѣ, и сердце сжимается безотчетнымъ, паническимъ ужасомъ.

Да, онъ одинъ. Кругомъ глубокая ночь. И вотъ безъисходное, щемящее чувство полного одиночества, полной незащитности и какой-то потерянности охватываетъ Егора Иваныча, и въ то же самое время безотчетный, паническій страхъ передъ чѣмъ-то невидимымъ, передъ какими-то неизвестными, враждебными силами, которыя словно вѣютъ надъ нимъ своими холодными крыльями и удалить которыя вѣ его воли, пуще и пуще овладѣваетъ всѣмъ существомъ Бергамотова.

И вотъ онъ слышитъ шаги... Онъ явственно слышитъ, какъ кто-то тихо подкрадывается къ нему все ближе и ближе, точно ищетъ его въ темнотѣ, только сразу не можетъ найти. Но Егоръ Иванычъ знаетъ, что онъ въ-концѣ-концовъ найдетъ его все-таки, и знаетъ также, *кто* его ищетъ... Онъ спрашиваетъ:

— Это ты?

— Я, отвѣчаетъ ему голосъ Самсонъ Самсоныча.

Теперь онъ подходитъ и садится съ нимъ рядомъ. Лица его не видать.

Егоръ Иванычъ спрашиваетъ:

— Это ты шелъ за мной давеча?

— Я.

— Зачѣмъ ты скрывался?

Трынкинъ, вмѣсто отвѣта, смѣется тихенькимъ смѣхомъ.

— Ты меня ждалъ?

— Да, и все видѣлъ...

— Холодно, приноситъ, немного погода, Бергамотовъ и дрожить нервическою дрожью.

Трынкинъ придвигается ближе, обвиняетъ его шею рукою, какъ-бы желая согрѣть своимъ собственнымъ тѣломъ пріятеля, и въ ту-же минуту Егоръ Иванычъ лишается всякой воли и силъ, и Трынкинъ можетъ дѣлать съ нимъ все, что угодно.

— Анфиса тебя выгнала изъ дому? слышитъ Бергамотовъ вопросъ Самсона Самсоныча.

— Выгнала, отвѣчаетъ ему Бергамотовъ, и старая ненависть противъ жены заливаешь всю его душу.

Трынкинъ наклоняется и шепчетъ ему какое-то слово, и Бергамотовъ чувствуетъ, какъ это коварное слово точно обожгло его ухо...

— Не могу, говорить онъ въ безсиліи.

— Отчего ты не можешь?

— Страшно, шепчетъ, дрожа, Бергамотовъ.

— Хм... Тебя не скоро-то уломаешь. Мы съ тобой вѣдь друзья?

— Ты мой первѣйшій другъ, безпрекословно соглашается съ нимъ Бергамотовъ.—Только почему на тебѣ теперь шерсть?..

— Помнишь, какъ мы были мальчишками?

— Помню.

— А помнишь, какъ поступилъ ты въ ученье, и все... Ты таковъ-ли тогда былъ?.. Кто тебя погубилъ?..

Бергамотовъ молчитъ и скрежещетъ зубами. Трынкинъ опять наклоняется и шепчетъ свое прежнее слово.

— Боюсь, отвѣчаетъ со страхомъ ему Бергамотовъ.

— Врешь! Жаль, небось! Да развѣ все это твое? Принадлежитъ-ли тебѣ здѣсь хоть единая щепка? Видалъ-ли ты отъ нея хоть копѣйку? Вѣдь она на спинѣ твоей ѣздитъ, да надъ тобой-же сама издѣвается... Такъ или нѣтъ?

И, наклонясь опять къ уху пріятеля, Трынкинъ шепчетъ ему:

— Мы одни... Я никому не скажу, и никто не узнаетъ. А какъ славно-то выйдетъ!.. Она теперь надъ тобой вотъ натѣшилась, дрыхнетъ, не чуетъ, небось, чтó ей можетъ готовиться — и вдругъ этотъ подарочекъ! Ха-ха-ха! Замѣчательно!.. Тò-то вскопить, тò-то благимъ матомъ завоюетъ... Восторгъ!.. Да и удобно-то какъ! Вѣдь мы подъ крыльцомъ... Тутъ всякой дряни навалено... Не составитъ большого труда! Чикъ — и готово... Вѣдь ты ее всю, со всѣми ея потрохами, держишь въ рукахъ! Подумай!.. И дожъ этотъ самый, и шкатулка, и все, изъ-за чего она сквалыжничала, тряслась, чужую жизнь заѣдала — все, все пра-

хоть поидеть!! Завоеть-то, завоеть-то какъ!! Вѣдь это, чортъ возьми, что за прелесть! Ха-ха-ха-ха!..

— Ха-ха-ха-ха! хохочетъ за нимъ Бергамотовъ.

И вдругъ, точно поднятый какой-то невѣдомой силой, онъ стоять теперь на ногахъ. Въ рукахъ его спички. Все это входитъ какъ-то такъ, само собою, точно не онъ это дѣлаетъ, а Тринкинъ за него, который взялъ его руку, вложилъ въ нее спички и исполняетъ вмѣсто него всѣ движения, потому-что всѣ собственныя силы и способности Бергамотова сосредоточились только на томъ, чтобы ждать, что выйдетъ дальше...

Въ темнотѣ засвѣтился маленькій голубой огонекъ... Вотъ онъ разрастается ярче, переходя въ золотистый и освѣщая на небольшомъ пространствѣ предметы... Что тутъ такое? А, это узелъ, и въ немъ какія-то тряпки. Это отлично можетъ горѣть... И огонекъ побѣжалъ игривою, злорадною струйкой, то на мигъ пропадая, то снова показываясь, но усиливаясь все больше и больше — и вотъ огонь нахально лизнулъ багровымъ языкомъ темноту и заплясалъ, торжествуя...

Красный отблескъ упалъ на предметы. Показался бокъ какой-то корзины, картонки, заигралъ свѣтлый бликъ на стеклянной поверхности банки, широкая тѣнь отъ чего-то большого и черного задвигалась рядомъ, а тамъ, въ углу, блеснули двѣ какихъ-то золотыхъ полосы, и между ними выступилъ генералъ, съ шитымъ воротникомъ выше ушей и преогромнѣйшимъ едомомъ, и заколыхался въ отблескѣ пламени, какъ-бы намѣреваясь броситься на Егора Иваныча...

Гдѣ-же онъ, Бергамотовъ? Развѣ не во дворѣ, подъ крыльцомъ?..

Огонь охватилъ бокъ картонки, перебѣжалъ ниже, къ карнизу, исчезъ на минуту въ облачкѣ дыма, между стѣнной и какими-то круглымъ, продолговатымъ предметомъ, показался опять, разросся — и вдругъ большимъ краснымъ столбомъ взвился вверхъ... Въ ту-же минуту произошло нѣчто ужасное.

Съ трескомъ, шипѣньемъ и сиродомъ, огненный столбъ вдругъ распался, что-то лопнуло, звякнуло — и затѣмъ цѣлая лава огня потекла на землю, посылая повсюду ручьи, зажигая все, на пути попадающееся...

И вотъ словно нѣкая чешуя спала съ глазъ Егора Ивановича!.. Весь дурманъ, всѣ миражи и призраки, весь миръ дикихъ идей, который держалъ его въ полону эти три дня, наконецъ, это самое послѣднее бѣсовское навожденіе — все исчезло, словно никогда не бывало, замѣнившись однимъ леденящимъ ужасомъ душу призракомъ нескондой бѣды. Это произошло въ одно мгновеніе ока. И въ одно мгновеніе ока онъ понялъ, что онъ не во дворѣ, подъ крыльцомъ, и Трынкинъ не съ нимъ, какъ ему представлялось, а онъ одинъ-одинѣхонекъ, запертый на ключъ въ кладовой, поджегъ самъ себя...

Онъ былъ весь въ огнѣ. Лопнувшая бутылъ съ керосиномъ зажгла на немъ платье.

Ослѣпленный, пылающій, задыхаясь отъ жара и дыма, онъ бросился къ двери и, съ нечеловѣческимъ воплемъ: „спасите!“ принялся потрясать ее своимъ тѣломъ... „Спасите!“ хотѣлъ онъ крикнуть еще разъ, но губы смогли издать только шопотъ; поднятая къ двери рука сдѣлала безсильное движеніе въ воздухъ и упала, какъ плеть, — а затѣмъ „Бергамотихинъ мужъ“ безъ чувствъ грянулся на земь...

* * *

— Горимъ!!

Это былъ, въ ту ночь, вопль ужаса и отчаянія всей Невѣдомой улицы...

Тутъ я чувствую, что перо мое становится совершенно безсильно. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, простому изобразителю будничной жизни небольшого кружка мелкихъ лицъ живописать однимъ взмахомъ такіе моменты, какъ вся раздробленная масса отдѣльных существованій большого или меньшаго количества человѣческихъ группъ, представлявшихъ доселѣ каждая свой самоцѣльный, заключенный въ самомъ себѣ миръ, сливается какъ одинъ человѣкъ въ одномъ общемъ воплѣ въ години общественныхъ бѣдствій, въ родѣ потопа, огня, меча или нашествія иноплемennыхъ? Изображеніе такихъ стихійныхъ бѣдъ, потрясающихъ жизнь большихъ человѣческихъ обществъ, пожалуй, еще благодарнѣе для описателя. Тутъ яркость красокъ можетъ искупить недостатокъ деталей: кровь, вопль, звонъ мечей, подвиги доблести и проч. — все это

можетъ придти ему на подмогу, чтобы заставить звучать струны сердце страхомъ или жалостью... Но что вы прибавите дѣлать, чтобы добиться такихъ результатовъ, когда матеріаломъ служитъ только лишь муравейникъ, неизвѣстно кѣмъ развороченный, за минуту, можетъ, передъ тѣмъ, какъ вы проходите мимо, отдаваясь впечатлѣніямъ звуковъ и красокъ роскошнаго лѣтнаго полудня, въ то время, какъ тамъ, въ сторонѣ, въ нѣдрахъ незамѣченнаго вами разореннаго миниатюрнаго царства—бѣготня, суматоха, отчаяніе, словомъ, все то, что совершается ежесекундно, здѣсь или тамъ, въ предѣлахъ великаго Божьяго міра?.. Да, я знаю, что описаніе мое должно не удался, и потому буду только констатировать факты.

Загорѣлось у Бергамотовыхъ. Это подтвердилъ и городской нашъ, Потаповъ, единственный изъ первыхъ свидѣтелей, видѣвшихъ начало пожара, не потерявшій тогда головы.

Ночь, какъ извѣстно, была бурная. Вѣтеръ, весь день дувшій со взморья, къ вечеру усилился и проносился ураганомъ по Невѣдомой улицѣ, потрясая кровли домовъ и гремя желѣзными досками вывѣсокъ. Всѣ фонари были погашены. Крошечная тьма царилъ во всемъ околоткѣ.

Потаповъ, въ ту ночь дежурный, по обязанности блюстителя спокойствія и благочинія, обрѣтался на улицѣ, подъ греческимъ фронтономъ своей будки, находившимся съ подвѣтренной стороны. Какъ всякій смертный, онъ поддакъ сладкимъ чарамъ Морфея—и спалъ. Спалъ онъ крѣпко, даже и сонъ видѣлъ какой-то, какъ вдругъ—словно что его подъ локоть толкнуло (такъ самъ онъ рассказывалъ)! Онъ проснулся, взглянулъ и увидѣлъ...

А увидѣлъ онъ вотъ что.

Всѣ окна дома Бергамотовыхъ свѣтились, бросая на противоположную сторону улицы багровое зарево и отражаясь на лужахъ. Въ этомъ заревѣ металась силуэты людей, слышались крики, звѣли лопающіяся оконныя стекла... На минуту бѣло-сизое облако дыма застлало всю эту картину и снова разсѣвалось. Пламя рванулось изъ оконъ, добираясь до крыши, и въ немъ освѣтились золотыя литеры вывѣски съ надписью „Шортной Бергамотовъ“ и изображенія мундира съ красною грудью и какъ бы летящаго по воздуху фрака... Золотыя струйки огня уже мелькали сквозь

крышу... Еще немного — и она была вся охвачена пламенными языками, которые метались, плясали и какъ-бы схватывались въ свирѣпой борьбѣ съ массами иѣшавшаго имъ разгуляться бѣло-сизаго дыма; а въ этой игрѣ мутно-багроваго освѣщенія, то пропадавъ въ густой пеленѣ, то опять вырисовываясь, двѣ бѣлыхъ трубы мелькали на крышѣ, какъ призраки... Но вотъ огонь на крышѣ исчезъ, какъ-бы уступивъ пока въ борьбѣ свое мѣсто дыму и избравъ другой путь нападенія; въ то-же время крыша осѣла, перегнувшись посрединѣ внутрь, и съ трескомъ и грохотомъ рухнула, испустивъ исполинскій снопъ искръ. Въ ту-же минуту весь домъ запылалъ какъ костеръ. Огненный столбъ освѣтилъ темное небо, какъ-бы подавая этимъ сигналъ къ разгрому Невѣдомой улицы...

Вѣтеръ отъ моря дулъ неослабно. Теперь налетѣлъ ураганъ и покрылъ огненной пеленою ближайшіе дома... Тотчасъ-же занялся второй изъ сосѣднихъ и почти одновременно третій.

Въ районѣ пожара было свѣтло, точно днемъ. Тутъ сновали полуодѣтые, обезумѣвшіе отъ отчаянья люди... Валялась мебель, подушки, посуда—все набросанное въ одной безпорядочной грудѣ. Вѣтеръ металъ и перепутывалъ вещи, унося съ собой въ темноту, что ему попадалось подъ силу. Кто тащилъ въ общую вучу что удавалось спасти, кто кричалъ и совался безъ толку, какъ угорѣлый, кто просто стоялъ истуканомъ, въ полной потерянности. На какомъ-то ящикѣ сидѣла маіорша Мягкоѣлова, въ одной юбкѣ и кофтѣ, прижавъ къ груди, какъ нѣкую драгоценность, старую кофейную мельницу и смотря на огонь неподвижнымъ и бессмысленнымъ взоромъ... — Господи Иисусе Христе! Владычица Пречистая! Спаси и помилуй! шепталъ кто то... Кто-то рыдалъ... Промелькнула и скрылась во мракѣ, съ уставленнымъ неподвижно впередъ потераннымъ взоромъ, простоволосая, въ салопѣ и однихъ чулкахъ, погорѣлая Анфиса Григорьевна...

Толпа росла постепенно. Были и просто зѣваки, безъ которыхъ не обходится ни одинъ пожаръ, гдѣ-бы и когда-бы онъ ни случился. Подѣхалъ даже на извозчикѣ какой-то субъектъ, въ пальто и цилиндрѣ. Онъ былъ, кажется, выпивши и успѣлъ уже съ кѣмъ-то ругнуться. Онъ стоялъ на пролеткѣ, упираясь въ спину извозчика, и тоже смотрѣлъ на пожаръ.

Тамъ дальше, во мракъ, тоже шла суматоха. Сновали, кричали и сталкивались, натываясь въ потьмахъ, выбирающіеся изъ домовъ, въ ожиданіи нашествія грозной стихіи, вскочившіе только что со сна, испуганные полуодѣтые люди... И тамъ воздвигалась баррикада изъ всякаго скарба, съ которымъ хозяйничалъ вѣтеръ.

А огонь все продолжалъ свое дѣло. Теперь пылалъ уже пятый домъ. Тихо шипя и потрескивая, ровно и дружно, какъ факелы, горѣли акаціи палисадника... Крыша была изъ желѣза и противостояла огню. Наконецъ, она колыхнулась, осѣла сперва одной своей стороною, потомъ и другою—и грохнулась въ пекло. Теперь на огненномъ фонѣ стояла одинокая тѣнь высокой трубы. Но вотъ и она закачалась; затѣмъ верхняя часть ея стала сгибаться, будто кланаясь ниже и ниже, и, вдругъ отдѣлившись, она полетѣла въ осколкахъ слѣдомъ за крышей.

Линія огня все увеличивалась. Небо на далекомъ пространствѣ алѣло. Тамъ, высоко, рѣяли въ воздухъ, описывая быстрые круги, какія-то свѣтлыя пятна... Это носилась стая испуганныхъ птицъ... А вѣтеръ все дулъ не переставая, отъ времени до времени проносясь ураганомъ, и тогда вся масса огня падала внизъ и стлалась пеленою.

— Ловко садить! замѣтилъ, все продолжая стоять на извозчикѣ, субъектъ въ пальто и цилиндрѣ, когда огонь перебросился на шестой уже домъ...

Въ это время, треща и корбясь, вспыхнули вѣтви деревьевъ и освѣтили фигуру Ѳеклы Ивановны. Она стояла неподвижно, навстрѣчу огню, поднявъ кверху обѣими руками икону. Вѣтеръ валилъ ее съ ногъ, крутя и развивая во всѣ стороны подолъ ея платья; сѣдня космы волосъ этой старѣйшей обитательницы Невѣдомой улицы трепались и хлестали ее по лицу, но она упорно стояла со своею иконою, и при этомъ губы ея что-то шептали...

Но вотъ раздается внезапно:

— Дружно, ребята! Принимайсь!!.— Вѣтеръ разноситъ остальные слова, но долетаетъ еще:— Давай багры-н!!..

И въ то-же время, на фонѣ огня мелькаютъ черныя силуэты людей. Это привалила, на помощь борцамъ съ грозной стихіей, толпа фабричныхъ рабочихъ.

Всѣхъ энергичнѣе, одобряя другихъ словомъ и дѣйствіемъ

работаетъ одинъ, выше всѣхъ на цѣлую голову, въ которомъ я узнаю Алексѣина мужа. Это онъ много разъ нарушалъ мое ночное спокойствіе въ дни расчета на фабрикѣ, по дорогѣ изъ „Отрады“ сводя счеты съ какинъ-нибудь изъ своихъ собутыльниковъ, что часто случалось подъ монки окнами, и за что я, да вѣроятно и многіе изъ обитателей Невѣдомой улицы — послали ему отъ души не одно проклятіе.... Но теперь онъ герой, и всѣ взоры обращены на него съ упованіемъ.

Но даже у него скоро опускаются руки... Завопченный, въ поту, наслу переводящій дыханіе, онъ отходитъ въ толпу и объявляетъ, что ничего не подѣлаешь...

— Братцы! Отстойте! Голубчики! бросается къ нимъ Пантелѣй Петровъ, содержатель распивочной, у котораго три дня назадъ Егоръ Иванычъ приобрѣлъ свою морскую фуражку. Куда дѣвалась вся важность и сановитость этого высокаго сѣдобородаго мужа? Онъ даже бросается въ ноги, продолжая молить прерывающимися отъ отчаянья голосомъ. — Золотые мои! Что хотите берите, ничего не пожалѣю, только отстойте! Благодарители!! Ради Христа, нашего Бога небо-снаго!!..

Но что въ состояніи сдѣлать самыя горячія молебны и обѣты въ борьбѣ съ всеовершающей силой стихій? Домъ его ужъ занялся, и подобравшись коварно, огонь освѣтилъ пеструю вывѣску, гдѣ разными красками была изображена въ обольстительномъ видѣ пирамида скляницъ, сгубившихъ не одного слабого смертнаго...

Но вотъ въ дали послышались гиканье, грохотъ, звонъ, дребезжанье и топотъ копытъ лошадей, несущихъ вскачь... Эти звуки все ближе и ближе, и вскорѣ въ заревѣ горящихъ домовъ замелькали блестящія шлемы пожарныхъ... И въ ту-же минуту роскошный букетъ красныхъ и голубыхъ огоньковъ взвился вверху, освѣтивъ, какъ въ апопеезѣ, отчаянную фигуру Пантелѣя Петрова...

ЭПИЛОГЪ.

Не такъ давно я посѣтилъ опять предѣлы Невѣдомой улицы...

Я не былъ тамъ со времени пожара. Съ тѣхъ поръ протекло уже нѣсколько лѣтъ. Я то жилъ въ Петербургѣ, то уѣзжалъ изъ него, то опять возвращался. Старыя впечатлѣнія стирались подъ наплывомъ другихъ, нынѣ померкли совсѣмъ и, если жили еще въ воспоминаніяхъ, то въ видѣ блѣдныхъ, безформенныхъ призраковъ; но зато были и такія изъ нихъ, которыя всегда могли быть вызваны въ памяти, со всѣми яркими красками реального образа. Въ числу такихъ-то принадлежали и мои воспоминанія о Невѣдомой улицѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-бы я ни былъ, стоило мнѣ перенестись мыслью въ область моего тогдашняго прошлаго, связаннаго съ жизнью въ Невѣдомой улицѣ, какъ тотчасъ-же она возникала передо мной, какъ во-очію, съ ея вѣчной тишиной и безлюдіемъ жаркаго лѣтнаго полудня или завываніемъ бури позднего осенняго вечера, съ ея мирными домиками, утопающими въ купахъ калины и акаціи, съ ея мостками, колеблющимися подъ ногами пѣшехода подобно клавишамъ, съ ея фонарями-коптелками, торчащими одинъ отъ другого на разстояніи пушечнаго выстрѣла, съ ея собаками, грѣющимися на солнышкѣ, и возломъ со сломаннымъ рогомъ, со всею ея тихой прелестью буколической жизни...

Пусть подъ сѣнью этихъ мирныхъ домиковъ съ полсадняками совершались свои бури и междуусобныя брани, пусть на ясное небо набѣгали черныя тучи—все совершалось въ свое время и уходило въ область забвенія, не жѣшая развѣ навсегда сложившемуся порядку вещей идти своимъ чередомъ...

Теперь туда была проведена конка—и это одно отозвалось ужъ во мнѣ отзвукомъ чего-то безвозвратно-потеряннаго, предвѣстіемъ другихъ, ждущихъ меня разочарованій... Странное дѣло,—но я полагаю, что отъ подобныхъ иллюзій не избавленъ никто—я помнилъ пожаръ Невѣдомой улицы, я могъ воскресить въ своемъ воображеніи, цѣликомъ, моментъ за моментомъ, ту страшную

ночь, когда, подъ свистъ и завываніе бури, летали, какъ бомбы, раскаленные головки и падали съ грохотомъ горяція кровли домовъ,—а между тѣмъ, когда я пытался представить себѣ физиономію улицы послѣ пожара, воображеніе упорно рисовало передо мной заборы, мостки и купы акацій съ выглядывающими изъ-за нихъ ветхими кровлями домиковъ... Мнѣ чудилось, что только перевалюсь я за черту Малой Невы, какъ снова охватитъ меня старое, давно-знакомое чувство покоя и тупого мѣтнія, и потянется затѣмъ длинная вереница покинутыхъ мною знакомцевъ. Вонъ тутъ, направо, будетъ заборъ и приткнувшійся къ нему ларь подъ навѣсомъ, съ пряниками, орѣхами, хлопושками и прочимъ соблазнительнымъ для юнаго населенія Невѣдомой улицы товаромъ торговца Боряваго... Тамъ дальше пестрая вывѣска заведенія Пантелѣя Петрова... Лиловые козакины, съ вывернутыми ногами и кіями въ рукахъ, трактира „Отрады“... И прочее, и прочее, вплоть до полицейской будки съ фронтономъ въ дорическомъ вкусѣ... Всѣ они, эти знакомцы, взглянуть на меня привѣтливими очами, какъ на долго-жданнаго гостя, и скажутъ мнѣ: „здравствуй“...

И вотъ, я ѣду по конкѣ и смотрю съ верхотуры. Вотъ и Малая Нова!.. Какъ по старому, у берега сгрудились барки, и рабочіе, усѣвшись на одной изъ нихъ въ круговую, „паужинаютъ“... Вонъ тамъ досчатый плотъ со скамеечкой, а на немъ мелькаютъ, колыхаясь, склоненныя спины „двухъ женщинъ, которыя бьютъ вальсами бѣлье... Мнѣ вспомнился капитанъ Полосаткинъ...

Конка несется по набережной. Но вотъ, еще немного, и рельсы дѣлаютъ поворотъ... Колокольчикъ звонитъ оглушительно; показавшійся изъ-за угла мальчишка, съ корзиной на головѣ, стремглавъ бросается въ сторону; плетущійся порожнемъ на своей пролеткѣ извозчикъ, торопливо осаживаетъ лошадь и патится, конка заворачиваетъ за уголъ—и вотъ я въ Невѣдомой улицѣ...

Лошади бѣгутъ теперь слабой рысью. Я принимаюсь осматриваться направо, налево—и сердце мое все пуще и пуще наполняется грустью.

Увы, я не узнаю Невѣдомой улицы!

Первое, что мнѣ бросается въ глаза, это—два параллельныхъ ряда каменныхъ громадинъ-домовъ... Одни уже совершенно отетро-

оны, другіе пока еще только вчернѣ. Вмѣсто мостковъ — троттуары. Маслениковъ-коптилокъ уже нѣтъ и въ поминѣ; — на ихъ мѣстѣ чугунные столбы съ газовыми фонарями. Я уже не вижу своего стараго знакома Коряваго съ его даремъ, зато глаза мои замѣчаютъ другое явленіе. Какъ разъ, на томъ самомъ мѣстѣ — кіоскъ, съ фигурой продавца въ глубинѣ. Товаръ его выставленъ наружу, въ висячихъ витринахъ. Что это, неужели?.. Да, глаза меня не обманываютъ... Это кіоскъ букиниста! Вотъ, въ одной изъ витринъ, рядомъ съ ярко-красно-желто-зеленой картинкой, изображающей, какъ мнѣ кажется, взрывъ монитора, виднѣется книжка, заглавіе которой, напечатанное на оберткѣ крупными буквами, я различаю: „*Нача*“... Вонъ тамъ, дальше, длинная вывѣска съ исполненскими буквами: „*Табакъ, сигары и папирасы*“; этой вывѣски здѣсь прежде не было... Вонъ тамъ, еще немного подалеже — портерная, съ широкимъ, свѣтлымъ окномъ, изъ-за котораго виднѣется алебастровый мальчикъ, держащій на головѣ такову-же раковину, съ которой, для услажденія взоровъ прохожаго, ниспадаетъ ползучая зелень... Вонъ тамъ еще портерная, еще и еще... И всё-то онѣ новенькія, чистенькія, веселенькія, точно игрушечки!..

Я только-что хочу оглядѣться по сторонамъ, въ слабой надеждѣ увидѣть гдѣ-нибудь на углу нашего добродушнаго полицейскаго стража Потапова, и въ ту-же минуту глаза мои натыкаются на стоящаго монументомъ на мостовой, въ новой формѣ, городского. Лицо его сурово, взоръ пронизателенъ. Немного подалѣе, тихимъ шагомъ прохаживается взадъ и впередъ молодцоватый гвардейскій солдатъ, съ блестящей бляхой на сермяжной груди... Отъ обонихъ ихъ вѣетъ внушительной важностью... Я не успѣлъ полюбоваться на нихъ и минуты, какъ моментально и тотъ, и другой вытягиваются и дѣлаютъ подъ козырекъ. Мимо нихъ хлопотливо, съ думой на челѣ, промелькнулъ околочный. Онъ въ бѣлкахъ перчаткахъ, съ портфелемъ подъ мышкой, и его красивыя бакенбарды имѣютъ самый дипломатическій видъ. И въ ту-же минуту, мое робкое столичное сердце сжимается отъ какого-беззачетнаго страха... Въ добавокъ, только теперь, вниманіе мое поражается видомъ дворниковъ, воссѣдающихъ въ своихъ овчинныхъ тулупахъ у воротъ каждаго дома... „О, моя Невѣдомая улица! Неужели и ты!“.

И стараясь разсѣять зловѣщія думы, я ищу глазами то мѣсто, гдѣ прежде былъ домъ Бергамотовыхъ... Вотъ оно!.. Но теперь тамъ стояло какое-то длинное, одно-этажное зданіе, съ закрытыми ставнями оконъ. Съ угла былъ подъѣздъ, а подь нимъ—о, злая насмѣшка судьбы!—видѣлась дверь съ вырѣзаннымъ въ ней круглымъ окошечкомъ...

Вдругъ слухъ мой былъ пораженъ знакомнѣй каскаднымъ мотивомъ... Звуки слышались глухо, но я догадался, что это гдѣ-то играетъ трактирный органъ изъ „Мадамъ Анго“... Я обернулся и сразу узналъ домъ, гдѣ помѣщалась „Отрада“. Да, несомнѣнно, домъ тотъ-же самый, и трактиръ въ немъ по-прежнему, и садикъ за заборомъ виднѣется—только все это выглядитъ теперь уже иначе. Домъ, очевидно, подновленъ и выкрашенъ въ шеволадную краску. И органъ завелся! Входъ сдѣланъ теперь посрединѣ, и подь крышей подъѣзда повѣшенъ фонарь. Изображенія лиловыхъ казакійовъ съ кіями въ рукахъ нѣтъ и въ поминѣ, а вмѣсто этого, во всю длину зданія, протянулась ярко-красная вывѣска, съ надписью по ней огромными золотыми литерами: „*Дунайская Переправа*“...

Да, потокъ новой жизни ворвался и катитъ свои шумныя волны тамъ, гдѣ прежде струился сонный ручей... Гдѣ вы, Каламбуровы, Передышкины, Курочкины?.. Вытѣснили-ли васъ эти шумныя волны, и вы побрели искать себѣ новую тихую пристань, куда онѣ еще не достигли и гдѣ вы можете дожить свои дни, въ упованіи не увидѣть того горькаго часа, когда и сюда примчится потокъ, разгромить старыя гнѣзда, и вамъ уже некуда будетъ идти?.. Или вы устояли и покорились, запрятавшись въ щели и дѣшко держась за обломки своего стараго міра противъ волны, снѣжающей васъ увлечь за собою? Или, можетъ быть, вы безъ борьбы и протеста уступили потоку и влечетесь теперь, вмѣстѣ въ другими, наслаждаясь мирными плодами культуры, подь недремлющимъ окомъ непрестанно пекущагося о вашемъ благѣ начальства?.. Лучшо-ли, легче-ли теперь вамъ живется? Скажите, отвѣйте!.. Но вы молчите и не даете отвѣта...

Тутъ мои думы прервались. Улица кончилась. Мой взглядъ упалъ на уголъ послѣдняго дома, и тамъ я увидѣлъ новенькую

железную доску, на которой, бѣлыми буквами по синему полю,
было написано:

ШИПКИНСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

Больше не оставалось мѣста сомнѣніямъ... Мое сердце въ по-
слѣдній разъ сжалось отъ боли, и я понялъ, что Невѣдомая улица
кончила свое существованье—на-вѣки.

И. Альбовъ.

Январь 1882 г.

Спб.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА,

**СЪ ПОРТРЕТОМЪ, БІОГРАФІЕЙ АВТОРА И ПРЕ-
ДИСЛОВІЕМЪ Н. В. ШЕЛГУНОВА.**

Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылкою 4 руб.

**Продается въ Главной конторѣ журнала „Дѣло“ (Надеждинская,
д. № 39) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.**

Въ книжныхъ магазинахъ и Главной Конторѣ жур-
нала „ДѢЛО“ (по Надеждинской ул., домъ № 39)
продаются:

СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ Р. ДЖИОВАНІОЛИ.

Переводъ съ итальянскаго.

Цѣна 2 р.; съ нерес. 2 р. 30.

ИЗБРАННЫЯ БЕСѢДЫ

ПАСТОРА БЕРСЬЕ.

Перевелъ А. ЗАБѢЛИНЪ.

Содержаніе: Отъ переводчика.—Видѣніе Или.—Вопросъ о власти.—
Государство и церковь.—Обѣтованная земля.—Соль земли.—Богат-
ство и бѣдность.—Минуты испытанія.—Отношеніе христіанства
въ политикѣ.—Милосердіе Божіе.—Расканіе.

Цѣна 1 руб.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАРОДЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЭСКИЗАХЪ.

овѣсти и рассказы Успенскаго, Златовратскаго, Наумова и Эртеля.

(Окончаніе 1-й статьи.)

V.

Изъ интересовъ отъ міра сего, живыхъ въ народѣ, воинственный патриотизмъ и національное чувство выражаются въ нѣкоторыхъ эскизахъ крайне своеобразно, а въ другихъ—блещутъ своимъ отсутствіемъ, какъ говорятъ французы. Интересы эти—ступень, которую переходитъ народъ, переросшій родовой бытъ, а ихъ такъ или иначе надо принимать въ расчетъ. У г. Успенскаго мы видимъ сапожника, который недѣли черезъ двѣ будетъ защищать Шипку или Карсъ, освобождать Болгарію и который, уходя изъ села, жалѣетъ только о томъ, что сапожные инструменты пришлось отдать за безцѣногъ и что не скоро опять заведешь. Мы видимъ и двурѣченскаго мельника Ивана Ермолаича, который уже поднялся до интересовъ выше интересовъ обыкновенной мышью бѣготни жизни. Ему знакома «русская исторія не только по лубочнымъ картинамъ, продающимся на базарахъ, не только изъ книгъ и книженокъ, попадающихся ему въ руки при посредствѣ уѣзднаго протопопа, но въ значительной степени пополненная толками народа, семейными преданіями, перешедшими отъ прадѣдовъ и прабабокъ». Какъ ни темны эти свѣденія, Иванъ Абрамычъ по-своему умѣетъ доказать ими любимую мысль свою, «что Россія—государство богатое, если-бы за нимъ былъ уходъ».

Въ числѣ старыхъ преданій есть преданіе о томъ, что Евате.

рина II приказывала у замотавшихся придворныхъ дамъ отрубать саблями шлейфы; въ числѣ новыхъ—преданіе «о солдатикѣ, который спасъ бы за напрасно погибшій Севастополь; да только начальство не захотѣло слушать слезныя мольбы его дозволить ему распорядиться съ непрітелемъ по-свойски и прогнать его къ обѣду». Иванъ Ермолаичъ дѣлаетъ съ глубокимъ сокрушеніемъ такой выводъ, что слушать солдатика не хотѣли «оттого, что простой». Въствѣ съ этимъ самоуслажденіемъ національнаго чувства, сильно окрашеннаго сословнымъ, г. Успенскій замѣтилъ живую черту—глубокую искренность Ивана Ермолаича. Эти рассказы, наивность которыхъ вызываетъ улыбку, созданы не оффиціально навязываемымъ чувствомъ, а естественнымъ, непривращеннымъ и невоспитаннымъ чувствомъ, въ силу котораго человекъ хвалится своимъ, потому что оно свое, въ силу котораго даже баринъ считается своимъ, а иѣмецъ чужимъ. Чувство Ивана Ермолаича не выходитъ изъ рамокъ платоническаго воинственнаго патріотизма и видитъ высшее услаженіе свое въ географическомъ масштабѣ и анекдотахъ объ обрубленныхъ шлейфахъ. Мысль народа должна пройти долгимъ искусомъ, чтобы подняться до идеала гражданина.

Идеалы общественности еще такъ мало созданы въ народѣ, что въ деревнѣ г. Успенскій могъ видѣть только міръ, завабленный кулакомъ, трепещущій передъ урядниками всѣхъ степеней и ожидающій спасенія отъ Мироновъ,—міръ, въ которомъ общественность живетъ только какъ инстинктъ или какъ убѣжденіе въ угодности Богу «хрестьянской», трудовой жизни и поднимаетъ немногихъ избранныхъ до дѣла «ходока» за обманутый и обобранный міръ.

Г. Успенскій не далъ эскиза деревенскаго ходока за міръ, но онъ далъ эскизъ городского. Его Михайла Ивановичъ созданъ новою стихіею народнаго сознанія; духъ, говорящій его устами, былъ окрещенъ интеллигенціей. Михайла Ивановичъ желчный, больной и пьющій человекъ; онъ—не исключеніе изъ роковаго закона, въ силу котораго талантливый и умный русскій человекъ обреченъ пить горькую чашу, въ силу котораго лучъ свѣта, мерцающій въ темномъ царствѣ, обреченъ быть блѣднымъ и изломаннымъ. Вѣчное ощущеніе удушья отъ царящей лжи, вѣчно разжигаемое озлобленіе, то затаиваемое, то прорывающееся клеймящимъ обличеніемъ, гнетущая скорбь за гибнущихъ братьевъ и разъядающее сознаніе собственнаго безсилія помочь—все это создаетъ такой внутренній адъ, нося который сложились бы и силы Самсона. Злобный протестъ создавалъ героевъ романовъ интеллигентнаго общества, у г. Успенскаго мы впервые встрѣчаемся

съ такимъ протестомъ въ народъ. И до Михайла Иваныча встрѣчались въ народъ обличители неправды мірской, но обличеніе ихъ выросло на почвѣ мистицизма и было перифразой евангельскихъ текстовъ изъ нагорной проповѣди и страшнаго суда. Обличеніе Михайла Иваныча съ его ядовитымъ юморомъ и злобною руганью—обличеніе отъ міра сего. Онъ видитъ въ жизни «прижимку, опутавшую бѣднаго простаго человѣка, и мѣтко и злобно бьетъ по всѣмъ узавимымъ сторонамъ ея. Авторъ, это видно, съ особенной любовью писалъ своего обличителя и, несмотря на это, исполненіе не всегда отвѣчаетъ концепціи; чувствуется нѣкоторая недодѣланность, отрывочность; нѣкоторыя индивидуальныя черты, выступающія слишкомъ рѣзко, нарушаютъ гармонію типическихъ. Недостатокъ этотъ замѣтитъ всего въ языкѣ Михайла Иваныча, а также иногда и въ языкѣ другихъ лицъ, дѣйствующихъ въ произведеніяхъ г. Успенскаго. Въ языкѣ каждаго человѣка найдется хоть одно слово, ему принадлежащее, и которое показалось-бы неумѣстной вставкой въ рѣчи всякаго другого. Г. Успенскій иногда этими индивидуальными словами пестритъ рѣчь и оттого она порой отзывается не творчествомъ, а передразниваніемъ. Это тоже слѣдствіе невыработанности типа въ жизни; онъ еще намѣчивается и первые абрисы его естественно должны отзываться индивидуальностью.

Михайла Иванычъ, шатающійся безъ дѣла заводскій рабочій; онъ не могъ впредъ себя въ ярмо прижимки, и хотя среда дѣлала все, чтобы отлить Михайла Иваныча на подобіе Прохора Порфирыча, кулака — героя другихъ рассказовъ, но матеріалъ не поддавался формировавію. Крестьянскаго мальчика тетка привезла въ городъ и поступила съ нимъ на мѣсто. Житіе вышло не сладкое и мальчикъ убѣжалъ. Его пріютила семья мѣщанъ. Полиція разыскала мальчика, увела въ часть да кстати раззорила пріютившаго его мѣщанина. Три дочки мѣщанина бились-бились въ нуждѣ, потомъ повѣрили обѣщанію чиновниковъ жениться и кончилось тѣмъ, что онѣ «въ грязи ровно тряпки по лужамъ валяются». Михайла Иваныча водворили въ чиновничьей семьѣ Черемухиныхъ. Тамъ онъ увидѣлъ прижимку во всей красѣ ея. Нищихъ обирали, ѣли сладко «не жалѣя, мужики всего притащутъ». Михайла Иванычъ и самъ началъ заражаться атмосферой плутней и надувать барченка, который привязался къ нему за его сказки. Его спасъ посланный судьбою учитель, пьющій семинаристъ, честный, озлобленный Максимъ Петровичъ. Михайла Иванычъ съ теплою благодарностью вспоминалъ учителя. «Не билъ, только для начала знакомства щелкнулъ по щекѣ для собственной пользы за то, что по базарному поступаю», раз-

сказываетъ Михайла Иванычъ. «Сталъ учить разговорами и тогда страсть сколько разбойниковъ я увидѣлъ». «Если я ушелъ отъ глупости и все понимаю, то потому, что имѣю просіаніе моего ума», говоритъ Михайла Иванычъ: «А я по моему понятію получаю чахотку... А простой мужикъ сдѣлается болбесомъ». И онъ, задыхаясь отъ чахоточнаго кашля, излагаетъ свою философію: «Заморили, задушили простого человѣка. Черезъ ихнее обиранье простой человѣкъ сталъ дуракомъ, болваномъ. Почему простой человѣкъ дуракъ, болванъ? Почему въ жисть свою сладкаго куска не ѣдалъ, и сапогъ цѣлыхъ не нашивалъ? Почему онъ замѣсто этого получалъ по скудѣ? Потому, что его сапоги-то чужіе носили. У чиновника-то, что чугунку даетъ, небось вонъ домъ, а на какіе труды нажать? Жалованья ему всего грошъ. Откуда? Съ насъ! Съ насъ христіанская душа! Наше все, хрусталь! У мужика совѣсть, а у купца ея нѣту. На какомъ основаніи обязанъ я быть дубьемъ, ходить ощупкой; передъ кѣмъ грѣшенъ? Передъ кѣмъ виновенъ? А потому, что я простой человѣкъ, простого званія. Кабы я ѣлъ свой-то трудовой хлѣбъ, сполна значить получалъ-бы, что мнѣ слѣдуетъ, я, можетъ быть, человѣкомъ-бы былъ. Можетъ быть, я-бы все понималъ, всякую причину, что къ чему». Затѣмъ Михайла Иванычъ ядовито рисуетъ прижимку и оборотную сторону ея — адскую грызню и скуку людей, живущихъ прижимкой. Онъ «пропечатаетъ» всю правду въ глаза и купцу, и чиновнику и мимоходомъ своею желчною рѣчью откроетъ глаза молодой, свѣжей силѣ на безобразіе жизни, основанной на прижимкѣ.

Несмотря на озлобленіе, въ Михайлѣ Иванычѣ жива глубокая, чистая и почти дѣтская вѣра въ лучшее. Къ городу прокладываютъ чугунку. Чиновничья плесень зашевелилась; боится, что въ глухіе углы станетъ удобнѣе заглядывать. Михайла Иванычъ ликуетъ, онъ твердо вѣритъ, что чугунка залогъ «новыхъ порядковъ», при которыхъ приказнымъ нельзя будетъ «оболванивать простого человѣка». Онъ съ нетерпѣливою радостью слѣдитъ за ходомъ работъ. Чугунка для него связь съ Петербургомъ—а тамъ для него источникъ «новыхъ порядковъ, образованности». Трудно найти безкорыстіе болѣе чистое, нежели безкорыстіе надеждъ Михайла Иваныча на «новые порядки». Онъ знаетъ, что его скоро съѣстъ чахотка, ему лично не многого нужно въ смыслѣ комфорта и сладкаго куска. Онъ-бы имѣлъ все это съ его умомъ, если-бы захотѣлъ применить къ прижимкѣ.

Одинъ купецъ, очень безличная или таинственная фигура, посылаетъ Михайла Иваныча въ Петербургъ «хлопотать о ра-

бочемъ человѣкѣ». Михайла Иванычъ счастливъ, онъ бросилъ пить, онъ понимаетъ, что на совѣсть ему дали дѣло великое. Онъ ѣдетъ, поучая по дорогѣ мужиковъ чувству собственнаго достоинства. «Ты чего оробѣлъ за свои деньги», говоритъ онъ мужику, уступающему мѣсто кривливой разряженной барыни. Въ городѣ хлопотать ему не приходится, а приходится проживать въ выжидающемъ положеніи у «барченка Утина». Барченокъ — извѣстный типъ разбитаго жизнью человѣка прекрасныхъ на мѣреній. Онъ плачется о томъ, что отецъ завѣщалъ ему одну прижимку, что его ничему путному не учили, онъ рвется и къ въ простому труду, и къ великій подвигамъ, проклиная безсиліе свое, должнаеть и беретъ подачки отъ молочной сестры своей, крестьянской бабы, которая какъ мать и жалѣетъ его, и ворчитъ на него. Михайла Иванычъ произноситъ такой приговоръ надъ барченкомъ: «Что это за люди... И добрый и разбойникъ. И жаль его и задушилъ-бы. Хочетъ дѣлать и не можетъ»... Михайла Иванычъ никогда не будетъ знать пытки хотѣть сдѣлать дѣло и не мочь въ силу собственной дряблости, а не въ силу вѣшнихъ условій. Онъ идетъ, не раздумывая о себѣ, идетъ по первому зову. Его не остановятъ никакіе громы, могущіе обрушиться на голову его отъ людей прижимки. Про людей закала Михайла Иваныча говорятъ, будто они таковы оттого, что имъ нечего терять, что они такъ смѣлы въ обличеніи прижимки; что они такъ готовы стоять за общее дѣло только потому, что у нихъ нѣтъ своего личнаго, кровнаго. У Михайла Иваныча нѣтъ капиталовъ и комфортабельнаго дома; но пошли ему все это судьба, онъ немедля спустилъ-бы все; такія страстныя безпокойныя натуры не ловятся на золотую удочку. У Михайла Иваныча нѣтъ семья, но если-бы и была, то такія натуры, какъ его, не отдають себя всецѣло семьѣ; міровая жилка бьетъ въ нихъ слишкомъ громко, и они не уснутъ въ теплоѣ гнѣздышкѣ. Будь у Михайла Иваныча семья, онъ кинулся-бы по первому призыву вупца съ радостью, отравленной скорбью о своихъ, кинулся-бы не безъ оглядки, не съ тѣмъ порывомъ, съ какимъ нищій хватается за золото, посланное судьбой; онъ пошелъ-бы, оглянувшись на своихъ, но пошелъ-бы твердо, съ безповоротной рѣшимостью человѣка, отдающаго меньшее за большее. Увѣреніе, что Михайла Иванычу нечего терять — злостная клевета людей прижимки, которымъ враждебна эта черта человѣческой природы. Михайла Иванычъ рискуетъ потерять, во-первыхъ, и ту минимальную долю свободы, какою онъ пользуется, — свободу передвиженія, жизни среди людей. Если-бы ему приходилось сидѣть на сѣзжей за каждое

обличеніе прижимки, то онъ провелъ-бы цѣлую жизнь въ заключеніи. Обличительная жилка всегда билась въ характерѣ народа; онъ сложилъ не одну сатирическую пѣсню, въ которой баринъ, приказный и попъ играютъ некрасивую роль; онъ даетъ мѣткія прозвища въ родѣ: адвокатъ—нанятая совѣсть, и т. п. Петрушка, разгуливая по улицамъ и ярмаркамъ, бьетъ мѣткими словцомъ не однихъ дураковъ и плутовъ изъ народа. Поваръ Григорій изъ «Растеряевой улицы» потѣшаетъ Петрушкой, произведеніемъ своей фантазіи, уловившей типъ оскудѣвшаго барина. Петрушка Григорья пляшетъ и распѣваетъ:

Отъ крестьянъ освободился,
Состоянія лишился,
Только танцемъ и дышу.

Но обличеніе это общее и потому оно бьетъ на воздухъ. Въ лицѣ Михайла Иваныча обличеніе изъ области морали и сатиры вступаетъ въ практическую жизнь, гремитъ смѣло, громко, не отступая ни передъ какими громами людей прижимки.

Въ обрисовкѣ этого обличителя есть еще знаменательная черта: Михайла Иванычъ стоитъ совершенно одиноко и, кромѣ Нади, молодой дѣвушки изъ разореннаго гнѣзда чиновничьяго и пріятельницы ея, забитой жены нравственнаго уroda, Птицына, у Михайлы Иваныча нѣтъ близкихъ людей. Онъ не составилъ себѣ даже крохотнаго кружка послѣдователей среди своей братьи рабочихъ. Характеръ обличенія его—явленіе слишкомъ исключительное; онъ слишкомъ реаленъ для его среды; въ немъ нѣтъ ни малѣйшей подкладки мистическихъ представленій, которыя такъ сильно нейтрализуютъ жгучій ядъ обличенія убѣжденіемъ, что всѣ грѣшны передъ Богомъ. Михайла Иванычъ не видитъ въ пудовой свѣчѣ или въ колоколѣ жертву, искупляющую раззореніе народа; онъ требуетъ отреченія отъ прижимки, переворота цѣлой жизни. Даже передъ своею братьею Михайло Иванычъ оказывается выскочкой, говорящимъ отъ собственного лица. Начала справедливости и человѣчности, во имя которыхъ онъ выступаетъ, недоступны собратьямъ его въ ихъ чистомъ видѣ, безъ примѣси мистическихъ представленій. Обличитель не можетъ быть авторитетомъ тамъ, гдѣ нужны Мироны. Обличители во имя мистическихъ началъ, хотя представляютъ явленіе крайне рѣдкое, но зато вполне понятное народной массѣ. Михайла Иванычъ,—явленіе новое, непривычное и потому онъ одинокъ.

VI.

Кромѣ больного Михайла Иваныча, мы не видимъ въ эскизахъ г. Успенскаго ни одного положительнаго типа. Народная жизнь и послѣ порвавшейся великой цѣпи не создала такого типа въ литературѣ, какъ не создала его и жизнь интеллигенціи. Несмотря на пропасть, отдѣляющую интеллигенцію отъ народа, общіе законы жизни равно владѣютъ первой и вторымъ. Если въ первой нѣтъ матеріала для положительныхъ типовъ, характеризующихъ время, то его нѣтъ и во второмъ. Оторванность интеллигенціи отъ народа не вліяетъ тутъ нисколько. Положительныхъ типовъ ни въ народѣ, ни въ интеллигенціи не можетъ быть внѣ идеаловъ общечеловѣческой цивилизаціи. Чѣмъ дальше отъ нихъ жизнь народа, тѣмъ глубже пропасть между нею и настоящею интеллигенціею, тѣмъ менѣе въ немъ матеріала для положительныхъ типовъ. Это горькая правда и не легко глядѣть ей прямо въ глаза. Гораздо легче убаюкать себя радужными снами, видѣть то, что страстно хочешь видѣть. Но положительныхъ типовъ не создалъ и романистъ, который, какъ публицистъ, обладалъ въ высшей степени способностью видѣть то, что онъ хочетъ — Достоевскій. Не отрицаніе виновато въ томъ, что не создано положительныхъ типовъ, какъ то утверждаютъ радѣтели оздоровленія корней. Никогда никто не отрицалъ живучести народа, вынесшаго и ломку Петра I-го, и бироновщину, и крѣпостное ярмо; ни стойкаго героизма, съ какимъ десятый батальонъ идетъ на приступъ по трупамъ девяти первыхъ. Никогда никто не отрицалъ крупнаго шага впередъ, какой сдѣлало сознаніе народа за это двадцатилѣтіе. Но всего этого мало для созданія положительнаго типа народа нашего времени. Для такого типа нужно «понятіе» Михайла Иваныча вмѣстѣ съ энергіей начать непроторенный путь. Единичныя особи, въ которыхъ литература видѣла и то и другое, не могутъ дать общій тонъ нашему времени.

Печатью его явился только одинъ опредѣленный типъ выходца изъ народа—кулака. Деруновы и Разуваевы будутъ жить въ нашей литературѣ, какъ живутъ герои Гоголя и Грибоѣдова. Они роскошно разрастаются какъ плевелы, родящіяся изъ продуктовъ разложенія на неразумно вспаханномъ полѣ.

Типъ кулака попадаетъ и въ западной литературѣ, но въ немъ нѣтъ того своеобразнаго остраго букета, той мѣднолобости хищничества, ни той разнузданности самодурства, какія отмѣчаютъ типъ русскаго кулака. Болѣе высокій культурный уро-

вень и общественный механизмъ не даютъ разгуляться въ полную волю ястребиному самодурству, и самая народная масса далеко не такъ податлива. Вънами взрощенная пассивность крѣпостничества—удобная почва для кулаковъ. Инстинкты кулачества зрѣли и подъ барской опекой; распалась цѣль великая и съ человѣчными инстинктами освободились и хищническіе. Масса паразитовъ, кишѣвшая около барства, всосавшая инстинкты барской жизни, или пустила корни въ деревнѣ въ образѣ Финогенчей Щедрина, или была отброшена въ города и изъ нея выдѣлился типъ хищнической городской эксплуатагора. Последній типъ обработанъ г. Успенскимъ безопадно ярко и въ то-же время съ человѣчною правдою. Его ростовщица Арина, злостно радующаяся раззоренію барства, подчасъ пожалѣетъ своего брата. Его Прохоръ Порфирычъ кулакъ-ростовщикъ изъ мастеровыхъ — олицетвореніе разсчитливаго хищничества, созданнаго барствомъ, зналъ минуты, когда сердце его билось человѣчными чувствами.

Прохоръ Порфирычъ—сынъ барина и фаворитки его Глазирь, продувной бабы. Родители, чтобы онъ не мозолил имъ глаза, отдали его въ ученье къ пьяницѣ хозяину. Житѣе вышло несладкое. «Такъ мнѣ грустно было, не могъ грусти удержать, рассказываетъ Прохоръ:—побѣгъ къ маменькѣ, а маменька еще того пуще огорчила меня, совсѣмъ отказалась». Прохоръ отплатилъ за то маменькѣ, выгнавъ ее изъ ея-же собственнаго дома. Молодость взяла свое. Прохоръ привязался къ товарищу, способному, славному малому, и собирался завести съ нимъ свое мастерство. Товарищъ пропилъ скопленные деньги и отъ этого источникъ любви засохъ въ сердцѣ Прохора и онъ превратился въ винтъ, и съ этой поры жилъ однимъ желаньемъ «устроить жизнь по благородному». Инстинкты барской крови усиливали нажимъ винта. «Раскременная и тощая фигура рабочаго человѣка съ свалившеюся войлокомъ бороною, съ отчаянными порывами ежеминутно показать, что жизнь копейка,—такая горемычная фигура совершенно не сходилась съ фигурою Прохора Порфирыча. Все на немъ говорило о желаніи имѣть хоть какое-нибудь подобіе человѣка и, главное, человѣка благороднаго, не столько мастераваго, сколько семинариста или сына благочиннаго. Носить нѣмецкое платье побуждало его столько-же благородство, сколько и рассчетъ. «Случись, говорить онъ,—пожаръ, примѣрно, твое дѣло сторона». И дѣйствительно, въ то время, когда руки хозяиныхъ тащили за шиворотъ разныхъ чужекъ и чемерикъ, и когда эти чужки среди огня рвали голыми руками раскаленные листы желѣза, Прохоръ Порфирычъ мирно стоялъ среди благородныхъ

людей и спокойнымъ голосомъ объяснялъ: «Изволите видѣть столбъ-отъ бѣлый-съ? и пр.» Такими словами рисуеъ авторъ Прохора Порфирыча и въ нихъ не только наружность, но и вся внутренняя суть героя прижимки какъ на ладони. Прохоръ Порфирычъ не простой кулакъ, онъ кулакъ, поднявшійся до философіи прижимки и излагающій ее такъ: «Вотъ вы изволите говорить, что времена нынче тугія, а ежели говорить, какъ слѣдуетъ, по чистой совѣсти, то времена нынче самыя превосходныя... Особливо съ нашимъ народомъ, съ голюю... Съ этимъ народомъ рай. Главная-то наша досада нечѣмъ взяться. Хоть-бы маломальски какъ есть силишки въ руки взять. Какъ есть первое дѣло!.. Одно—умѣй намѣтить, расчесть. Приложился—на вылетъ! Вотъ, говорятъ, хозяйева задавили. Хорошо. Будемъ такъ говорить. Надѣли я вашего брата гольтепу всѣмъ до малости, чтобы одно слово не въ проворотъ,—какъ вы думаете, чувствуется? Ни въ жисть. Ему надо покрайности десять годовъ пьянствовать, чтобы въ настоящее понятіе войти. А покуда онъ такіе алимонины пуцаеъ, умному человѣку не околѣвать. Лучше-же я его въ полоумствѣ захвачу, потому-что полоумство это мнѣ расчесть составляетъ: Потому-что ежели я вижу человѣка въ полоумствѣ, то дамъ ему, что душѣ моей угодно,—и не можетъ пикнуть». Безъ полоумства другихъ—не жить Прохору Порфирычу, и когда у собесѣдника его, передъ которымъ онъ развиваетъ свою философію о выгодахъ полоумства, дрогнетъ сердце отъ мрачной картины и вырвется желаніе, что хорошо-бы надоумить ребятъ, Прохоръ Порфирычъ побѣдоносно возражаетъ: «Надоумить! Его можно въ одну секунду надоумить. Человѣкъ, который имѣетъ настоящую словесность, можетъ это оборудовать смаху. Скажи онъ имъ: «Черти, а въ очумѣли... Такъ и такъ... такое и прочее». Въ единую минуточку они отойдутъ отъ хозяина. Но что-жъ изъ этого выходитъ? Что этому словеснику шею они свернутъ тоже не мѣшкаая. Отбить—отбилъ а работы нѣтъ. Хозяинъ—онъ перетерпитъ, а нашъ братъ на вторыя сутки заголоситъ. Брюхо-то оно, первое дѣло въ кабакъ. Въ ту пору ему утерпѣть нельзя. А хозяинъ съ благочинностью взялъ полштофъ въ руки, поднявъ его превыше головы для повсемѣстнаго вида: «Ребятушки!» Такъ и ломонуть. Въ ту пору хозяинъ можетъ нажимать ихъ даже безъ границъ. Умный человѣкъ тутъ и хватай. Подкараулилъ минуту, ходи да и пяточками помахивай. Твое! Время самое настоящее. Только умѣй намѣтить, разгечъ въ самую ниточку».

Порфирій Прохорычъ достигаетъ своей цѣли, женившись за полторы тысячи на брошенной чьей-то любовницѣ и съ этой ми-

нуты ему открытъ широкій путь. Онъ сила, поднятая не однимъ невѣжествомъ, но и низкимъ уровнемъ нравственности цѣлаго общества. Онъ это понимаетъ и дружить съ властями.

Безпощадными чертами рисуетъ г. Успенскій низость этого уровня. Герои его съ восторгомъ говорятъ о ловкихъ штукахъ—отказаться отъ долга, коли нѣтъ росписки, объ удачѣ плута, который съ пятиалтыннаго началъ, а теперь дома нажилъ, о бабѣ, торговавшей собой съ позволенія мужа, какъ объ «умной женщинѣ, способящей мужу». Они отвѣтятъ на слова негодующаго моралиста: а грѣхъ? «Ну, братъ, всѣ грѣшны. Они Богу дадутъ отвѣтъ. Не наше дѣло судить, не осуждай». И приговоръ этотъ подсказанъ не чувствомъ человѣчности, не допускающемъ переломить надломленную трость, понимающемъ преступниковъ, какъ «несчастныхъ», но тѣмъ гаденькимъ чувствомъ лицемерія, которое заминуетъ строгое осужденіе той торжествующей нравственной грязи, которая сродна намъ, которое вызываетъ къ Божьему прощенію для прикрытія собственной позорной наготы и оправдываетъ потому, что воронъ не вылевываетъ глазъ ворону.

Порча вѣзлась глубоко; ею заражены даже малые ребята—эти всходы будущаго. Въ разсказѣ «Малые ребята» г. Успенскій показываетъ духъ кулачества, превращающій дѣтей въ доносчиковъ. Разсказъ о поимѣ и доносѣ въ устахъ мальчика Гриши характерное знаменіе нашего времени. «Уговорились мы съ Масловымъ пойтить къ Недоноскову въ трактиръ на чай, напиримѣръ, рассказываетъ Гриша.—На расходъ Масловъ свои три рубля далъ. Чаю пей сколько хочешь... Ну и чтобы вупить у Недоноскова бутылку за печатью... А Масловъ значитъ и пымалъ съ виномъ-то... Такъ уговоръ былъ значитъ, чтобы пымать насъ... Масловъ-то говоритъ мнѣ: ничего не нужно, а что выйдетъ по рѣшенію суда—все вамъ, а тамъ вишь сто цѣлковыхъ придется и больше еще ста, сказываютъ... Ну а меня-то вотъ не хотятъ въ компанію принять.—За что, говорятъ, ты не уговаривался? Я-же ихъ въ трактиръ-то привелъ, на свои чаемъ угощалъ, а они-то три рубля почестъ цѣлыми скрыли, подѣлили промежду себя... Вашъ теперь урядникъ прѣдетъ, допрашивать будетъ. Я самъ отъ себя покажу, пушай по закону раздѣлять, по правиламъ, коли добромъ въ компанію не принимаютъ.—Послѣднія слова, касавшіяся неодобрительнаго поведенія товарищей, Гриша произнесъ дѣтски-обиженнымъ тономъ». Веселенькій пейзажикъ, какъ говорилъ Помяловскій, этотъ эскизъ дѣтской порчи, заключающій цѣлую серію. Порча малыхъ ребятъ на половину наивная, на половину очень сознательная. «Пыманье» трактирщика Недоноскова съ точки зрѣнія дѣтской нравственности не можетъ

считаться дурнымъ дѣломъ. Трактирщикъ лицо враждебное крестьянскому міру. Онъ деретъ и потому всѣ рады случаю содрать и съ него. Но утаиванье трехъ рублей отъ товарища при угощеньи на его счетъ, но жалоба на товарищѣй уряднику—это преступленія противъ дѣтскихъ понятій о добрѣ и злѣ. Въ этомъ Гриша вѣдалъ, что творилъ. Крестьянскія дѣти вообще практически зрѣлѣе дѣтей образованныхъ классовъ, они дѣятельные участники трудовой жизни семьи, они рано начинаютъ понимать очень многое въ условіяхъ гнетущихъ ее. Урядникъ для крестьянскаго міра бичъ, а Гриша въ наивной увѣренности добиться раздѣла «по закону и по правиламъ» навлекаетъ бичъ на товарищѣй. Деревня создала юнаго дѣльца, подающаго самыя блестящія надежды быть ястребомъ.

VII.

Дѣлать обобщенія изъ богатаго матеріала наблюденій г. Успенскаго крайне трудно. Если въ эскизахъ его народное сознаніе не океанъ, имѣющій возродить гнилое западное человѣчество, по пророчеству сантиментальныхъ народолюбцевъ, то все-же оно потокъ несравненно болѣе обильный и мощный, нежели то могутъ представить себѣ люди, судящіе о немъ только по однимъ бьющимъ въ глаза фактамъ и мечтающіе исчерпать его крохотною кружечкою канцелярскихъ или кабинетныхъ теорій. Въ настоящее время онъ замутился отъ противоположно бьющихъ въ немъ струй и нельзя сказать теперь, что въ немъ сильнѣе: струя ли, которая тянетъ назадъ къ укладу жизни, о нарушеніи котораго плачутся старики, или струя, которая должна нести впередъ къ новымъ берегамъ. Старина потрясена въ основахъ своихъ, и плачь стариковъ о ней характернѣе обычнаго брюжжанія ихъ на новое время и восхваленіе стараго, которое только и было хорошо тѣмъ, что они были тогда молоды. Онъ—жалоба на рѣзкую черту, которою новое время подрываетъ старое. Старикъ въ очеркѣ «Изъ столицы въ глушь» злобно негодуетъ на новые порядки: «Мать за сына въ темной сидитъ. Не можетъ мать сына поучить. Родная она ему чай, аль нѣтъ? Звѣри вы?» Его идеаль человѣчности,—ненарушимое храненіе произвола старшихъ. За такой грѣхъ «Богъ прогнѣвался. Цвѣтовъ, травъ нѣту—сгасли. Въ старое время бросить палку на голую землю и къ утру она вся въ травѣ». Представитель новшества писарь, канцелярскій либераль деревни, въ сущности не противъ кулачной расправы матери надъ сыномъ и негодуетъ

только на нечеловѣчность ея. «Зачѣмъ она самовольно изуродовала? Нонче этого нельзя. Подавай жалобу. Гг. судьи, позвольте мнѣ солдатъ казенныхъ, потому-что я женщина слабая. И никто бы ей ни слова не сказалъ. Надо спрашивать. Нынче, братъ, у насъ Европу стараются водворить, а не по-свински. Сначала доложи, да потомъ бей да оглядывайся, какъ-бы самого не чесанули. Такъ-то». Своеобразное понятіе либеральнаго писаря о водвореніи Европы — современное видоизмѣненіе стариковской теоріи палки, но видоизмѣненіе бюрократическое и проповѣдникъ его, писарь, примѣняя его самъ, оглядывается, какъ-бы его «не чесануло» легальнымъ произволомъ его начальство. Въ послѣднемъ очеркѣ г. Успенскаго «Старики», напечатанномъ въ «Русской Мысли», герои тоже плачутся о палкѣ, какъ о единственномъ средствѣ остановить порчу, развѣдающую деревенскій міръ. Однако, вѣрнопостники нашего времени, проповѣдующіе благодѣтельную опеку, сильно разочаруются при знакомствѣ съ теоріей палки «Стариковъ», имѣющей водворить порядокъ среди беспорядка. Одинъ изъ нихъ, арачсеевецъ, наводитъ ужасъ на своихъ собесѣдниковъ, изображая въ лицахъ прежній «страхъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что одинъ рецензентъ нашелъ это мѣсто карикатурнымъ, отзывъ котораго-бы онъ не сдѣлалъ, если-бы въ 40 и 50 годахъ пожилъ въ какомъ-нибудь военномъ пунктѣ. Нечеловѣчное искаженіе природы «палкой» художественно вѣрно и наводитъ ужасъ. Арачсеевецъ, не поминая добромъ прежній «страхъ», признаетъ, что онъ выучивалъ кое-чему: напр., прежде баба не посмѣла-бы «худо хлѣбы испечь, а нынче замаску виѣсто хлѣба и не смѣй ей слова сказать». Другой старикъ, бывшій бурмистръ, такъ поминаетъ прежній страхъ: «И мы бывали народъ жестоко, очень жестоко колачивали. Я вотъ пришелъ теперь угоднику молиться. Думаешь, не вздохну я? Вздохну, милый мой, со слезами вздохну въ своей виѣ». Но, принося покаяніе въ этомъ грѣхѣ, старикъ оправдывается тѣмъ, что прежде колачивали съ толкомъ, *чтобы мужикъ себя не раззорялъ*. При этомъ думали, конечно, о себѣ, а не о мужикѣ, но мужику было лучше, слѣдовательно, какое ни на есть было начальство — такова логика стариковъ, въ умѣ которыхъ идея начальства отождествлена съ пользою мужика. Логика чисто-практическая, ей дѣла нѣтъ до побужденій. Теперь общее раззореніе и потому *нѣтъ начальства*, упорно заявляютъ старики на перечисленіе начальства всѣхъ степеней, опекающаго крестьянскую жизнь. Теперь не начальство, «а разбойники и живорѣзы». Прежнюю палку, не въ конецъ раззорявшую мужика изъ своекорыстнаго расчета, смѣнила палка бюрократическая. Теперь своекорыст-

ный расчетъ требуетъ исправнаго взыска недоимокъ. За это «листы старшинамъ похвальные даютъ, за сборы податей диплоны разные, вотъ какъ у иной хорошей скотины аттестатъ есть», поясняетъ съ мѣтко бьющимъ юморомъ рассказчикъ. Мужикъ внесъ подати, его похвалили, а онъ за четыре рубля управскій овесъ продалъ, т. е. овесъ, выданный на сѣмена. На другой годъ онъ не внесетъ—его выпорютъ. Настоящее начальство выпорого-бы, когда овесъ продавалъ, да встати и того, кто покупалъ овесъ; а дать мужику раззориться и потомъ пороть его за то—не начальство, а разбойство. Настоящее начальство не допустило-бы «богатѣя, купившаго за 4 р. овесъ, продавать за 8. При настоящемъ начальствѣ такихъ богатѣевъ быть не можетъ; это «не богатѣи, а разбойники».

Теорія стариковской палки проста и ясна. Она могла прижѣняться при непосредственной, осязательной связи выгоды представителя ея съ нераззореніемъ мужика. Такой связи нѣтъ между проповѣдниками благодѣтельной опеки. Понятіе о другой широкой, неразрывной, но не ощущающейся такъ непосредственно и осязательно связи, въ силу которой жизнь пѣлаго общества зависитъ отъ нераззоренія мужика, также чуждо проповѣдникамъ благодѣтельной опеки, какъ и старикамъ, плачущимъ о палкѣ вѣрности, и въ крестьянскій миръ вносится разложение.

«Старики» плачутся и на другую причину—баловство развелось, чай да сахары нужны, сапоги да пиджаки, дѣвкамъ модные наряды. Парень для форсу косить въ сапогахъ, а зимой безъ сапогъ насидится дома и заработокъ упуститъ. Дѣвчонка дѣльная, работающая изморить себя работой, насидится впроголодь, чтобы одѣться по-модному, а потомъ на работѣ «за тридцать копѣекъ одежды издеретъ на тридцать рублѣвъ», потому-что другого надѣть нечего.

Для искорененія такихъ беспорядковъ, старики взываютъ къ прежней палкѣ, представители благодѣтельной опеки кричатъ о развращающемъ влияніи города, тогда-какъ все дѣло въ томъ, что темная жизнь идетъ своимъ путемъ. Общество русское при Петрѣ винулось на кафтаны и роброны, на всѣ матеріальныя наслажденія; сквозъ прорубленное окно все это нахлынуло массой на древне-русскую плесень; идейный элементъ представлялъ очень минимальный процентъ. Новое начальство «живорѣзы и разбойники», не касается стороны жизни, чаевъ и сахара, сапогъ и ботинокъ на коблуквахъ, и сторона эта развивается. Прибавить къ этому соблазнъ отъ «богатѣевъ разбойниковъ», скупающихъ управскій овесъ по четыре рубли и продающихъ по восьми.

Дѣльная, работающая «дѣвчонка» не хочетъ быть хуже дочери богатыя, которая знаетъ одно—лущить зубами семечки. Парень, рискующій насидѣться зимой безъ сапогъ, косить въ сапогахъ, чтобы показать, что онъ не хуже людей. Это чувство собственнаго достоинства, которому жизнь не указала проявленія выше; понятіе и парня и дѣвчонки о томъ, что значить быть не хуже людей, ни чуть не выше понятія дикари, который видитъ значеніе свое въ разныхъ привѣскахъ, въ родѣ колець и бусовъ въ носу и ухахъ. Но прежде не было и этого желанія показать себя не хуже другихъ людей. Малѣйшій достатокъ прятался отъ прежняго начальства; теперь трудъ сталъ въ известной степени воленъ,—если работникъ уцѣлѣлъ отъ кулацкой кабалы. Шегольство отчасти доказательство того, что человекъ можетъ добыть трудомъ, того, чего онъ стоитъ—это известное выраженіе сѣвероамериканцевъ, получило гражданство на языкѣ народа. «Нешто я полтинника въ день не стою? Нешто я не стою плавовой поддевки, матерчатого сарафана? «Что и говорить—оцѣнка очень низменная, но и высшія сословія не показываютъ примѣра другой. Какъ-бы враждебно ни относился народъ къ невѣрію баръ въ Антонія, папу римскаго, какъ-бы ни былъ онъ убѣжденъ, что господа молятся дьяволу, въ надеждѣ, что онъ вернетъ имъ крѣпостныхъ, но жизнь господъ съ комфортомъ и роскошью ея все-таки для толпы идеаль, подражать которому она стремится, хотя-бы въ пиджакахъ и ботинкахъ на каблукахъ. Высшіе классы всегда даютъ тонъ жизни.

Кромѣ стремленія показать себя не хуже другихъ, негодованіе стариковъ возбуждается еще свѣжею чертою въ молодомъ поколѣніи: въ немъ менѣе тупой выносливости, безнадежной безотвѣтности передъ произволомъ и насиліемъ. Старухи ворчатъ на молодыхъ «псовокъ» за то, что онѣ не хотятъ терпѣть. «Поглядѣть на нынѣшнюю страмоту, сердце разрывается. Какъ-же мы-то терпѣли? Какъ-же я-то сорокъ годовъ отъ слезъ свѣту бѣлаго, каковъ только свѣтъ бѣлый есть не видала? Какъ-же я понимала свою часть и терпѣла?» А часть была такая: лицо отъ побоевъ какъ чугуна черное, десны опухнуть, что крохи не укусишь—такъ измордуютъ. И это терпѣлось сорокъ годовъ, и это терпѣніе ставится какъ примѣръ исполненія долга, «свою часть понимала». Въ этихъ упрекахъ за нарушеніе завѣта старины — терпѣть, есть подкладка мелочной, злостной зависти: если я терпѣла, то чѣмъ-же ты лучше меня, что не хочешь терпѣть? «Высоко голову несешь, псовка».

Жалобы эти слышатся не въ одномъ мірѣ темныхъ старухъ; въ нихъ на одну долю искренней вѣры въ долгъ терпѣть и сми-

ряться, десять лицемѣрнаго признанія его, признанія, прикрывающаго собственную душевную дряблость, трусость, холопство. И поднимается крикъ о безпорядкахъ, о нарушеніи завѣтовъ старины, о разложеніи.

Это нежеланіе терпѣть и смиряться, конечно, разлагаетъ старые порядки деревенскаго міра, и не старикамъ и старухамъ понять, что оно ростокъ новаго, лучшаго порядка. Они видятъ только-что неповиновеніе во имя сапогъ и ботинокъ, пиджаковъ и модныхъ платьевъ подрываетъ крестьянскій порядокъ; но гдѣ имъ видѣть, что вся эта «мода», которою молодежь показываетъ себя не хуже людей, только ступень, какою темное сознаніе должно неизбѣжно перейти, поднимаясь до сознанія человѣчныхъ идеаловъ. До зерна доходятъ, раскусивъ и отбросивъ шелуху. Крупный процентъ умственной и нравственной черни, какъ темной, такъ и образованной, довольствуется одной шелухой; но иначе и быть не можетъ. Старики и старухи не понимаютъ, что въ выработкѣ этого процента участвуетъ и въ очень значительной степени ихъ излюбленная палка. Палка внушаетъ— не разсуждай, а повинуйся; умъ забить и человѣкъ погонится только за тѣмъ, что тѣшитъ чувства, разъ онъ стряхнулъ страхъ палки.

Старики и старухи не виноваты въ своей философіи палки. Никто не виноватъ, таковъ приговоръ, который произноситъ въ разсказѣ «Богъ грѣхамъ терпитъ» публика, выслушавшая разсказъ буетчика о томъ, какъ парень пришибъ нищаго.

«Ну, а мужичекъ-то, почтеннѣйшіе господа», спрашиваетъ одинъ голосъ изъ публики: «Куда мы его опредѣлимъ. Онъ какъ будетъ-то: виноватъ или не виноватъ, это вотъ тотъ старичекъ, что свою кончину принялъ. Вѣдь вотъ какъ никакъ, а ужъ положительно можно сказать, — нѣтъ человѣка. Все такъ то, всѣ не виноваты, а глядишь кто-нибудь и протянулъ ноги между прочимъ». Не мирится человѣчное чувство приговоромъ: никто не виноватъ въ напрасныхъ жертвахъ. Не карать виновныхъ, не вѣдавшихъ, что творять нужно ему; ему нужно, чтобы напрасныхъ жертвъ не было. А число жертвъ растетъ, растетъ. Безна страданій разверзается все шире и шире и съ каждымъ днемъ поглощаетъ новыя жертвы. Старики завѣщаютъ, какъ спасеніе, теорію палки; но палка о двухъ концахъ, они держали одинъ; страшно если молодежь, не получившая другого наслѣдія, кромѣ этой теоріи, схватится за другой. Удручающее впечатлѣніе производятъ разсказы объ этихъ жертвахъ. «Отъ нихъ становится душно; даже душно физически отъ этой тягости, ненужной путаницы человѣческихъ отношеній. Ненужные ужасы, намъ»

новѣйшія злодѣйства, огромнѣйшія недѣлнѣйшія недоразумѣнія, безцѣльныя жестокости—все это группируясь, вокругъ какого-то наслѣдственнаго «страха жить», страха цѣлнить бѣлый короткій день жизни и какъ-бы полной безнадежности дать этому короткому дню какое-нибудь содержаніе, кромѣ непрестанной тяготы и необузданной жадности—все это до такой степени удручало не только голову, а прямо грудь, что желаніе свободнаго воздуха дѣлалось неотразимымъ. «Воздуха! Свѣта!» вотъ крикъ оскорбленнаго, негодующаго чувства, говоритъ авторъ. До этого вывода съумѣетъ въ своемъ личномъ дѣлѣ додуматься и купецъ, герой разсказа «Богъ грѣхамъ терпитъ». «Кабы вы не были такіе дуракомы и остолопы, такъ и порядки были-бы другіе», говоритъ онъ избившимъ его дворникамъ, печникамъ и хозяиномъ, которые оправдываются тѣмъ, что били его для порядка.

«Наслѣдственный страхъ жить»—продуктъ восхваляемой стариками палки, создалъ задавленный крестьянскій міръ, который даетъ обирать себя своимъ-же старшинамъ, который по приказу становаго или кулака ставить надъ собой завѣдомаго міроѣда. Картина сельскихъ выборовъ, которую мы видимъ у г. Успенскаго, хорошо знакома каждому, кто видѣлъ деревню. Леонидъ Петровичъ, деревенскій падишахъ, однимъ окрикомъ своимъ поворачиваетъ крестьянскіе выборы, куда ему угодно. Крестьяне единодушно хотятъ выбрать своего человѣка, волнуются, кричатъ, даютъ зарокъ поставить на своемъ — и все это кончается печальной комедіей. Леонидъ Петровичъ вышелъ на крыльцо, дымя папироской, прикрикнувъ и міръ безпрекословно повиновался. «Тутъ ужъ меня рванулъ смѣхъ», говоритъ очевидецъ сцены,—но какой это смѣхъ! Безгласный міръ—рабъ копѣйки, міръ, грызущійся изъ-за лишняго лаптя земли, міръ продающій совѣсть за ведро водки, продающій совѣсть по первому окрику какого нибудь десятистепеннаго падишаха — вотъ деревенская идиллія, которую рисуешь г. Успенскій. И его нельзя обвинить въ произвольномъ выборѣ черныхъ тѣней. Факты, бьющіе въ глаза, говорятъ за него. Но писать такими красками не легко тому, кто не стоитъ на холодной высотѣ объективнаго творчества, а носитъ въ себѣ отзывъ на живую жизнь, которую изображаетъ. И это скорбное чувство выразилось въ Балашевскомъ баринѣ, герой очерка «Овца безъ стада». Баринъ пріѣхалъ въ деревню съ самыми радужными надеждами вліять, работать, поднять сельскій міръ, и спился съ горя, увидѣвъ безсиліе свое и силу ведра водки и Леонидовъ Петровичей.

Но если-бы г. Успенскій ограничился только этими фактами, бьющими въ глаза и дающими общій тонъ жизни, то его мож-

но-бы было обвинить въ поверхности взгляда. Подъ явленіями, всплывшими наверхъ и дающими общую окраску, всегда идетъ броженіе иныхъ началъ, зарождающихся или растущихъ, которыя въ свое время подготовятъ иные факты. Среди міра, продающаго совѣсть за ведро вина, среди молодежи, полагающей въ сапогахъ и модѣ достоинство человѣка, есть люди, не принимающіе теплыхъ полшубковъ безъ своей правды. Въ непроглядной тѣмѣ грубости и невѣжества порой мелькаетъ человѣчное пониманіе чужой скорби, человѣчное чувство, поднимающееся до высочайшихъ жертвъ; мысль бродитъ ощупью, ища выхода къ свѣту. Г. Успенскій замѣтилъ даже мимолетныя повѣстическія движенія черствой темной жизни. На голодную деревню падаетъ стая дикихъ гусей, забытыхъ бурей, полузамерзшихъ. Деревенскій міръ жалѣетъ ихъ, отогрѣваетъ и гуси, оправившись, улетаютъ. Міръ провожаетъ ихъ съ чувствомъ тоскливой радости, съ какою замученный человѣкъ смотритъ на полетъ вольной птицы. Крестьянамъ и завидна эта беззаботная волюшка и рады они, что выходили птицу для вольнаго полета. И только, когда гуси давно-давно скрылись изъ вида, голодный міръ спохватился, что судьба послала ему вкусную ѣду и на нѣсколько дней. При видѣ полузамерзшаго стада міръ могъ чувствовать только жалость къ забитой бурей «вольной птицѣ», могъ думать только объ одномъ, какъ-бы отходить ее. Своя кровная нужда была забыта передъ бѣдой птицы и забыта единодушно. Одно общее настроеніе охватило властительно всѣхъ до одного.

И въ этомъ, и въ другомъ очеркахъ г. Успенскій замѣтилъ еще черту—легкость и бессознательность, съ какою народъ отдается охватывающему его настроенію. Это черта общая всѣмъ массамъ; но она тѣмъ болѣе рѣзка, тѣмъ болѣе подавляюща, чѣмъ темнѣе, чѣмъ случайнѣе жизнь массы. Крестьяне съ изумительною легкостью не только принимаютъ на вѣру самые нелѣпые слухи, но и дѣлаютъ на основаніи ихъ безповоротные шаги. Стоитъ солдатику или странницѣ распустить какую-нибудь нелѣпость и деревня бросаетъ свое полураззоренное гнѣздо и идетъ искать счастья въ бѣлую Арапію. Прохоръ Порфиричъ говоритъ, что нѣтъ ничего легче, какъ подбить рабочихъ—уйти отъ кулака-хозяина. Уйдутъ сейчасъ, да послѣ накинута на подговорщика. Задавленное чувство обиды, негодованія, правды, могутъ вдругъ вспыхнуть отъ одного мѣткаго, сильнаго слова; но вспыхнуть для того только, чтобы тотчасъ угаснуть. Только когда чаша переполняется, когда нѣтъ исхода, чувство отчаянія поднимаетъ міръ стоять, какъ одинъ человѣкъ, стоять до вѣрной смерти. Распоясовцевъ переселяютъ съ ихъ земли.

Они раззорились на ходоковъ и бесплодно. Земля ихъ отнята юридически-законнымъ путемъ. Безъ земли — смерть, такъ ужъ лучше умереть отстаивая землю, и они умираютъ. Умирать русскій человѣкъ всегда умѣлъ. Удивительно умираетъ русскій человѣкъ, сказалъ Тургеневъ въ своей повѣсти «Три смерти» изумляясь простотѣ и спокойствію, съ какими встрѣчается смерть. Но съ такою простотою, съ такимъ спокойствіемъ умираютъ только тамъ, гдѣ дешева жизнь. Краснокожіе тоже умираютъ съ изумительнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ. Люди, которымъ дорога жизнь, могутъ встрѣчать смерть безъ малодушнаго отчаянія, безъ напускнаго молодечества, могутъ героически смотрѣть ей въ глаза, какъ неизбежному злу, но изумительнаго неестественнаго спокойствія и равнодушія не будетъ. Они возможны только тамъ, гдѣ жизнь страшнѣе смерти, тамъ, гдѣ не умѣютъ жить. Въ длинномъ рядѣ эскизовъ г. Успенскаго сознательный, дружный и стойкій актъ энергіи мы видимъ только въ смерти распясовцевъ. Потрясающимъ, какъ звонъ погребальнаго колокола, звукомъ отдаются слова его: распясовцы умирали.

Общій мрачный тонъ съ рѣдкими просвѣтами эскизовъ г. Успенскаго говоритъ о жизни, которая находится въ положеніи, называемомъ на математическомъ языкѣ—неустойчивымъ равновѣсіемъ. Для бѣглаго взгляда чаши вѣсовъ неподвижны, вѣсъ равенъ; но стоитъ взглянуть пристальнѣе и станеть очевиднымъ, что достаточно легкаго толчка, легкаго передвиженія тяжестей—и чаши вѣсовъ опрокинутся. Крестьянскій міръ, подобострастно повинующійся Леониду Петровичу, и тотъ-же міръ, единодушно высказывающій негодованіе свое за то, «что людей мѣняли на собакъ»; Василиса, продающая себя ради того, чтобы шелковымъ платьемъ уничтожить обидчицу,—и паренъ, отрекающійся отъ теплаго полушубка, если его Миронъ представитель—обманъ; староста изъ разказа «Безъ опредѣленныхъ занятій», властительно дѣлающій выговоръ герою очерка за то, что тотъ безъ спроса привезъ даровую оспу и разгласилъ на міру о томъ, что она даровая, и мужикъ, съ восхищеніемъ одобряющій героя за то, что онъ этимъ вывелъ на свѣжую воду поборы старосты на оспу; Василиса—это воплощеніе здороваго труда, проклинаящая трудъ, когда она убѣждалась, что къ ней не относились *взаправду*, какъ къ человѣку, а видѣли только выючный скотъ,—и Иванъ Абрамычъ, лѣноватый и неуклюжій, который только при возвращеніи къ «хрестіянскому труду» на своей земелькѣ воскресаетъ къ жизни и сіяетъ благодушіемъ и благообразіемъ; темная масса, которая въ каждомъ желаніи при-

нести ей искру свѣта, видитъ «шарлатанство, котораго нонече много разведось»,—и Михаила Иванычъ съ его безпредѣльнымъ уваженіемъ къ наукѣ и святыми надеждами на «передышку», на «новое время»,—все это лежитъ на вѣсахъ. Неустойчивое равновѣсіе держится «наслѣдственнымъ страхомъ жить». Но и страху есть мѣра. Разъ она переполнена — страхъ смерти вытравляется и создаются распоясовцы. Вотъ потрясающій выводъ, къ какому приводятъ рядъ эскизовъ изъ народной жизни, написанный перомъ самаго талантливаго изъ нашихъ писателей-народниковъ. Авторъ пришелъ къ нему добросовѣстнымъ изученіемъ жизни народа. Не легко дался ему выводъ этотъ; о томъ говорятъ многія скорбныя, жгучія строки, за которыя автора осудятъ теоретики объективно-художественнаго творчества, но которыми онъ дорогъ намъ, потому-что въ нихъ видѣнъ живой человѣкъ, отравленный скорбью своего вѣка, живущій лучшими идеалами его; писатель, сказавшій горькую правду о темныхъ сторонахъ русскаго народа, но указавшій и права его на будущее.

И. Цобрякова.

РЕФОРМА КРЕСТЬЯНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Съ небывалой быстротой движется общество наше по пути реформъ, затрогивающихъ самые важные и насущные интересы Россіи. Удивительно легко, почти шутя, справились мы съ вопросомъ о пьянствѣ, затѣмъ перешли къ переселеніямъ и уже имѣемъ по поводу ихъ нѣсколько практическихъ мѣропріятій, потомъ столь же скоро обследовали еврейскій вопросъ и, наконецъ, теперь остановились на реорганизаціи мѣстныхъ учрежденій. Нѣтъ сомнѣнія, что и эта послѣдняя реформа, для которой уже собраны всѣ матеріалы, скоро будетъ готова, и такъ или иначе не замедлитъ разрѣшиться то напряженное ожиданіе, съ которымъ общество относится къ дѣятельности комиссіи, вырабатывающей проектъ новой реформы. Конечно, на этотъ разъ затрудненія сложнѣе, глубже и многочисленнѣе, чѣмъ при рѣшеніи прежнихъ задачъ, но вся сила этихъ затрудненій можетъ чувствоваться лишь тогда, если войти въ ихъ принципиальную сущность и обратить вниманіе на коренныя условія неудовлетворительности существующаго строя мѣстнаго управленія. Стоитъ только обойти эти условія, и реформы, разумѣется, посыплются, какъ изъ рога изобилія, и мы сами будемъ лишь удивляться плодовитости нашего государственнаго творчества. Къ сожалѣнію, опытъ рѣшенія двухъ вопросовъ пока не обнаружилъ въ насъ ничего, кромѣ наклонности и рьяной готовности къ мелочному и поверхностному прожектерству, иногда даже мало свѣдущему, что чувствовалось, напр., при обсужденіи комиссіей переселенческаго вопроса. Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что послѣднее неудобство, т. е. недостатокъ свѣденій и фактовъ, не можетъ имѣть мѣста въ занятіяхъ комиссіи, работающей нынѣ надъ преобразованіемъ мѣстнаго управ-

вленія. Какъ слышно, сенаторы, производившіе ревизію, доставили комиссіи множество всякаго рода свѣденій и фактическихъ данныхъ. Но и помимо этого, наши мѣстные учрежденія приобрѣли всеобщую, хотя и печальную извѣстность, усилить которую было-бы даже мудрено мимолетнымъ обзоромъ или ревизіей. Знакомство общества съ этими учрежденіями не случайно, ибо почти 20 лѣтъ оно на себѣ испытываетъ ихъ дѣйствіе и частью само является въ нихъ активнымъ дѣятелемъ, и если общество въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ считалось компетентнымъ судьей въ дѣлѣ о переселеніяхъ или о пьянствѣ, то здѣсь и подавно сужденіе его можетъ быть признано цѣннымъ и высокимъ.

Въ настоящее время еще трудно сказать, обвинять-ли предстоящая реформа все мѣстное управленіе, или-же она коснется только нѣкоторыхъ частей его. Несомнѣнно, однако, что общество ждетъ перваго, что и естественно по тѣсной связи между всѣми органами управленія, относительно которыхъ едва-ли можно рѣшить, какой изъ нихъ наименѣе нуждается въ преобразованіи. Что касается собственно крестьянскихъ учрежденій, то толки о настоятельности для нихъ реформы сдѣлались общимъ мѣстомъ современной печати. Точно также всѣми сознается невозможность оставить и земство въ его нынѣшнемъ неопредѣленномъ положеніи. Преобразование-же двухъ этихъ органовъ управленія, т. е. земства и крестьянскихъ учрежденій, неизбѣжно приводитъ къ необходимости затронуть и третій элементъ—губернскую и уѣздную правительственную власть.

I.

Еще съ начала семидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней постоянно высказывается въ обществѣ и литературѣ убѣжденіе въ несостоятельности существующихъ крестьянскихъ учрежденій. Самымъ слабымъ мѣстомъ ихъ обыкновенно считаются уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, система волостного управленія, вмѣстѣ съ волостнымъ судомъ, крайняя несамостоятельность выборныхъ сельскихъ властей и излишнее обиліе органовъ правительственной опеки и надзора за деревней. Пока все дѣло ограничивается критикой крестьянскихъ учрежденій, трудно не согласиться съ ея выводами и указаніями, и членамъ комиссіи, рѣшающимъ судьбу нашего мѣстнаго управленія, неизбѣжно придется считаться съ только-что перечисленными слабыми сторонами его. Однако, слышимъ тутъ-же замѣтить, что къ этой

критикѣ нужно относиться съ большой осторожностью, потому что и въ жизни, и въ литературѣ зачастую приходится встрѣчаться съ мѣтніями, въ которыхъ, подъ оппозиціонно-либеральной оболочкой, нетрудно разглядѣть партіонныя притязанія на власть надъ народомъ во имя того либо другого сословнаго преимущества, а то и просто чисто-крѣпостническія, хотя и облагоустроенныя, поподзновенія. Мы говоримъ далеко не голо-словцо. Читатель, пробѣгающій газеты, вѣроятно, замѣтилъ въ нихъ въ послѣднее время плачь по упраздненному институту мировыхъ посредниковъ. Одна весьма либеральная газета недавно заключила свои размышленія о предстоящей реформѣ крестьянскихъ учреждений прямымъ совѣтомъ возстановить этотъ институтъ. Другая, столь-же либеральная газета, заговоривъ о народѣ, торжественно предостерегала: «не разнуздывать звѣря», позабывъ, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро собственный горькій опытъ «взнузданнаго» состоянія. Затѣмъ въ одномъ толстомъ журналѣ съ ярко-либеральными тенденціями, въ статьѣ объ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствіяхъ, утверждается, что народъ нашъ совершенно не подготовленъ къ самоуправленію, что онъ привыкъ «къ произволу и палкѣ» и даже «подлюбилъ ихъ» (!) И при всемъ томъ авторъ этихъ курьезныхъ разсужденій не прочь отъ крестьянскаго самоуправленія, но онъ рекомендуетъ только взять его подъ надзоръ. «Очевидно, говоритъ онъ,—что для крестьянскаго самоуправленія необходимъ правительственный надзоръ и именно съ цѣлью вызвать къ жизни это самоуправленіе». Читатель видитъ, что мы не напрасно совѣтуемъ ему относиться съ разборчивостью къ либеральной критикѣ существующихъ крестьянскихъ учреждений. Указанія ея на ихъ недостатки и слабья стороны могутъ быть вполнѣ справедливы, но есть что-то такое, что мѣшаетъ безпристрастной и правдивой оцѣнкѣ причинъ этихъ недостатковъ и въ особенности средствъ къ ихъ устраненію. Другое дѣло, если заходить рѣчь о самоуправленіи для самого общества. Въ этомъ случаѣ либеральные публицисты что-то не просятъ взять общество подъ надзоръ, но они желаютъ, однако, или взять подъ свой надзоръ народъ, или, на худой конецъ, отдать его правительству для взнузданія. Господа либералы съ предводимою ими буржуазно-интеллигентною частью общества лишній разъ доказываютъ только, что народу нечего искать у нихъ справедливости, которой они добиваются лишь для себя, допѣвая старую пѣсню о необходимости своего преобладанія надъ народомъ.

Если дать себѣ трудъ вникнуть въ неурядицу, царящую въ нынѣшнихъ крестьянскихъ учрежденіяхъ, то мы неизбежно долж-

ны будемъ отнести ее всецѣло къ тому общему взгляду на народъ, который защищался въ эпоху крестьянской реформы взятыми вѣрнопостниками, а нынѣ поддерживается и развивается, подъ разными благовидными предлогами, интеллигентно-буржуазной частью общества въ лицѣ его практическихъ и литературныхъ дѣятелей. Вопреки свидѣтельству всей нашей исторіи и повседневнымъ фактамъ жизни, народъ нашъ считается недоросшимъ до самоуправленія, до самостоятельнаго веденія своихъ ближайшихъ дѣлъ, въ которыхъ онъ будто-бы смыслить гораздо меньше всякаго сторонняго благодѣтеля изъ образованнаго класса. Говорятъ, что вѣрнопостное право было плохой школой самоуправленія, которая должна была убить или ослабить способность къ нему. Но вѣдь это говорятъ тѣ образованные, высшіе классы, которые сами не прошли никакой школы самоуправленія и, ужь конечно, дали въ тысячу разъ меньше практическихъ доказательствъ своей способности къ нему, чѣмъ крестьяне, среди которыхъ принципъ самоуправленія уцѣлѣлъ и сохранился во всей силѣ, несмотря на нѣсколько столѣтій систематическихъ усилій подавить въ народѣ всякую волю и всякую самостоятельность. Но хотя образованные классы не приняли никакой школы самоуправленія и рѣшительно ничѣмъ не проявили своихъ особыхъ способностей въ этой сферѣ, они, однако, умѣютъ требовать для себя полной свободы въ управленіи своими дѣлами. И, безъ всякаго сомнѣнія, они вполнѣ правы, ибо, если исходить изъ того только, что они еще не подготовлены къ самоуправленію, то они и никогда не подготовятся къ нему, пока оно не будетъ дано имъ. Но если дѣло идетъ о народѣ, то тутъ не можетъ быть мѣста и этому даже соображенію о неподготовленности и недостаточной опытности крестьянъ. Народъ положительно не можетъ жить безъ самоуправленія, и можно сказать безъ преувеличенія, что скорѣе онъ научить этому искусству наше общество, чѣмъ оно его. Но въ чемъ, дѣйствительно, выразилась блестящимъ образомъ неспособность народа, такъ это именно въ дѣлѣ того искаженнаго самоуправленія, которое дано ему нынѣ и которое никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть въ своей нынѣшней формѣ успѣха, какъ-бы ни было велико политическое развитіе и политическая опытность лицъ, пользующихся такимъ самоуправленіемъ. Самоуправленіе должно быть самоуправленіемъ или его не должно быть вовсе. Разъ найдено возможнымъ ввѣрить опредѣленную область интересовъ собственнымъ заботамъ народа, ему необходимо предоставить въ этой области такую власть, которая должна пользоваться въ отмежеванныхъ границахъ полнымъ авторитетомъ и

всѣми атрибутами *государственной* власти вообще. Въ этомъ заключается основной принципъ самоуправленія, какъ онъ понимается государственной наукой. Всѣмъ извѣстно, что въ крестьянскомъ самоуправленіи, какъ и въ земскихъ учрежденіяхъ, почти совершенно нѣтъ мѣста этому принципу; народныхъ властей у насъ не существуетъ *de facto*, и въ самомъ маленькомъ дѣлѣ, порученномъ *de jure* вѣденію самаго народа, не онъ пользуется полновластьемъ, не онъ и не его уполномоченный считаются *правительствомъ*, а чиновникъ или другое какое-либо стороннее лицо изъ высшихъ классовъ. Совершенно то-же самое мы видимъ и въ земскихъ учрежденіяхъ, роль которыхъ въ отношеніи власти до такой степени также неопредѣлена, что до сихъ поръ, т. е. въ теченіи 16 лѣтъ не могъ быть рѣшенъ вопросъ о томъ, должны-ли они быть признаны государственными, т. е. правительственными учрежденіями, или-же это какія-то частныя общественныя товарищества, что-то въ родѣ всесловныхъ клубовъ.

Изъ всего этого, кажется, ясно, что предстоящая реформа крестьянскихъ учрежденій можетъ быть плодотворной лишь тогда, если она будетъ направлена не въ сторону усиленія надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ, но въ совершенно обратную сторону возможнаго очищенія его отъ примѣся чиновничьяго или помѣщичьяго элемента, усердно навязывающаго въ послѣднее время свое покровительство народу. Усиливать надзоръ значитъ усиливать ту коренную причину, которая породила, главнымъ образомъ, хаосъ и путаницу во всемъ строѣ нынѣшнихъ крестьянскихъ учрежденій. Если прослѣдить исторію этихъ учрежденій со времени Положенія 19 февраля, то мы увидимъ, что она отиѣчена прогрессивнымъ усиленіемъ чиновничьяго элемента, достигшаго, наконецъ, въ крестьянскомъ самоуправленіи такого громаднаго значенія и силы, что самое это самоуправленіе обратилось въ вопросъ. Вокругъ деревни столпилась такая масса властей, что ея обыватель не можетъ шагу сдѣлать по своей волѣ и по своему усмотрѣнію. Если-бы даже всѣ эти власти были выборными, а не по назначенію отъ правительства, то и въ такомъ случаѣ ихъ невѣроятное изобиліе крайне стѣсняло-бы сельское населеніе. Но, кромѣ того, власти эти, не имѣя точно опредѣленныхъ функцій, сталкиваются какъ съ выборными сельскими властями, такъ и другъ съ другомъ, и въ результатѣ получается ужаснѣйшее административное столпотвореніе, превращающее современную деревню въ подлинный адъ кромѣшный, отъ котораго мужикъ уже начинаетъ спасаться бѣгствомъ и переселеніемъ, какъ это удостовѣрено новѣйшими фактами.

II.

Последній періодъ крестьянской реформы, предшествовавшій обнародованію Положенія 19 февраля, былъ ознаменованъ, какъ извѣстно, рѣзкимъ поворотомъ правительственной политики. Крѣпостническая партія, убѣдившись, что больше того, что уступлено ей правительствомъ на экономической почвѣ, она ничего не получитъ, благодаря сопротивленію редакціонныхъ комиссій въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности, усиленно стала домогаться административныхъ правъ надъ освобожденными крестьянами. Большинство депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ настаивало на предоставленіи помѣщикамъ высшаго контроля надъ властью, мотивируя эти безцеремонныя притязанія тѣмъ соображеніемъ, что «помѣщики стоятъ на высшей ступени образованія и представляютъ болѣе залоговъ *нравственности* и разумнаго пониманія своего долга». Поэтому проекту власть помѣщика надъ волостью должна быть *безсрочной*, и только уѣздному дворянскому собранію предоставлялось право нѣкотораго вмѣшательства въ дѣло управленія волостью. Требования дворянства не были удовлетворены во всемъ ихъ объемѣ, однако, непрерывныя домогательства, ходатайства и происки его побудили правительство сдѣлать и нѣкоторую уступку дворянамъ, которая и выразилась въ весьма широкихъ полномочіяхъ, предоставленныхъ мировымъ посредникамъ. Самый институтъ мировыхъ посредниковъ, о которомъ теперь вздыхаетъ нѣкоторая часть либеральной печати, былъ, по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательною со стороны государства. Но во всякомъ случаѣ было-бы верхомъ неразумія снова возстановлять этотъ институтъ чисто-дворянской власти, упраздненный самимъ правительствомъ потому собственно, что, послѣ введенія уставныхъ грамотъ, для посредниковъ положительно не осталось никакого разумнаго дѣла. На примѣрѣ этого учрежденія можно ясно видѣть несостоятельность всякаго барскаго надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Собственно, по закону, посредники, помимо введенія уставныхъ грамотъ, обязаны были наблюдать за порядкомъ въ волостныхъ правленіяхъ, слѣдить за правильностью дѣйствій волостного и сельскаго начальства и вообще защищать интересы всего крестьянскаго населенія. Но извѣстно, однако, что посредники, если дѣлали что-нибудь полезное, то лишь въ первые годы послѣ ихъ назначенія, т. е. когда надо было вводить уставныя грамоты, а затѣмъ, несмотря на то, что для нихъ оставалось еще широкое поле дѣятельности, они, кромѣ безобразій и, въ лучшемъ

случаѣ, полнѣйшаго равнодушія къ интересамъ крестьянъ, ничего не обнаруживали. Но важнѣйшее зло, которое внесли посредники въ сферу крестьянскаго самоуправления, состоитъ въ томъ, что они, вмѣсто того, чтобы поощрять крестьянъ самостоятельно пользоваться всею полнотою власти, предоставленной имъ закономъ, наоборотъ, отъучали ихъ отъ этого и подавляли въ нихъ всякую свободную инициативу своею собственною властью, неограниченной и безконтрольной. На первыхъ порахъ либеральнѣйшіе изъ посредниковъ пытались было намѣренно ступевываться съ своею властью предъ выборными сельскими властями и на волостныхъ сходахъ, но всѣ эти попытки имѣли больше комическій характеръ. Такой посредникъ, напримѣръ, нарочно являлся пятью минутами позже для открытія волостного схода и публично извинялся въ томъ, въ изысканнѣйшихъ выраженіяхъ, предъ недоумѣвавшимъ собраніемъ. Посредники этого сорта ставили себя непремѣннымъ долгомъ говорить старшинамъ и всѣмъ крестьянамъ «вы», «господинъ», «не угодно-ли вамъ», «потрудитесь» и пр. Однако, все-таки, вліяніе и такихъ посредниковъ сводилось къ тому, что своимъ вѣщательствомъ они лишь смущали крестьянъ и заставляли ихъ, не столько самостоятельно заниматься своими дѣлами, сколько прозрѣвать чужія, — посредническія, — намѣренія и желанія. Иначе и быть не могло. Къ крестьянскому самоуправленію приставлена была совершенно чуждая и сильная власть, съ которой необходимо было ладить уже потому, во-первыхъ, что изъ всякихъ столкновеній она всегда-бы вышла побѣдительницей, а, во-вторыхъ, такія столкновения, если ихъ не предупредить, постоянно тормозили-бы дѣла или даже совершенно остановили-бы ихъ. Крестьяне очень хорошо понимали это, но разъ самоуправленіе вступаетъ на такой путь подчиненія себя сторонней и чуждой власти, разъ оно не прибѣгаетъ къ собственной власти, оно перестаетъ быть самимъ собою, перестаетъ существовать, какъ таковое, и вырождается въ нѣчто столь-же безцѣльное, неопредѣленное и хаотическое, какъ и весь нынѣшній строй крестьянскихъ учреждений. Такое ложное направленіе крестьянскія учреждения приняли очень скоро послѣ введенія института мировыхъ посредниковъ. Какъ это покажется «посредственнику», что онъ скажетъ, да какъ взглянуть?—объ этомъ только и заботился волостной сходъ съ своими выборными властями. Посредники въ своемъ огромномъ большинствѣ, даже либеральные и расположенные къ крестьянамъ, не терпѣли въ нихъ прекословія и какихъ-бы то ни было проявленій независимости и самостоятельности. Всякое дѣло, прежде разсмотрѣнія его на волостномъ сходѣ, уже было предрѣ-

шено посредникомъ, и даже важнѣйшая функція крестьянскаго самоуправленія — выборъ должностныхъ лицъ, присвоена была себѣ посредникомъ. Стоило только ему стороною заявить двумъ, тремъ вліятельнымъ крестьянамъ, что хорошо было-бы выбрать въ старшины такого-то, и сходъ безропотно исполнялъ волю посредника, и что это постоянно практиковалось въ крестьянскомъ «самоуправленіи» — это всемъ хорошо извѣстно. Посредники, намѣчая въ старшины то или другое лицо, не всегда руководились корыстными и сословными побужденіями, — это правда; иногда, предрѣшая выборъ старшины, они, какъ имъ казалось, дѣйствовали въ интересахъ самихъ крестьянъ. Выборъ ихъ въ этомъ случаѣ останавливался на такихъ лицахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, были наиболѣе разумными, толковыми и всего болѣе «смирными». Все это вполне естественно съ точки зрѣнія посредниковъ, такъ-какъ имъ приходилось быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ старшиной, и его непонятливость, а пуще всего, строптивость постоянно раздражала-бы и затрудняла ихъ. Однако, безъ преувеличенія можно сказать, что выборъ посредника въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ могъ-бы совпасть съ выборомъ самихъ крестьянъ, если-бы они выбирали самостоятельно. Далеко не всегда лицо благоразумное и толковое удостоилось-бы выбора самихъ крестьянъ, а что касается «смирныхъ» людей, то они-то были-бы послѣдними кандидатами въ старшины, ибо, хотя они вообще очень уважаются народомъ, но онъ никогда не поручаетъ имъ отстаиваніе своихъ кровныхъ интересовъ, выбирая для этого людей побойчѣе, которые за словомъ не полѣзутъ въ карманъ и съумѣютъ встать за мѣръ, — людей, которые въ глазахъ посредника были-бы самыми неподходящими старшинами. Замѣчено было вообще, что во многихъ мѣстахъ, тотчасъ послѣ введенія «Положенія», крестьяне выбирали въ старшины именно людей послѣдняго порядка, не столько благоразумныхъ, сколько смѣлыхъ и отважныхъ, наименѣ склонныхъ робѣть предъ лицомъ господъ и начальства. Впослѣдствіи все пошло иначе, выбирались не мѣрскіе люди, а угодники начальства, благоразумные и осторожные плуты, сдѣлавшіеся послушными агентами посредника и чиновниковъ. И въ такую сторону направили крестьянское самоуправленіе впервые посредники, по которымъ теперь вздыхаетъ наивная или лицемерная — кто ее знаетъ — фракція либераловъ. Посредники-то и приучили народъ смотрѣть на свое волостное самоуправленіе и на своихъ выборныхъ властей, какъ на нѣчто такое, что нужно для potreбы начальства и господъ, и сдѣалось это, собствен-

но говоря, само собой, не столько по личной злонамѣренности посредниковъ, сколько благодаря тому ненормальному положенію, въ которое они поставлены были относительно крестьянскихъ учреждений. Это должно было произойти со всякимъ самоуправленіемъ, какъ крестьянскимъ, такъ и земскимъ, разъ оно утратитъ свой важнѣйшій атрибутъ—независимую власть. Крестьяне, можетъ быть, и нуждались на первыхъ порахъ въ стороннемъ руководствѣ, такъ-какъ волостное самоуправленіе для нихъ было искусственнымъ учрежденіемъ, но оно еще болѣе чуждо было дворянамъ и помѣщикамъ, изъ которыхъ выбирались посредники, и все содѣйствіе ихъ могло-бы состоять лишь въ томъ, что, какъ болѣе образованные, они разъясняли-бы крестьянамъ смыслъ новыхъ законоположеній. Но всего болѣе необходимо было позаботиться о томъ, чтобы посредники не имѣли никакой возможности оказывать давленіе на крестьянъ, ихъ авторитетъ долженъ быть нравственный и выборъ ихъ слѣдовало поручить самимъ крестьянамъ. Существуетъ также мнѣніе, что для того, чтобы подобное руководство, въ которомъ нуждаются крестьяне для веденія всякаго дѣла, создаваемого искусственно и безъ предварительнаго совѣщанія съ ними, не сводилось силою вещей къ давленію и господству надъ ними, ихъ руководителей и совѣтниковъ, послѣдніе должны сами занять въ этомъ дѣлѣ такое-же прямое участіе, какъ и крестьяне. Другими словами, волостное управленіе съ самаго начала должно-бы получить безусловный или, лучше сказать, всесловный характеръ, на подобіе земства. Конечно, это было-бы несравненно лучше, чѣмъ прямо подчинять крестьянъ власти высшаго сословія. Во всякомъ случаѣ создавать что-либо подобное институту мировыхъ посредниковъ, ставить крестьянское самоуправленіе въ зависимость отъ воли и усмотрѣнія лицъ, интересы которыхъ пока еще совершенно противоположны интересамъ народа, это было-бы худшей изъ комбинацій, какая могла-бы быть придумана для возрожденія нынѣшнихъ крестьянскихъ учреждений. Въ настоящее время стараются облить институтъ посредниковъ указаніемъ на нѣкоторые случаи, въ которыхъ эти посредники дѣйствовали будто-бы въ интересахъ народа и заслужили его признательность. Дѣло это старое и касаться-бы его здѣсь не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что, какъ уже замѣчено, не въ личности посредниковъ главное зло, а въ томъ положеніи, въ которое они поставлены были къ крестьянскому самоуправленію. Но мимоходомъ замѣтимъ, что посредники и первой и второй эпохи въ своемъ огромномъ большинствѣ не только не заслужили признательности народа,

но, напротивъ, оставили по себѣ среди крестьянъ, конечно, а не помѣщиковъ, самую дурную славу. До сихъ поръ еще въ народѣ можно услышать горькія сѣтованія противъ посредниковъ, нерѣдко даже озлобленіе. Дѣйствительно, только благодаря посредникамъ, масса крестьянъ сидитъ теперь «на песочкахъ и низочкахъ», мыкая безъисходное горе, и еще большая масса ихъ побросала свои надѣлы, благодаря тѣмъ-же посредникамъ, и въ особенности наиболѣе энергическимъ и дѣятельнымъ изъ нихъ, вызывающимъ нынѣ наиболѣе похвалъ институту посредниковъ со стороны quasi-либеральной печати. Посредникамъ-же слѣдуетъ приписать и то равнодушіе, которое питаетъ народъ къ волостнымъ и земскимъ учреждениямъ. Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ сельскіе власти и земскіе гласные выбирались крестьянами свободно, посредники по болѣйшей части навязывали своихъ кандидатовъ и иногда по этому поводу возникали скандальнѣйшія пререканія.

III.

Съ упраздненіемъ института посредниковъ крестьянское самоуправленіе не ожило, но продолжало все болѣе и болѣе вырождаться. Въ моментъ этого упраздненія крестьянскія учрежденія уже въ достаточной степени были обезсилены опекой и надзоромъ, но по странной слѣпотѣ причины такого обезсиленія отнесены были тогда къ недостаточности надзора и покровительства за деревней. Въмѣсто посредниковъ возникли канцеляріи новѣйшей формациі—уѣздныя крестьянскія присутствія. Сословно-бюрократическій составъ этихъ присутствій окончательно добилъ-бы крестьянское самоуправленіе, если-бы только не было особыхъ условій, нѣсколько парализовавшихъ прыть и энергію этихъ присутствій. По своему коллегіальному устройству, крестьянскія присутствія не могли дѣйствовать, какъ живой человѣкъ, они больше обсуждали, читали и писали, чѣмъ дѣйствовали, больше тормозили ходъ дѣла, чѣмъ сознательно толкали его въ ту или другую сторону. Впрочемъ, стороннее вмѣшательство въ дѣла деревни все-же продолжалось, но только въ болѣе безпорядочной формѣ, чѣмъ прежде.

Помѣстный элементъ представленъ въ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствіяхъ въ высшей мѣрѣ. Предсѣдателемъ въ нихъ состоитъ уѣздный предводитель дворянства, онъ-же, какъ извѣстно, предсѣдательствуетъ и на земскомъ собраніи и испол-

нуетъ еще множество другихъ обязанностей. Собственно говоря, только физическая невозможность всюду поспѣвать ограничиваетъ его вліяніе на рѣшеніе дѣлъ, поступающихъ на разсмотрѣніе крестьянскихъ присутствій, но всякій разъ, когда это вліяніе обнаруживается фактически, оно, конечно, не можетъ быть полезнымъ для деревни. Трудно и требовать безпристрастія тамъ, гдѣ существуетъ противоположность интересовъ. Какъ-бы ни были возмутительны дѣйствія старшины, на котораго подана жалоба въ присутствіе, онъ всегда будетъ оправданъ, если успѣлъ заручиться личнымъ расположеніемъ предсѣдателя оказанными ему услугами, напр., аввуратнымъ выгодомъ на его поля рабочихъ, выгоднымъ наймомъ ихъ, иногда воздѣйствіемъ на сходъ для полученія приговора на право открытія питейнаго заведенія, чѣмъ не всегда брезгаетъ наше благородное дворянство, по нынѣшнимъ труднымъ временамъ.

Съ такой-же личной точки зрѣнія долженъ смотрѣть на сельскихъ властей и непремѣнный членъ—другой представитель помѣстнаго элемента въ крестьянскихъ присутствіяхъ. Онъ избирается на губернскихъ собраніяхъ изъ помѣщичьяго сословія; личные дворяне избираются только тогда, если владѣютъ минимумъ тысячею десятинами земли. При такомъ высокомъ цензѣ трудно, разумѣется, ожидать цѣлесообразнаго выбора, особенно теперь, когда размѣры помѣщичьяго землевладѣнія быстро сокращаются. Такихъ тысячныхъ землевладѣльцевъ очень мало и между личными дворянами, во многихъ мѣстахъ ихъ гораздо больше въ настоящее время между купцами, а всего чаще крупные землевладѣльцы-помѣщики вовсе не живутъ на мѣстѣ. Непремѣнный членъ является, однако, вмѣстѣ съ исправникомъ, главнымъ воротилою и заправителемъ всѣхъ дѣлъ въ уѣздныхъ присутствіяхъ. Хотя каждый изъ членовъ присутствія имѣетъ право возбуждать самостоятельно дѣла, принимать жалобы отъ просителей и дѣлать предварительныя разслѣдованія, но всѣ эти обязанности въ дѣйствительности лежатъ лишь на непремѣнномъ членѣ, такъ-какъ отъ нихъ добровольно отказываются остальные члены. Такое положеніе непремѣннаго члена даетъ ему возможность окрашивать всякое дѣло, докладываемое имъ собранію, въ тотъ цвѣтъ, въ какой ему вздумается. Правда, онъ самолично ничего не рѣшаетъ, это право принадлежитъ всему присутствію, но отъ этого происходитъ только новое и худшее неудобство—страшная проволочка въ дѣлахъ, которыя, хотя и рассмотрѣны и выяснены, предварительно ждутъ рѣшенія по годамъ, заставляя крестьянъ за десятки верстъ таскаться

ся за справками, скоро-ли состоится рѣшеніе по ихъ дѣлу. На это всего больше можно услышать жалобъ отъ крестьянъ. Но и помимо этого обстоятельства, какія гарантіи справедливаго рѣшенія дѣлъ находимъ мы въ уѣздныхъ присутствіяхъ?

Самое вліятельное лицо въ уѣздныхъ присутствіяхъ есть исправникъ. Если предводитель дворянства и непремѣнный членъ смотрятъ на крестьянскихъ должностныхъ лицъ съ своей особой точки зрѣнія, преимущественно сословной, то и у исправника имѣется точка — полицейско-фискальная. Самый безобразный старшина найдетъ въ немъ защиту, если онъ безведомочно выколачиваетъ подати, и, напротивъ, наилучшій старшина, радѣющій объ общественныхъ дѣлахъ, будетъ вполне бесполезенъ для крестьянскаго общества, если онъ не въ милости у исправника. Не говоря уже о томъ, что такой старшина утратитъ престижъ власти и вліянія, натерпится всякихъ оскорбленій «словомъ и дѣйствіемъ» и насидится въ кутузкѣ, онъ ничего не успеетъ сдѣлать для крестьянъ и самое пустое его ходатайство и просьба за миръ не будутъ уважены присутствіемъ, благодаря исправнику. Вліяніе и власть старшина пріобрѣтеть только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ на хорошемъ счету у исправника, но тогда онъ можетъ безконтрольно распоряжаться миромъ и волостью въ полной увѣренности, что ему все сойдетъ съ рукъ.

Весьма характерно для всего крестьянскаго самоуправленія, что уѣздныя присутствія завалены жалобами крестьянъ на ими-же выбранныхъ властей. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, власти, повидимому, подчиненные крестьянскому сходу, становятся, однако, неограниченными повелителями его, держать его въ полномъ подчиненіи у себя, дѣлаютъ съ нимъ что хотятъ, и, что всего удивительнѣе, выбираются на новые сроки крестьянами, отъ души ненавидящими ихъ? Явленіе это замѣчалось и при посредникахъ, но теперь оно настолько обыкновенно, что перестало обращать на себя вниманіе. Независимо отъ другихъ причинъ такого удивительнаго явленія, оно въ значительной мѣрѣ поддерживается и уѣздными присутствіями, которыя въ большинствѣ случаевъ держатъ руку волостныхъ старшинъ и, оправдывая ихъ по всемъ жалобамъ, которыя подаются на нихъ крестьянами, поселяютъ въ нихъ убѣжденіе, что старшины эти — угодны начальству, что они сила и тягаться съ ними не приходится. «Выберешь, говорятъ крестьяне, — старшину совѣстливаго, наживешь бѣду; какъ ему поладить съ начальствомъ». При томъ-же такіе старшины, какъ уже замѣчено, вполне бесполезны для крестьянъ, какъ это они сами хорошо

знають; такимъ старшинамъ нѣтъ ходу и положеніе ихъ крайне плачевное. Въ настоящее время, порядочные крестьяне сами не идутъ въ старшины, отбиваясь отъ этой почести и деньгами, и водкой, и всякими правдами и неправдами общество теперь выбираетъ старшинъ не для себя, не для своихъ общественныхъ дѣлъ, а для «ладу съ начальствомъ», тогда-какъ поладить съ начальствомъ, преимущественно съ исправникомъ, тотъ, который ухитрится ловко «счищать» недоимку и окажется аккуратнымъ исполнителемъ разныхъ полицейскихъ обязанностей. Старшина, обладающій такими способностями, можетъ быть увѣренъ, что съ одной стороны всѣ его беззаконія будутъ сокрыты, начальство не выдастъ его, а съ другой, что онъ непременно снова будетъ выбранъ, ибо сходъ могъ воочію убѣдиться, что онъ пользуется защитой власти, угоденъ и нуженъ ей, а это всего важнѣе для схода. И если даже что-либо и будетъ сдѣлано полезнаго для волости и крестьянскаго общества, то ни какъ не чрезъ посредство честныхъ старшинъ, любимыхъ и уважаемыхъ крестьянами, а непременно благодаря отъявленнымъ негодьямъ и мошенникамъ, имѣющимъ «руку» въ присутствіи. Нужны-ли еще какія-либо комментаріи для доказательства коренной несостоятельности существующихъ крестьянскихъ учрежденій?

Въ настоящее время, когда рѣчь заходитъ о крестьянскомъ самоуправленіи, всѣ въ одинъ голосъ кричатъ о вопіющихъ злоупотребленіяхъ старшинами своею властью и о необходимости защитить народъ отъ ихъ произвола. Но на вопросъ, какъ это сдѣлать, большинство критиковъ совѣтуетъ усилить надзоръ за сельскими властями и тщательно контролировать и повѣрять ихъ дѣйствія. Надѣмся, читатель могъ убѣдиться изъ предъидущихъ замѣчаній, что этотъ-то самый надзоръ, усиленія котораго требуютъ критики крестьянскаго самоуправления, и есть причина всѣхъ золъ; что онъ и довелъ, главнымъ образомъ, это самоуправленіе до абсурда, до той неслышанной ни въ одномъ государствѣ нещепности, что населеніе считаетъ наиболѣе выгоднымъ выбирать представителями своихъ интересовъ людей ненавистныхъ ему, завѣдомыхъ негодяевъ и плутовъ. Тутъ, кажется, есть надъ чѣмъ подумать. Можетъ-ли быть еще надзоръ строже и назойливѣе существующаго? Въ настоящее время крестьянскія общества и старшины вполне подчинены началству, въ чемъ и заключается, конечно, аномалія крестьянскаго самоуправления. Старшины находятся въ полномъ распоряженіи и, можно сказать, подъ надзоромъ не общества, которыя ихъ выбрали и которымъ они обязаны своей властью, а совершенно сто-

ронныхъ лицъ, какъ-бы замѣняющихъ собою крестьянскій міръ и сельскія общества. Понятно, слѣдовательно, что если можно говорить объ усиленіи надзора за волостными старшинами, то надзора крестьянскихъ обществъ, потому что до сихъ поръ такого надзора *de facto* не существовало, но никакъ не надзора стороннихъ лицъ изъ помѣщичьей или изъ чиновничьей сѣеры, ибо и надзоръ, и власть этихъ лицъ надъ старшинами неограниченны въ настоящее время. Но для усиленія надзора и власти сельскихъ обществъ надъ ихъ должностными лицами вовсе не требуется особенно сложныхъ преобразованій, проекты которыхъ выработываются нынѣ земствомъ. Для этого нужно только соблюденіе основныхъ началъ всякаго самоуправленія. Необходимо возвратитъ всю ту власть сельскому обществу, которая нынѣ поглощается его опекунами и извнѣ приставленными надзирателями, а для этого ничего не требуется, кромѣ упраздненія всей нынѣшней системы сословно-бюрократическаго контроля надъ деревней. Съ крестьянской реформы контроль этотъ практикуется непрерывно до нашихъ дней, но изъ него, очевидно, ничего не выходитъ путнаго. Сначала контроль этотъ былъ единоличный и принадлежалъ помѣщикамъ, но само правительство сознало его неумѣстность послѣ введенія уставныхъ грамотъ; въ народѣ-же онъ ослабилъ интересъ къ собственнымъ дѣламъ и положилъ первое начало хаосу и беспорядкамъ въ нынѣшнихъ крестьянскихъ учрежденіяхъ. Потомъ контроль надъ деревней былъ также единоличнымъ, но онъ перешелъ къ чиновнику, который систематически и, можно сказать, по принципу, подавляя независимость и свободу сельскихъ обществъ. Наконецъ, контроль надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ изъ единоличнаго преобразованъ былъ въ коллегіальный и ввѣренъ особому учрежденію, въ которомъ совмѣстно хозяйничаютъ до сихъ поръ и помѣщикъ, и чиновникъ. Такимъ образомъ, въ теченіи 20 лѣтъ надъ деревней испытанъ былъ контроль въ трехъ равныхъ видахъ: сначала начальствовалъ одинъ помѣщикъ, потомъ одинъ чиновникъ, а, наконецъ, и оба вмѣстѣ; но что-же изъ всего этого вышло? Глубокое разстройство во всѣхъ сѣерахъ крестьянскаго самоуправления, какъ это признается теперь рѣшительно всѣми, кто сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ нынѣшней деревни. Міръ захирѣлъ; крестьянское общество, не имѣя власти, не способно къ самозащитѣ; безправное и зависимое, оно не можетъ дать отпора своимъ собственнымъ властямъ, оно слабѣе отдѣльныхъ личностей изъ своей-же среды, гораздо безсильнѣе кулака, міроѣда, кабатчика, и развѣ только лѣнивый не «стрижетъ» его и не вертитъ имъ, какъ угодно. Развитие сельскаго кулачества,

достигшее колоссальных размѣровъ въ послѣднее десятилѣтіе, находитъ для себя одинъ изъ самыхъ благопріятныхъ моментовъ въ политическомъ безправіи деревни, въ слабости крестьянскаго общества, власть котораго существующей системой сословно-бюрократическаго контроля искусственно переведена была съ міра и крестьянской массы на отдѣльныхъ ея личностей, волостныхъ старшинъ и писарей, этихъ ближайшихъ узурпаторовъ деревни, являющихся лишь порожденіемъ общей узурпаціи мірской и сельско-общественной власти.

Въ виду такого печальнаго положенія дѣль, благоразумно-ли, спрашивается, направлять проектируемую реформу въ сторону организаціи того самаго контроля надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, который служитъ основной причиной всѣхъ существующихъ въ немъ неурядицъ. Контроль, надзоръ, опека,—все это испытано было во всевозможныхъ видахъ, и реформа въ этомъ отношеніи не можетъ дать ничего новаго и глубокаго; одно только до сихъ поръ еще не было испытано: вполнѣ свободное и независимое самоуправленіе въ сферѣ интересовъ, предоставленныхъ закономъ веденію крестьянскихъ обществъ. Въ этомъ и заключается, по нашему мнѣнію, самая дѣйствительная охрана сельскихъ обществъ отъ всякаго рода злоупотребленій властью со стороны ихъ собственныхъ и приставленныхъ къ нимъ должностныхъ лицъ. У насъ всѣ указанія на недостатки крестьянскаго самоуправления ограничиваются обыкновенно волостными старшинами и писарями; только и слышишь, что объ ихъ плутняхъ, ихъ грабительствѣ и производѣ. Но если-бы даже и такъ, то все-таки и противъ нихъ у сельскаго общества одна защита—свобода самоуправленія, потому что, какъ мы старались показать, сами по себѣ эти лица вполнѣ невинны, но они становятся кровопійцами и притѣснителями народа только потому, что власть сельскаго общества вытѣснена сторонней болѣе сильной властью. Не будь этого, старшина и писарь были-бы вѣрными слугами міра. Теперь-же они, прежде всего, видятъ, что власть общества совершенно фиктивна; «никакихъ правовъ нѣтъ у него, и что начальство прикажетъ, то и будетъ»; на то его воля». Нѣтъ такой мѣстности въ Россіи, гдѣ-бы вы не услышали изъ устъ народа подобнаго мнѣнія о сущности дарованнаго ему закономъ самоуправления. Мы видѣли такихъ старшинъ, которые были глубоко убѣждены, что мужику вовсе «не подобаетъ» имѣть права, они говорятъ, что нѣтъ и не можетъ быть мужицкихъ правъ, и что это «одинъ пустой разговоръ». Разумѣется, трудно не сложиться такому убѣжденію, когда не только исправникъ или становой, но и урядникъ можетъ распоряжаться

всей деревней, какъ ему угодно. Не имѣя никакого уваженія къ обществу, не признавая за нимъ никакой власти и силы, потому-что эта власть и сила дѣйствительно подавляются сторонней властью, старшины убѣждены, что они этой послѣдней и обязаны служить и повиноваться. Съ другой стороны теперь и между крестьянами укоренилось убѣжденіе, что они выбираютъ старшинъ не для себя, а для начальства. По взгляду крестьянъ, лучше ужъ забыть про свои нужды, оставить свои дѣла или вести ихъ кое-какъ, лишь-бы удовлетворить начальство и не навлечь его гнѣвъ, чего они пуще всего боятся. Такимъ образомъ, благодаря внимательству въ крестьянское самоуправленіе власти болѣе сильной, чѣмъ власть сельскаго общества, возникаетъ точь въ точь такое положеніе, которое мы видимъ нынѣ. Во-первыхъ, старшины, какъ постоянные свидѣтели беззащитности и униженія общества, теряютъ сами къ нему всякое уваженіе и приходятъ къ убѣжденію, что только «дуракъ» можетъ не пользоваться его безпомощностью и не обчищать его кармановъ. Во-вторыхъ, все сельское общество, противопоставленное началству съ его широкими полномочіями, считаетъ въ сравненіи съ его требованіями свои собственныя дѣла и интересы не существенными, даже вовсе не думаетъ о нихъ и всегда готово сивоз пальцы смотрѣть на самыя вопіющія неправды и злоупотребленія старшинъ, если только они ладятъ съ начальствомъ и не испытываютъ слишкомъ рѣзкихъ столкновеній съ нимъ; въ этомъ и заключается второе условіе, благопріятствующее развитію въ старшинахъ грабительскихъ и своевольныхъ наклонностей.

Мы ограничиваемся въ этой замѣткѣ только выясненіемъ важности того общаго принципа, который, по нашему мнѣнію, долженъ лежать въ основѣ истинно-плодотворной реформы крестьянскихъ учреждений. Какимъ образомъ осуществить свободу самоуправленія—объ этомъ мы не намѣрены говорить на этотъ разъ. Нѣкоторые земства уже представили свои проекты, но мы скорѣе просоединились - бы къ тѣмъ земствамъ (херсонскому, новгородскому, псковскому, полтавскому и смоленскому), которыя, не спѣша съ подробными планами реформъ, рѣшили ходатайствовать передъ правительствомъ о допущеніи въ комиссію, вырабатывающую реформу мѣстнаго управленія, членовъ по выбору самого земства. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ этомъ рѣшеніи земствъ достаточныхъ гарантій того, что ихъ выборъ падетъ также и на гласныхъ отъ крестьянъ, голосъ которыхъ положительно необходимо услышать хотя-бы относительно крестьянскихъ собственно учреждений. Быть можетъ, въ

этомъ случаѣ полезно было-бы поручить сельскимъ обществамъ выбрать особыхъ людей, такъ-какъ теперь во многихъ земствахъ гласными отъ крестьянъ являю тся старшины, кулаки, да кабатчики. Гораздо важнѣе и интереснѣе узнать о нуждахъ крестьянъ изъ устъ ихъ самихъ, чѣмъ изъ устъ земцевъ изъ образованнаго класса, которые, какъ кажется, изъ нѣкоторыхъ проектовъ реформы, думаютъ не столько о свободѣ крестьянскаго самоуправления, сколько о всесловности самоуправленія, что, разумѣется, далеко не одно и то-же.

В. Л.

НАРОДЪ И ОБЩЕСТВО.

I.

Еще не улегся до сихъ поръ въ нашей печати споръ о взаимныхъ отношеніяхъ между народомъ и обществомъ. Мы также сочли себя *вынужденными* высказаться по этому поводу въ послѣдней книжкѣ «Дѣла» за прошлый годъ. До появленія толковъ объ этомъ въ газетахъ и особенно въ тѣхъ журналахъ, къ которымъ нѣкоторая часть общества привыкла относиться съ довѣріемъ и уваженіемъ, мы не видѣли ни надобности, ни пользы возбуждать этотъ вопросъ. *Надобности*—потому, что не къ чему, какъ намъ казалось, говорить о старомъ и рѣшенномъ; *пользы*—потому, что правдивое рѣшеніе обязывало бы вложить перстъ въ самую болящую рану общества и прибавить нѣсколько неприятныхъ впечатлѣній къ тѣмъ тягостнымъ и горькимъ ощущеніямъ, которыхъ и безъ того довольно у всѣхъ насъ, у всей интеллигенціи. Важно только ясно понять и сознать свое положеніе, а этого мы вправѣ были ожидать отъ разумныхъ органовъ нашей литературы, тѣмъ болѣе, что сознаніе это не ново и уже успѣло обнаружиться въ нашемъ обществѣ въ послѣднее десятилѣтіе.

По свойству этой темы, обсужденіе ея не можетъ быть лестно для какой-бы то ни было фракціи общества, насколько дѣло идетъ о самомъ фактѣ буржуазности. Напротивъ, публицистъ, затрогивающій этотъ щекотливый и въ высокой степени важный предметъ въ интересахъ одной только истины, имѣетъ гораздо больше шансовъ вызвать косые взгляды, чѣмъ рассчитывать, что его на первыхъ-же порахъ довольный читатель подаритъ благодарной улыбкой или наградитъ похвалами. Но хотя мы и приготовились, какъ и заявили въ своей прошлой статьѣ, къ

разнымъ неблагопріятнымъ отзывамъ и замѣчаніямъ, мы не допускали возможности злонамѣреннаго извращенія высказанныхъ нами мыслей, приписыванія чуждыхъ намъ побужденій, желанія во что-бы то ни стало очернить интеллигенцію или, какъ выражается одинъ рецензентъ, «забросать грязью тѣ лучшія и единственно честныя силы нашего общества, которыя окрещены названіемъ интеллигенціи». Обороняться отъ такихъ рецензій—лишняя трата времени; напротивъ, мы готовы даже помочь г-ну О-о въ его усиліяхъ сказать намъ: «виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія», ибо въ самомъ дѣлѣ мы сдѣлали больше того, въ чемъ онъ насъ обвиняетъ. Мы не только стремились забросать грязью интеллигенцію, но указывали на то, что она уже забросана грязью и, еще болѣе, погружена въ болото, хотя-бы и роковою силою вещей. Конечно, сущность интеллигенціи не опредѣляется одной этой характеристикой; чего-нибудь да стоитъ сознаніе своего положенія и усиліе выбиться изъ него. Но ничего не стоитъ игнорированіе этого положенія и усердіе облить его, вопреки очевидности. Что касается «единственно-честныхъ силъ нашего общества», «единственно свѣтлой точки на черномъ фонѣ современной дѣйствительности», то и въ самомъ дѣлѣ мы обращались въ своей статьѣ преимущественно къ этимъ силамъ и къ этой свѣтлой точкѣ, несмотря на то, что рѣчь шла о буржуазности всего общества. Но кому неизвѣстенъ общеупотребительный логическій приемъ *a fortiori*? Именно признаніе важныхъ достоинствъ за этими силами заставляло насъ остановиться на нихъ по преимуществу. Слишкомъ наивно было-бы требовать отъ черепахи живыхъ и стремительныхъ движеній, и если имѣть въ виду однихъ только Губонинныхъ и Варшавскихъ, то придется умолкнуть. Странно было-бы бесѣдовать съ мертвецами, но съ живыми—отчего-же?

Между прочимъ, говоря о томъ, какъ смотритъ нашъ народъ на искренне-доброжелательныхъ къ нему интеллигентовъ, мы передали, какъ фактъ, что онъ обзываетъ ихъ «господишками». О фактахъ нельзя спорить; имъ можно только вѣрить или не вѣрить, смотря потому, насколько они соответствуютъ фактамъ ранѣе извѣстнымъ, а также и той средѣ, гдѣ они возникаютъ. Полагаемъ, что въ этомъ отношеніи кличка «господишки» не представляетъ ничего новаго и неслыханнаго для людей, знакомыхъ съ современной деревней. Въ литературѣ найдется достаточно указаній въ смыслѣ переданнаго нами факта, и мы советуемъ людямъ, сомнѣвающимся въ немъ, хорошенько освѣдомиться на этотъ счетъ у знатоковъ деревни. Не дайте, какъ въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Запис.» за прошлый годъ, въ разсказѣ

г. Златовратскаго, говорится о томъ-же явленіи крайняго недо-
вѣрія и недружелюбнаго отношенія народа къ интеллигенціи. Въ
деревню пріѣзжаетъ интеллигентъ съ горячимъ желаніемъ посвя-
тить ей свои силы, а его сейчасъ-же огорашиваютъ язвитель-
нымъ и ехиднымъ замѣчаніемъ: «довольно, повластвовали». Ку-
лакъ, кабатчикъ, міроѣдъ встрѣтятъ несравненно болѣе радуш-
ный пріемъ въ деревнѣ, чѣмъ самый искренній интеллигентный
другъ ея. Это общее правило, допускающее, правда, исключенія,
но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Въместо того, чтобы отрицать
такое крупное явленіе и въ простомъ констатированіи его уже
видѣть что-то оскорбительное для интеллигенціи, не лучше-ли
сообща поискать причинъ и смысла этого явленія?

Для ясности мы тутъ-же напомнимъ главнѣйшія, по нашему
мнѣнію, причины общаго нерасположенія деревни къ интелли-
генціи. *Во-первыхъ*, мы всё представляемъ народу съ болѣеюй
или меньшею печатью ненавистнаго ему барства, которое онъ,
хотя и не находитъ уже въ прежней формѣ крѣпостничества,
видитъ въ общемъ актѣ соціально-экономическаго преобладанія
надъ собой интеллигенціи. *Во-вторыхъ*, въ лучшемъ случаѣ на-
родъ становится въ тупикъ предъ интеллигенціей, не понимая,
какіе у ней собственные свои интересы и стремленія, не умствен-
ныя и духовныя, а реальныя, экономическія, желудочныя. *Въ*
третьихъ, интеллигенція обыкновенно являлась народу съ жела-
ніемъ властвовать, командовать, покровительствовать, тогда
какъ народъ считаетъ всякаго господина не понимающимъ «их-
няго крестьянскаго дѣла», хотя и очень простого, чрезчуръ
простого въ дѣйствительности. Двѣ первыя причины какъ-бы
сливаются между собой; но каждая изъ нихъ имѣетъ все-таки
свои особенности и должна быть разсмотрѣна, какъ и третья
причина, въ отдѣльности.

II.

Первая причина приводитъ насъ къ общему вопросу о бур-
жуазности нашей интеллигенціи, о которомъ мы говорили въ
прошлой статьѣ. Сплошь и рядомъ приходится слышать,
что буржуазія составляетъ въ нашемъ обществѣ слишкомъ не-
замѣтную фракцію, чтобы можно было брать ее въ расчетъ.
Но мы говорили не о русской буржуазіи, а о буржуазности
русскаго общества, разумѣя этотъ терминъ въ самомъ стро-
гомъ научно-экономическомъ смыслѣ. Опять-таки говорится
это не въ упрекъ интеллигенціи или какой-бы то ни бы-

до фракціи ея. Верхомъ безсмыслия было-бы умалять это колоссальное зло до вины отдѣльныхъ личностей. Рѣчь идетъ только о томъ, что даже самая передовая, честная, доброжелательная народу часть общества буржуазна, не по личной волѣ, не намѣренно, а по факту своего существованія. Главная причина буржуазности нашего общества заключается въ его разобщенности отъ народа, въ розни матеріальной и духовной; отсюда происходитъ цѣлый рядъ социальнo-экономическихъ явленій, въ которыхъ мы и старались въ прошлый разъ разобратъся съ полнымъ безпристрастствомъ, хотя, къ сожалѣнію, нашлись лица, которымъ показалось, будто мы въ этомъ случаѣ идемъ рука объ руку съ «Русью». Замѣчанія послѣдняго рода пріобрѣтаютъ въ наши дни особенную язвительность, но, вмѣсто нихъ, гораздо полезнѣе было-бы услышать обстоятельное опроверженіе высказанныхъ нами соображеній относительно буржуазности нашего общества. Впрочемъ, не мѣшаетъ остановиться на этой мнимой солидарности нашей съ «Русью»; нѣсколькихъ словъ, полагаемъ, достаточно будетъ, чтобы сдѣлать эту солидарность смѣшною. Вообще теперь у насъ ужасно много говорится о единеніи съ народомъ и можно, дѣйствительно, сбиться съ толку въ господствующемъ хаосѣ мнѣній и взглядовъ на народъ. Выясненіе главныхъ формъ единенія или общенія съ народомъ, опредѣлившихся въ настоящіе время, выставить въ должномъ свѣтѣ и то единеніе, о которомъ и у насъ была рѣчь, какъ о средствѣ сбросить съ себя иго буржуазности.

Ни одинъ органъ нашей печати не говорилъ такъ много и съ такимъ трескомъ о народѣ, какъ газета «Русь». Но не замѣтилъ-ли, читатель, что во всѣхъ своихъ разглагольствованіяхъ «Русь» больше говоритъ о народѣ чѣмъ о пользѣ народа? Какъ ни пламенно г. Аксаковъ вѣщаетъ о добродѣтеляхъ и мудрости русскаго народа, ему нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ насущныхъ желудочныхъ интересовъ его, которыхъ даже въ животномъ безнравственно игнорировать. Не о мужикѣ, но только о себѣ, объ обществѣ думаетъ г. Аксаковъ, когда онъ приглашаетъ его *духовно* приблизиться къ народу. И какая, въ самомъ дѣлѣ, будетъ польза, какой выигрышъ народу оттого, что какая-то кучка людей начнетъ раздѣлять его міровозрѣніе; ему-то это рѣшительно все равно, это касается только этой кучки людей, и никогда больше. Уйдутъ-ли его деньги на роскошные палатки въ европейскомъ вкусѣ или на терема древне-русскаго стила, насчитаете-ли вы на него нѣсколько сотъ милліоновъ по знаменитой русской сметѣ или при пособіи итальянской бухгал-

теріи, это все единственно. И если думать и чувствовать *по-русски*—хорошо, то вѣдь и эта способность у народа имѣется, значить и отъ этой проповѣди, куда и влагается «Русью» вся сила краснорѣчія, народу нѣтъ проку, а наслаждаться этимъ будетъ все-же одинъ г-нъ Аксаковъ съ единомышленниками. Можетъ быть, народу будетъ это лестно? За одно можно поручиться, что смѣшно ему непремѣнно будетъ, какъ господа Аксаковы будутъ дѣлать себя мужиками. А кто знаетъ, что въ русскомъ народѣ, къ его истинному величію, есть замѣчательная черта недовольства своимъ умственнымъ складомъ, своей темнотой и невѣжествомъ, тотъ согласится, что ему вовсе «не покажется» эта затѣя одного лишь духовнаго сближенія съ нимъ. Какъ ни ласкайся тамъ народолюбецъ аксаковскаго пошиба, а все-же народъ скажетъ ему: «нѣтъ, господинъ, я тебѣ не товарищъ»; не въ обиду скажетъ, а инстинктивно выразитъ одну изъ глубочайшихъ социологическихъ истинъ. Ибо духовный складъ человѣка, общества, народа, не исключительно, но въ весьма сильной мѣрѣ зависитъ отъ матеріальныхъ, экономическихъ условій жизни. Если вы проживаете 20 тысячъ въ годъ, не ударивъ палецъ о палецъ, вы ни кого не убѣдите, что вы мужикъ, дитя народа, и напрасно пропадутъ ваши усилія сдѣлаться *духовно* народомъ, не сдѣлавшись имъ, хотя-бы отчасти, *материально*. Нѣтъ сомнѣнія, что англійскій лордъ и русскій баринъ духовно ближе другъ другу, чѣмъ русскій баринъ и русскій мужикъ; первые—родные братья, вторые, можетъ, и совсѣмъ не братья. Мало того, что благосостояніе вообще, матеріальныя основы жизни рѣзко отражаются на духовномъ и умственномъ складѣ, даже частности имѣютъ тутъ громадное значеніе. Талантливейшіе изъ современныхъ лѣтописателей деревни находятъ корни народнаго міросозерцанія въ земледѣльческомъ трудѣ (см. «Отеч. Зап.» № 1, очеркъ г. Глѣба Успенскаго: «Власть земли»). Стало-быть, ужъ тутъ прямо духовный маскарадъ гг. Аксаковыхъ и К^о третируется, какъ нелѣпость. Недостаточно для духовнаго сближенія не объѣдаться слишкомъ жирными кусками, надо еще, какъ оказывается, стать за плугъ, подойти, наравнѣ съ народомъ, подъ власть земли. А между тѣмъ газетъ «Русь» хочется записаться въ народъ какъ-нибудь такъ, «на даровщинку». Никакъ этого нельзя; что-нибудь одно надо выбирать: или капиталъ пріобрѣтать, по образцу и подобію гнилого запада, или невинность сохранять—невинность русскаго народа.

Едва-ли нужно пояснять читателю, что о такомъ духовномъ сближеніи никогда не было у насъ рѣчи. Материальное сляніе, но не сближеніе, и не духовное, имѣли мы въ виду. Между слі-

яніемъ и сближеніемъ есть разница; сближеніе предполагаетъ неподвижность того уровня, къ которому оно направлено, отъ сліянія-же можетъ произойти и повышеніе этого послѣдняго уровня. Притомъ такое матеріальное сліяніе не является ни съ того ни сего, какъ блажь или затѣя, интересная только самимъ ея авторамъ; въ томъ и заключается характеристическая черта духовнаго сближенія «Руси». Матеріальное сліяніе не есть порожденіе празднаго барства и игры въ народъ, но и предписывается *долгомъ совѣсти и чувствомъ справедливости*.

Если нѣтъ сліянія матеріальнаго, о духовномъ заботиться бесполезно и совершенно *незачѣмъ*. Гораздо лучше, если чело-вѣкъ будетъ прямымъ продуктомъ своего матеріальнаго быта, чѣмъ искусственнымъ вымученнымъ плодомъ своей вздорной или лицемѣрной идеи. Полагаемъ, что въ глазахъ всякаго несравненно симпатичнѣе и даже достойнѣе уваженія русскій баринъ, въ его естественномъ отчужденіи отъ народа, въ его западничествѣ, чѣмъ тотъ-же русскій баринъ, но домающійся мужикомъ. Славянофилы обыкновенно упрекаютъ западниковъ въ искусственной оторванности отъ народа, въ беспочвенности и фальши, а между тѣмъ въ этихъ-то свойствахъ—душа славянофильства. Русскій западникъ изъ культурныхъ слоевъ общества вполне на своемъ мѣстѣ: только кажется, будто онъ *тянется* за западомъ изъ-за какого-то презрѣнія или пренебреженія къ своему родному. Что это за безпредметное ненавистничество къ своему, къ русскому, откуда такая нечѣпость? Въ дѣйствительности, ничего подобнаго нѣтъ, не безпричинное, глупое презрѣніе къ родному, но вполне натуральное тяготѣніе къ западу сказывается въ русскомъ культурномъ чело-вѣкѣ, натуральное потому, что родное-то у него на западѣ, но ни чуть не въ русской деревнѣ. Если онъ бѣжитъ отъ родныхъ туковъ въ блестящій Парижъ, онъ повинуется тѣмъ позывамъ и стремленіямъ, которые глубоко коренятся въ матеріальномъ складѣ его жизни, въ ея буржуазности. На западѣ буржуазное начало развилось глубже, шире, полнѣе, и вскормленная этимъ началомъ культура и цивилизація достигли тамъ своего апогея, оттого и русскіе писатели буржуазнаго начала чувствуютъ себя на западѣ, какъ дома. Въ этой погонѣ за иноземнымъ нѣтъ ни обезьянства, ни лomanья, ни кривлянья, ничего фальшиваго; все, какъ слѣдуетъ быть. Кажется, Викторъ Гюго сказалъ: всѣ народы братья, но къ этому надо прибавить, что и всѣ буржуа—братья. Фактически люди объединены физическимъ сосуществованіемъ, жительствомъ въ одномъ мѣстѣ, отчего вѣхами и вырабатывается національность, но съ

теченіемъ времени такое объединеніе оказывается вполне непрочнымъ, оно слабѣетъ, распадается и замѣняется болѣе глубокимъ объединеніемъ по матеріальному складу жизни, отчего и получаютъ факты такого рода, что, напр., русскій народъ родственнѣе нѣмецкому, чѣмъ г. Аксакову съ славянофилами. Какъ смѣшенъ былъ-бы мужикъ или «мѣщанинъ» во дворянствѣ, такъ смѣшенъ и русскій баринъ въ мужичествѣ. Этой простой вещи никогда не понимали наши славянофилы.

Но если мы начнемъ не съ конца, т. е. не съ духовнаго объединенія въ смыслѣ «Руси», а съ начала, съ объединенія матеріальнаго, то совершенно излишне будетъ для достиженія внутренняго родства съ народомъ даскаться, отращивать до колѣнъ бороду, чесаться *à la moujik* или коверкать рѣчь на мужицкій ладъ. Тогда духовное единство явится само собой, и оно будетъ глубоко и прочно; матеріальное единство никогда не позволитъ вамъ далеко разойтись съ народомъ умственно и духовно.

III.

Прежде чѣмъ возстановить въ памяти читателя сущность этого матеріальнаго или, лучше сказать, духовно-матеріальнаго объединенія для того, чтобы онъ могъ сопоставить его съ славянофильскимъ народничествомъ вообще и въ частности съ сближеніемъ въ духѣ «Руси», мы считаемъ полезнымъ остановиться еще на другой, только-что объявившейся формѣ общенія съ народомъ или собственно съ меньшей, неимущей братіей.

Читали-ли вы рѣчь графа Льва Толстого по поводу московской переписи? Если нѣтъ, загляните въ «Современныя Извѣстія» или въ «Новое Время» (№ 2,120), гдѣ она напечатана и, не смущаясь ея длиннотою, прочтите ее отъ начала до конца. Она стоитъ того и въ массѣ прочитаннаго вами за послѣднее время, вѣроятно, всего глубже и сильнѣе поразитъ ваше вниманіе. Умныя мысли, выраженыя оригинально, съ большою силой и блескомъ, порыванія благородныя, самая утонченная и изящная доброта, бездна душевной теплоты и сердечной чуткости и въ-концѣ-концовъ, въ общемъ результатѣ, какая безнадежная пустота. Рѣчь графа Толстого есть, конечно, симптомъ нашего времени, въ ней выдалась томящая всѣхъ жажда духовнаго подвижничества и горячая работа взволнованнаго, глубоко потрясеннаго чувства. Несомнѣнно, что въ этой рѣчи

проявлялась та высшая форма духовнаго общенія съ меньшей братіей, до которой только могло почувствоваться наше буржуазное общество. Но что-же сулитъ, спрашивается, обездоленному міру это благородное сердце, откуда бьетъ ключемъ столько пламеннаго чувства и столько сильныхъ импульсовъ къ добру? Смѣшно и больно сказать: милостыню! но какую? вычурную, фантастическую, самую изысканную милостыню! Увы! мы разучились даже милостыню подавать за-просто, безъ ухищреній, и когда мы вынимаемъ изъ кармана 20 коп., чтобы отдать ихъ, насъ начинаетъ одолевать рой высокихъ мыслей и возвышенныхъ чувствованій. Чтѣ это такое? Зло, отвѣчаетъ графъ Толстой, и не въ этой милостыни нуждается *главнымъ образомъ* бѣднякъ; дадимъ ему прежде всего наше сочувствіе, войдемъ въ его положеніе, поболѣемъ его горемъ, и ужъ потомъ, скрѣпя сердце, сунемъ ему въ руку 20 коп., какъ зло неизбежное.

Но, какъ вы думаете, читатель, если приподнять со всей этой затѣи облекающую ее фантастическую пелену, какой остовъ получился-бы подъ нею, кто оказалъ-бы, по существу дѣла, въ положеніи просящаго и принимающаго эту духовную милостыню, и кто въ положеніи дающаго ее? Конечно, не бѣдняку нужно наше сочувствіе, наше залѣзаніе въ его душу, наше общеніе съ нимъ! Безъ всякаго издѣвательства, скажемъ, что ему гораздо нужнѣе всего этого двугривенный и все, чтѣ можетъ быть обращено въ него. Но мы забываемъ, кажется, что читатель, можетъ-быть, вовсе не знакомъ съ рѣчью графа Льва Толстого. Цѣликомъ привести ее намъ не позволяетъ мѣсто и потому мы ограничимся только сильными и лучшими ея мѣстами.

Графъ Толстой, прежде всего, указываетъ на то, что перепись приведетъ 2,000 молодыхъ людей (счетчиковъ) въ живое соприкосновеніе съ массой бѣдняковъ, голодныхъ, страдающихъ и задавленныхъ, мимо которыхъ безнравственно проходитъ равнодушно, невозмутимо сосчитывая ихъ, какъ статистическій матеріалъ, какъ научныя данныя для будущихъ выводовъ и изслѣдованій. «Для людей науки возможно спокойно сказать, что въ 1882 году столько-то нищихъ, столько-то проститутокъ, столько-то дѣтей безъ призору. Она можетъ сказать это спокойно и съ гордостью, потому-что знаетъ, что утвержденіе этого факта ведетъ къ тому, что уясняются законы социологій, а уясненіе законовъ ведетъ къ тому, что общества учреждаются лучше. Но что-же, если мы, люди не науки (счетчики) скажемъ: вы погибаете въ развратѣ; вы умираете съ голоду, вы чахнете и убиваете другъ-друга; такъ вы этимъ не огорчайтесь; когда вы всѣ погибнете и еще сотни тысячъ такихъ-же, какъ вы,

тогда, можетъ-быть, наука устроить все прекрасно. Для людей науки перепись имѣетъ свой интересъ; для насъ она имѣетъ свое, совсѣмъ другое значеніе... Что такое для насъ москвичей, не людей науки, совершающаяся перепись? Это двѣ вещи. Во-первыхъ, что мы навѣрно узнаемъ, что среди насъ, среди десятковъ тысячъ людей, проживающихъ десятки тысячъ, живутъ десятки тысячъ людей безъ хлѣба, одежды и пріюта; во-вторыхъ, то, что наши братья, сыновья будутъ ходить смотрѣть это и спокойно заносить по графамъ, сколько умирающихъ съ голода и холода. И то и другое очень дурно. Всѣ кричатъ о шаткости нашего общественнаго строя, объ исключительномъ положеніи, о революціонномъ настроеніи. Гдѣ корень всего? На что указываютъ революціонеры? На нищету, неравномѣрность распредѣленія богатствъ. На что указываютъ консерваторы? На упадокъ нравственныхъ основъ. Если справедливо мнѣніе революціонеровъ, что-же надо сдѣлать? Уменьшить нищету и неравномѣрность богатствъ. Какъ это сдѣлать? Богатымъ подѣлиться съ бѣдными. Если справедливо мнѣніе консерваторовъ, что все зло отъ упадка нравственныхъ основъ, то что можетъ быть безнравственнѣе и развратительнѣе, какъ сознательно равнодушное созерцаніе людскихъ несчастій съ одною цѣлью записывать ихъ. Что-жъ надо сдѣлать? Надо къ переписи присоединить дѣло *любовнаго общенія* богатыхъ, досужныхъ и просвѣщенныхъ съ нищими, задавленными и темными». Согласно съ цѣлью этой статьи, для насъ всего важнѣе это «любовное общеніе», какъ особая форма единенія съ народомъ, отличающаяся и отъ формы «духовнаго общенія» славянофиловъ и отъ формы «матеріально-духовнаго» общенія въ нашемъ смыслѣ. Но, какъ ни просто и ни ясно, повидимому, графъ Левъ Толстой говоритъ о своемъ «любовномъ общеніи», повяты его довольно трудно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчи, эта форма обрисовывается ярко, но потомъ слѣдуютъ другія мѣста, завлакивающія туманомъ предъидущія. Онъ говоритъ: «Будемъ записывать, считать, но не будемъ забывать, что, если намъ встрѣтится человѣкъ раздѣтый и голодный, то помочь ему важнѣе всѣхъ возможныхъ изслѣдованій, открытій, всѣхъ возможныхъ наукъ. Что, если-бы былъ вопросъ въ томъ, заняться-ли старухой, которая второй день не ѣла, или погубить всю работу переписи? Пропадай вся перепись, только-бы накормить старуху». Безъ сомнѣнія, о матеріальной помощи графъ Л. Толстой не могъ умолчать, но не она—центральный пунктъ его системы, судя по его словамъ; матеріальную-же помощь въ формѣ денегъ онъ просто ненавидитъ и допускаетъ ее съ какимъ-то

отвращеніемъ. «Надо работать на людей. Но у меня спросить: что значить работать на людей? Отвѣчу: дѣлать добро людямъ. Не давать деньги, но дѣлать добро людямъ. Подъ словомъ дѣлать добро, понимается обыкновенно—давать деньги. Но, по моему понятію, дѣлать добро и давать деньги, есть не только не одно и то-же, но двѣ вещи совсѣмъ разныя и большей частью противоположныя. Деньги сами по себѣ зло. И потому, кто даетъ деньги, тотъ даетъ зло. Заблужденіе это, что давать деньги, значить, дѣлать добро, произошло оттого, что, большей частью, когда человѣкъ дѣлаетъ добро, то онъ освобождается отъ зла, и въ томъ числѣ и отъ денегъ. И потому давать деньги, есть только признакъ того, что человѣкъ начинаетъ избавляться отъ зла. Дѣлать добро—значить дѣлать то, что хорошо для человѣка. А чтобы узнать, что хорошо для человѣка, надо стать въ человѣческія, т. е. дружескія отношенія. И потому, чтобы дѣлать добро, не деньги нужны, а нужно, прежде всего; способность хоть на время отречься отъ условности нашей жизни, нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клоповъ и вшей, не бояться тифа, дизентерита и оспы; нужно быть въ состояніи сѣсть на койку въ оборванцу и разговориться съ нимъ по душѣ такъ, чтобы онъ чувствовалъ, что говорящій съ нимъ уважаетъ и любитъ его, а не ломается, любясь на самого себя... Когда мнѣ пришла мысль о помощи при переписи, я поговорилъ кое съ кѣмъ изъ богатыхъ объ этомъ, и я видѣлъ, какъ рады были богатые случаю, такъ прилично избавиться отъ своихъ денегъ, этихъ чужихъ грѣховъ, которые они берегутъ у себя на сердцѣ. Возьмите, пожалуйста, говорили мнѣ,—300 рублей, 500, но я самъ или сама не могу идти въ эти трущобы. Не въ деньгахъ недостатокъ. Вспомните, евангельскаго Закхея, начальника мытарей. Вспомните, какъ онъ, оттого, что былъ малъ ростомъ, влѣзъ на дерево смотрѣть Христа, и когда Христосъ объявилъ, что идетъ къ нему, какъ онъ, понявъ только одно, что учитель не хвалитъ богатство, кубаремъ соскочилъ съ дерева, побѣжалъ домой и устроилъ угощеніе. И какъ только вошелъ Христосъ, такъ первымъ дѣломъ Закхей объявилъ, что половину имѣнія даетъ нищимъ, а, кого обидѣлъ, тому вчетверо отдастъ. И вспомните, какъ мы всѣ, читая Евангеліе, низко цѣнимъ этого Закхея, невольно съ презрѣніемъ смотримъ на эту половину имѣнія и четвертное вознагражденіе. И чувство наше право. Закхей, по рассужденію, казалось-бы сдѣлалъ огромное дѣло. Но чувство наше право. Онъ еще не начиналъ дѣлать добро. Онъ только началъ немного очищаться отъ зла... Что, если-бы

московскіе Захкен сдѣлали-бы тоже, что онъ? Вѣдь собрался-бы не одинъ миллиардъ. Ну, и что-же-бы было? Ничего. Еще-бы больше грѣха, если-бы вздумали раздавать эти деньги бѣднымъ. Денегъ не нужно. Нужна дѣятельность самоотверженная, нужны люди, которые хотѣли-бы дѣлать добро, отдавая не чужіе грѣхи—деньги, а свой трудъ, себя, свою жизнь. Гдѣ-жъ эти люди? А вотъ они, по Москвѣ ходятъ. Это—самые счетчики-студенты». И затѣмъ графъ Толстой въ самыхъ теплыхъ и задушевныхъ выраженіяхъ говорить о самоотверженности нашей молодежи, придавая, однако, ея подвижничеству какъ-бы бессознательный характеръ. «Я видѣлъ, говоритъ онъ,—какъ они записываютъ свои карточки. Онъ пишетъ въ ночлежномъ домѣ на нарахъ у больного. «Чѣмъ боленъ?»—«Воспой». И студентъ не морщится и пишетъ. И это онъ дѣлаетъ для какой-то сомнительной науки. Что-же-бы онъ сдѣлалъ, если-бы онъ сдѣлалъ это для несомнѣннаго своего личнаго добра и добра всѣхъ людей? Какъ дѣтямъ въ веселемъ духѣ хочется хохотать, они не умѣютъ придумать, чему-бы хохотать, и хохочутъ безъ всякаго предлога, потому-что имъ весело, такъ эта милая молодежь жертвуетъ собой. Она еще не успѣла придумать, за что-бы имъ жертвовать собой, а жертвуетъ своимъ вниманіемъ, трудомъ, жизнью, затѣмъ, чтобы записать карточку, изъ которой еще выйдетъ или не выйдетъ что-нибудь. Что-же-бы было, если-бы было такое дѣло, которое того стоило. *Есть и было и всегда будетъ* это дѣло, и одно дѣло, на которое стоитъ положить всю жизнь, какая есть въ человѣкѣ. Дѣло это есть *любовное общеніе людей съ людьми* и разрушеніе тѣхъ преградъ, которыя воздвигли люди между собой, для того, чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотинившихся людей и столами безпомощнаго голода, холода и болѣзней». Послѣ разсказа какъ, что и кому работать для бѣдняковъ, съ которыми братское общеніе должно сохраниться и послѣ переписи, на всю жизнь, графа Толстого озаряетъ мистическая надежда, на возрожденіе общества... Почему не надѣяться, что съ обществомъ, съ человѣчествомъ не будетъ то-же, что бываетъ съ больнымъ организмомъ, когда вдругъ наступаетъ моментъ выздоровленія? Рѣчь свою онъ заключаетъ такъ: «Пускай механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ—это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы по-дурачки, по-мужидки, по-крестьянски, по-христіански налягнемъ народомъ, не поднимемъ-ли. Друживѣ, братцы, разомъ!» Мы не думаемъ, чтобы читатель посѣтовалъ на насъ за эти нѣсколько длинныя выписки. Рѣчь эта, въ самомъ дѣлѣ, знаменательна, какъ-бы мы на нее не взглянули потомъ, мы не

можемъ въ первый моментъ не остановиться съ невольнымъ, безмолвнымъ сочувствіемъ предъ искренностью и усиліями этого одушевленія, возбужденнаго людскими несчастьями.

«Дружнѣе, братцы, разомъ» — а что и какъ, даже и этого хорошенько не извѣстно. Не нужно денегъ, но нужно любовное общеніе, а потомъ отринутыя деньги опять призываются на помощь вмѣстѣ съ работой на другихъ — во всемъ этомъ видны только судорожныя импульсы чувства, которое бросается то въ ту, то въ другую сторону, не зная, въ чемъ излиться, но только съ силой вырывающагося наружу вообще. Не въ мочь приходится всегда счастливой и довольной кучкѣ людей, — и это уже хорошо. Графъ Толстой ничуть не скрываетъ, что это «общеніе» всего болѣе нужно самому обществу, онъ призываетъ употребить это «общеніе» на то, «чтобы избавиться самимъ отъ безцѣльности и безобразія нашей жизни», онъ облюбовываетъ «работу на другихъ», какъ наслажденіе. «Почему-же не думать, спрашиваетъ онъ, что мы, наконецъ, поймемъ это? Развѣ только потому, что дѣлать это было-бы слишкомъ большое счастье». И дѣйствительно, та идеальная, духовная, сторона «общенія», на которой графъ Толстой дѣлаетъ удареніе, не можетъ быть нужна никому, кромѣ общества, призываемаго имъ на благотвореніе, и все-таки и для этого общества нужна, не какъ нѣчто нормальное, но, напротивъ, какъ изысканное, являющееся на смѣну пріѣвшимися чувствованіямъ. Какую цѣну можетъ имѣть въ глазахъ бѣдняка, умирающаго отъ голоднаго тифа, если вы сядите къ нему на койку и на васъ перейдетъ нѣсколько вшей и немножко грязи, отъ которой вы, придя домой, омоетесь въ какой-нибудь ароматической ваннѣ, одѣвшись съ ногъ до головы въ новыя одежды? Для васъ это будетъ подвигъ, смѣшной, безцѣльный; но по нынѣшнему времени, онъ нуженъ вамъ, и вы удовлетворены. Но бѣднякъ, развѣ не понимаетъ, что между вами и имъ — цѣлая пропасть? Какъ ни добросовѣстно будетъ это заглазаніе въ чужую душу, никакого любовнаго общенія, какъ уже замѣчено по поводу «Руси», быть не можетъ, при такой громадной разницѣ матеріальныхъ положеній. Намъ показывается, что эта доброта отъ разстроенныхъ нервовъ будетъ, такъ-сказать, ниже въ нравственномъ отношеніи обычной филантропіи, когда человекъ, столкнувшись съ бѣднякомъ, даетъ, не мудрствуя лукаво, часть отъ своихъ избытковъ, а затѣмъ становится на свое мѣсто, ни самъ не требуя за свою подачку внутренняго общенія съ собой, и не навязывая это общеніе. Здѣсь видимая сухость взаимныхъ отношеній, которая, конечно, не по душѣ придется мягкимъ и чувствительнымъ сердцамъ, будетъ казаться со стороны

болѣе правдивой и естественной. Въ ней нѣтъ, какъ въ филантропическомъ нервничаніи графа Льва Толстого, лишняго притязанія доказать, что «и волки могутъ быть сыты и овцы цѣлы» и нѣтъ стремленія убѣдить міръ, что нищета и довольство могутъ ужиться прекрасно въ самомъ тѣсномъ и трогательномъ союзѣ на *вѣчныя* времена. «Есть и было и всегда будетъ это дѣло», говоритъ графъ Толстой.

Теперь мы попросимъ читателя, оставивъ въ сторонѣ всѣ частности и подробности двухъ вышеописанныхъ формъ единенія съ народомъ, предлагаемыхъ «Русью» и графомъ Толстымъ, обратить вниманіе на ихъ принципиальныя, основныя тенденціи. У г. Аксакова единеніе исключительно на духовной почвѣ; душа въ душу, но карманы врозь. Графъ Толстой, прозрѣвъ больше чутьемъ художника фальшь и лицемерную неполноту такого единенія, вноситъ въ него и элементъ матеріальной связи, но онъ только механически приставляетъ его, и никакими усиліями не удается ему сбить эти два начала духовнаго и матеріальнаго единенія въ одну органическую систему, такъ, чтобы одно вытекало изъ другого и одно дополняло другое. Въ двухъ этихъ формахъ единенія общее то, что ни одна изъ нихъ не касается причявъ зла, съ которыми онѣ борятся. Можетъ быть и г. Аксаковъ понимаетъ, отчего общество разошлось съ народомъ и разучилось думать и чувствовать по-русски, т. е. по-народному. Трудно также сомнѣваться, чтобы и графъ Толстой не понималъ причины народно-общественной розни. Но и тотъ и другой не желаютъ считаться съ этими причинами, они не хотятъ только ихъ послѣдствій. Несомнѣнно, что система графа Толстого есть уже шагъ впередъ сравнительно съ мировоззрѣніемъ г. Аксакова, въ ней принять въ расчетъ не одинъ элементъ духовный, но и матеріальный, но эти два элемента только намѣчены и не приведены во взаимную и естественную гармонію.

IV.

Независимо отъ двухъ описанныхъ формъ единенія съ народомъ существуетъ еще третья, о которой въ прошлой статьѣ мы уже достаточно подробно говорили. Сущность этой формы и ея отличіе отъ предшествовавшихъ вполне выяснятся, если мы повторимъ, въ чемъ заключаются два коренныя условія ея. *Во-первыхъ*, какъ уже было замѣчено, необходимо или непосредственно самимъ добывать себѣ жизненные продукты или получать ихъ въ обмѣнъ за трудъ въ пользу народа, за услуги, въ

„Дѣло“, № 2, 1882 г. II.

которыхъ онъ чувствуетъ потребность. *Во-вторыхъ*, не менѣе необходимо получать за эти услуги столько, сколько можетъ дать народъ и довольствоваться такимъ уровнемъ матеріальнаго существованія, котораго достигло большинство народа. Мы не будемъ приводить снова тѣхъ мотивовъ и аргументовъ, изъ которыхъ вытекаетъ необходимость и справедливость такой формы единенія, но мы желали-бы коснуться одного недосказаннаго пункта, чтобы въ умѣ читателей не оставалось мѣста предположеніямъ въ родѣ того, будто мы желаемъ общаго духовнаго приниженія, проповѣдуемъ поголовное невѣжество и, какъ упрекнулъ насъ одинъ рецензентъ, придерживаемся той логики, что если мужика съкутъ, то, чтобы никому не обидно было, надо съѣчь и дворянина. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ, котораго мы желали-бы здѣсь коснуться, именно образованіе, настолько обширенъ, что исчерпать его нѣтъ возможности на не многихъ остающихся еще у насъ страницахъ, и мы, по необходимости должны быть кратки.

Въ силу перваго, вышеупомянутаго нами условія единенія мы должны или непосредственно добывать себѣ сами жизненные продукты, или получать ихъ въ обмѣнъ за услуги, въ которыхъ необходимо нуждается народъ. Замѣчу, что это вовсе не значить, что вы, я, другой и третій, т. е. интеллигенція *непремѣнно* должны броситься точать сапоги, начать пахать или ваяться ремеслами, нужными въ хозяйственномъ быту, хотя и нѣтъ резонновъ непремѣнно отказываться отъ этихъ занятій. Но вообще мы и въ прошлой статьѣ и нынѣ не возводимъ этихъ занятій на степень обязательныхъ. Остается вѣдь еще громадное множество профессій, вполне необходимыхъ для народа; это почти все тѣ же профессіи, какія существуютъ и нынѣ, но сила вся въ томъ, что онѣ должны быть обращены на служеніе народу, который какъ теперь является плательщикомъ за эти профессіи, не получая, однако, отъ нихъ никакихъ выгодъ, такъ и потомъ будетъ оплачивать ихъ, но уже пользуясь прямыми выгодами, доставляемыми этими профессіями. Народу нужны и учителя, и литераторы, и поэты, врачи, пожалуй, адвокаты, образованные управители, хорошіе механики и пр. Разумѣется, если вы, нынѣшній литераторъ, будете писать романы изъ великосвѣтскаго быта съ адюльтерами, народъ вамъ не дастъ ни полушки, ибо ему это вовсе не нужно, но онъ очень хорошо оцѣнитъ пользу печати, которая въ удобопонятной формѣ будетъ сообщать ему полезныя знанія, толковать о его духовныхъ и матеріальныхъ интересахъ, знакомить власть съ его нуждами и со всѣми крестьянскими дѣлами.

Отсюда видно, что никакого невѣжества мы не проповѣдуемъ; для народа должна быть сохранена наука, знаніе, высшая образованность, ибо во всемъ этомъ онъ не менѣе нуждается, чѣмъ и наше общество. Мы говоримъ только о томъ, что эти интеллигентныя профессіи не должны быть привилегіей общества; значительная часть его, подобно большинству народа, можетъ заниматься чисто-физическимъ трудомъ, земледѣіемъ или ремеслами, оставаясь на томъ-же уровнѣ образованія, какъ и масса народа, хотя этотъ уровень общаго образованія долженъ быть повышенъ. По нашему мнѣнію, образованіе это должно быть обязательно - даровое и одинаковое для всѣхъ на его первой ступени, а переходить на слѣдующія высшія ступени должны безразлично какъ лица изъ народа, такъ и изъ нынѣшней интеллигенціи.

Но каковы, спрашивается, должны быть размѣры или степень образованія, одинаковаго для всего народа? Интеллигентныя профессіи, въ которыхъ нуждается народъ, необходимо требуютъ нынѣшняго высшаго образованія, но и образование массы не можетъ быть слишкомъ понижено сравнительно съ этимъ высшимъ образованіемъ, безъ ущерба самымъ кровнымъ интересомъ народа. Уже теперь мы видимъ повсюду доказательства малой пригодности нашихъ народныхъ школъ. Всѣми признано, что онѣ оказываютъ ничтожное вліяніе на народъ. Дѣло не въ томъ только, что онѣ не даютъ народу непосредственно приложимыхъ въ его быту земледѣльческихъ, техническихъ и ремесленныхъ знаній. Бѣда и въ томъ еще, что отъ слишкомъ большой противоположности между народнымъ и высшимъ образованіемъ народъ не можетъ удовлетворять какъ слѣдуетъ своимъ насущнѣйшимъ потребностямъ. Напримѣръ, слишкомъ низкій уровень народнаго образованія въ значительной степени мѣшаетъ народу пользоваться крайне необходимыми для него услугами врача, а такъ-же услугами принаровленной къ его быту печати или адвокатуры. Точно также нынѣшняя народная школа есть одна изъ причинъ неудовлетворительности крестьянскаго самоуправления, которое гораздо лучше можетъ быть исправлено повышеніемъ уровня народнаго образованія, чѣмъ отдачей этого самоуправления подъ контроль и руководство болѣе образованнымъ сословіемъ, чѣмъ нарушается основной принципъ самоуправления. Вообще повышеніе уровня народнаго образованія настоятельно требуется самыми реальными и существенными интересами народа.

Намъ могутъ замѣтить, что повышеніе народнаго образова-

нiя, напр., до уровня нынѣшняго средняго, возможно лишь въ отдаленномъ будущемъ. Это, конечно, справедливо, хотя уже теперь мы видимъ дѣятельныя заботы о распространенiи техническихъ школъ, гдѣ курсъ гораздо выше, чѣмъ въ нынѣшнихъ народныхъ школахъ. Но собственно говоря, мы и не ставимъ въ зависимость отъ повышеннаго уровня народнаго образованiя ту форму единенiя, о которой была рѣчь въ прошлой статьѣ, мы говоримъ, только, что это единенiе не исключаетъ науки и высшей образованности, и, напротивъ, много выигрываетъ отъ нихъ. Но если среднему и высшему образованiю суждено еще долго оставаться удѣломъ одной лишь интеллигенци, то ничто не мѣшаетъ одной части ея заняться въ видахъ собственнаго прокормленiя тѣмъ или другимъ физическимъ трудомъ, съ соблюденiемъ двухъ вышеупомянутыхъ условiй, а другой части, получившей образованiе высшее или вообще соответствующее избранной специальности—служить народу своей профессiей (если онъ въ ней нуждается), но опять съ соблюденiемъ тѣхъ-же двухъ условiй.

Мы начали статью разсмотрѣнiемъ причинъ розни между народомъ и обществомъ, и пока указали только на одну причину—буржуазность нашего общества, противъ которой и направлена, главнымъ образомъ, форма единенiя въ нашемъ смыслѣ, разъясненная какъ сама по себѣ, съ социально-экономической точки зрѣнiя (въ прошлой статьѣ), такъ и въ противоположенiи ея съ другими формами единенiя. Слѣдующая статья будетъ посвящена разбору остальныхъ двухъ причинъ, препятствующихъ сближенiю общества съ народомъ.

З.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

„Смута умовъ“, Е. Маркова („Русская Рѣчь“, январь). „Пафнутьевы“ въ сатиру Щедрина.—Очерки англійскаго общества, Гр. Муррея („Отеч. Зап.“, январь).— „Отчаянный“ разсказъ, г. Тургенева.—(„Вѣстникъ Европы“, январь). Новые журналы: „Наблюдатель“ и „Вѣкъ“.

I.

Почти всѣ органы печати, въ какому-бы направленію они не принадлежали, единогласно свидѣтельствуютъ, что общество переживаетъ необычайно тягостный историческій моментъ. Одни называютъ его «подавленностью», другіе—«невозможнымъ положеніемъ», третьи—«смутой умовъ» и т. п.

На эту тему писалось и пишется множество статей и всѣ авторы, несмотря на разницу ихъ взглядовъ и желаній, рисуютъ общественное настроеніе одними и тѣми-же красками. Апатія, растерянность, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Вотъ фонъ, на которомъ, болѣе или менѣе удачно, расписывается картина состоянія нашего общества.

На этомъ разумѣется, и оканчивается согласіе между различными лагерями печати. Фактъ бьетъ въ глаза одинаково тѣмъ и другимъ

Какъ только отъ факта общественнаго настроенія дѣло переходитъ къ выясненію причинъ такого явленія, представляется слѣдующее: высказывается одна часть печати—одни съ опломбомъ Ноздрева, другіе съ невѣжествомъ Митрофанушки, третьи съ рѣшительностью графа Аракчеева и передержками опытныхъ шуллеровъ,—всѣ категорично объясняютъ причины «смуты умовъ» различными «исчадіями зла» (эти слова захватываютъ весьма обширный районъ понятій) и предлагаютъ болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры; другая часть печати ограничивается лишь протестомъ противъ категорическихъ рѣшеній и мѣръ, но въ

разсмотрѣніе по существу дѣла не входитъ, ограничиваясь на этотъ счетъ молчаніемъ.

Въ послѣднихъ своихъ «Замѣткахъ», я говорилъ какого сорта рѣшенія вопросовъ и какія мѣропріятія предлагались извѣстной частью печати и потому не стану снова перечислять всѣхъ тѣхъ недѣлюстей, которыя, въ видѣ лекарствъ противъ всякихъ золъ и бѣдъ, предлагались такъ-называемыми «охранителями». Еслибъ не увѣренность, что «и невозможное — возможно» въ жизни человѣческой, полной сюрпризовъ, то обо всѣхъ подобныхъ прожектахъ не стоило-бы и говорить серьезно—такъ они, въ большинствѣ случаевъ, невѣжественны (я уже не говорю безнравственны) и такъ мало способны успокоить смуту умовъ. Впрочемъ, кажется, и сами авторы прожектовъ начинаютъ терять вѣру въ дѣйствительность самобытныхъ лекарствъ, по крайней мѣрѣ и такъ полагаю потому, что они, несмотря на значительный промежутокъ времени, протекшій со времени начала ихъ врачеванія общества, — досихъ поръ не подняли духа въ публикѣ и по-прежнему задаютъ вопросъ: «Откуда сіе», — причѣмъ по-старому ищутъ причинъ на аршинъ отъ своего носа.

Въ роли свѣдущаго по умиротворенію общества публициста, является и нашъ «извѣстный» публицистъ Е. Марковъ. Въ статьѣ своей «Смута умовъ», напечатанной въ январьской книжкѣ «Русской Рѣчи», онъ тоже доискивается корня зла, пытается объяснить смуту умовъ и, какъ водится, предлагаетъ соотвѣтствующее лекарство.

Г. Марковъ когда-то слылъ либераломъ; подъ туманомъ вычурныхъ фразъ и жалкихъ словъ онъ снискалъ себѣ даже нѣкоторую извѣстность въ качествѣ «благороднаго отца» публицистики, да и теперь найдутся читатели, которые за стилистической внѣшностью не сразу разглядятъ всей прелести содержанія въ статьѣ этого публициста и свѣдущаго человѣка, недавно еще доказывавшаго, что русскій мужикъ спился... Поэтому, мнѣ кажется, не лишнее покороче познакомиться съ мнѣніями г. Маркова о смутѣ умовъ и послушать, что онъ скажетъ. Это тѣмъ болѣе интересно, что статья г. Маркова дастъ намъ характерный матеріалъ для опредѣленія значенія въ обществѣ той «отрицательной литературы», противъ которой мечетъ громы г. Е. Марковъ и значеніе которой г. Марковъ старается умалить, противопоставляя этой литературѣ мнѣнія «трезвенныхъ» людей практической жизни. Конечно, онъ мечетъ громы не съ грубой откровенностью издателя «Московской Вѣдомостей»; какъ и подобаетъ бывшему либералу и блюстителю чистоты поэзіи и ис-

искусства. Они, эти блюстители чистаго искусства, и въ указаніяхъ своихъ не литературнаго свойства непремѣнно стараются быть въ перчаткахъ.

.
 Не для кормити, не для бить,
 Мы созданы для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Впрочемъ, я забѣгаю впередъ... Обратимся къ «Смутъ умовъ».

II.

Статья начинается указаніемъ, что наша литература наполнена односторонними и лживыми мрачными картинами несовершенствъ нашей жизни. Стоитъ только раскрыть любую хронику внутренней жизни или такъ-называемыя статьи по экономическимъ вопросамъ и читателю преподносятъ картины народной жизни одна другой отчаянней.

«Эти лживыя страницы пишутъ не чужестранные авторы какихъ-нибудь «Les Danicheff», воспѣвающие русскую героиню Nadia Fédor для потѣхи самодовольныхъ невѣждъ парижскаго бульвара, а считающіе себя «знатоками» русскаго «народа», «погружающіеся въ его глубь», «страдающіе его страданьемъ и радующіеся его радостью»...

Такимъ образомъ, продолжаетъ г. Марковъ, эта литература дѣйствуетъ губительно на юношество.

Отечество и цѣлый людской міръ представляются ему какою-то ужасающею иллюстраціей къ Дантову Аду. Только вражда, только неправда, только страданія встрѣчаютъ кругомъ каждый его взглядъ и каждое его движеніе, въ толкованіяхъ этихъ неблагоразумныхъ учителей.

«Ему можетъ искренно погрезиться, что онъ живетъ въ годины какихъ-нибудь варварскихъ гоненій Юстиніана или Юліана, когда отреченіе отъ грѣховнаго міра и смерть представляли единственный исходъ для честной души.

«Никто не питаетъ въ немъ свѣтлаго влеченія къ жизни и людямъ, не насаждаетъ въ немъ плодотворнаго и бодрящаго идеала. (А на что же вы, г. Марковъ!?). Еще не успѣвъ ощутить въ своемъ сердцѣ любви и радости, онъ уже переполняетъ его ненавистью и тоской. Еще не задавшись ни однимъ подвигомъ братства и единенія, онъ уже куется въ себя гнѣвные pomysлы вражды».

Но все, что пишетъ «литература отрицанія» — все это «кошмаръ, своего рода болѣзненное преувеличеніе, которое нужно обличать и опровергать», продолжаетъ г. Марковъ и въ доказательство раздражается такой тирадой:

«Россія далеко не такъ безъисходно бѣдна, не такъ безъисходно невѣжественна, несчастна и нестроена; Россія вовсе не на краю гибели, какъ хотятъ увѣрить насъ (кто?), Россія цивилизуется и неудержимо растетъ въ своихъ силахъ. Можетъ-быть, никогда основные интересы самаго многочисленнаго и самаго нуждающагося населенія ея, крестьянъ, не были выдвинуты правительствомъ такъ рѣшительно на первый планъ, какъ теперь, и никогда еще не была такъ сильна рѣшимость правительства исправить ошибки старой исторіи въ пользу тѣхъ, кто больше всѣхъ пострадалъ отъ этихъ ошибокъ».

Но литература, какъ-будто, не хочетъ этого видѣть, продолжаетъ нашъ Іоаннъ Златоустъ изъ Шигровъ; а, между-тѣмъ, на литературѣ лежитъ «*нравственная отвѣтственность*» за тѣ идеи и цѣли, которыя она проводитъ. Отъ этихъ идей и цѣлей слишкомъ зависитъ судьба нашихъ дѣтей...

Далѣе, г. Ев. Марковъ еще ужаснѣе рисуется современную литературу и въ своемъ пафосѣ напоминаетъ даже избранныя мѣста своего предшественника, г. Цитовича. Я попрошу извиненія у читателя, что приведу еще длинную выписку изъ статьи нашего автора, съ цѣлью показать, что почтенный публицистъ лжетъ не хуже г. Цитовича и другихъ публицистовъ подобнаго сорта, когда дѣло касается «литературы отрицанія», столь ненавистой г. Маркову, отрицавшей даже не разъ и самого г. Маркова, какъ беллетриста, критика и публициста. Пренній либераль, пораженный шумихой фразъ неопытныхъ читателей и отдававшій душу за свободу мысли и слова, не довольствуется только-что приведенными отзывами о гибельномъ влияніи литературы отрицанія. Вотъ что говоритъ онъ:

Мы всѣ жалуемся на тяжелое нравственное состояніе, угнетающее наши души, на отсутствіе въ нихъ радостныхъ надеждъ и свѣтлой вѣры даже въ то, что дѣлается у насъ несомнѣнно хорошаго. Никто словно не замѣчаетъ этого хорошаго, словно не принимаетъ его за что-нибудь серьезное и прочное. Всѣ словно ждутъ, что вотъ проснешься завтра и ничего этого не будетъ, а будетъ совсѣмъ другое, очень скверное. Всякій словно боится вопроса попасться, боится развѣсить уши передъ баснями и получить вдругъ обухомъ по головѣ.

Оттого всѣ дѣйствуютъ, говорятъ, думаютъ и чувствуютъ какъ-то съ оглядкой, осторожно, ощупывая ногою каждый шагъ, держа на всякій случай камень за пазухою, не позволяя себѣ увлекаться самыми искренними своими порывами и вкусами, не довѣряя самымъ провереннымъ убѣжденіямъ, все чего-то ожидая и остерегаяся,—что-то, молъ, будетъ, что-то еще выйдеть.

Общественная жизнь не смѣетъ распустить всѣхъ своихъ паровъ и двинуться

смѣло на встрѣчу будущему. Она какъ-то лѣнливо и не-хотя подкладываетъ топливо въ свой паровозъ, словно ежеминутно готовая дать задній ходъ и опустить тормазы.

Наша литература отрицанія, проповѣдующая безнадежную внутреннюю гнилость всего нашего социальнаго, государственнаго и экономическаго строя, осмѣивающая и стыдящаяся его, не признаетъ среди насъ никакой другой живой и плодотворной силы, кромѣ какой-то безпочвенной, книжной „интеллигенціи“ и то только такой „интеллигенціи“, которая не имѣетъ никакихъ гражданскихъ обязанностей, никакого практическаго дѣла и опыта, а исключительно читаетъ книжки и пишетъ книжки. Да и то какія книжки! Далекое не всё, а лишь очень опредѣленнаго характера, книжки извѣстнаго лагеря или, по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ темъ.

Эта литература отрицанія, вѣрная своему катехизису, объясняетъ наше томительное состояніе общественнаго духа тѣмъ, что будто-бы вышеозначенная «интеллигенція» лишилась кредита и нѣкоторымъ образомъ взята въ подозрѣніе. эзцеремоннымъ приемомъ она подмѣняетъ себя, свою худосочную и угрюмую партію одного-двухъ журналовъ, ни болѣе ни менѣе, какъ всею русскою образованностью, всею европейскою мыслью, всею цивилизаціею человѣчества.

При такой постановкѣ вопроса, ей не трудно, конечно, разжалобить міръ своею злосчастною судьбою. Она, видите-ли, получила какую-то закулисную цевварную кару, и этого ей достаточно, чтобы возопитъ о закрытіи русской образованности, о прекращеніи вѣка цивилизаціи и наступленія мрачнаго вѣка „чавкающей свиньи“, и торжествующихъ дворниковъ. Ей уже кажется, что вмѣстѣ съ какой-то ея журнальною статьею, не появившеюся въ печати среди десяти тысячъ другихъ статей на ту-же тему, провалился въ преисподнюю и Пушкивъ. и Лермантовъ, и Гоголь,—вся наша поэзія, вся наша гуманная мысль.

Она наввно забываетъ при этомъ, что такъ трогашіе ее теперь Лермонтовъ и Пушкины, и вся наша поэзія, и вся наша гуманная мысль, тою же самою партіею, въ тѣхъ-же самыхъ журналахъ, хотя и подъ другою обложкою, столько лѣтъ рвались въ клочки, топались въ грязь, объявлялись баловствомъ праздныхъ крѣпостныхъ баръ, вредною сантиментальною чепухою, застилающею глаза отъ мрачной дѣйствительности; что недавніе руководители и пророки ея съ самодовальнымъ хохотомъ босоногихъ блузниковъ, добравшихся до статуй музея еще недавно вылаживали за окно всѣхъ пушкинскихъ Татьянъ, всѣхъ этихъ тургеневскихъ Еленъ и Лизъ, провозглашали сапоги выше Шекспира и вмѣсто поэтическихъ, по мнѣнію ихъ, Жульетъ и Дездемонъ, поднимали на свой щитъ какую-нибудь Вѣру Павловну изъ Мѣщанской улицы, съ ея аппетитомъ къ мужскому тѣлу, съ ея краткосрочными словесными договорами вмѣсто семейнаго союза, и съ швейною, какъ идеаломъ гражданскаго призванія. Они, пытавшіеся когда-то съ такимъ одушевленіемъ разрушить все наше искусство, науку, нашу духовную жизнь, расшатывавшіе всѣ авторитеты, послужившіе къ созданію европейской и нашей русской образованности, проповѣдовавшіе вандализмъ однихъ матеріальныхъ интересовъ толпы, одну близорукую justice distributive, съузвившіе всѣ горизонты человѣческаго міра въ кусокъ хлѣба для рабочаго, не понимавшіе въ этомъ рабочемъ его религиозныхъ и нравственныхъ потребностей, отрицавшіе въ дѣломъ человѣческомъ мірѣ все, кромѣ нервовъ, мускуловъ и кишечнаго канала,—они вдругъ плачутъ по погавшей поэзіи, гуманности и цивилизаціи! Свинья, видите-ли, ихъ сѣбла!

III.

Прежде чѣмъ продолжать вмѣстѣ съ г. Марковымъ дальнѣйшую экскурсію въ область «кишечнаго канала» и изыскивать причины развѣдающаго зла,—сдѣлаемъ маленькую роздыхку и полюбуемся литературною добросовѣстностью (это ужъ дѣло рукъ человѣческихъ) и логикой (это дѣло рукъ Божіихъ) Е. Маркова...

Каюсь передъ читателями и передъ г. Марковымъ. При всемъ моемъ маломъ уваженіи и сочувствіи къ его литературной дѣятельности, я все-таки не предполагалъ, что онъ, въ поискахъ причинъ смуты умовъ, прибѣгнетъ къ тѣмъ-же самымъ приемамъ, которые давнымъ-давно уже пущены въ обращеніе другими и, мало того, повторитъ чуть-ли не буквально, тѣ-же, ставшія общими мѣстомъ, передержки, которыя употреблялись гг. Цитовичами, Незлобинами, Катковыми и Суворинными въ публицистикѣ и гг. Лѣсковыми, Маркевичами, Авсѣенками въ беллетристикѣ. Я думалъ, что г. Марковъ хоть какого ни-на-есть, а своего «жупелѣ» выдумаетъ, и вдругъ повтореніе, почти дословное, «жупеловъ» благороднаго своего предшественника, г. Цитовича, даже до «Вѣры Павловны изъ Мѣщанской улицы», «кишечнаго канала», «сапогъ выше Шекспира» и тому подобнаго вранья, обтрепаннаго въ концѣ, вслѣдствіе долгаго употребленія.

Еслибъ не подпись подъ статьей, то, право, можно было-бы предположить, что статью соавторствовалъ какой-нибудь самолюбивый, узнавшій себя по ушамъ, «свѣдущій» щедринскій Пафнутьевъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ нюхать. «Пафнутьевъ земская косточка, а нынче пришлось во всѣ переднія Пафнутьевыхъ допускать. Представится швейцару, расчеркнутся, шаркнутъ ножкой — и по домамъ. Видѣлъ? — ну, и будетъ съ тебя. Ступай въ деревню, развѣзжай по сосѣдямъ, хвастайся, а начальства не утруждай!»...

Но шутки въ сторону. Писалъ статью не Пафнутьевъ, а г. Марковъ, «извѣстный публицистъ», и мы имѣемъ дѣло съ нимъ. Сознательно или по наивности онъ повторяетъ слова литературнаго отребья и жетъ — мнѣ до этого дѣла нѣтъ, но что онъ жетъ и жетъ съ апломбомъ едва-ли не на каждой страницѣ, до этого мнѣ дѣло есть, и я постараюсь показать читателю, какъ и гдѣ онъ жетъ.

Разсказывая, что литература отрицанія изображала положеніе народа въ преувеличенномъ видѣ и что она воспитала мрачный взглядъ на жизнь,—г. Марковъ приписываетъ одному,

двумъ журналамъ такое волшебное дѣйствіе на умы. Отсюда выходитъ, что общество такой дуракъ, что одинъ, два журнала воспитали въ немъ унылыя взгляды, несмотря на то, что жизнь вовсе не представляетъ данныхъ для этого, какъ увѣряетъ г. Марковъ. Но спрашивается тогда, отчего-же другіе журналы, другіе писатели не изобличали этихъ фантастическихъ представленій и отчего они не имѣли вліянія на умы общества? На недостатокъ свободы печати въ этомъ смыслѣ жаловаться, кажется, этой части печати невозможно. Отчего-же они не занимались изслѣдованіями народной жизни, и массой цифръ и данныхъ не опровергали взглядовъ столь лживыхъ, какъ объясняетъ г. Марковъ. И почему самъ г. Марковъ, этотъ публицистъ на всѣ руки, не принялъ на себя такой благодарной задачи?

Но въ то самое время, когда въ печати занимались изслѣдованіемъ народныхъ нуждъ, именно писатели, которыхъ живо обвиняетъ г. Марковъ въ преувеличеніяхъ (что будетъ разобрано ниже)—писатели другого лагеря совсѣмъ не интересовались этимъ вопросомъ, а если и интересовались, то тогда только, когда являлся слухъ о какой-нибудь практической мѣрѣ по улучшенію быта платежнаго класса. Тогда чистые крѣпостники пускали въ ходъ всѣ свои вліянія, грозя обыкновенно «краснымъ призракомъ», а чистокровные «буржуа», въ родѣ г. Маркова, начинали медоточивыя рѣчи о мужичкѣ и не столько доказывали цифрами и фактами, сколько распинались общими фразами о томъ, что мужичекъ вовсе не такъ бѣденъ, что мужичекъ самъ виноватъ, что лѣнныя пропадаютъ, а сильные богатыютъ и т. п. Смыслъ подобныхъ сладкогласныхъ рѣчей не оставлялъ никакихъ сомнѣній и г. Маркову, по поводу одной его статьи о народѣ, было ясно доказано, каковъ онъ въ сущности подозрительный либералъ...

Всѣ эти гг. Марковы, нынче нарядившіеся въ шкуру народолюбцевъ,—палецъ о палецъ не ударили въ дѣлѣ серьезнаго изученія народной жизни—даже и съ матеріалами, собранными другими, не познакомились. По-крайней-мѣрѣ, изъ бесѣдъ г. Маркова о пьянствѣ видно, что онъ больше на свои цигровскія наблюденія ссылаясь, и не знакомъ съ литературой (и не малой) этого вопроса. Иначе, едва-ли-бы обвинилъ поголовно русскій народъ въ пьянствѣ.

Работами по изслѣдованію народнаго быта занимались и правительственныя комиссіи, и земства, и частныя лица; распространенію такихъ работъ болѣе всего способствовали именно журналы, которые г. Марковъ называетъ журналами «отрицательнаго направленія»; въ нихъ не только популяризо-

вались названныя работы, но помѣщались и самостоятельныя изслѣдованія въ этомъ-же направленіи, — въ то время какъ «Русскіе Вѣстники» и другіе, подобныя имъ журналы, печатали сказанія объ «адюльтерахъ» или о «грамолахъ».

Что-же касается до обвиненія въ «преувеличеніяхъ», — то, приходится замѣтить г. Маркову одно изъ двухъ: или онъ лжетъ сознательно, или онъ положительно не свѣдуещъ въ дѣлѣ, о которомъ берется трактовать съ такимъ нахальнымъ апломбомъ. Самъ, вѣроятно, того не подозрѣвая, онъ говоритъ *non sens*, обвиняя въ преувеличеніи само правительство. Да, правительство, такъ-какъ, говоря по совѣсти, никакія внутреннія хроники, виѣстѣ взятыя, и которыя, по словамъ г. Маркова, являются «ужасающими иллюстраціями въ Дантову аду», не могутъ сравниться по производимому ими впечатлѣнію съ тѣми сборниками матеріаловъ, собранными разными правительственными комиссіями и земствами по изслѣдованію народнаго быта, начало которыхъ было положено «Матеріалами по изслѣдованію сельскаго хозяйства»; несмотря даже на нѣсколько оптимистическій взглядъ, проскальзывающій во многихъ оффиціаль-ныхъ сборникахъ, — факты, собранные тамъ, далеко не располагаютъ къ слащавому оптимизму г. Маркова, когда онъ говоритъ, что мужикъ не такъ бѣденъ и т. п.

Точно также неправильно утверждаетъ г. Марковъ, будто-бы безотрадныя «картины» народной жизни исключительно печатались въ «одномъ, двухъ журналахъ», которые—по словамъ нашего публициста—уже теряютъ кредитъ въ публикѣ и точно такъ-же несправедливо увѣреніе г. Маркова, будто отрицательная литература игнорируетъ все хорошее и свѣтлое.

Я уже говорилъ о работахъ разныхъ комиссій, которыя, надо думать, даже и г. Марковъ не заподозритъ въ преувеличеніяхъ. Полагаю, что и такіе изслѣдователи, какъ князь А. И. Васильчиковъ, г. Янсонъ (печатавшіе нѣкоторые изъ своихъ статей въ томъ самомъ журналѣ, гдѣ работаетъ г. Марковъ) и другіе также не могутъ быть обвинены въ желаніи рисовать мрачныя картины и не ихъ разумѣлъ г. Марковъ, намекая на какихъ-то ученыхъ, «высиженныхъ гдѣ-то въ темныхъ углахъ тѣхъ европейскихъ странъ, гдѣ скопляются, какъ клопы въ норахъ, всевозможные элементы общественной смуты и вражды».

Если-бы, въ самомъ дѣлѣ, литература отрицанія только и дѣлала-бы, что проповѣдовала, какъ утверждаетъ г. Марковъ, «раствѣвающую проповѣдь всероссійскаго страданія» и пополняла страницы своихъ журналовъ лживыми описаніями и фальшивыми данными, — то неужели-же читающая публика, контин-

гентъ которой состоитъ не изъ одной молодежи, не отвернудась-бы отъ такой литературы? Помплуйте, сказала-бы публика, вы миѣ рассказываете небылицы, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительной жизни, вы описываете факты несуществующіе... И, разумѣется, читатель-бы отвернулся отъ такихъ журналовъ и всѣ его симпатіи были-бы на сторонѣ тѣхъ, которые даютъ картины общественной жизни, болѣе соответствующія дѣйствительности.

Между тѣмъ—и это приводитъ г. Маркова въ изступленіе— «одинъ, два журнала» имѣютъ вліяніе на читающую публику. Въ нихъ, видите-ли, все ложь и преувеличеніе, а публика все-таки вѣритъ болѣе имъ, чѣмъ разнымъ гг. Катковымъ, Марковымъ, Суворинымъ и тому подобнымъ?.. Догадайтесь, г. Марковъ, почему это? Потому-ли, что читатель глупъ, или потому, что читатель въ окружающей жизни видитъ подтвержденіе того, что описывается «отрицательной литературой»?

И можетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, такая бы то ни было отрицательная литература да еще, представляемая однимъ, двумя журналами—имѣть такое «растлѣвающее вліяніе» на общество, если оно само вполне довольно окружающимъ и не видитъ вокругъ себя никакихъ поводовъ для недовольства? Г. Маркову, казалось-бы, не трудно объ этомъ догадаться. Въ другихъ литературахъ отрицательная печать не чета нашей; тамъ печатаются такія вещи, о которыхъ у насъ никто не смѣетъ и подумать, и, однако жъ, никто отъ этого не приходитъ въ ужасъ и никто не говоритъ по этому поводу такихъ глупостей, какъ г. Марковъ, такъ-какъ всякій понимаетъ, что даже и самые преувеличенныя картины какихъ-нибудь общественныхъ золъ кромѣ пользы ничего принести не могутъ. Они обращаютъ на себя вниманіе правительства и общества и, слѣдовательно, дѣлаютъ свое дѣло. Все это азбучныя истины, повторять которыя совѣстно передъ читателемъ и если я позволилъ себѣ распространиться по этому поводу, то единственно лишь для того, чтобы показать читателю, какъ безсовѣстно извращаетъ г. Марковъ факты.

Онъ, видите-ли, недоволенъ, что мало говорятъ или не такъ сочувственно говорятъ, какъ хотѣлось-бы ему, о тѣхъ работахъ, въ которыхъ принимаютъ участіе свѣдующіе люди. Перечисляя различные, выдвинутые правительствомъ вопросы, г. Марковъ восклицаетъ:

«Этому-ли направленію, этимъ-ли начинаніямъ не сочувствовать «прогрессивной интеллигенціи»? А вмѣсто того, литература, по увѣреніямъ г. Маркова, безсодержательно фрондируетъ, напѣвая свои излюбленныя пѣсенки на одну и ту-же нескончаемую тему объ участкѣ, о дворникѣ, объ урядникѣ, замури-

вая глаза, заткнувъ уши, не видя и не признавая совершающихся кругомъ важныхъ событій народнаго благополучія и рѣшительнаго движенія впередъ нашей внутренней жизни».

Право, въ этихъ строкахъ такъ и слышится озлобленный г. Пашутевъ, потерявшій въ азартѣ гнѣва всякую память! Да вѣдь эти всѣ вопросы, о которыхъ говоритъ г. Марковъ, давнымъ-давно разрабатывались именно «отрицательной печатью», когда всѣ эти гг. Марковы еще не были свѣдущими людьми и не думали объ этихъ вопросахъ. Въ этой «печати отрицанія» наберется цѣлая литература именно по поводу вопросовъ, съ которыми носится г. Марковъ, и которые, конечно, поставлены гораздо шире, чѣмъ ставятъ ихъ свѣдущіе люди вроде г. Маркова. Затѣмъ точно такъ-же жметъ г. Марковъ, будто объ этихъ вопросахъ теперь не говорятъ. Разверните любую книжку журнала, и вы увидите, что главнѣйшимъ образомъ вопросы народнаго благополучія и составляютъ содержаніе серьезныхъ статей. И даже и къ нѣкоторымъ работамъ свѣдущихъ людей относятся съ сочувствіемъ. Такъ, наприимѣръ, въ одной изъ внутреннихъ хроникъ, которыя г. Марковъ называетъ иллюстраціей къ Дантову «Аду», я читаю слѣдующіе строки: «Если свѣдущіе люди второй серіи, обсуждавшіе переселенческій вопросъ, и мало сдѣлали для правильной его обстановки и уясненія, тѣмъ не менѣе за ними навсегда останется одна важная заслуга. Я говорю о принципиальной постановкѣ другого, смежнаго съ переселенческимъ, вопроса—о признаніи свободныхъ казенныхъ земель такимъ народнымъ фондомъ, который прежде всего долженъ служить для безземельнаго населенія и быть гарантіей страны отъ пролетаріата» и т. д.

И вообще печать не мало говорила о «свѣдущихъ» людяхъ. Правда, она не съ особеннымъ упованіемъ относится къ нимъ, не считаетъ ихъ дѣйствительно излюбленными людьми, а по печатавшимся дебатамъ, нерѣдко сомнѣвалась въ знанія тѣхъ вопросовъ, о которыхъ они бесѣдовали, не придаетъ ихъ трудамъ того значенія, которое могло-бы быть при другихъ условіяхъ, но причины такого отношенія понять не трудно, даже и несвѣдущему человѣку. Не потому-ли и негодуешь такъ г. Марковъ, что печать не возводитъ свѣдущихъ людей въ герои?

Я съ своей стороны могу только прибавить, что будь я въ числѣ избирателей «свѣдущихъ людей», то не подавъ-бы своего голоса за г. Маркова. Если онъ такъ извращаетъ факты въ своихъ печатныхъ трудахъ, то какова-же добросовѣстнаго отношенія можно отъ него ждать и въ общественномъ дѣлѣ. Инсинирующій, клеветущій публицистъ не можетъ быть порядочнымъ практическимъ дѣятелемъ.

IV.

Оставляя въ сторонѣ, какъ пошлый вздоръ, не заслуживающій вниманія, всѣ эти Марковскіе перлы въ видѣ «вишечныхъ каналовъ», которые онъ съ комичной серьезностью ставитъ на счетъ литературы,—перехожу къ опредѣленію причинъ болѣзни, развѣдающей общество, сдѣланному публицистомъ «Русской Рѣчи», и къ лекарству, имъ предлагаемому.

Увы! И тутъ синица моря не зажгла, а только повторила другихъ литературныхъ синицъ и наговорила сугубыхъ мерзостей. Серьезно говоря, никакихъ причинъ г. Марковъ не открылъ, но зато открылъ себя, такъ сказать, *au naturel* съ тою же добросовѣстностью, съ какою г. Щедринъ показалъ намъ *au naturel* почтеннаго земца Пафнутаева, занятаго мыслью объ оздоровленіи корней.

Причина, видите-ли, всему—«смута умовъ». Понятія перепутались—вотъ гдѣ истина. Но отчего смута умовъ? Вѣдь сказавши «смута» ровно ничего не скажешь! А причины смуты, видите-ли, въ малодушіи общества и опять-таки въ одномъ, двухъ журналахъ, которые, такимъ образомъ, повелѣваютъ всѣмъ обществомъ...

Я не шучу и не прибавляю ни капли. Это открытіе сдѣлалъ г. Марковъ. Замѣчу только кстати одно противорѣчіе у него. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что живая печать потеряла кредитъ среди практическихъ людей, а затѣмъ снова: «Москва, вишь, виновата».

Оказывается, по увѣреніямъ литературнаго Пафнутаева, что общество такъ трусливо и малодушно, что боится «обидѣть блюстителей книжныхъ принциповъ», дабы не показаться въ ихъ глазахъ «не тѣмъ, чѣмъ они приказываютъ намъ быть»...

«Значительная часть нашей молодежи, значительная часть такъ-называемой «прогрессивной интеллигенціи» нашей боялись и до сихъ поръ бояться высказаться откровенно по этому вопросу, не потому, чтобы они сочувствовали взрывамъ и убійствамъ—избави Богъ отъ этого!—но именно по отсутствію всякой нравственной и умственной самостоятельности, по ребяческому малодушію и суевѣрію».

И вотъ, такимъ образомъ, создается полное и совершенно не отвѣчающее дѣйствительности положеніе русской общественной мысли въ глазахъ сторонняго наблюдателя: «значительная часть учащихъ, мыслящихъ и пишущихъ людей, отчасти безмолвіемъ своимъ, отчасти со чувственными намеками (?) поддер-

живаютъ его убѣжденіе, что наши анархисты не исчадіе зла и т. д.

«Послѣдствія этой лжи чрезвычайно важны. Ложь эта и составляетъ источникъ смуты умовъ».

Лекарство противъ этого г. Марковъ предлагаетъ слѣдующее:

«Уничтожить это губельное взаимное недоувѣріе возможно только на почвѣ основнаго вопроса переживаемой нами исторической минуты, только объединивъ наши взгляды относительно опаснѣйшаго врага, только единодушно всѣми нашими партіями и отѣлками мнѣній, громко признавъ, что врагъ этотъ есть нашъ общій врагъ и что затѣмъ всѣ наши домашнія сче-ты и разногласія касаются насъ только самихъ».

«Теперь всѣ маски должны быть сняты, всякія умолчанія и недоговоры отлетѣть въ сторону. Теперь не время двусмысленныхъ ужимокъ, полусловъ и намековъ. Теперь необходимо всякому сказать твердо и честно: я съ вами, а не съ ними!»

Однимъ словомъ, г. Пафнутьевъ... виновать г. Марковъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ приказываетъ высказаться, причемъ заранѣе хватаетъ васъ за горло и посматриваетъ на городского, если вы выскажетесь не буквально такъ, какъ желаетъ г. Марковъ. Приѣмъ не новый и уже обтрепанный публицистами. Они не разъ принимались высказываться по душѣ, причемъ даже напирала съ особенною силою, чтобы нисколько не стѣснялись высказываться. Мы, молъ, высказываемся.

Меня не удивляютъ эти назойливыя приглашенія представителей литературы — не мало было времени присмотрѣться — но меня, неизвѣрившагося окончательно въ потерю стыда человеческого, занимаетъ вопросъ: сознательно или по наивности господа эти лѣзутъ къ горлу и просятъ откровенности...

Если сознательно, то вѣдь это верхъ литературнаго пакостничества, потому-что вопрошающіе, какъ, напримѣръ, г. Марковъ, сами-же отвергая мысль о подозрѣніи литературы (смотри выписку выше), въ то-же время пристають съ ножомъ къ горлу и дѣлаютъ намеки.

Если по наивности, то вѣдь это верхъ наивности.

Вѣдь даже и г. Маркову когда-то было извѣстно (судя по прежнимъ его литературнымъ работамъ) азбучное правило примитивной нравственности — литературной и частной — что для каждаго, не потерявшаго совѣсть человека тогда только возможно основательно отнестись къ какому-нибудь явленію, хотя-бы онъ ему и не сочувствовалъ, и принести своимъ разслѣдованіемъ пользу, когда это явленіе можетъ быть разслѣдовано со всѣхъ сторонъ, а не съ односторонностью, ограничивающейся часто однимъ лек-

сиганомъ жалкихъ словъ. И если почему-либо такъ отнестись нельзя, то онъ молчитъ совсѣмъ, хотя, быть можетъ, и очень сожалѣетъ, что не можетъ сказать своего мнѣнія. Вѣдь если г. Марковъ попроситъ высказать свое мнѣніе, положимъ, о себѣ, какъ о публицистѣ, но притомъ разрѣшить мнѣ только говорить одностороннее хорошее или дурное (все равно), грозя въ противномъ случаѣ сослать меня на островъ Сахалинъ, то если я не герой, а обыкновенный средній человѣкъ, не потерявшій остатка совѣсти,—я лучше совсѣмъ промолчу о г. Марковѣ, чѣмъ стану говорить о немъ такъ, какъ предлагаетъ мнѣ г. Марковъ. Кажется, эти правила слишкомъ элементарны и тѣмъ болѣе должны были-бы имѣть мѣсто въ литературѣ, гдѣ свобода мысли составляетъ необходимѣйшее и существенное ея условіе, чтобы быть полезной государству.

Еще графъ Киселевъ при Николаѣ Павловичѣ, между прочимъ, повторялъ съ сочувствіемъ слѣдующія слова Тьера: «Свобода печати непріятна и неудобна министрамъ и вообще администраторамъ; часто она употребляетъ оружіемъ своимъ клевету, но въ конечномъ результатѣ всегда приноситъ пользу болѣе превышающую сопряженныя съ нею неудобства. Англійскіе государственные люди неоднократно говорили Тьеру, что Англія обязана свободѣ печати тѣмъ, что ея правительство ясно видитъ потребности края и что въ администраціи Англіи менѣе злоупотребленій, чѣмъ въ другихъ государствахъ, хотя англичане такіе-же люди, какъ и всѣ другіе».

Правда, и г. Марковъ желаетъ свободы печати, чтобы лучше бороться съ растлѣвающимъ малодушіемъ отрицательной литературы, но въ то-же время самъ употребляетъ полемическій приемъ, далекій отъ пониманія свободы печати. Впрочемъ, въ концѣ статьи онъ еще яснѣе показываетъ, какой свободы печати хотѣлъ-бы онъ, когда, между прочимъ, говоритъ: «Кто еще знаетъ какое участіе въ потворствѣ нѣкоторыхъ органовъ нашей печати играла до сихъ поръ малодушная трусость или слишкомъ благоразумная осторожность».

Возвращаемся, однако, еще на минуту къ г. Маркову, чтобы кончить съ его рекомендаціей высказаться.

Вотъ, напримѣръ, «Новое Время» не довольно, что процессъ Гито тянется такъ долго, что убійцы позволяютъ цѣлый мѣсяцъ говорить на судѣ, печатать свои заявленія даже въ газетахъ и т. п. Такое долгое дѣлопроизводство относительно преступника, по справедливости возбуждившаго общественное негодованіе, не нравится этой газетѣ. Оно только развращаетъ об-

щество. То-ли дѣло укоротить эту процедуру. Но американцы смотрятъ на дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ «Новое Время»...

Если я распространился по поводу статьи г. Маркова, то единственно съ цѣлью показать, какая масса лжи и инсинуаціи содержится въ его статьѣ... Я понимаю, что г. Цитовичъ лгалъ, прозрѣвая въ отдаленіи очертанія «Берега», но какую тихую пристань прозрѣваетъ г. Марковъ, если только вся его статья не есть плодъ озлобленнаго самолюбія, — это остается пока въ туманѣ. Быть можетъ, современемъ туманъ разсѣется и покажетъ публикѣ истинную причину такой «смуты ума» г. Маркова.

IV.

Отъ статьи г. Маркова естественный переходъ къ вожденіямъ Пафнутьевыхъ и Дракиныхъ, описанныхъ въ одномъ изъ «Писемъ къ тетенькѣ» г. Щедрина («Отеч. Зап.» декабрь); Пафнутьевъ — одинъ изъ земскихъ дѣятелей и нюхателей, который вмѣстѣ съ другими Пафнутьевыми не прочь «оказать содѣйствіе». Вотъ какъ въ сатиру своей г. Щедринъ описываетъ «процессію содѣйствовательскихъ показаній»:

Первымъ выступаетъ, разумеется, Ивановъ, ибо гдѣ-же нѣтъ Иванова?—къ каждой комнатѣ онъ есть! Выходи изъ той мысли, что „потрясеніе основъ“ спрятано у кого-нибудь въ карманѣ, онъ предлагаетъ всѣхъ поголовно обыскать. Даже свои собственные карманы выворачиваетъ, сапоги вытаскиваетъ съ себя сняты: вотъ-молъ какъ долженъ поступать всякій, кто за себя не боится! А за себя лично онъ дѣйствительно не боится, потому-что, съ одной стороны, душа у него чиста, какъ сейчасъ вычищенная выгребная яма, а съ другой стороны, она-же до краевъ наполнена всякими готовностями, какъ яма, сто лѣтъ не чищенная. Слѣдомъ за Ивановымъ появляется Федоровъ—этотъ когда-то былъ высѣченъ своими крѣпостными людьми и никакъ не можетъ объ этомъ забыть. Понятно, что онъ утверждаетъ, что только власть сильная, и *вооруженная карами*, можетъ удержать Россію на краю пропасти. За Федоровымъ выходятъ Пафнутьевъ (тоже былъ своевременно высѣченъ) съ обширной запиской въ рукахъ, въ которой касается вещей знаемыхъ (съ пропией) и незнаемыхъ (съ упованіемъ на милость Божию), и затѣмъ, въ видѣ скромнаго вывода, предлагаетъ: ради спасенія общества, гнилое и либеральнѣешее чиновничество упразднить, а вмѣсто него учредить Пафнутьевское „средостѣвие“, споспѣшествуемое Дракинскимъ „оздоровленіемъ корней“. Пафнутьева смѣняетъ захудавшій дворянинъ Кубышкинъ, который проситъ немногаго: дабы до приведенія въ порядокъ мыслей, немедленно всѣ учебныя заведенія закрыть! И въ заключеніе, совершенно неожиданно прибавляетъ: „Изложивъ все сіе по сущей совѣсти, повергаю себя и свою семью, въ собственныхъ малолѣтнихъ дѣтей и сиротъ-племянницъ состоящую, на усмотрѣніе: хотя-бы мѣста становаго удостоиться, то и сямъ предоволенъ буду“. За Кубышкинымъ идутъ разныхъ шерстей ублюдки. Во-первыхъ, маркизъ Шассе-Крузе, котораго только въ прошломъ году княгиня Букашба возсоеди-

вила въ лоно православной церкви, и который теперь ужъ жалуется, что, живя въ курскомъ имѣніи („приданое жены моей, воспитанницы княгини Букназба“), только онъ съ семьей, да съ гувернанткой-нѣжкой и посѣщаетъ храмъ Божій; „народъ-же, подѣ влияніемъ сельскаго учителя“ и т. д. Во-вторыхъ, баронъ Ферфлюхтеръ, который ни на что особенно не сѣтуетъ, а только излагаетъ факты. И въ заключеніе, не безъ язвительности спрашиваетъ: отчего ничего подобнаго до сихъ поръ не было въ лойальномъ Остзейскомъ краѣ, „но будетъ непременно и тамъ, ежели не смирить своеволіе латышей“. И наконецъ, князь Мирза-Май-Тохтамышевъ, который, будучи честивѣ прочіихъ, говоритъ кратко: ннѣ пан-нимаю!

Вотъ вамъ вся процедура „содѣйствія“. Смыслъ ея однообразенъ; наяривай, жарь, гни въ бараній рогъ! Да вѣдь мы все это слышали и переслышали! восклицаете вы. А чего-же, однако, вы ожидали? Посмотрите-ка на Дракина: онъ, еще ничего не видя, ужъ засучиваетъ рукава и налаживаетъ кулаки.

А вотъ и похождения Пафнутьевыхъ въ Петербургѣ:

Я ничего не читалъ въ газетахъ о подвигахъ *вашего* Пафнутьева, но слышалъ, что онъ былъ въ Петербургѣ и нюхалъ. Сначала, находилъ, что пахнетъ амбрѣ, потомъ, по мѣрѣ того, какъ надежды на „проникновеніе“ померкали, сталъ отъоситься къ запахамъ съ притворнымъ равнодушіемъ, и наконецъ, пустился въ почтительное сквернословіе. И такъ-какъ Петербургъ ничче переполненъ Пафнутьевыми, которые всѣ прѣехали понюхать, чѣмъ пахнетъ, то у всѣхъ у нихъ *вашъ* Пафнутьевъ былъ съ визитомъ, и всѣмъ говорилъ, что надобно „взглянуть на положеніе вещей серьезно“ и прежде всего начать съ оздоровленія корпей.

Или точнѣе: съ оздоровленія самого-же Пафнутьева, потому-что корни—земство, а Пафнутьевъ—влюбленный земскій человѣкъ. Вотъ какая иногда выходитъ игра словъ!

Знаю также, что „отъявившись“ гдѣ слѣдуетъ, онъ засѣлъ у себя въ номерѣ и сталъ „ждать“. Ждалъ недѣлю, ждалъ другую, и, наконецъ, такъ ему захотѣлось у Палкина въ трактирѣ машину послушать, что онъ не выдержалъ и отлучился. А въ это время, какъ на грѣхъ, кто-то за нимъ *приходилъ*, и узнавъ, что его дома вѣтъ, сказалъ: а въ немъ, между тѣмъ, есть надобность. Затѣмъ, какъ ни добивался Пафнутьевъ, кто приходилъ, какого вида и роста, военный или статскій, въ одеждѣ или безъ таковой, молодой или старикъ—такъ ничего и не добился. „Онъ“-же съ своей стороны, хотя и обѣщаль опять придти, но не пришелъ. А между тѣмъ, тетенька, вѣдь и серьезно могло такъ случиться, что было гдѣ-нибудь засѣданіе, и вдругъ вѣкто вспомнилъ: отчего-же Пафнутьева между нами вѣтъ? Туда-суда. Послали звать, а его дома не оказалось, швейцаръ-же говоритъ: къ Палкину машину слушать ушли... Посмѣялся, пожалѣнъ, а къ слѣдующему засѣданію и аппетитъ къ Пафнутьеву прошелъ. Пафнутьевъ! кто бишь это такой? Ба! да это не тотъ-ли, который машину у Палкина слушаетъ?—ну, и пускай слушаетъ! Подумайте, милая, срамъ-то какой! Добро-бы въ Публичную Библиотеку, или въ Академію Наукъ, а то къ Палкину *машину слушать* затѣлся!!!

Такъ онъ свое счастье и прозѣвалъ.

Прозѣвавши счастье, пустился во всѣ тяжкія. Сперва, началъ по Милитинымъ лавкамъ ходить. Купить фунтъ изюму, а самъ стоитъ и присматривается: кто бишь этотъ солидный мужчина, который указательнымъ пальцемъ во всякой рыбнѣ поковырялъ, понюхалъ, и ничего не купилъ? А ну, какъ онъ къ нему обернется: а! *юсодишь* Пафнутьевъ! авантѣ! васъ-то намъ и надол!. Потомъ, сталъ француженкамъ-кокеткамъ свой фотографическій портретъ расчи-

лять: придетъ, молъ, ужó милый дружокъ, увидитъ, что на столѣ чья-то морда валается... „Ба! да вѣдь это Пафнутьевъ! его-то намъ и надо!“ Потомъ, вачалъ по Невскому по почамъ шататься, думалъ: наткнусь на скандалъ, свидѣтелемъ буду... А на другой день въ газетахъ напечатають: случился скандалъ, при которомъ съ особенно-благородной стороны выкавалъ себя свидѣтель Пафнутьевъ. А извѣстiе это кто слѣдуетъ прочтеть и скажетъ: ба! да не тотъ-ли это Пафнутьевъ, отъ котораго особливой, по настоящимъ обстоятельствамъ, пользы ожидать надлежитъ?.. Словомъ сказать, всё средства, и дозволенные и предосудительныя, пускалъ въ ходъ. Наконецъ, видитъ, что ничего не беретъ, възлз да отъ нечего дѣлать и заложилъ свое Торопецкое имѣнiе въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго кредита.

V.

Въ январьской книжкѣ «Отеч. Зап.» помѣщены, между прочимъ, сатирическiе очерки англiйскаго общества англiйскаго сатирика г. Гренвила Муррея, не такъ давно умершаго. Очерки эти крайне поучительны, особенно для вразумленiя нашихъ литературныхъ Пафнутьевыхъ, которые вопятъ о безотраднхъ картинахъ, изображаемыхъ отрипательной литературой. Вотъ пусть посмотрятъ они, какъ англiйская сатира бичуетъ цѣлое сословіе лордовъ и клику дипломатовъ и никакого отъ этого «смуты умовъ» въ странѣ не происходитъ. Мало того, что сатирикъ, чуть-ли не поименно обличаетъ общественную дѣятельность лордовъ, онъ посвящаетъ еще свой трудъ королевъ при слѣдующемъ характерномъ обращенiи къ ея величеству: «Если Англiя хочетъ оставаться во главѣ прогресса и стремится къ достиженiю идеала великаго государства, подѣ управленiемъ династiи любимыхъ монарховъ, то необходимо смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ недостаткамъ нашей политической и социальной системы, такъ-какъ всѣми признанное зло есть зло на половину уничтоженное, особливо въ странѣ, гдѣ предки вашего величества сдѣлали столько для обезпеченiя свободы мысли и слова».

И затѣмъ въ предисловiи къ своимъ «очеркамъ» авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Когда государственные дѣятели признають, что правительство должно быть организованной системой лжи, обмана и несправедливостей, когда оффиціальнымъ даннымъ нельзя вѣрить, когда только богатые и знатные стоятъ во главѣ администраціи и суда, когда бѣднымъ нечего думать о справедливости, когда недовольство распространяется всюду,— то реформа необходима, реформа близка».

И, разумѣется никто не скажетъ, что возможность появленiя подобной сатиры есть зло. Напротивъ, всякій благомыслящiй человекъ въ этомъ фактѣ увидитъ залогъ преуспѣнiя и обновле-

нія. А господамъ лордамъ все таки не поздоровится, какъ увидитъ читатель изъ нижеслѣдующихъ отрывковъ:

Слишки англійскаго пэрства—это герцогъ Гетерландъ (Седерландъ), имѣющій помѣстья въ шести графствахъ, яхту, свору собакъ, сотню лошадей, двухъ домашнихъ пасторовъ и шестнадцать зависящихъ отъ него пасторскихъ мѣстъ. Онъ лордъ-наимѣстникъ графства, въ которомъ находится его любимый замокъ, полковникъ такъ-называемой уешангу, т. е. несуществующей теперь средневѣковой народной милиціи, предсѣдатель различныхъ благотворительныхъ, земледѣльческихъ и литературныхъ обществъ, высокое должностное лицо въ масонскихъ ложахъ и кавалеръ ордена Подвязки.

Что можетъ еще сдѣлать общество для такого великолѣпнаго существа? Если-бы онъ былъ королемъ, то далеко не былъ-бы такъ счастливъ. Къ чему ему быть королемъ? Короли завидуютъ его свѣтлости. Онъ держитъ въ одной своей рукѣ болѣе власти, чѣмъ они въ двухъ, и держитъ, не имѣя никакой отвѣтственности, никакихъ заботъ, гнетущихъ коронованныхъ особъ. Хочетъ-ли онъ насладиться поклоненіемъ толпы, ему стоять только проѣхать верхомъ по городу, лежащему близъ любого изъ его помѣстій: всѣ по дорогѣ будутъ снимать передъ нимъ шляпы, альдермены бросать споры или сытныя завтраки и выбѣгутъ на улицу, чтобъ имѣть счастье ему поклониться; женщины станутъ сравнивать его холодный, презрительный взглядъ съ поэтическимъ сіяніемъ луны, а мальчишки при его видѣ засунуть пальцы въ ротъ отъ изумленія. Но если его свѣтлость предпочитаетъ рукоплесканія болѣе многолюдныхъ собраній, фіміамъ газетъ и т. д., то ему стоять только принять участіе въ какомъ-нибудь модномъ движеніи въ пользу турокъ, школъ для кухарокъ, народныхъ кофеенъ и т. д., и онъ самъ насладится дестью до тошноты, до боли подъ ложечкой. Что-же касается до власти, то кому нужно мѣсто таможеннаго чиновника, консула, комиссара въ Индіи или пастора? Герцогу-милліонеру стоять только мигнуть своему старому приятелю первому министру и дѣло въ шляпѣ. Королевѣ пришлось-бы политиканить въ продолженіи нѣсколькихъ дней, чтобъ выхлопотать то, что герцогъ Гетерландъ получаетъ моментально, а если-бы она вздумала часто обращаться съ подобными просьбами, то первый министр, пожалуй, еще подниметъ вопросъ о предѣлахъ королевской прерогативы тогда-какъ никто еще никогда не подвергалъ сомнѣнію право герцоговъ на такую долю официального пудинга, на какую ему заблагоразсудится протянуть руку.

А вотъ другой экземпляръ:—«высокоблагородный лордъ Бетгевенъ (Карнарвонъ), который еще въ школѣ прославился странной маніей таскать деньги изъ кармановъ своихъ товарищей и, несмотря на все уваженіе къ его отцу, школьное начальство вынуждено было его удалить». Но другая школа приняла его съ распростертыми объятіями и онъ съ грѣхомъ пополамъ кончилъ курсъ. Однако, злая судьба его долго преслѣдовала.

Герцогиня Дильвотеръ, обѣдая въ одномъ домѣ съ нимъ, потеряла браслетъ. У лэди Тобиты Трумпингтонъ, во время ея пребыванія въ наследственномъ замкѣ Бетгевеновъ, пропала шкатулка съ брилліантами и драгоцѣнными каменьями, за что пришлось заплатить ей круглую сумму. Наконецъ, въ домѣ его отца случилась кража со взломомъ, былъ призванъ знаменитый сыщикъ, а лордъ Бабилонъ послѣ этого былъ отправленъ въ заграничное путешествіе. Онъ поѣхалъ въ Америку, гдѣ, между прочимъ, имѣлъ прелюбопытный разговоръ съ однимъ явекъ.

— Чѣмъ вы живете? спросилъ у него американецъ, только-что вернувшись съ далекаго Запада:—вы на взглядъ не важный работникъ.

— Я получаю содержаніе отъ моего отца, графа Беттевена, гордо отвѣчалъ юный аристократъ.

— А кто онъ такой?

— Англійскій пэръ, произнесъ съ еще большимъ высокомеріемъ лордъ Бабилювъ.

А если-бъ онъ потерялъ состояніе, что-бы вы стали дѣлать? спросилъ съ лукавой улыбкой янки.

Пресловутые англійскіе законы первородства устраняютъ всякую мысль, чтобъ англійскій лордъ потерялъ состояніе, а потому доселѣ лорду Бабилюву еще не представлялось необходимости выработать хоть грошъ для куска хлѣба. Онъ вернулся домой двадцати-пяти лѣтъ, съ французской и кучей дѣтей. Это обстоятельство, вѣроятно, закрыло-бы ему двери великосвѣтскихъ гостинныхъ, если-бъ онъ былъ просто мистеръ Смитъ; но наследника англійскаго пэра всѣ приняли съ распростертыми объятіями. Ему было только двадцать-два года, но его выбрали въ члены палаты депутатовъ, хотя избиратели знали о немъ лишь то, что онъ отличался странными понятіями о собственности. Произнеся дѣвственную рѣчь о патокѣ, которая, по его словамъ, была важнѣйшимъ вопросомъ нашего времени, онъ снова уѣхалъ и забавлялся по своему на Востока. Чтобъ побудить его вернуться въ отечество, ему предложили мѣсто на ступеняхъ кабинета, съ жалованіемъ въ 1,500 ф. ст. Онъ удостоился тогда явиться въ Лондонъ и сталъ потѣшать публику такими грязными исторіями, какія рѣдко чернили не очень свѣтлыя страницы великосвѣтской хроники Англій.

Вотъ и третій—герцогъ Скампингтонъ, который, по словамъ англійскаго сатирика, «представляетъ воочию примѣръ, чего можетъ достигъ англійскій пэръ, будучи дуракомъ, шарлатаномъ и мошенникомъ! Онъ министръ, на верху почестей, и всѣмъ обязанъ герцогскому достоинству, но что сдѣлалъ онъ для поддержанія герцогскаго достоинства.

Онъ началъ карьеру съ того, что обмоченничалъ отца и его кредиторовъ. Онъ уговаривалъ отца отказаться на время отъ право на пожизненное пользованіе родовыми помѣстьями, обѣщая заплатить всѣ семейные долги и потомъ вернуть ему пожизненный доходъ. Но когда старикъ принесъ въ жертву свои личные интересы, чтобъ расплатиться съ кредиторами двухъ поколѣній Скампингтоновъ, то сынъ, слѣдуя совѣтамъ ловкаго стряпчача, забралъ въ свои руки всѣ помѣстья и не далъ ни гроша ни отцу, ни кредиторамъ. Жаль было видѣть сумрачную, но все еще гордую фигуру стараго лорда, раззореннаго своимъ собственнымъ сыномъ; онъ жилъ въ Карльтонскомъ клубѣ и носилъ не только перчатки, но даже сапоги дырявые. Сынъ буквально выгналъ его изъ дома и приказалъ лаксамъ не пускать его.

— Съ нимъ можно говорить только палкою, а не словами, произносилъ не разъ старикъ:—а я уже слишкомъ старъ, чтобъ дать ему встряску.

Одинъ изъ кредиторовъ, услыхавъ эти слова, привелъ ихъ въ исполненіе. Старый-же герцогъ вскорѣ умеръ отъ стыда, гора и нищеты. Настоящій герцогъ отказался даже принять на себя расходы по погребенію отца и не призналъ силы его духовнаго завѣщанія.

Наконецъ, приведу еще одинъ характерный типъ—лорда Ма-

ундера (лорда Гартингтона), про котораго сатирикъ говорить слѣдующее: «Оставаясь въ частной жизни добродушнѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, онъ, на примѣръ, въ одной рѣчи, занявшей не больше двадцати-трехъ строчекъ газетнаго столбца, солгалъ двадцать-шесть разъ.

Право, любопытно было-бы знать, почему общественное мнѣнiе терпитъ въ министрѣ то, за что обыкновеннаго смертнаго приговорили-бы въ полицейскомъ судѣ къ казенной квартирѣ и казенной дѣтѣ? Неужели необходимо въ интересахъ государственной власти, чтобы самый честный и благородный человѣкъ въ частной жизни, сблавшись министромъ, сталъ-бы негодяемъ, лжедомъ и мошенникомъ, безъ чести и совѣсти, и чтобы его министерская отвѣтственность была-бы негнѣшной конституціонной фикціей?

Такова почти вся остальная галерея лордовъ. Дипломаты не лучше. И, повторяю, никто въ Англіи не вопить, что подобная сатира требуетъ какой-нибудь кары закона. Чего лучше: изящная книга преподносится королевѣ...

Въ январьской-же книгѣ «От. Зап.» изъ беллетристическихъ вещей помѣщены новая комедія Островскаго, продолженіе Писемъ къ тетенькѣ, разсказъ Коронина и «Власть земли» Глѣба Успенскаго. О послѣдней вещи я надѣюсь поговорить по ея окончаніи, а теперь скажу о новомъ разсказѣ Тургенева «Отчаянный», напечатанномъ въ январьской книгѣ «Вѣстника Европы».

IV.

Нѣсколько человѣкъ бесѣдовали о современныхъ дѣлахъ и событіяхъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что онъ не понимаетъ «этихъ господъ». «Они отчаянные какіе-то... Ничего подобнаго никогда не бывало». Но другой собесѣдникъ—старый, сѣдовласый человѣкъ, родившійся около двадцатыхъ годовъ,—возразилъ, что «отчаянные люди водились и прежде, только не походили они на нынѣшнихъ отчаянныхъ» и въ образецъ тогдашней отчаянности разсказалъ исторію Миши Полтева очень обыкновенную и даже мало характерную, какъ увидитъ читатель, исторію дворянскаго блуднаго сына».

Въ молодости Миша былъ очень миловидный мальчикъ съ розовыми щечками и маленькими губками, съ нѣсколько выпуклыми влажными глазами, тщательно припомаженный и причесанный, ласковый и стыдливый—настоящая дѣвочка! Одно въ немъ мнѣ не нравилось: смѣялся онъ рѣдко, но когда смѣялся—зубы его, крупные, бѣлые и по звѣриному заостренные, неприятно выставлялись,—и самый смѣхъ звучалъ какъ-то рѣзкимъ и

даже дикимъ—почти свирѣлымъ—а въ глазахъ пробѣгали не хорошія искры».

Отмѣтимъ эти черты и пойдѣмъ далѣе вмѣстѣ съ рассказчикомъ.

Когда умерли родители этотъ Миша продалъ за бездѣнокъ родовое имѣніе и сталъ, что называется, прожигать жизнь и пьянствовать безъ просыпа, такъ-что отъ его дѣяній пыль пошла по Москвѣ... «Какъ могъ этотъ смиренный и скромный мальчикъ превратиться въ такого шелопака? Неужели-же это все въ немъ тайлось съ дѣтства, и тотчасъ выступило наружу, какъ только спалъ съ него гнетъ родительской власти? спрашиваетъ рассказчикъ и прибавляетъ, что онъ видалъ кутилъ на своемъ вѣку, «но тутъ проявлялось нѣчто неистовое, какое-то бѣшенство самоистребленія, какое-то отчаяніе».

Но черезъ два мѣсяца тотъ-же Миша входитъ къ своему родственнику въ видѣ монашка и объясняетъ, что все имущество растранижилъ и хочетъ замоливать грѣхи. Однако, отъ него пахло виномъ и, какъ видно, онъ не исправился. Затѣмъ изъ монаховъ онъ пошелъ въ юнкера, причемъ оказалось, что служака онъ былъ плохой. «Военная дисциплина его стѣсняла, внушала ему грусть; дерзковъ онъ былъ до сумасбродства, когда дѣло шло только о немъ лично», но дѣлать «зло другимъ, убивать, драться онъ не могъ»... Затѣмъ, этотъ обыкновенный забубенный юнкерь, какихъ не мало выбрасывало помѣщичье время, послѣ разныхъ безшабашныхъ выходковъ, вродѣ позволенія бить себя за деньги по лбу и т. п. былъ встрѣченъ рассказчикомъ въ обществѣ нищихъ по дорогѣ, отпоясывающимъ трепака, причемъ объяснилъ, что только съ нищими и добрыми людьми можно жить на свѣтѣ»... Рассказчику пришла мысль образумить Мишу и онъ предложилъ ему взять его къ себѣ, но съ условіемъ не пить вина. Миша разрыдался, общалъ и поселился въ домѣ у своего дядюшки. Въ началѣ онъ возсіялъ даже умиленіемъ, былъ такой вѣжливый и смиренный, но «уже съ третьяго дня какъ-то затихъ».

Не то грустное, не то задумчивое выраженіе стало пробѣгать по его лицу, да и самое лицо поблѣднѣло и будто похужѣло. — Тебѣ нездоровится? — спросилъ я его? — Да, — отвѣтилъ онъ; — голова немного болитъ. — На четвертый день онъ уже совсѣмъ умолкъ; все больше сидѣлъ въ уголку, сиротливо склонивъ голову, и своимъ унылымъ видомъ возбуждая чувство жалости въ обихъ дамахъ, которыя теперь, въ свою очередь, старались занимать его. За столомъ онъ ничего не ѣлъ, глядѣлъ въ тарелку и каталъ шарики. На пятый день чувство жалости въ дамахъ стало смѣняться другимъ: недовѣрчивостью и даже страхомъ. Миша одичалъ, сторонился отъ людей и все ходилъ вдоль стѣны, какъ-бы радуясь и внезапно озираясь, точно кто его звалъ. И куда дѣвался розовый цвѣтъ

его лица? Оно словно землем перекрылось.—Тебѣ все нездоровится?—спросилъ я его. — Нѣтъ, я здоровъ, — отвѣтилъ онъ отрывисто. — Скучно тебѣ?— Съ чего скучать!— А самъ отворачивается и въ глаза не глядитъ. — Иль опять затосковалъ?—На это онъ ничего не отвѣтилъ. Такъ прошли еще сутки. На слѣдующій день тетка прибѣжала ко мнѣ въ кабинетъ въ большомъ волненіи и объявила, что выѣдетъ съ племянницей изъ моего дома, если Миша долженъ въ немъ остаться. — Отчего такъ? — Да ужъ очень намъ жутко съ нимъ... Не человекъ, волкъ, какъ есть волкъ. Ходить, ходить, молчать — да смотреть такъ дико... Только-что зубами не ласкаеть. Катя, ты знаешь, у меня такая нервическая... Она же въ первый день очень имъ заинтересовалась... Мнѣ за нее страшно, да и за себя...—Я не зналъ, что отвѣчать теткѣ. Не могъ я, однако, выгнать Мишу, котораго я-же пригласилъ.

Онъ самъ вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія.

Въ тотъ-же день, — я еще не выходилъ изъ кабинета, — вдругъ слышу за собою глухой и злобный голосъ: — Николай Николаичъ, а Николай Николаичъ! — Я оглянулся: у двери стоитъ Миша, съ страшнымъ, потемнѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ. — Николай Николаичъ! — повторилъ онъ... (уже не „даденъка“). — Чего тебѣ? — Отпустите меня. . сейчасъ! — Что? — Отпустите меня, а то я бѣдъ надѣлаю, домъ подожгу, или кого зарѣжу. — Миша вдругъ затрясся. — Велите мнѣ мою одѣжу возвратить, да телѣгу дайте до шоссе довести, и денегъ какую ни на есть малость дайте! — Да развѣ ты чѣмъ недоволенъ? — началъ-было я. — Не могу я такъ жить! — закричалъ онъ во всю голову. — Не могу я жить въ нашемъ барскомъ, треклятомъ домѣ! Мнѣ гадко, мнѣ совѣстно такъ спокойно жить!.. Какъ это только вы выносите! — То-есть, — перебилъ я въ свою очередь: — ты хочешь сказать — безъ вина жить ты не можешь... — Ну, да! пу, да! — закричалъ онъ опять: — только отпустите вы меня къ моимъ братьямъ, къ моимъ друзьямъ, къ нищамъ!.. Прочь отъ вашей дворянской приличной, противной породы! — Я хотѣлъ-было напомнить ему объ его клятвенныхъ обѣщаніяхъ, но испуганное выраженіе Мишина лица, его сорвавшійся голосъ, судорожный трепетъ всѣхъ его членовъ, — все это было такъ ужасно, что я поспѣшилъ отхлѣбаться отъ него; объявилъ ему, что ему сейчасъ выдадутъ его платье, заложатъ ему телѣгу, и вынувъ изъ ящика двадцатипяти-рублевою бумажку, положилъ ее на столъ. Миша начиналъ уже съ угрозой наступать на меня, — но тутъ вдругъ уперся, лицо его мгновенно перекосилось, вспыхнуло, онъ ударилъ себя въ грудь, слезы брызнули изъ глазъ, и пробормотавъ: — даденъка! ангелъ! вѣдь я погибшій человекъ — спасибо! спасибо! — онъ схватилъ ассигнацію и выбѣжалъ вонъ.

Затѣмъ годъ спустя къ рассказчику явилась вдова Полтева — молодая женщина въ одеждѣ мѣщанки, которая и передала, что Миша умеръ, поживъ съ женой всего годъ. Оказалось, что со времени его женитьбы онъ бросилъ пить и супруги поселились у отца жены Миши, у дьячка въ селѣ. По разсказу жены, онъ все отцу подсоблять хотѣлъ, даромъ что дворянскаго былъ роду и все упрекалъ себя: «бѣлоручка, молъ, я, никому добра не дѣлалъ, не помогалъ, не трудился! Убивался онъ очень объ этомъ о самомъ: говорилъ, что народъ, молъ, нашъ трудится, а мы нѣтъ...

Такъ вотъ чѣмъ разрѣшился Мишинъ сентавъ по мытарствамъ, завершилъ старикъ П. свой разсказъ. — Вы, господа, конечно, согласитесь со мною, что я имѣлъ право назвать его отчаяннымъ; но вѣроятно, согласитесь также и въ томъ,

что онъ не походилъ на вышнихъ отчаянныхъ, хотя, полагать надо, иной философъ и нашелъ-бы родственныя черты между имъ и ими. — И тамъ, и тутъ, жажда самоистребленія, тоска, неудовлетворительность... А съ чего это все берется, предоставляю судить—именно, философу.

Я подробно остановился на этомъ разсказѣ, который, по правдѣ говоря, не принадлежитъ къ числу особенно удачныхъ разсказовъ Тургенева, не безъ умысла. Взятый самъ по себѣ разсказъ не представляетъ ничего новаго — типъ такого прожигателя жизни старѣй, знакомый намъ типъ, — и написанъ онъ не съ тѣмъ художественнымъ мастерствомъ, къ какому причилъ насъ Тургеневъ,—но меня заняла нѣсколько сентенція заключительнаго параграфа, гдѣ разсказчикъ полагаетъ, что иной философъ найдетъ родственныя черты между Мишей «отчаяннымъ» съ его смѣхомъ, который звучалъ «чѣмъ-то рѣзкимъ, дикимъ и даже звѣрскимъ» и разными другими отчаянными... Точно такъ-же и философія о жадѣ самоистребленія этихъ отчаянныхъ кажется мнѣ нѣсколько подозрительной... Впрочемъ, разсказчикъ и самъ, кажется, чувствуетъ свою некомпетентность въ философіи и благоразумно предоставляетъ послѣднее слово настоящему философу...

И, по совѣсти говоря, очень умно дѣлаетъ. А то вѣдь случается, что очень талантливые художники, начавъ философствовать и особенно по поводу людей, которыхъ знаютъ только изъ четвертыхъ рукъ, разведутъ такую «философію», что и читатель только разведетъ руками.

Въ заключеніе «Замѣтокъ» я хотѣлъ-было поговорить о двухъ новыхъ ежемѣсячныхъ собратахъ — о «Наблюдателѣ» и «Вѣкѣ», но относительно перваго откладываю намѣреніе до тѣхъ поръ, пока направленіе журнала выяснится вполне. Судя по первой книжкѣ, можно сказать только, что «Наблюдатель» обѣщаетъ быть благонамѣреннымъ и честнымъ, но едва-ли «восполнить какой-нибудь пробѣлъ» въ журналистикѣ. По-крайней-мѣрѣ, внутреннее обозрѣніе первой книжки не подаетъ къ тому ни малѣйшей надежды. Новыхъ именъ на оберткѣ журнала не встрѣчается, и имена писателей, украсившихъ своими работами первую книжку, попадаютъ очень часто и въ другихъ изданіяхъ. Впрочемъ, время еще впереди.

Что-же касается до другого народившагося журнала «Вѣк», то, судя по первому номеру, почтенной редакціи можно поставить въ упрекъ, что она не поставила на оберткѣ журнала въ видѣ эпиграфа слѣдующихъ словъ изъ «Записокъ Сьумасшед-

шаго»: «И это все происходитъ, думаю, отъ того, что люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; со-всѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря». Тогда-бы текстъ получилъ-бы болѣе сильное значеніе.

Рецензентъ одной газеты уже предвосхитилъ мое предположеніе, что «Вѣкъ» не журналъ, а курьезъ, который редактируется г. Филипповымъ, наполненъ произведеніями его-же и будетъ читаться имъ-же...

Одно утѣшеніе: за то читатель будетъ добросовѣстный.

Ф. Рѣшниковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣсколько словъ по поводу «идеала». — Какъ съ точки зрѣнія этого идеала разрѣшаются всѣ русскіе вопросы. — Народная школа.

«Русскій Курьеръ», по поводу Статей объ интеллигенціи, обвинилъ «Дѣло» въ виныи, въ отсутствіи идеала и еще въ чѣмъ-то. Конечно, это только неудачный полемическій приѣмъ; но на вниманіе нельзя отвѣтить невниманіемъ. Впрочемъ, я не буду прибѣгать къ полемикѣ, потому-что она не уясняетъ ничего. Когда Бисмаркъ сказалъ въ прусскомъ парламентѣ: «Мы варимся въ собственномъ соку», онъ, конечно, думалъ о насъ русскихъ. Именно варимся, и еще какъ! И, должно-быть, намъ еще долго вариться.

На праздникахъ мнѣ случилось быть въ деревнѣ, верстъ за сто отъ Петербурга. Какъ тамъ живутъ просто, и всѣ вопросы рѣшаются просто! Противъ бездорожицы, разлива рѣкъ, града деревня не протестуетъ, потому-что это «воля Божья», а противъ воли Божьей ничего не подѣлаешь. Но, напримѣръ, страхование построекъ отъ пожара, страхование скота отъ падежей, пьяный земскій фельдшеръ, платежи не по силамъ—это уже не «воля Божья», и мужикъ это знаетъ очень хорошо. Мужикъ разсуждаетъ такъ: земство ввело страхование скота, но не вообще отъ падежа, а только отъ чумы. Падетъ корова отъ другой болѣзни—крестьянину не дадутъ ни копѣйки; а не все-ли равно крестьянину, отчего у него пала корова? Да и кто-же рѣшаетъ, отъ чего пала? Рѣшаетъ фельдшеръ или ветеринаръ какъ имъ это вздумается. Можно даже подумать, что земство желаетъ падежей. Право, странно; почему по той-же логикѣ не строятъ больницъ только противъ холеры и повальнаго тифа! Такой земско-интеллигентной логики крестьянинъ рѣшительно не пони-

маеть; и, конечно, онъ правъ. Если-бы у деревни была власть са мой рѣшать свои вопросы, она, конечно, устроила-бы страхование скота иначе.

И всѣ другіе вопросы крестьянскаго міра, когда дѣло зависитъ не отъ воли Божьей, а отъ человѣческой неумѣлости, рѣшаются также просто. Крестьяне знали-бы отлично, какъ имъ поступить съ самодуромъ-старшиной, съ пьяницей-фельдшеромъ, съ платежами не по силамъ и съ другими разными хозяйственными неурядицами, если-бы интеллигентное вмѣшательство въ образъ исправника, земства, да разныхъ крестьянскихъ присутствій не становилось поперекъ крестьянскаго пониманія. Соберите въ любой деревнѣ сходъ и спросите крестьянъ о землѣ, о начальствѣ, о разныхъ страхованіяхъ, о больницѣ, о школахъ, вы изумитесь, какъ просто, практически и легко разрѣшаются на мѣстѣ всѣ вопросы и какъ хорошо мужикъ понимаетъ, что для него ладно и что не ладно.

Но вотъ изъ деревни, гдѣ все такъ просто, вы пріѣжаете въ *городъ* и внезапно всѣ вопросы превращаются въ трудные и спорные. Но кто спорить, кому неясно? Неясно только тѣмъ, кто не живетъ въ деревнѣ, неясно только городу, а вовсе не деревнѣ и не мужику.

Да, Бисмаркъ правъ, что мы варимся въ собственномъ соку.

Можетъ - быть, злополучное дѣленіе на интеллигенцію и народъ, какъ на два противоположные лагеря, нужно было во времена Петра Великаго и Екатерины II-й, когда, прорубая окно въ Европу, правительство желало имѣть людей образованныхъ, чтобы управлять людьми необразованными. Но правительство и тогда имѣло въ виду не столько деревню, сколько тѣхъ необразованныхъ бояръ, которые потомъ превратились въ баръ, а теперь считаютъ себя солью земли и живутъ старыми традиціями. Исторически лагерь образованныхъ сложился изъ лицъ лагеря необразованныхъ, принявшихъ новое крещеніе. Этимъ путемъ интеллигенція составилаь изъ дворянства личнаго, помѣстнаго, чиновничества и офицерства. Вотъ основное ядро нашей интеллигенціи, крѣпко сплоченной до сихъ поръ и крѣпко стоящей на понятіяхъ очень мало прогрессивныхъ. Интеллигентный разночинецъ явился уже послѣ; эта новая послѣдняя форма можетъ считать свое существованіе какииъ-нибудь десятилѣтіемъ, тогда-какъ прежняя закрѣпшая форма существуетъ два съ половиной вѣка.

И теперь, дѣйствительно, пора разобратъся и разложиться, чтобы опредѣлить, кто съ кѣмъ и какъ далеко ѣдетъ по одной дорогѣ.

Что вопросъ объ интеллигенціи, о народѣ былъ главнымъ вопросомъ нашей публицистики въ прошломъ году,—это не только знаменіе времени, но и указаніе на то, что нашему обществу нужно иное дѣленіе чѣмъ какое представляетъ дѣленіе на «интеллигенцію» и «народъ». Дѣленіе это, годившееся для прошлаго, при Петрѣ Великомъ, при Екатеринѣ II-й, при Николаѣ I-мъ, непригодно для будущаго. Если не отдѣлять того, что было, отъ того, что должно быть, будущаго отъ прошлаго, то мы никогда не разложимся и не разсортируемся на отдѣльныя общественныя группы,—какъ представительницы различныхъ общественныхъ интересовъ, основанія для которыхъ теперь уже достаточно намѣтились и опредѣлились.

По-прежнему, по-старинному, по-крѣпостному, каждый образованный былъ интеллигентомъ. Интеллигентомъ считалъ себя и офицеръ, и чиновникъ, и родовитый аристократъ, и мелкій помѣщикъ. Всякій привилегированный безобразникъ, всякій Ноздревъ, Чичиковъ, или Собакевичъ, не исключая Коробочки и Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ — все это была интеллигенція. Народъ знаетъ, чего стоила ему эта интеллигенція и какъ она дорого обходилась Россіи. Теперь уже извѣстно хорошо, какъ во время освобожденія крестьянъ держала себя эта интеллигенція, каково она хотѣла освобожденія и какъ тормозила и портила дѣло интеллигенція бюрократическая. Если бы этой интеллигенціи предоставить освобожденіе, то она, не сморгнувъ глазомъ, превратила-бы Россію въ Ирландію. Спустя двадцать лѣтъ послѣ освобожденія чистокровной интеллигенціи этой старой формаціи осталось уже не много. Но послѣдніе моглиане ея еще цѣлы, а отпрыски ея многочисленны. И напрасно вы думаете, что въ этихъ отпрыскахъ нѣтъ силы, и что не въ ихъ рукахъ главная вліяющая власть. Прошлое еще сильно въ настоящемъ и на борьбу съ этимъ живымъ врагомъ нужно потратить много энергіи, должно народиться еще много и много людей новой формаціи, чтобы традиціонный интеллигентъ утратилъ свою вліяющую и руководящую роль. Предоставьте этой интеллигенціи устроить будущее Россіи—она и теперь съумѣетъ обратить ее въ Ирландію, если не земледѣльческую, то промышленную, сообразно той перемѣнѣ курса русскаго корабля, по которой интеллигентъ-баринъ сталъ вырождаться въ интеллигентнаго буржуа. Лагерь этой интеллигенціи силенъ и развѣтвленъ; у него есть представители вездѣ, не исключая, конечно, и печати. Помѣстное буржуазно-интеллигентное міровоззрѣніе очень полно и закончено: промышленность, наука, искусство, религія—все поставлено въ опредѣленныя вѣточки, связано въ

одно цѣльное и это цѣлое служить руководящей программой для вожаковъ, держащихъ въ своихъ рукахъ судьбы и не одной Россіи.

Дорого обошлась Россіи та интеллигенція, для которой одной и существовало крѣпостное право. Въ описаніи путешествія Герберштейна, посѣтившаго Россію, въ первый разъ въ 1517, а во второй—1526 году, есть изображеніе русской деревни. Сравните герберштейновскую деревню съ теперешней, и мужика того времени съ мужикомъ нынѣшнимъ, и вы не найдете разницы. Но сравните городъ того-же столѣтія съ городомъ теперешняго времени, и боярина XVI-го столѣтія съ петербургскимъ бариномъ-буржуа новой формаціи, и вы увидите, какъ односторонне шла наша культура и цивилизація.

Я васъ спрошу: выгоденъ или не выгоденъ подобный порядокъ для будущаго. Возможно-ли продолжать такую цивилизацію или слѣдуетъ измѣнить понятія и жить иначе? Это вопросъ даже и не моральный, не о высшей правдѣ и справедливости, а просто вопросъ желудка. Продолжая то-же одностороннее питаніе, мы придемъ непремѣнно къ полнѣйшему банкротству. Не хотите-ли обратить вниманіе на слѣдующій маленькій расчетъ: наше земство, болѣющее маніей народолюбія, очень желаетъ осчастливить и облагодѣтельствовать деревню и свое облагодѣтельствованіе начинается съ поднесенія городскихъ подарковъ. Известно, что благодѣянія деревни оказываются въ формѣ устройства больницъ, школъ, дорогъ и т. д. Если-бы первоначальные проекты всѣхъ земствъ удалось осуществить, то во всѣхъ русскихъ деревняхъ было-бы столько уже школъ, гимназій, университетовъ, докторовъ, повивальныхъ бабшекъ, шоссе, желѣзныхъ дорогъ и всякихъ другихъ удобствъ жизни и возможностей развитія, какими пользуется Петербургъ. Земство давно-бы превратило всю Россію въ громадный Петербургъ, если-бы этому не помѣшало одно маленькое обстоятельство, т. е. если-бы у мужиковъ были деньги. И теперешній нашъ бюджетъ съ земскими расходами составляетъ почти восемьсотъ милліоновъ, а чтобы превратить всю Россію въ Петербургъ пришлось-бы брать у деревни ежегодно пять милліардовъ. Да развѣ деревня можетъ имѣть въ каждой волости врача и платить ему 2,000 р. въ годъ, имѣть повивальную бабу, школу и давать на ихъ содержаніе рублей по тысячи, когда и отъ теперешняго бюджета у крестьянина гнется спина до того, что, кажется, онъ никогда и не поднимется. Что-же тутъ дѣлать? Гдѣ взять денегъ и какъ доставить деревнѣ плоды цивилизаціи, которыми пользуется послѣдній петербургскій человѣкъ? «Русскій Курьеръ» думаетъ, что если предложить каждому интелли-

генту поубавить свои матеріальныя требованія и упростить свои привычки, т. е. понизиться нѣсколько до деревни, то это значитъ отказаться отъ идеала и проповѣдывать социалистическія бредни. Но добровольно или силою нужды, а и вамъ, и мнѣ, и третьему, и десятому придется это сдѣлать. Если цивилизація не дотянетъ деревни до себя, а этого сдѣлать она до сихъ поръ была бессильна, то деревня оттянетъ цивилизацію внизъ, что она и дѣлала постоянно. Нашъ упавшій курсъ, наши внѣшніе и внутренніе долги, наша умственная безпомощность въ экономической борьбѣ съ иностранцами, все это простое безсиліе деревни, оттягивающей всѣхъ книзу. Любопытно, что даже такую простую мысль, извѣстную въ Европѣ любому ученику, у насъ приходится доказывать людямъ поучающимъ другихъ. Впрочемъ, въ отношеніи упадка средняго уровня потребностей—и только потому что не поднялся уровень деревни,—сдѣлалось у насъ уже очень многое. Двадцать лѣтъ назадъ, все, что считалось господами, жило далеко не такъ, какъ живетъ теперь большинство новѣйшихъ господъ и той массы людей головного труда, которая наполняетъ, города и въ нихъ голодаетъ и бѣдствуетъ. Положеніе этихъ людей подчасъ равняется голодной смерти; и драматизмъ этого положенія тѣмъ ужаснѣе, что при томъ режимѣ, который существуетъ, нѣтъ никакого выхода и приходится вариться въ собственномъ соку. Интеллигенція въ такой формѣ и при такихъ условіяхъ жизни, изображая собою плодъ старой цивилизаціи, является старымъ, отжитымъ плодомъ крѣпостного односторонняго развитія, и ужъ разумѣется, не эту цивилизацію, создающую такіе горькіе плоды, станемъ мы защищать.

Потому, что интеллигентъ есть синонимъ барина или господина, и могло явиться то прискорбное явленіе, что народъ безразлично обозвалъ «господишками» даже своихъ друзей, видя въ нихъ дѣтей ихъ отцовъ—баръ и господъ, т. е. крѣпостные отпрыски.

Печальный и высоко драматическій фактъ подобныхъ недоразумѣній возможенъ только потому, что у насъ еще не кончилось вполне крѣпостное право и потому теперешняя жизнь представляетъ два теченія. Прогрессивно мыслящая часть нашего общества и все то молодое, что народилось послѣ освобожденія, въ своихъ идеалахъ и стремленіяхъ ушла очень далеко; а между тѣмъ деревня живетъ еще крѣпостными традиціями, чувствуетъ крѣпостныя отношенія и во многихъ случаяхъ положеніе ея стало хуже. Я укажу только на одинъ фактъ—на фактъ деревенскаго самоуправленія. Самоуправленіе прежде было у крестьянъ гораздо шире и мѣръ значилъ больше, чѣмъ значитъ онъ теперь,

когда были установлены мировые посредники, а затѣмъ власть міра стѣснена крестьянскими присутствіями, земскимъ и полицейскимъ вмѣшательствомъ. Если къ этому присоединить еще выкупные платежи, которые обнимаютъ собою 49-лѣтній періодъ, то понятно, насколько деревня чувствуетъ себя сильно связанною и на сколько для нея вліятельны еще крѣпостныя традиціи, отъ которыхъ-бы она всѣми силами хотѣла освободиться. Какъ-же при подобныхъ отношеніяхъ крестьянскаго міра къ міру некрестьянскому, но который управляетъ имъ и держитъ его подъ своимъ авторитетомъ, крестьянину смотрѣть иначе на всѣхъ тѣхъ, кого онъ не считаетъ членами своего крестьянскаго общества? Понятно, что все то, чтó въ глазахъ его представляется господами, онъ окрашиваетъ однимъ цвѣтомъ. Старое, крѣпостное, переходное состояніе настолько еще сильно и настолько оно сильно чувствуется крестьяниномъ, что никакихъ иныхъ отношеній у него и не можетъ быть ко всему тому, что представляется ему барамъ и господами. Ясно, слѣдовательно, что пока не исчезнутъ у насъ послѣдніе слѣды крѣпостнаго права, у насъ будетъ царить и та путаница, которая создаетъ такіа прискорбныя недоразумѣнія.

Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, очень облегчаетъ весь взглядъ на сущность явленій русской жизни. Въ одномъ изъ внутреннихъ обозрѣній за прошедшій годъ говорилось, что «мужикъ» не есть Иванъ или Петръ, не есть та грубая и дивная сила, которая практикуетъ лишь свои «средствія»; «мужикъ» есть не больше, какъ развитіе снизу. Формула эта указываетъ на способъ стремленій, которымъ ясно и безспорно намѣчается путь, которымъ намъ слѣдуетъ идти и облегчается разрѣшеніе всѣхъ внутреннихъ вопросовъ. «Мужикъ», это точка опоры, логическое основаніе для мышленія и для выбора практическихъ средствъ.

Теперь и спрошу «Русскаго Курьера»: неужели все это социалистическія бредни, отсутствіе идеала и вліяніе; или-же вопросъ ставится совершенно прямо, ребромъ, ясно, какъ день? Если-бы мнѣ сказали, что мысль во второй ея половинѣ не досказана, это было-бы справедливо. Дѣйствительно, никогда не нужно забывать, что у насъ идутъ два теченія и каждое изъ нихъ оканчивается своей интеллигенціей, поэтому мысль легко сбивается съ толку, тѣмъ болѣе, что въ словѣ «интеллигентъ» слишкомъ много личнаго. Въ Австріи дѣтъ тридцать назадъ, т. е. когда существовало еще крѣпостное право «интеллигенція» была тоже общей вличкой; теперь этого нѣтъ.

Насколько наша установка основаній вѣрна и точна, на-

сколько она устраняетъ возможность всякихъ вліяній и укло-неній, указываетъ каждому человѣку его мѣсто въ природѣ и напильиваетъ ему извѣстный ярлыкъ, читатель можетъ убѣдиться на любомъ общественномъ вопросѣ, который ему вздумалось-бы перерѣшить; а этихъ вопросовъ много и всѣ ихъ необходимо вновь передумать.

Въ прошедшемъ внутреннемъ обзорѣніи я указывалъ на рядъ общихъ причинъ и вопросовъ, безъ удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ мы будемъ всегда изображать изъ себя очень бѣдную и бессильную страну. Въ числѣ этихъ вопросовъ я указалъ и на народное образованіе, о которомъ общалъ погово-рять въ теперешнемъ обзорѣніи. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ-же вопросовъ, неудачное разрѣшеніе которыхъ зависѣло исключительно отъ вмѣшательства интеллигенціи и разрѣшеніи ихъ сверху. Вслѣдствіе одностороннаго вмѣшательства вы-шло и одностороннее разрѣшеніе. Любопытно, что всѣ заботы интелли-генціи (старой, крѣпостной—прибавляю это только для устранения недоразумѣній), въ сущности были печальнымъ опытомъ того, какъ неудобно ея исключительное вмѣшательство и исключи-тельное руководительство народными интересами. Такой-же печальныйъ результатъ получился и отъ всѣхъ попытокъ интелли-генціи просвѣтить народъ, сдѣлать его народомъ европейскимъ. Главнымъ матеріаломъ для моихъ послѣдующихъ разсужденій будутъ служить: статья, помѣщенная въ одномъ изъ послѣднихъ нумбровъ «Церковнаго-общественнаго Вѣстника» за 1861 г. («ну-женъ-ли пересмотръ устава учительскихъ семинарій»), и статья О. Феодорова «по вопросу о пересмотрѣ учительскихъ семинарій» («Мысль», декабрь 1881 г.).

За народное образованіе особенно горячо принялись въ ше-стидесятыхъ годахъ. Но прежде чѣмъ строить школу и созывать учениковъ, надо было имѣть учителей; гдѣ-же ихъ взять? Отвѣ-томъ на это послужилъ опытъ Германіи, у которой для образо-ванія народныхъ учителей существуютъ учительскія семинаріи. И у насъ явились учительскія семинаріи. Первая семинарія была открыта въ 1864 году, въ мѣстечкѣ Молодечнѣ, въ виленской губерніи. Затѣмъ по ея образцу начали устраиваться семинаріи сначала земствами, а потомъ и министерствомъ народнаго про-свѣщенія. Въ настоящее время учительскихъ семинарій и школъ для приготовленія учителей считается около 75; изъ нихъ 60 состоятъ въ веденіи мин. нар. просв., 6—мин. государ. имущества, 5—мин. внутр. дѣлъ и 3—учрежденій императрицы Маріи при столичныхъ воспитательныхъ домахъ. Изъ 60 семинарій мин. просв. восемь учреждены и содержатся земствами.

Устроивъ свои семинаріи по прусскому образцу, мы сочинили для нихъ необыкновенно обширныя программы, точно приходилось готовить профессоровъ для берлинскаго университета. При этомъ предполагалось, что университетскій курсъ должны пройти мальчики изъ крестьянскаго сословія, что они будутъ любить свое дѣло и учителя обойдутся гораздо дешевле крестьянамъ. Авторъ цитируемой статьи вѣрно замѣчаетъ, что, «привлекая въ учителя народныхъ школъ самихъ крестьянъ, не задумывались надъ тѣмъ, что, вмѣсто того, чтобы создать новый ученый пролетаріатъ, лучше-бы накормить старый». Къ счастью, однако, учительскія семинаріи не привлекли къ себѣ деревни и она, такъ-сказать, наложила на нихъ свое veto. Любопытный фактъ, что, несмотря на усилія руководящей интеллигенціи залучать крестьянъ въ семинаріи, несмотря на всю энергію, съ которой та-же интеллигенція въ формѣ-ли земства, или въ другой формѣ, вотъ уже 18 лѣтъ бьется съ учительскими семинаріями, но въ народныхъ школахъ учителя изъ учительскихъ семинарій представляютъ самое ничтожное число. Вотъ любопытная таблица, которую сообщаетъ О. Θεоновъ.

Въ московской губерніи въ народныхъ училищахъ состоитъ учителей и учительницъ 1,635 человекъ и изъ нихъ учителей изъ учительскихъ семинарій только 43.

Въ тверской губерніи, имѣющей также, какъ и московская, свою семинарію всѣхъ учителей и учительницъ въ школахъ 1,056, а изъ учительской семинаріи только 17.

Въ Новгородской губерніи, гдѣ имѣется двѣ учительскія семинаріи, изъ 1,136 учителей и учительницъ—семинаровъ только 104.

Во владимірской губерніи, имѣющей тоже свою учительскую семинарію, всѣхъ учителей 961, а изъ учительской семинаріи—34.

То-же самое повторяется въ губерніяхъ: рязанской, тамбовской, минской, гродненской, вятской, черниговской, виленской.

Однимъ словомъ, во всѣхъ этихъ губерніяхъ на 10,070 всѣхъ народныхъ учителей считается семинаровъ только 587 ч.

Ковечно, противъ подобныхъ неудачныхъ экспериментовъ, которые производитъ педагогическая интеллигенція, не приходилось-бы много говорить, если-бы она ихъ дѣлала на собственный счетъ; но вѣдь эти опыты почти двадцать лѣтъ производились на счетъ мужицкаго вармана, т. е. на счетъ той-же самой деревни, которая протестовала противъ экспериментовъ и все-таки должна была давать на нихъ свои деньги. А эти 75 учительскихъ семинарій, существующія на счетъ народа, и ему вовсе не нужны, стояли по самому умѣренному счету, т. е.

предполагая годичный расходъ на каждую семинарію только въ 10,000 р., до 1.500,000 р. И даже этотъ печальный результатъ достигался очень искусственными средствами. Въ учительскія семинаріи заманивались крестьяне стипендіями, заманивались, слѣдовательно, бѣдняки, которыхъ привлекали картинами будущаго богатства, но въ сущности никакого богатства не являлось ни во время ученія, а тѣмъ менѣе еще послѣ выпуска изъ школы. Стоило-ли тратить столько денегъ и усилій, чтобы добыть такой жалкій опытъ... опытъ для насъ просвѣтителей за счетъ народа.

Даже, заботясь о лучшемъ образованіи народа, а слѣдовательно, о созданіи для этого возможно лучшихъ учителей, интеллигентные педагоги придумали такую программу, съ которою въ три года ужь никакъ не въ состояніи сладить юноша, поступившій въ семинарію съ однимъ только умѣньемъ читать и писать. Подумайте, что въ семинарію поступаетъ деревенскій 16-ти-лѣтній парень, мало привыкшій думать объ отвлеченностяхъ и никакого діалектическаго навыка неимѣющій; и внезапно этому деревенскому парню навазываютъ изучить въ три года слѣдующія головоломности:

Законъ Божій, т. е. пространный катихизисъ, краткое ученіе о богослуженіи, священную исторію вѣтхаго и новаго завѣта.

Исторію русской церкви съ присовокупленіемъ главнѣйшихъ свѣденій изъ исторіи общей христіанской церкви до раздѣленія церквей.

Славянскую грамматику въ объемѣ учебника Перевлѣскаго.

Русскую грамматику въ объемѣ учебника Говорова. При этомъ должно быть прочитано въ классѣ достаточное число образцовъ съ разборомъ вещественнымъ, логическимъ, грамматическимъ, стилистическимъ и словеснымъ.

Ариметику въ объемѣ курса Малинина и Буренина.

Геометрію и практическое землемѣріе, т. е. съемку эккеромъ, мензулой и астролябией.

Русскую исторію съ присовокупленіемъ главнѣйшихъ свѣденій изъ исторіи всеобщей.

Географію Россійской Имперіи по учебнику Лебедева, предварительно-же должны быть сообщены главнѣйшія свѣденія изъ математической географіи и сдѣланъ краткій обзоръ всѣхъ частей свѣта и болѣе подробный—Европы.

Естествовѣдѣніе во всѣхъ его отрасляхъ, а именно: зоологію, ботанику, минералогію, анатомію, физиологію, физигу и нѣкоторыя свѣденія изъ химіи и, наконецъ, —

Спеціально-педагогическіе предметы, какъ-то: главнѣйшія

основанія педагогика, куда входятъ, между прочимъ, основныя положенія логики, дидактики, а также ученіе объ организаціи первоначальной школы и біографія знаменитыхъ педагоговъ; методику обученія грамотѣ и письму, съ критическимъ разборомъ существующихъ и существовавшихъ методовъ и обзоромъ главнѣйшихъ руководствъ; методику ариметики въ такомъ-же объемѣ и нѣкоторыя свѣденія изъ теоріи музыки, насколько они приложимы къ обученію пѣнію въ первоначальной школѣ.

Ко всему этому присоединяется еще черченіе, чистописаніе, пѣніе, гимнастика, ремесла, работы въ саду и огородѣ, музыка и, наконецъ, практическія занятія семинаристовъ въ начальной школѣ.

Теоретически наши педагоги, можетъ-быть, и правы, что всю эту премудрость слѣдуетъ носить въ себѣ сельскому учителю; но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, какія существуютъ возможности вложить всѣ эти чудеса знанія въ 16-лѣтняго деревенскаго парня въ три года? Не только деревенскій парень, да и нашъ муштрованный классическій гимназистъ и тотъ не превзошелъ-бы всей этой науки въ три года. Нечего, конечно, удивляться, что изъ семинаристовъ учительскихъ семинарій не вырабатывались, да и не могли вырабатываться настоящіе народные учителя. И если-бы подобный курсъ не приносилъ-бы только пользы, то и тутъ приходилось-бы скорбѣть за всѣ потраченныя даромъ силы; если-же семинарія приноситъ вредъ, то наши эксперименты съ народомъ и съ дѣтьми его—положительное преступленіе. Поманивъ бѣднаго мальчика стипендіей, мы вырываемъ его изъ крестьянской семьи, чтобы подвергнуть головной пыткѣ, которая не приноситъ ему ничего, кромѣ вреда. Юноша въ сущности ничего не усвоитъ, ничего не возьметъ сердцемъ; онъ многое выучитъ, но очень мало пойметъ, а въ то-же время это многоученіе наполняетъ его преувеличеннымъ мнѣніемъ о себѣ. Такой недоучка, обыкновенно считаетъ себя выше крестьянской среды, образованнѣе и умнѣе мужиковъ. Онъ уже не простой смертный, а «интеллигентъ», для котораго учительство въ деревенской школѣ слишкомъ низко. Я не хочу называть по фамиліи одного директора учительской семинаріи, на душѣ котораго лежитъ много погубленныхъ дѣтскихъ душъ. У этого директора было необыкновенное искусство возбуждать недовольство и поселять стремленіе въ безпредметную туманную даль. Изъ его школы вышло много неудачниковъ и людей недовольныхъ своимъ положеніемъ, которые гнушались деревней и не считали ее мѣстомъ для себя. Случалось мнѣ видѣть не мало семинаристовъ,

преисполненныхъ чванства и смотрѣвшихъ на деревенскихъ мужиковъ съ самымъ презрительнымъ высокомеріемъ. И не деревня создавала эти плоды цивилизаціи, а педагогическая и земская «интеллигенція», думавшая воспитывать деревню.

Казалось-бы, и этихъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы осудить народную школу съ ея неудачниками-учителями, и если ужъ министерство народнаго просвѣщенія пришло къ сознанию необходимости пересмотра устава учительскихъ семинарій, то очевидно, что прежняя система дѣйствительно нигуда не годится.

Но какаѣ-же причина, что народъ равнодушенъ къ школѣ, созданной педагогами и что нужно дѣлать? Мы думаемъ, что вопросъ этотъ очень не трудный и что соглашеніе можетъ состояться только на одномъ основаніи. Авторъ, котораго мы цитируемъ, находитъ, что тотъ типъ народнаго учителя, который до сихъ поръ у насъ фабриковался, не пригоденъ потому, что онъ типъ кабинетный, типъ высиженный и созданный не народомъ. По этому типу учитель долженъ обладать всевозможными нравственными совершенствами и самыми равнообразными позваніями. Къ этому и вели дѣло, но увы! на практикѣ получались только самомящие недоучки, оторванные отъ интересовъ деревни и даже чуждые имъ. Изъ народныхъ школъ создавали тоже какіе-то университеты, гдѣ формалистична и дрессировка, да гимнастика ума, стояли также на первомъ планѣ какъ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ. Можетъ-ли такая школа быть любя народу и какъ заставлять его отдавать свои жалкіе гроши на ея содержаніе! Авторъ думаетъ, что крестьянамъ нужна школа гораздо проще; что крестьяне вообще любятъ учителя приверженнаго къ церкви и въ то-же время человека серьезнаго, простаго и добродушнаго, притомъ не дорого стоящаго. Прислушиваясь къ народному голосу въ разныхъ мѣстахъ, авторъ, вынесъ о требованіяхъ народа такое заключеніе: «церковь (религія) служить единственной утѣшительницей простаго народа и единственной его руководительницей, поэтому нечего дивиться желанію крестьянъ, чтобы дѣти знали все, относящееся къ религіи. Кромѣ того, крестьяне желаютъ, чтобы ихъ дѣти, если это только возможно, научились въ школѣ чему-нибудь полезному въ жизни. Въ этомъ пунктѣ желанія ихъ чрезвычайно разнообразны, смотря по мѣстностямъ: въ мѣстностяхъ фабричныхъ они желаютъ, чтобы дѣти умѣли читать и писать, въ мѣстностяхъ чисто-земледѣльческихъ—чтобы дѣти знали относящееся къ ихъ быту; въ мѣстахъ, гдѣ плохо самоуправленіе—они желаютъ, чтобы грамотой учитель выучилъ ихъ считать и

провѣрять обманывающаго ихъ писаря и сборщика податей; въ другихъ мѣстностяхъ желаютъ, чтобы учитель могъ дать совѣтъ какъ написать прошеніе въ судъ, подать помощь больному и т. д., однимъ словомъ, второстепенныя требованія отъ учителей чрезвычайнаго разнообразны».

Спрашивается, можетъ-ли идти успѣшно народное образованіе, если оно поставлено не такъ, какъ желаетъ народъ; прежде всего народъ, отдавая свои деньги, имѣетъ даже право желать то, что ему нужно, а не то, что ему навязываютъ. Устраивая же школы съ учителями, которые даютъ народу не то, что онъ хочетъ, поневолѣ приходится насильно загонять учениковъ и, какъ говоритъ авторъ, по отзывамъ самихъ земскихъ дѣятелей, большая часть школъ, устроенныхъ земцами и министерствомъ народнаго просвѣщенія, поддерживаются только искусственно, силой, навязываемъ и, если-бы снять съ нихъ опеку земства, то изъ нихъ не осталось-бы и десятой части.

Авторъ довольно рѣзко нападаетъ на обученіе крестьянъ по «Родному Слову», по «Нашему Другу», Корѣа и «Книгѣ для чтенія» Водовозова; онъ говоритъ, что подобное ученіе крестьяне называютъ баснями и желаютъ, чтобы дѣтей учили больше молитвамъ, псалтирю, акаѣисту и выучили-бы ихъ читать въ церкви житія святыхъ и псалмы Давида. Подобной школы авторъ требуетъ на томъ основаніи, что у насъ рѣдкая мать изъ народа умѣетъ прочесть молитву, а народъ въ своихъ догматахъ и морали не далеко ушелъ отъ временъ своего крещенія въ Двѣпрѣ. «Какъ-же не сдѣлать главнымъ предметомъ въ школахъ религію? Вѣдь она отъ начала міра служила и служитъ главнымъ факторомъ зарождающейся цивилизаціи», замѣчаетъ Ѳ. Ѳсоновъ. Авторъ желаетъ, чтобы народъ сознательно усвоилъ себѣ истины христіанства, чтобы онъ не оставался полуязычникомъ; а для этого онъ считаетъ единственнымъ исходомъ образованіе религіозное и, между прочимъ, рекомендуетъ чтеніе псалтиря. Онъ устраняетъ всякую религіозную долбню, всякое ученіе текстовъ, даже изученіе наизусть молитвъ, потому-что ребенокъ, выучившійся читать, можетъ прочесть всякую молитву по книжкѣ, смотря по настроенію души; точно такъ-же относится онъ и къ катехизису съ его вопросами и отвѣтами, написанному тяжелымъ и туманнымъ языкомъ. Онъ протестуетъ противъ всякихъ заучиваній наизусть, которыми законоучитель отталкиваетъ отъ предмета, наиболѣе любимаго крестьянскими дѣтьми: «Мы думаемъ, что чѣмъ менѣе законоучитель будетъ держаться текстовъ учебника и чѣмъ больше онъ будетъ знакомить съ жизнеописаніемъ святыхъ—тѣмъ лучше. Пусть уче-

ники сами читаютъ священныя книги, а учитель объясняетъ имъ непонятное; изъ такихъ учениковъ дѣйствительно могутъ выйти учителя-миссіонеры, отъ которыхъ нашъ народъ такъ жадно желаетъ услышать слово истины».

Нашъ народъ, дѣйствительно, народъ темный, религіознаго воспитанія онъ не получалъ; но онъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ какой-либо другой народъ, ищетъ любви и правды, которыхъ его лишали и практика жизни, и школа, и вотъ онъ напряженно ищетъ святой истины, жаждетъ ея и безпрестанно являющіяся въ народѣ секты убѣждаютъ, насколько ему нужны нравственныя опоры, среди царящей вокругъ неурядицы. «Мысль», поясняя статью г. Θεонова, дѣлаетъ извлеченіе изъ очерка Глѣба Успенскаго «Народная книга». Я приведу всю эту выдержку, чтобы показать, насколько именно жаждетъ народъ той проповѣди добра и настоящихъ человѣческихъ отношеній, которыхъ онъ лишенъ, и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта проповѣдь добра и христіанской истины дѣйствуетъ на него преобразующимъ образомъ. «Вездѣ съ «этимъ народомъ» любой проходимецъ можетъ сдѣлать что ему угодно за стаканъ воды и имѣть полное право кричать въ лицо этому народу: «я всѣхъ васъ за копѣйку куплю и продамъ!» «Вы отца роднаго продадите за грошъ!» Въ такого рода упавшихъ «духомъ» людяхъ, какъ-бы потерявшихъ аппетитъ къ жизни, потеряна способность самой простой расчетливости: какъ сонный, онъ платитъ втрое за лоскутъ земли, который могъ-бы приобрести втрое дешевле и т. д. И вдругъ съ этакой-то деревней, съ этакимъ-то растерявшимъ свои мысли обывателемъ совершается дивное диво и чудо чудное. Посмотрите: на мѣсто гнилой соломы крышъ красуются крыши тесовыя и стоятъ дома съ крылечкомъ, а крылечки со столбиками. Ворота не только не скрипятъ и не валятся, а прямо щеголяютъ своимъ изяществомъ: подъ каждой шляпкой вбитаго въ нихъ гвоздя блеститъ бѣлая звѣздочка жести, прямо уже для «красоты» придѣланная; стекла въ окнахъ не изъ обрѣзочковъ, склеенныхъ замазкой или заклеенныхъ бумагой, а настоящія, цѣльные, а за стеклами видны чистыя занавѣски и цвѣточки. Лошадь—не скелетъ, съ уродливымъ, чуть не волочащимся по землѣ, соломою раздутымъ брюхомъ, а настоящая, хорошая, сильная лошадь, да и телѣга по ней, гудитъ своими большими крѣпкими колесами и крутыми боками кузова... И на этой телѣгѣ, изъ этихъ воротъ, съ этого крылечка не идетъ и не ѣдетъ пьяный, безчувственный отъ хмѣля, человѣкъ. Онъ не валяется посреди лужи лицомъ внизъ, въ грязь, не чувствуя, что голову его толкаетъ свинья своимъ ры-

ломъ; его не съкутъ по мірскому приговору, за распутство, за драку и т. д. Что за чудеса? Не болѣе года тому назадъ, и земство, вспомоствуемое администраціей, и полицейскіе, и урядники, и священство, словомъ, все, что поставлено для попеченія о народѣ, по-истинѣ до кроваваго пота билось съ этимъ самымъ народомъ, уговаривая его, въ видахъ приближенія эпидеміи, очистить свои дворы отъ навоза; на одни развѣзды къ этимъ самымъ мужикамъ была израсходована цѣлая прорва денегъ, и ничто на нихъ не подѣйствовало; напрасно разъясняли имъ во всѣхъ подробностяхъ преимущество свѣжаго воздуха передъ че свѣжнмъ, убѣждали честью, грозили, запирали для острастки въ «темную»—ничего и ничего. Охрипъ исправникъ, охрипъ становой, охрипъ и на полгода потерялъ голосъ урядникъ; «батюшка» также ужасно разстроился и распростудился съ этимъ народомъ до того, что долженъ былъ ходатайствовать и передъ земствомъ, и передъ администраціей, о пособіи на «излеченіе» въ размѣрѣ по пяти рублей съ каждой инстанціи, словомъ, «этотъ самый» народъ измучилъ, ожесточилъ все мѣстное начальство, оскорбилъ его въ самой глубинѣ просвѣщенныхъ побужденій его сердца и, въ концѣ-концовъ, какъ былъ въ навозѣ по горло, такъ и остался... Впрочемъ, чтобы исполнить «приказъ начальства», онъ свалилъ этотъ навозъ къ себѣ-же въ колодезь на дворѣ. «А теперь, спустя одинъ, два года послѣ этихъ величійшихъ поступковъ мужика, загляните-ка на его дворъ и подивитесь, по чьему это велѣнію и настоянію дворъ этотъ щеголяетъ уютомъ и изумительной опрятностью... Высокіе, просторные, хорошо укрытые навѣсы, окружающіе дворъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, защищаютъ отъ непогоды всякую домашнюю скотину и птицу, и не стоятъ на дождѣ, какъ прежде, всякій рабочій снарядъ, сбруя, телѣги, сани и т. д. Навозъ не валяется кучами, въ которыхъ по щиколотку вязли ноги прохожихъ, а давнымъ-давно вывезенъ въ поле, разложенъ тамъ правильными рядами, да и на какое поле? На то самое, которое эти самые мужики, будучи въ сонномъ состояніи, отдавали зря, за мѣдный грошъ, цѣловальнику, да сами-же и работали на него одинъ годъ, за долги, которые изъ крошечныхъ и ничтожныхъ цѣловальникъ безъ особенной хитрости довелъ до степени неоплатныхъ? Кто совершилъ такое удивительное превращеніе? Ужъ не начальство-ли и земство? Наконецъ, не урядникъ-ли, этотъ, если вѣрить газетамъ, истинный чародѣй, творящій чудеса за самое ничтожное вознагражденіе и притомъ на своихъ харчахъ? Нѣтъ!

Чудеса эти сдѣлала книга!

Какъ книга? какая книга? одна книга!!—эта книга, читатель—Евангеліе. Но если мы и допустимъ въ картинахъ Успенскаго нѣкоторое преувеличеніе, то все-таки должны признать, что не изъ головы-же онъ все это выдумалъ, вѣдь онъ не влерикалъ, стало-быть, преувеличивать въ пользу религіи не имѣетъ никакого расчета и основанія.

Но возникаетъ вопросъ: какъ-же это Евангеліе не производитъ такого-же дѣйствія на остальную массу населенія? Вѣдь читаютъ-же его и въ церквахъ и «батюшки» обязаны, кажется, просвѣщать народъ евангельскими истинами. Или, быть можетъ, это какое-нибудь особенное Евангеліе? нѣтъ, самое обыкновенное, но только это Евангеліе, которое прочли сами крестьяне, поняли его, заинтересовались имъ и стали его изучать. Да это раскольники-сектанты, скажетъ читатель, нисколько.

«По нашему мнѣнію, говоритъ Гл. Успенскій—секты, носящія разные названія, болѣею частью по имени основателя, въ сущности не имѣютъ между собою большой внутренней разницы, да и сектами назваться не могутъ. Развѣ сектанты тѣ изъ провинціальныхъ губернскихъ обывателей, которые вмѣсто того, чтобы убивать время за игрою въ винтъ, предпочитаютъ проводить вечера за книгою? Развѣ сектанты, кружки людей не распутничающихъ, не жадныхъ до наживы? Такіе кружки есть во всякомъ обществѣ, такіе заводятся и въ деревнѣ; и тамъ и тутъ эти кружки просто-на-просто состоятъ изъ людей, которые желаютъ жить сознательной жизнью; въ деревняхъ такіе кружки имѣютъ всегда религіозный отбѣнокъ и ихъ немедленно причисляютъ къ сектамъ, начинаютъ противъ нихъ преслѣдованія, которыя и придаютъ кружку разумно мыслящихъ людей нѣкоторую враждебную замкнутость».

Гл. Успенскій желаетъ обратить вниманіе людей, интересующихся народнымъ образованіемъ, на то превращеніе въ экономическихъ условіяхъ народной жизни, которое немедленно обнаруживается въ видимомъ благосостояніи всѣхъ тѣхъ изъ крестьянъ, которые начинаютъ жить на основаніи опредѣленныхъ нравственныхъ воззрѣній и на великое значеніе книги, къ которой прибѣгаетъ задумавшійся обо всемъ русскій крестьянинъ. «Мы знаемъ, говоритъ Гл. Успенскій,—что прежде всего онъ беретъ за Евангеліе, беретъ за него именно потому, что Евангеліе есть единственная книга, которая съ такою удивительною простотою раскрываетъ передъ совѣстью человѣка всю необъятную совокупность явленій, обнимающихъ правду человѣческихъ отношеній и нравственныхъ обязанностей. Но кромѣ этого внутренняго значенія Евангеліе есть и въ буквальномъ смыслѣ един-

ственная книга, которая отвѣчаетъ всей совокупности требованій, возникающихъ въ пробужденномъ сознаніи».

То, что говорить г. Феоновъ въ «Мысли», говорить и г. Стоюнинъ въ «Вѣстникъ Европы»; онъ тоже противъ мертвящей долбни, при которой религію смѣшали съ богословіемъ, наукою, требующею ума, способнаго въ отвлеченному мышленію. Г. Стоюнинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что ученикъ является въ классъ съ полной вѣрой въ бытіе Божіе и нѣтъ никакой надобности доказывать ему это бытіе отрывочными фразами изъ разныхъ мѣстъ священнаго писанія, силу котораго онъ еще не можетъ оцѣнить: «всѣ ваши тексты, говоритъ Стоюнинъ, — не имѣютъ силы доказательства для ученика, да умъ его и не требуетъ доказательствъ, такъ-какъ въ своей вѣрѣ онъ далекъ отъ всякаго скептицизма, которому нужны вѣскія доказательства. Не трогайте-же этой вѣры и передавайте однимъ простымъ словомъ то, что принадлежитъ вѣрѣ, не подыскивая доказательствъ изъ разныхъ источниковъ, мало доступныхъ для возраста учащихся». Г. Стоюнинъ не ограничивается этимъ, но указываетъ на злоупотребленія и подлоги, которыя допускаются иногда на экзаменахъ изъ Закона Божія и которыми нравственно развращаются дѣти тѣми самими лицами, которыя должны учить ихъ правдѣ и любви; г. Стоюнинъ предлагаетъ замѣнить уроки Закона Божія «сердечными бесѣдами» и забыть всякую мысль объ экзаменахъ, потому-что въ чувствахъ нельзя экзаменовать, «а безъ нихъ къ чему-же служить всѣ эти богословскія ученія?»

Г. Стоюнинъ сходится съ г. Феоновымъ и оба подъ разными названіями предлагаютъ миссіонерское поученіе и устную пропаганду ученія Христа въ его первоначальномъ чистомъ видѣ. Кажется все это настолько просто, понятно, безспорно, что нельзя и придумать никакого возраженія, но «Русь», изощренная въ тонкостяхъ казуистики, не удовлетворяется тѣмъ, что живымъ людямъ будетъ говорится живое слово и требуетъ школы вѣроисповѣдической; по мнѣнію «Руси», то, что мы называемъ Закономъ Божіимъ, не исчерпывается одними нравственными чувствами; подобныя чувства составляютъ принадлежность не только всѣхъ христіанъ, но и язычниковъ; Сократъ и Платонъ, какъ говоритъ «Русь», вели съ своими учениками такія-же сердечныя бесѣды, и желательно-ли, и возможно-ли воспитывать въ нашихъ школахъ не православныхъ христіанъ, а христіанъ вообще и съ развитыми нравственными чувствами? Нравственное развитіе, не полагающееся на положительную вѣру (т. е. на катехизисъ), «Русь» называетъ «призракомъ». Да позвольте:

вѣдь вся спорность вопроса только и заключается въ этомъ катехизисѣ, въ долбнѣхъ и казуистическихъ тонкостяхъ, заучиваніе которыхъ въ деревенскихъ школахъ и крестьянскими дѣтьми не поселяетъ любви къ школѣ и стремленія къ изученію Закона Божія. Дѣти просто боятся этой науки, не освѣжающей ихъ непосредственнаго дѣтскаго чувства, а только притупляющаго его. Сердца народа ищеть истины, сердце дѣтей ищеть просвѣтленія и христіанской любви и проникновенія чувствами христіанской любви, а «Русь» голодному, просящему хлѣба, даетъ камень, и поучаетъ, что на свѣтѣ существуютъ разныя церкви, что католикъ отличается отъ православнаго тѣмъ-то, а лютеранинъ тѣмъ-то. Да поймите-же, наконецъ, что продолжавъ свой двадцатилѣтній послѣдній опытъ съ школой, мы пришли къ тому заключенію, что самые компетентные люди,—на этотъ разъ мы укажемъ на гг. Стоюнина и Феонова,—хотятъ устранить изъ народной школы долбню и зазубриваніе на память вѣроисповѣдническихъ тонкостей, потому что уму простого человѣка они вовсе недоступны, а вы предлагаете оставить по старому то, противъ чего возстаютъ рѣзко опытъ и цѣлый рядъ неудачныхъ экспериментовъ. Народу нужно ученіе, говорящее сердцу, ученіе простое, безхитрое, слово любви и нравственнаго удовлетворенія, т. е. то, что именно даетъ Евангеліе, а вовсе не то, что даетъ пространнѣй катехизисъ Филарета. Г. Феоновъ не ограничивается даже и Евангеліемъ, онъ говоритъ въ защиту псалтиря, которая такъ уважалась въ нашей дореформенной народной выучкѣ и чтобы объяснить читателю, что такое псалтирь, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранить всякое недоразумѣніе, ссылается на слова Шерра, который говоритъ, что псалтирь «безспорно самое поэтическое и вѣрное выраженіе еврейства, въ немъ звучитъ тонъ религіи Іеговы, свѣтлѣй, какъ уголь, среди ночи въ душѣ, отуманенной горестью, которую только изрѣдка освѣщаетъ солнце счастья, это лирика, то неудержимо увлекающая сердце слушателя, то элегически-жалобная, то возвышенная перенеслась потомъ изъ іудейства въ христіанство и осталось образцомъ церковной поэзіи».

Если мы вѣрно угодываемъ мысль г. Феонова, то не думаетъ ли онъ въ чтеніи псалтиря указать народу душевное прибжище и источникъ нравственнаго успокоенія, среди тѣхъ горестей и трудностей, съ которыми ему приходится бороться. Но въ такомъ случаѣ псалтирь перестаетъ быть дѣтской, школьной книгой, а становится книгой для взрослыхъ и ее нельзя рекомендовать для школъ частью по недоступности для деревенскихъ дѣтей славянскаго языка, а въ русскомъ языкѣ—по недоступности пони-

тій. Итакъ, и общественное мнѣніе, и компетентные люди, которымъ близка народная школа и которые ее знаютъ, хотятъ изгнать изъ нея мертвечину и формализмъ, и формальное образованіе замѣнить живымъ; и только «Русь» съ своимъ ложнымъ православіемъ думаетъ удержатъ то, что давно уже сознаіемъ народа оттолкнуто и не принято; опытъ именно говорить, что нельзя больше силой удерживать то, что не принимается. Народъ обрадовался, что можетъ услышать слово любви и истины, жадно ловить его, образуетъ такъ-называемыя секты, читаетъ Евангеліе, а «Русь» хочетъ отнять у него эту божественную книгу, которой неизвѣстно раздѣленіе церквей, и дать народу вмѣсто Евангелія и псалтиря пространнѣй катехизисъ Филарета. О, народолюбцы!

Впрочемъ, и этотъ вопросъ не представляетъ трудности къ разрѣшенію; гораздо труднѣе вопросъ объ организаціи народной школы и о средствахъ этой организаціи. Какъ замѣтилъ читатель, приводя мнѣнія авторитетныхъ лицъ, мы какъ-бы смѣшавали въ одну кучу два вопроса: вопросъ собственно о школѣ и вопросъ объ образованіи народа послѣ школы.

Собственно народная школа должна быть по преимуществу школой грамотности, или такого образованія, которое даетъ средства для дальнѣйшаго развитія; устройство такихъ школъ можетъ идти весьма успѣшно и весьма просто, если непосредственная о нихъ забота будетъ предоставлена самому народу, а интеллигенты будутъ являться съ своей помощью только въ качествѣ посредниковъ, а не въ качествѣ заправиль. Изъ статистики, которую мы приводили выше, читатель, конечно, убѣдился, насколько были безплодны усилія и земства, и министерства народнаго просвѣщенія въ ихъ попыткахъ создать народныхъ учителей. Для народа все это должно быть проще, дешевле и понятнѣе. Сама жизнь уже указала, что въ числѣ народныхъ учителей главный контингентъ составляютъ учителя, вышедшіе изъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и получившіе домашнее образованіе. Такая же система волонтерства должна быть оставлена и на будущее время и если главный запасъ учителей доставлялся извнѣ, то лучше-бы совсѣмъ уничтожить учительскія семинаріи, такъ дорого стоющія, а воспользоваться запасомъ силъ, который могутъ представить наши духовныя семинаріи, женскія училища, среднія и низшія заведенія. Въ нихъ для молодыхъ людей и женщинъ, желающихъ посвятить себя народному образованію, достаточно устроить педагогическій классъ.

Авторъ статьи «Церковно-общественнаго Вѣстника» совер-

шенно справедливо замѣчаетъ, что не было настоящей нужды устраивать особыя заведенія для приготовленія народныхъ учителей и лучше было-бы «накормить старый пролетаріатъ, чѣмъ плодить новый». Учителя, которые могли-бы явиться прямо на народный призывъ, ужь конечно, вполнѣ-бы удовлетворили народнымъ требованіямъ и если-бы они зависѣли непосредственно отъ крестьянскаго міра, они и были-бы такими, какіе нужны народу. Много лѣтъ интеллигентные руководители народа вибрировали и вибрировали въ его жизнь, наконецъ, они вибрировали и въ его школу и, опытъ, кажется, достаточно убѣждаетъ въ томъ, что всѣ подобныя вибраторія не принесли ничего кромѣ вреда. Сдѣлайте еще одинъ опытъ, котораго вы никогда не дѣлали, дайте народу тѣ-же двадцать лѣтъ для свободнаго устройства своей собственной школы и посмотрите, что изъ этого выйдетъ, тогда сравните два опыта, и, который окажется лучшимъ, тѣмъ и руководствуйтесь въ будущемъ.

То-же самое начало мы-бы предложили примѣнить и къ дальнѣйшему образованію народа, ибо только въ немъ видимъ возможность осуществленія того идеала миссіонерской, свободной проповѣди, который имѣютъ въ виду гг. Стоюнинъ и Θεоновъ. Перемены уставовъ учительскихъ семинарій не приведутъ ни къ чему, если будетъ твердо и прочно начало такъ защищаемое «Русью». Повтому мысль, выраженная многими земствами и чуть-ли не одобренная уже мин. нар. просв.,—мысль, что бы закону Божию учили свѣтскіе люди и женщины, слѣдуетъ признать вполнѣ правильной. Дайте право всякому свободно поучать живому слову, кто въ состояніи поучать, и вы увидите, какъ скоро создастся масса тѣхъ нравственныхъ просвѣтителей, слово которыхъ народъ жаждетъ услышать.

Но одного религіознаго развитія для русской деревни далеко еще недостаточно. Нашъ народъ, кромѣ нравственныхъ, имѣетъ массу и еще другихъ потребностей. Человѣкъ труда и экономическій производитель, онъ долженъ знать еще и то, что непосредственно относится къ его труду и, такъ-сказать, чувствовать себя сознательно среди природы и тѣхъ вліяній, которыя обнаруживаютъ на его дѣятельность и «воля Божія», и его собственная неумѣлость, и всякая другая неумѣлость, ему жѣлающая.

Но есть еще одна наука, право на которую приобрѣлъ народъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости. Эта наука есть наука о его правахъ и обязанностяхъ, какъ гражданина своей страны, признаннаго такимъ явномъ освобо-

жденія. Народъ, какъ земская единица, сталъ членомъ государства и судьбою своихъ собственныхъ дѣлъ. Въ сей моментъ, когда еще такъ много остается слѣдовъ крѣпостного права, когда идетъ такая энергическая, хотя и глухая борьба за старое и новое, за партіонные и общіе интересы, можетъ быть нужнѣе, чѣмъ когда либо, рядомъ съ миссіонерской религіозной проповѣдью, поученіе народа тѣмъ правамъ и обязанностямъ, которыя онъ долженъ сознать и въ которыхъ онъ долженъ развиться и укрѣпиться. Гражданское воспитаніе народа не менѣе важно, какъ и религіозное воспитаніе, и потому понятно, что одно миссіонерство и чтеніе Евангелія далеко еще не удовлетворить тѣмъ требованіямъ, на которыя теперь народъ уже имѣетъ юридическое право. Деревня есть самоуправляющаяся единица, она основная ячейка государственнаго строя; только благосостояніе этихъ ячеекъ въ ихъ совокупности можетъ создать благосостояніе и силу государства. Но что знаетъ эта ячейка хотя-бы о своихъ земскихъ правахъ, о своемъ правѣ представительства, о своемъ выборномъ правѣ; что она знаетъ о тѣхъ административныхъ условіяхъ, въ которыхъ пребываетъ, и о дѣйствительныхъ и фиктивныхъ препятствіяхъ, задерживающихъ свободное развитіе ея умственныхъ и нравственныхъ силъ? Безъ этого знанія деревня навсегда останется темной силой и, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать общему развитію и служить прогрессу, она и этотъ прогрессъ, а въ частности цивилизацію, будетъ всегда оттягивать книзу, какъ это и было до сихъ поръ.

Мы думаемъ, что всѣ запутанные вопросы о народномъ просвѣщеніи могли-бы быть разрѣшены практически очень просто и очень легко, если-бы только были признаны и приняты тѣ общія основанія, на которыя мы указываемъ. Полная свобода, предоставленная народу въ устройствѣ школъ, въ выборѣ и приглашеніи къ себѣ не только свѣтскихъ учителей, но и духовныхъ отцовъ, какъ это было первоначально въ Россіи, помогло-бы и уврачеванію той страшной язвы, которая годъ отъ году все болѣе разѣдаетъ Россію и является уродливымъ наростомъ на нашей современной цивилизаціи. Я говорю о томъ умственномъ пролетаріатѣ, который развивается съ необычайной быстротой, и о тѣхъ одиночныхъ людяхъ, которые ищутъ средствъ въ умственномъ трудѣ и уже начинаютъ переполнять большіе города, не находя никакого приложенія своихъ силъ и знаній. Какъ только деревни предоставилась-бы полная свобода избранія для себя учителей, наставниковъ, миссіонеровъ и заправителей, какъ только людямъ головного труда была-бы открыта возможность употребить свои силы на служеніе деревни, вне-

запно-бы исчезло то нарушенное равновѣсіе, которое теперь уже явилось, и свободныя бродячія силы захребетниковъ новой формы нашли-бы себѣ мѣсто и принесли-бы громадную пользу развитію умственныхъ народныхъ силъ и народному сознанию.

Намъ именно не достаетъ того, чтобы правящая интеллигенція прониклась подобнымъ всеобщимъ, или, пожалуй, тѣснѣе, народнымъ пониманіемъ интересовъ Россіи и только въ этомъ и лежитъ причина всѣхъ задержекъ общему развитію. Какъ только подобное сознаніе сдѣлается всеобщимъ, составить программу для народныхъ школъ или учительскихъ семинарій не будетъ никакого труда; вѣдь не Боги-же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигали.

Н. Ш.

КВИРИНАЛЪ И ВАТИКАНЪ.

(ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА).

I.

Счастливыи народъ эти итальянцы! Природа, оказывающаяся мачихой для другихъ, льетъ на нихъ солнце и радость. Взгляните на Римъ въ настоящее время года. Между тѣмъ какъ мы бѣдствуемъ въ своихъ шубахъ, пронизываемыхъ туманомъ или январьскими мятелями, имъ, счастливымъ, уже улыбается весна подъ голубымъ, яснымъ небомъ. «O fortunatos nimium sua si bona varint», сказалъ авторъ Энеиды. «О, слишкомъ счастливый народъ, еслибъ онъ сознавалъ свое счастье». Впрочемъ, итальянцы, повидимому, чувствуютъ себя счастливыми, если судить по оживленію ихъ празднествъ нынѣшней зимой.

Начиная съ Рождества, всѣхъ охватываетъ веселіе. Министры, сенаторы, депутаты, аристократы, буржуа и ремесленники, великіе міра и мелкіе людишки, всѣ отгадываютъ въ сторону обычныхъ занятія и заботы и празднуютъ. Праздники служатъ предлогомъ къ пирушкамъ еще болѣе чѣмъ къ подаркамъ. Если отправиться на римскій рынокъ *delle Cppelle*, то встрѣтишь не одно высокопоставленное лицо, выбирающее, самолично, рыбу для своего стола, между тѣмъ какъ подъ мышками у него болтается полишинель. Бѣдняки несутъ въ залогъ послѣдній матрацъ, чтобы имѣть возможность купить кусокъ трески, брокколи, или припасы, требуемые для сооруженія любимаго итальянскаго блюда *спагетти* съ анчоусами. Праздники носятъ, главнымъ образомъ, гастрономическій характеръ. Каждый стремится накупить какъ можно болѣе съѣстного и полить всѣ эти припасы возможно ббльшимъ количествомъ бутылокъ добраго вина римскихъ виноградниковъ. Воздержный итальянецъ, о ко-

торомъ говорятъ, что онъ живетъ ничѣмъ, наѣдается и напиивается во время праздниковъ за цѣлый годъ.

Праздничнаго настроенія не чуждается и итальянскій дворъ. Вопросъ о рождественскихъ подаркахъ и связанныхъ съ ними увеселеніяхъ составляетъ цѣлый государственный вопросъ. Сама королева Маргарита ѣздитъ по магазинамъ для закупки игрушекъ, лакомствъ, бонбоньерокъ, въ видѣ епископскихъ митръ, кардинальскихъ и берсальерскихъ шапокъ, бывшихъ въ большой модѣ въ нынѣшнемъ году. Придворныя дамы и другіе приближенные получаютъ цѣнные подарки.

Молодой принцъ Неаполитанскій роздаетъ подарки дѣтямъ всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ семействъ, входящихъ въ составъ квиринальскаго двора. Что касается короля Гумберта, не раздѣляющаго, впрочемъ, страсти отца своего къ охотѣ, то онъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ долгомъ отправиться передъ праздниками въ богатый дичью королевскій лѣсъ, Costel Porziano. Въ видѣ подарка или лакомства онъ посылаетъ затѣмъ своимъ министрамъ и нѣкоторымъ политическимъ лицамъ кабановъ и дикихъ козъ, придворная угодливость которыхъ простерлась до того, что они согласились подставить спины подъ свинецъ, пущенные въ нихъ королевской, но мало искусной рукой.

За Рождественскими праздниками слѣдуетъ праздникъ Богоявленія, *Befana*. Римляне ознаменовываютъ его невообразимымъ гвалтомъ. Это, по всей вѣроятности, дѣлается въ видахъ гигиены. Надо-же задать себѣ моціонъ, чтобы переварить окончательно все, что было поглощено во время предъидущихъ праздничныхъ дней. Прежде всего наступаетъ чередъ мелкаго люда. Въ сумерки всѣ молодые люди и гамены цѣлаго города вооружаются барабанами, свистками, трубами, вострюлями, жестяными коробками, однимъ словомъ, чѣмъ попало, и начинается неистовый грохотъ и гамъ на всѣхъ улицахъ и площадяхъ.

Сборнымъ мѣстомъ служитъ старый *circo agonale*, переименованный нынѣ въ болѣе вульгарную Навонскую площадь. Сюда сбѣгаются шайки этихъ ужасныхъ музыкантовъ изъ всѣхъ кварталовъ Вѣчнаго Города и стараются на шумѣтъ какъ можно болѣе. Наступаетъ, наконецъ, минута, когда гвалтъ прекращается, за всеобщую усталостью, къ тому-же большая часть его авторовъ принадлежитъ къ рабочему сословію, а слѣдовательно, не можетъ оставаться слишкомъ поздно по причинѣ работы завтрашняго дня.

Тогда-то, въ ту минуту какъ бой, казалось, прекратился за неимѣніемъ бойцевъ, выступаютъ и другіе общественные слои, начиная съ мелкаго мѣщанства и кончая благороднымъ патри-

ціемъ. Барскіе экипажи выстраиваются въ сосѣднихъ улицахъ и каждый начинаетъ проявлять силу своихъ мышцъ и прочность легкихъ, производя шумныя музыкальныя упражненія на импровизованныхъ инструментахъ.

Извѣстно, что безуміе бываетъ заразительнымъ во всякомъ возрастѣ и на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Убѣленные сѣдинами старцы дурачатся наравнѣ со своими юными внуками, а римскіе князья соперничаютъ со своими слугами по части энергіи голосовыхъ средствъ. Это своего рода форма равенства; ее можно назвать равенствомъ въ гвалтѣ и надо видѣть, съ какою твердостью они отстаиваютъ этотъ великій принципъ! Горе тому, чья барабанная перепонка и недовольно упругіе нервы возмущились-бы имъ! При малѣйшемъ словѣ протеста, при малѣйшемъ знакѣ нетерпѣнія, несчастный видитъ себя окруженнымъ какими-нибудь двумя десятками барабанщиковъ на громадныхъ ящикахъ и такимъ-же числомъ трубачей. Эти защитники права, превратившіеся въ чистѣйшихъ разбойниковъ, выпускаютъ свою жертву лишь тогда, когда слуховой органъ буквально истерзанъ.

Всего лучше отдѣлываться смѣхомъ и соперничать съ другими. Такъ въ концѣ-концовъ и поступаютъ всѣ, даже самыя серьезныя нѣмцы и наиболѣе флегматичные англичане, отважившіеся присутствовать на этой оргіи гвалта.

То-же повторяется изъ года въ годъ. Однако, на нынѣшней разъ замѣчена была перемяна въ настроеніи публики. На улицѣ замѣчалось менѣе увлеченія, а въ Квириналѣ не столь веселое расположеніе духа. Этотъ тревожный симптомъ проявился, какъ слышно, даже на оффиціальныхъ приемахъ.

Королева Маргарита была до такой степени не въ духѣ, что довольно громко выразила неудовольствіе по поводу легкаго нарушенія этикета, а именно шлейфа супруги одного изъ представителей дипломатическаго корпуса, который былъ короче нормы на нѣсколько сантиметровъ.

Что-же могло отуманить это прелестное лицо и вырвать изъ королевскихъ устъ слова досады? Неужели причиной тому слѣдуетъ считать это злополучное дѣло о векселяхъ, снова всплывающее на поверхность. Это старая исторія, относящаяся еще къ 1875 году. Болонскій народный банкъ нашелъ возможнымъ и вполне безопаснымъ дисконтировать два векселя, въ сто тысячъ франковъ каждый, выданныхъ Викторомъ Эмануиломъ, подпись котораго была признана подлинной маркизомъ Людовикомъ Багнаско, бывшимъ въ то время королевскимъ адъютантомъ.

По истеченіи срока этихъ векселей, король отказался признавать дѣйствительность векселей, онъ объявилъ ихъ подложными,

а о подписи сказалъ, что это поддѣлка, хотя и весьма искусная. Дѣйствительно, слѣдуетъ полагать, что поддѣльватель обладалъ замѣчательнымъ искусствомъ, если умѣлъ ввести въ заблужденіе самого маркиза Багнаско, который не счелъ нужнымъ обратиться по этому поводу за справкой къ самому королю.

Такъ-какъ Викторъ-Эмануилъ отказался платить, то векселя были опротестованы, а банкъ возложилъ отвѣтственность на неосторожнаго адъютанта, въ честности котораго, впрочемъ, никто не сомнѣвается. И вотъ теперь болонскій банкъ возвращается къ этому дѣлу и требуетъ отъ маркиза уплаты вышеуказанной суммы и процентовъ. Судъ уже призналъ его неотвѣтственнымъ, но банкъ подалъ на апелляцію и ожидаютъ интересныхъ премій.

Король Гумбертъ сильно раздосадовалъ при мысли, что враги Виктор-Эмануила будутъ имѣть удобный предлогъ повторять въ новомъ изданіи анекдоты о многочисленныхъ походахъ и долгахъ его отца. Изъ этихъ походовъ нѣкоторыя имѣютъ пикантный, другія скабрёзный характеръ. За послѣдніе дни многія были уже пущены въ обращеніе по случаю смерти графа Каstellенго, оберъ-штабмейстера и неизбежнаго спутника всякаго рода экскурсій *ge galantuomo*. Замѣтимъ въ скобкахъ, что графъ представлялъ собою любопытный и заслуживающій нѣсколькихъ надгробныхъ словъ типъ.

Его популярность была очень велика, если судить по многотысячной толпѣ, наполнявшей улицу, и по множеству головъ, которыми унизаны были окна домовъ, мимо которыхъ слѣдовалъ погребальный картежъ.

Знаменитость покойнаго была обусловлена слѣдующими тремя причинами: его безобразіемъ, скупостью и дружбой къ нему короля. Викторъ-Эмануилъ нигуда не показывался безъ своего оберъ-штабмейстера и это объясняли слѣдующимъ образомъ: постоянно занятый любовными походами, король вполне сознавалъ, что его наружность не отличается ни красотой, ни благородствомъ. Въ зрѣлую эпоху своей жизни онъ перепробовалъ всѣ лучшія косметики, всѣ какъ быстро, такъ и постепенно дѣйствующія средства, но ничто не могло даровать ему красоты, которой онъ никогда не пользовался. Какъ-же быть, однако-же, чтобы казаться менѣе безобразнымъ?

«Судить—значитъ сравнивать», сказалъ себѣ Викторъ-Эмануилъ; а для того, чтобы сравненіе оказалось въ его пользу, онъ придумалъ поставить рядомъ съ собою безобразнѣйшаго изъ своихъ придворныхъ.

Истинный черепъ мертвеца, украшенный черными какъ сажа

бакенбардами и крошечными глазами, торчалъ на длинномъ, сутуловатомъ туловищѣ. Таковъ былъ графъ Кастелленго. Лучшаго выбора не могъ сдѣлать король.

Перейдемъ ко второму качеству знаменитаго графа. Онъ былъ до крайности скупъ. Какъ-то разъ Викторъ-Эмануилъ подарилъ ему двѣ превосходныя лошади. Недѣлю спустя, графъ говорить королю: «Государь, я пришелъ еще разъ выразить вамъ мою благодарность за ваше милостивое вниманіе». — «Но развѣ вы не товарищъ мой, всегда преданный и вѣрный? возражаетъ король. — Какія чудныя лошади! Мой любезный графъ, нѣтъ ничего, что могло-бы быть слишкомъ хорошо для васъ». — «Но у этихъ великолѣпныхъ животныхъ есть недостатокъ». — «Ба! Какой-же?» — «У нихъ слишкомъ хорошій аппетитъ, ваше величество. — Вы не можете себя представить, сколько они сѣдаютъ. Средства-же мои не позволяютъ... Короче говоря, я пришелъ просить ваше величество, чтобы вы взяли ихъ обратно».

Викторъ-Эмануилъ не могъ воздержаться отъ смѣха. Затѣмъ, принявъ почти серьезный видъ, онъ сказалъ: «Любезный графъ, съ этой минуты я назначаю васъ министромъ двора». И обѣ стороны стали дѣлать значительныя сбереженія. «Этотъ дьяволъ Кастелленго, говорилъ однажды король, — грозилъ вѣдь нарядить всѣхъ моихъ лакеевъ въ ливрею, одна сторона которой была-бы красная, а другая синяя, съ тѣмъ, что смотря по обстоятельствамъ, они выворачивали-бы ее то на ту, то на другую сторону». И король сопровождалъ эти слова своимъ обычнымъ громкимъ и раскатистымъ смѣхомъ.

Не разъ нуждался король въ деньгахъ для покрытія расходовъ по своимъ проказамъ и часто приходилось ему обращаться къ кошельку своего наперстника. По смерти отца, королю Гумберту пришлось уплатить графу довольно круглую сумму, которую онъ вносилъ по частямъ.

Возвращаясь къ векселямъ, молодому государю, быть можетъ, лучше было-бы поступать и по отношенію къ нимъ такимъ-же образомъ, т. е. уплатить, во избѣжаніе дальнѣйшихъ толковъ. Но должно полагать, что щекотливость короля, столь чувствительная во всемъ, что касается памяти его родителя, не доходить до того, чтобы уплачивать 200,000 франковъ и дѣло будетъ рѣшаться судебнымъ порядкомъ.

Однако-же, подобная забота, безъ сомнѣнія, едва-ли могла-бы омрачить до такой степени ясность духа итальянскаго двора и, по всей вѣроятности, должны существовать болѣе важныя причины. Откуда-же онъ исходятъ?

Отъ Франціи? Но тунисскій вопросъ вышелъ изъ остраго

періода и время если и не изгладно исполнѣ, то успѣло уже смягчить причиненныя имъ огорченія. Въ концѣ-концовъ, король Гумбертъ выказалъ изысканную вѣжливость, принимая французскаго посланника и выразилъ ему, что горячо желаетъ пре-
вращения всякихъ неудовольствій между Франціей и Италіей и
возстановленія прежнихъ дружескихъ отношеній. Это нисколько
не мѣшаетъ, впрочемъ, итальянскимъ оффиціозамъ продолжать
свои нападки, удовлетворяя чувство мести, либераламъ произ-
водитъ манифестаціи во вкусъ Сициліанской вечерни, а прави-
тельству затѣвать интриги, въ родѣ тѣхъ, которыя плетутся въ
настоящее время въ Константинополь.

Не исходятъ-ли затрудненія изъ Австріи? Поѣздка ихъ ве-
личествъ въ Вѣну, конечно, не дала тѣхъ результатовъ, кото-
рыхъ отъ нея ожидали. Австрійское правительство довольно
грубо обошлось съ итальянскимъ шовинизмомъ. Сверхъ того,
начинаютъ думать, что императорское семейство не особенно
спѣшитъ отдачей визита королю Гумберту и его супругѣ. Въ
довершеніе неудачи, когда зашла рѣчь объ этомъ визитѣ, никто
и не подумалъ о Римѣ, а говорили только о Туринѣ. Но не въ
старой пьемонтской столицѣ, а въ столицѣ Италіи желали-бы
принимать Франца-Іосифа и его августѣйшую супругу. Правда,
еще ни одинъ изъ иностранныхъ государей не пріѣзжалъ въ
Римъ, но надо-же покончить съ такимъ двусмысленнымъ поло-
женіемъ. «Если они не хотятъ пріѣзжать въ Римъ, то пусть не
пріѣзжаютъ вовсе», такъ рѣшилъ одинъ изъ послѣднихъ совѣ-
товъ министровъ. По этому-же поводу поѣхалъ въ Вѣну Мин-
гетти, гдѣ ему, по всей вѣроятности, будетъ сдѣланъ тѣмъ болѣе
любезный пріемъ, чѣмъ вѣрнѣе имѣеть постигнуть его неудача.

Во всякомъ случаѣ, во всемъ этомъ нѣтъ еще *casus belli*, и
въ обоихъ случаяхъ не грозитъ никакой опасности. Если-же и
можно ждать грозы, то ее слѣдуетъ ждать совсѣмъ съ другой и
притомъ вполнѣ неожиданной стороны: туча виситъ по ту сто-
рону Тибра, въ двухъ шагахъ отъ Квиринала.

Старый богословъ, проживающій въ такъ-называемой тем-
ницѣ своей, т. е. въ Ватиканѣ,—вотъ гдѣ опасность, черная
точка, внезапно омрачившая итальянскій горизонтъ, и призракъ,
смущающій въ теченіи нѣсколькихъ недѣль покой короля Гум-
берта и его прекрасной супруги Маргариты.

Познакомимся-же съ этимъ неожиданнымъ явленіемъ полити-
ческой атмосферы.

II.

Задолго до того времени, когда тиара украсила чело его, будущій папа уже не былъ незнакомцемъ для многихъ живавшихъ въ Римѣ иностранцевъ. Въ числѣ наиболѣе гостепріимныхъ для этихъ послѣднихъ домовъ находился домъ графини Чини, палаццо которой возвышался на Piazza Dagona Vecchia и оживлялся присутствіемъ трехъ прелестныхъ черноокихъ красавицъ, дочерей графини. Частымъ гостемъ въ этомъ палаццо былъ дядя хозяйки, бывшій въ то время еще епископомъ перузскимъ, а нынѣ Левъ XIII. Онъ весьма плохо ладилъ съ кардиналомъ Антонелли, что придавало семейству Чини нѣкоторый оппозиціонный видъ, что всегда бываетъ въ модѣ.

Печчи, не любящій, повидимому, іезуитовъ, былъ воспитанъ ими въ Витербѣ. Здѣсь-то, въ день его перваго причащенія, Богъ, по словамъ легенды, возвѣстилъ намѣченному Провидѣніемъ юношѣ объ его высокой будущности. А до тѣхъ поръ онъ былъ пова крѣпкимъ и бойкимъ маленькимъ горцемъ, и хотя и принадлежалъ къ аристократическому семейству, но обладалъ дикою энергіей, свойственной какимъ-нибудь Чіокари или Карпонетто. Четырнадцать лѣтъ отъ роду онъ отправился въ Римъ для окончанія образованія въ академіи, гдѣ воспитывались отпрыски благородныхъ итальянскихъ семействъ, посвященные духовному званію. Здѣсь онъ заболѣлъ лихорадкой, которая измѣнила его темпераментъ. Онъ сдѣлался малокровнымъ и нервнымъ. Назначенный Григоріемъ XVI прелатомъ при папскомъ дворѣ, онъ вскорѣ покинулъ мрачнаго и строгаго главу и поѣхалъ въ Брюссель, въ качествѣ папскаго нунція при дворѣ Леопольда, стараго короля, пользовавшагося репутаціей совѣтника королей и о которомъ можно сказать, что онъ былъ искреннимъ либераломъ. Всѣмъ понятна исторія возмущенія, грозныя волны котораго ревели у самыхъ дверей его дворца. Король вышелъ на балконъ. «Чего вы хотите?» спросилъ онъ разсвирѣпѣвшую толпу.—Чтобы я ушелъ? Если только этого, то не стоить поднимать такого шума. Я могу уйти сейчасъ-же». Обезоруженные этими словами, мятежники утихли какъ-бы силою волшебства, и грозныя клики смѣнились громкими виватами королю.

Великіе примѣры всегда оставляютъ по себѣ впечатлѣніе. Будемъ надѣяться, что и примѣръ Леопольда не остался безъ пользы для Льва XIII. Изъ Брюсселя монсеньоръ Печчи переехалъ въ Перузу, куда его назначили епископомъ. Это, впро-

чемъ, было не повышение, а удаление, которымъ онъ обязанъ былъ Антонелли, не желавшему видѣть его въ Римѣ. Въ Перузѣ будущему папѣ не оставалось ничего иного, кромѣ научныхъ изслѣдованій и здѣсь-то онъ и выработалъ изъ себя завятаго богослова, которымъ сдѣлался впоследствии. Наконецъ, Пій IX извлекъ его изъ ссылки и назначилъ своимъ камерлингомъ. Такимъ образомъ онъ становился кандидатомъ на папскій престолъ. По смерти Пія IX кардинальная коллегія собралась для избранія ему преемника и тиара короля—королей была единогласно присуждена Печчи. Тогда онъ появляется во внутренней *loggìa*, даетъ благословеніе міру, а затѣмъ, вернувшись въ Ватиканъ, запираетъ за собой дверь и бросаетъ ключъ; такимъ путемъ будетъ продолжена легенда о ватиканскомъ узникѣ, вокругъ котораго, для полноты иллюзіи, тѣ-же пять итальянскихъ солдатъ, *delegati della pubblica sicurezza* будутъ стоять на часахъ.

Мнѣ-бы хотѣлось дать читателямъ портретъ Льва XIII съ натуры, но, не имѣя возможности этого сдѣлать, я заимствую главные черты у симпатичнаго очевидца. «Левъ XIII высокъ и строенъ. Рѣзкій овалъ его лица суживается книзу. Лицо его отличается худощавостью людей, витающихъ на вершинахъ мысли. Въ его профилѣ преобладаютъ углы,—признакъ воли. Черты лица его костисты и какъ-бы остроконечны, что означаетъ тонкость ума. Длинный носъ напоминаетъ Льва XII. Ротъ большой,—признакъ доброты; гладкій лобъ указываетъ на ясность духа. Онъ очень высокъ, что свидѣтельствуетъ объ умѣ. Живые и полузакрытые глаза говорятъ объ осторожности. Это уже не широко-разрѣзанные влажные глаза Пія IX, походившаго на астролога, который вслѣдствіе постоянного созерцанія превыспреннихъ высотъ кончилъ тѣмъ, что попалъ въ колодезь. Преемникъ Пія не обращаетъ взоръ въ страну химеръ и смотритъ долу, въ міръ людей и дѣйствительности. Въ немъ замѣтенъ скептикъ. Нижняя часть лица съ двумя глубокими морщинами, по обѣимъ сторонамъ, изумительно напоминаетъ челюсть Вольтера. Въ улыбкѣ сквозитъ могучая иронія. Вообще говоря, лицо Льва XIII есть лицо человѣка нашего времени, въ противоположность съ чисто-средневѣковою наружностью Пія IX.

Бнязь Бисмаркъ, считающій себя самымъ свѣдущимъ чело-вѣкомъ въ мірѣ, узнавъ объ избраніи новаго папы, тотчасъ-же сказалъ какому-то дипломату: «они выбрали другого Пія IX». Но какъ мы видѣли, это опредѣленіе весьма неточно. Левъ XIII отличается отъ своего предшественника какъ по своему темпераменту, такъ и по складу ума. Покойный папа былъ чело-вѣкъ общительный. Онъ былъ остроуменъ въ бесѣдѣ и о немъ суще-

ствуетъ множество анекдотовъ, подтверждающихъ это качество. Напротивъ, Левъ XIII молчаливъ. Пій былъ увѣренъ, что проигралъ свое дѣло и проигралъ на-вѣки. Его преемникъ рѣшилъ возобновить борьбу, но при помощи иного оружія. Прежде чѣмъ сдѣлался папой, онъ былъ въ кардинальской коллегіи главою умѣренныхъ, въ противность *zelanti*'ямъ, т. е. усерднымъ; эту прежнюю политику свою онъ намѣренъ продолжать и теперь.

Уже съ самаго начала онъ выказалъ въ своихъ распоряженіяхъ видимое и твердое намѣреніе освободиться отъ гнета іезуитовъ, тяготѣвшаго надъ Св. Престоломъ въ теченіи двадцати лѣтъ. Слѣдующая, помѣченная 22 марта 1878 г., депеша повергла ультрамонтанскій лагерь въ смятеніе и ужасъ. «Генераль іезуитскаго ордена, говорилось въ депешѣ,—только-что пріѣхавъ въ Римъ, предложилъ папѣ разрѣшить его братству вернуться изъ Флоренціи въ Римъ. Левъ XIII очень холодно принялъ это предложеніе, которое находитъ несвоевременнымъ. Іезуиты сильно раздражены и ихъ недовольство такъ сильно, что папа принужденъ былъ отложить и измѣнить свою аллокуцію и энциклигу». Вопреки опроверженіямъ ультрамонтанскихъ органовъ, наковы «Univers» и «Union», извѣстіе оказалось справедливымъ. Пропагандѣ іезуитскаго фанатизма была поставлена преграда. Это было очень замѣтно на другой день послѣ пріема пилигримовъ, когда даже самыя клерикальныя газеты не въ силахъ были скрыть фiasco.

При извѣстии о смерти Пія IX нѣсколько высокопоставленныхъ въ свѣтскомъ католическомъ мірѣ лицъ отправились въ Римъ, чтобы присутствовать на его похоронахъ и ждать избранія ему преемника, надѣясь первыми привѣтствовать новаго папу. Въ числѣ этихъ лицъ находились руководящіе представители всѣхъ учреждений, возросшихъ подъ сѣнію церкви. Тутъ были члены комитета паломничества, братства Saint Vincent de Paul и т. д. По пріѣздѣ въ Римъ, эти лица, немедленно послѣ избранія Льва XIII, выразили желаніе имѣть честь быть ему представленными. Имъ пришлось прождать нѣсколько дней и, наконецъ, день аудіенціи былъ назначенъ. Между тѣмъ одинъ изъ пріѣзжихъ, бесѣдуя съ кардиналомъ Франки, сообщилъ ему, что одинъ изъ паломниковъ прочтетъ папѣ адресъ, отъ имени французскихъ католиковъ. «Въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы адресъ былъ представленъ на предварительное рассмотрѣніе его святѣйшества», возразилъ кардиналъ. Ему вручили адресъ, который и былъ имъ переданъ Льву XIII. Что заключалъ въ себѣ документъ, написанный руками наиболее ревностныхъ католиковъ—этого мы не знаемъ, но дѣло въ томъ, что онъ не понравился

папѣ. Онъ былъ почти оскорбленъ имъ: «Я не желаю, чтобы мнѣ читали этотъ адресъ, сказалъ онъ рѣзко,—а если прочтутъ, то я не отвѣчу на него». Онъ прибавилъ также, что прискорбно видѣть руководство религіознаго движенія во Франціи въ рукахъ свѣтскихъ людей; онъ намекнулъ на опасность, представляемую существованіемъ печати, именующей себя католическою, вѣрною свѣтскимъ людямъ, присвоивавшимъ себѣ право говорить отъ имени церкви и какъ-бы получивъ отъ нея полномочіе. Въ такъимъ-же духѣ высказался папа и предъ паломниками во время дарованной имъ аудіенціи. Паломники удалились подъ впечатлѣніемъ энергическаго и яснаго тона словъ, сказанныхъ имъ папой, свидѣтельствовавшихъ о холодной и обдуманной рѣшимости новаго главы. Этотъ инцидентъ въ теченіи нѣкотораго времени сильно занималъ дипломатическій міръ и разочарованіе, порожденное имъ, еще усилилось, когда его сопоставили съ другою аудіенціей, послѣдовавшей чрезъ нѣсколько дней спустя. Вдова Монталамбера, которую отказывался принимать Пій IX, получила аудіенцію у Льва XIII и представила ему свою дочь, Терезу. Папа положилъ руку на голову молодой женщины и сказалъ ей: «Я благословляю васъ Тереза ради васъ и ради славнаго отца вашего!» Итакъ, прошли тѣ времена, когда всемогущій Велльо громилъ своимъ перомъ эти великія имена и когда это перо считалось освященнымъ главою церкви.

Нелегкое дѣло бралъ на себя Левъ XIII. За это дѣло брался и Пій IX; въ теченіи трехъ лѣтъ онъ боролся неустанно, не страшась угрозъ и изгнанія. Будетъ-ли отваживае или счастливецъ его преемникъ? Какъ-бы то ни было, угрозы не заставили себя ждать. Уже начиная съ 28 марта въ римскихъ газетахъ появилась слѣдующая замѣтка: «Здѣсь всѣ полагаютъ, что правленіе Льва XIII не будетъ продолжительнымъ, если онъ будетъ продолжать идти по тому пути, на который ступилъ». А нѣсколько недѣль спустя, агенство Гавасъ, охотно черпающее свои свѣденія въ официальныхъ источникахъ, подтверждало эти предположенія, говоря: «Вотъ уже три дня какъ св. отецъ не спускается утромъ въ павильонъ Пія IV для богослуженія, которое отправляетъ въ своей частной часовнѣ. Это рѣшеніе было принято вслѣдствіе нездоровья, почувствованнаго папой въ пятницу утромъ, въ то время, какъ онъ спускался въ ватиканскій садъ». Или: «Хотя нельзя не признать, что характеръ болѣзни новаго папы былъ преувеличенъ, несомнѣнно, однако-же, что Левъ XIII находится въ состояніи, замѣтнаго при самомъ поверхностномъ наблюденіи, истощенія».

Дѣйствительна или воображаема эта опасность, Левъ XIII,

повидимому, не особенно ею смущается. «Жизнь папы, какъ увѣряютъ, сказалъ онъ,—менѣе необходима для папства, чѣмъ существованіе собора св. Петра, но и соборъ не есть необходимость для папства». А пока іезуиты, убѣдившись въ неэффективности своихъ угрозъ, попытались употребить другое средство; они рѣшили отнять у св. отца продовольствіе, отказавшись агитировать въ пользу ленты св. Петра.

Между тѣмъ Левъ XIII продолжалъ непоколебимо держаться намѣченной имъ себѣ политической стези благоразумія и умѣренности. Онъ принялся вновь завязывать сношенія, прерванныя съ нѣкоторыми государствами и улаживать причины столкновений. Онъ посовѣтовалъ французскимъ епископамъ поболѣе заниматься духовными дѣлами и поменѣе—политическими; онъ согласился на переговоры съ нѣмецкимъ дворомъ. Особенно щекотливо было положеніе дѣлъ по отношенію къ Италіи и мадѣйшій признакъ уступки могъ встрѣтить непреодолимые затрудненія. «Между Квириналомъ и Ватиканомъ нѣтъ ничего общаго», говорятъ рѣзкіе люди, но Левъ XIII не принадлежитъ къ числу ихъ. Впрочемъ, онъ и обладаетъ особымъ умѣньемъ обходить затрудненія, что можно было замѣтить по поводу покушенія на особу короля. Когда получено было о томъ извѣстіе, въ Ватиканѣ всѣ были согласны относительно того, что папа долженъ принести поздравленіе королю по случаю избѣжанія опасности. Но какъ передать это поздравленіе. Здѣсь мнѣнія раздѣлились и были самаго разнообразнаго свойства. Замѣтимъ кстати, что хотя этого и нельзя-бы предположить, однако, свобода преній несомнѣнно существуетъ при дворѣ непогрѣшимаго государя. Самый маленькій прелать, только-бы виднѣлся на немъ вершокъ фіолетовой шелковой ткани, считаетъ долгомъ высказывать свое мнѣніе по поводу какъ важнѣйшихъ, такъ и ничтожнѣйшихъ дѣлъ.

Итакъ, обсуждался вопросъ о лучшемъ способѣ доставленія королю папскаго поздравленія. Пренія начинались у бронзовыхъ дверей, въ швейцарской, продолжались на главномъ дворѣ, между папскими жандармами, принимали болѣе оживленный характеръ въ передней, гдѣ стоятъ *sectiari*'и, становились еще болѣе горячими въ большой залѣ, «благородной гвардіи»; наконецъ, диапазонъ достигаетъ своей самой высокой ноты у дверей папскаго кабинета, въ средѣ нѣкогда всемогущихъ прелатовъ. Чтобы привести образецъ этихъ толковъ, скажемъ только, что одинъ изъ епископовъ посовѣтовалъ Льву XIII отправить одного изъ своихъ приближенныхъ въ Туринъ, для того, чтобы доказать королю Гумберту, что въ Ватиканѣ не утратили хорошей привычки гово-

рять о старой савойской династїи. Левъ XIII улыбулся самой тонкой изъ своихъ улыбокъ и отвѣчалъ: «г. кардиналъ, церковь всегда была матерью науки, слѣдовательно, она не можетъ игнорировать фактовъ; итальянское королевство есть фактъ; мы не признаемъ его въ правовомъ отношенїи, но не можемъ не знать объ его существованїи».

Затѣмъ папа послалъ королю Гумберту письмо въ Неаполь чрезъ посредство кардинала. На адресъ значилось: «Его величеству королю Гумберту I». О королѣ Италїи хотя и не упоминалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ не говорилось болѣе и о королѣ пїемонтскомъ. Это былъ весьма ловкій способъ избѣжать обвиненїй, которыя могли-бы возникнуть съ той или другой стороны.

Папа пошелъ даже далѣе по пути уступокъ, измѣнивъ *mot d'ordre*, данный его предшественникомъ итальянскимъ католикамъ, которымъ предписывалось не избирать и не быть избираемыми. («*Ne eletti, ne elettori*»). Отнынѣ имъ разрѣшалось не только подавать голоса, но и ставить свои кандидатуры, не подвергаясь громамъ церковнымъ.

За послѣднее время отъ него потребовали новой жертвы. Это было по поводу народной переписи. Двѣятельные переговоры начались между муниципальнымъ бюро и папской канцеляріей. Папа кончилъ тѣмъ, что уступилъ, т. е. соизволилъ подчиниться государственному закону. Левъ XIII собственноручно вписалъ въ подлежащую графу слово «папа», обозначая такимъ образомъ свою профессїю, а въ графу о средствахъ существованїя поставилъ слѣдующее остроумное указанїе: «Лептою вѣрныхъ». Какъ видно, заключенїе не портитъ хорошаго расположенїя духа его святѣйшества.

Тѣмъ не менѣе, въ Квириналь никогда не питали иллюзїй по отношенїю къ настроенїю Ватикана и знали, что примиренїе невозможно въ настоящую минуту, о чемъ и скорбѣлъ король Гумбертъ. Одна королева Маргарита долго продолжала надѣяться и ей пришлось испытать горькое разочарованїе. Всѣ заботы и помышленїя ея направлены въ сторону Ватикана. Была минута, когда она думала, что ей будетъ дозволено, по-крайней-мѣрѣ, слушать обѣдню въ папскомъ дворцѣ и самъ папа начиналъ уже уступать, но старшїй духовникъ, неумолимый кардиналъ Билїо, выѣшался въ это дѣло и Ватиканъ не уступилъ. Правда, это еще не очень сурово въ сравненїи съ прежними строгостями. Во времена Виктора-Эмануила и не то видали, но *ge galantuom* утѣшалъ себя, говоря на своемъ пїемонтскомъ нарѣчїи: «*Contace! I spero ben ch'a l'aut mond a sarà nen pajej*», чтó значить: «Чортъ возьми, надѣюсь, что на томъ свѣтѣ

будутъ снисходительнѣе». Королева Маргарита смотритъ на дѣло иначе и никакъ не можетъ утѣшиться.

У Льва XIII былъ преданный и хорошій совѣтникъ, съ которымъ онъ совѣщался во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ. Я разумю кардинала Франки, его статсъ-секретаря. Со времени смерти этого послѣдняго, смерти, которую никто не нашелъ естественной, его мѣсто осталось незанятымъ.

При дворѣ Льва XIII не мало блестящихъ умовъ въ средѣ кардиналовъ, а также нѣтъ недостатка въ тонкихъ дипломатахъ. Одинъ изъ нихъ, кардиналъ Якобини, стремится играть при Левѣ XIII роль кардинала Антонелли при Піѣ IX. Онъ дѣйствительно замѣнилъ Франки въ его должности папскаго статсъ-секретаря, но что касается довѣрія святаго отца, то въ этомъ отношеніи мѣсто покойнаго кардинала осталось не занятымъ и нерѣдко папа оставляетъ его преемника въ неизвѣстности по поводу самыхъ важныхъ вопросовъ. Папа предпочитаетъ болѣ скромныхъ, но и болѣ вѣрныхъ и дѣйствительныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ его политики. Въ теченіи тридцатилѣтняго пребыванія въ Перузѣ, онъ создалъ цѣлое поколѣніе священниковъ, которые счумѣли пріобрѣсть его довѣріе и расположеніе. Они то и могутъ считаться его довѣренными людьми, несмотря на то, что это, какъ ему извѣстно, сильно не нравится въ духовныхъ сферахъ. Онъ не роздалъ приближеннымъ къ нему священникамъ высшихъ постовъ, но окружилъ себя ими какъ часовыми, присутствіе которыхъ можетъ оказаться полезнымъ для распутыванія многихъ интригъ и устраненія многихъ опасностей. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ своихъ частныхъ секретарей. Всегда находясь въ его распоряженіи, они работаютъ въ помѣщеніи, находящемся надъ его спальней и одни знаютъ истинныя мысли своего господина. А потому, хотя втайнѣ и ропщутъ по этому поводу, но отвѣчиваютъ очень низкіе поклоны при видѣ проходящихъ по заламъ Ватикана наперстниковъ Льва XIII, скромныхъ людей, ведущихъ монашескую жизнь среди роскоши папскаго двора.

Замѣчательно также, что въ этой пропитанной силлабусами и непогрѣшимостью папы средѣ существуютъ республиканскія симпатіи, хотя и неопредѣленнаго свойства. Такая аномалія объясняется тѣмъ, что республиканская идея въ Италіи связана съ идеей федерализма и что при раздѣлѣ надѣются получить долю и для Св. Престола. Нѣкоторые полагаютъ, что итальянская монархія одной ногой стоитъ уже въ могилѣ и что итальянскіе католики должны ждать для дѣйствія провозглашенія новаго порядка вещей. Другіе-же сильно сомнѣваются въ этомъ

скоромъ исчезновеніи монархіи. Къ числу этихъ болѣе пронидательныхъ людей принадлежитъ и Левъ XIII. Онъ не находитъ, чтобы выжидательная политика была благоразумна въ этомъ случаѣ и, не желая ждать гипотетическихъ случайностей, дѣйствуетъ сообразно съ этимъ своимъ мнѣніемъ.

А дѣйствуетъ онъ такъ хорошо, что въ ту минуту, когда всего менѣе того ожидали, римскій вопросъ, который считался погребеннымъ на-вѣки, какъ полагали за предѣлами Ватикана, и даже въ средѣ самыхъ ревностныхъ католиковъ, внезапно оказался воскресшимъ. Этому, удивились, конечно не менѣе, чѣмъ въ свое время изумлены были святые жены воскрешеніемъ Лазаря. Неописуемое волненіе охватило Италію и это волненіе отозвалось во всей Европѣ. Въ дипломатическомъ мірѣ только о томъ и говорили. Изъ Лондона отправлялся въ Вѣчный Городъ уполномоченный, г. Эррингтонъ.

Въ Испаніи, одинъ изъ сенаторовъ сдѣлалъ запросъ своему правительству по поводу этого важнаго обстоятельства. Между Берлиномъ и Ватиканомъ такъ и снуютъ посланники. Едва успѣлъ вернуться въ Берлинъ младшій статсъ-секретарь г. Бутъ, какъ уже сообщалось объ отъѣздѣ другого неменѣе интимнаго совѣтника, а именно, Лотара Бухера. Вслѣдъ за нимъ долженъ отправиться г. Шлѣцеръ, котораго ждутъ изъ Вашингтона и который имѣетъ сдѣлаться постояннымъ представителемъ германскаго императора при папскомъ дворѣ.

Послѣ этого понятно смятеніе, господствующее въ Квинналь. Совѣты министровъ слѣдовали тамъ одинъ за другимъ. Въ видахъ успокоенія взволнованнаго общественнаго мнѣнія, король долженъ былъ лично вмѣшаться въ дѣло и ухватился за случай, представляемый ему официальными приѣмами, по поводу новаго года. Возвращаясь къ обычаю своего отца, которому онъ самъ не слѣдовалъ, король Гумбертъ придалъ особую торжественность этимъ церемоніямъ и воспользовался ими для выраженія чувствъ, внушаемыхъ ему положеніемъ дѣлъ, предъ лицомъ высокихъ сановниковъ и представителей государственнаго управления. Намекая на поднятый вновь вопросъ: «это вопросъ, сказалъ онъ съ видомъ рѣшимости и твердости,—самое поднятіе котораго должно бы считаться невозможнымъ въ Италіи».

Посмотримъ-же, подъ вліяніемъ какого могущественнаго и таинственнаго вліянія совершилось важное событіе, болѣе изумительное, чѣмъ даже чудеса, заслужившіе дипломъ на званіе святаго—нищему Лабру и титулъ блаженнаго—испанцу Альфонсу де-Орозко.

III.

Съ той поры, когда папа лишенъ былъ своихъ владѣній, католическая партія не имѣла иной цѣли, кромѣ возвращенія этихъ владѣній. Эта партія постоянно искала борца, который пожелалъ-бы отдать свой мечъ въ распоряженіе Св. Престола. Она хорошо понимала, что достиженіе поставленной цѣли требовало не одной силы идей, но сознавала, что возстановленіе свѣтской власти папы невозможно безъ поддержки со стороны вооруженной силы.

Пятнадцать лѣтъ искала церковь борца, способнаго отмстить за ея пораженія. Если взглянуть на католическія державы въ Европѣ, то увидимъ слѣдующее: Австрія не оправилась отъ испытанныхъ неудачъ; Испанія не пользуется вліяніемъ въ Европѣ и принуждена бороться противъ сильнѣйшихъ внутреннихъ затрудненій. Бельгія и Баварія представляютъ слишкомъ ничтожныя силы. Остается только одна Франція, на которой можно было основывать нѣкоторыя надежды. Поэтому-то дворъ Пія IX не колебался сдѣлать ее полемъ своихъ дѣйствій, а затѣмъ и орудіемъ. Извѣстно, какими громадными средствами располагаетъ клерикальная партія и какое явное и тайное вліяніе оказываетъ она во всѣхъ сферахъ общественной и частной жизни. Были пущены въ ходъ всевозможныя пружины: дворцовыя интриги, ловкое вмѣшательство въ семейныя дѣла; горячія проповѣди; религіозныя манифестаціи, способныя подѣйствовать на умы; паломничества, обширныя подписки на ленту св. Петра; наконецъ, явленія сверхъестественнаго порядка, ловко эксплуатируемые, въ видахъ приланія авторитета чуда требованіямъ церкви.

Страшныя событія 1870 г. не только не лишили надеждъ ультрамонтанство, но, напротивъ, возбудили ихъ съ новой силой и дали ему толчекъ. Самое основаніе республики, которое, по-видимому, должно-бы создать ему важныя препятствія, позволило ему присоединить къ своему дѣлу консерваторовъ, которыхъ пугали успѣхами радикализма и монархическія партіи, которымъ обѣщали тайную поддержку.

Въ то-же время, ловко пользуясь столь естественнымъ для Франціи чувствомъ злобы къ ея побѣдителямъ, союзникамъ Италіи, папа старался обратить на служеніе своихъ цѣлей чувство оскорбленнаго патріотизма. Въ Германіи насчитываютъ около четырнадцати милліоновъ католиковъ, что составляетъ немаловажныя силы, симпатіи которыхъ могли-бы оказаться

весьма цѣнными въ данную минуту и которыя до тѣхъ поръ могли-бы причинить серьезныя затрудненія германскому правительству.

И вотъ немедленно объявляется война между этимъ послѣднимъ и католическимъ духовенствомъ. Дѣйствительно, какъ только стало ясно, что новая имперія ничего не сдѣлаетъ въ пользу папы, а ультрамонтанство избрало Францію центромъ своихъ дѣйствій, германское духовенство приняло явно враждебное положеніе относительно единства Германіи. Повсюду поощряло оно партикуляристскія тенденціи; въ Эльзасѣ оно тѣсно сплотилось съ партіей протеста, въ рейхстагѣ оно поддержало требованія Польши и Даніи и такимъ образомъ заключило союзъ со всѣми врагами имперіи.

Бисмаркъ энергически указывалъ на это обстоятельство въ прусской палатѣ господъ уже начиная съ сессіи 1872 г. «Религіозный миръ, сказалъ онъ,—былъ смущенъ впервые послѣ войны съ Австріей, послѣ того, какъ претерпѣла пораженіе держава, служившая оплотомъ римскому вліянію въ Германіи и послѣ того, какъ на горизонтѣ ясно обрисовалась будущность евангелической Германіи. Спокойствіе утратилось, когда и вторая католическая держава послѣдовала по пути первой, а Германія сдѣлалась первой военной державой въ настоящее время, и если Богу будетъ угодно, то и надолго». Почти въ то-же время онъ писалъ графу Арниму въ конфиденціальной депешѣ, что «рѣшенія послѣдняго совѣта имѣли слѣдствіемъ повсемѣстную замѣну папской власти епископской юрисдикціей; что епископы сдѣлались простыми орудіями, агентами безъ всякой отвѣтственности; что они сдѣлались по отношенію къ правительствамъ должностными лицами государя, который, въ силу своей непогрѣшимости, есть абсолютный монархъ, болѣе абсолютный чѣмъ всѣ остальные монархи въ цѣломъ мірѣ». Въ слѣдующемъ году онъ слѣдующимъ образомъ подчеркивалъ ту-же мысль въ палатѣ депутатовъ: «вѣтиканскій соборъ имѣлъ для насъ весьма важныя послѣдствія. Отнынѣ мы не можемъ издать ни одного закона, безъ того, чтобы онъ не былъ одобренъ папой, или, по-крайней-мѣрѣ, мы не будемъ имѣть право издавать закона, отвергнутаго папой. Подобное положеніе возможно лишь въ клерикальномъ государствѣ, и желаютъ распространить клерикальную систему на цѣлый міръ». Итакъ, въ Германіи, какъ, впрочемъ, и повсюду, католическая церковь, вызванная на борьбу кризисомъ папства, пользуясь болѣею независимостью, значительнымъ вліяніемъ на преподаваніе, опираясь на монастыри и духовныя братства, ежедневно растуція въ числѣ, владея

матеріальными средствами, также постоянно умножаемыми, грозила сдѣлаться для государства если не настоящей грозой, то, по крайней мѣрѣ, большимъ затрудненіемъ.

Бисмаркъ рѣшился принять наступательное положеніе и предпринялъ жестокую борьбу, названную имъ борьбой за цивилизацію, или культуркампеомъ.

Но дѣйствительно-ли намѣревался онъ отстаивать священное дѣло цивилизація? Это должно было показать будущее. А до тѣхъ поръ каждый имѣлъ право изумляться. Германія не принадлежитъ къ числу тѣхъ рыцарскихъ націй, которыя способны братья за идею, какъ-бы великодушна не была эта идея, а могучій политическій дѣятель, руководящій Германіей, не отличается энтузіазмомъ къ великимъ принципамъ свободы и прогресса. До сихъ поръ специальность такого донъ-кихотства представлялась Франціи.

Извѣстны пресловутые духовные законы, утвержденные въ маѣ 1873 г. и которыми отвѣчалъ Бисмаркъ на вызовы своихъ противниковъ. Канцлеръ имѣлъ въ виду не однѣ враждебныя дѣйствія, могущія проявиться, и не одно освобожденіе школы отъ вѣрительнаго вліянія, онъ предоставлялъ правительству право обсуждать и запрещать новые католическіе догматы, уничтожить право отлученія отъ церкви, воспитывать священниковъ въ университетахъ, безусловно регулировать религіозное обученіе, назначать лицъ духовнаго вѣдомства чрезъ посредство губернаторовъ провинцій, однимъ словомъ, секуляризировать вполнѣ католическое духовенство и подъ страхомъ строгой кары предписать ему ученіе, находящееся въ очевидномъ противорѣчій съ ученіями Св. Престола.

Въ видѣ санкціи вышеуказанныхъ законовъ, послѣдовали преслѣдованія епископовъ. Ихъ присуждали къ громаднымъ денежнымъ пенямъ, сожали въ тюрьмы, лишали окладовъ и мѣсть.

Имущество духовенства подвергалось секвестру и добровольныя приношенія были запрещены.

Тѣмъ не менѣе ультрамонтанская партія не только не стиралась, но гремѣла болѣе чѣмъ когда-либо. Не ограничиваясь оборонительной позиціей, она беспощадно нападала на своихъ враговъ, слѣдуя, впрочемъ, приказу и примѣру, исходившимъ изъ Рима.

Принимая германскихъ богомольцевъ въ маѣ 1877 г. Піи IX грозно обратилъ перстъ свой по направленію къ Берлину и произнесъ слѣдующія, указывавшія, до какой степени онъ бравировалъ гнѣвъ Бисмарка, слова: «Я слышалъ отъ честныхъ и добрыхъ католиковъ, что необходимо явиться кому-нибудь, что»

бы пробудить бездѣйствующіе народы. И вотъ возсталъ Господь и послалъ бѣдствія, на подобіе тѣхъ, которыя посылались имъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Тогда онъ явилъ Атиллу, а въ настоящее время пробудилъ великодушную германскую націю при помощи новаго Атиллы. Этотъ новый Атилла полагалъ, что разрушилъ, а вмѣсто того возсоздалъ. Этотъ новый Атилла, стремившійся всѣми средствами уничтожить по всей вселенной вѣру Христа, придалъ ей лишь новую силу».

Если вѣрно то, что преслѣдованія Бисмарка не имѣли большого успѣха, то не менѣе справедливо и то, что еще менѣе успѣха имѣли клерикальные происки, театромъ которыхъ была Франція. Предполагать, что эта страна могла ополчиться и стать подъ знамена ультрамонтанства, это значило имѣть весьма противное о ней понятіе. Успѣхи свѣтскаго духа въ ней такъ значительны, что въ настоящую минуту, изъ всѣхъ католическихъ державъ, Франція можетъ быть дѣйствительно менѣе всего клерикальна. Ультрамонтаны составляютъ въ ней лишь слабое меньшинство, не оказывающее никакого серьезнаго вліянія на современное демократическое общество. Это весьма рѣзко выразилось во время выборовъ 1876 г. когда населеніе дѣйствительно высказалось противъ клерикализма. Мы видѣли это снова во время голосованія 14 октября 1877 г., когда всѣ епископы, поддерживаемые правительствомъ 16 мая, обратили на защиту реакціи всѣ силы, находящіяся въ распоряженіи церкви и государства. Въ томъ и другомъ случаѣ неудача, постигшая клерикализмъ, была настолько-же поразительна, насколько и знаменательна. Послѣ всего этого можно-ли еще рассчитывать заставить Францію предпринять крестовый походъ въ его пользу.

Но въ то самое время, какъ послѣднія клерикальныя иллюзіи исчезали со стороны Франціи, непредвидѣнная эволюція совершалась по ту сторону Рейна. Между тѣмъ, какъ французская республиканская партія, несомнѣнно овладѣвъ страной, избрала своимъ девизомъ: «Клерикализмъ—вотъ гдѣ врагъ»; нѣмецкой культуркампфъ склонялся предъ клерикализмомъ и Атилла капитулировалъ предъ ватиканскимъ властителемъ.

Что-же такое произошло и чѣмъ объяснить такой внезапный поворотъ. Мы можемъ дать себѣ отчетъ въ этомъ, не иначе, какъ выяснивъ прежде всего истинныя причины, внушавшія культуркампфъ.

IV.

На самомъ дѣлѣ, культуркампъ былъ для германскаго канцлера лишь дипломатическимъ средствомъ, предназначеннымъ для прикрытія и содѣйствія его внутреннимъ и вѣшнимъ замысламъ. Война, объявленная имъ церкви, была стратегическимъ приемомъ болѣе общей борьбы, которая велась противъ партикуляризма и въ то-же время доставляла относительно Франціи предлогъ и поводъ для новаго Столкновенія, на случай, если таковое сочтено будетъ полезнымъ.

Съ этой двоякой цѣлью, онъ громко провозгласилъ ультрамонтанскую партію сообщницей всѣхъ тѣхъ, кто враждебенъ германскому единству и союзницей исконнаго врага, который, потерпѣвъ пораженіе при Седанѣ, стремился къ реваншу. «Я ни на минуту не сомнѣваюсь, говорилъ Бисмаркъ во время сессіи 1872 г.,—что желаемый Франціей реваншъ, будетъ подготовленъ посредствомъ религиозныхъ затрудненій для Германіи. Хотятъ парализовать германское единство. Значительная доля католическаго духовенства, руководимаго изъ Рима, служитъ цѣлямъ французской политики, по той причинѣ, что сюда примѣшиваются попытки возстановленія церковной области».

Бисмаркъ видѣлъ въ занятомъ имъ положеніи возможность разбить на двѣ части партикуляристскую партію, либеральные элементы которой отдѣлились отъ чистыхъ католиковъ, не желая, чтобы ихъ смѣшивали съ тѣми, на которыхъ само правительство указывало какъ на враговъ родины и современной цивилизаціи. Онъ удовлетворялъ въ то-же время національ-либераловъ, требованія которыхъ стѣсняли его и которыми онъ давалъ пищу для ихъ унитарной политики и анти-религиозныхъ страстей. Наконецъ, онъ будилъ снова опасенія пангерманизма, указывая ему на тайный союзъ Франціи и ультрамонтанства, какъ на постоянную опасность.

Ловкій канцлеръ давалъ также понятъ протестантамъ, что Германская имперія должна стремиться къ созданію настоящаго евангелическаго государства, предназначеннаго быть повсюду представителемъ протестантской идеи и довершать торжество ея надъ послѣдними усиліями римской теократіи. Такимъ путемъ онъ удвоилъ силу импульса національныхъ страстей, соединивъ къ нимъ и религиозныя страсти.

Съ той поры ему уже не трудно было убѣждать парламентъ и общественное мнѣніе, что отнятіе у клерикализма оружія, мо-

гущаго служить противъ германской имперіи и германскаго единства, есть дѣло вѣры и любви къ родинѣ.

Въ своей маккиавелистической предусмотрительности, Бисмаркъ рассчитывалъ, что гонимое и обвиняемое духовенство предастся излишествамъ, которыя еще болѣе скомпрометируютъ его; что ультрамонтанская партія, избравшая Францію главнымъ полемъ своей дѣятельности, неминуемо вызоветъ тамъ движеніе общественнаго мнѣнія, а можетъ быть и неосторожныя поступки, которыми воспользуется берлинская дипломатія, чтобы основать на нихъ болѣе или менѣе основательныя причины неудовольствія. Съ другой стороны подобная политика имѣла еще и то преимущество, что дѣлала канцлера, хотя-бы по внѣшности, борцомъ во имя либеральныхъ принциповъ противъ реакціонныхъ основъ силлабуса и во имя протестантскихъ идей противъ папской власти, чѣмъ достигалась группировка подъ знаменами культуркампфа всѣхъ противниковъ папства и противопоставленіе ультрамонтанской коалиціи не менѣе могущественнаго союза воинствующаго протестантства.

Вотъ истинные мотивы бисмарковской дѣятельности на этомъ поприщѣ; вотъ тотъ ужасный планъ, который прикрывался его религіозной политикой. Находили, что онъ пускалъ въ дѣло слишкомъ сильныя средства для достиженія своей цѣли, не колеблясь нарушалъ самыя элементарныя понятія современнаго права. Но Бисмаркъ ничего не дѣлаетъ безъ причины. Онъ, безъ сомнѣнія, не менѣе другихъ сознаетъ, что его суровыя мѣры противъ церкви во многомъ превосходятъ мѣру справедливости и разсудительности, но онъ, очевидно, стремился не столько къ подчиненію, сколько къ раздраженію католической партіи и къ вовлеченію ея въ излишества, изъ которыхъ онъ могъ-бы извлечь выгоды для своей политики.

Этому плану не доставало, однако-же, важнаго условія, необходимаго для его успѣха. Для того, чтобы большинство германскаго народа продолжало оказывать поддержку замысламъ канцлера, необходимо было, ради скрѣпленія союза, дать ему нѣкоторое болѣе положительное удовлетвореніе. Чтобы въ концѣ-концовъ не стали смотрѣть на культуркампфъ, какъ на простое надувательство, слѣдовало-бы, чтобы рядомъ со строгостями противъ католиковъ шло и постепенное развитіе учреждений. За отсутствіемъ-же этого затрудненія, встрѣчаемые культуркампфомъ, и отпоръ, даваемый партикуляристами, должны были усложниться еще недовольствомъ либераловъ, а все вмѣстѣ—упадкомъ промышленности, плохимъ состояніемъ финансовъ, наконецъ, социалистической агитаціей.

Прошло не много лѣтъ со времени основанія германской имперіи, а проницательные политики уже констатировали существованіе кризиса, находящагося, такъ-сказать, еще въ расплавленномъ состояніи, но могущаго при малѣйшемъ серьезномъ поводѣ перейти въ острую форму. Этотъ переходъ совершился еще ранѣе, чѣмъ то можно предположить. Положеніе дѣлъ было таково, что въ 1878 г., менѣе года спустя послѣ общихъ выборовъ, правительство увидѣло себя вынужденнымъ распустить рейхстагъ и сдѣлать новый призывъ въ странѣ. Почему-же оно обратилось къ этой крайней мѣрѣ, всегда серьезной сама по себѣ, въ томъ смыслѣ, что она указываетъ на непримиримое несогласіе между исполнительною и законодательною властью? Судя по чисто-внѣшнимъ фактамъ, можно было отвѣтить, что такъ-какъ большинство не приняло законопроектовъ канцлера по части измѣненія системы налоговъ и отказалось вотировать законъ противъ социалистовъ, то приходилось взять въ судьи избирателей. Офиціозныя газеты прибавляли, что покушеніе на жизнь императора, совершенное Нобилингомъ нѣсколько дней спустя послѣ покушенія Геделя, указываетъ на существованіе опасности для общества, а потому правительство должно было просить у страны нравственной и матеріальной поддержки, которой, по его мнѣнію, не давало ему въ достаточной степени парламентское большинство.

Дѣйствительно-ли въ этомъ было дѣло? За исключеніемъ социалистовъ, ни одна изъ партій, имѣющихъ представителей въ рейхстагъ, не отказывала въ содѣйствіи рейхстагу. Оппозиція большинства проявилась лишь по поводу выбора средствъ и если предложенный правительствомъ законъ былъ отвергнутъ, то это произошло единственно по той причинѣ, что подъ предлогомъ мѣръ противъ социализма, законъ этотъ серьезно нарушалъ свободу печати, собраній и ассоціацій. Разногласіе между канцлеромъ и рейхстагомъ по вопросу о налогахъ касалось также не одного только фискальнаго вопроса, допускавшаго соглашеніе, а затрогивалъ органическія учрежденія. Либеральное большинство не отказывалось увеличить государственные доходы, въ видахъ уравниженія бюджета, но оно требовало, въ то-же время, конституціонныхъ гарантій для правъ и преимуществъ представителей націи. Слѣдовательно, инциденты, породившіе столкновеніе, были сами только слѣдствіемъ болѣе общей причины, существовавшей и дѣйствовавшей съ давнихъ поръ. Вопросъ, въ томъ видѣ, какъ онъ стоялъ тогда и какъ стоитъ еще и теперь, заключается въ самой конституціи, правящей Германіей; онъ заключается въ направленіи внутренней

политики имперіи. Тогда, какъ и теперь, шла рѣчь о томъ, восторжествуетъ-ли принципъ авторитаризма или принципъ свободы, духъ реакціи или духъ прогресса.

Въ Германіи никто и не ошибался относительно истиннаго значенія кризиса и характера борьбы, которая должна была загорѣться между нѣмецкимъ либерализмомъ и консерватизмомъ. Соціальная опасность была лишь предлогомъ и пугаломъ, которыми пользовалось правительство для своихъ цѣлей.

Выборы 1878 г. не отвѣчали надеждамъ, возлагавшимся на нихъ правительствомъ. Всѣ партіи, входившія въ составъ распущеннаго рейхстага, вернулись почти при сходныхъ условіяхъ и съ тѣми-же силами, которыми располагали ранѣе. Положеніе, слѣдовательно, не измѣнилось, оно представило только ту особенность, что избирательная борьба обострила существовавшія несогласія и возбудила страсти и злобу, которые, конечно, весьма нелегко будетъ утишить.

Что-же оставалось дѣлать императорскому правительству? По-прежнему оно не имѣло въ своемъ распоряженіи партіи, на которую дѣйствительно могло-бы рассчитывать и ему приходилось или еще разъ распустить парламентъ, или войти въ соглашеніе съ одною изъ большихъ фракцій собранія, чтобы найти въ ней недостающую ему поддержку.

Вторичное распушеніе парламента было-бы мѣрой, на успѣхъ которой едвали можно было рассчитывать, такъ-какъ впечатлѣніе, произведенное полушеніями Гёделя и Нобилинга значительно улеглось-бы ко времени новыхъ выборовъ и общественное мнѣніе, успокоившись и придя въ себя, едвали-бы болѣе вѣрную оцѣнку положенія вещей.

Итакъ, Бисмарку оставалось только второе изъ только-что указанныхъ средствъ—пріобрѣтеніе содѣйствія и голосовъ одной изъ крупныхъ парламентскихъ партій. Но къ кому обратиться? Если собрать всю имперскую партію и различныя отдѣлки собственно-консервативной партіи, то получилось-бы менѣе трети 397 членовъ рейхстага. На эти элементы, хотя и можно опираться въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но они всегда были слишкомъ разнородны, слишкомъ несогласны по всемъ существеннымъ вопросамъ, чтобы быть въ состояніи образовать зерно сплоченнаго большинства. Дѣйствительно сильныхъ партій, представляющихъ болѣе опредѣленные принципы, только двѣ; съ одной стороны—либеральная партія, распадающаяся на націоналовъ и прогрессистовъ, а съ другой—центръ, составленный, главнымъ образомъ, изъ католиковъ.

Бисмаркъ въ союзѣ съ католиками! Мыслимое-ли это дѣло

Всѣмъ памятенъ его гнѣвъ не только противъ французскаго правительства, но и противъ многихъ другихъ, подозрѣваемыхъ имъ въ уступкахъ клерикальному вліянію. Съ какимъ презрѣніемъ еще недавно говорили его оффиціозы о французскихъ консерваторахъ, искавшихъ поддержки у духовенства, чтобы бороться противъ республиканцевъ. Кто не помнитъ высокаго порыва краснорѣчія, съ которымъ онъ провозгласилъ въ парламентѣ *non possumus* имперіи противъ папства, воскликнувъ: «Не бойтесь, чтобы не случилось, мы не пойдемъ въ Каноссу!» Пришедшая въ восторгъ Германія начертала эти горделивыя слова на памятникѣ, который передастъ память о нихъ потомству.

И вотъ теперь, по странной прихоти судьбы, отъ этихъ словъ отрекаются, а въ памятникъ, такъ-скавать, бросаютъ грязью, предъ лицомъ Германіи и цѣлаго міра. Это верхъ безумія, можно-бы сказать, но нѣтъ, это не безуміе, а оппортюнизмъ. Если-бы политика канцлера основывалась на принципахъ, то подобное отреченіе отъ самыхъ энергическихъ и торжественныхъ заявленій было-бы необъяснимо. Но такъ-какъ для него потребности минуты преобладаютъ надъ всякими другими соображеніями, то почему-же ему и не отправиться въ Каноссу, если это имъ сочтено будетъ полезнымъ для его политическихъ цѣлей. Если такое путешествіе можетъ вывести его изъ затрудненія, то почему-бы ему и не послѣдовать примѣру французскаго короля Гейнриха IV, положившаго начало оппортюнизму слѣдующими знаменитыми словами: «Парижъ стоитъ обѣдни».

Ему тому-же съ небомъ допускаются сдѣлки. Ему смягчать суровость пути. Германскій императоръ, по имени также Гейнрихъ и также IV принужденъ былъ принести покаяніе свое, идя по снѣгу, босой и въ одной рубашкѣ. Его продержали цѣлую ночь на морозѣ, въ ожиданіи минуты, когда св. отецъ согласится принять его. Ну кающійся канцлеръ можетъ быть увѣренъ, что съ нимъ обойдутся вѣжливѣе, чѣмъ со средневѣковымъ кесаремъ.

Его не заставляютъ мерзнуть на снѣгу; почтутъ себя счастливыми, что довели его до сокрушенія сердечнаго. Быть можетъ даже, папа выѣдетъ къ нему навстрѣчу до половины дороги.

Преемникъ Пія IX, какъ увѣрили, отличался болѣе миролюбивымъ настроеніемъ. Левъ XIII уже успѣлъ обвиняться съ императоромъ Вильгельмомъ, по поводу равныхъ обстоятельствъ, нѣсколькими изысканно-любезными письмами, доказывавшими желаніе сближенія. Берлинскій дворъ видимо склонялся къ этому сближенію. Императрица германская, сочувствующая старымъ порядкамъ и противница всякихъ религиозныхъ преслѣдованій,

стала во главѣ движенія. Она выступила на борьбу уже съ самаго начала культуркампа. Сгруппировавъ вокругъ себя почти весь дворъ, всѣхъ недовольныхъ, завистниковъ, обойденныхъ, она сдѣлалась душою одного изъ тѣхъ маленькихъ дворцовыхъ заговоровъ, какіе составлялись въ послѣднее время наполеоновской имперіи вокругъ императрицы Евгении и вліяніе которыхъ, постепенно усиливаясь, дошло до того, что давало отпоръ даже самымъ вліятельнымъ министрамъ. Борьба, возникшая въ Берлинѣ, прошла чрезъ разнообразныя перипетіи: будированіе, поѣздки, импровизованныя болѣзни, внезапные выходы въ отставку, театральные эффекты; все это приводило дворъ и императрицу къ тому, что принято называть *jours des dupes*, а говоря по-русски, оставляло ихъ самихъ въ накладѣ; для канцлера-же оканчивалось несомнѣнной побѣдой. Но вотъ отрывается новый фазисъ, побѣжденные оказались наканунѣ блестящаго реванша. Во всякомъ случаѣ Левъ XIII не могъ рассчитывать на болѣе горячихъ и могущественныхъ защитниковъ.

V.

Мы уже указали на внѣшне-политическія причины, обусловившія культуркампъ, а также и на тотъ обширный планъ, въ составъ котораго входила эта борьба. Откажется-ли Бисмаркъ отъ своего макіавелевскаго плана, будучи вынужденъ принести въ жертву требованіямъ внутренней политики интересы иностранной политики своей?

До той поры канцлеръ выказывалъ видимое недоброжелательство къ французской реакціи, и наоборотъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заявлялъ о своемъ сочувствіи къ республикѣ. Этимъ сочувствіемъ онъ проникся еще съ той поры, когда провозглашено было низложеніе императора Наполеона.

Съ какою-же цѣлью благопріятствовалъ онъ въ то время новой формѣ правленія? На этотъ вопросъ имѣется отвѣтъ въ собственныхъ и весьма категорическихъ депешахъ его. Онъ благопріятствовалъ ей, потому-что ожидалъ отъ нея много зла для Франціи и много выгодъ для собственной націи.

Говорятъ, что однажды, во время перемирія, онъ принималъ въ своей маленькой походной квартиркѣ, въ Версалѣ, вліятельнаго политическаго дѣятеля, который любопытно хотѣлъ узнать его мнѣніе объ этомъ предметѣ. Такъ-какъ его рабочій кабинетъ оказался слишкомъ тѣснымъ, онъ пригласилъ гостя въ свою спальню, и, войдя вслѣдъ за нимъ, немедленно направилъ

ся къ занавѣсамъ своей кровати, которыя отдернулъ рѣзкимъ движеніемъ, какъ-бы для того, чтобы убѣдиться, что тамъ никого нѣтъ: «Не обращайтесь на это вниманія, сказалъ онъ смѣясь,—это предосторожность, которую я соблюдаю всегда съ тѣхъ поръ, какъ нашелъ однажды иностраннаго агента въ своемъ альковѣ, въ Берлинѣ». Затѣмъ онъ сѣлъ и объяснилъ гостю самымъ пространнымъ и подробнымъ образомъ, подкрѣпляя свои слова разными соображеніями и заливая ихъ киршевымъ грогомъ, въ размѣрѣ пяти-шести стакановъ,—что не будетъ содѣйствовать никакимъ монархическимъ попыткамъ во Франціи, по той причинѣ, что этого не дозволяетъ ему патріотизмъ, такъ-какъ Германія не можетъ желать ничего лучшаго для Франціи, какъ именно республику.

Позднѣе, дерзкіе происви клерикализма у сосѣдней націи, его все болѣе и болѣе вызывающій тонъ, подтвердили это отношеніе канцлера и покровительство, оказанное имъ республиканцамъ, вошло въ составъ плана культуркампфа наравнѣ съ законами, изданными противъ германскихъ католиковъ.

Однимъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ этой борьбы былъ процессъ Арнима.

Графъ, человѣкъ весьма остроумный, но поверхностный наблюдатель, ничего не понялъ изъ истинныхъ намѣреній правительства, представителемъ котораго былъ въ Парижѣ. Къ тому-же его поддерживала императрица и онъ выказалъ себя сторонникомъ противоположной политики. Поймавъ его съ поличнымъ, канцлеръ не колебался ни минуты; онъ раздавилъ какъ муху посланника, позволявшаго себѣ такъ плохо понимать его намѣренія и имѣть свои собственные идеи. Не довольствуясь однимъ отозваніемъ, онъ преслѣдовалъ его судомъ, велѣлъ приговорить къ тюрьмѣ и затѣмъ съ новою энергіей продолжалъ свою политику. Во время выборовъ 1877 г. онъ приказалъ своимъ главнѣйшимъ органамъ стоять на сторонѣ 363; онъ пошелъ далѣе, приказавъ заявлять, что успѣхъ консерваторовъ охладитъ отношенія между Германіей и Франціей.

Съ тѣхъ поръ положеніе значительно измѣнилось. Съ одной стороны республика, вмѣсто того, чтобы привести къ полному распаденію французской націи, какъ надѣялись по ту сторону Вогезовъ, явилась цѣлебнымъ источникомъ, воскресившимъ силы Франціи. Съ другой стороны и клерикализмъ былъ побѣжденъ въ ней одновременно съ Макъ-Магономъ. Какой-же интересъ Бисмарку продолжать нападать на него? Культуркампфъ былъ въ рукахъ канцлера оружіемъ, направленнымъ противъ искон-

наго врага. Теперь это оружіе сдѣлалось бесполезнымъ. Его можно сдать въ «Музей государей».

Въ одной берлинской корреспонденціи, помѣщенной въ итальянскомъ «Diritto», подъ заглавіемъ «Каносса или Авиньонъ» и надѣлавшей много шума, нѣсколько недѣль тому назадъ, взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «Въ 1881, какъ и въ 1871 году Бисмаркъ и Гамбетта являются лицами, исключаящими одно другое». Предпринимая борьбу противъ католицизма въ Германіи, Бисмаркъ мѣтилъ во Францію; точно такъ-же и теперь онъ хочетъ воспользоваться католицизмомъ опять-таки во вредъ ей-же. Достаточно было Франціи запереть монастыри, чтобы Германія открыла свои; стоило Франціи оттолкнуть отъ себя католическій санатизмъ, чтобы Германія протянула ему руку, потому что, какъ мы уже сказали, дѣло шло не столько объ отмѣнѣ майскихъ законовъ, сколько о возстановленіи папскаго вопроса. Въ 1871 г. Бисмаркъ усерднѣе, чѣмъ кто-либо, побуждалъ короля Виктора-Эмануила овладѣть Римомъ; онъ дѣлалъ это потому, что въ то время Франція еще не переставала быть «старшей дочерью церкви»: теперь, когда Франція отказалась отъ этого титула, чтобы предаться свободомыслію, Бисмаркъ полагаетъ, что настала минута для лютеровою и реформаціонной Германіи занять это привилегированное мѣсто.

Вѣдь и исторія указываетъ, что древняя германская имперія именовалась священной римской имперіей; она указываетъ также, что вопреки войнамъ изъ-за инвеституры и супрематіи между папами и императорами, католицизмъ служилъ накопленію имперскаго феодализма; что императорская власть, доведенная до высшей точки католикомъ Карломъ V, была унижена даже въ его лицѣ мятежами реформатовъ и нассаусскимъ миромъ, затѣмъ поколеблена тридцатилѣтней войной, ограничена вестфальскимъ миромъ и въ концѣ-концовъ уничтожена, хотя и не явно, и приведена къ нулю политическимъ расколомъ протестантскихъ князей. Однимъ словомъ, прошлое говоритъ намъ, что вопреки дробящему духу феодализма, католицизмъ создалъ, а протестантизмъ разрушилъ Германію.

И это потому, что католицизмъ есть дѣйствительно авторитарная и объединяющая религія, а протестантизмъ—религія свободнаго обсужденія и партикуляризма; это видно изъ природы вещей, объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія и это хорошо извѣстно Бисмарку.

А потому-то, какъ ни горяча личная вѣра императора Вильгельма, германское правительство не можетъ не видѣть, до какой

степени трудно и невѣрно основываніе имперіи именно на такихъ нравственныхъ и религіозныхъ данныхъ, которыя были причиной ея потрясеній и распада. Однако, вначалѣ князь Бисмаркъ, повидимому, надѣялся на успѣхъ, но энергія католическаго отпора и пробужденіе партикуляристскихъ тенденцій должны были поколебать его надежды и заставить спросить себя, не ошибся-ли онъ въ выборѣ пути, рѣшившись дѣйствовать вопреки урокамъ исторіи. Эти уроки прошлаго, вмѣстѣ съ предостереженіями настоящаго, привели канцлера къ сознанию тѣсной связи, существующей между католическимъ вопросомъ и довершеніемъ германскаго единства. Дѣйствительно, Бисмаркъ не можетъ не видѣть, что объединеніе Германіи еще не окончено, а желѣзная воля его рѣшила, что оно должно быть доведено до конца. Оно не полно относительно учрежденій и это доказывается, наприимѣръ, послѣднимъ императорскимъ рескриптомъ; нѣтъ ничего страннѣе и анархичнѣе по формѣ этого документа, въ которомъ германскій императоръ поучаетъ и предостерегаетъ законодательныя собранія имперіи, въ качествѣ короля прусскаго. Оно не полно и матеріально, такъ какъ существуютъ нѣмецкія страны, не входяція въ составъ Германіи.

Завершая территориальное объединеніе, о которомъ онъ мечтаетъ, Бисмаркъ думаетъ тѣмъ самымъ внести стройность и въ учрежденія. Ему необходимо, слѣдовательно, завоевать разсѣянные германскіе элементы, иначе говоря, нѣмецкія владѣнія Австріи, которую канцлеръ все болѣе и болѣе толкаетъ на востокъ, гдѣ предлагаетъ широкое вознагражденіе.

Эти нѣмецкіе элементы, которые должны быть завоеваны, а прежде всего привлечены, по болѣшей части, суть и элементы католическіе. Желать ихъ присоединенія и начинать съ утѣшенія ихъ религіи не можетъ считаться предусмотрительной политикой. Напротивъ, предложить имъ религіозныя гарантіи туманную приманку католическаго преобладанія въ цѣлой Германіи,—это гораздо болѣе согласно съ характеромъ идей государственнаго человѣка, предпринявшаго объединеніе Германіи и рѣшившагося довершить его.

Вотъ почему, въ какомъ смыслѣ и въ виду какой развязки, повернулъ Бисмаркъ спину культуркампоу и направился въ Каноссу.

VI.

Итакъ, начались переговоры между Берлиномъ и Ватиканомъ. Бисмаркъ имѣлъ множество свиданій съ представителями Св.

Престола. Но результаты заставили себя ждать. Папская дипломатія придерживается одного девиза съ Бисмаркомъ: «Do ut des» (Даю, чтобы и ты мнѣ далъ). А на самомъ дѣлѣ каждый хочетъ получить все и дать какъ можно менѣе.

Папа требовалъ, прежде всего, отмѣны майскихъ законовъ. Канцлеръ выказывалъ склонность къ ихъ смягченію. Онъ не рѣшался, однако-же, лишить себя окончательно оружія, выкованнаго цѣною такихъ тяжелыхъ усилій. Онъ намѣревался сохранить букву этихъ законовъ, измѣняя духъ смотря по обстоятельствамъ, что означаетъ: смотря по образу дѣйствій папской куріи и германскихъ католиковъ.

Цѣлые четыре года длилась эта игра и вопросъ не подвинулся ни на одинъ шагъ къ своему рѣшенію. Тѣмъ временемъ наступили новые выборы въ рейхстагъ. Результаты ихъ извѣстны. Бисмаркъ далъ жестокое сраженіе либеральной партіи и претерпѣлъ ужасное крушеніе.

Необходимость придти къ чему-нибудь на религіозной почвѣ заявляла о себѣ громче чѣмъ когда-либо. Прогрессивистская партія росла въ числѣ и становилась все болѣе и болѣе непримиримой, католическая партія, сознавая себя болѣе необходимой чѣмъ когда-либо, удваивала свои требованія. Не успѣлъ собраться парламентъ, какъ уже канцлеръ получилъ весьма знаменательное предостереженіе.

Не желая ждать отмѣны пресловутыхъ майскихъ законовъ отъ доброй воли Бисмарка, глава центра Виндгорстъ, бывшій министръ ганноверскаго короля, внесъ предложеніе въ этомъ смыслѣ. Шорлемайръ поддержалъ его своимъ краснорѣчіемъ: «Есть-ли необходимость доказывать жестокость закона, ставящаго духовенство между долгомъ и изгнаніемъ, не давая никакой возможности выйти изъ такой дилеммы. Когда въ общинѣ, лишенной своего пастыря, священникъ отправляетъ богослуженіе, молится съ своей паствой за императора и императорскій домъ, а также и за благо родины; когда духовный несетъ умирающимъ утѣшенія религіи и улаживаетъ ихъ послѣднія минуты, вы называете это превышеніемъ власти, вы караете его высылкой, даже полнымъ изгнаніемъ, и это не послѣ слѣдствія и суда, а въ силу простого полицейскаго постановленія!.. Я спрашиваю васъ, можетъ-ли не выполнить священникъ какой-либо изъ этихъ обязанностей? И отвѣчаю нѣтъ, полагая, что если кто-нибудь изъ васъ находился-бы въ положеніи католическаго священника, призываемаго въ общину, лишенную своего пастыря, или къ постели умирающаго, то вы пошли-бы, несмотря на грозящія вамъ высылки, ссылки, изгнанія!»

Пренія продолжались два дня. Попавшій въ своего рода западню Бисмаркъ могъ только воздержаться отъ участія въ нихъ. Онъ ни на минуту не появлялся въ рейхстагъ. Замѣнявшее его лицо со всѣхъ сторонъ просили принять участіе въ преніяхъ, но это лицо отвѣчало, что правительство не находитъ нужнымъ подавать своего мнѣнія.

Не особенно характерно было поведеніе самыхъ различныхъ партій, слившихся въ общемъ чувствѣ и во имя того, что система исключительныхъ законовъ невозможна съ точки зрѣнія права и представляетъ опасность для всѣхъ. Демократы, социалисты, поляки, эльзасцы, часть прогрессистовъ и сепеціонистовъ примкнули въ католическому центру и обеспечили предложенію Виндгорста сто голосовъ большинства. Не нашлось ни одной партіи и ни одного оратора, которые захотѣли-бы одобрить законъ, считавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ прогрессивной мѣрой и условіемъ *sine qua non* величія и прочности имперіи.

Ударъ не могъ не быть чувствительнымъ для Бисмарка. Тактика, которой онъ слѣдовалъ съ самаго начала переговоровъ съ церковью, заключалась въ томъ, чтобы отдѣлить папу отъ католическаго центра, рассчитывая этимъ путемъ сдѣлать ихъ сговорчивѣе и воспользоваться папою для униженія католическаго центра. Онъ изображалъ центръ опаснымъ союзникомъ для Св. Престола и старался опираться исключительно на Римъ, чтобы оказывать политическую оппозицію въ Берлинѣ. Если-бы Левъ XIII захотѣлъ отдѣлить церковную политику свою отъ чисто-парламентскихъ интригъ центра, въ такомъ случаѣ канцлеръ щедрой рукой разсыпалъ-бы обѣщанія. Устами краснорѣчивыхъ пословъ своихъ, Бисмаркъ говорилъ Льву XIII, что понимаетъ всю ненормальность и затруднительность его положенія. Если-бы онъ хотѣлъ однимъ словомъ разрушить пагубную для германской имперіи оппозицію, то имперія предложила-бы нравственную поддержку къ услугамъ Св. Престола, въ видахъ обезпеченія за нимъ законнаго удовлетворенія. Была-ли искренность во всемъ этомъ—неизвѣстно, несомнѣнно только, что за словами не послѣдовало дѣлъ. Обѣщали все, но не давали ничего. Все оставалось на прежней точкѣ и вдругъ центръ доказываетъ, что можетъ безъ труда и силою одной парламентской борьбы восторжествовать надъ Бисмаркомъ.

Послѣдствія этой побѣды не могли не отразиться и на переговорахъ съ Римомъ. Ватиканъ вполне оцѣнилъ ея значеніе и тѣ выгоды, которыя могли быть извлечены изъ нея. Въ ватиканскомъ органѣ «*Osservatore romano*» заявлялось, что успѣхъ

превозмогъ самыя блестящія ожиданія римской курии и наметалось на желательность для германской церкви ясно обозначеннаго положенія путемъ закона и не произвола, достигшаго, судя по тронной рѣчи, послѣднихъ предѣловъ правительственной доброй воли.

Скрѣпленіе узъ, связующихъ папство съ его сторонниками въ рейхстагѣ и вѣроятное повышеніе требованій Св. Престола, которыми онъ обусловитъ свое соглашеніе съ Берлиномъ, — таковы послѣдніе результаты, добытые ученой стратегіей Бисмарка.

Посмотримъ-же, какими плѣнительными обѣщаніями думалъ шреельстия папу германскій канцлеръ.

УП.

Когда, десять лѣтъ тому назадъ, вступленіе во владѣніе Римомъ итальянскаго королевства сдѣлалось совершившимся фактомъ, естественнымъ образомъ возникъ вопросъ, останется-ли въ Римѣ папа. Въ Ватиканѣ начались тогда бурныя пренія. Весьма вліятельная партія высказалась за выѣздъ изъ Рима.

Англія, любящая давать приютъ у себя низложеннымъ силамъ, способнымъ вернуть себѣ могущество и сдѣлаться орудіями дѣйствія или раздора у другихъ, поспѣшила предложить о. Мальту. Подчиняясь давленію іезуитскаго ордена, Пій IX началъ уже склоняться къ принятію этого предложенія. Но въ это самое время одинъ изъ кардиналовъ съ большою энергіей сталъ доказывать, что въ виду новаго положенія, въ которое поставлено папство, необходимо еще крѣпче стянуть узы, связующія католиковъ съ каведрой Св. Престола и что съ этой точки зрѣнія было-бы громадною ошибкой изолировать Св. Престолъ, отрѣзать его отъ остальнаго міра, перенести его на пустынную скалу, среди моря, въ дали отъ всякаго европейскаго теченія, общественнаго мнѣнія и общенія съ людьми. Наконецъ, неужели епископы, обыкновенно одолаваемые недугами, предпримуть столь трудное морское путешествіе? А священники и богомольцы, откуда возьмутъ они средства для покрытія необходимыхъ издержекъ? Покинутый цѣлымъ міромъ, папа былъ-бы въ десять разъ болѣе узникомъ на молчаливомъ островѣ и окруженный англійскими пушками, чѣмъ въ своемъ ватиканскомъ дворцѣ.

Человѣкъ, державшій такую рѣчь, былъ кардиналъ Печчи и его убѣжденія подѣйствовали на Пія IX.

Позднѣ предложены были другія комбинаціи. Пій IX успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя сбереженія изъ дохода, доставляемаго лептою св. Петра; эти сбереженія доходили до суммы около тридцати милліоновъ. На эти средства предложено было купить княжество Монако, владѣлецъ котораго, повидному, не прочь былъ уступить его. Церковное правительство, замѣняющее рулетку и trente et quarante,—это была по-истинѣ нѣсколько дикая мысль. Отъ нея отказались, впрочемъ, по той причинѣ, что монашеская территория находится подъ рукою и въ зависимости отъ Италіи.

Предложили долѣ приютить папу въ обширномъ и знаменитомъ Эвидельскомъ аббатствѣ, въ наиболѣе католической части Швейцаріи, и мѣстѣ всеобщаго паломничества, находящемся къ тому-же въ центрѣ Европы. На это возражали, указывая на враждебность сосѣднихъ протестантскихъ кантоновъ, на беспорядки, которые неминуемо-бы послѣдовали, и на мѣры, которыя могло-бы декретировать федеральное правительство. Пребываніе папы въ Бельгіи или Баваріи встрѣтило аналогичныя возраженія, внушенныя политикою культурнаго и въ концѣ концовъ рѣшено было укрѣпить Св. Престолъ въ намѣреніи остаться въ Римѣ, близъ катакомбъ и св. Петра въ древнемъ ватиканскомъ дворцѣ, который самъ по себѣ цѣлый міръ и гдѣ папы скопили въ теченіи столѣтій столько сокровищъ искусства и столько драгоценныхъ коллекцій.

Но въ настоящую минуту сама Германія, родина культурнаго, предлагаетъ приютъ папству. И это не пустыя слова. Указываютъ даже на опредѣленный пунктъ, а именно на Фульду.

Что такое Фульда? Это гессенское мѣстечко, извѣстное своими шерстяными фабриками и фаянсомъ. Много труда надо будетъ положить, чтобы представить папѣ это унылое мѣстечко въ видѣ чарующей резиденціи. Св. отецъ едва-ли придетъ въ восторгъ отъ мысли промѣнять свой вѣковой дворецъ, идеализированный искусствомъ и историческими воспоминаніями на это невзрачное мѣстечко. Зато въ немъ онъ будетъ самъ себѣ господиномъ, а независимость такое благо, въ пользу котораго можно принести и нѣкоторыя жертвы. Сверхъ того, какое торжество для римской церкви эта неожиданная и громкая манифестация, доказывающая примиреніе желѣзной короны съ папскою тиарой, иначе говоря, союзъ высшей нравственной власти міра съ величайшей политической силой современной Европы. Подобное событіе не должно-ли считаться необычайнѣйшимъ явленіемъ и величайшею политическою революціей въ XIX столѣтіи?

Безъ сомнѣнія. Впрочемъ, слѣдовало-бы напередъ убѣдиться, что этотъ союзъ не надувательство, что покровительство, по видимому, такъ великодушно предложенное, не есть обоюдоострое оружіе, предназначенное къ тому, чтобы впослѣдствіи окончательно уничтожить ту независимость, которую вызывается охранять въ настоящую минуту.

Бисмаркъ, какъ мы уже говорили, ничего не даритъ безъ задней мысли. Въ его дарахъ всегда скрывалась ловушка, на подобіе того, какъ въ траянскомъ конѣ укрывались вооруженные воины. Что касается поднятаго вопроса, Бисмаркъ, впрочемъ, уже обнаружилъ свои виды и намѣренія въ другое время. Въ 1874 г. въ одной дипломатической депешѣ канцлеръ писалъ: «въ настоящую минуту папа безотвѣственъ и неуловимъ». Для Бисмарка это аномалія и бессмыслица. Онъ хочетъ папу отвѣтственнаго, т. е. такого, котораго можно было-бы винить за оппозицію германскихъ католиковъ, если они вадумають продолжать ее. Если попытаться читать въ его мысляхъ, то увидимъ, что онъ формулируетъ вопросъ, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

«Желаетъ-ли Италія и другія католическія державы отстаивать свободу и независимость папы? Если да, то онъ отвѣтственны за незаконное и разрушительное употребленіе, которое могло-бы быть сдѣлано изъ этой независимости. Если нѣтъ, то надо-же кому-нибудь озаботиться этимъ дѣломъ; если папа оказываетъ на германскихъ подданныхъ вредное для государства давленіе, то надо-же обращаться къ нему по этому поводу. При настоящемъ положеніи вещей обращаться къ папѣ нельзя, потому-что хотя онъ и отвѣтственъ нравственно, но матеріально—неуловимъ. Точно также я не могу обращаться къ державамъ, ни даже къ Италіи, такъ-какъ она, желая видѣть независимость папы обеспеченной, не намѣрена принимать отвѣтственности за употребленіе, которое будетъ сдѣлано папой изъ своей свободы. Съ этой точки зрѣнія свѣтская власть папы была выгодна. Въ былыя времена ему можно было объявить и войну. Достаточно было послать корабль въ воды Чивита Веккіа. Теперь положеніе сдѣлалось нестерпимымъ. Оно должно быть приведено въ порядокъ». Въ настоящее время, правда, Бисмаркъ ничего подобнаго не обнаруживаетъ и тщательно скрываетъ заднюю мысль, превращающую его благожелательство въ простую угрозу. Нѣмецкая дипломатія старается всячески позолотить пилюлю, а оффиціозная печать оказываетъ ей все свое содѣйствіе. Тѣ самыя газеты, которыя были яростными поборниками культурнаго, полны самаго трогательнаго сочувствія къ его

святѣйшеству. Ихъ столбцы наполнены велѣрѣчивыми жалобами по поводу ужаснаго положенія, въ которое поставленъ глава католическаго міра и разсужденіями о необходимости для итальянскаго правительства произвести пересмотръ законовъ о гарантіяхъ по поводу неизбежнаго и скорого вопроса о свѣтской власти папы. Сромность германскаго правительства также велика, какъ и его великодушіе. Оно не навязываетъ своего вмѣшательства, оно могло-бы показаться корыстнымъ. Оно предпочитаетъ предложить международный конгрессъ, который и явился-бы судьей между сторонами. Предложеніе папѣ поселиться въ Фульдѣ сдѣлано лишь на случай крайности; несмотря на честь, которую оказало-бы германскому правительству принятіе этого предложенія, оно не желаетъ, чтобы папа былъ къ этому вынужденъ и т. д. На самомъ дѣлѣ канцлеръ знаетъ, что этотъ послѣдній пунктъ сдѣлался-бы именно неизбежнымъ исходомъ, потому-что кто-бы принялъ на себя третейскій судъ? Италия? Она объявила уже устами своего короля, что не находитъ возможнымъ даже ставить подобный вопросъ. Франція? Для этого слѣдовало-бы ждать воцаренія графа Шамбора. Англія? Но что можетъ заставить ее оскорблять чувства республиканской Франціи по поводу столь безразличному для ея собственныхъ интересовъ? Австрія? Она слишкомъ опутана петлями священнаго союза, чтобы оказывать оппозицію.

Такимъ образомъ папству придется самому пожелать рѣшенія, внушеннаго канцлеромъ и обратиться къ нему за его полученіемъ. Удалившись въ Фульду, Св. Престолъ будетъ гостемъ императора и обязаннымъ ему; ультрамонтаны сдѣлаются слугами канцлера, а папа, избавившись отъ итальянской тюрьмы, попадетъ въ жесткія лапы германской имперіи. Такимъ образомъ онъ перестанетъ быть *«неотвѣтственнымъ и неуловимымъ»*. Левъ XIII слишкомъ уменъ, чтобы не видѣть ясно, въ какую игру играетъ Бисмаркъ и слишкомъ искусенъ, чтобы дать увлечь себя далѣе черты, за которую не желалъ-бы переступить. Онъ не станетъ разочаровывать канцлера, отвергая его предупредительность, но и не потеряетъ изъ виду главнаго интереса минуты, заключающагося въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ не о собственномъ его положеніи, а о положеніи германскихъ католиковъ. Онъ, безъ сомнѣнія, не промѣняетъ римскую тюрьму на фульдскій эдемъ, но онъ приготовитъ себѣ возможность отступленія, если оно окажется неизбежнымъ. А теперь, относительно римскаго вопроса, дѣлъ его заключается скорѣе въ достиженіи ясной постановки его, чѣмъ самаго рѣшенія.

Онъ началъ съ того, что заявилъ себя несвободнымъ въ

своемъ ватиканскомъ дворцѣ; манифестаціи, происходившія въ Римѣ по поводу перенесенія праха Пія IX, доставляли ему прекрасный случай, которымъ онъ и воспользовался. Кабинетъ Манчини Депретиса, съ своей стороны, утверждалъ, что папа свободнѣе кого-либо въ цѣломъ мірѣ. «Но, отвѣчалъ Левъ XIII, — первая изъ свободъ заключается въ возможности выходить изъ дома и возвращаться въ него по своему усмотренію. Что-же случилось-бы, если-бы я выѣхалъ изъ Италіи? Какъ былъ-бы встрѣченъ мой отъѣздъ? Что произошло-бы съ имуществомъ, признаннымъ моею собственностью, послѣ вторженія въ предѣлы моего государства?» Официозный «Diritto» категорически отвѣчалъ, что «оставленное за папой имущество находится лишь въ его пользованіи; что въ случаѣ выѣзда изъ Рима это пользованіе будетъ сохранено за нимъ до конца его жизни, но затѣмъ по отношенію къ его преемникамъ уже не будетъ существовать никакихъ обязательствъ». Судя по этому заявленію, папа не собственникъ Ватикана, онъ владѣетъ имъ лишь на правѣ пожизненнаго пользованія.

При такихъ условіяхъ можетъ ли Св. Престолъ согласиться покинуть Римъ, развѣ, впрочемъ, его къ тому принудятъ силою. Очевидно, что единственнымъ рѣшеніемъ вопроса въ его глазахъ представляется возстановленіе свѣтской власти. Но какъ понимаетъ онъ это возстановленіе? О возвращеніи прежней территории ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ недавней аллаудціи Льва XIII проглядываетъ весьма ясно, что онъ примирился съ потерей своихъ провинцій. По его воззрѣнію, папскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ слѣдующимъ образомъ: король Гумбертъ и его министры добровольно переѣдутъ изъ Квиринала; св. отецъ также добровольно откажется отъ всякихъ претензій на свои прежнія владѣнія, подъ условіемъ, чтобы самый городъ Римъ былъ уступленъ ему вмѣстѣ съ полосой земли, долженствующей быть признанной нейтральной и простирающейся до Чивита Веккіи, причемъ все это не перестанетъ считаться входящимъ въ составъ Италіи. Въ такомъ именно смыслѣ желалъ-бы рѣшить вопросъ Кавуръ, если-бы былъ въ живыхъ. Если савойская династія найдетъ для себя унизительнымъ выѣхать изъ Рима, въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части и раздѣляющей чертой можетъ служить Тибръ. Папѣ можетъ быть отданъ весь тотъ берегъ, на которомъ находится Ватиканъ, съ правомъ свободнаго проѣзда до Чивита Веккіи. На такихъ условіяхъ оба государя могли-бы жить въ мирѣ. Если будетъ дано менѣе, то военное положеніе между Ватиканомъ и Квириналомъ не прекратится.

Такова мысль папы, господствующая въ средѣ, именуемой Ренаномъ «великой эпархіей».

Конечно, такое рѣшеніе еще далеко и нисколько не отвѣчаетъ нынѣшнимъ видамъ Бисмарка. Но Св. Престолъ терпѣливъ и съумѣетъ ждать. Ему извѣстно, что если канцлеръ не желалъ пожертвовать ни однимъ померанскимъ солдатомъ, ради восточнаго вопроса, то тѣмъ болѣе не пожертвуетъ имъ для римскаго вопроса. Однако, нельзя отрицать безпокойства, внушаемаго ему съ другой стороны развитіемъ либеральныхъ идей въ Италиі. Политическая эволюція Бисмарка, спутница его религиозной эволюціи, касается Италиі по стольку-же, по скольку Франціи и Германіи. Обращаясь къ членамъ рейхстага, канцлеръ говорилъ недавно: «Господа, посмотрите на Италию: не видѣли мы уже тамъ Эфемерной республики? Мы неизвѣстно, было ли то со всеобщаго согласія. Какъ-бы то ни было мысль о республикѣ зародилась во многихъ мозгахъ, а въ нѣкоторыхъ она имѣется въ несравненно болѣе зрѣломъ видѣ, чѣмъ въ головахъ нѣмецкихъ прогрессистовъ. Желали-бы вы принимать отвѣтственность за будущее, въ особенности если Богу не будетъ угодно сохранить въ живыхъ нынѣшнюю династію? Увѣрены-ли вы, что пророчества почтеннаго оратора, говорившаго предо мною, не могли-бы сбыться въ этомъ случаѣ? Этого предвидѣть невозможно. Но не бросается-ли въ глаза путь, пройденный Италией за послѣдніе двадцать лѣтъ по направленію къ этой цѣли. Эта цѣль, если еще не достигнута, имѣется уже въ виду. Развѣ центръ тяжести не перемѣщался постоянно влѣво, съ каждой переминой министерства, такъ, что далѣе онъ не можетъ идти, не попадая въ республиканскія руки?»

Изъ этихъ словъ канцлера ясно видно, что положеніе дѣлъ въ Италиі принадлежитъ къ числу предметовъ, внушающихъ ему заботы и опасенія, а это положеніе дѣлъ, по его мнѣнію, клонится къ республикѣ, совершенно такъ, какъ то было и во Франціи. Нечего и говорить, что Бисмарку не можетъ нравиться существованіе двухъ большихъ республикъ, не считая Швейцаріи, бокъ-о-бокъ съ Германіей, въ видѣ постоянныхъ революціонныхъ очаговъ. Кромѣ того, учрежденіе республики въ Италиі увлекло-бы Аппенинскій полуостровъ въ политическую орбиту Франціи, въ видѣ сателлита.

Если измѣненіе формы правленія, къ которому клоняты постоянно растущія волны либерализма и къ которому сдѣланъ новый шагъ, при помощи избирательной реформы, осуществится въ Италиі, то можно до нѣкоторой степени предвидѣть, что произойдетъ далѣе. Подъ предлогомъ грозящей намъ отъ рево-

люціоннаго движенія опасности, Германія, предупреждая Австрію, (которая не преминула-бы воспользоваться этимъ психологическимъ моментомъ, за отсутствіемъ Германіи) вмѣшается въ дѣло и отдастъ Римъ папѣ, навязавъ ему самому покровительство нѣмецкаго флага.

VIII.

Что итальянскій народъ сознаетъ опасность, грозящую его единству, это доказывается усиленнымъ взрывомъ патріотизма, вызваннымъ по всей Италіи воскрешеніемъ римскаго вопроса. Нація желала подтвердить торжественныя слова короля Гумберта величественной манифестаціей. Поводъ къ тому доставленъ былъ годовщиной смерти Виктора-Эммануила. Во всѣхъ частяхъ королевства готовились еще разъ засвидѣтельствовать общность національныхъ стремленій, предъ лицомъ тѣхъ, кто желалъ-бы коснуться зданія, увѣнчаннаго событіями 1870 г. Политическія общества и комитеты ветерановъ войны за освобожденіе прислали въ Римъ своихъ делегатовъ. Ничто не можетъ сравниться съ торжественностью и восторгомъ встрѣчи, устроенной въ честь двухсотъ піемонтскихъ ветерановъ, на станціи желѣзной дороги. Многие изъ этихъ героевъ были изувѣчены, у многихъ вся грудь была увѣшена орденами. Ихъ ожидали римскіе ветераны и тѣ, которые пріѣхали ранѣе изъ другихъ провинцій. Посрединѣ сгруппировано было около тридцати трехцвѣтнымъ знаменъ, вокругъ хора музыкантовъ, исполнявшихъ національный гимнъ. Піемонтцы, имѣя во главѣ стараго генерала Кюдора Висконти, одного изъ наиболее славныхъ представителей итальянскаго національнаго движенія, быстро вышли изъ вагоновъ и стали брататься со старыми товарищами по оружію изъ другихъ мѣстностей. По словамъ корреспондентовъ, зрѣлище было дѣйствительно величественно и толпа, тѣснившаяся вокругъ знаменъ, выказывала замѣтный энтузіазмъ. Шествіе двинулось, къ Капитолію, гдѣ ожидали знаменитыхъ гостей синдикъ и юнта, привѣтствовавшіе ихъ. Пріемъ происходилъ въ залѣ Гораціевъ и Куріаціевъ, слишкомъ тѣсной, чтобы вмѣстить делегатовъ, которые стояли и въ корридорахъ, и въ сосѣднихъ залахъ, между тѣмъ какъ толпа наполняла всю обширную площадь Капитолія.

Римскій синдикъ, графъ Піанціани произнесъ рѣчь, часто прерываемую рукоплесканіями толпы и кончавшуюся словами: «Годы, быть можетъ, охладили въ насъ юношескій жаръ, но мы

сохранили въ глубинѣ сердце нашихъ неизмѣнную вѣру въ судьбу родины и, несмотря на бремя годовъ, мы были-бы готовы горячо биться за свободу, независимость и единство Италіи, если-бы имъ угрожала опасность». Эти слова были покрыты громомъ неистовыхъ рукоплесканій, потому-что всѣ поняли намекъ, направленный преимущественно на клерикальную партію, надежды которой выказались за послѣдніе дни. Г. ПIANCIANI продолжалъ: «Мы положили начало національному движенію въ 1849 г. Викторъ-Эмануилъ продолжалъ его и довершилъ на поляхъ сраженія и на дипломатическомъ поприщѣ. Завтрашній день мы отправимся въ храмъ, гдѣ покоится прахъ его, съ высоты Капитолія, напоминающаго вамъ о древней славѣ вашей и который, если то окажется необходимымъ, послужитъ точкой соединенія итальянскаго народа въ тотъ день, когда онъ призванъ будетъ исполнить долгъ свой по отношенію къ родинѣ».

На другой день почти все населеніе присоединилось къ манифестаціи. Гробница покойнаго короля исчезала подъ грудю вѣнковъ, а генералъ Кюдора-Висконти заключилъ церемонію, напомнивъ громадной толпѣ пресловутую фразу одной изъ послѣднихъ рѣчей Виктор-Эмануила: «Мы пришли въ Римъ и останемся въ немъ».

Къ этимъ демонстраціямъ присоединяются и другія, менѣе платоническаго свойства. Въ итальянскихъ газетахъ только и рѣчи, что о вооруженіяхъ. Правительство также сильно озабочено ими. Даже флоту, находившемуся прежде въ такомъ пренебреженіи, даются значительные размѣры. Скоро Италія будетъ владѣть шестью первоклассными военными кораблями, не говоря о крейсерахъ и судахъ второго и третьяго разряда. На этихъ судахъ будетъ поставлена ужасающихъ размѣровъ артиллерія, такъ, что остается только спросить, не слишкомъ-ли велики эти размѣры и не превосходятъ-ли они самой цѣли.

Любопытно знать, кого-же имѣютъ въ виду эти вооруженія? Въ кого мѣтятъ эти манифестаціи? Въ Германію? Нисколько. Италія непрестанно оскорбляетъ и грозитъ Франціи. Вѣдь придумала-же она національный праздникъ въ память той кровавой страницы исторіи, которая зовется Сициліанской вечерней, какъ мы упоминали выше?

Полезнѣе было-бы, еслибъ Италія поразмыслила объ оцннѣ, которая попалась мнѣ въ газетѣ, выходящей по сосѣдству отъ нея и въ такомъ краѣ, который близко знакомъ съ нею. «Франція, ципуть въ «Sémaphore de Marseille», — проливала свою кровь и расточала свое золото, чтобы создать новую Италію: «смерть

«Французамъ!» Германія пожелала въ одинъ прекрасный день разрушить это зданіе, «да зравствуетъ Германія!» кричить, не смотря на это, Италія. Это странно и неблагородно. Но какъ оно, повидимому, ни странно, однако, оно не такъ уже необыкновенно. Въ сущности родственная Франціи нація не выходитъ изъ предѣловъ человѣческой природы въ своихъ прихотяхъ и эксцентричностяхъ. Она напоминаетъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ билъ предметъ ихъ нѣжной страсти и выказываютъ лишь одно презрѣніе и неблагодарность къ тому, кто даетъ имъ самыя явныя доказательства истинной преданности. Италія напоминаетъ не много гулящую дѣвушку въ ямбахъ Барбье.

„Qui veut dans son amant un bras gui la gouverne,
„Un corps de fer, un ocil de feu!

«Именно потому, что она считаетъ насъ слабыми, не вѣрить въ наше возрожденіе, именно потому она и заигрываетъ съ *тедесками* и, по выраженію одной газеты, «бѣжить въ Вѣну и останавливается по дорогѣ въ Берлинъ». Въ силу той-же причины мы видимъ какъ ея органы заявляютъ, что замыслы, приписываемые Бисмарку, не должны охлаждать. Италіи по отношенію къ Германіи; что Германія, по прежнему достойна ея сочувствія, и что одна Франція должна нести отвѣтственность за наносимыя ей канцлеромъ униженія.

Это не логично, но это такъ естественно! Давно уже сказано Лабишемъ въ его „Vogaga de M. Perrichon“, что

„L'ingratitude est l'indipendance du coeur“.

Жика.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

Не онъ-ли, этотъ «истинно-русскій» дѣйствительный статскій совѣтникъ, пользовавшійся въ Коломнѣ, Чекушахъ и на Пескахъ, гдѣ живутъ многочисленные его родственники, репутаціей человѣка геніальнаго ума («готовился въ ветеринары, а куда метнулъ!») прибавляли обыкновенно при этомъ), не стѣснявшагося по-просту говорить «правду-матку» въ глаза непосредственному своему начальству, — не онъ-ли, бывало, торжественно восклицалъ, бѣя увѣсистымъ кулакомъ по своей широчайшей груди:

— У насъ хищеніе!? Я давно искоренилъ хищеніе. У меня чистота и порядокъ... Чиновникъ у меня—вѣрный, добрый, безсребренный чиновникъ... У меня...

И, не находя словъ, подъ бременемъ охватывавшихъ его благородныхъ чувствъ, дяденька Протасъ Ивановичъ Мордасовъ обыкновенно схватывалъ меня за руку и подводилъ къ стѣнѣ кабинета, которая сплошь была увѣшена различными картами и таблицами.

— Смотри, спештикъ!.. Видишь? У меня тутъ все какъ на ладонѣ! Весь механизмъ администраціи въ графическомъ изображеніи. Отсюда я все вижу и все знаю...

Я обыкновенно смотрѣлъ на эти красиво раскрашенные карты и таблицы, пестрѣвшія красными, синими, зелеными и черными кружками, линіями и черточками, противъ которыхъ стояли красиво выведенныя цифры,—и восхищался.

— Дѣйствительно дяденька... Превосходныя таблицы!

— То-то! На нихъ все показано... все до малѣйшей подробности...

— Вѣрны-ли онѣ?

— Я, братецъ, два года этимъ занимаюсь... Двѣнадцать чиновниковъ работали надъ ними...

— Положимъ, дяденька, по этимъ таблицамъ вы можете представлять себя...

— Не представлять, а знать! рѣзко перебилъ Протасъ Ивановичъ.

— Но есть-ли у васъ діаграма нравственныхъ качествъ вашихъ подчиненныхъ?..

Дяденька, питавшій необычайную слабость къ всевозможнымъ статистическимъ таблицамъ и графическимъ изображеніямъ, на минуту былъ озадаченъ моимъ вопросомъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, не далъ-ли онъ маху? Почему у него нѣтъ такой таблицы?» говорило, казалось, его широкое, скуластое лицо, на которомъ блестяли маленькія глазки. Мысль эта, повидимому, очень заинтересовала его, и гениальная голова уже разрабатывала ее съ быстротой, обычной въ характерѣ Протаса Ивановича Мордасова.

Не даромъ онъ говаривалъ: «Во всемъ нужны, братецъ, быстрота и русская сметка... Русскій человѣкъ всякое дѣло обмозгуетъ. Вотъ я по ветеринаріи курсъ кончилъ, а слава Богу... Да назначь меня хоть адмираломъ... не бойсь, не ударю лицомъ въ грязь... Главное: здравый смысл!»

— Такой таблички у меня, по правдѣ сказать, нѣтъ! отвѣтилъ, наконецъ, дяденька и даже нѣсколько сконфузился—но ты мнѣ подай мысль... Я прикажу составить такую... Какъ ты называлъ?

— Діаграма...

— Да, діаграму... Завтра-же велю сдѣлать... Это въ самомъ дѣлѣ очень просто и удобно... Вмѣсто того, чтобы справляться въ секретномъ спискѣ о чиновникахъ, я сейчасъ-же взгляну на таблицу и... шабашъ! Вполнѣ благонадежный чиновникъ будетъ обозначенъ лиловымъ кружкомъ, просто благонадежный—синимъ, а внушающій опасенія—чернымъ... Это, братецъ отлично!..

Черезъ два дня въ кабинетъ прибавилась новая таблица и дядя ликовалъ. Показывая мнѣ ее, онъ, впрочемъ, замѣтилъ:

— Конечно, табличка облегчаетъ справки, но я и безъ нея отлично знаю, каковы у меня подчиненные... Превосходно знаю. Выборъ у насъ, не то, что въ другихъ мѣстахъ. Я сперва исповѣдаю человѣка и какъ онъ уйдетъ отъ меня, я его насквозь понимаю... Конечно, кое какія злоупотребленія могутъ быть—тутъ никто ничего не подѣлаетъ—но чтобы хищеніе, систематическое

хищеніе... никогда! произнесъ онъ съ тѣмъ-же выраженіемъ, съ какимъ произносила свое: «jamais» Ристори.

— Трудно, дяденька, ручаться по новѣйшимъ временамъ.

— Зарядилъ: трудно... Я и жалованье прибавилъ и, наконецъ, у меня знаютъ какъ я на хищеніе смотрю... Хищникъ у меня, братецъ, держись только... Ты вѣрно не читалъ моихъ циркуляровъ? Нѣкоторые изъ нихъ въ газетахъ даже были напечатаны, какъ образецъ... Прочитай-ка да и говори потомъ...

И дяденька далъ мнѣ довольно большой томикъ приказовъ и циркуляровъ, въ которыхъ увѣщательныхъ и грозныхъ посланій насчетъ хищенія было не мало. Въ одномъ изъ такихъ посланій, между прочимъ, говорилось: «Хищеніе будетъ мною преслѣдоваться по всей строгости законовъ. Все можно извинить, но хищенія никогда. Хищеніе это язва, разъѣдающее нашъ организмъ; я надѣюсь, что нашъ округъ останется чистъ отъ какихъ-бы то ни было нареканій въ лихоимствѣ» и т. д. Въ посланіи, появившемся вслѣдъ за назначеніемъ Протаса Иванова на мѣсто, было изображено: «Я считаю долгомъ объяснить коротко и ясно. Я простой русскій человѣкъ и изворотовъ не люблю. Безкорыстіе, правдивость и трудолюбіе—вотъ главнѣйшія качества, составляющія украшеніе человѣка, а тѣмъ болѣе чиновника. Съ ними всякій можетъ смѣло рассчитывать на меня. Я жажду правды одной правды и ничего болѣе! Пусть каждый смотритъ на меня не какъ на начальника, а какъ на старшаго товарища, и по-просту, по-русски, говоритъ въ глаза «правду-матку»... Но да трепещеть лихоимецъ, если только таковой скрывается между нами. Пусть лучше онъ заранѣе бросаетъ службу,—иначе его ждетъ немилосердная кара. Съ хищниками я буду безпощаденъ. Ни слезы, ни раскаяніе, ни многочисленное семейство, ничто не остановитъ меня... Каждая неправильно стяжанная у казны копейка есть преступленіе, ничѣмъ не оправдываемое. Ура! Съ нами Богъ!»

Въ Коломнѣ, Чекушахъ и на Пескахъ эти посланія нерѣдко читались вмѣсто посланій святыхъ апостоловъ, на сонъ грядущій, и производили не малую сенсацію среди безчисленной родни Протаса Иванова.

— Протасъ-то Ивановичъ, каковъ! Готовился въ ветеринары, а теперь... поди ты!

— Умъ, умъ-то какой!.. А вѣдь обучался на мѣдныхъ деньги!

— И правду-то какъ любить! Намедни, слышалъ?.. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, и явился къ князю Остолопову. Ну тамъ, разумеется, все по этикету, у князя-то, какъ слѣдуетъ въ высшемъ обществѣ, а нашъ-то простецъ этого не любить... Князь

спрашиваетъ о чемъ-то дядинькинаго мнѣнія, а онъ то, нашъ Протасъ Иванычъ, на чистоту: «Извините, говорить, ваше сіятельство, я, говорить, русскій простой человѣкъ; я, говорить, не знаю по-французски и всякихъ, говорить, тамъ выкрутасовъ... Я отъ души на прямки». Да такъ-таки прямо и выложилъ ему свою душу-то!

— А князь что?..

— Его сіятельство тоже настоящій русскій человѣкъ. Онъ потрепалъ Протаса Иваныча по плечу такъ ласково и говорить: «Правды-то намъ и нужно, Протасъ Ивановичъ! Всѣ нынче изволгались и врутъ, говорить, какъ сивые мерена. Я и не знаю, кому вѣрить... Такъ какъ-же не цѣнить намъ такихъ простыхъ людей, какъ вы». — При этихъ словахъ и Протасъ Ивановичъ не выдержалъ—ты знаешь, вѣдь его сердце? — Онъ заплакалъ и отъ полноты чувствъ князя-то въ ручку, а самъ шепчетъ: «Не обезсудьте, ваше сіятельство! Я, говорить, не могу, сердце переполнено отъ такихъ словъ... Я, руссакъ безхитростный.» И тогда его сіятельство позволили обнять его и, обнявшись, они престоили такъ минуты двѣ и оба плакали... А за правду-то Протасу Ивановичу велѣли выдать подъемныхъ три съ половиной тысячи... И то сказать: мундирчикъ-то на немъ былъ ветхенькій; его сіятельство обратили вниманіе, а Протасъ Иванычъ на это замѣчаніе опять-таки прямо, на отмашь: «Не изъ чего мнѣ, ваше сіятельство, новыхъ мундирчиковъ шить. Можно походить и въ старомъ мундирчикѣ, подкладочку новую ластиковую поставить, что-ли, если душа чистая». И тутъ-же, по-просту продекламировалъ:

Вотъ идетъ Петрушка
Черный трубочистъ,
Хоть лицомъ онъ грязень,
Но душою чистъ...

— Его сіятельству очень понравился этотъ стихокъ... Онъ нѣсколько разъ заставилъ Протаса Иваныча повторить его и просилъ записать на память, причемъ, какъ рассказывалъ Протасъ Иванычъ, далъ о стихѣ такой одобрителный отзывъ: «Стишокъ отиѣнно хорошъ и остроуменъ. Авторъ выразилъ въ немъ и патріотическія чувства и зрѣлый талантъ». Послѣ его сіятельство приказалъ всѣмъ чиновникамъ въ департаментѣ выучить этотъ стихокъ, дабы отвлечь мысли отъ хищенія.

II.

Однимъ словомъ, про дяденьку Протаса Ивановича въ Коломнѣ и на Пескахъ ходили многочисленные рассказы, свидѣтельствующіе объ его умѣ, находчивости, прямотѣ, безкорыстїи и административной энергїи.

Разсказывали, какъ онъ изъ ветеринаровъ вышелъ въ «люди» изъ-за того, что не стѣснялся говорить «правду-матву». (А еще говорятъ, будто у насъ не всегда можно правду говорить?) какъ не останавливался ни передъ какими препонами, если ему предлагали какое-либо порученіе. Онъ, по словамъ родственниковъ и знакомыхъ, былъ превосходный ветеринаръ и забавилъ весь уѣздъ отъ сибирской язвы, благодаря средству, доселѣ неизвѣстному въ медицинѣ, но выдуманному Протасомъ Ивановичемъ (составъ изъ купороса, соли, дегтя и махорки). Затѣмъ онъ былъ отличнымъ исправникомъ, послѣ чего не менѣе превосходнымъ педагогомъ, пока, наконецъ, не обнаружилъ необыкновенныхъ административныхъ способностей. И всегда до всего доходилъ своимъ умомъ, всегда изнутри, изъ своего русскаго нутра, выдумывалъ; далѣе разсказывали совѣтъ ужъ неправдоподобную исторїю о томъ, какъ Протасъ Ивановичъ десятью хлѣбами накормилъ неурожайную губернію и наконецъ передавали легенду объ огурцѣ, причемъ въ Коломнѣ и на Пескахъ я слышалъ различные варїанты этой легенды; однако, основаніе легенды было одно и то же и относилось ко времени путешествїя Протаса Ивановича за границу для изученїя на мѣстѣ различныхъ способовъ приготовленїя селедки... ●

Во время проѣзда черезъ княжество Лихтенштейнъ, ея свѣтлость княгиня Лихтенштейнская удостоила Протаса Ивановича пригласить къ себѣ; хотя Протасъ Ивановичъ ни по-французски, ни по-нѣмецки не говорилъ, но тѣмъ не менѣе при помощи мимики и нѣкоторыхъ словъ произвелъ на ея свѣтлость очень хорошее впечатлѣніе, особенно послѣ эпизода съ огурцомъ. Вышло это такъ: показывая Протасу Ивановичу свой огородъ и жагуясь, что она, принцесса, по малости населенїя, принуждена сама входить во все и даже смотрѣть за огородомъ— иначе, того и гляди, Бисмаркъ отниметъ и послѣднее достояніе!— принцесса изволила собственноручно сорвать огурецъ и предложила Протасу Ивановичу огурецъ этотъ скушать, причемъ указала ручкой, какъ это сдѣлать. Но Протасъ Ивановичъ вмѣсто того огурецъ-то этотъ поцѣловалъ (въ забывчивости не утеревъ съ него даже навоза) и отчасти знаками, отчасти

словами, въ родѣ «Herz», «Liebe», «Ergebenheit» которыя онъ выучилъ,—далъ понять, что огурецъ онъ не съѣсть ни за что, а сохранить его на память, какъ нѣкоторый талисманъ. Принцесса Лихтенштейнская, не привыкшая натурально къ выраженію такихъ благородныхъ чувствъ—много-ль у нея-то и поданныхъ?—была необычайно этимъ тронута и дала Протасу Ивановичу еще одинъ огурецъ, но уже по меньше—нѣмка была скупенька!—но о поступкѣ Протаса Ивановича извѣстила всѣ дружественныя державы... И съ той поры всѣ узнали, какъ сильны чувства у нашего Протаса Ивановича!..

Такъ передавалась эта легенда въ Коломнѣ. На Пескахъ она передавалась нѣсколько иначе. Тамъ дѣйствующимъ лицомъ была не принцесса Лихтенштейнская, а принцъ тибетскій Абдугъ-ханъ и рассказывалось уже не объ огурцѣ, а о подошвѣ, данной будто-бы его высочествомъ Протасу Ивановичу въ подарокъ и тоже сохраненной дяденькой въ качествѣ талисмана...

Надо полагать, впрочемъ, что всѣ эти легенды сочинялись въ Коломнѣ и на Пескахъ многочисленными родственниками, но фактъ сочиненія такихъ легендъ тѣмъ не менѣ показывалъ, какъ всѣ любили Протаса Ивановича. И дѣйствительно, имя дяденьки произносилось между нами всегда съ особеннымъ уваженіемъ и какою-то торжественностью, а когда онъ жаловалъ къ кому-нибудь изъ родныхъ и подчиненныхъ на пирогъ или на «тарелку супу», то такое посѣщеніе давало пищу восторгамъ на долгое время.

И то сказать, какъ было его не любить! Какую массу родныхъ и знакомыхъ пристроилъ онъ къ мѣстамъ... Тому мѣстечку, другому, третьему, десятому... «Въ пятомъ колѣнѣ и то родство признаетъ!» говорили про дяденьку родственницы. Попросить его за братца или за свояка, онъ призоветъ претендента и начнетъ исповѣдывать:

— Здравый смыслъ у тебя есть?

— Кажется, дяденька... Я и аттестатъ имѣю... Въ гимназіи курсъ окончилъ...

— Ты глупостей мнѣ не говори... Зачѣмъ мнѣ твой аттестатъ?.. Очень нужно мнѣ знать, что ты тамъ разныя глупости проходилъ... Это даже лишнее... Я вотъ ветеринаромъ былъ и слава Богу... Такъ если Богъ разсудкомъ не обидѣлъ—всему научиться можешь...

— Слушаю, дяденька...

— Только у меня знаешь... Правда и правда... Слышишь?

— Помилюйте...

— То-то!.. Смотри служи честно и не думай о хищеніи...

Наше вѣдомство заслужило дурную репутацію на этотъ счетъ, но теперь у насъ... У меня тутъ все видно... добавилъ онъ, показывая на свои таблицы. Ну, съ Богомъ, недѣлку, другую присмотрись, а тамъ и на мѣсто.

Смотришь, Васенька или Петенька ужъ ѣхалъ черезъ недѣлку, другую на мѣсто и годика черезъ два возвращался погостить въ Петербургъ, какъ-будто пооперившись... И поступъ дѣлалась тверже, и голосъ увѣренный... однимъ словомъ, видно было, что человекъ на кормахъ.

Помню очень хорошо, какъ однажды на вечерѣ у нѣкоторой коломенской тетенькѣ я встрѣтилъ одного изъ такихъ родственниковъ, пригрѣтыхъ дяденькой.

Митенька былъ скромный, очень скромный, добронравный и даже чувствительный молодой человекъ, оперившійся съ тѣхъ поръ, какъ дяденька «пристроилъ» его. До того онъ искалъ мѣсть и нерѣдко сокрушался, что покойный папенька его былъ «неисправимымъ идеалистомъ», служилъ въ таможнѣ и умеръ голякомъ.

— Если-бы папенька побольше думалъ о своихъ дѣтяхъ, мы не терпѣли-бы лишней. Я-бы кончилъ курсъ, какъ слѣдуетъ, и былъ-бы опорой маменькѣ! говаривалъ онъ, бывало.

Вотъ этотъ-то скромный молодой человекъ рассказывалъ мнѣ, какъ теперь, благодаря дяденькѣ, очистилось вѣдомство и какъ у нихъ все «честно и благородно».

— Хищенія нѣтъ?

— Что вы? При дяденькѣ? ужаснулся даже молодой человекъ.

И всѣ родственники въ одинъ голосъ повторили:

— При дяденькѣ? При Протасѣ Ивановичѣ!? Какъ вамъ не стыдно подумать!

И затѣмъ начались перечисленія добродѣтелей Протаса Ивановича. Сколько онъ дѣлаетъ добра! Какой онъ родственникъ! Дошло до того, что стали даже стыдить меня за то, что я, родной племянникъ, и не схожу попросить себѣ мѣста.

— Да у меня, слава Богу, есть работа; цѣлый день занятъ!

— Все равно... Онъ тебя запишетъ для жалованья — онъ приметъ во вниманіе твое семейное положеніе... Онъ добрый. Вотъ Петя, Женичкинъ братъ, двѣсти рублей въ мѣсяцъ получаетъ, а живетъ въ Парижѣ... А Костя Куропаткинъ, двоюродный племянникъ?.. А Васинька?.. А Колю командировали въ Итацію, чтобъ дать возможность женѣ его лечиться въ Ниццѣ...

Слѣдовало еще перечисленіе именъ... Всѣ оживились, восхваляя на перерывѣ дяденьку Протаса Ивановича. Коломна, Пески и Чекуши читали единодушно акафистъ. Никто не находилъ стѣн-

нымъ, что можно получать жалованье, не ходивши даже на службу. «Все равно, по штату деньги полагаются... Не возвращать-же ихъ въ казну... Пусть лучше пойдутъ бѣдному человѣку!» и т. д. Тутъ-же, въ видѣ похвалы Протасу Ивановичу, сообщили, какъ онъ, выдавая дочь замужъ за своего подчиненнаго, попросилъ пособіе и для жениха и для невесты. Приданое и сдѣлалъ. Мало-по-малу изъ разсказовъ выяснилось, что Протасъ Ивановичъ и отъ командировокъ получаетъ довольно и что, наконецъ, Протасу Ивановичу и землицы изрядный кусъ отрѣзали въ Западномъ краѣ и все за его прямоту да честность...

Одна только Агафья Тихоновна, ядовитая вдова статскаго совѣтника, возстала противъ общаго мнѣнія и зашипѣла. Она назвала Протаса Ивановича «Пролазомъ Ивановичемъ», и даже выказала ариѳметическія способности, начавши перечислять сколько дяденька «срываетъ» въ годъ съ казны разныхъ дополнительныхъ сборовъ. Тоже и относительно подчиненныхъ дяденьки она далеко не была того мнѣнія, чтобы они поступали «честно и благородно». Отчего это «нѣкоторые» (и при этомъ Агафья Тихоновна довольно схибно взглянула на скромнаго молодого человѣка), уѣзжая на службу, съ позволенія сказать, въ одномъ бѣльѣ и получая — «мы знаемъ какое жалованье!» — годика черезъ два шьютъ женамъ чернобурыя лисицы и покупаютъ брилліанты... «Не бойсь, на жалованье!?!»

Но ядовитой статской совѣтницѣ не дали продолжать. На нее напали со всѣхъ сторонъ и кто-то прямо выпалилъ, что она имѣетъ «личности» противъ дяденьки.

— Она за сына хлопотала, а Протасъ Ивановичъ, при всемъ желаніи, не могъ опредѣлить сынка. ея! говорила мнѣ подъ шумокъ одна молодая родственница. — Ты вѣдь знаешь какой оболтусъ ея сыночекъ? Идіотъ совсѣмъ! До пятидесяти сосчитать не можетъ. Дяденька принужденъ былъ отказать; вотъ она и злится на дяденьку!

Несмотря на протесты, статская совѣтница продолжала, однако, отбиваться. То и дѣло съ ея устъ срывались схибныя замѣчанія насчетъ «Пролаза Ивановича». И даже — о, святотатство! — легенду объ огурцѣ она наравила объяснить совсѣмъ иначе...

Солидный молодой человѣкъ, однако, успѣлъ утишить бурю, пошептавшись съ тетенькой Агафьей Тихоновной. Что такое онъ шепталъ, Богъ его знаетъ, но только Агафья Тихоновна усмирилась! Послѣ сказывали, что онъ ей обѣщалъ подарить хорошую персидскую шаль, приобретенную имъ по случаю. Надо тутъ замѣтить, что почти всѣ предметы ввоза приобретались

въ этой компаніи по «случаю» и, такимъ образомъ, «случай» былъ хорошимъ подспорьемъ по хозяйству.

Еъ концу ужина, когда хорошія вина, прибрѣтенныя то-же, разумѣтся, «по случаю», внесли еще большее оживленіе, скромный молодой человекъ, сидѣвшій рядомъ со мной, значительно подпилъ; на Митеньку вдругъ напала какая-то отвага и онъ счелъ своимъ долгомъ высказаться. Во-первыхъ, онъ заявилъ о своихъ гражданскихъ чувствахъ, хотя въ нихъ никто не сомнѣвался и объявилъ громогласно, что онъ совершенно согласенъ съ господиномъ Катковымъ. Затѣмъ сталъ рассказывать, какъ онъ живетъ въ своей провинціи. У него и поваръ отличный и лошади рѣзвыя, домъ—полная чаша, жену онъ балуетъ, маленькѣ служитъ подпорой, вообще живетъ онъ, какъ «порядочный человекъ».

— И на черный день кое-что пригашливаемъ! прибавилъ онъ горделиво въ заключеніе.

— Видно дешево жить?

— Дешево не дешево, а жить тамъ хорошо. Можно жить, братецъ!

— Доходцы есть?

— Есть-таки и хорошіе доходцы!..

Испробовавъ винъ разныхъ сортовъ, сосѣдъ мой окончательно вошелъ въ азартъ. Глаза его загорѣлись плотояднымъ блескомъ, когда онъ сталъ пояснять мнѣ, какіе у нихъ доходцы. Мнѣ казалось, что онъ хвасталъ, фамиліарно сыпля цифрами, и тогда онъ, нѣсколько даже обиженный, что я не вѣрю ему, входилъ въ подробности и хвалился, какъ все это у нихъ правильно и хорошо организовано, совсѣмъ на коммерческомъ основаніи. При томъ онъ ни разу не упомянулъ слова «взятка», а говорилъ лишь о «комиссіи», о «соглашеніи» и т. п. Чѣмъ болѣе онъ рассказывалъ, тѣмъ болѣе оживлялся и бахвалился.

— Прежде не то еще было! проговорилъ онъ, видимо довольный произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ.

— Неужто?

— Это, братецъ, дѣлая поэма... Тогда въ два-три года можно было при случаѣ нажить огромное состояніе... Напримѣръ, если партія фальшивыхъ ассигнацій или...

— Но какъ-же дяденька?.. перебилъ я;—вѣдь у него таблицы?

— Таблицы!? засмѣялся Митенька пьянымъ смѣхомъ.—Какъ-же, какъ-же! Дяденька превосходный человекъ, но тутъ у него гвоздь! показалъ онъ на свой лобъ.—Таблицы!?. Мы надъ этими

таблицами много смѣемся. Вѣдь у насъ, братецъ, жизнь, а не таблицы!

И онъ снова разразился самымъ поскуднымъ смѣхомъ.

Я вспомнилъ, что этотъ скромный молодой человѣкъ въ дяденькиной «таблицѣ нравственности» значился подъ лиловымъ кружкомъ и, признаться, пожалѣлъ дяденьку...

— Мы очень цѣнимъ дяденьку! продолжалъ молодой человѣкъ;—очень цѣнимъ и никогда не подведемъ его, нѣтъ! У насъ все довольно остроумно устроено...

Мѣсяца черезъ два послѣ этого разговора, пронесся зловѣщій слухъ о грандіозномъ хищеніи въ вѣдомствѣ, гдѣ служилъ дяденька; говорили, что прикосновенныхъ накрыли. Вскорѣ слухъ этотъ попалъ и въ газеты; по словамъ корреспондентовъ, обнаружилось нѣчто дѣйствительно колоссальное. Въ Коломнѣ, Пескахъ и Чекушахъ наступила паника.

Всѣ родственники ходили, какъ ошалѣлые; многіе отправились пѣшкомъ къ Сергію излить горе въ молитвѣ; нечего и говорить, что всѣ сочувствовали Протасу Ивановичу, бранили этихъ «поддецовъ», забывшихъ Бога, которые подвели «дяденьку и горько сожалѣли, что теперь, пожалуй, многимъ изъ нихъ не придется пріобрѣтать «по случаю» разныхъ необходимыхъ предметовъ по хозяйству. «Какъ-то теперь будетъ жить дяденька?.. Онъ вѣдь себѣ ничего не прикопилъ! Безсребренникъ вѣдь дяденька!» Но ехидная статская совѣтница и при такихъ обстоятельствахъ не удержала своего языка.

— Пролазъ-то Ивановичъ не прикопилъ? замѣтила она.— Онъ-то!?

И, задыхаясь отъ волненія, словно боясь, что ей не дадутъ говорить, она начала перечислять сколько «урвалъ» дяденька разными подземными, пособіями, остаточными и т. д. и заключила свою ехидную рѣчь восклицаніемъ: «Пролазъ Ивановичъ не пропадетъ... не таковскій!»

Я отправился къ дяденькѣ Протасу Ивановичу узнать правду. Вхожу въ кабинетъ; онъ шагаетъ быстрыми, нервными шагами, взволнованный, разстроенный. При видѣ меня, онъ остановился, протянулъ руку и остановилъ на мнѣ свой взглядъ. Какое-то недоумѣніе стояло въ этомъ взглядѣ маленькихъ глазъ, въ чертахъ этого мясистаго, широкаго лица.

— Кто-бы могъ этого ожидать! проговорилъ онъ, наконецъ.— Кажется у меня сосредоточены всѣ свѣденія... Онъ указалъ рукой на стѣну, покрытую картами и таблицами... И вдругъ... Подлецы!

Я не знаю закралось-ли въ его «геніальную» голову чувство

недовѣрія къ таблицамъ или какая-нибудь новая «предупреждающая» таблица озарила его мозгъ, но только онъ поникъ головой и нѣсколько времени молча стоялъ передъ этими таблицами, скрестивши руки, какъ Наполеонъ на статуеткахъ.

— Кажется, я долженъ былъ служить имъ примѣромъ! съ горечью проговорилъ, дяденька. — Я дѣйствовалъ честно и эти подлецы меня подвели, а еще родственники! Ты знаешь, Митинька одинъ изъ главныхъ мошенниковъ? Митинька, котораго я въ люди вывелъ!

Онъ разразился гнѣвомъ и обѣщалъ никого не пощадить. Себя онъ считалъ невинной жертвой.

Дяденька Протасъ Ивановичъ въ самомъ дѣлѣ былъ пораженъ. Слишкомъ ужъ грандіозное было хищеніе; практиковалось оно давно и было организовано по всѣмъ правиламъ мошенническаго искусства. А не онъ-ли такъ былъ увѣренъ, что уничтожилъ хищеніе и завелъ настоящіе порядки? Не онъ-ли выдумывалъ таблицы, даже осуществилъ мою мысль о діаграмѣ нравственности и писалъ грозныя посланія къ подчиненнымъ коринейцамъ? По поводу этихъ посланій нѣкоторыя газеты даже пришли въ умиленіе и прозрѣли новую эру. Не онъ-ли, въ началѣ своей дѣятельности, показалъ примѣръ на двухъ чиновникахъ, повинныхъ въ лихоимствѣ? Не онъ-ли ежегодно получалъ изъ казначейства крупныя подъемныя, чтобы лично удостовѣриться, вездѣ-ли порядокъ и правда, вездѣ-ли то самое, что показывали ему таблицы?.. Онъ ѣздилъ, осматривалъ, одобрялъ и вдругъ приходится стукнуться врѣвкимъ лбомъ въ стѣну и увидеть въ одинъ прекрасный день — и то по указанію другихъ, — что все это зданіе съ таблицами, циркулярами, экзаменами и пр. и пр. и пр., выводимое съ любовью и гордостью, — построено на песцѣ и оказывается вполнѣ гнилымъ и нигуда не годнымъ... Хищеніе не только не уничтожено, но какъ-будто нагло смѣется въ глаза и говорить:

— На-ко съѣшь!

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ полковникъ Твердолобовъ, съ которымъ я познакомилъ читателя въ послѣднихъ своихъ «Картинкахъ», — бросилъ политику и, отказавшись отъ мечты быть когда-нибудь государственнымъ человѣкомъ, безповоротно предался любимымъ своимъ занятіямъ, — я не видалъ полковника. Онъ уѣхалъ въ одно изъ своихъ имѣній и, какъ мнѣ сообщалъ общій нашъ зна-

комый, вполне наслаждался жизнью: ѣлъ за четверыхъ, ходилъ на охоту, ковалъ въ часы досуга лошадей и хозяйничалъ въ своемъ помѣстьѣ.

Среди всѣхъ этихъ недовольныхъ, озлобленныхъ, нервныхъ петербуржцевъ самъ поневолю дѣлаешься недовольнымъ и нервнымъ. Я рѣшилъ отправиться въ гости къ полковнику, чтобы «освѣжиться» и «отдохнуть» въ обществѣ человѣка, который, казалось, всѣмъ своимъ существованіемъ свидѣтельствовалъ, что есть-же человѣкъ, которому хорошо жить на Руси.

Задумано—сдѣлано. Черезъ нѣсколько дней, часу во второй дни, я уже подѣвзлалъ къ большому барскому дому, окруженному садомъ,—въ одной изъ замосковскихъ губерній.

— Дома полковникъ?

— Дома... Только теперь почиваютъ... Позавтракали и легли соснуть...

— Почиваетъ?..

Чтобы читателю было понятно мое восклицаніе, надо объяснить, что мой пріятель обыкновенно задавалъ высыпну — и могъ проспять двадцать-четыре часа кряду — когда что-либо приводило его въ дурное расположеніе духа. Мы, пріятель, знали эту его манеру, и обыкновенно говорили: «Когда мы въ духѣ—мы свистимъ, какъ подобаетъ извозчику, а когда мы не въ духѣ—мы храпимъ такъ, какъ даже извозчику не подобаетъ!» Твердолобовъ всегда смѣялся этой шуткѣ. Онъ сознавался, что природа надъ нимъ посмѣялась, сдѣлавъ его представителемъ благороднаго рода «Лобастыхъ» и надѣливъ его такимъ состояніемъ, что даже три предка не могли его раззорить. «Мнѣ-бы надо родиться извозчикомъ—но ничего теперь не подѣлаешь!» добродушно прибавлялъ обыкновенно Твердолобовъ, заливаясь такимъ раскатыстымъ смѣхомъ, отъ котораго содрогалось все его тѣло и дребезжали стекла.

«Почиваетъ? подумалъ я.—«Значить, мнѣ наврали, что онъ счастливъ!»

— Здоровъ Федотъ Михайлычъ?

Старый камердинеръ даже улыбнулся на мой вопросъ.

— Помилуйте... Кажется, слава тебѣ Господи!

— Обкушался, можетъ быть?

— Не замѣтно... Ёли, какъ всегда... въ препорціи...

Камердинеръ отвелъ меня въ одну изъ комнатъ, предназначенныхъ для гостей; переодѣвшись, я спустился внизъ, наказавъ камердинеру не беспокоить полковника. Полковницы не было дома—она уѣхала къ сосѣдямъ—и я присѣлъ въ гостиной, напрасно отыскивая вокругъ себя какой-нибудь матеріалъ

для чтенія. Полковникъ вообще не долюбливалъ печатной бумаги.

Пока я сидѣлъ, вбѣжали дѣти: мальчикъ и дѣвочка. Они стали болтать со мной.

— Вотъ вы поддержите меня! проговорилъ Костя.— Непременно поддержите! А то папа мнѣ не вѣрить!

— Въ чемъ?

— Да вотъ... Учитель мнѣ объяснялъ строеніе желудка и я рассказалъ папѣ, а папа сомнѣвается... Онъ думаетъ, что внутри человека большой мѣшокъ... Пища въ него входитъ и выходитъ... Я ему и книгу показывалъ, но папа не вѣрить!

Я невольно расхохотался. Я зналъ, что Твердолобовъ любить всегда все объяснять просто, но такой простоты я и отъ него не ожидалъ...

Рвзкій оглушительный храпъ, раздавшійся изъ сосѣдней комнаты, заставилъ меня вздрогнуть. Мальчикъ улыбнулся.

— Это папа... Онъ сейчасъ проснется!

Вслѣдъ затѣмъ раздался знакомый мнѣ голосъ: «квасу!» Я пошелъ въ кабинетъ. Твердолобовъ встрѣтилъ меня очень радушно, но самъ показался мнѣ совсѣмъ не такимъ, какимъ ожидалъ я его встрѣтить... Онъ былъ мраченъ и задумчивъ и, къ крайнему моему изумленію, на столѣ у него лежала открытая книга.

— Ну какъ живешь, какъ можешь!.. спросилъ я его, недоумѣвая такому виду пріятели.

— Могу, слава Богу, хорошо, но испытываю по временамъ не то что хандру, а какъ-бы тебѣ сказать... недоумѣніе.

— Недоумѣніе? Но вѣдь ты бросилъ политику?

— Бросилъ... Ну ее къ чорту!.. А все-таки меня беспокоятъ наши дѣла... И не могу я понять многого... Думалъ, думалъ, и съ женой совѣтовался, и съ Николашкой управляющимъ (мы съ нимъ на медвѣдя ходимъ) и ничего не придумалъ...

— Да ты насчетъ чего?..

— А вотъ присядь-ка, поговоримъ!

Мы присѣли и полковникъ грустно проговорилъ:

— Попалась мнѣ случайно книга... Не охотникъ я до печатнаго, однако одолѣлъ... И наткнулся я вотъ въ этой книгѣ, будто императоръ Александръ I, въ порывѣ горечи, замѣтилъ, что у него украли-бы весь флотъ, если-бы сіе возможно было сдѣлать...

— Но какое отношеніе имѣетъ книга къ твоему недоумѣнію?

— А такое, что и теперь, по правдѣ говоря, идетъ хищеніе... Пожалуй, и не меньшее... Объясни мнѣ, почему это?.. Неужто

люди столь испорчены и ни на кого нельзя положиться?.. Вѣдь я, напримѣръ, не стану воровать! прибавилъ съ самымъ серьезнымъ добродушіемъ полковникъ, не подозрѣвая, конечно, что цѣлый рядъ его предковъ въ свое время столько накрали, что избавили потомка отъ этого порока.—Строгости, что-ли, мало? Кажется, нынче, потачки не даютъ... Сейчасъ—вонъ... А все-таки... Если-бы я былъ министромъ, то я-бы больше всего преслѣдовалъ хищеніе... Въ двадцать-четыре часа судить-бы этихъ негодяевъ и всѣхъ-бы въ Сибирь! прибавилъ полковникъ, приходя въ негодование.

По правдѣ говоря, несмотря на такія похвальные желанія, я порадовался, что полковникъ могъ только въ мечтахъ своихъ расправиться въ двадцать-четыре часа. Въ головѣ моей невольно проносилась мысль: «Что если-бы такого несомнѣнно добраго и несомнѣнно глупаго дѣтину да назначить хотъ-бы исправникомъ... Каково-бы было жить при такомъ исправникѣ, оболтусъ?.. Какихъ-бы только онъ бѣдъ не натворилъ, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ!»

— Самъ-же ты говоривъ, что мѣры строгости приняты и все-таки...

— Вотъ я и недоумѣваю... Скажи, въ другихъ странахъ крадутъ?

— Крадутъ...

— Вотъ видишь—не въ одной Россіи! какъ-то весело подхватилъ онъ, и на его лицѣ снова появилась улыбка.

— Но только меньше и не такъ откровенно...

— Гдѣ-жъ, напримѣръ?..

— Да вездѣ: во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, въ Швеціи... мало-ли гдѣ?..

— Но почему-жъ тамъ меньше крадутъ?..

— А потому, что контроля больше... Общество смотреть... Печать работаетъ...

— Ну про печать ты мнѣ не говори... не повѣрю... И у насъ вонъ печать тоже судить... Этого нельзя...

— Но почему нельзя?..

— Принципъ страдаетъ...

— Какой принципъ?..

— Власти... И то газеты волю себѣ дали... Я даже думалъ, знаешь-ли, не лучше было-бы для успокоенія, всю эту дрянь прекратить на время... Оставить одинъ «Правительственный Вѣстникъ» и довольно!..

— Хуже будетъ!

— Хуже? Но вот газеты говорить о хищеніи, а развѣ оно прегращается отъ этого?..

— Когда говорить и какъ говорить!.. Говорить, когда уже хищеніе обнаружено...

— А за-границей?

— За-границей трубятъ о каждомъ пустякѣ... А случись крупный фактъ, такъ тамъ такой шумъ поднимается, что бѣда... Требуютъ суда, реформъ... Министровъ отдають подъ судъ... гласно, публично...

Твердолобовъ слушалъ все это, точно я рассказывалъ ему какую-нибудь сказку изъ Тысячи и одной ночи. Очевидно, всѣ эти пустяки были для него новостью.

— Министровъ... подъ судъ? А принципъ! повторялъ онъ слово «принципъ», засѣвшее ему, какъ гвоздь, въ голову.

— Принципъ выигрываетъ...

— Ну, извини, ты, братъ, не врешь-ли?.. проговорилъ Твердолобовъ, приходя все въ большее и большее недоумѣніе... Ну, положимъ, подъ судъ... Такъ неужели только потому...

— Есть и другія причины... Идеалы общественныя шире... Инициатива...

Но Твердолобовъ только хлопалъ глазами.

— Какіе идеалы?.. Это еще что за штука?.. Ты ужъ не морочить-ли меня пріѣхалъ?..

Я даже раскаялся, что вступилъ съ нимъ въ такой разговоръ. Для моего пріятеля самыя обыкновенныя понятія были тарабарской грамотой...

— Я думалъ, ты мнѣ объяснишь, а ты... идеалы... инициатива... Не бунтуешь-ли ты?.. Они, эта сволочь, то-же инициативой занимаются... Нѣтъ, другъ, все не то... Вѣры мало... бережливости нѣтъ... Людей трудно найти... Вотъ и я, по своему небольшому дѣлу, по хозяйству, и то не могу поручиться... Управляющій жечь—я ужъ вижу—приказчики мошенничаютъ... Просто не знаешь кому вѣрять!.. Батюшка Василий тутъ у меня по сосѣдству, спасибо онъ меня еще укрѣпляетъ вѣрой въ Промыслъ... И въ самомъ дѣлѣ какъ подумаешь, то рѣшишь, что лучше вовсе не думать! заключилъ свою исповѣдь полковникъ...

— Да ты и не думай.

— Нельзя... По неволѣ обязанъ, хоть и не люблю я думать... Своимъ имуществомъ долженъ-же я управлять!.. Иначе того и гляди, расхитятъ...

Много еще говорилъ полковникъ на эту тему, хотя и говорилъ, по обыкновенію, не совсѣмъ связно и безъ особой логи-

ки, такъ-какъ связать нѣсколько понятій ему, очевидно, было затруднительно.

По счастью доложили, что обѣдъ поданъ и мой пріятель просвѣтлѣлъ. Мысли его приняли другой оборотъ и весь-обѣдъ онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа.

На другой день онъ снова былъ веселъ и я порадовался за него, такъ-какъ и мнѣ было какъ-то легче бесѣдовать съ нимъ при такомъ настроеніи. Я прожилъ у него цѣлую недѣлю и мы ни разу не говорили о политикѣ. Только, прощаясь, онъ замѣтилъ:

— А я, знаешь-ли, больше не сомнѣваюсь и не хандрю...

— И отлично дѣлаешь... Что тебѣ хандрить?

— Меня отецъ Василій укрѣпилъ...

— Какимъ образомъ?..

— Сказалъ, что смущаться умомъ не хорошо... Все, говорить, въ рудѣ Божіей... Слушайся велѣній Его и ни о чемъ другомъ не думай... И посовѣтовалъ ничего печатнаго не читать... А то мнѣ попалась на глаза газета, гдѣ описывались таганрогскія хищенія... я и смутился.. Отнынѣ приказалъ—газетъ не допускать... Такъ-то лучше... Повѣрь мнѣ.

И онъ засмѣялся такъ сочно, добродушно и глупо, что даже лакей какъ-то пугливо взглянулъ на барина; я поспѣшилъ скорѣй освободиться изъ его объятій и уѣхать изъ этого урючнаго уголка, гдѣ разсчитывалъ освѣжиться отъ петербургской сутолоки. Слава Богу, еще, что полковникъ добровольно отъвазился отъ политики и уѣхалъ въ свое курское помѣстье.. А вѣдь и онъ когда-то мечталъ осчастливить если не всю Россію, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ департаментовъ?

V.

Таганрогское хищеніе смутило, впрочемъ, не одного полковника, хотя, казалось-бы, послѣ лѣсныхъ покражъ, смущаться особенно было нечего. Но по обыкновенію мы сдѣлали видъ, что удивились и, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ для многихъ это было такою-же неожиданностью, какъ и самое обнаруженіе этого дѣла. Если вѣрить газетамъ, оказывается, что давно уже многогіе чиновники въ Таганрогѣ обращали на себя вниманіе неумѣреннымъ образомъ жизни, но это никого не удивляло, тѣмъ болѣе, что вѣдь таможенные чиновники могли и въ лотерею выиграть, каждый по двѣсти тысячъ. И если-бы не доносъ какаго-то обиженнаго при дѣлѣжъ мелкаго чиновника,

то и теперь хищеніе продолжалось-бы себѣ безпрепятственно и предметы ввоза оплачивались-бы уменьшенной пошлиной. По словамъ корреспондента «Голоса», дѣло возникло изъ-за того, что

„въ ноябрѣ прошлаго года, временный одескій генералъ-губернаторъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, получивъ частное письмо о большихъ злоупотребленіяхъ въ нашей таможнѣ, просилъ министра финансовъ о командированіи нѣсколькихъ вполне благонадежныхъ и знающихъ хорошо таможенное дѣло чиновниковъ. Просимые чиновники были присланы въ Одессу: управляющій радзивиловскою таможеню, статскій совѣтникъ Зиневъ, помощникъ инспектора таможенной пограничной стражи, полковникъ Озеровскій, и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ, статскій совѣтникъ Палтовъ. Къ нимъ князь Дондуковъ-Корсаковъ присоединилъ двухъ, состоящихъ въ его распоряженіи, чиновниковъ Рогге и Гаккеля. Всѣ они, 19-го ноября 1881 года, отправились въ Харьковъ. Прибывшія въ Одессу первыя три лица узнали о мѣстѣ, куда они слѣдуютъ, только въ Харьковѣ, когда имъ пришлось пересаживаться на поѣздъ, отходящій въ Таганрогъ, куда они и прибыли 21-го ноября. Черезъ часъ по прибытіи поѣзда, они были уже въ таможнѣ и приступили къ выполненію своей мисіи, только тамъ, въ таганрогской таможнѣ, имъ воплію выясненной.

Первыя шаги ихъ были трудны. Первые нѣсколько дней разслѣдованія не дали тѣхъ результатовъ, какіе ожидались и обнаружались уже впоследствии: настолько были сильны оплотъ и настолько дѣло велось чисто съ формальной стороны. Растерявшіеся-было сначала таможенные чиновники стали успокаиваться. Особенно ихъ ободрилъ корабельный смотритель Кузовлевъ, экстренно возвратившійся изъ Петербурга и рассказавшій, что два дня всего, какъ онъ былъ въ департаментѣ и что начальство, попрежнему, благоволитъ и ни о какой слѣдственной комиссіи не было помина. Словомъ, едва-ли не сопоставили дѣйствующую комиссію съ королевскимъ ревизоромъ! Управляющій таможеню распорядился уже изготовить журналъ о допущеніи Кузовлева къ должности...

Но и комиссія не дремала. Съ большимъ трудомъ собранныя данныя указывали пути для дальнѣйшаго раскрытія преступленія. Не успѣли окончить переписку журнала, какъ получена телеграмма изъ Петербурга: „Немедленно уволить отъ должности корабельнаго смотрителя Кузовлева“. Съ этого момента наши чиновники повѣсили носы, и слѣдственной комиссіи уже легче было идти шагъ-за-шагомъ по пути раскрытія неправильныхъ дѣйствій чиновниковъ таможни. Точно прорвался мѣшокъ и оттуда посыпались орѣхи! Частныя лица были болѣе словоохотливы, да и нѣкоторые чиновники стали болѣе развязными въ смыслѣ разъясненія существовавшихъ порядковъ. Оказалось, что этотъ корабельный смотритель былъ одинъ изъ главныхъ проводниковъ сложной машины явнаго казнокрадства. Приванный къ отвѣту комиссіей, онъ повинился, рассказалъ многое изъ дѣйствій этой машины, но отъ отвѣта на вопросъ: кто изъ старшихъ и въ какомъ видѣ участвовалъ въ этомъ правильно организованномъ мошенничествѣ?—почтительнѣйше просилъ его уволить. „Я во всемъ виноватъ и больше нѣтъ“.

Изъ дальнѣйшихъ газетныхъ сообщеній, читатели узнали, что извѣстный богачъ-негоціантъ Вальяно и менѣе крупный негоціантъ Мариолаки арестованы, какъ виновные въ неоплатѣ пошлинъ, и что убытковъ казнѣна считается до 20 милліоновъ. Позднѣйшія извѣстія, впрочемъ, говорятъ, что г. Вальяно выпущенъ

и внесъ залогъ миллионъ рублей и что будто-бы одинъ изъ важныхъ свидѣтелей скоростижно умеръ въ тюрьмѣ.

По словамъ корреспондента въ таганрогской таможенѣ существовалъ систематическій пропускъ громаднаго количества товаровъ, не оплаченныхъ пошлиной.

„Провозили безпошлинно такіе товары, какъ чай, масло, вино и пр. За масло брали пошлину только за половину, за чай—за четверть присланнаго и подлежащаго досмотру товара. Покажу одинъ примѣръ: одинъ тѣкъ, или одно мѣсто чая состоитъ изъ двухъ полуящичковъ, или четырехъ четвертящичковъ. Въ коносаментѣ написано 50 ящичковъ (или 200 четвертящичковъ); очевидно, заграничные отправители были научены, какъ должны были писать на коносаментахъ. Подается объявленіе въ таможену, простовляется тоже число ящичковъ 50 и берется пошлина за 50 ящичковъ. Повидимому, все въ порядкѣ; а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, далеко нѣтъ. Ящики полные, или мѣста, состояща изъ четырехъ частей, вскрывались, брались изъ числа ихъ 50 четвертныхъ ящичковъ для оплаты пошлиною, остальные 150 вывозились безпошлинно. Какъ съ масломъ, такъ поступали и съ другими жидкими вещами: присылались непременно въ одной партіи бочки разной мѣры; малая мѣра жертвовалась въ казну, а большая шла мимо. Одна половина причитающейся пошлины шла въ пользу чиновниковъ, другая купцу—получателю товара“.

Все это, собственно говоря, въ общихъ чертахъ давно было извѣстно большинству обывателей, какъ и извѣстны были всѣмъ способы пріобрѣтенія состоянія г. Вальяно и многими тамошними коммерческими тузами съ островомъ Архипелага. Но всѣ ему кланялись, этому миллионеру юга, который, по недоразумѣнію только, давнымъ-давно не носилъ бубноваго туза на спинѣ. Да и одинъ-ли г. Вальяно?.. Кто былъ на югѣ, тотъ знаетъ, какой организованный грабежъ существуетъ тамъ подъ названіемъ хлѣбной торговли и—нужно-ли прибавлять—что жертвой этого разбоя были, разумѣется, главнымъ образомъ мужики.. Объ этомъ, впрочемъ, писалось не разъ и повторять это надобно. На югѣ ходятъ рассказы, похожіе на легенды, о томъ, какъ составлялись тамъ состоянія... И въ этихъ легендахъ обыкновенно бываетъ все, что нужно для самой бульварной мелодрамы.

Точно также ни для кого не было новостью, за исключеніемъ только начальства, что таможенные чиновники берутъ взятки. Эти взятки платились чуть-ли не гласно разъ въ годъ всѣми конторами. Такса даже была установлена: за проходъ каждой баржи платилось по рублю... Да и одни-ли таможенные чиновники повинны въ этомъ? Въ бойкихъ торговыхъ городахъ платить не только всѣмъ агентамъ администраціи, но и агентамъ частныхъ службъ, на примѣръ, агентамъ желѣзныхъ дорогъ... Все это, конечно, всѣ знали и находили вполне естественнымъ. Въ

обществѣ, гдѣ инстинкты изменены и развращены извѣстными условіями, другого отношенія и быть не можетъ. Напротивъ, тѣ немногія личности, которыя идутъ противъ теченія, считаются вредными, безпокойными людьми...

Это старая, давнымъ-давно всѣмъ извѣстная пѣсня... Теперь, конечно, поднялся шумъ... Теперь и самъ Марко Вальяно, передъ которымъ лебезила даже «независимая» часть общества,—является такимъ «злodeмъ», какого свѣтъ не создавалъ...

Но шумъ пройдетъ, виновные потерпятъ наказаніе и, чего добраго, снова народятся «злodeи», которые, въ ожиданіи новаго погрома, будутъ величаться «нашими просвѣщенными и полезными гражданами» и снова новое хищеніе поразитъ неожиданностью людей, подъ носомъ у которыхъ оно происходитъ...

Объ этомъ противно даже и говорить...

Откровенный Писатель.

ВАРЕЛОМЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗАЙЦЕВЪ.

Недавно изъ Кларана, въ Швейцаріи, получено было печальное извѣстіе о смерти Вароломея Александровича Зайцева.

Это былъ одинъ изъ даровитыхъ и крупныхъ литературныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, хорошо знакомый читателямъ „Русскаго Слова“, въ которомъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ, во все время существованія журнала подъ редакціей Благосвѣтлова.

Рыцарь благородства, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, никогда не шедшій на компромиссъ, Вароломей Александровичъ былъ однимъ изъ тѣхъ литераторовъ, которые высоко держатъ свое знамя въ рукахъ и хранятъ въ чистотѣ свои идеалы, не поступаясь ими ни на іоту... Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ уѣхалъ за-границу. Тамъ онъ занялся спеціально изученіемъ исторіи и время отъ времени погѣщалъ свои статьи въ „Дѣль“ и въ „Отеч. Зап.“. Жилъ онъ за - границей уроками, перебывая съ трудомъ, и умеръ, оставивъ жену и дочь, разубѣтясь, безъ всякихъ средствъ.

Въ ближайшей книжкѣ нашего журнала мы погѣстимъ подробный некрологъ Вароломея Александровича, этого благороднѣйшаго и симпатичнаго представителя литературы шестидесятыхъ годовъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ВНИЖКИ.

- На всемірномъ поприщѣ. Очеркъ. . . *Л. Мечникова.*
За правду. Романъ. (Главы V—VII). *Карла Францога.*
Очеркъ возрѣній на общественную
науку *Я. Ч—ий.*
Депутатъ либеральной партіи. Ро-
манъ. (Главы VI—IX). . . . *Роберта Бира.*
Австрія послѣ вѣнскаго конгресса. *С. Шапикова.*
На Маякѣ. Разсказъ *Генриха Сенкевича.*
Иностранецъ Липатка и помѣщикъ
Гудѣлкинъ. (Изъ записокъ сте-
пняка). *Ал. Эртеля.*
Въ поляхъ. (Эскизы памяти Н. А.
Некрасова). Стихотвореніе. . . *Мартова.*
Конецъ Невѣдомой улицы. (Окончаніе). *М. Альбова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Народъ въ литературныхъ эскизахъ. *М. Цебриковой.*
Реформа крестьянскихъ учрежденій. *Б. Л.*
Народъ и общество *З.*
Журнальныя замѣтки *Ф. Рѣшимова.*
Внутреннее обозрѣніе. *Н. Ш.*
Квериналъ и Ватиканъ. (Политиче-
ская и общественная хроника). *Жика.*
Картинки общественной жизни . . *Откровеннаго Писателя.*
Вареоламей Александровичъ Зайцевъ.
(Некрологъ).
-

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмекъ. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики). Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Ипполита Ньево. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Д-ж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб.; съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 коп.; съ перес. 1 р. 50 к.

Витъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Альботъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе чловѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстого. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Потѣхина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра И. П. Айрленда съ предисловіемъ проф. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго; съ рисунками и съ генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к.; съ пересылкою 3 руб.

Происхожденіе чловѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составлющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Россея Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабо-

чей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. съ приложеніемъ „*Военной системы*“ д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по гѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДВЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

Открыта подписка на 1882 годъ (изданія годъ второй).

БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЧЕСКИХЪ и УГОЛОВНЫХЪ РОМАНОВЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Москвѣ безъ дост. 7 р., а съ дост. и перес. 8 р. 50 к. На полгода подписка не принимается. Чиновники, представившіе ручательство казначеевъ, могутъ получать журналъ съ разсрочкой платежа помѣсячно.

Всѣ подписчики на 1882 г. получаютъ между октябремъ и декабремъ отъ 17 до 25 даровыхъ приложеній, въ числѣ которыхъ будутъ двѣ хорошія олеографическія картины.

Иногородные должны адресоваться исключительно: въ Москву, въ контору редакціи журнала „БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКИХЪ И УГОЛОВНЫХЪ РОМАНОВЪ“, близъ Большой Никитской, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, д. № 292.

Всѣхъ книгъ въ годъ выходитъ двѣнадцать.

БИБЛИОТЕКА за 1881 годъ разошлась и въ продажѣ болѣе не имѣется.

Отъ 17 до 25 хорошихъ премій и приложеній.

О ПОДПИСКѢ
НА
ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“
НА 1882 ГОДЪ.

«Сынъ Отечества» — газета политическая и литературная, издается без предварительной цензуры, выходитъ ежедневно, въ форматѣ большого листа; воскресный № состоитъ изъ двухъ листовъ, посвященныхъ преимущественно беллетристическѣ, съ карикатурами.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) *Внутренній отдѣлъ.*
- 2) *Иностраннйй отдѣлъ.*
- 3) Статьи по отраслямъ наукъ, искусствъ, художествъ и ремесль.
- 4) Критика, журналистика, библиографія.
- 5) *Беллетристическйй отдѣлъ:* Романы, повѣсти, рассказы, и пр.
- 6) Запѣтки и наблюденія изъ общественной жизни.
- 7) Провинціальная лѣтопись.
- 8) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.
- 9) Биржевыя и торговыя извѣстія и курсы.
- 10) Зрѣлища, желѣзныя дороги.
- 11) Каррикатуры.
- 12) Смѣсь.
- 13) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

Независимо отъ сего, редакція съ 1881 г. начала прилагать при „Сынѣ Отечества“ рисунки Дорэ.

Войдя въ соглашеніе съ книгопродавцемъ-издателемъ М. О. Вольфомъ, редакція „Сына Отечества“ рѣшилась съ 1-го января 1881 года начать прилагать при воскресныхъ номерахъ „Сынъ Отечества“ тѣ превосходиме рисунки знаменитаго французскаго художника Дорэ, которые приложены г. Вольфомъ къ изданной имъ на русскомъ языкѣ Библии—одному изъ самыхъ роскошныхъ и художественныхъ изданій въ Россіи, но соотвѣтственно тому и стоящему дорого. Редакція приобрѣла для подписчиковъ „Сынъ Отечества“ право на **всѣ 230 рисунковъ**, которые и намѣрена приложить при газетѣ всѣ въ теченіи 4-хъ лѣтъ, выпуская отъ 52 до 60 рисунковъ каждый годъ.

До сихъ поръ разосланы подписчикамъ слѣдующія картины художника Дорэ:

Благовѣщеніе. Рождество Христово. Маги, путеводимые чудесною звѣздою и Бѣгство во Египеть. Убіеніе невинныхъ младенцевъ. Отрожь Іисусъ среди учителей иудейскихъ. Крещеніе Іисуса Христа. Проповѣдь Св. Іоанна Крестителя. Испушеніе Спасителя отъ діавола. Бракъ въ Капѣ Галилейской. Іисусъ и Самарянка. Іисусъ въ синагогѣ назаретской. Проповѣдь Іисуса Христа у моря Галилейскаго, Чудесный ловъ рыбы, Іисусъ проповѣдуетъ народу и Іисусъ исцѣляетъ больныхъ. Нагорная бесѣда. Укрощеніе бури. Какощася Марія Магдалина и Воскрешеніе дочери Іанра. Христосъ исцѣляетъ нѣмага бѣсноватаго. Іисусъ Христосъ защищаетъ учениковъ, срывающихъ колосья въ субботу. Іисусъ Христосъ идетъ по водамъ и Чудесное умноженіе

хгбвовъ. Преображеніе Господне. Иаѣземіе бѣснаго отрока. Добрый самарянинъ и Прибытіе добраго самарянина въ гостинницу. Іисусъ у Марыи Маріи. Возвращеніе блуднаго сына. Встрѣча блуднаго сына отцомъ и Лазарь и несчастный богачъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ:		ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ:	
	Съ дост. въ Петер. по город. почтѣ.		Съ пересыл- кою.
На годъ	7 руб.	На годъ	8 руб.
На полгода	3 " 60 к.	На полгода	4 " 25 к.
На 3 мѣсяца	2 " — "	На 3 мѣсяца	2 " 75 "
На 1 мѣсяць	— " 75 "	На 1 мѣсяць	— " 75 "

Подписная цѣна за границею съ пересылкою 16 р.

Желающіе получать картины, иногородные подписчики доплачиваютъ одинъ руб. и двадцать коп. за пересылку; Городскіе-же получаютъ картины въ конторѣ редакціи и платятъ только одинъ рубль. Новые подписчики на газету, равно и тѣ изъ прежнихъ подписчиковъ, которые пожелали бы теперь получить рисунки за 1881 годъ, могутъ получить ихъ и на упомянутыхъ условіяхъ. Причемъ отдѣльной продажи рисунковъ для неподписчиковъ газеты нѣтъ, точно также рисунковъ не могутъ получать тѣ изъ годовыхъ подписчиковъ, которые почему-либо прекратятъ выписку газеты. Имъ рисунки будутъ выданы только за то время, какое они получали газету.

Подписка на газету «Сынъ Отечества» принимается *исключительно* въ главной конторѣ, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ Почтамтской улицѣ, дошъ № 4, куда и просятъ обращаться какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ГУСЛИ“

выходитъ въ Тифлисѣ еженедѣльно, подъ редакцію И. Ф. Тхоржевскаго, при постоянномъ участіи А. И. Пальма. Карикатуры и рисунки М. М. Чегоданова и Струны (псевдонимъ).

Подписная цѣна, съ пересылкою: на годъ 8 р. 50 к., на полгода 5 р.

Въ Петербургѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Эмилъ Гартъ (Невскій, 27), Мамонтова (Большая Садовая, 12), Газеты „Новости“ (Невскій, 44) и Мартынова (Невскій, 46).

Розничная продажа (по 20 к. за экземпляръ) производится въ тѣхъ-же книжныхъ магазинахъ и въ *Конторѣ розничной продажи* (Караванная, 5).

Иногородные обращаются прямо: Въ Тифлисѣ, въ редакцію журнала „Гусли“.

Редакторъ-издатель Ив. Тхоржевскій.

ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНИКЪ“

выходить 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ 4 тома въ 20 и болѣе печатныхъ листовъ каждый, со многими рисунками въ текстѣ и отдѣльными картинками.

Въ „РОДНИКЪ“ участвуютъ слѣдующія лица: *В. П. Авенариусъ, М. Н. Альбовъ, Е. Н. Александрова (псевд.), П. Ю. Арнольдъ (композиторъ), А. С. Баллицкая, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. Бемъ, Н. А. Бьлззерская, П. В. Быковъ, Н. П. Вагнеръ (профессоръ), П. И. Вейнбергъ, Х. Я. Гоби (профессоръ), А. П. Далано, С. Д. Дрожжикъ, К. В. Ельницкій, А. Н. Зарница (псевд.), А. Д. Львова, Л. П. Лотрекъ, Н. Н. Карзинъ, А. В. Кружловъ, Ор. О. Миллеръ (профессоръ), В. М. Михайловъ, А. Л. Плещеевъ, Н. И. Позняковъ, Я. П. Полонскій, Л. К. Поповъ, Д. А. Рубинъ, А. Г. Сахарова, Е. П. Свѣшниковъ, д-ръ Я. Симоновичъ, Н. И. Северинъ, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, В. М. Сорокинъ, С. А. Тэнко (псевд.), М. Б. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ), д-ръ А. В. Щербакъ.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Журналъ „РОДНИКЪ“ безъ приложенія, съ доставкой и пересылкой 5 рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербурѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „Родникъ“, Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница **Е. СЫСОВА.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимается.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣло“.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала „Дѣло“ по субботамъ отъ 2—5 часовъ; по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ДЪЛО“

въ 1882 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редаціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

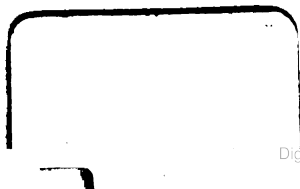
Редація считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 „ —
Съ пересылкою иногороднымъ	17 „ —
„ за-границу, во всѣ госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 „ —

Издатели: насл. Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА. Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 675